А. Грачев

Тайна Красного озера

Падение Тисима-Ретто

Амурское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

Рисунки *С. А. Киреева*

Переплет, титул, шмуцтитулы
А. И. Шаварда

АЛЕКСАНДР МАТВЕЕВИЧ ГРАЧЁВ

ТАЙНА КРАСНОГО ОЗЕРА. ПАДЕНИЕ ТИСИМА-РЕТТО

Амурское книжное издательство, Благовещенск, Интернац. пер., 13.

Редактор А. В. Москаленко. Художественный редактор П. К. Пустовой. Технический редактор Г. М. Филатова. Корректор В. Н. Кукушкина.

Сдано в набор 9/XI-1959 г. Подписано к печати 4/II-1960 г. Формат 84×108/32. Бум. л. 8.5, печ. л. 17, усл. печ. л. 27,88, авт. л. 29,5, уч.-изд. л. 30,83. Тираж 75 000 (1—35 000). Заказ № 8571. Цена в переплете 10 руб. 75 коп.

Типография «Амурская правда», г. Благовещенск, ул. Ленина, 179.

Тайна красного озера

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Легенда о Джагмане

Летом 1936 года автору этих строк случилось плыть с орочем Канчунгой и его сыном Насеком на бату вниз по таежной реке Хунгари. Мы пробирались из далекого и единственного на всем протяжении этой реки орочского стойбища Кун к Амуру. Расстояние в двести пятьдесят километров мы прошли за трое суток — так стремительно мчало нас течение. О том, как умело и искусно вел Канчунга бат мимо заломов из коряг и плавника, через водовороты у подножий отвесных скал, через бурные, круто падающие перекаты, можно было бы написать интересный рассказ, но речь пойдет не об этом. В памяти на всю жизнь остались легенды, рассказанные Канчунгой во время пути.

Легенда о Джагмане — и именно это поразило меня потом — оказалась связанной с некоторыми реальными событиями, послужившими основой настоящей повести. Канчунга рассказал эту романтическую историю вечером у костра на первом нашем ночлеге. Низкорослый, коренастый, с суровым волевым лицом, опаленным ветрами долгих таежных странствий, он говорил без внешней выразительности, но с таким волнением, как будто все, о чем шла речь, он пережил сам. Старик сидел на кабаньей шкуре, поджав под себя ноги, неотрывно смотрел на огонь и покачивался в такт рассказа...

— «Это было очень-очень давно, когда лесные люди, орочи, еще жили в теплых краях, где не бывает зимы. Дружно, как надо, жили орочи. Вместе охоти-

лись, вместе рыбу ловили, и было у них вволю мяса, и рыбы, и звериных шкур.

Жил в одном стойбище ороч по имени Джагман. Был он самым быстроногим, самым сильным, самым ловким и храбрым. Он умел находить в земле железо и ковать из него ножи, копья, топоры — все, что нужно для охоты. Больше всех добывал Джагман зверя и рыбы.

Хозяином того стойбища был шаман Киломдига. Никого из людей не любил шаман, кроме своей дочки Эльги. А была она красавица, какой не сыскать.

Хорошее к хорошему всегда лепится: полюбил Джагман Эльгу так, что жить без нее не может. Но шаман Киломдига не отдавал дочь Джагману.

Джагман не признавал шамана, не верил в его волшебную силу, насмехался над его камланьями и один из всего рода не склонял головы, когда говорил шаман.

Сильно Джагман тосковал по Эльге и думал только об одном: как взять ее себе в жены? Большой выкуп предлагал за нее шаману: десять котлов медных, много халатов богатых и вещей дорогих, на которые с завистью смотрели сородичи Киломдиги. Но шаман и глядеть не хотел на Джагмана и его дары.

— Перед всем народом поклонись мне в ноги, — сказал Киломдига Джагману, — тогда получишь Эльгу. Подходя ко мне, не смей в глаза смотреть, гляди вниз, недостоин ты на меня смотреть.

Ушел Джагман из фанзы Киломдиги, не захотел склонить голову перед обманщиком.

В скором времени нагрянула на орочей страшная болезнь. Один за другим целыми семьями умирали люди. Принялся Киломдига шаманить, чтобы отогнать от стойбища беду. День и ночь бил в бубен у постели больных. Все дорогие вещи перешли в его фанзу. Но сколько ни шаманил, люди в стойбище умирали каждый день, смерть гуляла по стойбищу, в каждой фанзе был слышен плач.

Тогда сказал людям Джагман:

— Нужно уходить с этого места. Бросить все, кроме оружия, и уходить!

Послушались орочи и пошли за ним. Ушли с проклятого места, и болезнь больше не преследовала их. Вел Джагман орочей, а позади них плелся Киломдига.

Долго шли орочи. Много раз солнце всходило из-за гор и уходило, вновь прячась за них. Трижды луна ро-

дилась за это время. А орочи все шли. И вот достигли они большой реки. Остановился на берегу Джагман и велел расположиться стойбищем. Рыбы в реке было много, рядом — тайга, а в ней неисчислимое множество зверя. И все орочи сказали:

— Лучшего места не найти!

Стали орочи жить в новом стойбище.

Но не успели шалаши орочей закоптиться, как шаман Киломдига призвал к себе сородичей и сказал:

— Пришла со мной та болезнь, и я скоро умру. Уходите прочь. Жены и дети мои останутся со мной. Они тоже умрут...

Поверили орочи шаману и пошли дальше, напуганные страшной болезнью. Но Джагман в скором времени вернулся: не мог он уйти совсем, не повидавшись еще раз с Эльгой. Подходит он к шалашу Киломдиги, а там пир горой. Киломдига песни поет, похваляется, что удачно провел Джагмана, что теперь сам он тут хозяин.

Вошел тогда Джагман в шалаш Киломдиги. Шаман говорит ему:

— Боги смилостивились надо мной и над моими детьми— ушла болезнь! Садись к очагу, Джагман! Сыном моим будешь...

Не верит Джагман доброте Киломдиги, но к очагу присел. Загляделся он на Эльгу, и тут кинулся шаман на него с ножом. Не миновать бы смерти Джагману, да Эльга выбила нож из руки отца. Связал Джагман шамана, а Эльгу послал орочей воротить.

Вернулись орочи. Рассказал Джагман, как обманул их Киломдига. Подумали-подумали орочи и сказали шаману:

— Уйди от нас, злой человек! Как можешь ты жить вместе с нами, если думаешь только о себе?

Прогнали шамана. А Эльга стала женой Джагмана.

Хорошо зажили орочи, счастливо. Они называли храброго Джагмана хозяином стойбища и говорили, что никогда еще не было такого хорошего хозяина: и старики, и дети, и женщины были всегда сыты. На всех хватало и мяса, и рыбы, и звериных шкур. Себя Джагман не жалел, о сородичах думал.

А шаман словно в воду канул. Думали орочи, что растерзали его дикие звери в тайге. Но прошло много времени, и Киломдига вернулся в стойбище. Только вернулся

не один. Привел с собой чужих людей в камышовых панцирях и отдал им стойбище на разорение. Врагов было много. Они убивали мужчин, стариков, детей, а женщин брали себе в жены.

Долго бились орочи с людьми в камышовых панцирях. И увидел Джагман, что не одолеть врагов. Собрал он свой род и сказал:

— Надо уходить в тайгу. Там не достанут нас враги.

И пошли орочи в дремучую тайгу. Все дальше уходили они от большой реки. Кончились мелкие сопки, пошли горы. Вот и лес поредел, высокие скалы обступали орочей. А люди в камышовых панцирях все шли по следам. Плясал Киломдига, бил в бубен и призывал на помощь чужим людям злых духов.

Видят орочи: идти дальше некуда — впереди неприступные скалы. Остановились они у тех скал и стали биться. Засыпали враги племя Джагмана стрелами. Словно черная туча, затмили стрелы солнце, не стало видно бежавшую в ущелье реку.

Покрылись скалы кровью орочей. Все меньше оставалось их, а люди в камышовых панцирях прошли уже в ущелье и заполнили его с обоих концов.

Кричал Киломдига, бубном потрясая:

— Покорись, Джагман!

Понял Джагман, что пришел конец ему и его роду, и тогда крикнул:

— Пусть скалы навеки похоронят меня! Никогда еще не гнул я спину перед обманщиком!

Потом повернулся к горе и прокричал:

— Гора, гора, обрушь на меня свои скалы, и пусть вместе с моим родом погибнут под камнями лютые враги.

И он ударил своим копьем в скалы. Начали они рушиться. Три дня рушились скалы. Гром великий грохотал вокруг. Тряслась земля так, что в реках расплескалась вода. Черная туча поднялась над ущельем.

Погибли Джагман и храбрые его воины. Но не уцелели и люди в камышовых панцирях, и стала в ущелье вода красная от крови Джагмана...

Теперь это место называется Сыгдзы-му — Красная вода. Одни лишь злые духи живут там. Беда человеку, который забредет туда, — он уже никогда не вернется обратно...»

Канчунга умолк и некоторое время задумчиво продол-

жал смотреть на огонь. Потом улыбнулся и пояснил извиняющимся тоном:

— Так говорит сказка. А в старых наших сказках всегда бывает страшный конец и всегда говорится про злых духов.

— Есть ли в самом деле такие места в тайге? — спросил я ороча.

— Кто знает!.. Старики говорят, будто есть, вон там, — и Канчунга указал в аспидную темень ночи, куда-то на юго-восток, за реку.

Со всех сторон нас обступала темная тишина. Ночь показалась жуткой и таинственной...

Часть первая
ПО СЛЕДУ

Глава первая

Бивуак на перевале. — Ночная гроза. — Сборы в путь.— Отец и дочь. — Поиски стойбища. — Дебри Сихотэ-Алиня. — Предыстория экспедиции. — Встреча в тайге.

После четырех дней пути караван остановился бивуаком на перевале. Уже затемно отряд достиг вершины. Спуск на ту сторону хребта оказался опасным, надвигался дождь с грозой, и путешественники не рискнули продолжать движение. И только-только успели устроиться, как разразилась гроза. При ослепительных вспышках молний тревожно ржали и метались у коновязи лошади, ветер бешено рвал палатки, хлопая натянутой парусиной. Люди провели без сна много часов. Только за полночь гроза стала стихать, и изыскатели уснули.

Утром первыми проснулись повар и фельдшер Игнат Карамушкин. Он с усилием открыл крышку своих огромных охотничьих часов, близоруко посмотрел на циферблат и, зевнув, спросил повара:

— Как думаете, проснулся профессор?

— Не понимаю, что вы пристаете к нему каждое утро

со своим градусником? — проворчал тот в ответ. — Ведь это даже неприлично.

— Вы считаете? Но что поделаешь! Мне так приказано. И потом вы странно рассуждаете, Василий Егорович, — с укоризной добавил фельдшер и стал зачесывать назад свои редкие рыжие кудри. Худое и острое лицо его с раскосыми, часто мигающими глазами стало серьезным. — Крупный ученый, человек в престарелом возрасте... Да вы понимаете ли, как нужно оберегать его здоровье?! А условия какие?

Фельдшер вышел, встряхивая термометр. К палатке профессора он приближался неслышно. Здесь остановился, затаив дыхание, стал прислушиваться. Ему показалось, что он услышал легкое дыхание дочери профессора, Анюты...

— Это вы там, Карамушкин?

Фельдшер вздрогнул. Оказывается, начальник экспедиции уже встал.

— Заходите.

Карамушкин робко откинул полог, боком протиснулся в палатку и прошептал:

— Доброе утро, Федор Андреевич. Как спали, как чувствуете себя?

— Благодарю. Давайте ваш градусник. Это что же, так будет каждое утро?

— Видите ли, Федор Андреевич, — смущенно заговорил Карамушкин. — Мне так приказано. Я головой... — Увидев, что Анюта заворочалась в своем спальном мешке, он перешел на самый тихий шепот: — Я головой отвечаю за ваше здоровье, Федор Андреевич.

Бивуак ожил. Дымил костер, люди просушивали и скатывали вьюки, готовясь к новому переходу по бездорожью. Ожил и лес. Веселое пенье птиц, звонкий стрекот кедровок, бодрящий прохладный воздух утра быстро разгоняли сон людей.

Перед тем как разбудить дочь, Федор Андреевич Черемховский по-хозяйски осмотрел лошадей, проверил упаковку вьюков, закладку продуктов в котел, перекинулся несколькими словами со старым таежником-проводником Пахомом Степановичем, пока тот старательно и искусно обматывал ноги портянками и надевал охотничьи бродни, потом вернулся в свою палатку, с минуту посидел у постели спящей дочери, любуясь ее беззабот-

ным лицом, пышущим свежим румянцем, и мягкой прядкой темных волос на лбу.

Старый геолог понимал, что не следует слишком баловать Анюту, ставшую уже настоящим геологом, что чрезмерная опека мешает воспитанию в ней самостоятельности и выносливости, но чувства часто брали верх над сознанием. С трудом пересиливая себя, он осторожно потрогал плечо девушки. Та открыла глаза и спросила с легким испугом:

— Вставать? — быстро провела ладонью по глазам, огляделась: — Все уже встали? Как нехорошо...

— Ну, ну!.. — добродушно загудел отец, топорща свои густые усы и забавно хмуря широкие щетки седых бровей. — В следующий раз разбужу тебя первой, а теперь поторапливайся. Захватишь мое полотенце, вместе пойдем умываться.

Все уже сидели за завтраком, когда из-за ломаной туманной линии далеких хребтов брызнуло солнце.

— Знаешь, папа, — сказала Анюта за завтраком, — смотрю я на этот чудесный восход, на панораму тайги и думаю: стоило стать геологом даже ради того, чтобы так вот близко соприкоснуться с природой. Я думаю, что от этого у человека должен воспитываться сильный, благородный характер... Меня вот пугает каждый шорох в тайге, а хочется быть такой, как Пахом Степанович! Ты, папа, не опекай меня, пожалуйста, как маленькую. Хорошо?

— Нельзя постичь всего сразу, Анюта, — серьезно ответил отец. — Это придет с годами, с опытом. Наши поисковые работы впереди, нас ждут многие трудности; и я буду рад, если это не убьет в тебе любви к тяжелому труду геолога. Для первого похода тебе необходимо...

Дочь с улыбкой перебила его:

— Помнишь, папа, ты как-то рассказывал, что у северных людей в старину был жестокий обычай — бросать новорожденного в снег: выживет — настоящим человеком будет, не выживет — значит, не приспособлен, не стоило ему жить. Я не прошу, чтобы ты так же поступил со мной. Я уже взрослая. Но ведь надо же, чтобы я была не папенькиной дочкой, а настоящим геологом!

— Удивляюсь, дорогая, в кого ты такая сварливая.

— В папочку!

В темных, чуть скошенных глазах девушки прыгали веселые, озорные огоньки.

— Неправда, геолог Черемховский гораздо сговорчивее, — ворчливо ответил отец.

Перед тем как тронуться в путь, — лошади были уже навьючены — профессор Черемховский и проводник Пахом Степанович стояли у края спуска, прокладывая маршрут на местности. Внизу лежало бескрайное море тайги. До самых синих хребтов, залитых лучами утреннего солнца, простирались увалы, покрытые сплошными зарослями смешанного леса. Над ними плавала тонкая, почти прозрачная пелена утреннего тумана. Только в одном месте среди темно-зеленой массы леса серебрилась полоска воды.

— Она. Хунгари, — с уверенностью заметил проводник.

— А что там? Пахом Степанович, у тебя глаз поопытней, посмотри-ка в бинокль, — предложил Черемховский.

Пахом Степанович деловито пригладил бороду, умело приложил бинокль к глазам и долго водил им.

— Вон стойбище-то, нашел! — с облегчением произнес он. — Сопка вроде стога сена, а рядом, левее, — дымок... — Он указал на долину между двумя высокими увалами и на островерхую, крутобокую сопку, похожую на огромный стог сена.

— Как полагаешь, Пахом Степанович, хватит нам дня?

— Должно быть, хватит. Тут километров этак с двадцать. А особо заболоченных мест вроде бы не видно.

Караван стал спускаться по крутому склону сквозь редкие заросли молодого березняка. Июньское солнце начинало припекать, в неподвижном лесном воздухе накапливалась духота. Тучи гнуса гудели вокруг накомарников, липли к рукам, осаждали лошадей.

Пока караван движется к своей первой цели — стойбищу «лесных людей», орочей, мы расскажем краткую предысторию этой экспедиции.

Ранней весной 1936 года в одном из самых молодых городов нашей Родины — в Комсомольске-на-Амуре, выросшем на полпути между Хабаровском и Николаевском-на-Амуре, был создан штаб большого геологического наступления в горные районы к востоку и западу от Амура.

Разве только самая новейшая история нашей отечественной геологии знала подобные примеры единого охвата исследованиями столь обширных областей. От Буре-

инских и Селемджинских гор до Амура и от Амура до перевалов Сихотэ-Алиня и Японского моря, от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре двинулись геологи на поиски минерального сырья для растущей промышленности Дальнего Востока.

Накануне сюда был приглашен из Москвы в качестве консультанта профессор Федор Андреевич Черемховский — знаток геологии Дальнего Востока. Из шестидесяти лет жизни Черемховский большую часть провел на Дальнем Востоке. Он разведывал сучанские месторождения угля, хинганские залежи красного железняка, в бухте Ольга — месторождения полиметаллов. Вместе со знаменитым исследователем Дальнего Востока покойным Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым он совершил ряд путешествий по Сихотэ-Алиньскому хребту. Будучи преподавателем Дальневосточного политехнического института, он воспитал не один десяток геологов. Теперь он руководил одной из кафедр столичного института, был членом ученых советов многих научно-исследовательских учреждений Москвы и Ленинграда.

Не удивительно поэтому, что приезд Черемховского на Дальний Восток был событием в жизни геологов края, особенно молодых. К нему приезжали геологи из Приморья, из Забайкалья, с Хингана, с Сахалина, чтобы поделиться своими планами, послушать советы маститого ученого. Но приезжали не только геологи. Весной к нему явился председатель колхоза из села Вознесенского, что лежит на берегу Амура, близ устья таежной реки Хунгари. Он привез кусок каменного угля. Уголь этот был доставлен в Вознесенское охотником-орочем по имени Мамыка и, по его словам, был найден на одном из притоков в верховьях реки Хунгари. Черемховский знал об одном лишь случае посещения этого района геологами. В 1919 году его друг геолог Иван Филиппович Дубенцов с небольшим отрядом отправился туда из бывшей Императорской, ныне Советской, гавани, чтобы пересечь Сихотэ-Алинь и выйти на Амур. Но он бесследно исчез в этом путешествии. Черемховский и поныне ничего определенного не знал о его судьбе.

Теперь, воспользовавшись удобным поводом — находкой каменного угля, а также тем, что в ближайшие годы намечались поисковые работы для строительства железной дороги Комсомольск—Советская гавань, Черемхов-

ский без труда получил разрешение на непродолжительный рекогносцировочный поход с небольшой партией в район верховьев Хунгари. Поисковую партию согласился сопровождать давнишний приятель Черемховского, опытный охотник и следопыт, бригадир одного из приамурских промысловых колхозов Пахом Степанович Прутовых.

...Спустившись с перевала к подножию гряды сопок, караван вступил в густой смешанный лес. На пути вставали то темные хвойные дебри, таящие вечный мрак и глухое безмолвие, то березовые рощи, полные белизны и света. Иногда встречалась чаща разнолесья, растущего тремя ярусами: нижний ярус заполняли рябина, бузина, орешник; средний — черная береза, черемуха, ольха, ильм; в верхнем ярусе, взметнув могучие ветви, шумели молодой листвой тополя, липы, старые ясени да изредка подымались темно-зеленые пирамиды елей. Нижний и средний ярусы оплетали лианы лимонника и актинидий; поэтому каждый метр пути требовал от людей огромного напряжения сил — приходилось то и дело пускать в ход топоры.

В районе Сихотэ-Алиньских гор еще и поныне большие пространства заняты такими лесами. Лишь звериные тропы да голоса птиц напоминают там о живом мире. На сотни километров тянутся через долины и сопки лесные дебри, и нет в них ни человеческого жилья, ни даже следа человека. И кто может сказать, сколько еще непознанных и нераскрытых гайн в этом царстве таежной глухомани!..

В полумраке, наполняющем лес, стоят косые столбы солнечных лучей, и в них то изумрудом, то серебром вспыхивают капельки воды, оставшиеся на листьях от ночного ливня. Омытая дождем, зелень тайги переливается то темными, то светлыми тонами. Время от времени радуют глаз розовые цветы шиповника, ярко-желтые или карминно-красные саранки.

Впереди, почти неслышной походкой, двигается Пахом Степанович — кряжистый, могучий в груди, крупного роста человек. Он удивительно легок в ходьбе, хотя внешне кажется тяжеловатым и медлительным. Туго обтягивающий его широкую грудь старенький ватник с короткими рукавами, подпоясанный патронташем, глубокие сохатиные ичиги-бродни, подвязанные ремешками у сту-

ней и под коленями, — все это делает его крупную фигуру слитной, хорошо приспособленной к действию, и длинноствольная берданка с самодельным ложем, большая и, видимо, нелегкая, кажется игрушкой в его сильных руках. Спокойны, но зорки темные большие глаза. Черная, коротко остриженная борода почти закрывает его смуглое лицо с прямым крупным носом, поэтому трудно угадать выражение лица таежника. Он весь устремлен вперед, сосредоточен в своих наблюдениях. На вопросы отвечает, не поворачивая головы.

Черемховский шагает вслед, ведя в поводу оседланную лошадь. Щуплый, с острыми плечами, проступающими под рыжей грубошерстной толстовкой, он идет сгорбившись, глядя вниз, стараясь выбрать удобное место, куда ставить ногу. Вся одежда на нем как-то висит, не прилегая к телу. Но все же угадывается в нем человек, способный так вот, неторопливо, качающейся старческой походкой отшагать не один десяток километров по дорогам и бездорожью. Густые брови и прямые пушистые усы с проседью делают его лицо сумрачным, даже суровым, но бесхитростный взгляд выдает мягкий характер.

Следом легко ступает Анюта. Голубой спортивный костюм, состоящий из короткой курточки и длинных широких шаровар, как видно, одинаково подстать ее высокой стройной фигуре и на лыжной прогулке и в походе по тайге. Некоторым несоответствием ее костюму выглядит накомарник, падающий на плечи и грудь. На продолговатом разрумянившемся лице с правильными чертами и особенно в черных, чуть скошенных глазах светится радость. Девушка уже не восторгается вслух, как это было в первый день, но душа ее продолжает трепетать перед величием и девственностью Сихотэ-Алиньской тайги. За нею, как тень, молча шагает Карамушкин со своей фельдшерской сумкой.

Далее длинной вереницей вытянулся десяток лошадей, и между ними группами и в одиночку люди.

Миновав невысокий увал с редколесьем, караван вступил в особенно густой и мрачный еловый лес. Анюта заметила, что собака проводника скрылась.

— Пахом Степанович, куда исчез ваш Орлан? Я уже обратила внимание, что пока мы идем по редкому лесу, он вертится возле вас, а стоит нам зайти в густые заросли, как он сразу скрывается. В чем дело?

— Орлан сейчас на своем посту, Анна Федоровна.

— Как это на посту? — удивилась девушка.

— А вот так, — ответил Пахом Степанович, не поворачивая головы. — Мы идем напрямик, а он колесит, круги делает, охраняет нас, чтобы, значит, никто ни с какой стороны не подобрался к нам.

Сказанному удивился даже Черемховский.

— Каким же образом вы приучили его нести такую службу? — спросила Анюта.

— Да совсем и не учил. Сам диву дался, когда впервой узнал. Умная тварь. — Помолчав, добавил: — Собака в тайге — дорогой помощник.

Вскоре все оказались свидетелями события, подтвердившего слова проводника. Отряд стал входить в разнолесье, как вдруг впереди послышалось злое рычанье, сменяющееся жалобным повизгиванием. Вслед за тем в чаще раздался треск, и появившийся оттуда Орлан бросился к ногам Пахома Степановича. Шерсть на его спине поднялась дыбом, хвост был поджат. Беспокойно озираясь, Орлан прижался к ногам хозяина. В то же время передняя лошадь тревожно всхрапнула и попятилась назад, потащив за собой Черемховского.

— Что такое? — испуганно спросила Анюта, помогая отцу удержать в руках повод. Ей на помощь бросился Карамушкин, обрадованный случаю проявить свое внимание к девушке.

Пахом Степанович, вскинув берданку, не поворачиваясь, молча поднял руку, чтобы остановили караван. Но лошади уже и сами не шли вперед, беспокойно храпели и пятились.

— У кого ружья, все сюда! — негромко крикнул Пахом Степанович.

Человек шесть с карабинами и двустволками, заряжая их на ходу, побежали к голове каравана. Пахом Степанович отобрал троих, у кого были карабины, и вместе с ними скрылся в чаще. Долго оттуда ничего не было слышно. Потом из кустов появился молодой техник-геолог Стерлядников.

— Федор Андреевич, — задыхаясь от волнения, проговорил он, — там след тигра и свежая кровь на траве.

— Ведите меня туда, — решительно приказал Черемховский. — Держите лошадь, — и он передал повод Карамушкину.

Анюта увязалась за отцом.

Среди зарослей открылась небольшая поляна, заросшая высоким пыреем. По ту сторону поляны Пахом Степанович что-то рассматривал, наклонившись к земле.

— Зверь раненый прошел, — заговорил старый таежник, увидев Черемховского. — На трех ногах бежал, левая передняя перебита.

Среди примятой травы действительно хорошо были видны следы трех ног, отпечатанные кое-где по суглинку крупными когтистыми лапами. На былинках и листьях пырея алели капли свежей крови...

Некоторое время все молчали. Неожиданно в мрачных зарослях, откуда выходил след, послышался шорох, и появился человек с карабином в руках. Это был молодой человек выше среднего роста, с шапкой соломенной шевелюры. За спиной у него был рюкзак с широкими заплечными ремнями, сбоку — патронная сумка, на поясе — большой охотничий нож. Густой, почти черный загар покрывал его молодое энергичное лицо, из-под выгоревших белых бровей смело смотрели серые глаза. Видно, он был очень разгорячен, взволнован и теперь молчал, чтоб успокоиться.

— Ну что же вы стоите, молодой человек? — первым заговорил Черемховский. — Подходите, будем знакомиться. Вы, кажется, идете по следу тигра, а людей испугались.

— Простите, я нисколько не испугался, меня просто удивила встреча, — сказал юноша, выходя на поляну.

— Что ж, давайте знакомиться, — пошел навстречу ему Черемховский.

— Я очень рад, Федор Андреевич, этому необычному случаю представиться вам. Я знаю вас и счастлив познакомиться с вами раньше, чем мог предположить.

Только теперь все заметили, что разгоряченное, вспотевшее лицо юноши покрыто многочисленными царапинами и ссадинами, что руки его во многих местах кровоточат, а сам он, несмотря на ровный голос и желание казаться спокойным, сильно волнуется. Спутники Черемховского с любопытством обступили незнакомца.

— Вы геолог? — спросил Черемховский.

— Да.

— Прошу вас назвать свою фамилию.

— Дубенцов.

— Извините... У вас никто из родственников не был геологом?

— Мой отец.

— Иван Филиппович?

— Да.

Брови профессора, сросшиеся на переносице, полезли вверх, глаза засверкали радостным изумлением:

— Дорогой мой, да ведь так бывает только в романах! Встретиться с геологом Дубенцовым-сыном там, где исчез геолог Дубенцов-отец! Соблаговолите же объяснить: что вы знаете о своем отце, почему вы именно здесь и для чего нужен вам Черемховский?

— Прошу прощенья, Федор Андреевич, вы идете в стойбище? — вместо ответа спросил Дубенцов, посмотрев на часы.

— Да, в стойбище.

— Искренне сожалею, но пока даже не могу вам ответить на вопросы, — сказал Дубенцов, — потому что гонюсь за раненым тигром. Сегодня к вечеру я, видимо, буду тоже в стойбище и тотчас явлюсь к вам.

— Батенька мой, да, я смотрю, вы больше увлекаетесь тигром, нежели геологией! — добродушно воскликнул профессор.

— Тигр напугал все стойбище! — возбужденно воскликнул молодой геолог. — Ни один ороч не поведет вас в тайгу, пока я не принесу шкуру хищника. Если я не ошибаюсь, вы идете на поиски угля к верховьям Хунгари?

— Вам, может быть помощь нужна? — не отвечая на вопрос, спросил профессор.

— Благодарю вас, Федор Андреевич, я в состоянии справиться один. Еще раз извините! — С этими словами юноша скрылся в кустах.

— Еще один вопрос! — крикнул ему вдогонку Черемховский. — Далеко ли до стойбища?

— Вам осталось идти пять—шесть часов, — ответил голос Дубенцова из зарослей. — Держитесь юго-востока.

— Какая-то безумная храбрость, — задумчиво произнесла Анюта.

Если бы кто-нибудь внимательно наблюдал за ней в те короткие минуты, когда появился и исчез Дубенцов, то мог бы прочитать на лице девушки и испуг и любопытство.

...Через четверть часа караван продолжал свой путь к стойбищу.

Глава вторая

Набеги тигра на стойбище. — Геолог Дубенцов. — По следу зверя. — Засада в буреломе.

Прошедшей ночью к стойбищу подходил тигр. Это был уже третий набег хищника за последнюю неделю. Он утащил жеребенка и зазевавшуюся собаку, а в последний раз набросился на лошадь, пасшуюся на лужайке. Отчаянный лай собак и дружная, хотя и беспорядочная стрельба проснувшихся орочей отпугнули зверя.

Лишь к рассвету улеглась суматоха и угомонились собаки. Спать почти никто не ложился: в каждом жилище старики уже в который раз обсуждали причины появления тигра близ стойбища. Одни говорили, что приход владыки дебрей связан с пребыванием здесь постороннего человека (Дубенцова); другие видели в этом предзнаменование большого наводнения или другого какого-нибудь стихийного бедствия. Наиболее древние предлагали даже сменить место стойбища.

Дубенцов тоже не ложился спать. Он обдумывал, как и что предпринять. Дело в том, что в стойбище не было охотников — они ушли на промысел и вернутся не скоро. Нужно было попытаться поднять оставшихся в стойбище стариков. С этой мыслью Дубенцов зашел к старому Мамыке с предложением собрать группу мужчин и немедленно двинуться по следу тигра. Старый ороч, посасывая трубку, мрачно сказал, не глядя на Дубенцова:

— Его не могу убивай, его амба. Надо его проси, тогда он ходи далеко сопка...

Это же сказали Дубенцову и другие старики, к которым он заходил после Мамыки. Старики считали тигра своим прародителем и не решались прогневить его, — это грозило, по старым поверьям, неисчислимыми бедствиями. Чтобы тигр ушел прочь, его нужно задобрить: класть табак и сыпать крупу на его след, настойчиво просить и заклинать, чтобы он не трогал их и уходил подальше в тайгу.

Дубенцову ничего не оставалось, как одному идти на тигра. К этому его понуждала необходимость. Неделю назад один ороч согласился отвезти его на бату к устью Хунгари. Теперь, запуганный тигром, он откладывал со дня на день эту поездку. Между тем в распоряжении Ду-

бенцова уже не оставалось ни одного лишнего дня. Дело было не только в том, что у него истекал срок месячного отпуска, который он получил на поездку сюда, но и в том, что он боялся не застать в Комсомольске профессора Черемховского, полагая, что ученый уйдет по какому-нибудь маршруту. А он был нужен Дубенцову по весьма важному делу.

Отдыхая прошлым летом в санатории близ Владивостока, молодой геолог познакомился там с орочкой Вачей— учительницей вот этого стойбища. Милая, умная девушка вскоре стала частой его спутницей в прогулках к морю и приятной собеседницей. В одну из таких прогулок, слушая рассказ юноши о загадочном исчезновении его отца, Вача вдруг вспомнила, что, по словам стариков, в то время, о котором говорил Дубенцов, то есть примерно в 1919 году, в их стойбище останавливались на отдых трое русских, пришедших с верховьев Хунгари. Кто были они и куда потом делись, Вача не могла теперь сказать, но старики возможно, помнили это.

Нынешней весной перед началом полевых геологических работ Дубенцов получил отпуск и отправился в далекое стойбище. Восемь дней он поднимался на попутном бате вверх по течению Хунгари. Поездка оказалась не напрасной: в стойбище орочей ему удалось выяснить многое из того, что оставалось тайной долгих пятнадцать лет. Теперь надо было окончательно раскрыть эту тайну. Для этого нужно было поскорее встретиться с Черемховским, а на пути непредвиденной помехой оказался тигр.

Дубенцову впервые приходилось охотиться на такого опасного хищника. Он родился и вырос на Дальнем Востоке. За три года, истекших после окончания института, он сделал несколько трудных маршрутов, пролегающих главным образом к малодоступным районам Сихотэ-Алиня. Жизнь в тайге научила его не теряться в опасностях и отлично владеть оружием. Хорошо пристрелянный пятизарядный карабин давно стал неразлучным и верным его спутником в тяжелых походах. На его счету было около десятка убитых медведей, но тигр...

При свете лампы Дубенцов протер карабин, проверил и просушил патроны. Положив в рюкзак двухдневный запас продуктов и вооружившись большим охотничьим ножом, он перед восходом солнца в сопровождении хозяйской собаки покинул стойбище. Ему удалось скоро

найти след хищника: там, где прошел зверь, среди матово-сизой росы на траве и ветках была видна полоса глянцевитой, мокрой зелени — роса была сбита. Неподалеку от стойбища собака учуяла хищника и, поджав хвост, с жалобным визгом кинулась обратно.

Дубенцов остался один. Он пошел бесшумно, оглядывался, останавливался, чутко прислушивался. Из рассказов бывалых охотников ему было известно, что старый тигр, почуяв позади себя человека, старается сделать большую петлю, чтобы оказаться за его спиной. А по словам орочей, молодые тигры сюда не заходят — они водятся далеко на юге. К тому же молодой тигр не осмелился бы подойти так близко к стойбищу. Стало быть, зверь был матерый и потому особенно опасный.

Юноша пробирался сквозь заросли почти неслышно улавливая настороженным слухом малейшие шорохи вокруг. Иногда под ногой хрустнет сучок или чуть слышно зашелестят потревоженные листья, ветки, и тогда Дубенцов на минуту замирает и слышит только глухие удары своего сердца.

Лес начинал пробуждаться: посвистывали бурундуки, шмыгая по толстым замшелым валежинам; где-то в гуще ветвей порхали и с отчаянным писком дрались синицы; отовсюду слышался дробный стук — это вышли на кормежку дятлы; кое-где назойливо стрекотали кедровки; к их голосам Дубенцов особенно внимательно прислушивался: там, где они скапливаются, должен быть какой-то зверь.

Скоро в вершинах деревьев разлилось золотистое сияние утренних лучей, и лишь внизу оставался серый полумрак. Охотник, продолжая идти по следу, пересек невысокий увал, спустился в глубокую темную долину. В высоких зарослях лопуха, бузины и лугового пырея опасно было вести след зверя, проделавшего здесь коридор. Трудно было двигаться неслышно, так как в ногах путалась густая растительность. Между тем надо было торопиться: трава подсыхала и след зверя делался еле заметным. Держа перед собой карабин, Дубенцов старался как можно выше поднимать ноги, а это требовало дополнительных усилий. По мере того как солнце поднималось, утренняя прохлада в лесу сменялась духотой.

След неожиданно повернул в сторону, поднялся на

крутой увал, поросший березняком, пересек гребень сопки, и Дубенцов увидел перед собой обширную падь. Она простиралась на огромном пространстве на север и запад и была покрыта дремучим низинным разнолесьем, как всегда наиболее трудно проходимым. След уходил в это разнолесье, и Дубенцов, не раздумывая, направился туда же.

Он долго бродил в зарослях, изнывая от жары, и совершенно неожиданно обнаружил, что сделал петлю, — встретилась замеченная ранее ель со сломанной макушкой. Дубенцов сообразил: хищник вышел на его след. Сердце защемило от страха: в любую минуту зверь может прыгнуть на него сзади.

Дубенцов долго прислушивался к звукам леса, но ничего необычного не услышал. Немилосердно палило солнце, и, разморенный жарой, мир таежных обитателей молчал. Молодой охотник поймал себя на том, что решительно не знает, что предпринять. Идти вперед — зверь наверняка уже преследует его по пятам; повернуть обратно — вспугнешь хищника, и он стремительно скроется. Взгляд его случайно остановился на темном буреломе, громоздившемся в сторонке. «Устроить засаду!» — это решение пришло моментально.

В буреломе он нашел хорошо укрытое место. Замаскировавшись и взяв в зубы веточку бузины, терпкий запах которой должен был заглушать запах человека, юноша стал терпеливо поджидать зверя.

Время тянулось медленно. Мошкара лезла в глаза и рот, колено упиралось во что-то острое, в грудь давил сук, но Дубенцов не шевелился. Наконец до слуха долетел легкий шорох. Дубенцов чуть повернул голову и увидел: по стволу поваленной лесины бегал маленький желтенький зверек в черных продольных полосках — бурундук, черт бы его взял! Зверек явно не замечал человека. Но почему же он то и дело опасливо вскидывает мордочку с черными блестящими бусинками глаз?

Хруст валежины на оставленном следу тигра заставил Дубенцова вздрогнуть. Сквозь кусты ясно показался светло-желтый бок тигра, проступила длинная прямая линия его спины. Голову зверя сначала скрывали ветки, но вот показалась и она. Круглые настороженные глаза, маленькие, прямо поставленные уши, длинные редкие щетины усов придавали огромному зверю полное сходство

с желтой кошкой. Крадучись, тигр полз на брюхе, вытягивая шею, припадая головой к траве и вынюхивая след.

Первая мысль была стрелять в голову. Но тигр водил ею из стороны в сторону, и, чтобы поймать ее на мушку, надо было водить стволом карабина. Зверь мог заметить даже легкое движение. Дубенцов решил стрелять под левую лопатку. Карабин удобно лежал на упоре, глаз охотника видел прямо по линии прицела, и, для того чтобы выстрелить, требовалось чуть опустить дуло вниз. Но и это ничтожное движение мог заметить зверь. Ничего другого не оставалось, как подождать, улучить момент.

Тигр остановился, повел носом. Левая его лопатка приближалась к линии прицела. Дубенцов весь напрягся, в какую-то долю секунды понизил дуло и нажал на спусковой крючок. Выстрел расколол тишину, и тотчас раздался страшный рев тигра. Передергивая затвор, Дубенцов увидел, как зверь скакнул вверх, поломал куст бузины, шарахнулся в противоположную от охотника сторону и исчез в зарослях. Только треск в лесу указывал направление, куда уходил зверь. Дубенцов послал наугад в ту сторону еще два выстрела и выскочил из своей засады.

Он был вне себя.

— Такой случай, такой бесподобный случай!..

На траве и листьях подлеска в том направлении, где скрылся хищник, дымились свежие капли крови. Дальше начиналась полоска крови на зелени, и это облегчало слежку. Дубенцов быстро пошел по следу, решив во что бы то ни стало настигнуть и добить зверя, и тут столкнулся с отрядом Черемховского...

Глава третья

Признаки жилья. — Стойбище орочей. — Гостеприимная учительница. — Фотография, привлекшая внимание Анюты. — Беспокойство за судьбу Дубенцова. — Пахом Степанович отправляется на поиски.

Под вечер, придерживаясь направления, указанного Дубенцовым, караван перевалил горб невысокого холма и через старый березовый лес спустился в узкую долину. Здесь была сделана короткая остановка, чтобы

ориентироваться, как идти дальше. Где-то вблизи должно находиться стойбище. Пахом Степанович отправился на разведку и вскоре вернулся с приятной вестью — он нашел протоленную тропу.

Через четверть часа таежник вывел караван на эту тропу, вьющуюся между старыми лиственницами. Тропа вскоре привела к ручью, через который были перекинуты жерди. После путешествия по бездорожному дремучему лесу признаки жилья обрадовали путешественников. Бодро вскинув головы, заметно прибавили шагу и лошади.

Игнат Карамушкин шел теперь рядом с Анютой. Он был в приподнятом настроении. По пути срывал лекарственные травы — солодку бледноцветную, василистник малый, хвощ зимующий, шиповник пахучий, мужской папоротник, страусник черный, частуху восточную, спаржу даурскую — и с увлечением рассказывал девушке об их лечебных свойствах.

— Скажите, вы были фармакологом? — спросила его Анюта.

— Нет, — ответил фельдшер и самодовольно улыбнулся. — Все это я изучил за два года здесь. Ведь я ехал на Дальний Восток, знаете, почему? Чтобы нести в темную жизнь тайги светоч разума!

— И как же вы думаете нести его? — спросила Анюта, пряча улыбку.

— Я буду служить делу оздоровления местного населения, — не замечая иронии собеседницы и нисколько не смущаясь высокопарностью выражений, ответил Карамушкин. — У них, у местных народностей, как я узнал, нездоровые, абсолютно антисанитарные условия быта. Они даже кушают, как я вычитал, из одного котла с собаками.

— Вычитали из одного котла с собаками?

Карамушкин смутился, покраснел, и Анюте стало жаль его.

— Извините, Игнат Харитонович, — проговорила она с улыбкой, — тут просто смешная игра слов. Вы не обиделись на меня?

Но фельдшер и не думал обижаться. Он так непререкаемо верил в свою высокую миссию, так высоко ценил идею служения тому, чтобы «нести в темную жизнь тайги светоч разума», что никакая явная или скрытая иро-

ния не трогала его. И за это Анюта уважала Карамушкина.

Уже в первый день знакомства с Карамушкиным Анюта заметила, что он не так наивен, как кажется. Недостаток образования серьезно мешал ему, но Карамушкин был упорен и влюблен в свое дело. За два года, проведенных на Амуре, он изучил все лекарственные растения, которыми пользуется местное население. Особенно привлек его лимонник. Действие этого замечательного растения он проверял на себе и считал, что лучшего средства против усталости не существует. Сейчас в его рюкзаке лежало несколько килограммов сушеных ягод лимонника, которые он клал в чай каждое утро себе и профессору Черемховскому.

— Сейчас моя задача, — говорил он Анюте, — достать кости рыси. Зачем? О, это сильное лекарство тибетской медицины. Эта медицина складывалась тысячелетиями. И то, что она использует, нужно внимательно изучать. Ус и кровь тигра — что мы можем сказать о них? А бутылка крови тигра ценится в Китае на золото. То же и ус. А что мы знаем о медвежьей желчи? Согласно тибетской медицине, ею можно излечивать многие желудочные болезни...

Рассуждения Карамушкина, наверное, продолжались бы еще долго, но тут послышался лай собак и потянуло дымом очагов.

Лес внезапно оборвался, кончилась долина, и караван оказался на открытой местности. Перед взорами путников предстал один из тех живописных уголков, которыми так богаты предгорья Сихотэ-Алиня. Справа, рядом, величественно поднималась высокая сопка, густо поросшая кедровником и напоминающая гигантский стог сена. Влево, на невысоком открытом пригорке, расположилось стойбище орочей. Темная стена леса полудугой огибала его. Прямо видна была река, принявшая в себя ручей, бегущий из долины. А дальше открывалась бескрайная пойменная равнина, заросшая пышной невысокой ветлой. Горбатый мостик из тонких жердей, перекинутый через ручей от подножия крутобокой сопки к стойбищу, придавал пейзажу особую поэтическую живость.

— А где же юрты? — удивленно воскликнула Анюта. — Это же русское село!

И в самом деле, стойбище мало чем напоминало селе-

ние «лесных людей». Два десятка рубленых бревенчатых изб двумя рядами взбегали на пригорок, образуя прямую улицу. В стороне, возле самого леса, стояла большая новая изба с вывеской: «Начальная школа». Двор школы, обнесенный легкой оградой, был таким же, какие встречаются в русских селах, — с турником, кольцами, волейбольной площадкой. Здесь же помещался и медицинский пункт.

— Да тут и банька есть, глядите-ка! — радостно произнес Пахом Степанович.

Действительно, неподалеку от школы была баня — длинная изба с задымленной крышей и двумя котлами у входа.

Караван пришел в стойбище в воскресенье. Солнце уже клонилось к западу, длинная тень от высокой сопки закрыла улицу, но на ней продолжало царить веселое воскресное оживление.

Появление незнакомых людей привлекло всеобщее внимание. С визгом и гиком навстречу путникам бежали черноголовые смуглые ребятишки, с оглушительным лаем со всех сторон мчались собаки. Потянулась молодежь, за ними вышли и пожилые орочи.

Караван остановился на лужайке между баней и школой. Вокруг быстро собралась толпа.

Орочи в большинстве были низкорослы и коренасты. Молодежь выделялась румянцем и свежестью лиц, живостью взгляда, подвижностью. Юноши по случаю праздника были одеты в шерстяные костюмы городского покроя и кожаную обувь. Пожилые мужчины и женщины — в нарядных национальных костюмах: в орнаментованных халатах, коротких, пестро расшитых торбазах. Особенно цветастыми были халаты женщин, вышитые затейливым самобытным узором и украшенные несколькими частыми рядами перламутровых или медных пуговиц.

Орочи с любопытством и независимым видом разглядывали изыскателей, громко обменивались замечаниями на своем языке. В толпе поминутно вспыхивал дружный смех.

Черемховский договорился о размещении экспедиции в школе. Заведующая школой, молодая орочка с миловидным лицом, приветливо встретила Черемховского и предложила ему занять два просторных классных помещения.

— Пожалуйста, располагайтесь по-домашнему, — почти без акцента говорила она по-русски. — Я скажу, чтобы сейчас же здесь вымыли пол и принесли несколько медвежьих шкур. А на ужин вам наловят свежей рыбы.

— Не извольте беспокоиться, — учтиво сказал Черемховский. — Можно переночевать и на немытом полу. Что же касается свежей рыбы, то это весьма соблазнительно, и мы не смеем отказаться.

Особое расположение встретила у орочки Анюта. Учительница с нескрываемой теплотой смотрела на русскую девушку и предложила ей свою комнату.

Комната оказалась уютной. На окнах висели белые занавески, на выбеленных стенах — вышивки. В одном углу стояла этажерка, заполненная книгами, в другом — тумбочка с патефоном. На патефоне Анюта увидела фотографию Дубенцова, в рамочке, и у нее почему-то беспокойно защемило сердце. В ее глазах он снова возник таким, каким она увидела его в тайге, — ловким, настороженным, разгоряченным. После того как она узнала, что этот молодой человек — геолог, она только и думала о нем.

— Это моя комната, — говорила между тем учительница. — Располагайтесь, как у себя дома.

Анюта хотела спросить о Дубенцове, сказать учительнице о встрече в тайге, но сказала другое:

— Здесь слишком хорошо для меня одной... — И, помолчав, добавила: — Вы не будете возражать, если здесь поселится и мой папа?

Молодая хозяйка — ее звали Вачей, — конечно, не возражала. Она охотно переселится на это время к родителям.

Анюта снова мельком взглянула на фотографию Дубенцова. Смеющееся, веселое его лицо с мягким красивым овалом неудержимо влекло ее.

Профессор Черемховский, увидев фотографию Дубенцова, подумал: «Он удивительно похож на Ивана Филипповича».

— Скажите, — обратился он к Ваче, — не известны ли вам обстоятельства, приведшие сюда этого молодого человека?

Лицо девушки слегка зарумянилось; она подошла к Черемховскому и заговорила с явным удовольствием о

том, как она познакомилась с Дубенцовым, зачем он прибыл сюда и что ему удалось узнать в стойбище, в частности, о предполагаемом открытии месторождения железа, сделанном отцом Дубенцова. Ее рассказ взволновал и обрадовал профессора.

— Мы, кажется, пришли сюда как нельзя вовремя, дорогая, — сказал он Анюте. — Если все, что касается месторождения железа, правда, то круг наших обязанностей намного расширится. И прекрасно!

Тем временем отряд отлично разместился в школе.

— Настоящий санаторий! — приговаривал толстяк в козьей телогрейке, техник-геолог Стерлядников, отдыхая на медвежьей шкуре.

За ужином Черемховский снова вспомнил о Дубенцове, который все еще не возвращался из тайги. Профессора начинала всерьез беспокоить судьба молодого геолога.

— Мы, кажется, допустили глупость, — говорил он, — что не остановились при встрече и не помогли ему в погоне за тигром. Юноша шел на большой риск...

— А раненый тигр может растерзать охотника? — с тревогой спросила Анюта Пахома Степановича.

— Всякий зверь, если он раненый, бывает опаснее, чем не раненый, — в мрачном раздумье ответил старый таежник.

Кружка с чаем в руках девушки закачалась, и она снова взглянула на фотографию, с которой смотрело веселое, заразительно смеющееся лицо Дубенцова.

...Ночью Дубенцов не вернулся. Анюта скверно спала. Ей снился страшный тигр, подкарауливающий ее в мрачных лесных трущобах. Она просыпалась от страха, прислушивалась и все думала о Дубенцове. Едва засыпала снова — и опять ее преследовал страх перед тигром. Она искала, но так и не могла найти своего защитника — Дубенцова...

Рано утром Черемховский, выяснив, что Дубенцов до сих пор не вернулся, пригласил к себе Пахома Степановича.

Старый таежник был давнишним приятелем Черемховского. Они познакомились еще до революции в одну из экспедиций Черемховского по Приамурью. С тех пор опытный следопыт сопровождал Черемховского по многим поисковым маршрутам, а в годы войны с интервента-

ми на Дальнем Востоке не раз проводил партизан по известным ему одному тропам.

Черемховский высоко ценил опыт Пахома Степановича, его отличное знание тайги, его бесстрашие и умение найти выход из любого затруднения в тайге.

— Этого человека, друзья мои, — говорил профессор, представляя Пахома Степановича молодым участникам своего поискового отряда, — должно считать продолжателем дела славных русских землепроходцев: Василия Пояркова и Ерофея Хабарова, первооткрывателей Амура.

И это была правда. Приехав в Приамурье мальчиком с родителями, переселившимися в прошлом столетии из Пермской губернии, Прутовых вырос в тайге. С детства изучал и полюбил ее.

— Это, паря, покрепче, чем водка, — признавался Пахом Степанович. — Белый свет скучным делается, ежели не сходишь долго в тайгу. Работаешь по дому или на рыбалке, а сам то и знай поглядываешь на тайгу. Но уж зато как вырвешься да заберешься в самую глушь, то так сладко сделается на душе, что и словами не выскажешь. Она, тайга-то, вроде глухая да безжизненная, ежели со стороны, незнакомому человеку поглядеть на все. А приди-ка в нее, да приглядись хорошенько — что тебе ярмарка! Там, глядишь, бурундук волокет кедровую шишку к себе в нору; там белка мостит гнездо, а за ней неясыть охотится; там кабарга притаилась в ельнике, медведь иль сохатый ломится через чащу; все живут, все ищут чего-нибудь, воюют между собой. Не-ет, хороша тайга! Отбери ее у меня, так я с тоски помру...

Пахом Степанович застал профессора за утренним чаем.

— Что ты думаешь, дружище Пахом Степанович, о судьбе юноши? — спросил Черемховский, подавая таежнику кружку с горячим чаем.

— Парень он, видать, не из простых, спуску в тайге не даст никому, — рассуждал старый таежник. — И, между прочим, отчаянная голова!.. Не должно бы... — он запнулся, подумал. — Придется сходить, однако, поискать. В тайге всяко случается...

— Я полностью разделяю твое мнение, Пахом Степанович, надо искать.

С восходом солнца следопыт, сопровождаемый веселым Орланом, покинул стойбище.

Глава четвертая

Преследование продолжается. — Бурелом. — Встреча в распадке. — Ночлег в кедровом лесу. — Таинственный вор. — Поиски следов ночного вора. — Встреча с таежником. — Разгадка.

Задержка Дубенцова при встрече с поисковым отрядом Черемховского стоила ему того, что он далеко отстал от уходящего зверя. Только под вечер он определил по дружному стрекоту большой стаи кедровок, всегда преследующих убегающего зверя, что тигр недалеко. Охотник ускорил шаг, мобилизуя последние силы.

След привел к непроходимым зарослям молодой лиственницы. Деревья были невысоки, но от основания до макушки густо переплетены колючими тонкими ветвями. В чаще стоял полумрак.

Заросли были почти непроходимы, и на минуту Дубенцов остановился в отчаянии перед неожиданным препятствием. Но раздумывать не было времени. Выставив вперед карабин, он стал напролом пробиваться сквозь цепкую чащу. Иногда пробиться было нельзя, тогда Дубенцов полз на четвереньках под ветвями по коридору, проделанному тигром.

Он обливался пóтом. Останавливаясь на минуту, чтобы перевести дыхание, он напряженно прислушивался, однако никаких подозрительных звуков поблизости не обнаруживал.

К счастью, заросли лиственницы занимали небольшую площадь, и вскоре Дубенцов попал в крупное разнолесье с преобладанием ели. Но путь ему тут же преградил бурелом. Стволы различной толщины нагромождались один на другой крест-накрест, космы зеленого мха, опутывая их, свисали до земли. След крови уходил под бурелом, и это заставило Дубенцова насторожиться. Подозрение, что хищник укрылся в буреломе, подтверждалось еще и тем, что нигде не было слышно больше кедровок.

Чутко прислушиваясь, держа на взводе карабин, Дубенцов тщательно изучал глазами бурелом. Скоро он разобрался, что верхняя часть бревен лежит достаточно плотной массой. Значит, тигр, если он под буреломом, не может проникнуть снизу наверх. При попытке нападения он сможет взобраться лишь с той или другой стороны.

Решение принято: залезть на «крышу» бурелома и оттуда просмотреть его.

Дубенцов стал карабкаться по стволам, выбирая те места, где деревья лежали особенно густо и могли обезопасить его от неожиданного нападения, если зверь окажется внизу.

Что случилось потом, сознание Дубенцова запечатлело смутно.

Под ним рухнул подгнивший ствол. Проваливаясь, Дубенцов решил, что все кончено. Острые сучья рвали одежду, царапали лицо, руки. Но боли он не чувствовал. В то же мгновение, дополняя картину ужаса, над ним раздался пронзительно звенящий вопль, сменившийся диким хохотом. При ясном понимании обстановки он бы сразу же догадался, что вспугнул красноголового дятла — желну; но сейчас даже молниеносный полет небольшой черной птицы с кроваво-красной макушкой казался ему чем-то непонятным.

Как только прекратилось падение, Дубенцов тотчас же, хоть в первую минуту и бессознательно, попытался снова выбраться наверх. При этом он еще больше запутывался во мху и свисающих ветвях. Затем к нему вернулось самообладание, утраченное в первое мгновение катастрофы, и он решил отдышаться и осмотреться. Сию же минуту он услышал треск валежника где-то поблизости. Подтверждением худших его предположений явился ужасающий рев зверя, потрясший все вокруг. Совсем рядом, чуть повыше его головы, затрещали сучья и прогнулись зыбкие, тонкие стволы деревьев. Рев тигра повторился теперь уже над самой головой Дубенцова. В просвете среди валежин он увидел прямо над собой огромную усатую пасть рычащего зверя. К великому счастью Дубенцова, дуло карабина с момента падения оставалось направленным кверху. Не целясь, он выстрелил, кажется, в самую пасть хищника. Тигр взвыл, кинулся прочь, и тотчас наступила тишина.

Затаив дыхание, Дубенцов долго прислушивался. Должно быть, наповал. Убедившись, наконец, что ему ничто не угрожает, Дубенцов начал выбираться из своей западни, явившейся таким счастливым убежищем.

На «крыше» бурелома его ожидало разочарование — тигра нигде поблизости не было. Но след крови был обильнее прежнего, — видимо, зверь был ранен вторич-

В просвете среди валежин Дубенцов увидел прямо над собой огромную усатую пасть рычащего зверя.

но. Теперь Дубенцов шел вперед в твердой уверенности, что охота близится к концу.

Через несколько минут он услышал стрекотание кедровок. Оно все усиливалось. Охотник кинулся на шум. Многоярусное разнолесье расступилось, и Дубенцов увидел перед собой кедровый лес. Величественные колоннады прямых могучих стволов, между которыми не было ни одного кустика, смыкались вверху густыми кронами, образуя живописные мрачные своды. Землю устилал толстый слой прошлогодней хвои и заросли мелкого бледноватого папоротника. Охотник вздохнул с радостным облегчением, увидев много простора и воздуха. Силы его прибавились.

За стволами показался крутой подъем — видимо, подножие сопки. Неподалеку темнел лесистый овраг. Туда и вел след, и там особенно громко верещали кедровки.

Из оврага выбегал говорливый прозрачный ручей. Утомленный охотник сбросил с плеч рюкзак, с удовольствием освежился несколькими глотками студеной воды и, проверив заряд, стал взбираться на сопку по краю оврага. Отсюда хорошо просматривалось дно распадка и каждый участок его склонов, поросших мелкими кустами багульника. На дне были кучи валежника, заросшего лопухами. Вскоре Дубенцов увидел, что распадок упирается в почти отвесную каменную осыпь. Стало быть, зверь не мог уйти дальше. Нужно отдохнуть и успокоиться: теперь тигр в его руках.

Охотник посидел на камне, прислушиваясь, потом стал осторожно спускаться по обрыву, всматриваясь в тенистые заросли лопухов. До дна оставалось не более десятка метров, когда Дубенцов остановился и стал внимательно осматривать каждый кустик внизу. Однако ему не удалось заметить хоть что-нибудь подозрительное. Тогда он выворотил большой камень и пустил его по скату. Камень загромыхал вниз. Никаких результатов! Подождав с минуту, Дубенцов выстрелил в заросли багульника и моментально передернул затвор. Но и на этот раз тигр ничем не выдал своего присутствия.

Однако он должен быть здесь!

Наступили сумерки. Охота становилась опасной: тигр в темноте видит почти так же хорошо, как и при свете. Дубенцов решил стрелять в каждый подозрительный куст. Едва он сделал очередной выстрел в одну из самых тем-

ных зарослей,
залось его
зверь поп
силевши
ни на
вины
но
и
б

мин
ру из распадка
стало уже темно.

Опустившись на разостланну
ко теперь по-настоящему почувствовал, к
крытые ссадинами лицо и руки нестерпимо ны
была изорвана. Он вспомнил, что за весь день, прове
ный в непрерывной погоне, ничего не брал в рот, кроме горстки недоспелых ягод жимолости, сорванных на ходу, и нескольких глотков воды. Каждое движение теперь стоило ему больших усилий — руки и ноги были тяжелые, будто налиты свинцом. Но он все-таки встал, ощупью набрал сухих веток. Хотел разжечь костер, чтобы разогреть ужин и вскипятить чай, но обнаружил, что спички отсырели от пота. Оставалось довольствоваться холодной вареной сохатиной и ключевой водой.

Поужинав, Дубенцов начал укладываться на ночлег. В лесу было сыро и прохладно. Шкура, снятая с тигра, пришлась кстати: он с головой завернулся в мех, положив рядом с собой карабин, а под голову рюкзак. Скоро разлившаяся по телу теплота разморила его, и он уснул.

Разбудил его резкий толчок в голову. Дубенцов схватился за карабин и, откинув от себя шкуру, выстрелил в ту сторону, где, как показалось ему, слышались быстро удаляющиеся шаги. Эхо выстрела гулко прокатилось в ночной тишине тайги и смолкло. Лишь бульканье ручья, бегущего рядом, продолжало нарушать тишину.

Убедившись, что опасности никакой нет, и подозревая, что ему приснился какой-то страшный сон после стольких испытаний минувшего дня, он, не выпуская карабина из рук, снова стал укладываться спать. Но в изголовье не

…? Дубенцов начал
…постели. Потра-
…юкзака так и

…что было
…огонь.
…да он
…рыж,
…ас-
…о-
…

…юкзак? Этот вопрос не
…на: Не выпуская из рук ка-
… в огонь все новые и новые
…пламени бойко плясали над кучей сушняка,
…потрескивали ветки. Вокруг костра меж могучих
…тов деревьев, окрашенных светом огня, плясали причудливые пугающие тени.

Где-то далеко прострекотала кедровка — предвестник наступления рассвета; рядом, у распадка, ей ответила другая. Затем над головой, выше леса, пронеслась шумная стая синиц. Просыпаясь, пернатые обитатели тайги гомонили все громче. К голосам кедровок и синиц присоединил свою грустную утреннюю песню дикий голубь:

«Ху-гу-у-у-у! Ху-гу-у-у-у!»

Зачарованный голосами просыпающегося леса, Дубенцов отвлекся от мыслей о загадочном исчезновении рюкзака. Он вслушивался в каждый новый звук, и на смуглом лице его, бронзовом при свете костра, в сощуренных глазах плавала теплая улыбка.

Дубенцов любил дальневосточную тайгу той любовью, которая сливается с любовью к Родине. Он давно избрал свой путь в жизни, идя которым мог наилучшим образом служить Отчизне. Его труд гармонически сливался с его привязанностями к природе, и поэтому здесь, в таежной глуши, чувства одиночества у него не было. К утренним голосам леса в его ушах присоединялись голоса просыпающихся городов и сел, что лежат там, за тайгой, гудки заводов, громыхание поездов, бегущих по стальным путям, утренняя музыка радио, наполняющая прохлад-

ные улицы городов и сел, и еще многое-многое другое, что составляет полнокровную жизнь необъятного любимого края.

То, что он здесь сейчас, — это хорошо: он на своем рабочем месте. Он вернется отсюда не с пустыми руками. Профессор Черемховский, который был так необходим ему, теперь ждет его. Дубенцов настоит на том, чтобы в план поисковых работ отряда Черемховского была включена рекогносцировка района, где некогда прошел его отец. Он добьется своего, пусть для этого потребуется поехать в Геологическое управление! В крайнем случае он сам наймет проводника из орочей и обследует месторождение.

Как-то незаметно, в его мыслях возник образ Анюты. Кто эта девушка? Почему она в тайге? «Она должна быть либо совершенно легкомысленной, либо очень сильной натурой. И недурна собой...» Он восстанавливал в памяти ее лицо и не мог — ведь он видел ее лишь мельком! Запомнился только испуганный взгляд.

...Сквозь густые кроны кедров в вышине проглянул клочок лазурно-голубого неба. С каждой минутой резче проступали очертания деревьев.

Дубенцов подбросил сушняка в костер и решил сходить в распадок осмотреть обнажение на осыпи. Пора было собираться в путь, и он хотел прихватить несколько образцов породы, — так он делал всюду, где приходилось ему бывать. В распадке еще держался мрак, но глаза постепенно привыкли к нему, и молодой геолог направился к тому месту, где вчера так удачно закончился его трудный и опасный поединок с тигром. Ему показалось, что он ошибся местом, потому что туши тигра нигде не было. Однако по спутанным и примятым зарослям багульника и сорванному с обрыва дерну он убедился, что именно здесь убил тигра. Опять перед ним была загадка, и он не знал, как ее разгадать. «Вот так охотник! — посмеялся он в душе. — Что рюкзак украли — ладно, но кто же мог утащить ободранного тигра?»

В распадке было еще слишком темно, и Дубенцову пришлось дожидаться восхода солнца. Он вернулся к костру, а когда рассвело, пошел поохотиться. Рябчики не попадались, подстрелил пару кедровок. Птицы оказались не больше сороки. Он поджарил их на вертеле и с аппетитом съел. Затем, скатав шкуру тигра, отправился в рас-

падок. И тут обратил внимание, что в папоротнике обозначалась дорожка — кто-то прошел здесь, примяв растения. Но на хвое нельзя было обнаружить следов. Внимательно изучая каждое примятое или неестественно повернутое растение, Дубенцов прошел несколько метров и в папоротнике увидел свой рюкзак. Порядочный кусок вареной сохатины, чайник, хлеб, сахар, чай, соль — все было на месте. Вернувшись к костру, Дубенцов немедленно вскипятил чай, разогрел сохатину и сытно позавтракал. Теперь он снова отправился в распадок, решив до конца выяснить, куда же исчезла туша тигра.

Над тайгой разгорелось чудесное теплое утро. Солнце уже поднялось над грядой сопок, и лучи его пронизывали кроны кедров, наполняя лес розовым светом. В распадке, на том месте, где вчера закончилась последняя схватка, Дубенцов внимательно осмотрелся. Толстый слой трухлявого валежника оказался развороченным, словно здесь кто-то отчаянно боролся. В двух—трех метрах виднелись сгустки запекшейся крови: можно было предположить, что какой-то силач взвалил на плечи всю тушу целиком и унес ее в тайгу. Но и силач должен был бы оставить хоть какие-нибудь следы. А следов не было.

Пахом Степанович увидел Дубенцова, как и при первой встрече, совершенно неожиданно. Молодой геолог отдыхал на валежнике у того места, где вчера карабкался по бурелому. Треск сушняка, когда Пахом Степанович был еще довольно далеко, привлек внимание Виктора. Он притаился и стал выжидать. Даже приблизившийся Орлан не мог заметить его. Но как только Пахом Степанович появился у бурелома, Дубенцов, как и вчера на поляне, неожиданно предстал перед ним.

— Тьфу ты, нечистый дух! — добродушно воскликнул старый таежник. — И что ты, паря, за человек, скажи, как тень какая! Живой? Ну, хорошо. А то там, в стойбище, Федор Андреевич шибко о тебе забеспокоился...

В словах и приветствиях бывалого таежника Дубенцов услышал дружеское расположение к себе. Пахом Степанович непритворно изумился, увидев шкуру тигра. Он развернул ее. Желто-белая, с рядами серовато-бурых полос, шкура в длину была около трех метров. Густая длинная шерсть местами оказалась выбитой, местами совсем стерлась.

— Старик, видать... бродяга, — вымолвил Пахом Сте-

панович. — Такой зверь — опасный, случается, и за человеком промышляет. Как же это ты его, а?

Дубенцов рассказал.

— Да ты, видать, паря, нашенский? Вижу, вижу! А все-таки сделал оплошность: опасного зверя надо стрелять в голову. Раньше-то доводилось охотиться на полосатого?

— Первый раз.

— И не убоялся? — с искренним изумлением спросил Пахом Степанович.

— Страшновато было, — признался Дубенцов. — На карабин надеялся.

Потом Дубенцов рассказал о своей пропаже. Пахом Степанович лукаво ухмыльнулся.

— Так и не догадался? Разве в книгах про это ничего не говорится?

— Нечто подобное есть у Брэма, — ответил Дубенцов. — Этот ученый описывал жизнь животных. Там он приводит случай, когда росомахи дочиста съели за ночь тушу зверя, оставленную охотником в лесу.

Пахом Степанович от души расхохотался.

— Сущая правда! — воскликнул добродушный старик. — Она, она обокрала тебя!

— Но ведь должны же остаться обглоданные кости, — возразил Дубенцов, — а тут ничего не осталось!

— Видишь, этот твой ученый, должно быть, из других мест брал пример. А наша, тутошная росомаха, не так делает. Сам проверил. Она как найдет что-нибудь съедобное, то, конечно, старается сожрать все, а уж что не сожрет — тащит на другое место и зарывает в валежнике. Ежели не хватает силенки утянуть сразу, она отгрызает по куску и уносит. Закопает кусок, придет за следующим. И до тех пор, каналья, не успокоится, пока всю тушу не перетаскает. Припасливая!

Он помолчал, усмехнулся в бороду и снова заговорил:

— Иной раз зимой белкуешь где-нибудь в тайге, живешь в палатке — лень избушку поставить. Так вот бывало залезет, каналья, в палатку, когда никого нет, и все до нитки вытаскает. Случалось, даже чайник или пустой котелок уносила и зарывала в снег. Лет десять назад мы с напарником засобирались белковать на всю зиму в тайгу. С осени сходили туда, построили лабаз — избушку такую, на столбах. До снега по речке завезли продуктов

на зиму, юколы для собак. Вернулись в село, мечтаем: вот по первому снежку пойдем на охоту! Пришли, и что же ты думаешь? Лежит он, паря, наш лабазик, на боку, и под ним пусто — ровно кто веником подмел! Росомахи видать, стаей пришли, перегрызли два столба, повалили лабаз, а запасы все сожрали. У-у, шкодливая паскуда!

Солнце стало почти в зените. Горячие его лучи пронизывали тайгу, влажный водзух был до того нагрет, что затруднял дыхание. Вяло посвистывали в буреломе бурундуки.

— Ну, что ж, пошагаем? — поднялся Пахом Степанович. — Там, поди, Федор Андреевич заждался. Шкуру-то давай мне, я понесу. Намаялся, верно, ты с ней...

Перед закатом солнца они благополучно прибыли в стойбище.

Глава пятая

Знакомство Анюты с Дубенцовым. — Воспоминания старого геолога. — Рассказ Дубенцова. — Тайна местонахождения Красного озера. — План Черемховского.

Вечером, вскоре после того, как Пахом Степанович и Дубенцов вернулись из тайги, Черемховский послал Анюту за молодым геологом. У избы, в которой остановился Дубенцов, собралась толпа орочей. Перед ними на земле была разостлана шкура тигра. Орочи о чем-то горячо спорили. Анюта тоже постояла, с любопытством рассматривая добычу геолога. «Какой страшный зверь был!» — подумала она.

Вступая на порог избы, Анюта заметила, что сильно волнуется, и ей стало неудобно: Дубенцов мог заметить, а она не хотела этого. «Ты, что ж это, подружка, уж не влюбилась ли?» — с иронией подумала она о себе. Ей очень хотелось спросить Дубенцова, почему он пошел за тигром. Ведь это отчаянный риск! Разве не мог он дождаться, пока зверь уйдет от стойбища? «Я не пойму, — спросит она в заключение, — почему вы так поступили: из благоразумия, которого я не могу постичь, или из страсти к приключениям?»

Она постучалась и, преодолев волнение, вошла в избу.

Дубенцов занимал маленькую угловую комнатку, лишенную какой бы то ни было обстановки, кроме стола и стула в углу. На полу была разостлана шкура дикого кабана, служившая геологу постелью. На подоконнике — образцы пород с наклеенными этикетками. Дубенцов уже привел себя в порядок. Чисто выбритый, с еще мокрыми, зачесанными назад соломенными волосами, одетый в светлую сорочку и хорошо выглаженный костюм, он был теперь свеж, весь сиял и выглядел почти франтом. Лишь красные царапины и ссадины на руках и темном от загара лице напоминали охотника за тигром.

— Простите, пожалуйста, — заговорила Анюта, входя в комнату — вы, кажется, геолог Дубенцов?

— К вашим услугам, — с приятным удивлением обернулся к ней юноша. Как ей показалось, он с каким-то особым вниманием в упор посмотрел ей в лицо.

— Вас просит к себе профессор Черемховский, — почему-то улыбаясь, сказала Анюта.

— Благодарю. Иду сию же минуту. — И он стал торопливо перебирать бумаги на столе. Заметив, что девушка хочет уйти или, во всяком случае, делает вид, что хочет уйти, он задержал ее. — Простите за нескромность, с кем имею честь разговаривать?

— Черемховская, — полуобернувшись, тихо ответила Анюта.

— Вы родственница Федора Андреевича?

— Дочь.

— Вот как! Очень рад познакомиться! — Дубенцов не подошел, а подбежал к девушке и с чувством пожал ее маленькую руку. При этом Анюта ощутила, что ладонь у него черствая, загрубелая. — Не одобряю только одного, — говорил меж тем Дубенцов: — зачем профессор решился взять вас в такой нелегкий маршрут? Извините, пожалуйста, но здешняя тайга мало приспособлена для приятных прогулок таких хрупких девушек, как вы.

Он смотрел ей прямо в глаза и иронически улыбался. Эта улыбка была так не похожа на ту широкую, веселую и бесшабашную, что на фотографии у Вачи...

Анюта моментально изменилась в лице, глаза ее стали даже гневными. Дубенцов почувствовал, что задел больное место ее самолюбия, но отступать было поздно.

— Я геолог, — холодно сказала девушка.

— Вы, кажется, обиделись? — спросил он, не меняя тона, но с покрасневшими ушами. И, выждав паузу, примирительно добавил: — Простите за неосведомленность. Половину слов беру обратно. Но все же сознайтесь, даже при том условии, что вы геолог, в тайге вам трудновато приходится?

— Вас ждет Черемховский, — сухо сказала девушка и вышла.

Она едва сдерживала слезы. Столько хорошего передумала о нем, так возвеличила его образ — и вот, пожалуйста! Ей казалось, он оценит ее поход в тайгу, как подвиг, а он...

Дубенцов вышел за нею вслед. Он чувствовал себя неловко, но предпринять что-нибудь было уже поздно.

На всем пути до школы они не обменялись ни одним словом. Только на ступеньках крыльца, когда Дубенцов попытался помочь девушке, слегка дотронувшись до ее локтя, она резко сказала:

— Не беспокойтесь.

Черемховский встретил Дубенцова у порога комнаты, и они долго трясли друг другу руки. Только теперь молодой геолог мог ясно рассмотреть ученого. Остроплечий и сгорбившийся, с длинным прямым носом, он был похож на старого нахохлившегося пеликана. Под сумрачно нависшими бровями светились добрые, с ясным взглядом глаза.

— Очень рад, очень рад видеть вас, друг мой, — взволнованно говорил Черемховский, в свою очередь оглядывая Дубенцова. — От души поздравляю с успешной охотой. Должен извиниться, что вчера не помогли вам в столь нужном деле — хищник действительно стоял на вашем и нашем пути. Вы блестяще расчистили этот путь. Прошу, прошу садиться.

С этими словами профессор, обняв Дубенцова за талию, повел к табурету и усадил. Сам он сел напротив у стола, продолжая рассматривать молодого человека.

К Дубенцову, в первую минуту растерявшемуся, начинало возвращаться самообладание. Но мысли в голове еще путались, и он не знал, с чего начать.

— Прежде всего я хочу узнать у вас, Федор Андреевич, — заговорил, наконец, он, — что вам известно об исчезновении моего отца?

Черемховский встал и принялся ходить по комнате, сцепив руки за спиной.

— Ваш отец был одним из тех русских геологов, которые верой и правдой служили отечественной науке. К сожалению, нам раньше приходилось больше копаться в обывательских колодцах, чем совершать серьезные геологические маршруты: казна не находила для них денег. Ваш отец всегда мечтал о такой геологии, какую нам дала теперь советская власть. Мне горько и обидно, что Иван Филиппович не дожил до этих дней. Это был талантливейший геолог! Пусть вас всегда вдохновляет память о нем, дорогой мой Виктор Иванович...

Помолчав, профессор продолжал:

— В свое время я делал попытки выяснить судьбу Ивана Филипповича. Я писал письмо вашей матери...

— Оно у меня, Федор Андреевич. Вот оно...

Дубенцов протянул Черемховскому пожелтевший от времени конверт. Старый геолог с любопытством развернул лист, пробежал содержание.

— Благодарю вас, — промолвил он. — Да. Так, вот, я выяснил, что летом 1919 года Иван Филиппович с геологом Чумариным и молодым топографом-практикантом, не помню фамилии, уходя от интервентов, отправился из Императорской, ныне Советской, гавани через Сихотэ-Алинь, на запад, чтобы выйти к Амуру. Были слухи, что летом следующего года их задержали на Амуре и арестовали японцы. Заподозрили в них партизан...

— А в том, что именно они вышли на Амур, вы уверены?

— Фамилии арестованных названы не были, но, судя по описаниям, это были именно они.

— А не было ли найдено, Федор Андреевич, чего-нибудь из работ этой партии? Какие-нибудь материалы, документы там, на Амуре?

— Нет, я ничего не мог найти. Не скрою, меня такие материалы весьма интересуют. Вам что-нибудь удалось выяснить?

— Материалов, к сожалению, нет, но есть интересные устные сведения. Именно из-за них я и спешил встретиться с вами.

И Дубенцов рассказал о том, как он напал на след отца и как приехал в это стойбище.

— Здесь я без особого труда выяснил, — продолжал

он, — что, во-первых, отец мой действительно проходил вниз по Хунгари — его опознал по фотографии охотник, у которого отец прожил неделю; во-вторых, партия, как говорит ороч со слов моего отца, нашла большое месторождение железа, выходящее на поверхность; в-третьих, отец действительно выходил на Амур, но вся его партия была схвачена японцами и увезена неизвестно куда. И последнее: японцы посылали свой геотопографический отряд к верховьям Хунгари. Следовательно, они получили материалы или устные сведения, представляющие серьезный интерес. Однако как будто они не достигли цели из-за недостатка времени...

— Черт возьми! Поистине, вы пришли ко мне не с пустыми руками! — воскликнул Черемховский. — Продолжайте, продолжайте!..

— Ороч сказал мне, — продолжал Дубенцов, — что отец будто бы говорил: возле месторождения железа есть озеро, и вода в нем красная. А что особенно удивительно: я здесь услышал легенду об орочском герое Джагмане, и в этой легенде упоминается Сыгдзы-му, что значит Красная вода.

Дубенцов вкратце пересказал содержание легенды о Джагмане и Красном озере.

— Местонахождения Красного озера никто из здешних орочей не знает. Но в существование его верят и указывают даже примерное направление — на восток.

Дубенцов умолк. Разгоряченное беседой лицо его с дугами выцветших бровей, под которыми сияли проницательные глаза, стало кирпично-бронзовым. Он мельком взглянул на Анюту, сидевшую у этажерки с открытой книгой в руках. Не изменила ли она своего отношения к нему хоть теперь? Но девушка, следившая все время за молодым геологом, вмиг перевела взгляд на книгу. От Дубенцова не ускользнуло это движение, и он в душе радостно улыбнулся.

Профессор подошел к Дубенцову, ласково положил свою сухую ладонь на его плечо:

— Словно сам Иван Филиппович прислал вас ко мне, дорогой Виктор Иванович, — растроганно заговорил он. — То, ради чего я тщетно затратил многие годы, вы принесли мне сразу. Большая половина моей жизни связана с изучением недр Сихотэ-Алиня. Я давно был убежден, что Сихотэ-Алиньские горы, в значительной части

остающиеся пока «белым пятном» на геологической карте, не могут быть лишены рудных месторождений. Все указывало на это: и сложное геологическое строение хребта и разнообразие участвующих в его строении осадочных и изверженных пород. От полиметаллов, магнитного железняка до апатитов и коксующихся углей — таков, мне кажется, минимальный перечень полезных ископаемых, которые следует здесь искать и которые так сейчас необходимы дальневосточной промышленности.

Постороннему разговор геологов показался бы скучным и даже непонятным, но они говорили о своем родном, чему посвятили жизнь. Обилие специальных слов не усложняло, а, наоборот, облегчало их взаимное понимание.

— Месторождения полиметаллов и магнитного железняка в районе бухты и знаменитое Сучанское каменноугольное месторождение, — продолжал Черемховский, — наглядно убеждают в том, что я прав. Для меня не будет неожиданностью, если где-нибудь среди диких мест в горах и в самом деле обнаружатся огромные залежи железных руд. Могу лишь заметить...

Анюта оторвалась от книги:

— Папа, ты целую лекцию читаешь!

— Ты слушай, как это важно, дочка... Считаю нужным заметить, что искать их надо в осевой части центрального хребта, там, где на поверхность выходят докембрийские и сильно метаморфизованные палеозойские породы и где должны быть развиты металлоносные интрузии *. Иначе говоря, искать надо в пока еще мало доступных для человека районах. Это нелегкое дело. Но время работает на геологов, дорогой мой! Могу обрадовать вас: в плане освоения Дальнего Востока на ближайшие годы намечена постройка железной дороги и через Сихотэ-Алинь.

Старый геолог, сутулясь, энергично зашагал по комнате, думая о чем-то своем. Дубенцов, выждав минуту, спросил:

— Что еще требуется от меня, Федор Андреевич, чтобы приступить к поискам предполагаемого месторождения железа? Может, нужны еще данные, чтобы повод к организации поисковых работ был признан официально?

---

* Интрузии — извержение породы.

— Голубчик вы мой! — воскликнул Черемховский. — Вы должны знать, что я тридцать лет собирал и изучал многочисленные материалы о Сихотэ-Алине, об этой громадной и так мало исследованной стране! Сообщение, которое вы принесли, является венцом моих теоретических исследований. Теперь будем искать! Пойдем в горы и будем искать! Я беру на себя всю ответственность перед Геологическим управлением за ваш поход со мной.

— Я буду рад пойти с вами.

— Завтра же мы начнем подготовку к большому маршруту. Мы договоримся с орочем Мамыкой, который нашел уголь в тайге. Пусть ведет нас. После того как будет найдено и осмотрено месторождение угля, я оставлю там половину отряда, а с наиболее крепкими людьми отправлюсь на батах вверх по Хунгари. Мы обследуем весь район, прилегающий к ее истокам, и, если потребуется, пересечем хребет и дойдем до Татарского пролива... Завтра же я отправлю письмо в Геологоуправление, чтобы через месяц нам дополнительно забросили самолетами продукты. Мы будем работать до глубокой осени, может быть останемся на зиму! Вас устраивает такой план действий?

Последние слова профессор уже выкрикивал — до того он увлекся своими рассуждениями. Дубенцов и Анюта невзначай встретились глазами, оба почему-то улыбнулись и тотчас же стали смотреть на Черемховского.

— Ничего лучшего я не хотел бы, Федор Андреевич, — взволнованно ответил Дубенцов, выслушав профессора; лицо его горело от того, что он услышал, и от того, что улыбнулась Анюта. — Нехватает слов для благодарности... — запинаясь, добавил он. — Мое высшее желание — довести до конца открытие, сделанное отцом.

— Мы доведем его до конца, мой юный коллега, чего бы нам это ни стоило! — энергично сказал Черемховский.

Потом они пили чай. Анюта весьма сдержанно ухаживала за гостем. Но Дубенцов едва ли замечал теперь это. Он весь был захвачен мыслями, только что высказанными старым геологом, радостью, вызванной предстоящим походом в большой маршрут, где с ним рядом будут эти люди, становившиеся ему почти родными, — профессор Черемховский и его дочь.

В тот же вечер он писал письмо матери, намереваясь

отослать его с почтой, которую готовил Черемховский в Геологическое управление. «У меня такое чувство, мама, — писал он, между прочим, — будто я нашел здесь отца живым — образ отца и образ Федора Андреевича как-то странно объединились в одном человеке. Кажется, я еще никогда не испытывал такого неукротимого желания во что бы то ни стало достичь намеченной цели, как сейчас. Эта цель — найти папино месторождение. И ты, милая мамочка, пожалуйста, не беспокойся обо мне. Геологическое управление безусловно разрешит мой поход. Посылаю доверенность на получение моей зарплаты. Итак, вперед на Сихотэ-Алинь!»

Глава шестая

Канчунга Мамыка и его находка. — Пережитки орочей. — В шалаше старого орoча. — Разговор с Мамыкой.

Наутро Черемховский, Дубенцов и Пахом Степанович отправились на переговоры к Мамыке. Старому орочу, как известно, принадлежала честь открытия месторождения каменного угля.

Ежегодно весной, как только сойдет лед с Хунгари, орочи на батах — длинных, выдолбленных из целого тополя или ясеня лодках — отправлялись вниз по течению реки в ближайший пункт «Союзпушнины» — в село Вознесенское-на-Амуре. Здесь они с гордостью извлекали из мешков связки шкурок дымчатой белки, желтого хорька-колонка, шоколадной ворсистой выдры, красной и чернобурой лисицы, шкуры крапчатой рыси, лохматой росомахи, бурого и черного медведя, дикого кабана, сохатого, изюбря, кабарги, козули, барсука. Горы «мягкой рухляди» всяких цветов и оттенков заполняли прилавок магазина, и приемщик едва успевал за день произвести расчет с охотниками.

Продав пушнину, орочи обычно отправлялись на пароходе в Комсомольск-на-Амуре. В городе они иногда жили целую неделю: навещали знакомых горожан, ходили в кино, в парки, а нагостившись, закупали годичный запас продуктов и принадлежностей охотничьего промысла, обнов и подарков близким и пароходом возвращались

в Вознесенское. Отсюда их путь лежал вверх по течению Хунгари на батах в родное стойбище.

Старый Канчунга Мамыка пользовался особой популярностью среди жителей Вознесенского. Общительный и веселый, он был желанным гостем в любом доме. Подвыпив, он обычно находил гармониста и просил, чтобы тот играл на гармошке. А сам по-медвежьи топтался, слегка приседал, монотонно припевая:

— Анара-нара-на-на! Анара-нара-на-на-на!

Мамыка во многом еще придерживался старого. Он, например, строго соблюдал дедовский обычай — никогда не стрелять в медведя. Выследив зверя и выманив его из берлоги, он отбрасывал ружье в сторону и шел на зверя с копьем. Медведицу с детенышами никогда не трогал.

— Его не могу убивай, — объяснял он русским, — его мамка...

Внимание посторонних привлекала продолговатая, в виде челнока, берестяная шкатулка, которую Мамыка всюду носил с собой и, по-видимому, никогда с ней не расставался. Он держал в ней различные камешки, по одному из каждой породы: горошки кальцита, кусочки кварца, мрамора, кремня, зеленые и синие осколки медного колчедана, крохи красивейшей яшмы, куски порфира, малахита, ноздреватого туфа и многих других пород. Богатство свое старый ороч никому не доверял, разрешая посмотреть на него только из своих рук, и очень сердился, если кто-нибудь пытался в шутку стащить у него хотя бы один камешек.

Однажды весной Мамыка привез в Вознесенское, кроме шкатулки, еще и увесистый кубический камень, завернутый в тряпицу. Как только баты пристали к берегу, Мамыка поспешил к председателю местного колхоза, своему большому приятелю. Поздоровавшись, он развернул тряпицу, спросил:

— Его какой камень?

Председатель долго и с интересом рассматривал черную тусклую глыбу.

— А знаешь, Канчунга, — сказал он наконец, — по-моему, это каменный уголь. Где ты нашел его? Ведь такой камень для любого дома нужен. Он даже пароходы и машины двигает.

Мамыка просиял:

— Вот правильно тебе говори! Моя тоже гляди: па-

роход такой камень печка гори. Моя на Удоми находи такой камень. Моя тогда думай: его, однако, шибко дорогой камень!

— И много там этого камня?

— Кругом сопка такой камень, шибко много! — Мамыка сделал руками широкий охватывающий жест.

А через две недели этот камень попал в руки Черемховского и послужил поводом для организации поискового геологического отряда.

Черемховский, Дубенцов и Пахом Степанович вышли на пригорок к Хунгари. Внизу, в галечных берегах, шумели быстрые струи прозрачной воды. Сверкая под лучами солнца, река выбегала слева из лесистой поймы, стремительно неслась вдоль стойбища и уходила за обрывистый утес. За рекой на юг простирался сумрачный бескрайний океан тайги.

На берегу там и сям стояли и ходили женщины с удочками, бегали ребятишки, таская ведра с уловом. Некоторые женщины были с грудными детьми. Время от времени то одна, то другая женщина дергала удилище, и в воздухе сверкала серебристая рыба.

Среди рыбачек Черемховский увидел и свою дочь и фельдшера Карамушкина. Рядом с ними стояла учительница. Анюта удила. Но дело у нее, как видно, не клеилось.

— Ой, Анюточка, опять не так! — смеялась Вача. — Поглубже леску надо опускать. Давай еще раз покажу. Посмотри-ка...

Учительница взяла удилище и забросила леску в самую стремнину. Не прошло и минуты, как возле крючка всплеснулась вода, и в тот же миг в воздухе сверкнула серебристая рыбка.

— Не могу смириться, что орочи едят сырую рыбу, — с огорчением сказал Дубенцов профессору, когда они проходили по берегу. — Если вы, Федор Андреевич, поинтересуетесь и заглянете в ведра рыболовов, то ни у одного хариуса не найдете глаз — рыбачки съедают их немедленно.

— Нет особой причины огорчаться, Виктор Иванович, — ответил профессор. — Привычки, воспитанные веками, не исчезают скоро. И что же, — спросил он, переменив тон, — такая ловля рыбы идет у них каждый день?

— Да, ловят на завтрак, обед и ужин.

— Стало быть, все-таки варят рыбу?

— Конечно.

— Вот это уже наша победа! — сказал Черемховский. — Далее, я видел здесь коров. Очевидно, и к молоку орочи привыкли? — спросил он.

— Пока не все. Дети — те очень любят молоко. А вот овощи едят все с удовольствием.

— Вот оно как! А мне, Виктор Иванович, довелось бывать среди орочей, когда быт их был ужасным, — говорил Черемховский. — Они тогда по преимуществу питались сырой рыбой. А теперь, я вижу, произошли большие перемены в их жизни. Разумеется, пережитки старого долго еще будут оставаться, но начало новому положено, и недалеко время, когда старое исчезнет совсем.

На краю стойбища особняком стояла новенькая изба Мамыки. Плотно прикрытая дверь и чисто вымытый порожек указывали на то, что хозяева не живут тут. Так и оказалось: избе они предпочли берестяной шалаш, который виднелся поодаль, рядом с амбарчиком-лабазом, поднятым на четыре столба в рост человека. К шалашу были прислонены обструганные шесты, которыми пользуются орочи при езде на батах; рядом валялись весла. В тени амбарчика вверх дном лежала маленькая лодка — оморочка, искусно сделанная из березовой коры. Возле шалаша дымился костер. Пожилая орочка в заношенном халате суетилась с посудой у костра, тут же играли ребятишки.

Пахом Степанович, кое-что знавший по-орочски, что-то спросил у женщины; та молча кивнула на шалаш. Вход в него был так низок, что надо было входить чуть ли не на четвереньках. У входа лежал коврик из березовой коры, украшенный резным орнаментом. В шалаше земляной пол устлан кабаньими шкурами, в углу — швейная машинка, рядом тикает будильник; на стенах — заготовки рыбьей кожи для обуви, дратва из жил сохатого, пучки каких-то трав. В темном углу — деревянная фигура идола с раскрытым ртом. Сам хозяин, сидя на корточках, обрабатывал какую-то шкурку.

— Батькафу, — приветствовал его Пахом Степанович.

— Батькафу, — весело и живо отозвался хозяин.

Старый таежник о чем-то заговорил на нанайском языке, ороч отвечал ему; потом они, нагнувшись, вышли из шалаша.

Черемховский с интересом рассматривал Мамыку. Старый ороч был невысок ростом, щупловат. Длинные редкие волосы с проседью зачесаны кверху и гривой спадали на затылок. Узкая длинная роба, подпоясанная ремешком, узкие же парусиновые штаны, обтягивающие сильные короткие ноги, — таким было одеяние старого ороча.

Профессор протянул ему руку и назвал себя.

— Здравствуй, — с готовностью заговорил Мамыка, переступая с ноги на ногу. — Тебе ходи моя гости? Однако, надо пойти изба...

Плоское лицо ороча с приплюснутым носом и острым, сильно выдвинутым вперед подбородком казалось всегда улыбающимся. Это выражение создавалось не только весело прищуренными, сильно скошенными глазами, но и приподнятыми кверху уголками плотно сжатых, как бы вытянутых в улыбке губ.

Мамыка провел Черемховского и его спутников в избу. Здесь остро чувствовалась затхлая сырость необжитости. На стенах висели пучки спрессованных табачных листьев, в углу виднелась просыхающая шкурка кабарги. Все уселись вокруг стола, накрытого свежей клеенкой, и Черемховский сказал, обращаясь к Мамыке:

— Мы пришли просить вас, чтобы вы провели наш отряд к тем сопкам, где вы нашли вот этот уголь.

Профессор развернул пергамент и показал Мамыке небольшой кусок угля. Ороч еще более оживился, лицо его просияло. Он долго вертел в руках уголь, весело поблескивая глазами. На этот раз он отвечал на своем родном языке, обращаясь то к Пахому Степановичу, то к Черемховскому.

— Ему, вишь, трудно все сказать по-русски, — мало знает слов, — объяснил Черемховскому Пахом Степанович. — Он говорит, что идти нужно далеко, что там трудные и опасные места, и спрашивает, есть ли у вас ружья и достаточно ли боеприпасов.

Черемховский рассказал о составе экспедиции, ее оснащенности, спросил, какую плату хотел бы получить Мамыка и когда он будет готов вести отряд к месторождению.

Переводя ответ Мамыки, Пахом Степанович сказал:

— Он говорит, что ему никакой платы не нужно, только чтобы дали боеприпасов на дорогу. И еще сказал, что

раз Дубенцов тоже будет с отрядом, то ему не страшно идти хоть к Сыгдзы-му.

— Что это за Сыгдзы-му? — поинтересовался Черемховский.

— Сыгдзы-му, по их понятию, Красная вода.

— Спросите-ка, спросите, Пахом Степанович, где находится это место? — обратился к таежнику Дубенцов, многозначительно взглянув на Черемховского.

— Его шибко-шибко далеко, — ответил все время следивший за разговором ороч по-русски и заметно заволновался. — Там много живи амба...

— Видимо, в их понятии это место также связано с обитанием тигров, — предположил вслух Дубенцов, вопросительно посмотрев на старого геолога.

— Когда же он все-таки будет готов вести нас, спроси его, Пахом Степанович, — обратился профессор к проводнику.

Мамыка в ответ долго объяснял что-то.

— Он говорит, что хотел бы хоть сейчас идти в тайгу, — стал переводить Пахом Степанович, — но тут без него за коровами некому будет смотреть. Колхозный животновод и доярка уехали вместе с председателем колхоза и председателем сельсовета на Амур, а ему, стало быть Мамыке, доверили сохранять мэтэфэ. Она только в позапрошлом году организована, и люди еще не умеют как следует ухаживать за скотом. Большинство женщин боится даже подходить к коровам. Вот и приходится Мамыке доить коров — его научил животновод перед отъездом на Амур. Люди вернутся, как он думает, дня через три—четыре. Он спрашивает, можете ли подождать?

— Поскольку такое положение, мы будем ждать, — посматривая на Мамыку, сказал Черемховский.

После некоторого раздумья ороч снова заговорил с Пахомом Степановичем на родном языке. Старый таежник внимательно выслушал его, усмехнулся в бороду и перевел:

— Он спрашивает, Федор Андреевич, узнало ли правительство, что Мамыка нашел в тайге дорогой камень. Он думает, что это само правительство прислало вас сюда.

— Скажи ему, — ответил профессор, — что он правильно думает.

Пахом Степанович перевел.

— Надо тогда все стойбище ходи, — заявил Мамыка по-русски. — Ходи все баты и таскай дорогой камень Амур, пароход...

К счастью, геологам недолго пришлось ждать. На другой день после этого разговора Черемховский, Дубенцов, Анюта и Пахом Степанович, склонившись над картой Центрального Сихотэ-Алиня, обсуждали маршрут похода. С улицы донесся непонятный шум: громкие голоса женщин, радостные возгласы и визг ребятишек, поднявшийся вдруг заливистый лай собак.

— Что там случилось? — спросил Черемховский.

Дубенцов вышел на улицу и вскоре вернулся.

— Все бегут к берегу. По-видимому, охотники возвращаются с Амура.

— Что ж, надобно и нам выйти встретить их, — предложил старый геолог.

Они вышли на берег Хунгари в тот момент, когда здесь уже стояли два бата с охотниками, а из-за утеса одна за другой появлялись новые лодки. На виду толпы все батчики, по старинной традиции, стремились быстрее пристать к берегу — кто кого обгонит. Как будто позади и не было расстояния в двести пятьдесят километров против течения! Ловкие, разгоряченные состязанием, молодые и пожилые орочи с усердием налегали на шесты, опираясь о дно, стремительно посылали баты к берегу. Смех, восторженные вопли, громкий возбужденный говор — все сливалось в один общий шум, все радовались благополучному возвращению.

Геологи зачарованно наблюдали за этой самобытной картиной. К батам, которые уже пристали к берегу, невозможно было протиснуться: весь берег занимала толпа встречающих.

По мере того как приставали все новые баты, по рукам толпы пошли различные городские предметы — покупки, привезенные охотниками. Тут были отрезы разноцветной материи, пестрые женские шали, ботинки, кастрюли, сковородки, красочные плакаты, книги, коробки с печеньем и конфетами и много другого добра.

Постепенно толпа стала стихать и, наконец, исторгнула из себя двух орочей — молодого, стройного, в хорошем костюме городского покроя и пожилого, коренастого, с веселыми, лукавыми глазами. Они подошли к геологам,

поздоровались со всеми за руку. Молодой, назвавшийся председателем сельского Совета Мулинкой (второй был председатель колхоза), деловито сказал Черемховскому с едва заметным акцентом:

— Мы узнали о вашей экспедиции в Комсомольске перед отправлением домой. Мне поручено оказывать вам всяческую помощь. Прошу продумать все, что требуется от нас, и завтра сказать мне и товарищу Актынке, — и он указал на председателя колхоза.

— Благодарю вас, — с подчеркнутой учтивостью ответил профессор. — Пока что требуется только одно: побыстрее освободить товарища Мамыку от обязанностей дояра.

Мулинка расплылся в улыбке, сказал что-то по-орочски Актынке. Тот усердно закачал головой и тоже рассмеялся.

— Мамыка уже сейчас может быть свободным, — сказал Актынка, весело поблескивая лукавыми глазами. — Только он очень суеверный человек. Боюсь, как бы не испугался вести вас к Удоми...

До глубокой ночи гомонило стойбище в этот день. Из открытых дверей и окон избы-читальни долго разносились мелодии вальсов и фокстротов, хоровых песен и скрипичных концертов: то проигрывали на патефоне новые пластинки, привезенные из Комсомольска-на-Амуре.

Глава седьмая

Выход отряда. — Таежный орел. — Охота на глухарей. — Обиталище злых духов. — Примирение. — Последнее человеческое жилье осталось позади.

Перед восходом солнца следующего дня отряд Черемховского покидал стойбище. Утро стояло прохладное, росистое, ясное. Звон боталов на шеях лошадей, людской говор далеко разносились в таежном воздухе и эхом отдавались в тишине леса. Несмотря на ранний час, почти все население вышло провожать изыскателей.

Вытягиваясь длинной шумной вереницей, караван тронулся. Впереди отряда с достоинством и важностью

выступал Мамыка. Он был одет легко и удобно: ситцевый короткий халат, перетянутый синим кушаком, пестро расшитая охотничья шапка-шлем с фартуком, спадающим на плечи, лосевые унты с головками из рыбьей кожи. За спиной — небольшая котомка, в руках — ружье.

Дубенцов со своим карабином и непромокаемым рюкзаком выделялся среди всех легкой статной фигурой скорохода. Экипировка молодого геолога полностью соответствовала требованиям трудной поисковой работы в тайге. Поверх синего комбинезона накинут просторный прорезиненный плащ из легкой материи, на голове — шляпа с черной сеткой накомарника, на ногах — такие же, как у Мамыки, сохатиные бродни, не боящиеся ни воды, ни бездорожья. Под плащом, на поясе, перехватывающем комбинезон, виднелась кожаная сумочка с горным компасом, лупой, фарфоровой пластинкой и записной книжечкой, в специальных клапанах — геологические молотки: средний и маленький, два зубила, ремешок от перочинного ножа (у геологов они обычно снабжены большим набором мелкого инструмента: шилом, ножницами, подпилочком и другими принадлежностями, необходимыми в путешествии, особенно в поисковых геологических работах).

Анюта старалась незаметно рассмотреть теперь Дубенцова в походном снаряжении. То, чему учили ее в институте по курсу «Методы полевых геологических исследований», она впервые увидела воплощенным на практике. Девушке вновь показалось, что Дубенцов именно таков, каким он ей рисовался после первой встречи в тайге. Ей хотелось отбросить в эту минуту все условности (она давно забыла обиду) и поговорить с ним по душам перед началом трудного путешествия. Но чувство какой-то неловкости мешало этому.

На вершине увала, за стойбищем провожающие отстали и повернули домой. Караван стал медленно втягиваться в сумрачный лес. Вот скрылась в зарослях и последняя лошадь. Только звон боталов продолжал доноситься оттуда, но скоро заглох и он.

Сначала тропа вела геологов по густому смешанному лесу. Справа неподалеку шумела река. Затем отряд вышел на берег Хунгари и стал придерживаться его, двигаясь с увала на увал.

В полдень караван спустился в ложбину, видимо за-

топляемую весной разливом Хунгари. Пойма реки изобиловала протоками с песчаными островками, с торчащими на них там и тут замытыми корягами. Берег был усеян крупной отполированной галькой, заглушавшей всякую растительность. Более удобного места для отдыха трудно было подыскать, и отряд остановился здесь на обеденный привал.

Люди уже обедали, когда неподалеку за лесом послышался многоголосый шум птиц, и вскоре из-за увала показалась большая стая галок, ворон и сорок, а среди них, расправив огромные крылья, летел бурый белохвостый орел. В своих когтях он держал гадюку, висевшую безжизненно, как плеть. Орел опустился среди поймы на одну из коряг и, не обращая внимания на ворон и сорок, спокойно принялся за свой скромный обед. Птицы роились вокруг, подлетали иногда совсем близко, намереваясь вырвать добычу. Но стоило орлу поднять голову с грозным клювом, как они разлетались в разные стороны.

Покончив с добычей, орел принялся было чистить клювом перья, но вдруг насторожился, только теперь, видимо, заметив людей, посмотрел вокруг, тяжело подпрыгнул и на мгновение повис в воздухе на широких крыльях. Покружив над рекой, он взмыл вверх и, сопровождаемый стаей пернатых, направился на восток, где синели хребты Сихотэ-Алиня.

— Его много живи там! — воскликнул Мамыка, провожая орла восхищенным взглядом. — Его не могу доставай, — шибко крутой сопки живи!

После обеда отряд двигался по низине вдоль берега реки. Тропа вилась то по галечным и песчаным косам, то среди густых зарослей тальника. В одной из зарослей все услышали лай Орлана, доносившийся спереди. Лай был необычным. Собака то сердито и отрывисто тявкала, то начинала скулить, удивительно меняя тона.

— Глухари... — промолвил Пахом Степанович. Он остановился и прислушался. — Так и есть... Орлан глухарей забавляет... Федор Андреевич, позволь-ка нам с Виктором Ивановичем попромышлять, хороший ужин принесем.

Черемховский остановил караван. Старый таежник позвал Дубенцова, шедшего позади с техником Стерлядниковым. Охотники быстро скрылись за тальником. Дубенцов едва успевал за Пахомом Степановичем. Казав-

шийся неуклюжим, старый таежник теперь преобразился: движения его стали осторожными, мягкими, грузная фигура ловко и неслышно протискивалась между густыми лозами тальника.

Вот и Орлан показался. Собака вела себя до смешного странно: то прыгала, словно козел, на одном месте, громко тявкая, то опрокидывалась на спину, каталась по корневищам и забавно скулила.

Пахом Степанович молча тронул Дубенцова за плечо и указал вверх. В густой листве геолог разглядел несколько серовато-бурых больших птиц, с интересом наблюдавших за проделками собаки. Это были действительно глухари. На макушке одного деревца, выше остальных птиц, сидела матка. Она выделялась более светлым, чем у молодых, желто-буроватым оперением, заметным гребешком на голове и резкими красными дужками бровей.

— Хорошо сидят, шепнул Пахом Степанович. — Примащивайся тут, а я зайду стороной. Когда надо будет стрелять, свистну два раза по-глухариному.

Пахом Степанович неслышно скрылся в чаще. Ожидая свистка, Дубенцов устроился так, что на линии выстрела у него оказались две птицы, и с нетерпением ожидал сигнала. Наконец справа послышался легкий свист. Ему в тон ответил один из глухарей, вызвав у Дубенцова улыбку. Почти одновременно прогремели два выстрела. Оглушительное хлопанье крыльев наполнило тальник — грузные птицы взмыли в воздух и стремглав понеслись в разные стороны.

Три глухаря упали на землю. Пока Дубенцов пробрался к добыче, там уже стоял Пахом Степанович с сияющим лицом, держа за шею большую подстреленную птицу. Орлан весело вертелся у ног хозяина.

— Однако, паря, они далеко не ушли, — возбужденно говорил Пахом Степанович, — надо побегать, весь выводок можно собрать.

Он сложил убитых птиц, оставив возле них Орлана. Охотники направились в разные стороны, и снова выстрелы загремели в чаще.

Через полчаса Дубенцов и Пахом Степанович, разгоряченные и возбужденные, вернулись к отряду. На поясе таежника висело пять глухарей, у Дубенцова — три. Пахом Степанович мастерски приторочил добычу к вьюкам лошадей, и караван продолжал свой путь.

Под вечер, когда отряд пробирался сквозь густой березовый лес, растущий по террасе вдоль берега, Мамыка повернулся к Черемховскому и Пахому Степановичу, которые шли следом, и как-то многозначительно и вместе с тем таинственно сказал вполголоса:

— Скоро смотри маленький стойбище. Худо-худо старика живи... — и он опасливо стал озираться вокруг.

— Разве здесь еще стойбище есть? — не понял Черемховский.

— Есть, маленький-маленький, — пояснил проводник.

Действительно, незадолго до заката солнца отряд спустился с террасы на более низкий уступ и очутился на большой поляне, выходящей к берегу реки. Поляну, заросшую высоким чернобылом, со следами бывшего здесь когда-то поселения, обступал плотной стеной сумрачный лес. В самом дальнем конце поляны, возле стены леса, виднелись за чернобылом три невысокие мазанки. У тропы, ведущей от мазанок к реке, стоял черный высокий столб, покрытый крупной и глубокой резьбой. Напротив шумела ветвями одинокая старая береза. Среди ее листвы белели продолговатые черепа каких-то животных.

Черемховский, несмотря на робкие возражения Мамыки, распорядился остановиться здесь на ночлег. Пока ставили палатки и натягивали коновязь, Анюта и Карамушкин не отходили от черного столба. Туда же подошел и Дубенцов. Высокий полусгнивший столб от основания до вершины был испещрен фантастическими резными рисунками: чудовищные птицы с черными ногами и огромными толстоклювыми головами, а вокруг них извивающиеся драконы с коротконогими человечками в зубах. Столб венчала черная фигура идола — широкоскулого, с глубокими глазницами, полуоткрытым ртом до ушей.

Анюта, стоявшая рядом с фельдшером, через плечо взглянула на Дубенцова, затем повернулась к нему и с деланной холодноватостью сказала:

— Простите, пожалуйста, не можете ли вы объяснить нам смысл и назначение этого столба с такими ужасными рисунками? Мы с Игнатом Харитоновичем никак не можем объяснить, зачем все это здесь?

— Это пристанище летающих в тайге злых духов, — равнодушно ответил Дубенцов. — По верованиям старых орочей, духи отдыхают на этом столбе. Когда-то прежде

У тропы, ведущей от мазанок к тропе, стоял черный высокий столб. От основания до вершины он был испещрен фантастическими резными рисунками.

все орочи приходили к столбу и просили злых духов не делать им зла, не обижать, не посылать никаких болезней, помогать на охоте. Предполагалось, что злые духи должны быть благодарны людям за устроенное им пристанище и в порядке взаимности оказывать услугу людям.

— Не правда ли, рациональный культ? — с заметным оживлением спросила Анюта.

— Ничего не скажешь, придумано хорошо.

— А что означает вот это? — уже смелее спросила Анюта, показав на березу с черепами.

— Я думаю, что это медвежьи черепа, — заметил Карамушкин.

— Да, это медвежьи черепа, — повернулся туда же и стал объяснять Дубенцов, заложив руки за спину. — Каждый из этих черепов — результат «медвежьего праздника»... Жители тайги изредка еще и теперь справляют такие праздники, отмечая ими конец зимней охоты. Некоторые народности, как, например, сахалинские нивхи, выращивают для этой цели пойманного в тайге медвежонка. Праздник у них начинается с того, что они с церемониями убивают медведя копьем. А орочи и нанайцы с этой целью охотятся на медведя перед тем, как ему выйти из берлоги. Берлогу отыскивают заранее. В один из весенних дней охотники отправляются к берлоге и начинают разрушать ее. Медведь, естественно, с негодованием вылезает оттуда и бросается на своих преследователей. Тут его колют копьями. Сняв шкуру, вырезают часть мяса и тут же варят и едят. Остальное везут в стойбище и устраивают пир. Череп медведя, вываренный и очищенный от мяса, коптится в дыму над костром и вывешивается на жертвенной березе.

— Для чего?

— Для того чтобы дух этого медведя, витая над землей, мог навестить свои останки в виде черепа и там найти приют при необходимости.

— Вы хорошо объясняете, — заметила Анюта. — Как заправский экскурсовод в музее.

— Да, да, очень хорошо, — подтвердил Карамушкин.

— Благодарю за комплимент, — улыбнулся Дубенцов и долгим взглядом посмотрел на девушку. Потом сказал: — Послушайте, Анна Федоровна, вы сильно обиделись на меня в тот раз в стойбище? Помните?

— А вы не забыли?

— Такое трудно забывается. Знаете, я сгорел тогда от стыда. Я прошу вас: извините...

— Хорошо, извиню, если вы сделаете для нас еще одну... любезность...

— Покупать извинение? — с деланным негодованием спросил Дубенцов.

Анюта посмотрела на него, лукаво улыбнулась, о чем-то подумала, и лицо ее сделалось вдруг румяным.

— Вы, пожалуй, правы, — сказала она. — Отбросим это. Объясните, пожалуйста: вот стоят халупы, из них никто не вышел, несмотря на то, что прошло уже полчаса, как мы здесь. Между тем там есть кто-то, видите — дымок над трубами? Давайте войдем туда?

— У вас какое-нибудь дело там? — спросил Дубенцов Анюту.

— Никакого, только посмотреть.

— А мне нужно знать это для работы, — многозначительно сказал Карамушкин.

— Я с удовольствием пойду сопровождать вас, но хочу предупредить, что нас там не ждут. Здесь доживают свой век несколько фанатических стариков и старух, которые не любят, когда к ним заходят посторонние. Вы обратили внимание, что Мамыка ведь тоже не зашел к ним?

— О, тем интереснее! Мы только взглянем и сейчас же уйдем. Хорошо?

— Да, да, только взглянуть, — подхватил фельдшер.

Не доходя до мазанок, Анюта остановилась, указала на деревья, которыми начиналась стена мрачного леса. На некоторых березах в развилках ветвей лежали небольшие свертки из бересты, привязанные высохшими лыками. Одни свертки уже почернели от времени, сильно покоробились, другие выглядели более сохранившимися, а один был и совсем свежим. Солнце готовилось уйти за темную стену леса, и последние его лучи, пронизывая кроны деревьев, золотили листья, свертки, стволы берез.

— Здесь детское кладбище, — объяснил Дубенцов, стоя рядом с Анютой. — Некоторые орочи еще соблюдают старые обычаи. Умершего ребенка они завертывают в березовую кору и везут из стойбища сюда, чтобы укрепить на дереве, возле этой обители. Если умирает юноша, то его хоронят подальше от жилья; при этом не на дереве, а в земле. Пожилого покойника уносят в тайгу

еще дальше, старика же уносят совсем далеко и зарывают глубоко в землю.

— Эта дифференциация, очевидно, с чем-нибудь связана? — спросила Анюта.

— Разумеется, — ответил Дубенцов и стал объяснять: — Ребенку нельзя ходить далеко в тайгу. Юноша смелее, ему не страшно удаляться от жилья. А старик насквозь знает тайгу и не боится уходить куда угодно. Так объясняют старые орочи...

Они подошли к средней мазанке, и Дубенцов постучал в дверь. Никто не ответил. Он открыл дверь и заглянул в помещение. Там стоял глухой полумрак. В нос ударил запах тухлой рыбы и прокисших шкур животных. Войдя туда, Анюта и Дубенцов разглядели людей. Посреди избы, на полу, застланном цыновками из травы, сидели две косматые полуслепые старухи и совсем дряхлый старик — распухший, видимо больной водянкой. Все трое медленно, с какой-то торжественностью, доставали руками рыбу из большого медного котла и молча ели.

— Батькафу, — приветствовал их Дубенцов.

Но ни старик, ни старухи даже не взглянули на вошедших. Постояв с минуту в неловкой тишине, Анюта и Дубенцов поспешили на свежий воздух.

— Какие антисанитарные условия! — сердито плюнул Карамушкин.

— Это ужасно, такая страшная жизнь! — взволнованно говорила Анюта, когда они узкой тропой возвращались к бивуаку. — И как же далеко ушли от этой жизни орочи в большом стойбище! Сравните мир Вачи и мир этих фанатиков. Поистине, неизмеримая дистанция! Благодарю вас, Виктор Иванович, за эту весьма полезную экскурсию.

При этих словах она с доверчивой улыбкой взглянула на молодого геолога, стараясь уловить его настроение. Анюте показалось, что он безразличен к ней, и это немножко смутило ее. Они молча разошлись по своим палаткам.

Едва заметной тропой, известной лишь старому орочу, отряд назавтра продолжал свой путь, оставив позади последнее человеческое жилье. Тропа, как и накануне, вилась вдоль берега Хунгари, только изредка отклоняясь в глубь тайги.

Анюта и Дубенцов теперь все чаще шли вместе. Девушка внимательно присматривалась к молодому геологу, старалась и не могла разобраться в его характере. Иногда он казался ей замкнутым и даже недобрым, — и это огорчало ее, иногда, наоборот, очень общительным, внимательным и отзывчивым, — и тогда Анюта начинала верить, что он не только «отчаянная голова», но и добрый, отзывчивый человек. В такие минуты она почему-то радовалась, делалась веселой и с увлечением говорила с Дубенцовым на самые различные темы. Во всяком случае она уже понимала, что это не только деятельный и энергичный человек, но и сложная натура. Но чего в нем больше — хорошего или плохого?..

Вот и на этот раз они оказались вместе в голове каравана; позади на некотором расстоянии от них ехал верхом профессор Черемховский.

— Ну как, Анна Федоровна, не снились вам прошлой ночью злые духи? — весело спросил Дубенцов Анюту. Видно было, что у него хорошее, мальчишеское настроение. Таким словоохотливым Анюта редко видела его.

— Я так крепко сплю после переходов, что не вижу никаких снов, — усмехаясь, ответила девушка. — Хотя должна сознаться: одну ночь меня преследовал тигр...

— То есть?

— Когда вы не вернулись ночью с охоты...

Анюте очень хотелось услышать, что же ответит Дубенцов на этот знак проявленного к нему доброго внимания. Но он никак не ответил, попросту перемолчал. Девушка почувствовала себя неловко, поняла, что сделала необдуманное, ненужное признание, и тотчас поспешила переменить тему разговора.

— Виктор Иванович, объясните, пожалуйста, — попросила она, — что подразумевается под злыми духами? В каком образе живут эти мифические существа?

— А вы спросите Мамыку, он лучше меня знает.

— Давайте вместе спросим его. Я не умею с ним разговаривать.

Они догнали ороча. Мамыка с напряженным вниманием выслушал вопрос Дубенцова.

— Его, однако, всяко-разно есть, — задумчиво ответил ороч. — Есть птица летай, есть рыба, Хунгари живи, есть зверь — тайга смотри, охотник. Ему хитрый-хитрый, все смотри! — Недобрый огонек блеснул в глазах оро-

ча. — Много люди — ему убегай, мало люди, один ходи — ему смотри, мешай охота.

— А как он мешает охотиться? — спросила Анюта.

Мамыка не сразу ответил. Перекинув ружье с одного плеча на другое, он стал рассказывать:

— Моя был когда молодой, ходи далеко вершина Удоми, соболь промышлять. Много день ходи! Смотри моя след соболь, давай ходи ему, ищи. Потом слушай: девочка маленький плакать тайга. Моя смотри-смотри кругом — нет девочка! Моя опять ходи, девочка опять плакать. Моя думай-думай: где девочка? Ходи искать. Долго моя искал, уходи далеко сопка, девочка нет! След соболь тоже нет. Моя хочу ходи обратно — начинался пурга. Три дня пурга у-у-у, — загудел Мамыка, подражая злому вою ветра. — Снег много падай, совсем моя хорони. Кушай совсем нет — такой лимонник весь день, — показал он ладонь, согнутую в горсть. — Моя думай, совсем могу помирай. Когда пурга уходи, моя бросай охота, быстро-быстро побежал домой.

— Как же можно бороться с ним? — спросила Анюта, с огромным интересом выслушав старого ороча.

Мамыка, по-видимому, не понял вопроса; он в недоумении посмотрел на девушку и ничего не ответил.

— Виктор Иванович, спросите вы, пожалуйста, Мамыку: можно ли бороться со злым духом и как? — Анюта при этих словах взяла Дубенцова за руку.

Всеми доступными средствами геолог объяснил орочу вопрос девушки.

— Много люди ходи, ему тогда убегай, — объяснил ороч. — Один люди ходи, надо проси его: «Уходи дальше, моя худо делай тебе нет». Крупа клади, табак. Ему забирай, тогда уходи.

— Выходит, они порядочные взяточники! — рассмеялась Анюта.

Тропа в это время пошла по крутому, довольно высокому склону. Спускаясь вниз, Дубенцов предложил Анюте помощь. Они взялись за руки, да так и шли потом...

— Я удивляюсь, — говорила Анюта, поправляя съехавшую на затылок шляпу с накомарником, — как при всем этом орочи в тайгу ходят? Они должны бояться ее.

— Вы правы, они действительно ее боятся, — подтвердил Дубенцов. — Больше того, по их поверьям, существуют места, где человеку вообще нельзя появляться.

О таких местах я слышал неоднократно, а в последний раз — легенду о Сыгдзы-му — мы с вами слышали вместе. Думается, что это связано с действительными опасностями. В особенности страшат орочей тигры. Они, правда, редко заходят сюда, но, по рассказам, на юге и юго-востоке в верховьях Хунгари тигры водятся постоянно.

— Знаете, я очень завидую вашей осведомленности, Виктор Иванович, — сказала Анюта, когда Дубенцов умолк. — Вы хорошо знаете быт народностей своего края.

— Я всегда увлекался геологией, Анна Федоровна, — ответил Дубенцов, — а эту так называемую осведомленность считаю необходимым условием для человека, работа которого связана с природой. Я убедился, что в народном творчестве иногда проскальзывают такие сведения об окружающей природе, каких в литературе не сыщешь. И я уверен, что в той части легенды о Джагмане, где речь идет о крушении скал — помните: «Гора, гора, обрушь на меня скалы»? — что-нибудь есть от действительной катастрофы в горах, происшедшей на памяти орочей.

Отряд миновал заросли развесистой ветлы и вышел на чистый низменный берег Хунгари.

Все сразу увидели на противоположном берегу реки, на расстоянии не более ста метров, медведицу с тремя крохотными медвежатами. Это было так неожиданно, что Анюта схватила Дубенцова за локоть. Геолог остановился, любуясь редким зрелищем. Кое-кто защелкал затворами ружей, вкладывая патроны. Звери бродили по песку возле самой реки. Крупная бурая самка лапами раскапывала песок; вокруг нее неуклюже бегали медвежата.

Почуяв зверя, лошади вскинули головы, насторожили уши. Заскулил Орлан. Медведица подняла острую морду с широкими бакенбардами и черным пятачком носа и стала принюхиваться.

— Улю-лю-ю-у! — пронзительным фальцетом закричал Мамыка. — Ата-та-та-та-а-а!

Медвежата сорвались с места и кубарем покатились в тальниковую чащу, за ними легкой рысцой неторопливо подалась и сама медведица.

— Его шибко боюсь! — торжествующе кричал Мамыка, потрясая в воздухе ружьем. Он был сильно возбужден, старался казаться веселым, но за всем этим можно было различить излишнюю нервозность.

Анюта подметила все это и, когда отряд двинулся дальше, сказала Дубенцову:

— Мне кажется, что в голосе Мамыки звучали какие-то беспокойные нотки. Что это — страх?

— В данном случае это скорее не страх перед медведицей, а страх за медведицу с детенышами. Мамыка боялся, как бы кто из нас не выстрелил в нее. Сам он никогда этого не сделает.

Был уже полдень, и отряд остановился на песчаной косе, чтобы пообедать и дать отдых лошадям.

Глава восьмая

Переправа через реку Удоми. — Случай с Мамыкой. — Отвага Дубенцова. — Вынужденная остановка. — Первые геологические маршруты и находки.

На четвертые сутки в полдень отряд подошел к устью реки Удоми, впадающей в Хунгари. Приток преградил путь, и отряду предстояло форсировать его, чтобы двигаться дальше. По словам Мамыки, до месторождения угля оставался дневной переход. Удоми была неширокой, метров пятнадцать—двадцать, но очень быстрой рекой. Множество глубоких промоин то под одним, то под другим берегом делали ее опасной для переправы. По старой памяти Мамыка быстро отыскал перекат глубиной не более метра между ямами, и изыскатели стали готовиться к переправе. Переправляться было решено на лошадях, верхом, чтобы не купаться без надобности в холодной воде. Но на лошадях были тяжелые вьюки, поэтому Черемховский распорядился прежде переправить груз, а затем уже и людей.

Впереди пустили старую, наиболее спокойную лошадь. На ней неуклюже восседал Мамыка. Замыкал кавалькаду Пахом Степанович. У середины реки вода достала лошадям до брюха, затем стала подбираться и к вьюкам. Кони с большим усилием преодолевали стремительное течение.

До противоположного берега оставалось два или три метра, когда лошадь, на которой сидел Мамыка, желая быстрее преодолеть оставшееся расстояние, сделала вдруг

сильный рывок, и Мамыка, не ожидавший такого оборота, опрокинулся на спину и через круп лошади вверх ногами слетел в воду. Бешеное течение закрутило его, понесло, и он исчез под водой. Потом вынырнул и снова скрылся. В том месте, где он упал с лошади, было не глубоко — по грудь, но течение стремительное и какое-то крутящееся, а не умевший плавать Мамыка настолько перепугался, что не догадался попытаться стать на ноги. А ниже брода было глубокое место.

— Спасайте Мамыку! — закричал Пахом Степанович. — Он не умеет плавать!

Дубенцов вмиг освободился от одежды и кинулся в реку. Мамыку быстро несло. Голова его то показывалась, то вновь исчезала под водой.

Дубенцов саженками, вприпрыжку погнался за мелькавшей над водой фигурой, потом выбросил вперед руки и нырнул наперерез орочу. Для людей, находившихся на берегу, минута, пока Дубенцов находился под водой, показалась вечностью.

— Боже мой, он тоже, кажется, утонул... — дрогнувшим голосом сказала Анюта, хватаясь за руку отца.

Черемховский стоял неподвижно, лицо его было каменным.

Вода всплеснулась далеко от места, где нырнул Дубенцов. Сначала мелькнули руки Мамыки, потом показался его пестрый, расшитый шлем, потом спина Дубенцова, потом взлетела вверх его рука, и уж вслед за тем вынырнула голова с побагровевшим от напряжения лицом. Одной рукой поддерживая и толкая снизу Мамыку, другой Дубенцов греб, отчаянно отфыркиваясь.

— Они оба тонут!.. — закричали на берегу, и все кинулись к тому месту, куда с таким трудом выгребал геолог.

Наконец Дубенцов выбрался на мель, качаясь, встал на ноги и, преодолевая быстрое течение, поволок за собой безжизненное тело ороча. Подбежал Пахом Степанович, подхватил в беремя бесчувственного Мамыку и, хлюпая по мелководью, пошел к берегу. Дубенцов, как пьяный, шел следом.

Подоспел Карамушкин. Осмотрев и ослушав ороча, он обнаружил слабое сердцебиение. Вместе с Дубенцовым Карамушкин усердно принялся откачивать утопленника. Через четверть часа ороч пришел в себя. Дикими

глазами он осмотрелся по сторонам и зашептал что-то непонятное; среди орочских слов можно было разобрать лишь одно: «амба». Его лихорадило. Фельдшер поднес к его губам мензурку с валерьянкой и заставил выпить лекарство. Несколько успокоившись, Мамыка снова оглядел собравшихся. Лицо его непрестанно менялось: то его покрывала тень испуга, то появлялась виноватая улыбка.

— Как чувствуете себя, товарищ Мамыка? — спросил, склонившись над ним, Черемховский.

— Моя понимай нету... Река моя хватай, амба!.. — хрипло и сбивчиво говорил ороч.

Черемховский, показывая на Дубенцова, сказал Мамыке:

— Вы тонули, а вот он спас вас от гибели...

— Ему... шибко сильный люди... Его совсем нету боюсь амба... — с трудом проговорил ороч.

На Дубенцова в эту минуту все смотрели с восхищением. А он стоял голый по пояс, неловко переминаясь с ноги на ногу, — некрупный, но стройный, сильный, с ясно проступающими мышцами на груди и руках. Черемховский подошел к нему, в полной тишине пожал руку и глухо, взволнованно сказал:

— Благодарю от всего сердца, мой юный коллега.

Мамыку подняли на ноги. Покачиваясь, он попытался идти, но ноги подкосились. Его поддержали. До бивуака донесли на руках, там переодели, и фельдшер уложил его в постель.

Происшествие с Мамыкой еще долго было предметом разговоров в отряде.

— Странно и непонятно одно, — говорила Анюта, — как могло случиться, что человек, проживший всю жизнь у реки и в тайге, где много речек, не научился плавать?

— Удивляться нечему, — пояснил Дубенцов. — Вода для старых суеверных орочей, как и для старых нанайцев, живущих по берегам Амура, — обиталище злых духов, поэтому они и боятся воды.

— Но на батах и лодках ведь плавают же?

— И отлично! Я сам наблюдал, как нанайцы в лодках целыми семействами с малолетними ребятишками переезжали Амур во время шторма. Между тем никто из них не умеет плавать. Я не знаю случая, когда бы лодка оп-

рокинулась и кто-либо утонул. Отсутствие мастерства в одном восполняется совершенством в другом — в управлении батом...

В ожидании, пока поправится Мамыка, отряд несколько дней стоял лагерем на берегу Удоми. Уже на следующий день Черемховский в сопровождении Дубенцова, Анюты и двух коллекторов*, отправился обследовать ближайшие обнажения. Они показывали, судя по найденным окаменелостям морской фауны, что сопки эти были сложены из осадочных пород третичного периода. Геологи, по совету Черемховского, искали отложения палеозоя, в частности породы каменноугольного возраста, но их встретить не удалось.

— Мы пока все еще находимся в предгорьях Сихотэ-Алиня, — говорил Черемховский, — в районе, который, судя по найденным сегодня окаменелостям, был в третичном периоде покрыт морем, некогда простиравшимся от Байкала и Монголии до нынешнего устья Амура и гор Сихотэ-Алиня. Поэтому, чем дальше на восток, тем внимательнее, я считаю, следует относиться к обнажениям, ибо там мы должны встретить интересующие нас более древние отложения.

— Но не находите ли вы, Федор Андреевич, — спросил Дубенцов, — что уголь, найденный Мамыкой, относится не к каменноугольному периоду, а к более позднему времени, например, к третичному?

— Я полагаю, что он образовался в каменноугольный период. Для третичного он слишком стар.

— Мне кажется, Федор Андреевич, — продолжал молодой геолог, — что его «состарила» близость интрузий, которые должны быть развиты в осевой части Сихотэ-Алиня. Мне кажется, например, что под их воздействием произошла также необычная для третичных образований уплотненность пород, которая так резко бросилась нам в глаза при осмотре обнажений.

— Ваши доводы я нахожу вполне доказательными, Виктор Иванович, — согласился старый геолог, — однако окончательного вывода мы с вами не можем сделать, не осмотрев месторождения, не изучив основательно его

---

* Коллектор — младший специалист в геологических партиях.

геологического строения и, возможно, не получив лабораторных анализов.

Назавтра Черемховский отправил в маршрут Дубенцова и Анюту, а сам остался изучать прибрежные наносы Удоми и Хунгари.

Анюта с радостью приняла это предложение отца. Для нее поход с Дубенцовым был серьезной школой работы в полевых условиях. Молодой геолог не оставлял необследованным ни один хоть сколько-нибудь подозрительный слой осадков. Он карабкался на обрывы, то и дело пуская в ход молоток и зубило, подолгу просиживал над породами, рассматривая их в лупу, применял соляную кислоту, хранившуюся у него в склянке, вложенной в эбонитовый футлярчик. Иногда он пробовал породы на вкус или делал на них царапины перочинным ножом. Страницы его полевого геологического дневника заполнялись все новыми записями и набросками схем залегания осадочных пород.

Во второй половине дня, когда Дубенцов потянул Анюту на очень высокую и крутую осыпь, у вершины которой торчали скалы твердых коренных пород, девушка взмолилась:

— Я больше не в состоянии двигаться. Присядемте, отдохнем, Виктор Иванович... А потом постараемся быстрее работать.

Дубенцов, очень проворно и искусно действуя молотком, быстро сделал в осыпи порожек, и они присели. День был солнечный, жаркий, осыпь выходила на южную сторону, и солнечные лучи падали прямо на скалы, накаляя их. Воздух над осыпью был горячий.

Анюта отдышалась и, поправляя косы, повернула к Дубенцову разгоряченное, розово-румяное, смеющееся лицо. На лбу и над темными блестящими глазами выступали росинки пота.

— Знаете, о чем я сейчас подумала? Вы, наверное, решили сегодня меня проучить за мой капризный наскок на вас там, в стойбище?

— Вы до сих пор помните об этом? — спросил Дубенцов точно таким тоном, каким спрашивала у него несколько дней назад Анюта.

И они оба весело расхохотались.

— Возможно, и на этот раз я допущу бестактность,— продолжал Дубенцов, — тем не менее я должен снова

высказать свое убеждение: здешние условия полевых работ не для вас, Анна Федоровна...

— Ну, мы с вами снова можем поссориться, — сказала Анюта, становясь серьезной. — Неужели вам, Виктор Иванович, непонятно, что я совершенно не обязана, подобно вам, гоняться за тигром?

— А если тигр будет гоняться за вами?

— Вы преувеличиваете, — возразила Анюта. — Не так уж много в тайге тигров, чтобы они гонялись за геологами. И если папа решился взять меня в этот поход, то я не думаю, что он беспечнее вас. Ведь он не меньше вас знает, что ожидает геолога в тайге Сихотэ-Алиня.

— Мне лично кажется, Анна Федоровна, — продолжал стоять на своем Дубенцов, — что вы долго убеждали его в этом, и он согласился взять вас просто под нажимом.

— Положим...

— Ну вот, видите, он не мог вам отказать из-за своей слабости — отцовской любви.

Анюта обмахивалась шляпой, как веером.

— Когда у вас будут дочери, Виктор Иванович, — с веселым лукавством сказала она, — тогда вы будете запрещать им ходить в тайгу, хорошо?

И они снова рассмеялись. Отдохнув, распределили между собой участки осыпи и принялись за обследование. Дубенцов все время наблюдал за Анютой и скоро убедился, что она не так уж плохо держится на осыпи, довольно умело карабкается по склонам. Но скоро он нашел отпечатки третичных растений и так увлекся ими, что забыл об Анюте. Его оторвал от занятий голос девушки:

— Виктор Иванович, вы там очень заняты?

— А что у вас, Анна Федоровна?

— Мне кажется, я нашла угольную сажу, — возбужденно сообщила девушка.

Через минуту Дубенцов был возле Анюты. На обломках сланцев и песчаника, перемешанных с глиной, действительно оказался налет, напоминающий сажу. Дубенцов принялся расчищать это место молотком. По мере углубления щебень все сильнее пачкался сажей, и вот из-под молотка вылетел комок настоящей угольной сажи. В нем виднелись и целые крупинки каменного угля.

— Вот он! — задыхаясь от напряженной работы и волнения, воскликнул молодой геолог.

Он бережно держал комок в высоко поднятой руке, любуясь, как искрятся под солнцем черные блески крупинок каменного угля.

— Третичный? — спросила Анюта, стараясь быть как можно хладнокровней.

— По всей вероятности! Вон там, видите, я нашел довольно много отпечатков секвойи и таксодиумов*. Есть, кажется, листья березы и ольхи...

— При моей помощи вы, кажется, побили папу, — заметила с улыбкой девушка.

— Это пока еще не доказано, Анна Федоровна.

В темных глазах Анюты блеснул огонек веселого лукавства.

— Зато, кажется, почти доказано, любезнейший Виктор Иванович, — озорно кланяясь, сказала она, — что ваш несовершенный коллега, то есть настоящая персона,— указала она на себя пальцем, — не является простым балластом...

— Боже мой, да у меня и в мыслях не было подобного мнения!

— Конечно, конечно, теперь вы будете уверять, — шутила Анюта. — Я, разумеется, не приписываю одной себе этой находки, она принадлежит и вам. Тем не менее...

Но Дубенцов так был увлечен находкой, что не расслышал последней реплики Анюты.

Они собрали несколько образцов породы. Дубенцов сделал зарисовку в своем дневнике и отметку на топографической карте. Довольные найденным, молодые геологи поспешили в лагерь.

Черемховского еще не было здесь, он вернулся только в сумерки. Его сопровождал коллектор, нагруженный образцами.

Выслушав Дубенцова, профессор оживленно произнес:

— Вне всякого сомнения, мы находимся в угленосном районе. Вот что удалось найти мне... — и он извлек из рюкзака несколько сильно разложившихся кусков каменного угля, уже потерявших блеск.

— Мы их нашли на речной косе. Где-то размывается месторождение...

---

* Секвойя и таксодиумы — растения третичного периода.

Глава девятая

Странное поведение Мамыки. — Секрет Похома Степановича. — Злые духи обмануты. — По маршруту ороча. — Дикие кабаны. — Путь через марь. — Дискуссия продолжается. — Отряд лишается одной лошади. — Ночлег на болоте.

Мамыка окончательно поднялся на ноги через три дня после несчастного случая. Но он странно изменился: стал беспокойным, менее общительным, на лице его исчезла прежняя веселость. К реке он не подходил вовсе, поглядывая на нее лишь издали и искоса, и что-то бормотал про себя.

Получив заключение фельдшера, что проводник совсем здоров, Черемховский на завтра назначил выход отряда в район угольной сопки. Под вечер он пригласил ороча в свою палатку.

— Завтра отправляемся дальше, товарищ Мамыка, — сказал профессор. — Как ваше самочувствие?

Ороч не отвечал. Молча и с видимым волнением посасывал он свою неизменную трубку с длинным медным мундштуком. Геологи недоуменно переглянулись.

— Вы, может быть, еще болеете? — допытывался Черемховский.

— Моя болей нету, — ответил безразличным тоном старый ороч, ни на кого не глядя.

— Ну, хорошо, — подумав, сказал Черемховский. — Идите отдыхайте.

Но Мамыка продолжал сидеть, словно сказанное не имело к нему никакого отношения. После длительного молчания он, наконец, рассеянно проронил:

— Моя нету сопка гляди. Сопка уходи другое место.

— Как это? Я не понимаю, — недоуменно произнес Черемховский. — Повторите, пожалуйста, что вы сказали, товарищ Мамыка?

— Моя тебе говори: сопка уходи другое место, — нетерпеливо пояснил старый ороч. Как тебе нету понимай?

— Я тоже ничего не пойму, Федор Андреевич, — заметил Дубенцов.

— Надо искать эту сопку, товарищ Мамыка, — сказал профессор, начавший кое-что понимать в поведении старого ороча.

— Моя не могу ходи, — решительно сказал Мамыка, — моя ходи своя изба.

Попытка выяснить у Мамыки, почему он не желает идти дальше, ни к чему не привела. Пришлось пока отложить предполагаемый выход отряда.

Вечером, после ужина, начальник отряда пригласил в свою палатку Пахома Степановича и Дубенцова.

— Я позвал вас, друзья мои, — сказал он, — чтобы посоветоваться: что предпринять в связи с заявлением нашего проводника. Идти на поиски без него почти немыслимо. Он, как показалось мне, в большой обиде на нас за то, что не уберегли его. Может быть, нам втроем сходить к нему и попытаться уговорить?

— Однако я думаю, что он на вас не обижается, Федор Андреевич, — возразил Пахом Степанович.

— В чем же тогда дело?

— А в том, что он шибко перепугался.

— Но почему он отказывается повести нас к месторождению угля, когда, по его же словам, туда остался дневной переход? — спросил Черемховский.

— Потому и отказывается, что страх завладел им, — спокойно ответил Пахом Степанович. — Позвольте мне, Федор Андреевич, одному потолковать с Мамыкой. Я так думаю, польза будет от этого.

— Я был бы тебе премного благодарен, Пахом Степанович, — ухватился за мысль проводника профессор. — Побеседуй, дружище, ты лучше нас знаешь душу Мамыки, и тебе он, безусловно, скорее доверится.

Пахом Степанович пришел в палатку к Мамыке на следующий день утром, когда старый ороч был один. При этом он предупредил всех, чтобы никто не заходил туда, пока он будет беседовать с Мамыкой. Ороч приветливо встретил старого таежника. Они посидели молча друг против друга. Пахом Степанович хотел, чтобы Мамыка первым начал разговор, но тот сидел молча, неподвижно, без конца посасывал свою трубку.

Убедившись, что ему не дождаться от Мамыки первого слова, Пахом Степанович заговорил сам. Он обратился к орочу на ломаном русском языке, который показался старому таежнику наиболее подходящим в его хитроумном замысле.

— Я слышал, что ты, Мамыка, хочешь вернуться домой, — молвил он, как бы безучастно. — Федор Андре-

евич — его хороший человек — говори мне, что без Мамыки все люди не находи сопка. Его шибко горюй. И Дубенцов тоже ходи и горюй, его говори: обижаюсь на Мамыку: сам тони, а Мамыку спасай. Теперь Мамыка нету помогай Дубенцову... Анюта тоже горюй: почему Мамыка уходи, такой хороший человек...

Старый ороч помолчал, сердито сплюнул и вдруг сказал резко:

— Моя нету обижай их, ему все хороший люди...

Пахом Степанович быстро наклонился к уху Мамыки и шепотом спросил:

— Твоя, однако, боюсь абмы?

Мамыка прислушался, тревожно огляделся по сторонам и тоже шепотом спросил:

— Тебе как могу узнавай?

— Моя видел, как Мамыка смотри река и маленько проси амба уходи тайга, — шептал на ухо орочу Пахом Степанович. — Моя хочу помогай тебе прогоняй амба. Какой место его живи?

— Ему живи глубокое место Удоми, — показал ороч в том направлении, где тонул. — Ему приходи сюда сопка, моя карауль. Ему хочу моя таскай — зачем моя води много люди тайга.

— Можно прогоняй его, — тоном знатока сказал Пахом Степанович. — Он шибко боюсь русский люди. Все люди стреляй речка, его испугается и убежит.

— Тебе хорошо говори — моя могу обмани его... Его надо пугай — стреляй бердана. Моя тебе скорей говори, куда ходи сопка. Тебе иди, моя оставайся.

Пахом Степанович внимательно выслушал ороча, одобрительно кивая головой.

— Моя сейчас ходи попрошу люди, чтобы их стреляй в Удоми, — зашептал он, — а тебе тогда рассказывай мне, как находи сопка.

Старый таежник вышел из палатки ороча и явился с докладом к Черемховскому. Через несколько минут пять человек с заряженными ружьями, сдерживая смех, стояли на берегу Удоми.

Спустя некоторое время после того, как Пахом Степанович снова вошел в палатку ороча, загремели один за другим залпы. Лицо Мамыки посветлело; он оживился и скороговоркой стал объяснять старому таежнику, как найти заветное место.

— Тебе хорошо понимай? — то и дело переспрашивал он.

— Понимаю, понимаю, — утвердительно кивал головой Пахом Степанович, ловя каждое слово.

— Моя больше нету говори сопка. Тебе никому нельзя говори, что моя тебе сказал, — решительно закончил Мамыка; довольный удачным выходом из затруднительного положения, он как ни в чем не бывало стал спокойно раскуривать трубку.

Старого таежника с радостным возбуждением встретили в палатке Черемховского. Сам профессор долго тряс ему руку в знак благодарности.

— Отлично, отлично придумано! — восклицал он. — Кто мог додуматься, что так просто можно выманить у Мамыки его тайну? Скажите, дружище, как вы смогли додуматься до этого?

— Мамыка шибко суеверный человек, — довольный, объяснил Пахом Степанович, — он боится злых духов. Они якобы хотели украсть его и сначала утащили в реку. И я вспомнил тут про шаманов. Шаман, он придумывает заклинания и прогоняет злых духов то от больного, то от стойбища. А как он прогоняет? Бьет в бубен, кривляется — стало быть, злые духи боятся грохота, всяких гримас и страшных слов. Я и подумал: дай-ка предложу Мамыке прогнать их стрельбой, да еще из нескольких ружей. Мамыка хороший человек, но много в нем старой дури...

— Что ж, может быть, мы так сможем убедить его и к сопке пойти? — спросил Черемховский.

— Вряд ли, — отрицательно покачал головой Пахом Степанович. — Он думает, что злые духи улетели на время, а все-таки будут следить за ним. Как только он пойдет, мол, к сопке, так они все равно утащат его где-нибудь.

— Ну, прекрасно, — согласился Черемховский. — Я полагаю, мы теперь найдем месторождение и без Мамыки?

— Местность мне понятная, — подтвердил старый таежник.

Без промедления началась подготовка к завтрашнему походу. Для этой цели была создана партия в составе девяти человек с пятью вьючными лошадьми. Ее возглавлял сам начальник отряда. В партию вошли Пахом Степанович, Дубенцов, Анюта, фельдшер, техник-геолог

Стерлядников и трое рабочих. На берегу Удоми при Мамыке остались геолог Титлянов и трое рабочих с пятью лошадьми и основными запасами провианта.

Партия изыскателей вышла в поход с рассветом. Путь ее по маршруту Мамыки пролегал сначала вдоль берега Удоми, где-то у небольшого ключа должен был отвернуть в сторону, пересечь лесной массив, большую болотистую марь и подняться на невысокое плато. В районе этого плато и должно было находиться месторождение угля.

Пробираться по пойме Удоми было крайне трудно. В половодье река затопляет эти места, и потому всюду на пути изыскателей вставали нагроможденные водой заломы из коряг и мусора. Во множестве встречались протоки и рукава, которые переплетались сложными лабиринтами. Бесполезно было бы искать обход, поэтому караван преодолевал их вброд.

К счастью, путь вдоль Удоми оказался не очень длинным, и к полудню партия достигла того ключа, о котором говорил Мамыка. Это был неширокий, но бурный ручей, пенящийся меж замшелых зеленых камней и сгнивших стволов деревьев, покрытых толстым слоем мха. Еще легче стало идти, когда караван вступил под сень кедрового и пихтового бора, почти лишенного всякого подлеска.

Вскоре начался легкий подъем, и по мере того, как изыскатели шли вперед, пейзаж стал меняться. Появились ильмы, бархатное дерево, потом пошел мелкий березняк с примесью низкорослого монгольского дуба. Дубки как-то по-новому украшали лес, придавая ему южную мягкость. Но вот лес стал редеть и неожиданно оборвался. Впереди открылась унылая равнина с чахлыми деревцами лиственницы — то была болотистая марь, о которой говорил Мамыка. Она простиралась километра на три и кончалась у подножия невысокого темно-зеленого увала. Каравану предстояло пересечь эту марь, чтобы выйти к увалу. За ним должно было находиться плато.

— Кабаны! Кабаны! — внезапно крикнул Пахом Степанович и вскинул ружье. За ним сорвал с плеча карабин и Дубенцов.

Не более чем в ста метрах от истока ручья, на грани между марью и лесом, паслось небольшое стадо невысоких, но коренастых светло-серых животных. Услышав крик, свиньи вскинули морды, раздался тревожный храп,

и стадо бешено помчалось в тайгу. Одновременно прогремели два выстрела. Еще не умолкло эхо, а кабанов уже и след простыл. В лесу только слышался удаляющийся треск веток. Дубенцов бросился туда, где паслись кабаны, но ничего, кроме смятой и перемешанной с грязью осоки и множества следов острых небольших копыт, не нашел. В глазах его, как видение, продолжало стоять стадо диких свиней: их короткие сильные туши, высоко вскинутые остромордые головы с маленькими настороженными ушами и обрывки травы на клыках...

Не находя себе успокоения, Дубенцов зашел на несколько шагов в лес по следу стада и увидел на траве кровь. Капли ее тянулись цепочкой, идущей зигзагами, но дальше цепочка стала ровной, прыжки кабана становились длинными. Не оставалось сомнений, что раненый кабан ушел со стадом. Огорченный Дубенцов вернулся к каравану. Пахом Степанович, выслушав его, сказал:

— Этот зверь сильный — уйдет раненый и обязательно выживет. Ошибку мы сделали: никогда не надо в тайге выходить сразу на поляну или на марь. Летом в таких местах завсегда пасется какой-нибудь зверь. Можно сказать, по глупости упустили свинину...

Изыскатели решили до темноты выйти к подножию плато, поэтому отдых был недолгим.

С первых же шагов по мари всем стало понятно, что партия вступила на самый трудный участок пути. Внешне марь имела вид ровного зеленого ковра осоки, растущей красивыми отдельными веерообразными пучками. Создавалось впечатление, будто на огромном пространстве расставлено множество сосудов, в которые вставлено по букету осоки. Однако красота эта оказалась предательски обманчивой. «Сосуды» были не чем иным, как довольно высокими, в полметра от земли, кочками из туго переплетенных корневищ осоки и торфа. Под лесом кочек почти везде стояла вода, образуя скрытое зеленым ковром болото. Грунт под кочками состоял из плотной глины, которая настолько была утрамбованной, что в ней не тонуло даже копыто лошади. Но часто встречались колдобины — ямы со следами сгнивших корневищ некогда стоявшего на этом месте дерева. Теперь тут образовались залитые водой углубления, подчас скрытые нависшей с кочек осокой.

У человека, много путешествовавшего по тайге, где ча-

сто встречаются мари, вырабатывается искусство ходьбы по таким кочкам. Вооружившись палкой, он опирается ею между кочками и ставит ногу в середину веера осоки — в центр кочки. При этом каждый шаг делается осмотрительно, с точным расчетом. Понятно, такая ходьба требует много времени и энергии, а главное — неусыпного внимания. Таким умением владели Пахом Степанович, Дубенцов и отчасти профессор Черемховский. Для всех остальных, и особенно для животных, поход через марь вскоре превратился в сплошную пытку.

Вооруженные палками люди то и дело срывались с кочек, вылезали с мокрыми по колено ногами, пытались идти и вновь срывались и опять вылезали. Некоторые пробовали брести по воде, но и такой способ мало облегчал ходьбу — иногда невозможно было протиснуть ноги между кочками. Особенно же страдали животные. Нагруженные тяжелыми вьюками, они медленно двигались, с трудом поднимая ноги, чтобы перешагивать через высокие кочки. Со стороны казалось, что они на брюхе ползут по зеленому ковру осоки и что у них вовсе нет ног. Иногда какая-нибудь лошадь падала. Для того чтобы поднять ее, приходилось снимать вьюки, а это еще больше задерживало караван.

Геологи продвигались вперед медленно, часто останавливались, чтобы передохнуть, и снова шли молча, стиснув зубы, изнемогая и обливаясь по́том.

Анюта мужественно переносила трудности перехода через марь. Она не умела ходить по кочкам, поэтому Дубенцов счел своим долгом помогать девушке. Сначала он поддерживал ее под локоть, потом они взялись за руки. Шагая с кочки на кочку, Дубенцов своей палкой указывал девушке место, куда ставить ногу. Анюта оказалась сообразительной ученицей и все реже и реже срывалась с кочек. Но уже через километр пути по мари она так выбилась из сил, что стала часто оступаться. Пятиминутные передышки уже не восстанавливали ее сил, а от длительных она отказалась, так как они уже много отстали от каравана. Да и солнце клонилось к закату, а пройдена была лишь треть пути.

Дубенцов, нагруженный рюкзаком и карабином, тоже сильно устал и, заглядевшись вперед, не заметил, как Анюта провалилась в колдобину, предательски скрытую высокой и густой осокой... Он помог ей вылезти, но она

все-таки изрядно выкупалась. Больше девушка уже не могла идти, не отдохнув как следует, и они присели на кочки.

— Вероятно, вы сейчас думаете, Виктор Иванович, — отдышавшись, заговорила Анюта: — вот, мол, теперь убедилась, девонька, что тайга мало приспособлена для прогулок московских барышень. Но вы ошибаетесь даже теперь: у меня нет раскаяния. Вы улыбаетесь? Даю вам честное слово, я только сейчас шла и думала: трудно, ужасно трудно! И вдруг, допустим, мне скажут: хватит, дорогая, изнурять себя, вот тебе ковер-самолет, он доставит тебя прямо в Москву, на квартиру. Там ждет тебя горячая ванна, сухая, чистая одежда, вкусный обед. И отдых... И что же вы думаете? Меня это совсем не прельстило. И никакого другого желания у меня нет, кроме как идти и идти, чтобы достичь вон той темно-зеленой гряды. Вы мне верите?

— Конечно. Я сам часто испытываю подобное. Однако же остаюсь при своем убеждении, потому что считаю: вам гораздо труднее, чем мне, и для вас гораздо благоразумнее сидеть в лаборатории или, например, в палеонтологическом кабинете. Это ведь тоже работа геолога! Так нет же, вы обязательно рветесь туда, где впору только выносливому мужчине. И почему?

— Видимо, потому же, почему вы погнались за тигром, — улыбаясь, ответила Анюта. — Кстати, я давно хотела вас спросить. — Анюта почти в точности сформулировала тот вопрос, с которым шла к Дубенцову в памятный вечер их знакомства.

— И вот я тоже не пойму, — продолжала она, — из чего это рождается у вас: из благоразумия, настолько высокого, что я не способна постичь его, или из страсти к подвигу во имя самого подвига?

— Конечно же, из благоразумия, — живо и убежденно ответил Дубенцов, — из самого элементарного благоразумия, которое настолько понятно, что о нем и говорить нечего. Мне и в голову не приходило поступить иначе.

— Вот и прекрасно! Я точно так же не могла поступить иначе, как только так, как поступаю, — подхватила Анюта. — И когда вы осуждаете меня за это, я обижаюсь.

— Напрасно, — возразил Дубенцов. — Я далек от мысли, чтобы вам ничего не знать, кроме домашнего оча-

га, упаси и помилуй! Но тайга есть тайга. Вы сами прекрасно теперь видите ее...

— Вижу — и нисколько не страшусь. Я гораздо сильнее, чем вы думаете.

— Завидую вашему упорству, — примирительно улыбаясь, сказал Дубенцов. — Ну что ж, может быть, двинемся?

После отдыха они пошли быстрее. Сказывался опыт Анюты, накопленный после километрового пути по мари. После очередного пятиминутного отдыха они нагнали караван.

Впереди еще оставалась добрая треть расстояния до зеленой гряды — около километра, а солнце неудержимо катилось к горизонту. На востоке начинал сгущаться темно-сиреневый сумрак вечера, побагровело над головой высокое небо. Над марью подымался холодный вечерний воздух. В эту минуту, когда изыскатели особенно спешили, чтобы засветло выйти из мари, между кочек упала одна из лошадей. Попытки поднять ее, не развьючивая, успеха не имели. Лошадь лишь тяжело кряхтела, а когда попробовали тащить ее, жалобно заржала. С нее быстро сняли вьюки, но и после этого она не могла подняться.

— Что случилось? — спрашивал Черемховский рабочих.

Устало положив голову на кочку, животное тяжело дышало и не двигалось. Пахом Степанович что-то соображал, осматривая лошадь, осторожно протиснул руку под ее грудь.

— Так и есть! — с огорчением сказал он. — Сломала ногу, животина. Пропала теперь...

Пока занимались лошадью, солнце совсем скрылось за горизонтом, стали сгущаться сумерки, скрадывающие очертания дальних сопок. Все выжидающе смотрели на Черемховского.

— Развьючивайте лошадей, — распорядился он решительным голосом. — Будем здесь ночевать.

— А спать как же? — почти непроизвольно вырвалось у Анюты.

— Что будем делать с лошадью, Федор Андреевич? — одновременно задал вопрос Пахом Степанович.

— Спать будем на кочках, на другое не можем рассчитывать, — подумав, ответил Черемховский. — А ло-

шадь... Что ж, дружище Пахом Степанович, животное придется пристрелить. Разумеется, решение варварское, но ничего иного придумать нельзя.

Он посмотрел на измученные лица окруживших его людей, глаза его подобрели, усы добродушно топорщились в усмешке.

— Эге-е, друзья мои, да я смотрю, вы совсем приуныли! — весело воскликнул он. — Не вешать голов, не нам унывать! Хуже бывает, и то русские люди выстаивают. Эка трудность — одну ночь провести без удобной постели!

Слова начальника отряда действительно вселили бодрость в людей. Закипела работа. Дубенцов с техником Стерлядниковым отправились к ближайшим чахлым лиственницам, чтобы принести веток, рабочие снимали вьюки с лошадей. Не успело стемнеть окончательно, как на мари уже возник бивуак. Рабочие принесли два целиком срубленных деревца, устроили достаточно удобный настил для ночлега. Задымил костер, и пламя его скоро осветило большой круг на мари.

— Однако, Федор Андреевич, я перевяжу ногу животине, — сказал Пахом Степанович, когда все собрались к костру в ожидании ужина. — Авось выходится, бедняга, корм и питье под ногами.

...Утром, когда солнце поднялось над туманной грядой дальних сопок, караван снялся с ночлега. Лошади и люди, отдохнувшие за ночь, шли довольно быстро. В тишине утреннего воздуха сиротливо и жалобно ржала оставленная в кочках лошадь. Одинокая, она стояла среди мари и, высоко вскинув голову, непонимающе глядела вслед уходящему каравану. Вот она попыталась идти на трех ногах. Сделает два—три прыжка и остановится, снова попрыгает и опять отдыхает...

— Эта выберется, истинное слово выберется, — радостно говорил Пахом Степанович, то и дело оглядываясь назад.

К десяти часам утра караван достиг подножия лесистой гряды. Все сразу вздохнули свободно, отовсюду посыпались шутки и смех.

А на мари продолжала прыгать оставленная людьми лошадь. Она медленно, но уверенно приближалась к лесу...

Глава десятая

Временный лагерь. — Поисковые маршруты. — Сборы. — Геологи уходят в сопки. — Находка группы Стерлядникова. — Где Дубенцов и Анюта?

Во второй половине дня геологи закончили подъем на вершину гряды, за которой оказалось плато. Взору людей открылась широкая панорама. Впереди во все стороны уходила равнина, поросшая редколесьем — березами и дубками. На востоке, километрах в десяти, грудились синие сопки. Они в несколько ярусов поднимались кверху, смешиваясь в хаотическое нагромождение камня и леса.

Караван шел вдоль плато и под вечер остановился километрах в пяти от подножия гор возле ручья. Черемховский принял решение разбить здесь временный лагерь, чтобы отсюда завтра начать поиски сопки, у которой уже однажды побывал Мамыка.

Пока партия устраивала лагерь, наступил вечер. Тем временем Черемховский разработал план геологического обследования района, раскинувшегося к востоку. Начальник отряда разделил партию геологов на три группы. Каждая группа должна была обследовать отведенный ей участок. В первую группу входил он сам и Пахом Степанович, во вторую — Дубенцов и Анюта, в третью — техник-геолог Стерлядников с коллектором.

— Я полагаю, дорогая, — сказал он Анюте, — что поход с Виктором Ивановичем, который так хорошо разбирается в геологии Сихотэ-Алиня, будет для тебя очень полезным. Больше прислушивайся к его замечаниям, они всегда дельны. К тому же, — улыбнулся профессор, — такая расстановка сил избавит тебя от излишней опеки отца, против которой ты так восстаешь!..

— Благодарю, папа, — ответила Анюта, — постараюсь выполнить твой совет.

Перед закатом солнца Черемховский пригласил геологов взглянуть на район предстоящих поисков. Взойдя на возвышенность, все замерли в восхищении. На востоке лежали красочные, ясно видимые высокие горы, сливавшиеся в непрерывную зубчатую цепь. Освещенные лучами заходящего солнца, верхушки сопок дальнего верхнего яруса казались сложенными из оранжевого хрусталя, одетого матовой прозрачной пеленой едва уловимой дымки.

Ниже оранжевый цвет тускнел и переходил в темно-красный, похожий на остывающий накал железа. Еще ниже, у подножия всей цепи гор, разлилось море темно-сиреневого тумана. От этого вся громада гор казалась призрачной, невесомой и в то же время захватывающе грандиозной, величественной.

— Итак, приступим к делу, друзья, — нарушил молчание профессор. — Виктор Иванович и Анюта, прошу вашего внимания. Видите две маленькие сопочки, стоящие рядом у края и похожие одна на другую? Вон они, — указал Черемховский. — Назовем их Близнецами. Между ними начинается долина. Она упирается в высокую пологую сопку. Назовем ее Дальней. Вам даю задачу: обследовать Близнецов, пройти по долине к Дальней сопке и осмотреть ее от подножия до вершины. Люди вы молодые, энергии у вас достаточно, и, я полагаю, вам хватит на это двух суток. Азимут туда — северо-восток, семьдесят градусов, на обратный путь, — вам, конечно, объяснять не надо, — юго-запад двести пятьдесят градусов. От Близнецов к лагерю возвращайтесь только по той дороге, по которой пойдете туда. Уклоняться от заданного маршрута запрещаю.

Профессор сделал пометку в записной книжке и обратился к Стерлядникову:

— Теперь прошу вашего внимания, Василий Егорович. Вон ту сопку, что граничит с Близнецами, правее их, назовем Кедровой. За нею как бы уступом возвышается вторая, такая же по форме, назовем ее Верхней. Ваша задача: идти прямо на Кедровую, тщательно обследовать ее. После этого пройти к Верхней и так же тщательно осмотреть ее со всех сторон. Ваш азимут туда — юго-восток сто двадцать градусов, на обратный путь — северо-запад триста градусов. Времени вам отпускается не более двух суток. Ну, а мы, любезный Пахом Степанович, погуляем с тобой, дружище, здесь, неподалеку, на правом фланге. Все ясно или имеются вопросы? Нет? Прекрасно. Прошу укладываться. Выход назначаю на завтра, ровно в восемь утра.

До позднего вечера геологи упаковывали и укладывали продукты, боеприпасы и необходимые в геологическом маршруте предметы обихода, починяли одежду и обувь. Каждый получил непромокаемые сумочки для неприкосновенного запаса. В снаряжение вошли также дождевики

и палатки-накомарники, называемые иногда якутским хосом.

Такая палатка, рассчитанная на одного—двух человек, весьма удобна для путешествия в тайге. Шьется она обыкновенно из тонкой плотной материи и в развернутом виде имеет форму прямоугольного ящика, опрокинутого вверх дном. Весит она около килограмма и, будучи сложенной, умещается в кармане дождевика. К накомарнику полагается тент из бязи или другой легкой ткани. Останавливаясь на ночлег, таежник делает из прутьев четырехугольный каркас и натягивает на него палатку. Залезая под нее, он подвертывает под себя края полотнища и тем защищается от комаров и ночной росы. В случае дождя поверх палатки натягивается еще тент, и люди остаются сухими. В отряде Черемховского, кроме общих лагерных палаток, на всех имелись такие палатки-накомарники.

В общей сложности каждый отправляющийся в путь имел в своем рюкзаке груз в двенадцать килограммов. У Дубенцова сверх того был солидный запас патронов к карабину и полный набор геологических инструментов. Запас основных продуктов питания каждый имел на пять дней.

Такая на первый взгляд громоздкая экипировка геологов, отлучающихся всего лишь на двое суток, в точности соответствовала порядку, установленному Черемховским в отряде. Человек большого опыта, он знал цену мелочам. Черемховский был известен среди геологов как смелый исследователь-изыскатель. Но мало кто знал, насколько заботливо и кропотливо готовился он обыкновенно к своим экспедициям. Вот и сейчас, снаряжая поисковые группы в неисследованный, неизвестный район, старый геолог не лег спать, пока не проверил все до мелочей у каждого уходящего завтра на поиск, пока не убедился, что все снаряжены добротно.

На рассвете лагерь ожил. Дымился костер, готовился сытный завтрак. Люди не спеша, тщательно обувались и одевались по-походному, примеривали к плечам ремни рюкзаков.

За завтраком Дубенцов попросил Пахома Степановича доверить ему Орлана.

— Замечательный помощник в тайге, — объяснил молодой геолог. — Мне хочется поднять где-нибудь кабарожку. Хорошее жаркое принесу...

— А за тигром гоняться не будешь? — с ласковой усмешкой спросил старый таежник. — Ну что ж, возьми. Собака уже привыкла к тебе. Только береги. Орлан, сам знаешь... За него мне и двух лошадей не надо.

Едва солнечные лучи побежали по березняку, вспыхивая искорками в каплях росы, геологи отправились в путь. Первыми покинули лагерь Стерлядников с коллектором, вскоре после них тронулись Дубенцов и Анюта.

Черемховский, погрустнев, подошел к Дубенцову, пожал ему руку, поцеловал Анюту в щеку.

— Желаю вам полной удачи, дорогие мои, — сказал он, провожая их. — Внимательность и осмотрительность... Буду ждать вас с хорошими вестями...

Молодые геологи зашагали на восток, сопровождаемые веселым Орланом. И, глядя на них в эту минуту, кто мог бы предположить, что они уже не вернутся к этому лагерю!

Когда они скрылись в лесу, Черемховский весело обратился к проводнику:

— Теперь и наша очередь, любезный Пахом Степанович.

Они стали собираться.

— Посмотрел я сейчас вслед Виктору Ивановичу, — задумчиво говорил старый геолог, — и приятно мне стало: хорошую смену мы себе подготовили! Столько в нем любви к своему делу, столько силы и упорства, что можно не сомневаться: такие ученики превзойдут своих учителей.

— Это ты правильно говоришь, Федор Андреевич, — философски согласился старый таежник. — Сметливый он парень и до чего же дотошный! Уж если захочет — из-под земли достанет, а найдет. Для таких тайга — мать родная...

Поздним вечером того же дня вернулись в лагерь Черемховский и Пахом Степанович. Поиски их оказались безрезультатными. Вечер был темный, небо сплошь обложили тяжелые мрачные тучи. По краям горизонта то в одной, то в другой стороне, особенно в горах, поблескивали отсветы молний. Тревожно и глухо гудел вдали гром. А ночью начал моросить дождь. Скучный, однооб-

разный шелест капель в ветвях и траве нагонял тоску. Дождь продолжался всю ночь и, то ослабевая, то усиливаясь, шел весь следующий день. Беспросветные тучи ползли низко над тайгой, скрывая вершины сопок.

— Однако, Федор Андреевич, погодка-то надолго испортилась, — говорил Пахом Степанович, следя за движением туч.

Незадолго до наступления сумерек в лагерь возвратились до нитки промокшие Стерлядников и коллектор. Их рюкзаки оказались доотказа наполненными образцами каменного угля.

— У Кедровой сопки нашли, — с сияющим лицом докладывал Черемховскому краснощекий и разгоряченный быстрой ходьбой Стерлядников. — В одном из распадков есть хорошие обнажения. На поверхность выходят три наклонных пласта.

При свете электрического фонарика профессор до поздней ночи изучал образцы угля и пород.

— Да, это третичные отложения, — заключил он. — Виктор Иванович был прав.

Находка Стерлядникова доставила много радости старому геологу, но его омрачала тревога за Дубенцова и Анюту — они все еще не возвратились.

Ночью продолжал моросить дождь, и по-прежнему над тайгой неслись стада темных лохматых туч. Черемховский не ложился спать. Он часто выходил из палатки и чутко прислушивался к звукам глухой ночи: не долетит ли из аспидной темноты говор, не раздастся ли вдали позывной выстрел. Но угрюмо и как-то немо гудела тайга, шумел в листьях нескончаемый, однообразный дождь. В конце концов старый геолог не вытерпел и попросил Пахома Степановича дать несколько выстрелов.

Старый таежник дважды разрядил в воздух свою берданку, но темная ночь ничем не ответила.

— Надо полагать, что они решили дождаться хорошей погоды, — успокаивал себя профессор, возвратясь в палатку.

Однако в эту ночь он спал едва ли более двух часов. Он либо лежал с открытыми глазами, либо выходил из палатки и подолгу вслушивался в ночные звуки. С рассветом Черемховский разбудил Пахома Степановича и предупредил, чтобы тот готов был отправиться на поиски.

— Если к десяти часам утра они не вернутся, — мрач-

новато сказал он, — то нам с тобой, мой старый дружище, придется отправиться за ними самим.

Наступил и десятый час утра. Дубенцова и Анюты попрежнему не было. В начале одиннадцатого Черемховский и Пахом Степанович, закинув рюкзаки за спину, вышли к Дальней сопке.

Глава одиннадцатая

У сопок Близнецы. — По следу. — Остатки ночлега у подножия Дальней сопки. — Открытие Черемховского.

Подходя к Близнецам, Черемховский и Пахом Степанович встретили неширокий ручей и решили идти вдоль него. У входа в долину, где начинался крупный негустой лес, состоящий из старых пихт, тополя и ясеня, Пахом Степанович, шедший впереди, вдруг остановился.

— Поглядите-ка, Федор Андреевич, — сказал он.

— Костер?

У ручья под пихтой был виден выжженный круг, а в середине его — кучка золы, прибитая дождем.

— Вероятно, они здесь ночевали? — спросил Черемховский.

Пахом Степанович внимательно осмотрел место вокруг.

— Нет, они здесь в обеденное время были, — заключил он. — Палаток не ставили. Видать, что раньше дождя были: сидели вон на открытом месте. Должно быть, в полдень под тень прятались. Если бы в дождь, то обязательно под ветками бы устроились.

— А вот, кажется, и я нашел примету! — оживленно сказал Черемховский.

Он полез под низко нависающие ветки пихты и возле ее ствола, между корневищами, приподнял кусок березовой коры. Под корой оказалась аккуратно сложенная кучка образцов породы, обернутых пергаментом. На образцах — этикетки, заполненные надписями карандашом: «№ 8, биотитовый гранит, восточный склон правого Близнеца», и дата; «№ 14, кварц, жила на восточном обрыве левого Близнеца» — и так далее.

— Образцы собрали в первый день работы, — объ-

явил Черемховский. — Следовательно, на ночевку они ушли к Дальней сопке. Оттуда не возвращались, иначе бы забрали образцы.

Он аккуратно прикрыл образцы корой и на четвереньках выбрался из-под пихты.

— Что ж, отправимся и мы туда, Пахом Степанович, — предложил профессор. — Возможно, они там работают до сих пор.

Они двинулись в глубь долины, придерживаясь ручья. На прибрежной гальке, замытой песком, старый таежник вскоре обнаружил два человеческих следа.

— По этому месту они прошли к Дальней сопке, — отметил он на ходу, — друг за другом шли...

С этой минуты Пахом Степанович уже больше не терял след Анюты и Дубенцова. След все время держался у ручья, потому что в стороны от него стояли густые заросли подлеска. На полпути к Дальней сопке стали попадаться вперемежку со старыми тополями могучие кедры-великаны. Здесь оказалось много белок, которые то и дело со злым мурлыканьем кидались вверх по стволам кедров, звонко царапая коготками их кору. Путь преградил бурелом. След, тянувшийся все время по правому берегу ручья, перекинулся на левый, затем метров через двести снова вернулся на правый.

Спустя час, Черемховский и Пахом Степанович подошли к подножию Дальней сопки. В чаще трудно было ориентироваться, но по всем признакам это была Дальняя. Пахом Степанович указал на березы, с которых была свеже содрана кора.

— На ночлег кору заготавливали, — сказал он. — Тут надо искать их становище.

Они внимательно осмотрели местность и обнаружили остатки большого костра под ветвями старой ели.

— Вот тут они ночевали, — рассуждал таежник. — В дождь ночевали. Вот палки от палаток, а вот береста... Ею они накрывали палатки.

У покинутого Дубенцовым и Анютой бивуака Черемховский и Пахом Степанович устроили кратковременный привал и пообедали. В лесу стало светлеть — погода прояснилась. В разрывах между тучами заголубело яркое небо, и вот уже солнечный свет прорвался в лесной сумрак. Чаща наполнилась блеском солнечных лучей, вспыхивающих и переливающихся в капельках воды,

оставшихся на листьях после дождя. Сразу хлынули волны теплого воздуха. Запели птицы.

После обеда Пахом Степанович принялся подробно рассматривать остатки бивуака Дубенцова и Анюты. Черемховский в тяжелом раздумье наблюдал за таежником, сидя возле остатков костра.

— Что же могло произойти с ними? — спрашивал он себя и не мог найти ответа.

— Не сходить ли нам на вершину сопки? — предложил он Пахому Степановичу.

Старый таежник долго не отвечал, и Черемховский снова повторил свое предложение.

— Однако, Федор Андреевич, нам нечего там делать, — сказал, наконец, Пахом Степанович. — Они, вишь, еще позавчера вернулись с сопки, а вчера утром совсем ушли отсюда.

— Как?! — еще более встревожился профессор. — Разве они пошли к лагерю? Но когда же? Не разминулись ли мы с ними?

— Не иначе, ушли обратно вчера утром, — повторил Пахом Степанович. — Поужинали и позавтракали в этом месте, а обедали уже где-то в другом... Золы-то, вишь, немного, даже ночью не жгли костра. Намаялись, должно, и крепко спали...

— Может быть, они пошли на другую сопку?

Пахом Степанович ничего не ответил. Молча продолжал он ходить вокруг, иногда наклонялся и подолгу всматривался в траву. Вот он все дальше и дальше стал отходить от бивуака, постоял там, вернулся.

— Так и есть, Федор Андреевич, они обратно пошли. Тем путем вернулись, по которому шли сюда. Надо вести след.

— Нет ли каких признаков, Пахом Степанович, — спросил профессор, — которые бы указывали, что они могут вернуться сюда?

— Вроде бы не видать, — отрицательно покачал головой старый таежник. — Вон даже палки от палатки повалены и береста раскидана под дождем. Нужно вести обратный след, я его вон там приметил, — указал Пахом Степанович. — Не будем отступаться от него, пока не узнаем, куда он уходит.

След повел их к ручью и затем потянулся по его берегу. Но он не повторял в точности тот след, которым Ду-

бенцов и Анюта шли от Близнецов к Дальней. Видно было, что молодые геологи ориентировались лишь по ручью. Недалеко от бурелома след свернул в чащу, где Пахом Степанович обнаружил на траве перья рябчика, потом обогнул бурелом, там снова виднелись перья рябчика. Только после этого след возвращался к ручью.

Во второй половине дня Черемховский и Пахом Степанович подошли к кедровому лесу, через который они уже пробирались, когда шли к Дальней. Старый таежник остановился. Он внимательно стал смотреть то прямо перед собой, то влево.

— Сбились, — решительно произнес он.

— Почему ты так думаешь, дружище? — встревоженно спросил Черемховский.

— Два ключа тут сходятся, и долина тоже раздваивается, — говорил старый таежник. — Одна долина, вишь, уходит влево, к Близнецам, другая по правую сторону идет почти прямо от нас. Если бы они шли обратно по левую руку вдоль ключа, то пришли бы к Близнецам. А они, вишь, шли тут по правую руку и проглядели, что не в ту долину угадали...

Черемховский внимательно осмотрел местность и убедился, что старый таежник был прав. Они находились на развилке долин, и развилку эту было трудно заметить среди зарослей. Правая долина была расположена как бы в продолжение той, которая вела от Дальней сопки, тогда как левая слегка уклонялась в сторону. Естественно, Дубенцов и Анюта пошли в правую долину, потому что на развилке создавалось впечатление, что именно она главная.

Профессор и проводник вопросительно посмотрели друг на друга.

— Будем искать, — решил Черемховский.

Пахом Степанович связал пучок травы, срубил и остругал шест. Соорудив вешку, он поставил ее на развилке ручья и двинулся дальше по следу.

Почти два часа шли они вдоль ручья по долине, уклонявшейся все более и более вправо, на северо-запад, потом и вовсе на север.

— Удивительно! — сокрушался старый геолог. — Я бы мог согласиться, что неопытный человек так слепо доверился здесь долине. Но ведь это же Виктор Иванович... Как он мог не заметить, что долина повернула на север?!

— Тучи были низко, Федор Андреевич, — оправдывал Дубенцова Пахом Степанович, — солнца-то не видать было, вот, должно, и закружился...

— Но у него же компас! — сказал Черемховский, доставая из чехла собственный. Но, взглянув на компас, он остолбенел.

— Пардон! Долина действительно идет на запад! Что за обман зрения?

Здесь рос очень густой старый лес и солнца не было видно совсем, поэтому Черемховский продолжал идти вперед, надеясь выбраться на полянку. При этом он не переставал внимательно следить за местностью.

И вот лес оборвался. Путники очутились у болотистой впадины с чахлыми, низкими деревцами. По краям впадины росла густая трава. Солнце ярко светило, склоняясь к западу.

— Тут они что-то выжидали, — сказал Пахом Степанович, показывая на примятую траву, — вишь, долго топтались на месте, кто-то сидел, видать, Анна Федоровна отдыхала...

Отсюда след повернул влево, на запад, но метрах в пятидесяти вдруг круто загнул вправо и продолжал идти снова на север.

— Произошло нечто весьма замечательное, Пахом Степанович, — говорил ученый, пока таежник просматривал след. — Виктор Иванович шел по компасу, который предательски обманул его.

— Что ж, компасу тоже, выходит, не всегда можно верить? — удивленно спросил Пахом Степанович.

— А вот слушайте. Пока они шли по долине — доверялись ей, а вышли на открытое место — и внутреннее чутье повернуло его на правильный путь, видите — след на запад? Но сверились по компасу, и смотри-ка, что получилось...

Он снял шляпу, положил ее на землю и на макушку тульи поместил горный компас.

— Взгляни-ка сюда, дружище Пахом Степанович. Стрелка должна указывать нам Север. А что она указывает? Мы по солнцу можем ясно убедиться, что она указывает на восток. Но позавчера не было солнца и для них восток, согласно показаниям компаса, оказался севером. Согласно тем же показаниям компаса, на севере должен быть запад. То есть, все на одну четверть круга переме-

стилось вправо по часовой стрелке. В результате именно здесь, сверившись с компасом, Виктор Иванович, видимо, огорчился, что чутье его обмануло, и вынужден был положиться на компас, который вместо запада увел их на север. Так они заблудились, — с глубоким вздохом закончил ученый.

— Почему же так получается в этом месте с компасом? — спросил помрачневший таежник.

— Магнитная аномалия, милейший Пахом Степанович! — с огорчением воскликнул профессор. — Где-то, очевидно, в горах, в недрах образовался сильный магнитный центр в виде базальта или магнетита — магнитного железняка. Но утешать себя рано, ибо может оказаться, что мы имеем дело с простым базальтом — изверженной породой, содержащей обычно много магнетита.

— Что же теперь будем делать, Федор Андреевич? — спросил старый таежник, окончательно растерявшийся при столкновении с такими непонятными ему фактами.

Старый геолог долго сидел в тяжелом раздумье возле своей шляпы, на которой лежал горный компас. Он долго не отвечал. В лесу было жарко. Предвечерняя жара и душный воздух разморили профессора. Сказывалась, видимо, усталость от поисков. Наконец, тяжело дыша, он встал, убрал компас в футляр, надел шляпу, сделал несколько пометок в дневнике, спрятал тетрадь.

— Отправимся в лагерь, дружище Пахом Степанович, — сказал он, надевая рюкзак. — Там будет виднее, что предпринять...

Глава двенадцатая

План Черемховского. — Пахом Степанович готовится на поиски заблудившихся. — План срывается. — Жажда подвига. — Помощь орочей. — В Комсомольске-на-Амуре. — Самолет над лагерем.

Поздним вечером Черемховский и Пахом Степанович доплелись до лагеря усталые, удрученные. Тайная надежда старого геолога на то, что они застанут Дубенцова и Анюту возвратившимися в лагерь, не сбылась.

Еще в пути Черемховский на всякий случай разработал план действий и подробно обсудил его с Пахомом Степановичем. Согласно этому плану Пахом Степанович завтра же утром отправляется на поиски Дубенцова и Анюты по их следу. Старый таежник заверил начальника отряда, что до тех пор, пока они идут по земле, он выследит их, пусть потребуется уйти на край света. Что же касается Черемховского, то он, в соответствии с этим планом, должен заняться изучением месторождения каменного угля и не сниматься с бивуака до тех пор, пока не придут Дубенцов и Анюта. Если же они не вернутся в ближайшие два—три дня, он пошлет рабочего в Комсомольск с просьбой выслать самолеты на поиски заблудившихся.

Однако последующие события, как увидит читатель, внесли серьезные поправки в проекты начальника отряда.

Поужинав и немного отдохнув, Черемховский и Пахом Степанович при свете костра принялись за подготовку к завтрашнему походу на розыски заблудившихся. Но скоро Черемховский занемог: видимо, простудился, посидев разгоряченным на сырой, прохладной земле во время поисков Дубенцова и Анюты. Дрожа от озноба и превозмогая боль в груди, старик ушел спать. К полуночи и Пахом Степанович управился. Он уложил все необходимое во вьючный мешок, осмотрел и починил одежду и обувь, почистил и смазал берданку. Он предупредил дежурного рабочего, чтобы к рассвету была накормлена и напоена лошадь, а сам, не раздеваясь, улегся спать.

С восходом солнца Пахом Степанович был уже на ногах. Черемховского нигде не было видно, и Пахом Степанович зашел в палатку начальника отряда, предполагая, что он еще спит. Нужно было попрощаться и получить последние напутствия.

Старый геолог не спал. Пахома Степановича поразил болезненный вид Черемховского. Глаза его были полузакрыты, голова вяло склонилась набок, сухие руки безвольно лежали поверх одеяла. Больной тяжело дышал.

— Что с тобой, Федор Андреевич? — старый таежник склонился над Черемховским.

— Не знаю, не знаю, дружище, — слабым голосом ответил профессор. — Жар у меня... Сильный жар... Трудно дышать...

Пахом Степанович немедленно разбудил фельдшера.

Явившись, Карамушкин немедленно поставил термометр и принялся ослушивать Черемховского. Термометр показал высокую температуру — около сорока градусов. Карамушкин был вне себя: он опасался энцефалита — болезни, против которой тогда еще не существовало лекарств.

Узнав о несчастье, поднялся на ноги весь лагерь. Люди с тревогой ожидали, что скажет фельдшер.

— Похоже на воспаление легких, — проговорил Карамушкин, внимательно осмотрев Черемховского. — Только уж больно симптомы какие-то неопределенные...

Он хотел высказать подозрение на энцефалит, но промолчал, не желая расстраивать профессора и сеять панику в отряде. Но все-таки задал наводящий вопрос:

— Как руки и ноги, Федор Андреевич?

— Ничего, могу пока двигать, — понимающе ответил старый геолог.

— Чувствительность на концах пальцев сохраняется?

— Кажется, в полной степени...

— Тогда не похоже... — произнес фельдшер, не закончив мысль. — Тем не менее, состояние ваше, Федор Андреевич, я расцениваю тяжелым и даже опасным. Вас надо немедленно вывозить отсюда и класть в больницу.

— Не говорите пустяков, Карамушкин, — отмахнулся профессор. — Разве вы не знаете, что я не могу оставить экспедицию... в таком положении. Правительство разрешило, мечта всей моей жизни... И потом же ухватились, почти ухватились за месторождение магнитного железняка... — в полубреду закончил он.

Пахом Степанович вышел, незаметно позвав фельдшера после того, как тот дал больному лекарство.

— Не скрывай, паря, от меня, — сказал старый таежник, отведя фельдшера подальше от палатки, — заразный клещ укусил Федора Андреевича?

— Симптомов энцефалита нет, — развел руками фельдшер. — Потом же я все время применяю профилактику, сами знаете, так что не должно быть... Старый организм — вот с трудом и переносит болезнь. Полагаю, воспаление легких.

— Сам вылечишь?.. — хмурясь, спросил Пахом Степанович.

— Не могу ручаться, дорогой. Сами знаете, не врач я, фельдшер только.

— Так-так... Стало быть, может умереть Федор Андреевич? — мужественно спросил старый таежник.

— Наперед не заглянешь, болезнь есть болезнь. А тут еще слабый, подорванный организм.

— Говоришь, обязательно в больницу?

— Совершенно обязательно! — решительно ответил фельдшер. — И немедленно нужно везти.

— Ну, коли так, то собирай свои пожитки, — заключил таежник. — Повезете вдвоем с рабочим. Один будет верхом сидеть и держать его, другой поведет лошадь в поводу. Через марь не ходите, замучите его, обойдите слева. Возле Удоми заберете Мамыку и скажите ему, что я просил его в одни сутки доставить Федора Андреевича из стойбища в Комсомольск на бату. Будете идти днем и ночью. Сутки вам до Удоми, там двое суток до стойбища и еще одни сутки до Комсомольска. Чтоб в четыре дня были в Комсомольске, — почти приказным тоном мрачно закончил Пахом Степанович. — Что случится — ты в ответе. Сам знаешь, кого везешь... Да еще просьба к тебе — письмишко запечатай да опусти в Комсомольске, хозяйке моей.

В письме, которое начиналось самыми нежными словами, таежник сообщал «хозяйке» о несчастьях, постигших отряд, предупреждал не ждать скоро. «А председателю Андрею Игнатычу скажи: пойду в зиму с бригадой белковать в верховья Зимина ключа, пущай завезет туда юколы и подремонтирует лабаз».

Распорядившись подготовить лучшую лошадь с седлом, Пахом Степанович зашел в палатку Черемховского, чтобы сообщить решение, принятое вместе с фельдшером. Начальник отряда пытался возразить.

— Однако вот что, Федор Андреевич, — решительно заявил Пахом Степанович, — железо и уголь не убегут, а твоя жизнь дороже всего. Выздоровеешь, тогда исходи хоть всю тайгу. А за дочку и Виктора Ивановича не беспокойся: разыщу и приведу...

Черемховский не отвечал, но по всему видно было, что он соглашается с доводами старого друга.

Пока готовили лошадь, фельдшер поставил горчичники на грудь и спину больного. Температура у профессора поднялась еще выше. Черемховский начинал бредить. Он звал Анюту, предостерегая ее от каких-то ужасов, то и дело громко вскрикивал что-то по поводу магнитной ано-

малии, разговаривал с воображаемым Дубенцовым, упрекал его за оплошность.

Но бред продолжался недолго. Когда сняли горчичники и стали одевать потеплее, чтобы сейчас же везти, Черемховский пришел в себя.

— Ах, как же некстати моя болезнь, — простонал он. — Пахом Степанович, дорогой мой друг, ищи девочку мою, спасай... Не дай им обоим погибнуть...

Под красными, воспаленными веками Черемховского показались слезы.

— Виктору Ивановичу передайте, ежели... со мной что случится... ему я поручаю все... руководство поисками и... завещаю свои труды...

— Успокойся, Федор Андреевич, — непривычно мягким и ласковым голосом успокаивал его старый таежник. — Мы еще походим с тобой по тайге и не одно месторождение отыщем. А Анюту и Виктора Ивановича я найду хоть на краю света, будь за это спокоен.

К палатке подвели оседланную лошадь.

— Ну, Федор Андреевич, на всякий случай, прощай, — приложился Пахом Степанович к лицу старого друга. — А я сейчас же отправлюсь своей дорогой...

Игнат Карамушкин давно жаждал подвига. Должно быть, эта жажда и привела его на Дальний Восток; по-видимому, она и послала его в трудный поход с экспедицией. Но по-настоящему она пробудилась в нем после встречи отряда с Виктором Дубенцовым. Один Карамушкин знал, как он завидовал молодому геологу. Охота на тигра, спасение Мамыки — как хотелось Карамушкину, чтобы все это было сделано им!.. Конечно, этим Дубенцов и приманил на свою сторону Анюту — как не влюбиться девушке в такого героя! А что Карамушкин в сравнении с Дубенцовым? Так, жалкий лекарь, который к тому же не знает тайги, да еще мало образован. Но подождите, Карамушкин еще покажет себя! Он понимал, что подвиг не достигается одним лишь желанием, но он не подозревал, как много нужно для этого.

Готовясь к трудному пути, он бегал по бивуаку весь взъерошенный, потный. Он сам осмотрел лошадь, седло, приготовил микстуры, которые потребуются в пути, отложил и передал Стерлядникову лекарства, которые надо было оставить на бивуаке.

И вот сборы закончены.

— Будем двигаться так, — с видом распорядителя объяснял он рабочему, выделенному в помощь: — один в седле с больным, а другой будет вести лошадь в поводу, потом будем меняться. Понятно?

— Подождите, подождите, — остановил Карамушкина техник-геолог Стерлядников, когда фельдшер уже стал взбираться в седло. — А вы знаете, как нужно двигаться, чтобы максимально сократить время в пути?

— Пойдем к Удоми, а там начинается тропа... Марь будем обходить с юга, как советует Пахом Степанович.

— Я не об этом говорю. Расчет времени в пути есть у вас?

— Какой расчет?

— Вот видите, а думаете быстро добраться до стойбища, — с укором сказал Стерлядников; он не ставил Карамушкина ни в грош и считал ошибкой поручение ему везти Черемховского в Комсомольск-на-Амуре. — Слушайте и запоминайте, — подчеркивая каждое слово, продолжал он. — Лошадь не механизм, а животное. Вы думаете, наверное, днем идти, а ночью спать? Ну вот, так вы за неделю не доберетесь. Вот вам режим движения: час двигаться, десять минут отдыхать. Через два часа тридцатиминутный привал, через шесть часов — двухчасовой привал. Никаких ночевок. Ночью тоже можно идти, для этого заготовьте с вечера десятка два факелов из березовой коры. Особенно там, за Удоми, где есть тропа. Овес лошади давайте на двухчасовом привале, да побольше. Вы меня поняли?

— Понял, — недовольно буркнул Карамушкин. — Давайте больного.

...Медленно двигалась среди зарослей тайги странная процессия, состоящая из поводыря и двух всадников на лошади. В седле покачивался фельдшер, держа на руках закутанного в одеяло начальника отряда. Ветки хлестали, царапали всадников. Чтобы защитить больного и собственное лицо, Карамушкину почти все время приходилось сгибаться и принимать удары веток спиной. Один раз его так сильно царапнул по спине сук, что фельдшер едва не свалился с лошади вместе с больным. Он отделался лишь тем, что вся куртка на спине оказалась разодранной. После этого Черемховский потребовал, чтобы его оставили

одного в седле. Теперь Карамушкин пошел сбоку, придерживая седока в седле.

Совет Пахома Степановича — не идти через болотистую марь, а обогнуть ее слева, с юга — оказался благоразумным: немногим более трех часов потребовалось на то, чтобы достичь дубняка, вместо почти целого дня, затраченного на путешествие по мари в прошлый раз. Правда, не обошлось и здесь без серьезных испытаний, сыпавшихся на голову Карамушкина.

На пути процессии встал бурелом, занявший довольно широкую падь.

Здесь когда-то прошел пожар. Огонь уничтожил весь подлесок и растительный слой. Но так как почти повсюду на Сихотэ-Алине корни деревьев не растут в глубь земли, а стелются горизонтально, потому что внизу — либо скальные породы, либо галечник, то все корневища обнажились и им теперь не за что было держаться. При первом же сильном ветре вся масса обгорелого леса повалилась. Вместо стволов вверх поднялись теперь корявые корневища, иногда с комьями земли, а иногда и со всей глиняной глыбой, которую обхватывали корни. Образовался невообразимый хаос из корневищ, острых веток, стволов. На первый взгляд казалось, что нечего и пытаться пройти сквозь этот хаос.

Но нашим путникам повезло: у входа в бурелом они увидели возле лужицы, образовавшейся на плотной глине, след трех сохатых. По-видимому, они пили здесь — два взрослых животных и один теленок. След от лужицы вел в гущу бурелома. Карамушкин пошел по следу и вскоре вернулся.

— Есть проход, — торжественно объявил он, вытирая пот с лица. — Правда, трудный, но пробраться можно. Только на лошади ехать нельзя — за ствол можно зацепиться. Мы вас понесем, Федор Андреевич.

Никакие возражения старого геолога не остановили Карамушкина. Фельдшер и рабочий быстро срубили два шеста, привязали к ним дождевик и на эти импровизированные носилки уложили Черемховского. Почти целый час в муках они пробирались сквозь бурелом, придерживаясь следа сохатых. А когда бурелом оказался позади, они вскоре увидели ручей, неподалеку от которого в прошлый раз отряд встретился с кабанами.

Дав отдых лошади, покормив ее, путники двинулись

вдоль ключа. Лес в этом месте был не так густ, а трава и подлесок почти и вовсе отсутствовали.

Но легкий путь продолжался недолго. Миновав покатый косогор, наши путешественники очутились в пойме Удоми. Но они не попали на след, который оставил отряд по пути на плато, и вскоре закружились в лабиринте бесчисленных проток, образовавшихся в широкой долине реки. Карамушкин не доверял рабочему и сам искал броды через протоки. Через каждый брод он вел лошадь в поводу, покрикивая на своего спутника, чтобы тот не замочил ноги больного. Измучившись вконец, весь мокрый, он часа через два нашел след отряда и отсюда уже не сбивался с него.

Незадолго до заката солнца путники достигли лагеря на устье Удоми. Черемховский сильно утомился и ослаб в дороге и сразу же уснул, как только внесли его в палатку. А Карамушкину и здесь некогда было отдыхать. Он сушил одежду, готовил крепкий чай с лимонником для больного, выбирал лучшую из имевшихся в лагере лошадь, проверял снаряжение...

Болезнь начальника отряда произвела удручающее впечатление на Мамыку, остававшегося до сих пор в лагере в ожидании удобного случая «обмануть» амбу и переправиться через Удоми. Теперь Мамыка предложил немедленно идти в стойбище.

Черемховского разбудили через два часа. Лежа в горчичниках, профессор давал последние указания геологу Титлянову, оставшемуся в лагере.

— Завтра утром снимитесь отсюда и пойдете к основному лагерю экспедиции, — говорил он слабым голосом. — Поведет вас рабочий Скуратов, который сопровождал меня сюда. Там до возвращения Дубенцова будете руководить разведкой месторождения угля. Работайте спокойно. Я, очевидно, скоро вернусь. Если что случится со мной, вы получите дополнительные указания... Вам все ясно?

— Все ясно, Федор Андреевич, — с готовностью отвечал Титлянов, высокий сухощавый человек. — Завтра с рассветом выйдем...

При свете факелов, большое количество которых было заготовлено из березовой коры еще засветло, Черемховский и сопровождавшие его фельдшер, Мамыка и рабочий удачно переправились через Удоми. Впереди шел

Карамушкин вел лошадь и придерживал больного в седле. Впереди шел Мамыка с высоко поднятым факелом.

Мамыка с высоко поднятым факелом. Свет факела выхватывал из темноты проплывающие призраками стволы деревьев, свисающие со всех сторон ветки, узкую тропу и выступающие на ней оголенные корневища. Свежая лошадь шла быстро, чуя, что возвращается к человеческому жилью.

Шли быстро еще и потому, что пламя факела хорошо освещало тропу. Фельдшер и рабочий время от времени менялись ролями: один вел лошадь, другой держал больного, и наоборот.

Июньская ночь коротка. Всего три остановки было сделано под покровом темноты. И вот уже забрезжил рассвет. С восходом солнца они сделали двухчасовую передышку на открытом песчаном берегу Хунгари. Карамушкин дал больному лекарства. Состояние Черемховского не улучшалось, но и не ухудшалось. Но даже в этом тяжелом состоянии он был неприхотлив, покорно выполнял все требования фельдшера: пил микстуры, терпеливо сидел в седле, покачиваясь и не издавая ни одного стона.

К счастью, погода все время держалась хорошая — теплая, без дождя и ветра. Люди отдыхали через каждый час по десять минут, а через каждые шесть часов устраивали двухчасовой привал. Благодаря строгому соблюдению такого режима они сохраняли собственные силы и силы лошади и продвигались, не снижая первоначального темпа.

В полдень на вторые сутки они миновали стойбище-скит, а к исходу третьих суток, считая с момента выхода с плато, перед утренней зарей их встретил многоголосый собачий лай в большом стойбище орочей.

— Ну вот, Федор Андреевич, — бодро говорил фельдшер, раскутывая Черемховского, — самое трудное позади. Теперь я так думаю, что ваше здоровье в безопасности. Откровенно сказать, сильно опасался я в первый день нашего похода. Думал, не выдержите такой тряски на лошади. Оказывается, организм у вас прямо-таки железный.

Никогда еще Карамушкин не был так горд собой, как в эту минуту! И как ему хотелось, чтобы все это почувствовала и Анюта!..

— Вот и хорошо, — говорил пободревший профессор. — Может быть, и не нужно будет ехать в Комсомольск?

— Что вы, что вы, Федор Андреевич, у вас еще и не развился как следует процесс воспаления. Возможно, и не разовьется, тогда уж дело другое, но болезнь может принять всякий оборот. Спешить нужно, спешить!

Черемховского поместили в школе, в комнате Вачи. Девушка не отходила от больного, пока отдыхал фельдшер, — он ведь не спал и часа с тех пор, как вышли с плато.

Весть о том, что в Комсомольск срочно везут больного начальника экспедиции, взбудоражила все стойбище. Еще до восхода солнца возле школы собрались все мужчины, стихийно возникло собрание. Обсуждали вопрос о том, как быстрее доставить ученого в Комсомольск. Председатель местного Совета остановил свой выбор на Актынке Бокача — одном из самых лучших батчиков. Ему в помощники назначался Мамыка, отлично знавший фарватер Хунгари. Помимо этого, был выделен запасный бат, на который назначались еще два орочa — оба хорошие батчики.

Баты отчалили от берега в половине восьмого утра. На переднем вместе с больным помещались фельдшер, Мамыка и Актынка, на заднем—двое орочей и рабочий. Длинные, долбленные из цельного дерева, узкие лодки с лопатообразными носами, отвалив от берега, быстро помчались, подхваченные течением. Орочи, вооруженные длинными тонкими шестами, ловко управляли батами.

Они мчались весь день и всю ночь, освещая путь факелами из березовой коры. Карамушкин без конца восхищался уменьем Актынки проводить бат через пенистые перекаты или огромные водовороты у прибрежных скал. Бывали минуты, когда авария казалась неизбежной. Тогда фельдшер с замиранием сердца придвигался вплотную к изголовью Черемховского, охватывая руками его плечи. Но проходили доли секунды, бат молниеносно разрезал стремнину потока и снова устремлялся в безопасное место, ничуть не нарушая равновесия. Ночью Актынка не доверял ни своему искусству, ни мигающему свету факелов. На бурных перекатах он подводил лодку к берегу, входил в воду по пояс или по грудь и руками проводил бат через опасное место.

Ровно через сутки после начала плавания по таежной реке перед батчиками открылась ровная и широкая гладь Амура. Позади лежало расстояние от стойбища более чем

в двести пятьдесят километров. Но от устья Хунгари до Комсомольска еще оставалось добрых семьдесят километров. Тут на помощь пришел почтовый глиссер, оказавшийся у ближайшего села. Через полтора часа он доставил больного к пристани Комсомольска-на-Амуре.

Хорошо отдохнувший за истекшие сутки, Черемховский почувствовал себя лучше. Прибытие в город еще больше подняло в нем бодрость духа, и профессор попросил раскутать его. Однако фельдшер категорически отказал ему в этом удовольствии. Вызвав скорую помощь, он доставил профессора в лучшую больницу города. И когда Черемховского внесли в палату, сияющий фельдшер сказал:

— Вот теперь я могу раскутать вас, Федор Андреевич.

— Дорогой мой, — тепло произнес Черемховский слабым голосом, — если мне доведется еще пожить и снова побывать в экспедиции, я этим обязан только вам и вашим славным спутникам.

— Я буду просить вас, Федор Андреевич, снова взять меня с собой... — смущенно попросил Карамушкин.

— Да, да, вы обнаружили хорошие способности, — уж совсем тихо сказал старый геолог. — Я непременно и с удовольствием возьму вас...

Почти сутки проспал Черемховский в чистой, светлой палате больницы. Процедуры и лекарства, принятые им сразу по приезде, дали хороший результат.

— А знаете, батенька, это вы спасли жизнь профессора, — говорил врач фельдшеру после осмотра Черемховского. — Удивляюсь, знаете, вашей настойчивости. Выскочить из этакой глухомани в четыре дня с таким больным на руках — это не каждый сумеет.

— Моя роль, доктор, была более чем скромной, — отвечал фельдшер. — На моем месте каждый смог бы пройти быстро это расстояние. Дело в помощниках, в наших золотых советских людях. С ними никакие беды не страшны...

Почувствовав себя лучше, Черемховский попросил, чтобы к нему прислали Карамушкина. Впалые щеки и провалившиеся глаза старого геолога указывали на то, сколько страданий испытал этот человек за пять дней болезни. Лицо его было озабоченным: он уже думал о делах отряда.

— Мне пока запрещают сноситься с отрядом, — сказал Черемховский, — поэтому прошу вас еще об одном: написать то, что я продиктую для начальника комплексной Приамурской экспедиции...

Отдыхая после каждой фразы, Черемховский доносил о результатах работы отряда, об исчезновении Дубенцова и Анюты, о мерах, принятых для их розыска, о магнитной аномалии... В заключение он просил выделить самолет для поисков заблудившихся.

...Назавтра в полдень маленький самолет, принадлежащий комплексной Приамурской экспедиции, вылетел к лагерю. В задней кабине его виднелась длинная, нескладная фигура Карамушкина.

Часа через три благополучного лёта внизу показалось стойбище. Самолет сделал над ним круг. Внизу бегали и прыгали, махая руками, орочи. Но приземляться тут не было причины. Карамушкин хорошо ориентировался по местности. Он без труда угадал устье Удоми, хотя лагеря здесь уже не было. Марь, которую с трудом преодолевал караван, с самолета выглядела ковром, разрисованным мозаикой кочкарника.

Наконец впереди, на зеленом полотне редколесья, забелели палатки лагеря. Самолет стал кружить над ним, снижаясь с каждым кругом. Вот уже виден и котел над костром, и колья, поддерживающие палатки, а вон и лошадь с перевязанной ногой... А людей не видно. Ага, вон один!.. Фельдшер узнал в нем рабочего Скуратова. Тот машет руками, бросает вверх картуз.

Карамушкин выбросил вымпел с маленьким зонтом-парашютиком. Вымпел падает недалеко от палаток, и Скуратов мчится к нему. Самолет снова стал набирать высоту, делая круги над лагерем. Скуратов еще читает вымпел. Вот он замахал руками и стал указывать картузом в сторону сопок. Потом сообразил: схватил что-то у костра, бросился к крайней палатке. На ее белом полотнище появились крупные черные буквы, писанные углем: «Дубенцова нет. Отряд на Кедровой сопке. Шурфы. Придут вечером...»

Самолет направился к Кедровой сопке и там сделал несколько кругов. Людей не сразу удалось разглядеть. В зарослях была обнаружена сначала белая лошадь, и уж потом неподалеку Карамушкин разглядел меж кустами нескольких человек. Они неистово махали руками,

приставляли ладони рупором к губам и, видимо, что-то кричали. Пилот помахал им рукой, и самолет лег на обратный курс. Теперь он летел через тайгу, срезая большой угол, образуемый руслом Хунгари и прямой линией на Комсомольск.

Спустя четыре часа после посещения лагеря фельдшер докладывал начальнику комплексной Приамурской экспедиции о результатах полета. Он преднамеренно не пошел сразу к Черемховскому: ему хотелось, чтобы вместе с неприятной вестью профессор был бы проинформирован и о мерах по розыску заблудившихся.

Глава тринадцатая

По другую сторону Сихотэ-Алиня. — «Страховые агенты». — Задание. — Главный резидент. — План действий.

Тем временем по другую сторону Сихотэ-Алиня, где пролегала морская граница между Советским государством и Японией, также происходили события, связанные с тайной Красного озера.

В конце июня с пароходом из Владивостока в Советскую гавань прибыли двое, назвавшиеся страховыми агентами. Представитель пограничных властей, ознакомившись с документами прибывших, не нашел оснований не доверять этим двоим, как и многим другим пассажирам, прибывшим в Советскую гавань по различным делам, и они затерялись в толпе на пристани.

В тот же вечер страховые агенты приступили к работе, обходя квартиры и заполняя страховые бланки. В квартире немолодого холостяка, работника судоверфи, один из пришедших, пожилой, грузноватый, с обрюзгшим лицом, стал объяснять хозяину значение страхования, а другой, помоложе, рыжий, с узким лицом и лукавыми глазами, внимательно осматривал обстановку и прислушивался к посторонним звукам. Потом он подал условный знак своему коллеге, и тот сказал:

— А теперь приступимте к делу, товарищ Ставрук...— Слово «товарищ» он выговорил с явной издевкой.

Хозяин квартиры слегка вздрогнул, встал. Он был

высок, хмур, с маленькой круглой черной головой и богатырскими плечами.

— Не кажется ли вам, что вы ошибаетесь? — спросил он, подходя к окну и прикрывая занавеску.

— Нет, не кажется. Мы с вами знакомы по Амуру...

— Говорите задание и убирайтесь, — приглушенной скороговоркой произнес Ставрук. — Здесь опасно.

— Вас подозревают?

— Пока нет, но обстановка опасная...

— Не извольте беспокоиться, дорогой, наша организация наилучшим образом законспирирована. А чтобы не было лишних подозрений, у нас имеется ширма. — С этими словами он извлек из портфеля бутылку с водкой и поставил ее на стол.

— Организуйте что-нибудь съедобное, — продолжал обрюзглый, — объясним при необходимости, что встретились со старым приятелем.

Они отпили по глотку водки, и пожилой снова заговорил:

— Задание, которое я вам привез, наиболее ответственное из всех, до сих пор дававшихся вам. На-днях вы получите вызов в Хабаровск на двухмесячные курсы плановиков. Но отправитесь не в Хабаровск, а в горы Сихотэ-Алинь вот с этим молодым человеком, — и он указал на своего узколицего спутника. — С вами отправится еще одно лицо, которое будет начальником боевой группы. Возможно, будет проводник, ороч, если удастся отыскать его.

Тем временем узколицый почти не сидел на месте. Он то подходил к завешенному окну и через щелку посматривал на улицу, то шагал по комнате, сцепив за спиной руки. Когда обрюзглый, обратив внимание на его нервозность, предложил ему выпить, он залпом осушил чайную чашку и не стал закусывать.

Этот «страховой агент», носящий сейчас фамилию Храпова, был не кто иной, как один из участников похода с отцом Виктора Дубенцова — геологом Дубенцовым Иваном Филипповичем. Пятнадцать лет назад он выходил отсюда в составе геологической партии Дубенцова-отца на запад. Они втроем, сопровождаемые проводником-орочем, пересекли Сихотэ-Алинь и по пути обнаружили большие залежи железной руды. Ороч вернулся с верховьев Хунгари, Дубенцов же со своими спутниками до-

стиг Амура. Там они были задержаны патрулем оккупационной японской армии.

Японцы пытались переманить на свою сторону русских геологов Дубенцова и Чумарина, вместе с которыми был и этот—топограф-практикант Петров, бывший тогда студентом Владивостокского политехнического института. Им предложили вести японский топографический отряд к обнаруженному ими месторождению железа. Дубенцов и Чумарин категорически отказались. Петров согласился, но он был болен и двинуться в поход немедленно не мог. Оккупанты расстреляли Дубенцова и Чумарина, а Петрова вместе с захваченными материалами отправили в Японию. Вскоре после того интервенты были выброшены с советского Дальнего Востока, и тайна месторождения железа осталась в их руках.

Весной этого года японские шпионы передали сообщение своим хозяевам о готовящейся экспедиции известного геолога Черемховского и о предполагаемом маршруте. Вскоре после того главный резидент японской разведки на советском Дальнем Востоке и получил из Японии Петрова... Петров должен был пробраться к месторождению и помешать экспедиции Черемховского.

Именно эту задачу и ставил сейчас перед Ставруком обрюзглый.

— Каким образом мы должны это сделать? — глухо спросил Ставрук. — И что нам предпринимать, если экспедиция окажется у месторождения раньше нас?

— Вы располагаете надежным средством, — равнодушно ответил обрюзглый.

— То есть?

— Бактерии чумы и холеры... — тихо, но многозначительно сказал рыжий, носящий фамилию Храпова.

— Если экспедиция выйдет к месторождению раньше вас, вы свяжитесь с ней,—продолжал обрюзглый,—и объясните Черемховскому, что заблудились во время охоты. А потом ликвидируете экспедицию. Если экспедиция окажется многолюдной, тогда при первом же удобном случае вот этот молодой человек заразит пищу. Он имеет необходимые инструкции. Что не сделают бактерии — довершит оружие. От экспедиции Черемховского не должно остаться никаких следов. Она должна исчезнуть бесследно. Есть ли вопросы?

— Какова гарантия, что мы найдем месторождение?

— У меня есть фамилия нашего бывшего проводника, ороча, — сказал рыжий, мигая лукавыми глазами, — вот она: Соломдига. Я помню и его стойбище и завтра же отправлюсь туда для выяснения. Если же Соломдиги не окажется в живых, поведу я. Полагаю, что найду.

— Во сколько оценено задание?

— Лично вы получите на свои расходы пять тысяч.

— И это все? — с удивлением спросил Ставрук.

— При выполнении задания получите от меня еще двадцать пять тысяч. Вас это устраивает?

Ставрук поморщился:

— Что-то уж очень мало. Такое задание...

— Можете не беспокоиться. Вы же знаете, что за хорошо выполненную работу мы хорошо платим. После выполнения задания вы скрытно выйдете на Амур. На этот случай на вас уже заготовлены документы, с которыми вы прибудете в Хабаровск.

...На следующий день Петров отправился в стойбище на поиски ороча Соломдиги, а официально — проводить страхование. Он вернулся в гостиницу поздним вечером.

— Ороч живет и здравствует, — докладывал Петров обрюзглому. — Он согласился быть моим проводником в отдаленные стойбища для страхования орочей.

Кроме обрюзглого, в номере был третий участник диверсионной группы — коренастый человек с квадратной, монгольского типа физиономией.

— Познакомьтесь, — сказал обрюзглый, — мой старый друг господин Судзуки, но вы называйте его корейским именем Ким До Бу. Под этим именем его должны знать Ставрук и ороч. Вы и Ставрук поступаете под его начальство.

— Как вы думаете заставить проводника вести нас к месторождению железа? — спросил японец на чистом русском языке.

— Я предлагаю вашему вниманию следующий план... — деловито заговорил Петров.

Судзуки, слушая Петрова, с удовлетворением кивал головой, а когда тот кончил, японец вопросительно взглянул на обрюзглого, как начальник на подчиненного, и спросил:

— Вместе разрабатывали план?

— Точно так, господин Судзуки.

— Прошу вас организовать все так, чтобы послезавт-

ра мы могли выйти. Еще раз тщательно проверьте, чтобы лошадь, оружие, провизия были в условном месте. С вами мы больше не встречаемся. С вами, — обратился он к Петрову, — встречаемся через двое суток.

Глава четырнадцатая

Разговор в тайге. — Соломдига припоминает старых знакомых. — Двое с лошадью. — Проводники к Сыгдзы-му. — Диверсанты обманывают Соломдигу. — Катастрофа на переправе. — Голодный паек. — Вор. — Попытка Соломдиги к бегству.

Соломдига и рыжий вышли из стойбища с рассветом. До ближайшего стойбища предстоял напряженный двухдневный переход, поэтому Соломдига торопил своего спутника.

Они ушли достаточно далеко, когда носящий фамилию Храпова сказал Соломдиге:

— Мне кажется, мы с тобой когда-то встречались, любезный...

Соломдига не сразу понял. Он повернул свое бронзовое круглое лицо в сторону рыжего и с недоумением улыбнулся. Веселый по натуре человек, Соломдига принял слова своего спутника за шутку.

— Ты не понял меня? — спросил рыжий.

— Моя мало-мало худо понимай русский, — извинительно улыбнулся ороч.

— Ты не знал меня раньше? Давно, пятнадцать лет назад, не знал? Меня, меня? — тыкал он себя пальцем в грудь.

Поняв, что «страховой агент» говорит серьезно, Соломдига подумал, что-то припоминая.

— Моя думай, однако, — заговорил он, — тебе мало-мало знакомый есть. Партизаны, однако, ходи?

— Правильно, правильно, вот и вспомнил! — воскликнул рыжий. — Мы к партизанам уходили на Амур, а ты нас вел через Сихотэ-Алинь, помнишь?

— Моя теперь хорошо помни тебе, — оживился Соломдига. — Дубенцов начальник, компания ходи Сыгд-

зы-му. Дубенцов находи много железа! Где его теперь живи? Как тебе фамилия?

Рыжий хотел было ответить, но ороч, опередив его, воскликнул:

— Моя помни, помни теперь — Петров! Тебе тогда учись школа Владивосток, компания Дубенцов ходи, мало-мало работай.

Распутывая в памяти нить давно минувших событий, Соломдига не подозревал, что тем самым он окончательно закрывает себе путь обратно, в родное стойбище.

Под вечер впереди на тропе послышался лай собаки.

— Однако, люди есть там, — сказал ороч, всматриваясь в сумрак леса и прислушиваясь.

Когда спустились по откосу в темный распадок, увидели там навьюченную лошадь и двух неизвестных в дождевиках и проолифенных зюйдвестках. Лошадь паслась в густом пырее, люди сидели у ручья, курили. Рядом с ними лежали три винчестера.

— Здравствуйте, добрые люди,— произнес Петров. — Далече ли путь держите?

Судзуки и Ставрук, — это были они, — с радушием встретили подошедших.

— Уж так далеко держим путь, что и сами толком не знаем, куда, — смеясь, сказал Судзуки. — Присаживайтесь, товарищи, отдохните в нашей компании.

Петров, а за ним и Соломдига, сбросили свои рюкзаки, присели на камнях у ручья. При этом Петров, присаживаясь рядом со Ставруком и Судзуки, шепнул, чтобы его теперь называли только Петровым.

— Вот, отстали от экспедиции, — мрачно заговорил Ставрук, гася в ручье папиросу. — Должна бы идти по этой тропе, а следов не видать.

— Это что же за экспедиция? — спросил Петров, подмигнув при этом Ставруку.

— Геолог есть такой — Дубенцов, может, слыхали?

— Моя хорошо ему знакомый! — воскликнул Соломдига, пришедший в большое возбуждение.

Он и Петров наперебой стали вспоминать и рассказывать о том, как пятнадцать лет назад они вместе с Дубенцовым пересекали Сихотэ-Алинь, какие приключения встречали на пути, как Дубенцов нашел месторождение железа.

— К этому-то месторождению и идет теперь наша эк-

спедиция, — объяснил Судзуки, выслушав Соломдигу и Петрова. — А вот мы отстали от нее и теперь решительно не знаем, где искать Дубенцова.

Соломдига с жаром начал рассказывать, каким путем можно пройти к Сыгдзы-му, но ни Судзуки, ни Ставрук никак не могли понять то, что он говорил.

— Сколько дней идти туда? — спросил Ставрук.

— Моя думай, двадцать дней, — предположил Соломдига.

— Эге-е! — воскликнул Ставрук. — Конечно же, мы никогда так не найдем свою экспедицию, только хуже заплутаемся.

— А послушайте-ка, добрые люди! — воскликнул Судзуки. — Раз вы хорошо знаете, куда путь, и раз дело у вас не ахти как срочное, то не возьметесь ли вы провести нас туда? Предлагаю вам по десять тысяч!

Петров стал отпираться, внимательно следя при этом за Соломдигой, который начинал колебаться. И когда диверсант убедился, что ороч готов предложить свои услуги, он сказал:

— Э-э, да где наша не пропадала! Повидаем Дубенцова, поохотимся возле озера, там много изюбря... Я согласен!

Этого, кажется, Соломдига и ждал. Он тоже решительно заявил о своем желании еще раз повидать Дубенцова и побывать у Сыгдзы-му. В попутном стойбище он предупредит, чтобы передали домой о его походе к Сыгдзы-му.

Тут же было оформлено на бумаге трудовое соглашение, скрепленное подписями обеих сторон, и был выдан на руки аванс в половинном размере. Они заночевали здесь же, в распадке, а с рассветом тронулись в далекий путь.

— Пока что можно позавидовать нашему везению, — говорил Судзуки Петрову, идя рядом с ним позади лошади. — Но у меня вызывает опасение стойбище. По словам проводника, мы прибудем туда вечером, значит, в стойбище будет ночлег. Боюсь, что туземец разболтается со своими единоплеменниками и начнет вдаваться в опасные для нас подробности. Надо как-то избежать такой возможности.

— Это нетрудно сделать, господин начальник, — вполголоса отвечал Петров. — Мы сделаем так, чтобы не дойти к вечеру до стойбища. Заночуем в тайге, а завтра

днем всего на несколько минут задержимся в стойбище, для того чтобы проводник сделал свои поручения.

— Вы подали дельную мысль, — согласился старый шпион. — Нужно придумать убедительную причину задержки. Может быть, вам или мне самому симулировать какую-нибудь болезнь? Ну, например, вывих ноги или боль в желудке, не позволяющую идти.

— При этом не следует забывать, господин начальник, — заметил диверсант, — что мы должны делать все, чтобы вообще не вызывать подозрений у нашего проводника. Не нужно представлять его себе ничего не понимающим. Всякую фальшь это дитя природы улавливает лучше, чем мы, люди цивилизации.

— Что же вы предлагаете?

Некоторое время Петров шел молча, что-то обдумывая.

— Есть вариант, — наконец молвил он. — Поскольку вы в представлении проводника геологи, то не плохо бы покопаться в земле в поисках, например, какого-нибудь молибдена или бокситовой глины.

В четвертом часу пополудни Судзуки мастерски разыграл находку «бокситовой глины», остановившись у выхода самой обыкновенной глины. Он принялся копать шурф, и так как лопата была только одна, то они работали попеременно дотемна. Соломдига, все время торопивший их, в конце концов должен был смириться с тем, что здесь нужно устраивать ночлег, и стал разводить костер.

— До стойбища мало-мало осталось ходи, — с тихим сожалением говорил он, — однако пять километров...

Назавтра они встали с рассветом и на восходе солнца были уже в стойбище. Население стойбища еще спало, только кое-где у летних очагов показывались женщины. Судзуки дал Соломдиге времени ровно столько, сколько нужно, чтобы сказать пять слов. Бедный ороч не обмолвился даже ни единым лишним словом со своим приятелем, к которому заглянул на минуту. Не останавливаясь, диверсанты быстро проследовали через спящее стойбище, сопровождаемые дружным лаем собак.

От стойбища путь лежал по охотничьей тропе, на которой больше уже не было жилья. Но и она лишь два дня вела в нужном направлении, а затем свернула в сторону.

Началось трудное путешествие по бездорожью, сквозь густые заросли, по приметам, знакомым лишь Соломдиге да отчасти бывшему топографу-практиканту Петрову.

Горы в этих местах небольшие, но к морю сбегают очень круто. Один подъем сменяется другим, распадки упираются в высокие осыпи, непрерывных долин почти нет. Плохое знание правил навьючивания лошади, безжалостное обращение с животным, которому не давали достаточного отдыха, торопливость при спусках по крутым склонам — все это привело к тому, что седло истерло спину лошади до крови. Образовался нарыв. На одной из остановок обнаружилось, что нарыв прорвался и на его месте открылась рана.

— Худо, однако, — говорил Соломдига, недовольный отношением спутников к лошади, — ему могу пропади...

— Что же ты предлагаешь? — спросил Судзуки.

— Таскай люди сумка, лошадь надо мало-мало отдыхай.

— Еще чего недоставало! — воскликнул всем и всегда недовольный Ставрук. — Я должен работать вместо лошади! Лучше тогда пристрелить ее к чертям!

— Зачем стреляй?! — рассердился Соломдига. — Мало-мало лечи, и его опять работай. Тебе худой человек.

— Ну, ты, дикарь, что орешь на меня! — гаркнул Ставрук.

— Послушайте!.. — с ненавистью прошипел жестким голосом Судзуки и деспотически посмотрел на Ставрука. — Груз распределим между собой, лошадь будем лечить. Гибель лошади может нам слишком дорого обойтись.

После первого же дня похода с тяжелым грузом за плечами диверсанты стали молчаливыми, раздражительными, мрачными. Ссоры вспыхивали поминутно и по самым пустяковым причинам: то кто-то из передних не предупредил, отпустив согнутую в дугу ветку, и она хлестко стеганула по лицу идущего следом; то медленно закипает чай; то задний свалил камешек на крутом спуске, и он стукнул по ногам идущего впереди... Наибольшую нетерпимость проявлял Ставрук. Его недовольство своим положением, видимо, вызывалось еще и тем, что почти с первого дня Судзуки стал обращаться с ним, как с чернорабочим, тогда как с Петровым они образовали как бы своего рода аристократическую касту: подолгу разговаривали на японском языке о чем-то своем, иногда смеялись, не посвящая в смешное Ставрука, вызывая у него подозрение, что предметом смеха является он сам, и — что особенно возмущало Ставрука — за завтраком

и ужином Судзуки клал в свою кружку и в кружку Петрова больше какао, чем в посудины Ставрука и Соломдиги.

Однако главные испытания были впереди.

На второй или на третий день после того, как рана на спине лошади поджила и животное вновь навьючили, диверсанты спустились в глубокую долину и остановились у небольшой речки, преградившей путь. Речка, хотя и небольшая, была очень бурной и глубокой.

Несмотря на советы Соломдиги — всем переправляться вброд, а лошадь вести в поводу, Судзуки сделал по-своему. Он велел Ставруку и Соломдиге отправляться вброд, а сам сел на лошадь и позади себя усадил Петрова.

— Своей тяжестью мы будем помогать устойчивости лошади на сильном течении, — пояснил он.

Раздевшись, Ставрук и Соломдига с трудом перебрели речку. По их следу пустил лошадь и японец. Едва она сделала три—четыре шага от берега, как вода перелилась ей через спину. Все видели, что назревает катастрофа: вьюки залило водой, лошадь все более погружается, а седоки в панике ухватились за гриву, всей тяжестью опрокинувшись на шею лошади.

— Слезай, слезай вода! — кричал с того берега Соломдига.

— Да прыгайте же, черт вас побери! — горланил Ставрук. — Вы же топите лошадь и все имущество!

Но растерявшиеся седоки не успели ничего сделать. Течением подбило ноги лошади, она попыталась плыть, но груз задавил ее, и она ушла под воду. Судзуки и Петров с перекошенными от ужаса лицами бросились вплавь и вскоре встали на ноги. Тем временем течение закрутило и потащило лошадь. Она, видимо, зачерпнула ушами воду и вскоре прекратила борьбу. К счастью, река неподалеку делала крутой поворот, и там труп лошади вместе с грузом подбило под корягу.

Ставрук и Соломдига кинулись туда, чтобы спасти хоть часть вьюков. По корягам они добрались до трупа лошади и попытались вытащить его из корневищ. Им это не удалось.

Ставрук хотел было заставить Соломдигу спуститься в воду и отстегнуть вьючное седло, но проводник наотрез отказался: он не умел плавать. Подоспевший Судзуки приказал самому Ставруку выполнить эту работу. Тот,

безобразно ругаясь, проклиная всех и вся, спустился в воду и после больших хлопот отстегнул подпруги. Но лошадь придавила вьюки. Подав конец подпруги Соломдиге и Петрову, сидящим на корягах, он попросил у ороча большой охотничий нож и стал потрошить лошадь, чтобы по частям стащить ее с вьюка. Вскоре вьюки освободились, и их выволокли на берег.

Несколько минут все отдыхали, не обмолвившись ни словом. Наконец Судзуки приказал разобрать сумы и осмотреть содержимое. Там все было перемочено. Прежде чем двигаться дальше, решено было все просушить и отсортировать.

К вечеру эта работа была кончена. Выяснилось, что путешественники лишились большей половины сахара, соли, почти всего хлеба, превратившегося в гущу. Уцелели лишь галеты в двух ведерных банках, сгущенное молоко и мясные консервы. Две банки, обернутые клеенкой и прорезиненной материей, при Соломдиге не открывали — там были гранаты. С ними ушел Петров за поворот реки. Через час оттуда донесся глухой взрыв, происшедший в воде. Вскоре явился Петров.

— Все в порядке, — доложил он Судзуки.

Вечером Судзуки объявил, что вводится строгое нормирование продуктов, особенно галет и сахара. Впереди, по подсчетам Соломдиги, оставался путь в двенадцать—тринадцать дней. Из расчета этого времени и была распределена посуточно половина продовольствия. Вторую половину Судзуки объявил неприкосновенным запасом.

С гибелью лошади ноша на плечах каждого увеличилась, и это еще более обострило отношения между диверсантами, в частности между Ставруком и Петровым. Они без конца ссорились, и с каждым днем ненависть между ними накалялась. Но Петрова поддерживал во всем Судзуки, и злоба Ставрука была бессильной. Однако скоро Ставрук получил счастливую возможность уронить в глазах Судзуки авторитет Петрова.

Он стал подозревать, что Петров ворует галеты. Однажды он увидел, как тот, нарочно отстав, торопливо жует галету; в другой раз он заметил на губах Петрова крошки после того, как тот сходил в кусты. Ставрук решил подкараулить и поймать вора.

Сдав ночью дежурство Петрову у костра, он улегся и сделал вид, что уснул. Между тем сквозь смеженные

веки он наблюдал за Петровым. Прошло около часа времени. Наконец Ставрук увидел: Петров бесшумно придвинулся к сумке и стал горстями накладывать галеты себе за пазуху.

— Это еще что такое? — торжествующе, с издевкой гаркнул Ставрук. — Воруете, господин Петров?

Диверсант, как ужаленный, отскочил от сумы. Его лукавые глазки замигали.

— Я укладываю имущество, чтобы удобнее лежало...

— А-а, имущество укладываешь? За пазуху?

— Вы что, вы что кричите на меня? — залепетал он.

От шума проснулись Судзуки и Соломдига. Ставрук, смакуя каждую деталь, подробно рассказал, как все было. Он умолк, и у костра наступила тишина, которая бывает перед бурей. Но бури не произошло. Судзуки спокойно приказал Петрову вернуть галеты.

— У нас в Японии, вы же это знаете, — Судзуки жестко посмотрел на вора, — за это рубят правую руку. Постыдились бы, ведь вы цивилизованный человек! — тихо закончил он, укладываясь спать.

Укрывшись одеялом с головой, он долго молчал, и казалось, уже уснул, как вдруг глухо сказал:

— Если еще повторится нечто подобное, с кем бы это ни случилось, виновный не проживет и часа...

Ничего более не сказав, он уснул.

После этого случая разобщенность между диверсантами перешла в глухую вражду. Но открытых ссор между Ставруком и Петровым не стало — Судзуки запретил их.

Но особенно подозрительные перемены произошли в поведении проводника. В первые дни похода он открыто высказывал свое недовольство, когда наблюдал какое-нибудь безобразие со стороны «геологов». Затем он ограничивался лишь советами, но по-прежнему был словоохотлив, любил шутить, часто смеялся. Теперь же он выглядел больным, был мрачным, раздражительным.

Как-то вечером его не стало у костра. Сию же минуту исчез и Судзуки. Японец следил за орочем, и не напрасно: Соломдига, делая вид, что ищет ягоды, все больше удалялся от стоянки. Время от времени он озирался по сторонам, не замечая Судзуки, зорко наблюдавшего за ним. Вот ороч спустился в распадок и быстро пошел прочь от бивуака. Но у выхода из распадка неожиданно столкнулся с Судзуки.

— Ягоды нет, — сказал японец, держа руку в правом кармане.

— Моя, однако, тоже не находи ягода, — ответил растерявшийся Соломдига, подозрительно метнув глаза на правую руку японца.

— Ружье давай мне, — распорядился Судзуки, заметив, что ороч сжимает ремень берданки, закинутой за плечо. Не вынимая правой руки из кармана, японец подошел к Соломдиге и снял с его плеча ружье.

— Теперь твоя иди вперед, моя пойдет следом, — приказал Судзуки, и они двинулись к бивуаку.

У костра не сразу догадались, что произошло. Только когда ороч опустился к огню, Судзуки сказал:

— Давай-ка твой нож, моя хочу его смотри.

Соломдига повиновался беспрекословно.

— Пытался уйти? — первым понял происходящее Петров.

— Да, ягоду пошел собирать...

— Значит, догадался, с кем имеет дело? — вполголоса спросил Ставрук.

Вместо ответа Судзуки разрядил ружье Соломдиги и ушел в лес. Минут через десять он вернулся без ружья.

— Закинули? — спросил Петров.

— Да, пускай теперь попробует найти, — злорадно усмехнулся японец. — На ночь связывать руки и ноги. Днем ни на минуту не оставлять без охраны.

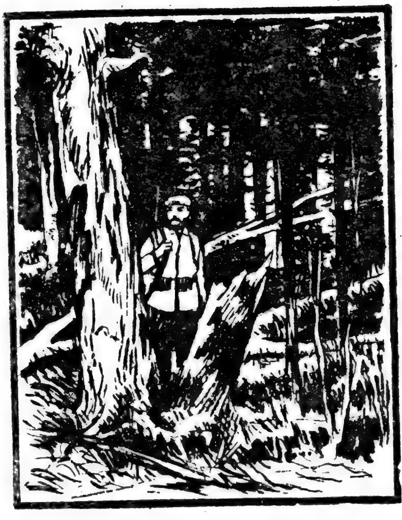
Обращаясь к проводнику, он объяснил:

— Следующий раз попробуешь бежать, — отрезай тебе левое ухо, — он провел рукой у левого уха. — Если же через десять дней не приведешь нас к Сыгдзы-му, сделаем тебе такой, — при этих словах он взял полено и показал, как перебьет ему кости рук и ног. — Помирай тебе нету, но и ходи нету. Наша бросай тебя тайга, где много муравьи. Их кушай тебя.

Ороч с ужасом посмотрел на японца и заплакал.

— Ваша люди советский нету, — только и мог произнести он и, покачиваясь, стал стонать и бормотать что-то про себя на своем языке.

Часть вторая ВЛАСТЬ ДЕБРЕЙ

Глава первая

Пахом Степанович покидает лагерь. — Глухая долина. — Каменный рябчик. — Ночная тревога. — Рысь. — Затесы на дереве. — Письмо.

Пахом Степанович отправился на поиски Дубенцова и Анюты сразу же после того, как снарядил Черемховского в больницу. Распрощавшись с теми немногими, кто оставался теперь в опустевшем лагере на плато, он накинул на руку повод лошади и двинулся на восток, к Близнецам.

От Близнецов он прибыл к развилке долины, где была оставлена веха, и теперь пошел по следу, проделанному им и Черемховским вчера. В десятом часу утра он достиг болотистой впадины, где вчера профессор обнаружил магнитную аномалию. Здесь он расседлал мерина и принялся готовить себе завтрак, чтобы подкрепиться перед началом трудной работы следопыта.

За долгие годы скитаний по тайге у Пахома Степановича не только выработалась привычка вести себя в глухом лесу, как в собственном доме, но и накопился опыт

все делать четко, без лишних движений, без лишней затраты времени и труда. Он знал, где искать воду, каким пользоваться топливом, чтобы скорее сварить пищу, где ставить бивуак в зависимости от погоды и времени дня. Тайга для него не была загадкой — наоборот, она была для него открытой книгой, которую он умел мастерски читать.

Из этого глубокого знания таежной жизни у него и складывалось мастерство следопыта. Трудно было бы уложить в какие-то конкретные правила то, что составляло это мастерство.

Он искал след человека или зверя в дремучем лесу иногда по еле заметным бороздкам в траве, по вмятинам в трухлявом валежнике, иногда обращал внимание на свежесломанную или неестественно повернутую веточку или листок. Он обладал каким-то внутренним чутьем, знанием множества почти неуловимых примет, умением строить догадки, предположения, которые, как правило, оправдывались. Это было искусство, и в этом искусстве он почти не имел себе равных.

Позавтракав и отдохнув, Пахом Степанович повел след Дубенцова и Анюты. Уже на первом километре их след потерялся на каменной осыпи, вдоль подножия сопки, где прошли заблудившиеся. Пахом Степанович не остановился, а пошел через осыпь наугад, уверенный, что Дубенцов и Анюта прошли именно здесь, а не в ином месте. Миновав осыпь, он долго искал след, ползал на коленях, и, наконец, найдя его, больше уже не терял до вечера.

Вечер застал Пахома Степановича в глубокой узкой долине, глухой и мрачной, как подземелье. По дну ее струился маленький ручей. Таежник оставил у следа оструганную палку и хотел было уже устраивать себе ночлег, как вдруг его внимание привлек непонятный звук, напоминающий писк цыплят, когда они усаживаются на насест. Пахом Степанович пригляделся к кусту орешника, что распустился у самого ручья, и в густеющем мраке увидел на ветках несколько крупных птиц, похожих на курочек. По светло-серому оперению он узнал каменных рябчиков — самых беспечных из всех пернатых, населяющих тайгу. Таежник знал, что на них не требуется тратить даже заряда. Ему приходилось видеть этих птиц и раньше в разных уголках тайги. Пахом Степанович усмехнул-

ся, словно встретил старых знакомых, срезал ветку, очистил ее от сучков, а вершину ветки загнул и устроил на ней нечто вроде петельки. С этим нехитрым орудием он подошел к кусту орешника. Птицы, не трогаясь с места, вертели головами, не без удивления рассматривая человека. А старый таежник, действуя с большой осторожностью, стал медленно надевать петельку на голову крайней птицы. Рябчик удивленно склонял голову то на одну, то на другую сторону, косил на Пахома Степановича круглой бусинкой глаза, окаймленного оранжево-красным ободком, потом энергичнее завертел головой, стал сердито клевать ветку, но улетать и не помышлял. Когда петля была уже на шее птицы, Пахом Степанович легким, но быстрым рывком сдернул ее с куста и ножом отсек голову. Несколько рябчиков, спугнутых шумом, улетели, но два продолжали сидеть как ни в чем не бывало. Одного из них Пахом Степанович снял с куста этим же способом, и только тогда улетел последний.

Привязав коня к кусту орешника на длинный, тонкий, крепкий канат, старый таежник облюбовал место для себя и принялся готовить ночлег. Земля была влажной после прошедших дождей. Пахом Степанович натаскал кучу сушняка и развел под ним огонь. Скоро огромный костер пылал на дне глухой долины, бросая зловещие красные отсветы на выступающие из темноты мощные стволы кедров и пихты.

Сухой валежник сгорел быстро. Пахом Степанович сгреб головни и золу в ручей. На том месте, где только что полыхал костер, земля стала сухой и теплой. Здесь таежник и устроил себе ночлег. Он разостлал по земле пихтовую кору, а поверх бросил кабанью шкуру — свою неизменную таежную постель. Над шкурой натянул палатку-накомарник, потом перетащил все имущество в палатку и только после этого принялся готовить ужин.

В долине стало совсем темно, хотя в просветах между кронами еще виднелось зеленовато-прозрачное небо — видимо, солнце еще не скрылось за горизонтом. В вершинах деревьев гулял ветер. Тайга гудела глухо, однообразно, нагоняя тоскливые думы на путника. Из всех времен суток в тайге Пахом Степанович больше всего не любил вечер, особенно когда приходилось бывать одному среди дремучих зарослей леса. В такую пору на старого таежника наваливалась необъяснимая тоска. Отчего бы?

Может быть, оттого, что утихали голоса лесных обитателей, переставали резвиться бурундуки, белки, синицы, а на охоту выходили хищники? Или в такие минуты вспоминался домашний уют, беззаботный отдых после трудового дня в кругу семьи? Пахом Степанович не задумывался над этим. Сейчас он тоскливо думал о судьбе Дубенцова и Анюты. Ему хотелось идти и идти, чтобы скорее нагнать их, а ночь заставляла его сидеть на месте.

Но вот сварилась вкусная похлебка из рябчиков. Ее душистый пар вызывал аппетит. Пахом Степанович достал пару сухарей и, проголодавшийся, с жадностью стал есть. Опорожнив котелок и выкинув обглоданные кости, он зачерпнул воды из ручья и с удовольствием напился. Потом сложил «ночник» — костер из трех сухих валежин, перекрещенных на толстом бревне, — так они горят всю ночь, давая достаточно тепла и света.

Перед тем как лечь спать, Пахом Степанович сходил проведать мерина, который пасся под кустом орешника возле ручья. Конь дружелюбно потянулся к хозяину мордой.

— Что, паря, устал? — ласково проговорил Пахом Степанович, похлопывая мерина по шее. — Овса бы тебе, да не обессудь, браток, маловато его у нас. А работы впереди ой как много!.. Вот денька через два начну тебя поддерживать. Видать, трудненько нам придется. Ну, отдыхай, отдыхай, запасай силенок. Я тоже пойду сосну маленько...

Через несколько минут он уже крепко спал.

Но как ни крепок был его сон, слух отмечал неумолчный гул ветра вверху, треск разгорающихся на костре бревен, журчание ручья, фырканье мерина. Вот он уловил, что лошадь начинает тревожно похрапывать, потом бешеный топот, жалобное, зовущее ржание.

Заряженная берданка лежала под боком — это было давнишним законом неспокойной жизни. Одно движение — и ружье в руках, еще одно движение — и таежник за пологом палатки. Настороженное, хладнокровное внимание мгновенно схватывает все, что происходит вокруг.

Лошадь, натянув канат, жалась к костру, испуганно прядала ушами. Как будто нет ничего подозрительного. Но чутье животного не может обмануть. Пахом Степанович бесшумно укрылся за кустом орешника, постоял

там, чутко вслушиваясь в неясные шорохи ночи: к своему удивлению, он ничего не обнаружил и теперь. Тогда старый таежник запрокинул голову и стал всматриваться в верхние ветки деревьев. В первую же минуту он обнаружил врага: сверху, из густой темноты, светятся, переливаясь и не мигая, две зеленые искры. Таежник вскидывает берданку, и выстрел раскалывает тишину ночи. Мерин шарахается с неистовым храпом. Трещат сучья и ветки на соседней пихте, с нее срывается что-то грузное и с размаху ударяется оземь вблизи лошади. Мерин снова шарахнулся, туго натянув канат, но быстро успокоился.

Пахом Степанович подошел к убитому зверю. Это была рысь, подкарауливавшая лошадь. Она обыкновенно бросается на добычу с дерева вниз и впивается жертве в затылок — будь то огромный лось или маленькая кабарга, сосет кровь до тех пор, пока жертва не падает обессиленной.

Пуля разбила рыси морду и вышла в затылок, вырвав порядочный клок кожи. Зверь был похож на большую кошку. Разница была лишь в размере. Обитающая обычно на деревьях, рысь в сравнении с кошкой казалась неуклюжей. Ноги ее походили на кривые палки; толстые, несоразмерно длинные, они как-то неловко приделаны к ее вытянутому телу. Тупая широкая морда с пушистыми бакенбардами застыла в яростном оскале. Широкие у основания и узкие к концам уши заканчивались черными кистями-султанчиками. Рысь недавно вылиняла. Красивая мелковорсистая шкура ее была грязновато-белой в круглых светло-бурых крапинках.

Пахом Степанович волоком подтащил убитую рысь к костру; примостившись поудобней, достал из-за пояса большой охотничий нож и начал снимать шкуру. Можно было бы заняться рысью и завтра, да это не в правилах старого таежника: он знает, как плохо снимается шкура, когда зверь остынет. К тому же, до завтра шкура должна просохнуть. Ободрав рысь, Пахом Степанович растянул шкуру на распорках, поправил бревна в костре, обмыл в ручье руки и снова улегся спать.

Чуть только забрезжило и начали гомонить ранние птицы, Пахом Степанович был уже на ногах. Пока мрак в лесу поредел, таежник приготовил завтрак и поел. Насколько Пахома Степановича омрачал вечер в тайге, настолько радовало его утро. Утром жизнь в лесу бывает

особенно бурной. Словно радуясь, что их не тронул ночью хищник и они вновь увидели солнце, мелкие обитатели тайги шумно резвились в ветвях и на земле, шумели, пищали, свистели, образуя нестройный концерт, полный торжества жизни.

После завтрака Пахом Степанович оседлал лошадь и, держа ее в поводу, повел след дальше, распутывая нить неизвестной судьбы заблудившихся.

Больше всего огорчала его медлительность, с которой приходилось продвигаться вперед. Он понимал, что если все время идти таким темпом, то ему придется затрачивать два дня на то расстояние, которое Дубенцов и Анюта проходят за день.

По выходе из глухой долины Пахом Степанович наткнулся на остатки костра. Земля под кроной огромной пихты была расчищена, — видно, ее сушили костром. В двух местах лежали листы коры, над корьем торчали колышки палатки-накомарника, рядом лежали обуглившиеся бревна — остатки «ночника».

Прибитая дождем зола указывала на то, что Дубенцов и Анюта провели здесь следующую ночь после остановки у подножия Дальней сопки. Стало быть, это их второй ночлег. Поблизости валялась только одна порожняя банка из-под консервов.

— Приберегают. Значит, поняли, что заблудились, — раздумчиво пробормотал Пахом Степанович. — Неужто и после этого не догадаются ставить отметки в лесу?

Он внимательно осмотрелся вокруг и, к великой своей радости, увидел белые затесы на стволах, чередой уходящие в глубь зарослей.

— Вот за это ты молодец, Виктор Иванович! — воскликнул Пахом Степанович. — Теперь-то я пойду быстрей!

Идти стало легче во много раз: отпала необходимость кропотливо искать след.

В полдень затесы привели Пахома Степановича к месту третьего ночлега Дубенцова и Анюты. Возле остатков бивуака таежник увидел большой затес на стволе пихты. Какие-то царапины на белой древесине затеса привлекли его внимание. Пахом Степанович ослабил подпругу мерина и пустил его пастись, а сам подошел к дереву. Он разглядел хорошо заметные буквы, нацарапанные, видимо, острием ножа.

Таежник примостился поудобнее и стал разбирать.

Вскоре он прочитал: «Пахом Степанович! Мы заблудились, сбила с толку магнитная аномалия. Уверенные, что вам придется искать нас, решили написать. Мы пока не знаем, в какую сторону от нас лагерь. Решили идти только на юго-восток. По нашим предположениям, там и должен быть лагерь отряда. В крайнем случае, выйдем к Хунгари. Пока что духом не падаем, твердо держимся на ногах. Будем крепиться до конца. Следите по затесам. Дубенцов, Черемховская».

Глава вторая

Тревога Пахома Степановича. — Ночлег на дне впадины. — Нападение тигра. — Почти у цели. — Непростительная оплошность старого таежника.

Перечитав письмо несколько раз, Пахом Степанович призадумался. Лицо его сделалось сумрачным, между крылатыми, порыжевшими от солнца бровями легла глубокая тревожная складка. Он посмотрел на солнце, перевел взгляд на юго-восток и, сокрушенно покачав головой, подошел к коню.

— Ну, милый, теперь крепись: если не догоним — пропадут люди! Пошли совсем не в ту сторону...

Настойчиво понукая тянувшуюся на поводу лошадь, Пахом Степанович торопливо зашагал по направлению, указанному затесами. Они вели сначала между сопок, затем пересекли несколько болотных низин, лежащих между невысокими увалами. Путь через безлесные низины отмечался вешками. Потом снова Пахом Степанович взбирался на сопки, спускался по крутым склонам, не давая отдыха себе и лошади. Таежник спешил: либо он догонит Дубенцова и Анюту и тем спасет их, либо они уйдут невесть куда, и тогда уж никто и никогда не узнает, где в этом лесном хаосе они найдут себе гибель.

Мерин, привыкший неторопливо таскать по тайге тяжелые вьюки, все тянулся на поводу и своей покладистой медлительностью выводил из терпения Пахома Степановича. Под вечер, когда солнце неудержимо катилось вниз, а таежник спешил во что бы то ни стало достигнуть сле-

дующего привала Дубенцова и Анюты, терпение его истощилось. Сломив толстый прут, он с ожесточением отхлестал мерина. Вначале это помогло, некоторое время конь старался поспевать за хозяином, но вскоре его шаг снова замедлился, и опять Пахом Степанович безуспешно напрягал все силы, чтобы тянуть за собой лошадь. Из-за мерина Пахом Степанович так и не дошел до намеченного места и вынужден был остановиться на ночь у края низины, поросшей чахлым, редким лесом. От низины затесы вели на крутой перевал, но Пахом Степанович решил уже не взбираться туда — силы его иссякли.

— Чтоб тебя медведь задрал, дьявол ленивый! — ругал он коня.

Впоследствии, много времени спустя, старый таежник уверял, будто именно этими словами он навлек беду.

С вечера все было спокойно. Он расположился на ночлег как раз там, где густой лес кончался, а дальше начиналась неширокая низинная падь. Между редким тальником Пахом Степанович присмотрел отличные для выпаса лужайки. Неподалеку из-под земли пробивался прозрачный, как хрусталь, родник. Возле него таежник установил палатку и развел костер, а мерина пустил пастись на вольный корм, решив не привязывать его.

Уснул он быстро и спал долго, чутко отличая, как шуршит травой мерин, как он иногда похрапывает... Вот и кедровка где-то прострекотала, предвещая наступление рассвета. Кажется, сразу же вслед за стрекотаньем кедровки ночную тишину разбудил отчаянный топот конских копыт, треск тальника и затем дикий рев. Словно подкинутый посторонней силой, Пахом Степанович моментально вскочил на ноги, сбрасывая с себя палатку.

Над тайгой стояла предрассветная пора. В раструбе двух сопок, закрывающих восточный край неба, занималась густокрасная ранняя заря. Над нею тянулась светло-зеленая кайма, за верхней гранью которой простиралась вся в мерцающих и поредевших звездах лазурь посветлевшего полога неба. На четких силуэтах сопок уже выступали очертания елей, виднелся по краям впадины текучий предутренний туман.

Пахом Степанович в первую же минуту понял, что произошло. В нескольких десятках метров от костра между кущами тальника происходила смертельная борьба лошади с хищником С диким ржанием конь вставал на

дыбы, падал, бил землю копытами. Длинное полосатое тело зверя извивалось над ним. Гул выстрела оборвал эту отчаянную схватку. Зверь со страшным ревом отскочил от лошади, ломая кусты, упал на землю. Послышалось злое мурлыканье, затрещали сучья.

Быстро перезарядив берданку, таежник вложил разрывную пулю. Но он не двигался с места, напряженно вглядываясь в кусты, где возился хищник. Убедившись, что зверь не уходит, видимо, раненый смертельно, Пахом Степанович быстро перебежал лужайку и укрылся за кустом тальника. Отсюда ему отчетливо стало видно длинное белесоватое тело тигра. Зверь барахтался, крутился на одном месте, словно на привязи. С Пахомом Степановичем редко бывало, чтоб он долго целился, но на этот раз он с минуту ловил голову хищника на мушку. Вот, наконец, зверь поднялся на передние лапы и высоко вытянул длинную шею с тупой мордой. Видимо, он пытался сделать прыжок. Прогремел выстрел, и тигр ткнулся мордой в траву, затих. Только мерин громко храпел, разбрасывая вокруг себя землю.

Пахом Степанович снова перезарядил берданку, выстрел снова прогремел в предрассветной тайге. Перед утром далеко раскатывается эхо среди распадков и долин. Таежник настороженно подошел к хищнику. Он лежал, длинно вытянувшись, на брюхе, подмяв одну переднюю лапу своим телом, другую выбросив далеко вперед. Задние ноги оставались упертыми в землю, словно тигр продолжал готовиться к прыжку. Но он был мертв.

Это был взрослый, но еще молодой зверь. На светло-желтой, почти белой шкуре едва выступали рыжевато-темные поперечные полосы. Огромная морда с кошачьими усами была в крови. Разрывная пуля угодила хищнику чуть ниже уха, в скулу, сделав там большую рану. Другая рана, видимо, — первая, оказалась почти посредине спины. Пахом Степанович прощупал хребет тигра и обнаружил, что он перебит.

— Отпрыгался, стервец! — со злорадством проговорил таежник и направился к мерину.

Конь лежал пластом, откинув голову и судорожно вытянув ноги. Он уже не бился, а лишь протяжно и хрипло вздыхал. Позади гривы, на спине и по всему боку зияли рваные раны. Под шеей, против горла, тоже была открытая рана, и из нее со свистом вырывалась ярко-красная

пена. Завидя Пахома Степановича, мерин хотел было поднять голову, но сил не хватило; он лишь скосил на хозяина страдающий глаз.

— Пришел и твой конец, милый, — с горечью произнес Пахом Степанович. — Прости, паря, что накликал на тебя такую беду... — И таежник смахнул скупую слезу. Он подошел к лошади и выстрелил ей в затылок.

— Чем мучиться... уж так легче — бормотал он, как бы оправдывая себя.

Таежник постоял с минуту возле мертвого мерина, отдавая последнюю дань своему верному помощнику, затем, тяжело вздохнув, медленно зашагал к костру.

Между тем быстро наступило утро. Тайга проснулась, и на все голоса загомонили ее обитатели. Восточный край неба сиял в ярком золоте готового показаться солнца. Скоро оттуда выбросился гигантский веер лучей, опоясавших все небо.

Невеселые думы теснились в голове старого таежника, когда он стал раскладывать вьюк. Седло, запас овса и шкуру рыси приходилось бросать. Остальное он сложил в один вьючный мешок и попытался поднять его. Ноша оказалась тяжелой, но это, видимо, не смущало таежника, потому что он сунул в мешок еще и уздечку и канат. Ремнями, отрезанными от седла, он туго стянул мешок и приспособил к нему заплечные лямки. Груз получился настолько тяжелый, что поднять его на спину можно было, только сев на землю.

Наскоро позавтракав, Пахом Степанович, нагруженный доотказа, покачиваясь, двинулся по затесам на перевал. Раза три пришлось ему делать остановку для отдыха, пока он достиг вершины. Там скрепя сердце выбросил из мешка уздечку и лишние ремни. Оставался еще как ненужная вещь канат, но старый таежник не хотел с ним расставаться — уж очень добротным он был: метров тридцать в длину, нетолстый, сплетенный из хлопчатобумажной нитки, прочный и весил два—три килограмма.

— Пожалуй, пригодится, — сказал себе Пахом Степанович, засовывая канат обратно в мешок.

Изнывая под тяжестью и жгучим солнцем, обливаясь пóтом, Пахом Степанович неутомимо шел вперед. Он редко отдыхал в этот день и миновал два ночлега Дубенцова и Анюты. Его отделяло теперь от них расстояние двухдневного перехода.

На следующий день он прошел это расстояние, достигнув совсем свежих остатков бивуака заблудившихся.

Они здесь были прошлой ночью. Пахом Степанович волновался: ведь Дубенцов и Анюта совсем близко! Глаза таежника лихорадочно блестели. За эти два дня, в которые он сделал без лошади такой форсированный марш с огромным грузом, Пахом Степанович настолько исхудал, что на его почерневшем лице остались лишь заостренные скулы, неровный острый нос да смоляная борода.

Теперь ему предстояло сделать последнее усилие — и цель будет достигнута: он нагонит Дубенцова и Анюту!

До заката солнца оставалось более часа, и Пахом Степанович не стал задерживаться у остатков последнего ночлега геологов. Он шел теперь быстрее обычного. Пот градом катился с его лица, и Пахом Степанович поминутно обмахивал лицо рукавом жесткого дождевика. В одном месте из-под его ног с оглушительным шумом поднялся выводок каменных рябчиков. Пахом Степанович даже не оглянулся на них.

Перед закатом солнца таежник вышел на край гряды сопок и увидел впереди себя унылую, однообразную равнину. Она расстилалась к востоку и юго-востоку насколько хватал глаз и была покрыта старым еловым лесом. В сумрачной вечерней дали едва вырисовывались сопки и горы, подымающиеся за равниной.

Затесы уходили вниз по склону и привели Пахома Степановича в еловый лес. Вдруг он остановился со всего ходу, прислушался. Откуда-то с левой стороны до его слуха донесся очень далекий, едва уловимый лай собаки. Где-то, видимо, менее чем в полукилометре от него, подавал голос его верный Орлан, ушедший с Дубенцовым. Пахом Степанович прислушался еще раз, но лай теперь был глуше, словно он удалялся.

Пахом Степанович сразу же забыл и о затесах, и о том, что надвигается ночь. Затесы забирали вправо, тогда как лай слышался с левой стороны. Чтобы не делать по затесам крюка, как он считал, Пахом Степанович решил идти прямо на звук, уверенный в близкой встрече с Дубенцовым и Анютой. Пусть наступает вечер, он выстрелами даст знать о себе.

В тайге все сильнее сгущались сумерки, и это обстоятельство особенно подгоняло Пахома Степановича. Он быстро шел вперед, предвкушая радость встречи. Путь

ему преградила неширокая, но бурная речушка. Она оказалась довольно глубокой, и Пахом Степанович по шуму воды стал отыскивать перекат — обычно самое мелкое место в таежных речках. Поминутно натыкаясь на поваленные деревья, продираясь сквозь колючие кусты шиповника, он долго шел вдоль берега прислушиваясь.

Наконец послышался шум переката. Вооружившись палкой, таежник ступил в воду. У берега глубина оказалась небольшой, но к середине становилось все глубже и глубже. Вот уже вода залилась в бродни, подобралась к поясу. Течение потащило Пахома Степановича в сторону, но он оперся на палку. Напрягая все силы, он почувствовал, что речка мелеет, и, наконец, выбрался на противоположный берег.

Шум переката мешал слышать ему лай собаки, и Пахом Степанович быстро ушел туда, где река бежала тихо. Долго он прислушивался, стоя в темноте на берегу речки. Ничего похожего на собачий лай он не услышал. Тайга загадочно молчала. Тогда, подняв берданку над головой, Пахом Степанович выстрелил вверх. Он прождал несколько минут ответного выстрела, но его не было. Таежник еще раз разрядил в воздух берданку, но с тем же результатом. Встревоженный, Пахом Степанович задавал себе вопрос за вопросом: где же Дубенцов и Анюта? Неужели они его не слышат? Куда девался Орлан, почему он замолк? Или там даже некому дать выстрела, что-нибудь случилось с ними?

Пахом Степанович окончательно растерялся, голова его закружилась от множества неясных догадок и тревожных предположений. В эту минуту на севере от него, не так далеко, как раньше, снова послышалось в сумраке тайги:

«Гау! Гау!»

— Что такое, неужели?.. — проговорил Пахом Степанович, и холодок пробежал по его спине.

Подозрительный звук послышался вновь. Когда он замер, словно растворившись в тишине тайги, Пахом Степанович понял все: он принял лающий крик совы за голос собаки. В отчаянии хватив шапкой оземь, старый таежник с ожесточением плюнул:

— Эка, нечистая сила! Ах ты, старая твоя дурацкая башка! — корил он себя, не зная, как заглушить едкую горечь обиды. — Да где же было видно, дурья твоя баш-

ка? Так тебе и надо, простофиля, наперед умней будешь!

Вздыхая над своей бедой, Пахом Степанович в изнеможении опустился на траву. Долго он сидел, обхватив голову руками. «След потерял, — думал он, — забрел, сам дьявол не знает куда, а все из-за чего?..» И он никак не мог простить себе оплошности. Но делать было нечего. Освободившись от ремней, он принялся разжигать костер. Быстро соорудив ночлег, он наскоро поужинал консервами и полез в палатку, чтобы скорее уснуть. Но сон не шел к нему. Душу его терзала горькая, неутешная обида. Он не заметил, как уснул, смертельно уставший за этот тяжелый день.

Глава третья

Ночлег у таежной речки. — Лесная пустыня. — Смертельная жажда. — Находка. — На вершине дерева. — Схватка с медведицей.

Ночь вблизи неизвестной таежной речки прошла спокойно. Намучившись за день, Пахом Степанович спал всю ночь беспробудно, ни разу не повернувшись с боку на бок. Против обыкновения, он встал наутро довольно поздно — солнце уже поднялось над Сихотэ-Алинем. Старый таежник хорошо знал: ничто так быстро не восстанавливает силы и не успокаивает нервы, как хороший, крепкий сон. Не торопясь, он приготовил завтрак, съел его без остатка и опять пустился в дорогу.

Пахом Степанович не долго раздумывал над тем, куда ему идти. Он рассудил, что возвращаться назад и разыскивать затесы на деревьях бесполезно. После того как он так далеко зашел и даже, переправляясь в темноте через речку, свой след потерял, набрести на затесы — это все равно, что найти иголку в стоге сена. Нет, на эти занятия он не будет тратить драгоценное время!

По солнцу и лиственницам с их стволами, окрашенными с южной стороны оранжевым налетом, он взял направление на юго-восток — то самое, по которому идут Дубенцов и Анюта в несбыточной надежде прийти к Хунгари. Предварительно старый таежник вынул пули из десятка патронов, а гильзы с порохом рассовал по кар-

манам. «Буду давать позывные выстрелы», — решил Пахом Степанович.

Дремучий лес обступил старого таежника. В первый час пути ему еще встречались среди этих зарослей старой ели другие деревца — черная и белая береза, иногда черемуха, совсем редко ясень и орешник. Попадались заросли жимолости. Крупные спеющие ягоды, вкусные и сочные, соблазняли его, но он спешил и не разрешал себе полакомиться ими. Лишь мимоходом он сламывал ветки, на которых было особенно много плодов. Тут же, среди ягодника, таежник заметил свежий след сохатого. Однако даже лоси не затронули в нем страсти охотника. Он спешил и дорожил каждой минутой. Пахом Степанович был уверен, что если сегодня, в крайнем случае до завтрашнего вечера, он не найдет заблудившихся, то уж никогда больше не встретит их. Во всяком случае у него не останется никаких надежд, и придется положиться только на волю случая.

Но чем дальше уходил он в глубь равнины, тем меньше стало разнолесья — его вытесняла ель. Все чаще путь преграждали непролазные сплетения ветвей и высокие завалы из подгнивших деревьев. Старому таежнику то и дело приходилось орудовать своим охотничьим топориком. Медлительность, с которой это неизбежно было связано, приводила его в отчаяние.

Перед вечером Пахом Степанович пробирался уже почти в непролазных зарослях сплошной ели. Лес стоял стеной. Пахом Степанович остановился, чтобы передохнуть. И тут совсем недалеко от себя, впереди, он услышал тот самый звук, который своим сходством с собачьим лаем вчера так глупо сбил таежника с толку. Пролезая на четвереньках под низко нависшими ветвями и под сплошным сплетением колючих сухих зарослей, Пахом Степанович вскоре услышал этот звук над головой. Среди мрака в ветвях ели он увидел большую белую сову с настороженными ушками. Вот она закатила желтые пуговки-глаза, чуть запрокинула назад голову, словно что-то проглатывая, и приоткрыла свой пригнутый книзу клюв.

«Гау! Гау!» — с усилием выдавила она сипловатый гортанный звук.

— Вот где ты, старая колдунья! — сердито прошептал Пахом Степанович. — Чтобы не сбивала с толку людей, вот тебе, дьявольское отродье!..

Грянул выстрел, и птица, цепляясь безжизненно распущенными крыльями за сучья ели, упала к ногам таежника. Пахом Степанович отбросил ее ногой, продолжая мстить сове за свою собственную оплошность.

В сумерки старый таежник все еще шел вперед. Солнечные лучи погасли в макушках елей, все больше и глуше становился мрак в дебрях, а он шел не останавливаясь. Не одно только желание пройти как можно большее расстояние подгоняло его теперь, но и жажда. Желание пить мучило его давно, он терпеливо боролся с ним, а вода все не встречалась. «Хоть бы маленький ручеек или впадину с дождевой водой встретить!» — думал он тоскливо. Однако ни ручейка, ни впадинки не попадалось на этой сухой, лишенной травы земле, устланной лишь толстым слоем мертвой хвои.

Сумрак в дремучем лесу стал непроглядным. Идти стало невозможно, да и рискованно из-за опасности потерять направление. Он сбросил ношу и принялся устраивать ночлег.

От жажды у него кружилась голова, а во рту все пересохло до того, что больно было ворочать языком. Пахом Степанович при свете костра открыл банку сгущенного какао, к которому до сих пор не прикасался, хотя в мешке у него лежало больше дюжины таких банок. Густая приторная масса не утолила, а еще более разожгла жажду. Всю эту ночь таежнику снилась вода. Он пил ее, пил без конца и никак не мог напиться...

На рассвете он встал слабый, измученный. Сухой язык прилипал к нёбу. К счастью, утро выдалось росистое. Но оказалось не легким делом добыть хоть несколько капель воды — роса осела в верхней части крон. Пахом Степанович попробовал раскапывать землю. Под слоем хвои обнаружился подзол, слегка напитанный влагой, и Пахом Степанович уже обрадовался. Но его ждало разочарование: чем глубже он долбил яму, тем земля становилась суше и плотнее. Никаких признаков воды в этом белесоватом суглинке не было.

Старый таежник с отчаянием бросил свой топорик. Ничего не оставалось, как взобраться с котелком на дерево, и, каких бы это трудов ни стоило, попытаться собрать немного росы, чтобы хоть горло промочить. Почти час лазил Пахом Степанович по вершине могучей ели. Он подставлял котелок под ветки и стряхивал с хвои мельчай-

шие изумрудные капли. Между тем солнце поднималось все выше, роса испарялась, а в котелке оказалось так мало воды, что она едва закрыла дно посудины. Там же Пахом Степанович одним глотком осушил котелок.

И снова изнурительный путь по тайге. Над головой только маленький клочок неба, а перед глазами могучие деревья, одни деревья...

Несколько выстрелов, сделанных в первой половине дня, безответно потерялись в глухой тишине леса. Воды по-прежнему нигде не было. Всю ее без остатка впитывал в себя густой еловый лес. В сущности, этот лес представлял собой, как ни странно, мертвую пустыню, в которой властвовал не песок, а сплошная однообразная ель, давно уничтожившая здесь все другие деревья. В этом лесу не слышно было пения птиц, не водились звери. Даже комары прилетали редко, а мошкары и совсем не было.

Пахом Степанович напрягал последние силы. В ушах у него стоял непрерывный нудный звон. Иногда начинала кружиться голова, в глазах рябило, и все качалось. И трудно сказать, чем все это могло бы кончиться, если бы в полдень на его пути не оказалось счастливой находки. Ель неожиданно расступилась и образовала небольшую поляну шириной метров в пятьдесят. Заросли кустарника, что сплелись на поляне, несказанно обрадовали Пахома Степановича — там была жимолость. Сдерживая себя, чтобы не броситься к ней, он прошел к середине поляны, надеясь встретить ручей. Старый таежник не ошибся: небольшой родничок пробивался тут из-под корневищ кустарников. У ключа образовалась лужица студеной воды.

Пахом Степанович призвал все свое спокойствие, чтобы не спеша снять с плеч тяжелый мешок. Встав над родничком на колени, он дрожащими губами взял два глотка воды. Отдышавшись, снял фуфайку, сбросил шляпчонку и несколько минут сидел неподвижно, приходя в себя. Когда лицо немного остыло, он еще сделал несколько глотков, умылся. Опасаясь пить много холодной воды, он решил утолить остаток жажды ягодами.

Он раздвинул кусты, и осунувшееся его бородатое лицо озарилось счастьем: на лозах от земли почти до макушек были налеплены гроздья крупных янтарно-черных ягод, покрытых налетом спелости. Они оказались ароматными, сочными, моментально утоляли жажду.

Старый таежник ходил от куста к кусту, как вдруг обратил внимание на длинный бугорок, показавшийся среди зарослей. Бугорок напоминал человека, засыпанного листвой. Не успел Пахом Степанович подумать об этом, как в глаза ему бросился какой-то черный предмет, похожий на ружье, прислоненный к лозам. Пахом Степанович полез в гущу и внимательно осмотрел этот предмет. Оказалось, что это была покрытая ржавчиной старая берданка. Ложе уже сгнило, и в руках Пахома Степановича остался один ствол, когда таежник взялся за берданку. Он разворошил стволом листья на бугорке и увидел истлевший клочок одежды, желтые кости скелета. Таежник отшатнулся, потом набрался мужества, рассмотрел тряпицу, подцепив ее стволом. На ней еще сохранились чуть заметные следы орнаментированной вышивки...

— Бедный ты человек! В какую же лихую годину настигла тебя беда? — печально и мрачно пробормотал Пахом Степанович.

Он осторожно разгреб слежалые, ставшие прахом листья. Под ними обнаружился скелет человека, покрытый истлевшим тряпьем. Рядом оказался патронташ, набитый позеленевшими от окиси гильзами, под ними лежали остатки котомки. Они рассыпались от прикосновения ствола, показались круглые шарики — свинцовые пули. Пахом Степанович посидел, раздумывая над судьбой безвестного человека, сложившего вдали от родного угла свои кости. Потом собрал свинцовые пули, разрядил патроны, вынул из них дробь. Все остальное, в том числе и старую берданку, он положил рядом со скелетом и принялся засыпать безыменную могилу толстым слоем земли. Постояв с опущенной головой у выросшего холмика, он сказал грустно и тихо:

— Прощай, паря! Спи спокойно...

Отдых, а главное вода и ягоды подкрепили силы. Пахом Степанович запасся ягодой, сколько могли вместить котелок и банка из-под какао, и, закинув мешок за спину, продолжал путь. Шел он теперь быстро, стараясь отогнать мрачные мысли, навеянные встречей с безвестной могилой.

До вечера он сделал еще два выстрела, но, как и раньше, лесная глушь не отзывалась ему.

На следующий день Пахом Степанович с утра выстрелил вверх и опять ответа не дождался. Тогда впер-

вые в его таежной жизни встала неразрешимая задача: что делать дальше? Долго он думал над своим положением и над судьбой заблудившихся Дубенцова и Анюты. Какие только мысли не приходили ему в голову! Наконец, он сбросил мешок и полез на одну из самых высоких елей. С ее вершины ему открылся знойный простор солнечного дня. Гряда сопок, которую он миновал, чтобы вступить в равнину с густым ельником, осталась далеко позади. Впереди же, километрах в двух—трех, тянулась новая вереница сопок. Ярус за ярусом громоздились они все выше и выше. Там, по-видимому, пролегал главный хребет Сихотэ-Алиня.

На первом плане выступала высокая сопка с раздвоенной, похожей на верблюжий горб вершиной. Судя по яркой зелени, на этой сопке рос березняк, и с нее должна хорошо просматриваться панорама окрестной тайги. «Если с ними ничего не случилось в этом проклятом ельнике, — думал Пахом Степанович о Дубенцове и Анюте, — то они обязательно задержатся у этой сопки. Должны же они убедиться, что идут не в ту сторону! Нужно добраться туда да развести на сопке костер побольше. Авось, увидят и дадут знать, где они».

В этот день он уже не страдал от жажды: то и дело ему встречались шумные ручьи, бегущие со стороны хребта. В полдень Пахом Степанович не стал готовить обед, чтобы не тратить время, а устроил лишь короткую остановку. Закусив наскоро мясными консервами, он стал пробираться к запримеченной с дерева сопке. Когда, по его предположениям, до нее было недалеко, он очутился в еловой пустыне. Пахом Степанович выстрелил, надеясь, что, может, хоть теперь его услышат. То, что произошло после этого выстрела, оказавшегося роковым, старый таежник припоминал впоследствии весьма смутно.

Сначала до его слуха донесся треск сучьев. Пахом Степанович мгновенно обернулся. Неподалеку по стволу дерева с шумом и треском летели вниз два медвежонка-муравьятника. Как они кувыркались! Но внимание Пахома Степановича привлекло другое. Ломая колючие ветви, к нему прыжками неслась большая серая медведица с белым треугольником на груди.

Пахом Степанович моментально сообразил: он случайно потревожил медведицу, обучавшую детенышей лазанью по деревьям. Подобные сценки ему случалось

Медведица встала на задние лапы и с остервенением бросилась на охотника. В руке Пахома Степановича сверкнул охотничий нож.

наблюдать и раньше. Мамаша подводит своих косолапых чад к облюбованному стволу и, урча, загоняет их на дерево. Сто́ит медвежонку заупрямиться, как он получает крепкую оплеуху. Загнав детенышей на дерево, медведица грозным рычанием предупреждает их попытку сползти вниз.

Из-за сильного ветра в тайге Пахом Степанович не мог вовремя обнаружить присутствие зверей, как и медведица, занятая своим делом, не слышала, что вблизи появился человек. Но Пахом Степанович первым обнаружил свое присутствие, и поэтому медведица оказалась в более выгодном положении, чем он. Рассвирепевшая медведица так быстро катилась к Пахому Степановичу, что у него даже не оставалось времени, чтобы перезарядить берданку. Он только успел повернуться к ней навстречу и выбрать более или менее твердую стойку, чтобы не быть сразу сбитым с ног.

Началась лютая, беспощадная борьба. Только чья-нибудь неминуемая смерть могла положить ей конец.

Зверь принадлежал к породе муравьятников, или гималайских медведей. Он мельче бурых, но злее их и проворнее. Недаром охотники предпочитают скорее ходить на бурых медведей, чем на муравьятников.

Очутившись возле Пахома Степановича, медведица с поразительной расторопностью встала на дыбы и своей громоздкой тушей, изрыгая яростный рев, обрушилась на таежника. Став боком и защищаясь ружьем, как рогатиной, Пахом Степанович видел перед собой лишь розовую пасть, полную зубов, да лапы с длинными острыми когтями. Ему удалось затолкать конец ствола в пасть разъяренного зверя. Медведица вертела головой, грызла железо, норовила достать лапами голову человека или вырвать ружье.

Таежник намеревался перезарядить ружье и стал выбирать удобную позу. Однако медведица с неослабевающей силой рвала из его рук берданку, и ее приходилось крепко удерживать обеими руками. Вот он чуть подался назад, мгновенно выбросил пустую гильзу. Оставалось главное — зарядить ружье разрывной пулей. Тогда бы он был спасен. Он сделал еще шаг, выхватил из патронташа патрон, но не рассчитал своих сил; зверь ринулся на него с новой яростью, и ружье, выскользнув из его рук, оказалось под ногами медведицы. Пятиться было

дальше нельзя: путь назад преграждала валежина, свалиться через нее — верная гибель.

Медведица вновь встала на задние лапы и с еще большим остервенением бросилась на таежника. Но в руках Пахома Степановича уже сверкнул охотничий нож, в свое время сделанный из большого напильника. Старый таежник нагнулся, чтобы подставить свой мешок медведице и снизу поразить ее ножом. Он хотел пошире размахнуться — и не успел, очутившись в смертельных обьятиях зверя. Нестерпимая, острая боль обожгла его затылок, затуманила сознание. Как во сне, он чувствовал, что нож все-таки вошел в мохнатую грудь. Изо всех сил Пахом Степанович повертывал рукоять, нажимая на нее обеими руками. Потом снова воткнул, но сознание уже покидало его, он упал в забытье...

Глава четвертая

Сознание возвращается к Пахому Степановичу. — Таежное лекарство. — Поиски воды. — Таежник выбивается из последних сил. — Благодатный уголок. — Бивуак на лугу.

Пахом Степанович очнулся ночью. Он не сразу понял, что с ним случилось, когда сознание вернулось к нему. Первое, что он почувствовал, было нестерпимое желание пить. В ушах звенело, боль разламывала затылок. Он лежал навзничь и сразу попытался подняться; какой-то груз на спине и на шее не давал ему даже пошевелиться. Все тело казалось связанным.

С трудом поднял он свободную правую руку, чтобы обшарить пространство вокруг себя. Пальцы нащупали мягкую шерсть медведицы. Шеей своей она придавила ему голову, а туша распласталась сбоку, прижав его левую руку. Эта рука совсем онемела, и у Пахома Степановича не хватило сил вытащить ее из-под туши зверя. Правой рукой он попробовал освободить голову. Острая боль резанула по затылку. Скоро Пахом Степанович сообразил, что его связывают еще и заплечные ремни мешка.

Скрипя зубами от боли, таежник откинул свободную руку назад и с большим трудом снял с плеча ремень. Он

сразу почувствовал себя легче и свободнее. Упираясь ногами, он подался вперед и приподнял плечом тушу медведицы. Сразу освободились придавленная рука и шея. Пахом Степанович поднялся на колени. Голова кружилась. В тайге стояла непроглядная аспидно-черная темень. Он достал спички, стал ими чиркать. При слабом свете он собрал вокруг себя сушняку, развел огонь.

Скоро пламя костра осветило этот глухой уголок в лесной чащобе. Только теперь Пахом Степанович мог разглядеть последствия схватки с медведицей. Его одежда и руки были окровавлены. Кровь застыла на шее, ворот рубахи неприятно прилипал к телу.

Медведица лежала на брюхе, вытянувшись. Под задними лапами зверя валялась берданка. Таежник достал ее, осмотрел. Ружье оказалось неповрежденным. Зарядив берданку, Пахом Степанович стал искать нож. С трудом перевернул он застывшую тушу зверя и увидел рукоять ножа, торчавшую из шерсти. От напряжения у него закружилась голова, красные круги поплыли перед глазами, и он снова едва не потерял сознание. Отдышавшись, Пахом Степанович с усилием вытащил нож, вытер лезвие о мех зверя, засунул в ножны.

Теперь можно было заняться раной. Она оказалась большой — медведица сорвала почти всю кожу с его затылка. Нужна была вода, чтобы утолить жажду и обмыть кровь. Но даже признаков воды нигде поблизости не оказалось — земля была сухая. С трудом двигая ногами, Пахом Степанович обошел с зажженным факелом ближние кусты и вернулся ни с чем. Он спустился к костру. В глазах его потемнело, деревья стали клониться перед глазами, к горлу подступала тошнота. Он лег навзничь и в таком положении пробыл полчаса, пока не почувствовал себя легче.

Он подбросил сушняка в костер и, вынув нож, принялся за тушу зверя. Долго он возился возле нее, наконец вернулся к огню с куском нутряного медвежьего жира. Отвязав котелок от мешка, Пахом Степанович положил в него эти куски и поставил на огонь. Вскоре в котелке зашумело, в воздухе разнесся запах жареного. Тем временем таежник достал из мешка два индивидуальных пакета, разорвал их и раскатал бинты. Когда в котелке оказалось достаточно растопленного жира, он снял посудину с огня и дал немного остыть. Обмакнув тампон в

жир, он осторожно стал смачивать им рану. От прикосновения горячего к открытой ране Пахом Степанович едва не потерял сознание, но, превозмогая нестерпимую боль, продолжал свое занятие, пока весь затылок не был обильно смочен жиром. Обмыв затем пальцы в жиру, он тщательно разобрался в обрывках кожи на затылке и осторожно стал складывать их на свое место.

Около часа продолжалась эта мучительная операция. Стараясь не двигать головой, Пахом Степанович вновь смочил тампоны в котелке и накрыл ими рану. Только после этого он туго забинтовал голову — и сразу почувствовал себя лучше.

Короткая летняя ночь подходила к концу. В вершинах деревьев засветлело небо, где-то застучал дятел. Пахома Степановича клонило ко сну. Но несравненно сильнее, чем сон, мучила его жажда. Мрак в лесу быстро редел, небо в просветах крон стало совсем голубым, и теперь можно было отправиться на поиски воды. Пахом Степанович оставил у костра мешок и пошел к востоку, где, по его расчетам, совсем близко должны были находиться сопки. Его одолевали приступы головокружения, он отдыхал и снова шел, надламывая на пути ветки.

Утро наступило прохладное, тихое. В ветвях и макушках деревьев вспыхнул бледно-розовый свет — взошло солнце. Над головой Пахома Степановича с шумом пронеслась стая синичек. Он не видел их с тех пор, как вступил в еловый лес, поэтому радостно насторожился. Едва успели промчаться синицы, и вот уже чуткое ухо охотника уловило в утренней тишине новый знакомый звук. Звук этот начинался низким стремительным жужжанием, потом быстро повышался и вдруг, сорвавшись, неожиданно, по какой-то странной прихоти переходил в нежный перезвон колокольчика, а потом моментально заканчивался исступленным, как бы металлическим скрежетом. Проходила минута—другая, и весь этот цикл звуков вновь повторялся.

— Бекас... — иссохшими губами прошептал Пахом Степанович. — Вода близко...

Он терял последние силы и уже не мог идти, но жажда гнала его вперед. Тогда он пополз на четвереньках. Одна мысль владела им: «Воды, хоть каплю воды!..» Сознание много раз покидало его, возвращалось вновь, и тогда он продолжал двигаться вперед, хотя бы на шаг.

Солнце поднялось уже высоко над тайгой, когда Пахом Степанович увидел впереди белые березы и как будто расслышал журчание воды. Сперва он не доверял своему слуху, потом убедился, что слух не обманывает его. Собрав остатки сил, он пополз. Начался кустарник, потом пошло густое разнотравье. Эта часть пути в несколько десятков метров показалась таежнику самой трудной в жизни. Он окончательно изнемог, но победа была близка: заросли кустарника и высокого разнотравья оборвались, вместе с ними кончился и лес. Кажется, сама природа вознаграждала таежника: перед ним метрах в трех бежал под пригорком светлоструйный ручей.

Слева открылся благоуханный луг с зеркальной гладью озера, уходящего к подножию Верблюжьего горба, над озером, на высоте нескольких метров, висел ровный и неподвижный пласт прозрачно-сизого тумана. Словно под крышей, под пластом тумана носились стаи уток, и их кряканье четко раздавалось в гулком утреннем воздухе. По берегам видно было множество цапель. Они либо важно расхаживали, забредая в воду, либо стояли на одной ноге, издали кажущейся былинкой. Иногда их зычные голоса оглашали утренний воздух, разносясь далеко над тихим озером. А в солнечном небе звенели голоса бекасов...

Один вид этого благодатного уголка, полного торжества жизни, придал силы Пахому Степановичу. Отдышавшись, он спустился с обрывчика и прильнул к звенящим струям ручья. Пил он, делая два—три глотка через большие промежутки времени, купая в воде лицо и руки по локоть. Через четверть часа, утолив жажду, он поднялся на ноги, взошел на пригорок, осмотрел луг, озеро. У края леса увидел густые кущи голубицы и нарвал ее в шляпу.

Опустившись на солнцепеке, Пахом Степанович с трудом опустошил шляпу, набив оскомину. Он подумал, что нужно сходить за мешком, но сон навалился на него с неотразимой силой. Разморенный ласковым теплым солнцем, он растянулся в мягкой траве и моментально уснул.

Проснулся за полдень. Боль в затылке не была уже такой острой, как утром. Сон настолько освежил его силы, что Пахом Степанович вполне мог теперь идти за своим мешком в лес.

По оставленному следу в траве и надломам веточек

он быстро отыскал место схватки с медведицей. Глухое рычание заставило его остановиться. Пахом Степанович неслышно раздвинул кусты и увидел, как два медвежонка терзают распоротое брюхо медведицы. Таежник гаркнул на них что было сил, и звереныши стали метаться, не зная, куда бежать. Потом услышали треск веток, указывающий, откуда грозит опасность, и быстро исчезли в чащобе.

Пахому Степановичу сразу же стало ясно, что нести мешок на спине он не сможет, нужно было придумать какое-нибудь приспособление. Постоял с минуту в раздумье, потом принялся за дело. Вскоре под мешком были носилки из двух прутьев. Кинув берданку за спину, впрягся в носилки и волоком потащил их. Первые десятки метров расстояния дались легко, затем силы стали изменять ему...

Только под вечер он вышел к ручью. Устанавливая палатку-накомарник, Пахом Степанович обдумывал, что теперь предпринять. Оставалось одно: завтра отправиться на сопку Верблюжий горб, подножие которой начиналось за озером, и на самой вершине зажечь большой костер. Не может быть, чтобы Дубенцов и Анюта уже миновали эту пустынную равнину. А раз они здесь, то увидят костер: днем — клубы дыма, а ночью — огонь.

Перед закатом солнца таежник подстрелил на озере двух кряковых селезней и приготовил роскошный ужин.

Глава пятая

Из дневника Виктора Дубенцова

29 июня. 10 часов вечера. Пишу у костра. Анна Федоровна очень устала, рано легла спать в своей палатке, и вот уже более часа ее не слышно — очевидно, уснула. Произошло нечто такое, от чего можно потерять голову — мы, кажется, заблудились... Сегодня в десятом часу утра закончили осмотр Дальней сопки, нашли много третичных окаменелостей, но угля не обнаружили и решили возвращаться в лагерь. Пасмурная погода и низкая облачность мешали ориентироваться, а тут еще моя самоуверенность притупила бдительность: мы-де, таежники, выросли на Дальнем Востоке, нам тайга — мать родная.

Вот эта-то «мать родная» и решила, видимо, наказать нас.

До сих пор не могу толком понять, как все произошло. Точно знаю, что мы почти километр шли по вчерашнему следу, потом, чтобы обойти густые заросли и залом, свернули вправо за ручей. За разговорами не заметили, что идем уже более двух часов, а Близнецов нет... Когда мы оба сразу обратили внимание на этот факт, я не придал ему значения, хотя, должен сознаться, что местность показалась незнакомой. А. Ф. предложила свериться по компасу. Сверились: идем правильно. Прошли еще, а Близнецы все не показываются. Тут неожиданно открылась перед нами небольшая болотистая впадинка. Сверились по компасу и обнаружили, что уклонились к югу от линии маршрута. Видимо, своевременно не заметили за болтовней, что где-то долина ответвилась к югу от нашего направления и мы ушли по этому ответвлению. Но странное дело: какое-то внутреннее чутье предсказывало мне, что мы не только не уклонились к югу, а даже забрали слишком к северу. Я даже сначала, как только вышли к низине и еще не сверились по компасу, пошел прямо на юг! И только стрелка компаса заставила меня свернуть под прямым углом вправо. Теперь мы были убеждены, что скоро выйдем на плато, но надежда не оправдалась. Обогнув низину и пройдя по осыпи, увидели глубокую узкую долину. «Уж эта-то долина обязательно выведет нас на плато», — самоуверенно заявил я. И оказался болтуном. На А. Ф. это подействовало удручающе. А мне даже нечем утешить ее. Я окончательно скомпрометировал себя в ее глазах. И у меня стало отвратительное настроение. Я даже Орлана пнул ногой, когда он ласкался ко мне.

К вечеру долина привела нас к холмистой местности, ничем не напоминающей плато. На выходе из долины А. Ф. почувствовала себя очень усталой, и мы решили обосноваться тут на ночлег. Оба промокли до нитки и целый час просушивались.

Итак, где же мы, черт возьми, находимся? В какую сторону от нас плато? На эти вопросы решительно не знаю, что ответить. Но я обязан подготовить решение к завтрашнему утру, в каком направлении идти. Очевидно, придется придерживаться указаний компаса. В крайнем случае, прояснится погода — заберусь на вершину какой-нибудь сопки и попробую разобраться в обстановке.

За себя не беспокоюсь, меня тайгой не напугаешь, если потребуется, год буду плутать, а край найду. Но когда думаю об А. Ф. и о том, каково теперь на душе Федора Андреевича, мне становится не по себе. Все мог бы допустить, но только не это! Все сделаю, но сберегу Анюту.

30 июня. Полдень. Слава аллаху! Все понятно! И кто бы мог подумать! Разъяснилась погода, и мы решили сверить направление по компасу и солнцу, определиться и вдруг обнаружили, что стрелка показывает на восток. Магнитная аномалия! Каким бы критическим ни было теперь наше положение, в нем есть одна хорошая черта — мы знаем, почему заблудились. А. Ф. собирает жимолость. Мы с ней долго разбирались в отклонениях, которые допускали от основной линии вчера и сегодня. Ясно, что мы ушагали километров на тридцать либо к северу, либо к северо-западу. Решили теперь идти на юг, с небольшим уклонением к востоку. Если не угадаем на плато, то во всяком случае выйдем к Хунгари — она течет с востока на запад.

Чем больше присматриваюсь к А. Ф., тем больше она мне нравится. Если вначале я видел в ней что-то нежное, хрупкое, хоть и очень милое, то теперь передо мной друг, и какой друг!.. Сегодня утром встал поздно, — долго просидел ночью у костра, — вылез из палатки, смотрю: горит костер, возле него хлопочет А. Ф. В котелке над костром что-то шипит. Оказывается, А. Ф. уже насобирала грибов и поджаривает их! Я поблагодарил ее за эту хозяйственную предприимчивость. Она посмотрела на меня задумчиво, потом улыбнулась как-то нежно и ласково. Меня охватило ни с чем не сравнимое счастье от этой улыбки.

Когда я умылся и вернулся к костру, она сказала:

— Знаете, Виктор Иванович, я тут наедине размышляла и вот что надумала. Нам, видимо, придется трудно. Конечно, я далека от мысли, что мы с вами погибнем: верю в ваш опыт и находчивость. Но нам нужно как-то распределить обязанности. Я серьезно говорю, не смейтесь. Отныне я беру на себя все хлопоты у костра. Ваша роль— добывать дичь и обеспечивать безопасность на ночевках. Я не белоручка и не хочу походить на нее.

Серьезность, с которой все это было сказано, и рассмешила и глубоко тронула меня.

Сейчас, в связи с тем, что выяснена причина нашего плутания, она приободрилась, даже напевает какую-то песенку. Черт возьми, как в ней все хорошо! И душа, и лицо, и мысли, и ко всему этому голос — какой-то робкий, душевный, взволнованный. И странное дело — столько причин к тому, чтобы огорчаться, а горечи-то я почти совсем не чувствую...

Той же ночью. А. Ф. спит. Сейчас срезал на пихте кору и ножом нацарапал письмо на дереве, адресованное Пахому Степановичу. Почти уверен, что он будет разыскивать нас по следу. У этого человека настолько развито чутье в тайге, что он, кажется, мышь в лесу выследит. С завтрашнего дня начну делать затесы на деревьях, отмечать наш путь. Полагалось бы делать это сразу же, как только поняли, что сбились с пути. Можно было бы потом вернуться по своему следу. Теперь уже поздно возвращаться.

Сегодня нам повезло. Увидели на ветвях черной березы восемь рябчиков. Я принялся палить и даже подстрелил одного. Но остальные сидят себе преспокойно. Тогда я понял, что встретил каменных рябчиков. Смастерив петельку, как меня учили в уссурийской тайге, я снял еще двух. Только тогда улетели остальные.

Поистине девственные дебри!

После ужина долго разговаривали с А. Ф. Был очень красивый вечер. На западе за лесом погасли последние остатки зари, и в глубине неба, усыпанного звездами, серебрился над глухим частоколом леса синеватый, прозрачный, тонкий серп молодого месяца.

Речь зашла о профессии геолога, и наши точки зрения немного разошлись по вопросу о том, каким должен быть геолог-полевик. Я защищал ту мысль, что геолог не должен ограничиваться одной лишь научной эрудицией, что условия его работы часто требуют от него большой физической выносливости и силы воли, умения владеть собой в самом трудном положении. Например, геолог, работающий в безлюдных лесных районах Сибири и Дальнего Востока, всегда может оказаться в таком положении, в каком очутились мы. В Приморье я слышал от одного знаменитого охотника пословицу: «Где сильного тайга притомила, там для слабого могила». Он же говорил мне: «Ты, сынок, не бойся тайги. Если заблудился и совсем не знаешь, куда идти, — остановись, присядь и успокойся.

А нет, — ляг поспи, отдохни и внуши себе, что никакой беды не случилось. А там мысли успокоятся — и, глядишь, придумал выход. А раз голову не потерял, никогда не пропадешь в тайге. Тут все найдешь: чтобы жить — шалаш можешь смастерить, а нет — избушку, и грибов или ягод соберешь. Да и дичи добудешь, если не поленишься...»

Для меня сейчас эти слова — непреложное правило.

Все это я привел А. Ф. в доказательство того, что геолог-полевик не должен быть «белоручкой», не должен успокаивать себя тем только, что он хорошо знает свой предмет. Он обязан воспитывать в себе физическую выносливость, хорошо знать природные условия, в которых работает, уметь найти убежище и пищу в самой природе. Наконец, должен быть спортсменом и плавать хорошо, и стрелять, и бегать на лыжах.

Эти походные правила, как ни странно, находят противников. Я понимаю, когда встречаю возражения именно со стороны «белоручки», любителя спокойной и вольготной жизни, который с иронией называет все это «мальчишеским спартанством», — у него не хватает мужества сознаться в своих недостатках. Такой человек старается ссылаться на крупных ученых-геологов, подчеркивая, что они стали учеными потому, что хорошо знали теорию. Как будто бы я отрицаю это!

Но, оказалось, и А. Ф. утверждает, что воспитание в себе спартанских качеств зря отнимает много времени, внимания и что не каждому дано от природы быть сильным. «К тому же, — говорит она, — в наш век техники, когда повсюду прокладываются воздушные и наземные пути, когда все меньше остается неисследованных территорий, далеко лежащих от индустриальных и культурных центров, геолога можно освободить от необходимости охотиться за тиграми. Геолог — человек науки, а раз так — он должен заниматься наукой и не отвлекаться прочими охотничьими делами».

Тут у нас началась перепалка, и мы чуть не повздорили. Я сгоряча обвинил ее в столичной ограниченности, она меня — в провинциализме. Мы так расшумелись, что даже Орлан встал и, помахивая хвостом, удивленно смотрел то на одного, то на другого. Заметив это, мы оба расхохотались, и на этом закончился спор.

Мы умолкли и прислушались. Из темноты леса тяну-

ло легкой прохладой. Серп месяца почти лежал на макушках деревьев. Вершины самых высоких елей напоминали сказочные башни. Кругом тихо, и эта тишина так величественна, что ее можно слушать, как музыку. Воображению чудится глубокое, могучее и в то же время еле уловимое дыхание леса. Время от времени слух улавливает какие-то непонятные шорохи и незнакомые звуки. Где-то вдалеке прокричала вспугнутая птица, где-то поблизости осторожно треснул сук, вверху зашелестели листья.

— Вы, конечно, очень любите тайгу? — спросила А. Ф.

— Да, — ответил я, — очень люблю.

— Что же у вас стоит на первом плане — геология или тайга?

— Странный вопрос, — удивился я. — Геология — моя профессия, ей я отдал всего себя; тайга же есть тайга — глухой лес со зверьем, с нетронутыми местами, где можно побродить с ружьем, послушать пение птиц, полюбоваться каким-нибудь редким зрелищем, — словом, это спорт и любовь к природе вообще.

— Мне нравится ваш ответ, — продолжала А. Ф. — А что именно нравится вам в геологии?

И как ни странно, я не мог ответить на этот вопрос сразу. Я рассказал ей эпизод из прошлогоднего похода по Малому Хингану. Однажды я там пробирался по одному из отрогов хребта и встретил множество кварцевых жил. Бывают такие минуты, особенно когда найдешь много кварцевых жил: с трепетом ждешь чего-то необыкновенного. Перед воображением проходят картины древних катастроф в земной коре, грандиозных извержений расплавленной магмы, провалов земных глыб, рождения островов и целых материков. А ты, геолог, стараешься воскресить в своем воображении последовательность и динамику этих титанических явлений, разгадать, когда и что происходило здесь и какие полезные для человека ископаемые могли образоваться в горных породах, которые ты встретил. Вот тогда мне совершенно неожиданно бросился в глаза темно-серебристый минерал среди кварца. Молибден! Острое радостное чувство охватило меня. Я закрыл глаза, и мне представились необъятные просторы Родины: поезда, бегущие по стальным путям, трубы и корпуса заводов, бескрайные колхозные поля, города и села, встающие как в сказке, самолеты, реющие

под облаками. А там, далеко за горами и тайгой — Москва! И хотелось крикнуть так, чтобы все услышали: «Принимай, Родина-мать!»

А. Ф. долгим и теплым взглядом посмотрела на меня, когда я кончил свой рассказ. И мне показалось, что в ее чудесных глазах светится нечто большее, чем обычная для них доброта. Это «нечто» меня смутило. Она, видимо, заметила мою растерянность и улыбнулась.

— Папа иногда вот точно так же мечтает, — сказала она, задумчиво глядя в костер. — Размечтается... а мама над ним начнет подтрунивать, и он сердится. «Кто не умеет мечтать, тот не способен творить!» — кричит он на маму. Смешно и радостно бывает мне в такие минуты. Хороший у меня папа, правда?

— Я давно знаю его как прекрасного геолога, — ответил я.

— Он и отец такой же, — сказала А. Ф. — Но, между прочим, он не любит вот такого риска, какой часто появляется у вас.

— Это вздор, — заметил я. — Разве вы не слышали, как он говорил о поисках предполагаемого месторождения железа?

— Я не это имею в виду, — перебила меня А. Ф. — Я имею в виду вашу погоню за тигром, спасение Мамыки, когда вы бросились в реку. Ведь в обоих случаях вы рисковали жизнью, а она у вас только одна...

Я возразил, сказав, что в обоих случаях был совершенно уверен в успехе и что слово «риск» мне и в голову не приходило.

Немного помолчав, А. Ф. сказала:

— Бывают интересные встречи. Помните, как наш отряд столкнулся с вами на пути к стойбищу? Я тогда посмотрела на вас и потом, пока мы шли до стойбища, все думала... Я тогда нарисовала себе ваш образ, не скажу какой, — она загадочно, с веселым лукавством улыбнулась. — И представьте себе, этот нарисованный мной образ, с характером, наклонностями, привычками, в точности совпал с вашим живым образом. Одно из двух: либо у меня талант понимать людей, либо вы совершенно открытый человек.

Я стал допытываться, что это за образ, который она нарисовала тогда, но А. Ф. отделалась шутками и ничего существенного не сказала. Меня же это настолько заинте-

ресовало, что я и сейчас с каким-то трепетным волнением думаю об этом, и потому мне совсем не хочется спать. А спать пора, двенадцатый час. Поправлю бревно в костре и сдам дежурство Орлану.

А ночь-то как хороша!

Глава шестая

Продолжение дневника Виктора Дубенцова.

1 июля. Вечер. Продолжаем идти на юго-восток, но ничего похожего на плато или близость Хунгари до сих пор нет. Приходится часто останавливаться, чтобы дать А. Ф. отдохнуть. Сегодня во второй половине дня взобрались на вершину сопки, осмотрелись кругом. Места совершенно незнакомые. Впереди и во все стороны тайга.

Я упорно делаю затесы на деревьях и надломы веток через каждые десять—пятнадцать шагов.

2 июля, вечер. Идем в том же направлении. Когда будет Хунгари? Сегодня Орлан каким-то образом ухитрился поймать кабаргу — обеспечены на два дня мясом. На ужин было хорошее жаркое и малина, — заросли ее нашли у подножия осыпи. Почти под носом из зарослей ушел медведь.

3 июля. Перед рассветом. Часа два назад был переполох на бивуаке. Я услышал сквозь сон рычание Орлана. Сначала не придал этому значения, потому что он часто рычит ночью, почуяв зверя издалека, и тот уходит. На этот раз пес рычал все громче и громче. Потом яростно заскулил и кинулся к палатке. Я сбросил с себя полог и с карабином приготовился встретить опасность. Спросонья, не понимая, в чем дело, растерялся.

По удаляющемуся треску сучьев я выпалил наугад. В ответ из чащобы послышалось злое мурлыканье. Тигр! Вот ведь стервец, мог утащить Орлана! Как бы тогда я посмотрел в лицо Пахому Степановичу?

Суматоха эта смертельно перепугала А. Ф. Ее испуганное лицо показалось из-под полога палатки.

— Что произошло?

— Ложная паника, — пытался успокоить ее я.

— Нет, скажите правду, что случилось? Я больше не могу спать...

Она вылезла из своей палатки и села рядом со мной к костру. Виновато улыбаясь, взяла мою руку.

— Не осуждайте меня, Виктор, что так испугалась. Вы для меня сейчас самый близкий человек на свете. Скажите, кто подходил?

Я рассказал, что произошло, и А. Ф. успокоилась.

Мы просидели молча довольно долго. А. Ф. не выпускала из своих теплых, ласковых рук мою ладонь. Когда я попытался отнять руку, она придержала ее:

— Не отпущу. От нее переходит ко мне хорошее спокойствие.

Я поблагодарил ее и ответил, что мне тоже передается через ее руки теплота, которая согревает душу.

— Вы мне подарите такую фотокарточку, какую подарили Ваче? Помните, на патефоне, в рамке?

— У меня с собой нет такой фотокарточки, — ответил я, — но когда вернусь домой, с удовольствием пошлю.

Она спросила, где мой дом и кто есть в семье. Я рассказал о маме, о ее добром и суровом характере.

— Если ничего не случится и мы благополучно вернемся из экспедиции, — задумчиво произнесла она, — я обязательно заеду к вашей маме и все расскажу о вас, хотите вы этого или не хотите...

При этих словах она крепко пожала мою руку и сказала, что совсем успокоилась и хочет спать.

— Я бы с удовольствием уснула у костра, — добавила она: — здесь тепло и не так страшно.

Я предложил ей взять оба дождевика, постелить их возле костра и устроиться. Она так и сделала, а голову положила мне на колени и теперь уже больше часа спокойно спит. Орлан тоже свернулся у моих ног. Бедняга, кажется, больше всех перетрусил. Время от времени он чуть приоткроет глаза, насторожит уши. Потом посмотрит на меня и спокойно-спокойно смежит веки.

А мне спать не хочется. Разговор с А. Ф. до сих пор звучит в ушах. Да и нельзя спать. Пока хищник где-то поблизости, надо быть настороже. Посижу до рассвета.

5 июля. Вечер. По-прежнему идем на юго-восток, тая надежду выйти к Хунгари. Прошла неделя, как мы покинули лагерь, а конца-краю нашим плутаниям не видно. А. Ф. заметно похудела и становится все слабее. Вокруг

ее глаз появились темные круги, взгляд их стал грустно-задумчивый. Становится больно смотреть на нее. Иногда ночью во сне она стонет, и у меня тогда сердце разрывается. Тем не менее она старается не обнаруживать своей усталости, помогает мне на остановках ставить палатки, готовить пищу, собирать ягоды в туесок, который я смастерил из бересты. Только иногда, шагая позади меня, она вдруг окликнет: «Виктор!» — и я, оглянувшись, обнаруживаю, что она отстала. Тогда возвращаюсь, беру ее руку, и так мы идем вперед.

В питании пока нет недостатка. Лагерный запас еще не израсходован. Орлан часто поднимает рябчиков на ягодниках, попадаются грибы, ягоды созревающей голубицы и жимолости. Питаемся только мясом дичи, грибами и ягодами.

Когда же будет Хунгари? Или мы идем не в том направлении? Если это так, я никогда не прощу себе столь роковой оплошности. Страшнее всего два факта: то, что со мной Анюта, а это истерзало теперь душу Федора Андреевича; и то, что я могу сорвать весь план поисковых работ отряда на разведку угля, не говоря уже о поисках месторождения железа.

Или остановиться на несколько дней и подождать? Возможно, по нашему следу идет Пахом Степанович. Посмотрим, что еще покажет завтрашний день.

6 июля. Ночь. Кажется, подходим к Хунгари. Сегодня в полдень поднялись на высокую гряду сопок, поросших березняком, и увидели огромную равнину, замкнутую с трех сторон цепями сопок. Только к юго-западу в цепи виден просвет. По всей равнине — густой хвойный лес. Слева, на востоке, синеют высокие ярусы гор; там, вероятно, главный хребет Сихотэ-Алиня.

По расположению окружающих сопок и низины мы сразу заключили, что в этом месте должны быть истоки какой-то реки, а другой реки, как Хунгари, в этом районе я не знаю. В крайнем случае, здесь может рождаться один из притоков Хунгари.

Мы оба обрадовались и крепко пожали друг другу руки. Счастье охватило меня, когда я увидел, как ожило усталое, осунувшееся лицо моей спутницы. Потом мы спустились с гряды и вошли в мрачные заросли старой ели. С первой же сотни шагов путь в этом лесу оказался гораздо труднее, чем на всем расстоянии, оставшемся по-

зади. Нас окружает глухой старый лес. На протяжении сотен лет здесь родятся, отживают свой век и падают на землю деревья. На смену им пробиваются сквозь мертвые стволы к солнцу новые деревья, образуя хаотически запутанную чащобу. Мне часто приходится орудовать топориком, чтобы прорубить путь в заломах. Всюду стоит мертвая тишина. Здесь, кажется, птицы не обитают в кронах могучих деревьев, бурундуки не водятся в дуплах и корневищах.

Перед заходом солнца нам встретился небольшой ручеек, и мы остановились возле него на ночлег. Я сразу же прилег подремать, чтобы дежурить ночь у костра, а А. Ф. принялась готовить ужин. Когда я проснулся, она сказала, будто слышала где-то далеко выстрел. Если выстрел, то что могло бы это значить? Не разыскивает ли нас Пахом Степанович? Или мы находимся в районе реки Удоми? Как трудно, когда не знаешь обстановки... Черт побрал бы мою дурацкую самоуверенность, поставившую нас в столь глупое положение!

7 июля. Вечер. Почти весь день не встречали воды. Во второй половине дня, когда жажда окончательно изнурила нас, попалось, наконец, небольшое болотце. Мы отдохнули возле него и наполнили водой все, что было можно. Вода не первый сорт, из стоячего болотца, но и она показалась нам живительным напитком. Ночуем с двумя литрами воды, однако не унываем. Уж теперь-то мы находимся, по-видимому, совсем недалеко от реки. Скорее бы к ней, а уж там дела пойдут по-иному.

Восхищаюсь А. Ф. Человек, попавший в критическое положение, становится тем, чем он есть на самом деле. Хочет он того или не хочет, но борьба за самосохранение, за то, чтобы выжить, срывает с него то условное покрывало, которое называется этикетом. Для того чтобы отобрать морально честных, истинно благородных людей, нужно их наблюдать в условиях опасности для жизни, в условиях крайнего напряжения всех сил. В таких именно условиях находимся сейчас мы. И если очень нелегко сейчас мне, втянувшемуся в трудности таежной жизни, то каково А. Ф.? Девушка, никогда не видевшая тайги, дочь видного ученого, выросшая среди столичных удобств и не испытавшая нужды, наконец человек с очень чуткой и тонкой душой, она ведь беззащитна среди этой дикой, суровой природы. Но как выглядит! Ничуть не

изменила своим манерам, по-прежнему добра и чутка ко мне, всегда опрятна, спокойна, с готовностью выполняет любое дело и слова не промолвит о том, что устала или что ей плохо. Стала только молчалива. Да и я молчалив в эти дни. Но как она похорошела! Поистине, нет на земле существа лучше и красивее, чем человек с подлинно благородной душой!

8 июля. 12 часов ночи. Очень трудно писать. Пишу — совсем не разберу что. Рука все еще дрожит, получаются каракули. Сегодняшний день был одним из самых счастливых, но и самых страшных в моей жизни. Вот как все получилось.

Утром, часам к десяти, мы израсходовали последний остаток воды в надежде, что скоро встретим реку или ручей. Но обманулись. Во второй половине дня, часа в четыре, Анюта сдалась. Она в изнеможении опустилась на землю и попросила дать ей отдохнуть. Глаза ее стали грустными, и только в глубине их светился лихорадочный блеск. Я сел рядом, и она положила голову мне на колени. Потом придвинулась еще ближе и, прижавшись ко мне, спрятала лицо. Я почувствовал, что у нее вздрагивают плечи.

— Вы плачете? — испуганно спросил я.

— Витя... — сказала она тихо, если что-нибудь со мной случится...

Я взял ее голову и заглянул в лицо. На глазах были слезы. Мне стало невыносимо больно, и я призвал на помощь весь свой оптимизм, чтобы воодушевить ее. Она слушала тихо, потом так же тихо прижалась горячими губами к моей руке.

— Не знаю, выдержу ли я... — проговорила она, не меняя позы, — но если не выдержу, то чтоб ты знал: я так тебя люблю!..

Меня потрясли эти слова, сказанные в такую минуту и так мужественно. Ни жажды, ни усталости во мне и следа не осталось. И оттого ли, что мы хорошо отдохнули, или оттого, что так неожиданно произошло объяснение, — у обоих нас сразу прибавилось силы. Взявшись за руки, мы снова пошли.

Так мы шли, не встречая воды, пока над нами не сомкнулась темнота ночи. Жажда так измучила, что не хотелось даже разговаривать. Выбрали место для ночлега, и я принялся разжигать костер. Когда пламя разгорелось,

я обратил внимание, что Анюта сидит в неестественной позе, запрокинув голову. От ужаса похолодело у меня в груди. Наклонившись к ней, я нащупал ее пульс. Он бился ровно. Мне стало понятно: у нее обморок от усталости.

Я схватил топорик и неподалеку от костра начал ожесточенно долбить землю. «До гальки докопаться! — стучала в мозгу единственная мысль. — Там должен быть водный горизонт. Не может быть, чтобы на этой пойменной равнине вода оказалась глубоко».

Земля поддавалась с трудом, но яма все же углублялась. Уже трудно стало выгребать рыхлую глину, а воды все нет. Пришлось расширить яму, чтобы стать ногами на дно. Это был нечеловеческий труд. Мне казалось, что топорик откалывает мизерные куски грунта, что мое намерение докопаться до воды фантастично и неосуществимо. Но бросать работу и в мыслях у меня не было. Я уже врылся в землю по пояс, как вдруг Анюта застонала. Я выскочил из ямы и бросился к ней. Стал тормошить ее, она открыла глаза.

— Я спала? — тихо спросила она.

— У тебя, кажется, был обморок, Анюта, — сказал я. — Как чувствуешь себя, милая?

— Хорошо, только пить хочется... — слабо проговорила она и снова склонила голову.

Я попросил ее потерпеть и опять принялся за работу. Думаю: «Зароюсь с головой, но до воды доберусь!»

— Ты копаешь колодец? — с тихим изумлением спросила Анюта, приподнялась и, шатаясь от слабости, подошла к яме. — Витя, ты же совсем ослабеешь, и тогда мы оба погибнем...

Но я продолжал работать и скоро по плечи ушел в землю. Анюта принимала у меня туесок с землей. В конце концов топорик лязгнул о камень. В первую секунду я смертельно перепугался, полагая, что началась кристаллическая порода. Но, пощупав рукой, обнаружил, что пошла галька. Расчет мой был верен: начался влажный суглинок, а потом и мокрая галька. Силы прибавились. Не жалея ногтей и пальцев, я стал руками разгребать легко поддающийся супесок с камешками и, наконец, почувствовал, что в яме собирается вода. Я попросил у Анюты котелок и через минуту вернул его, наполовину наполненным водой. Она отпила лишь несколько глотков и сейчас же протянула котелок мне:

— Пей сам, Витя, ты ведь очень устал...

Мы напились досыта, и я, зачерпнув еще полный котелок воды, выбрался из ямы. Потом мы умылись, и Анюта попросила, чтобы я прилег отдохнуть, а сама принялась готовить ужин. Я вмиг уснул, разморенный усталостью, и, кажется, никогда так мертвецки не спал. Анюта разбудила меня, когда ужин был уже на «столе».

Сейчас она спит, завернувшись в дождевик и палатку, а я не могу нарадоваться, глядя на нее. Но, пожалуй, лягу и я. В этой мертвой глуши, кажется, можно вполне положиться на одного часового — Орлана.

Глава седьмая

Продолжение дневника Виктора Дубенцова.

10 июля. Утро. Ценой почти нечеловеческих усилий мы, кажется, наконец, приближаемся к цели. Вчерашний день принес нам новые испытания. С утра, как и все эти дни, шли среди дремучих зарослей ели, не встречая воды. В обед были израсходованы последние остатки драгоценной влаги, припасенной из нашего колодца. Во второй половине дня Анюта снова стала слабеть. Под вечер она вдруг зашаталась и стала падать. Я подхватил ее под руки. Обморока не было.

До темноты оставалось два—три часа. Что делать? Я вскарабкался на самую высокую ель, чтобы разобраться в местности. Слева, километрах в семи—восьми, видны яруса высоких гор. На отлоге их, на открытой прилужной равнине блестит небольшое озеро. Но внимание мое сразу привлек заметно обозначающийся коридор среди леса, находящийся примерно в километре по направлению нашего пути. Я внимательно осмотрел его и понял, что его образовала река.

Эту радостную весть я сообщил Анюте, как только спустился на землю. Она приободрилась, но идти не смогла из-за сильной слабости. Тогда я решил нести ее. Она почти с ужасом восприняла эту меру спасения.

— Нет, нет, нет! — замахала она руками. — Ты совсем надорвешься, и мы пропадем.

Закинув за спину полупустые рюкзаки, я взял ее на

руки. Идти было тяжело, кружилась голова. Я опускал Анюту, она делала несколько шагов сама, потом снова брал ее на руки. Вдруг она затормошила мое плечо:

— Остановись, Витя, послушай...

Я остановился, но кровь сильно шумела в голове, и шум этот мешал что-либо расслышать.

— В чем дело? — спросил я.

— По-моему, где-то кричит цапля, — ответила она.

Мне показалось, что у нее галлюцинация, но, немного отдохнув, я действительно услышал крик цапли, доносившийся спереди. По звуку определил, что до цапли от нас метров триста—четыреста. Значит, мы совсем недалеко от реки.

— Теперь у меня хватит сил дойти, — сказала Анюта.

Но у меня уже созрел другой план: сходить одному, принести воды, а там будет видно — ночевать на месте или добираться до реки.

Я оставил ей рюкзак, карабин и налегке, с посудинами в руках, устремился вперед. Быстро наступал вечер, в зарослях начинало темнеть. Я спешил, почти бежал. И вот среди сумрачных елей мне встретилась березка — первая за все дни, проведенные в гнетущем ельнике. Одинокая; стройная и свежая, в ярко-зеленой листве; она походила на веселую девушку, окруженную древними суровыми старцами. Я готов был расцеловать ее. Она была предвестником разнолесья, а следовательно, ручья или реки.

Не прошел я и десяти шагов, как попал в заросли тальника и услышал шум воды. Силы удвоились. От радости, почти бессознательно, я загорланил изо всех сил. И вот лес расступился. Передо мной, между сумрачными стенами елей, по широкому лесному коридору бежала небольшая речка. На ее берегах я увидел заросли шиповника, багульника, смородины. После лесного мрака, окружавшего нас на протяжении многих дней, яркий свет вечернего солнца на мгновение ослепил меня.

Я спрыгнул с обрывчика на берег, усеянный галькой, Шум воды, блеск ее серебристых струй под лучами солнца показался мне чем-то сказочным. Я окунул свою голову в воду, наслаждаясь прохладой. Быстро напившись досыта, я зачерпнул полные котелки и бросился в обратный путь.

В первом же кустарнике я с разбегу наскочил на суч-

коватую валежину и с такой силой ударился коленом о сук, что лишился сознания. Очнувшись, попробовал идти, но не смог двинуть ногой. Ничего не оставалось, как сломить удобные палки и приспособить их как костыли. Я снова вернулся к речке, набрал воды и заковылял к Анюте.

На небе сиял зеленовато-оранжевый свет, но в лесу уже стало темно. Опасаясь сбиться с пути, я стал кричать. В ответ послышался выстрел неподалеку справа. Скоро я был возле Анюты. Она уже развела костер и сидела возле него с карабином в руках.

Мы решили ночевать у костра. Осмотрели ушибленное колено и нашли, что кость не пострадала. Только под чашечкой оказался багровый синяк.

К утру ступать на ногу было почти невозможно. Нас обоих это обстоятельство встревожило, и мы приняли такое решение: идти к реке и на ее берегу сделать остановку на столько времени, сколько потребуется, чтобы нога зажила. Я смастерил более удобные костыли, и мы добрались до речки.

...Итак, мы у речки. Теперь нам ничто не страшно. Как только поправится нога, свяжем плот и двинемся вниз по течению. Речка наверняка принесет нас к Хунгари или, в крайнем случае, к Амуру. А пока наслаждаемся отдыхом. Местность вполне располагает к этому. Палатки стоят возле самой воды. В речке много форели. Анюта рыбачит. Уроки Вачи не прошли даром: с полдюжины рыб уже трепыхается на песке. По берегу видны густые кустарники смородины. Уже несколько раз пролетали утки. Станет немного легче — поброжу с карабином. Орлан, изрядно отощавший за эти дни, сейчас мечется по прибрежным кустам, охотясь за бурундуками. Ложусь спать, потому что ночь провел почти без сна из-за боли в коленке. Сейчас боль стала утихать от холодных примочек и лопуха, которым я обернул ногу.

То же число. Вечер. Этот день принес нам щедрое вознаграждение за трудные испытания, которые мы выдержали. Я проснулся во второй половине дня, боль почти утихла. Передо мной «скатерть-самобранка»: на дождевике — в двух котелках — почищенная рыба для ухи, которую Анюта сразу поставила варить, как только я проснулся.

Пока варился обед, Анюта стирала в речке, а я при-

хватил мыло и полотенце и отправился купаться. Прекрасно вымывшись и освежившись, я постирал белье, полотенце, побрился и почувствовал себя так, словно только родился на белый свет. Когда возвращался к палаткам, до слуха донесся звук, напоминающий отдаленный шум самолета. Плеск воды мешал вслушаться. Я позвал Анюту, и мы ушли подальше от бурного места речки. Там мы совершенно ясно расслышали, что шумел действительно самолет.

— Неужели нас разыскивают? — сразу оба высказали мы догадку.

Было и радостно и в то же время тревожно от догадки, что мы явились причиной таких хлопот. Мы подсчитали время. Двенадцатый день нас нет в лагере. За это время от лагеря экспедиции можно было вполне добраться до Комсомольска, если учесть, что нарочный от стойбища плыл на бату по Хунгари.

Самолет гудел где-то у сопок в направлении озерка, виденного мною вчера с ели. Потом шум стал утихать, пока не растаял совсем в тишине тайги. Мы только тогда спохватились: следовало бы развести костер, чтобы клубы дыма показались над лесом.

Уха была готова, и мы очень вкусно и сытно пообедали. Потом принялись чинить одежду и обувь. Мы изрядно пообтрепались и едва залатали все дыры до вечера. Анюта так посвежела и похорошела за этот день, что я не могу налюбоваться ею. Под прямыми строгими бровями весельем и счастьем горят ее глаза-угольки. Похудевшее, ставшее совсем смуглым от загара лицо ее сделалось немного продолговатым и приобрело какие-то новые черты. Улыбка почти не сходит с него весь день. Она много шутит, рассказывает смешные истории из своего детства, институтские анекдоты о преподавателях, и мы много хохочем. При этом мы окончательно стали обращаться друг к другу на «ты».

Между прочим, выяснилась интересная подробность: в позапрошлом году мы с ней в один и тот же вечер и в один и тот же час прыгали с парашютной вышки в Парке культуры и отдыха имени Горького в Москве.

— Как жаль, что судьба не свела нас тогда! — сказала она. — Побывал бы ты у нас дома, познакомился бы тогда с папой, с мамой — она очень добрая. Уже два года были бы мы с тобой друзьями...

Я высказал мысль, что этой дружбы могло и не быть. Во всяком случае такой, как сейчас. Ведь нынешняя дружба возникла потому, что мы оказались в таких необычных условиях вместе.

Эта моя мысль даже обидела ее.

— Ты, вероятно, неправильно понимаешь меня, Виктор, — сказала она очень серьезно. — Конечно, первая наша встреча в тайге взволновала меня тем, что я увидела твою храбрость. И я уже тогда любила тебя, потому что в уме дорисовала твой портрет. Если бы ты знал, как я волновалась, когда шла к тебе по поручению папы!.. На экзаменах никогда так не волновалась. Но потом было разочарование, к моему счастью, ошибочное. Конечно, я полюбила тебя не за то, что ты гонялся за тигром. Просто, я думаю, лучше тебя нет человека на свете. Раз ты такой, значит такой всегда и везде, и именно такого я люблю тебя... Витя, как я рада этому чувству! Был момент, когда я думала, что не выживу. И от сознания, что я умру у тебя на руках, мне даже смерть не была так страшна...

Что оставалось мне сказать ей? Я обнял ее плечи и, прижавшись щекой к ее лицу, бесконечно счастливый, долго так просидел возле нее.

Вечером Анюта рано легла спать. Я же буду дежурить до утра. Все во мне сейчас поет, и я счастлив.

11 июля. 3 часа дня. День полон необыкновенных событий. Часов около десяти утра, когда боль в ноге совсем почти утихла, я решил взобраться на высокое дерево и оттуда проследить за направлением речки, так как завтра или послезавтра предполагалось идти по берегу.

Едва вскарабкался я на макушку ели и окинул глазами тайгу, как сразу же увидел столб дыма на сопке за озерком. Я крикнул об этом Анюте, и она попросила меня лучше рассмотреть: возможно, там лагерь нашей экспедиции? Дальнейшие наблюдения привели меня к мысли, что такой большой костер не может быть в лагере, что он разведен с каким-то умыслом, скорее в качестве сигнала.

Я немедленно спустился с дерева и высказал Анюте предположение, что костер разведен человеком с целью подать сигнал, и мы решили немедленно же разжигать костер. Скоро возле нашего бивуака выросла большая куча сушняка, закиданная сверху зеленой травой. С четы-

рех сторон мы подложили под дерево сухого мха и подожгли. Костер быстро разгорелся. Густые клубы желтовато-бурого дыма устремились вверх и скоро образовали над лесом огромный столб.

Мы безустали носили в костер охапки сушняка и травы. Черные клубы дыма мрачным пологом закрывали от нас солнце. Часов в двенадцать я снова залез на ель и посмотрел на сопку, где видел дым. Теперь его уже не было. Я объяснил исчезновение его той причиной, что нас заметили. Мы решили ждать. Костер поддерживали.

Потом я сходил вниз по берегу речки; с дерева была видна в той стороне широкая пойма. Оказалось, что метрах в двухстах от нас лежит небольшое болото рядом с рекой, поросшее осокой и ряской. Там я увидел несколько уток, плавающих вдоль берега. Я подполз по траве к открытому месту и стал охотиться. Через минуту большая кряковая утка плавала кверху белым брюшком. С болота поднялся огромный табун уток. Они, видимо, здесь гнездятся. Едва успел я залезть в воду, чтобы брести за добычей, как тот же табун снова показался над болотом. Я присел в траву и дождался, пока дичь опустится на воду. Вторым выстрелом я подбил селезня. Птицы оказались очень жирными. Видно, неплохо им живется здесь!

Анюта, очень обрадованная моей добычей, принялась щипать уток, а я пошел по берегу, чтобы собрать еще дров в костер. Когда я ушел достаточно далеко от костра, до слуха долетел тот же шум, который мы слышали вчера в стороне сопок. Теперь он шел с противоположной стороны и заметно приближался. Я бросился к костру. Сообщив Анюте радостную весть, я принялся рвать зеленую траву и бросать ее в огонь. Анюта тоже оставила свое занятие и стала помогать мне. Дым над тайгой заклубился с новой силой.

Шум и треск костра мешали нам, и мы отошли подальше в сторону, чтобы проверить свое предположение. Теперь можно было ясно расслышать характерный звук летящего самолета. Он нарастал, приближался. Скоро мы отчетливо различили дробный гул мотора. По всем признакам самолет шел прямо на нас. Значит, заметили, значит, ищут нас! Мы схватились за руки и стали прыгать, как мальчишки.

И вот в просвете речного коридора, со стороны низовьев речки, показался самолет — маленький биплан. Он

летел на высоте метров пятисот и по мере приближения к нам стал снижаться. Над нами он прошел совсем низко: в двух открытых его кабинах можно было даже разглядеть людей в кожаных шлемах и больших пилотских очках. Мы с Анютой устроили вокруг костра настоящий танец дикарей, неистово махали дождевиками, кричали, совсем забыв, что нас там не слышат. Человек в задней кабине в ответ помахал рукой.

Самолет пролетел над нами, скрылся за макушками деревьев, и гул его стал удаляться. Мы стали строить различные догадки. Случайный это рейс или самолет разыскивает нас? Куда он улетел?

Нас уже начинало охватывать разочарование, когда рокот мотора совершенно неожиданно разорвал тишину совсем в другой стороне, и мы увидели метрах в ста от себя над лесом накренившийся, описывающий круг самолет. Теперь он был на высоте метров ста, если не меньше, и в пассажире задней кабины мы без труда угадали нашего храброго Карамушкина. Он смеялся и, сцепив ладони в рукопожатие, тряс ими. А мы, пораженные этой встречей, окончательно убедившись, что самолет ищет нас, махали руками, кричали что было сил.

Сделав три круга над нами, самолет выпрямился и ушел снова вдоль речки к востоку, куда уходил в первый раз. Вопрос, который мы с Анютой задали друг другу, гласил: что нам теперь делать? Но пока мы искали ответа на этот вопрос, самолет снова показался над речкой. Он опять шел на нас на той же высоте. Неожиданно мы увидели, как из задней кабины что-то вывалилось и устремилось вниз. Неужели Карамушкин выпрыгнул? Сверкнул и взвился белой лентой парашют, развернулся куполом. Только теперь мы увидели, что под парашютом не человек, а какой-то темный предмет. Под белым зонтом он медленно и плавно шел к земле.

Парашют проплыл над нами и упал в речку метрах в ста от костра. Видно было, как, подхваченный течением, он стал спутываться и быстро уплывать. Мы бросились вслед за ним. Мне стоило огромного труда задержать уносимый быстрым течением парашют. Посылка на его стропах волоклась и билась по дну, и я боялся, что ее разорвет камнями. На помощь ко мне залезла в воду Анюта, и нам, наконец, удалось «загасить» шелковое полотнище, раздуваемое потоком воды. Спотыкаясь о камни, мы

Из задней кабины самолета что-то вывалилось и устремилось вниз. Это был парашют. Он упал в речку метрах в ста от костра.

вынесли парашют на берег. Только после этого удалось вытащить на стропах и груз.

Перед нами лежала скатка из тонкого брезента, прорванного во многих местах о камни. В нижней части образовалась пустота — видимо, оттуда что-то выпало. Тем временем самолет кружил над нами. Когда груз оказался у нас в руках, самолет прошел бреющим полетом над нашими головами. Фельдшер помахал на прощанье, и шум мотора стал удаляться. Через несколько минут его не стало слышно вовсе — самолет ушел.

Мы принесли посылку к костру и распороли брезент. В ней оказались банки консервированного мяса, фруктов, сгущенного молока, пачки с плитками шоколада, большая банка с сухарями и мешочек с мукой. В отдельной упаковке мы нашли по мешочку сахара и соли, три комбинезона, три пары сапог, связку белья. Все было перемочено, но продукты, боящиеся воды, оказались в клеенчатых упаковках и были сухими.

Для кого же предназначены третьи сапоги и комбинезон? Мы долго думали и пришли к выводу, что нас кто-то разыскивает, — по всей вероятности, Пахом Степанович. Уж не он ли зажигал костер на сопке? Подождем — узнаем. Если он, то по дыму нашего костра он, несомненно, разыщет нас здесь.

Потом мы стали искать записку — посылка не могла быть без вымпела. Мы обшарили карманы комбинезона, сапоги, но записки нигде не оказалось. Тогда я вывернул наизнанку чехол и на дне его, где было особенно сильно порвано, обнаружил жестяную трубочку — вымпел. Она была смята, крышки на одном конце не оказалось. Сгорая от нетерпения, я заглянул в трубочку и увидел там слипшийся, мокрый свиток бумаги. Горькое разочарование охватило нас, когда я вынул свиток: текст, написанный химическим карандашом, слился, бумага пропиталась фиолетовыми чернилами.

Я достал лупу, и мы принялись изучать текст. Первое слово, которое удалось нам разобрать, было «река». Затем мы разобрали слова «плывите по реке», «Красное озеро», «Черемховский», «осторожно» и «отряд». Больше ни одного слова прочесть не удалось. Мы долго ломали голову над смыслом этих слов, но уловить между ними связь так и не смогли. Ясно одно, что нам дают указание, чтобы мы, видимо, плыли по какой-то реке, возможно той,

у которой находимся, и, видимо, река должна привести нас к лагерю отряда. Но почему «осторожно»? Почему «Красное озеро»? Наконец, почему в кабине самолета находился фельдшер? Как и зачем он попал в Комсомольск?

На эти вопросы мы так и не могли найти ответа, сколько ни ломали голову.

Сейчас Анюта готовит роскошный обед, а я поддерживаю огонь в большом костре и пишу дневник.

Глава восьмая

Выстрел в тайге. — Догадка Дубенцова оправдалась. — Весть о большой реке. — Торжественный ужин по случаю встречи. — Чудесное утро. — Куда идти? — Дикие кабаны.

Костер на берегу реки горел весь день. Огромные клубы дыма поднимались над вершинами деревьев, вытягиваясь в вышине длинным шлейфом. Словно в горниле, гудело в костре пламя, дружно трещали смолистые еловые ветки. Дубенцов и Анюта, одетые в новые комбинезоны и сапоги, безустали подбрасывали в огонь охапки веток, травы, сушняка.

Солнце ложилось на макушки леса, когда молодые геологи отдыхали, сидя на краю обрыва. Они продолжали строить различные догадки по поводу костра на сопке, как вдруг за речкой в зарослях ельника прогремел выстрел. Дубенцов и Анюта молча переглянулись.

— Ищут! — воскликнул Дубенцов и побежал к палатке за карабином. Два выстрела подряд раскололи вечернюю тишину, гулко отдаваясь в таежной чащобе.

— Ого-го-го-о-о!.. — послышался за рекой в лесном сумраке густой знакомый бас.

— Ого-го-о-о!

— Сюда!

— Мы здесь!

Дубенцов и Анюта кричали вместе, заглушая друг друга. Заметался по берегу и звонко залаял Орлан, почуяв хозяина.

— Слышу-у-у!.. Иду!.. — кричал Пахом Степанович уже совсем близко и вскоре показался среди зарослей.

Сгорбленный, он тащил за собой носилки из прутьев, впрягшись в них, как в оглобли. Геологи бросились ему навстречу, преодолевая реку вброд на мелком перекате. Опережая их, мчался Орлан. Пахом Степанович, устало покачиваясь, отмеривал неторопливые шаги, словно рабочий вол с возом. На осунувшемся и потемневшем его лице светилась усталая добрая улыбка изнуренного человека. С прижатыми ушами и радостно оскаленной пастью Орлан прыгал возле него, старался лизнуть хозяина в лицо, кружился у ног, носился по сторонам, сгорбив спину и как-то смешно вытянув шею.

— Ну, слава богу, все живы! — остановился и торжественно прогудел Пахом Степанович. — Ах вы, пострелы! Дайте ж хоть расцелую вас. Уж сколько я переволновался!..

Он обнял Дубенцова и Анюту величаво и осторожно, потом поднял за передние ноги ликующего Орлана, потрепал ему загривок. На глазах таежника заблестели скупые росинки. Он смущенно вытер их тыльной стороной ладони, повторяя:

— Ну, вот и все хорошо, все хорошо!..

Дубенцов и Анюта дружно подхватили носилки, освободив от них Пахома Степановича, и только теперь обратили внимание на этот старинный способ тащить груз, примененный таежником. И тогда они увидели, что затылок Пахома Степановича забинтован.

— Что это у вас, Пахом Степанович? — с испугом спросила Анюта.

— Ничего, Анна Федоровна, ничего. Мало-мало с медведицей поцарапался... Это что же, к вам прилетал самолет? — спросил он, обращаясь к Дубенцову. — Должно, ищут?

— К нам, к нам, Пахом Степанович, — ответили геологи в один голос. — Получили посылку, в том числе и на вас — комбинезон и сапоги...

Таежник хотел что-то сказать, но запнулся на полуслове: видно, не решился он омрачить радость встречи известием о болезни Черемховского. Подумав, спросил:

— И письмо есть?

Дубенцов объяснил, что произошло с вымпелом, и Пахом Степанович еще больше помрачнел.

Через речку Дубенцов и Анюта вели Пахома Степановича под руки. На берегу он остановился, покачиваясь, словно пьяный. Колени его подкосились, он сел.

— Маленько... отдохну... — слабым голосом молвил он, откидываясь на спину.

Лицо его побледнело, он закрыл глаза ладонью.

— Аптечку и голубичного сока, — быстро проговорил Дубенцов, поддерживая голову таежника.

Анюта побежала к палаткам и через минуту вернулась с кружкой сока и аптечкой. Запах нашатырного спирта и острый вкус ягодного сока быстро привели Пахома Степановича в чувство. Он приподнялся на локоть, потом сел. Слабым голосом заговорил:

— Должно, в письме-то говорится про ту реку, что я видел с сопки...

Геологи молча смотрели на него, не понимая, бредит он или говорит сознательно.

— Речку, говорите, видели? — осторожно негромко спросил Дубенцов. — Где же вы видели ее, Пахом Степанович?

— Под той сопкой, где костер палил...

— Хунгари? — почти враз воскликнули геологи, убедившись, что Пахом Степанович не бредит.

— Кто же его знает. По ширине вроде бы на Хунгари похожа. На полдень бежит.

— А помимо нее, нигде не видно реки?

— Вот только эта, — кивнул таежник на речку. — Она, похоже, туда же бежит, — видно, сливается где-нибудь.

— Так вот о какой реке говорится в письме! — воскликнул Дубенцов. — Несомненно, это Хунгари, и где-то на ее берегу находится отряд.

Они помогли Пахому Степановичу добраться до палаток и принялись вместе готовить ужин. Пахом Степанович рассказывал о том, как нашли уголь, как искали их, умолчав и на этот раз о болезни Черемховского. Повествование о своих мытарствах в тайге, даже о схватке с медведицей, он пересыпал веселым юмором, отчего его похождения выглядели забавной и смешной историей. Трудно было поверить, что этот человек пережил столько тягостных минут, стоял на краю смерти и даже сейчас еще был полубольной. Только о гибели мерина говорил с обидой и горечью, да не мог не поругать себя еще раз за

оплошность, вспомнив, как принял крик совы за собачий лай.

— А как там Федор Андреевич? — спросил Дубенцов. — Вероятно, беспокоится в связи с нашим исчезновением, ругает меня?

— А за что ж тебя ругать, паря, — возразил таежник — коли компас обманул? С каждым может такое случиться, доведись хоть и Федору Андреевичу. Он надеется, что ты не пропадешь и Анну Федоровну не потеряешь.

И на этот раз Пахом Степанович умолчал о болезни Черемховского, окончательно решив сообщить Анюте эту весть только тогда, когда будут подходить к лагерю. Но ему и в будущем не пришлось этого сказать ей.

— Ужин готов! — объявила Анюта.

Пахом Степанович пошарил в своем мешке и достал бутылку спирта.

— Уж как я ее, родимую берег! — задушевно сказал он. — Про этот случай берег! А ну, подавайте свою посуду, — скомандовал старый таежник.

Он долго примеривался, разбавляя спирт водой, потом поставил перед каждым его кружку. На полотнище парашюта в изобилии стояла еда: холодная тушенка, банка с вишневым компотом, горячие белые пышки. В котелках дымился горячий бульон с лоснящимися от жира дикими утками.

— Я никогда еще не чувствовала себя такой счастливой, — говорила Анюта. — Во мне, вероятно, проснулся полудикий предок, высшим счастьем которого было вволю покушать и вволю отдохнуть.

— Вы этот отдых заслужили, Анна Федоровна, — весело сказал Пахом Степанович. — Эвон, сколько отмахали, да столько перемучились!..

С этими словами он торжественно поднял свою кружку. Разгладив усы и бороду, окинув посветлевшим взором молодых геологов, он обратился к ним:

— Выпьемте, ребятки, за то, что остались все живы, и за будущее наше здоровье. А будем живы и здоровы, то и в экспедицию возвернемся. Да еще помянем добрым словом Федора Андреевича, как-то он там, бедняга...

— За властелина тайги, бесстрашного советского следопыта Пахома Степановича! — ликующая и разрумянившаяся, предложила тост Анюта.

— Какой там я властелин, — отмахнулся таежник, — темный я человек. Вот кто властелин, это да! — указал он на Дубенцова.

Они выпили. Анюта схватилась за горло, отмахиваясь рукой.

— Компотом, компотом запей, — подал ей банку Дубенцов.

Пахом Степанович лишь крякнул от удовольствия, вытер усы, сказал:

— Хороша, окаянная! Ничего, Анна Федоровна, — закусывая тушенкой и улыбаясь, посмотрел Пахом Степанович на девушку. — В тайге эта штуковина пользительная: лекарство от любой болезни.

— Первый раз в жизни пробую спирт, — вытирая слезы и смеясь, оправдывалась Анюта. — Такая гадость, хуже хинина!

Они дружно принялись за ужин, продолжая перебрасываться веселыми репликами. Рядом трещал костер, бросая неровный свет на их счастливые лица. Полноликий месяц сиял над тайгой. Переливаясь в бронзовых бликах, рядом шумела в своем извечном беге вода в речке, сурово и таинственно молчала глухомань леса.

Утром раньше всех проснулась Анюта. Солнце только еще всходило. На листьях и хвое деревьев, на траве лежала густая серебристая роса. День занимался прохладный, в величественном покое и тишине. Очарованная лесным утром, девушка, зябко вздрагивая, подошла к речке и долго стояла, слушая, как говорливо булькает вода, как начинается в лесу птичий гомон, любовалась щедрым золотом, разлитым солнцем по небу. Вверху, испугав Анюту, просвистела крыльями стремительно пронесшаяся стая уток.

Постояв так с минуту и проводив глазами стаю, девушка спустилась к воде умыться. Вода переливалась чистейшим хрусталем. Сквозь ее прозрачные струи отчетливо вырисовывались разноцветные камешки на дне, пугливые стайки мелкой рыбешки, сверкающей перламутровыми боками. Иногда откуда-то из-за большого камня выползал безобразный большеротый хищник-бычок, поводя своими перепончатыми широкими плавниками-крыльями и жабрами. Угрястое тело бычка пугало своей уродливой формой, и Анюта бросала в него камешками, что-

бы он скрылся с глаз и не нарушал утренней красоты природы.

Никогда еще, кажется, в жизни Анюты острое ощущение такой красоты природы и великого покоя не владело всем ее существом, как в эту минуту. И никогда, пожалуй, не было столь полным и ярким чувство счастья. Она любила друга, любила отца, любила мать, любила свою заботливую Родину, свой труд, любила эту суровую и величественную природу. И была любима сама. Как ей хотелось в эту минуту быть хорошей подругой, хорошей дочерью, хорошим геологом! Хотелось совершить такой подвиг в жизни и труде, который был бы достойным ее друзей и любимых, ее народа. И ей несказанно захотелось сейчас быть там, где люди бьют шурфы на угольной сопке, трудиться, изучать, искать. Отныне никому не позволит она обращаться с собой, как с девочкой-баловнем. В душе ее созрело мужество и стойкость; она будет упорно трудиться, будет нести на плечах такой же груз и испытывать те же лишения, как все! А сейчас... сейчас она сделает все, чтобы быть полезной в этом трудном походе, — она будет заботливой хозяйкой.

Потом она думала о Викторе. Ее чистая и светлая девичья фантазия уносила их обоих в будущее. Полуприкрыв глаза, Анюта видела себя и его идущими рука об руку по жизни — то строгими, деловыми, то веселыми, счастливыми; а впереди — сияющая вершина, взобравшись на которую можно далеко и ясно увидеть все, все. Кажется, никогда еще не был ей так дорог Виктор, как в эту минуту. «Милый, милый, сколько выносишь ты, сколько в тебе самоотвержения и безропотности! — мысленно говорила она. — Так почему же ты никогда не пожалуешься, не попросишь у меня помощи? Или я плохой помощник? Тогда знай: сама буду голодной, а тебе отдам последнее; ты будешь рисковать — я буду рядом с тобой!»

Анюта умылась и вернулась к палаткам с приятным, радостным, как бы обновившимся чувством. Весело спорилась работа в ее руках, когда она принялась готовить завтрак. При этом она старалась все делать бесшумно, чтобы не разбудить мужчин.

Солнце поднялось уже довольно высоко над лесом, когда проснулись Пахом Степанович и Дубенцов. Их ждал горячий завтрак, приготовленный девушкой.

— Эх, Анна Федоровна, да и добрая же будет из тебя хозяйка! — заметил Пахом Степанович, вернувшись после умывания веселым и приободрившимся.

Девушка слегка смутилась и, поправляя косы, сколотые на затылке, мельком взглянула на Дубенцова. Молодой геолог тоже взглянул на нее и смущенно улыбнулся. Между тем старый таежник, натягивая свои неистребимые бродни, рассуждал:

— Женщина, которая по хозяйству хорошая мастерица, говорят, раба, но то не верно. Раба, я так соображаю, которая забитая, бесправная перед мужиком. Но ежели, как, скажем, у меня хозяйка, ровня мне во всех делах, то это прямо золотой человек. Да я бывает, честно сказать, не стою ее! Право слово!

Он посмотрел на молодых геологов, как бы проверяя, слушают ли они его, и, убедившись, что они ничем не отвлекаются, заговорил снова.

— Вот я вам расскажу одну историю, — сказал он. — С хозяйкой мы живем ладно, она у меня строгая, но добрая, и женщина с умом. По молодости лет, как отец выделил меня на свое хозяйство, я зимой зверя промышлял в тайге, а летом то на рыбалке, то огородом занимался. Да и живность кое-какая была: корова, лошадь, чушка, птица. Бывало, придешь с рыбалки усталый, а тут что-нибудь не по-твоему: обед холодный, или чушка кричит некормленная. А по молодости мы все горячие, нетерпеливые. Начну хозяйку ругать: то да это не так, это не сделано. Она себе помалкивает, а это и вовсе, сказать, нервирует меня. Был у нас мальчонка Митяшка, лет пять было ему. Сейчас в военном флоте командир корабля...

— Как-то раз хозяйка мне и говорит: «Мамаша заплошала, поеду-ка к ней на пару деньков». А была она взята из соседней деревни, километров за двадцать ниже по Амуру. Ну, забрала моя Настасья Митяшку и айда к своим. Остался я один в избе. Вот встаю утром, маленько проспал, соседи разбудили, а во дворе хором вся живность кричит. Я скорее одеваюсь да во двор. Выпустил корову и лошадь в лес — у нас выпас вольный, — а тут птица кричит. Побежал за овсом, высыпал. Там чушка визжит — ей варево нужно. Бросился к печке — дров нет. Нарубил. Хватился — воды нет. Принес, разжег печку, полез за картошкой, поставил. Да и себе же надо готовить... Так я пока все переделал, то уж и есть не хо-

тел — до того умаялся. А тут же надо и в избе убрать и что-то по хозяйству сделать. День-деньской не разгибал спины, управляючись по хозяйству. И эдак уморился до вечера, что уж мне ничего не хотелось, окромя одного — скорее в кровать. А назавтра опять все это. В тайге так не уставал. Ну, поверите, я как святого спасителя ждал свою Настасью. Приехала она, посмеялась над беспорядком, какой я наделал везде, и спокойно, ловко взялась за дело. С той поры — шабаш, никогда я не набрасывался на нее, потому ее труд тяжельше моего. Так-то вот, ребятки!..

Анюта с волнением и с каким-то внутренним трепетом слушала Пахома Степановича. Когда он кончил свой рассказ, девушка еще долго смотрела на него, будто видела впервые.

За завтраком они обсуждали, что предпринять теперь в поисках экспедиции.

— Дорог много, — говорил таежник, — да вот какая из них самая короткая, ума не приложу. Знать бы, что та речка за сопкой и есть Хунгари, то вся статья спуститься по ней. Два—три дня — и, глядишь, до своих добрались бы. Только Хунгари тут вроде бы не должна быть. Она недалеко от Удоми забирает к югу.

— А эта, говорите, к югу идет? — спросил Дубенцов.

— Под сопкой — к югу, а дальше — кто ее знает.

— Не исключена возможность, — заметила Анюта, — что она идет к югу, чтобы сделать потом крюк и повернуть на север.

— И то вполне может быть, — согласился Пахом Степанович, — вершины-то ее никто не знает.

— Лично у меня не вызывает сомнения, — говорил Дубенцов, — что в письме речь идет именно об этой реке. Вероятно, это именно и есть Хунгари, на берегу которой поджидает нас отряд, чтобы отправиться на поиски Сыгдзы-му — Красного озера. Что же касается слова «осторожно», то, очевидно, нас предупреждают о перекатах или водопадах, которые бывают на горных реках. Так что мое предложение одно: отправляться к этой реке, плыть вниз по течению. В крайнем случае, нас принесет в Амур, а оттуда мы быстро и без труда доберемся до лагеря отряда по Хунгари.

— А на чем мы поплывем? — спросила Анюта.

— Да я думаю, — вопросительно посмотрел геолог

на таежника, — что мы с Пахомом Степановичем смастерим уж какой-нибудь плот...

— Однако бат нужно рубить, — ответил тот. — Это вернее, потому плот через перекаты трудно проводить, осадка большая, садиться на мель будем.

— Словом, это не проблема, — объяснил Дубенцов Анюте. — Важно, чтобы было у всех одно решение.

Пахом Степанович и Анюта поддержали план Дубенцова.

После завтрака разведчики собрались в дорогу. Пахом Степанович по-прежнему приспособил свой груз на носилки-волок. Изрядный груз оказался и в рюкзаках Дубенцова и Анюты. Девушка решительно отказалась отдать часть груза кому-либо, когда Дубенцов попытался облегчить ее рюкзак.

Тем же путем, каким шел сюда Пахом Степанович, разведчики направились к своей цели, с благодарностью покинув приветливый берег безвестной речонки.

В полдень они подошли к ручью, возле которого Пахом Степанович отлеживался в памятное утро после схватки с медведицей. Едва окинули они взором красивый луг с озерком посредине, как Пахом Степанович, перепугав Анюту, яростно прошептал:

— Прячьтесь! Прячьтесь!

Дубенцов и Анюта бросились в траву, беспрекословно повинуясь требованию таежника.

— Кабаны! — возбужденно объяснил все тем же яростным шепотом Пахом Степанович. — Стадо кабанов пасется...

— Где?

— У озера, левее по берегу, — торопливо снимая берданку, объяснил Пахом Степанович. — Виктор Иванович, бросай все, заряжай, паря, свой карабин.

— Пахом Степанович, может быть, не следует, — посоветовала Анюта. — У нас ведь продукты есть, а это же опасная охота...

— Не могу, Анна Федоровна, отказаться от свежей свининки, раз бог послал, а потом же нам потребуется подстилка в бат, чтобы не простынуть от сырости. А на такой случай кабанья шкура лучше всякого тюфяка — мягкая, крепкая. Нет-нет, Анна Федоровна, кабана нужно добыть. Да ведь и даровая вещь, все равно пропадет зря.

Дубенцова тоже охватила охотничья страсть.

— Это же редкий случай, — убеждал он Анюту, сбрасывая с плеч рюкзак и вкладывая патроны в магазинную коробку. — Когда понадобится, их не будет. Консервы-то надо приберегать. Кто знает, что нас ждет впереди. Ты понаблюдай, как мы будем охотиться...

Пригнувшись, он побежал вслед Пахому Степановичу, уже примостившемуся за кустами.

— Видишь? — спросил таежник, когда Дубенцов встал рядом.

— Хорошо вижу.

Чуть левее озера, где от воды до леса было самое короткое расстояние, в траве паслось стадо кабанов. Их было не менее полусотни. Кабаны подвигались к озеру врассыпную. Иногда между какой-нибудь парой завязывалась драка, и вокруг начинали собираться и толпиться другие животные.

— Ишь ты, как довольствуются! — шептал Пахом Степанович. — Поползешь к озеру правее стада, — возбужденно объяснял он. — Прячься хорошенько в траве. Вылезешь к берегу, ложись и жди моего сигнала. А я пойду лесом и засяду, где самый близкий от кабанов куст. Как услышишь, кедровка прострекотит два раза, сразу подымайся и стреляй вверх. Гляди, паря, не стреляй в свиней: поранишь — беды не оберешься, они злые, черти. Ну вот, стрелишь, они побегут туда, где ближе лес, а ты сам не беги следом, держись левее от них. Я там один управлюсь...

Выслушав все это, Дубенцов бесшумно скользнул в густую траву, и его спина замелькала, удаляясь к озеру. Вот в просветах травы Дубенцов увидел илистый берег, расшитый бесчисленными узорами птичьих следов. Там бегали кулички, неподалеку стояли по колено в воде несколько цапель, настороженно вытянув длинные шеи. Стайки уток виднелись там и сям на поверхности воды. Дубенцов притаился и слухом следил за стадом кабанов. К нему доносились всплески воды, хрюканье, скорее напоминающее рычание собак. Он опасался, что стадо преждевременно выйдет на него и с нетерпением, с трепетом в груди ждал сигнала.

В лесу дважды прострекотала кедровка. Было невозможно различить, сигнал это или в самом деле голос птицы. Дубенцов выждал, опасаясь подняться прежде-

Пахом Степанович снял с себя дождевик и швырнул его навстречу зверю, когда тот был уже близко. Секач кинулся на летящий дождевик.

временно. Кедровка прокричала вторично, на этот раз с особой настойчивостью. Дубенцов поднялся во весь рост. В какую-то долю секунды он с жадным любопытством смотрел на животных, находившихся от него метрах в тридцати. Неуклюжие, большеголовые, они были тем не менее необыкновенно подвижны и чутки, как всякие звери. Вмиг вскинули секачи свои грозные, с огромными белыми клыками морды, словно готовясь ринуться на неожиданно явившегося противника. Дубенцов выстрелил.

Будто могучая волна, поднятая ураганом, покатилась по траве. Стадо устремилось к лесу. Зачарованным взглядом Дубенцов провожал зверей. Он увидел блеск огня в кустарнике, вслед за ним гулко ударил выстрел. Стадо круто завернуло вправо, но один кабан упал, снова поднялся и высоко прыгнул. Прогремел второй выстрел, и кабан свалился окончательно. Но только теперь Дубенцов заметил, что неподалеку от убитого мечется другой, видимо сильно подраненный кабан.

В эту минуту Пахом Степанович показался из чащи и раненый секач понесся на него. Холодок побежал по спине Дубенцова. Геолог ждал выстрела, но его не было. «Заело патрон», — в ужасе подумал он, пустившись вслед секачу.

Между тем Пахом Степанович не убегал. Он поспешно снял с себя дождевик и швырнул его навстречу зверю, когда тот был уже близко. Дубенцов мчался туда же, готовясь выстрелить и боясь, что пуля заденет Пахома Степановича. С облегчением он увидел, как ослепленный яростью секач кинулся на летящий дождевик. Прогремел новый выстрел берданки. Зверь грохнулся на колени, потом беспомощно повалился набок. Словно гора свалилась с плеч Дубенцова. Он остановился, чтобы отдышаться, потом пошел медленнее.

— Зачем вы трогали его, Пахом Степанович? — еще издали крикнул геолог.

Старый таежник устало вытирал пот со лба.

— Ах ты, дьявольская работа! — выругался он. — И как это его угораздило? Срекошетила, паря, должно, пуля-то, — объяснил он.—Стрелял ведь подсвинка, а пуля прошла, видать, насквозь и подранила этого большого дурака. Вишь как, дьявол, дождевик испортил... — с искренним огорчением рассматривал он свой плащ.

Секач был на редкость крупных размеров. Его массив-

ная туша, толстая в груди, шее и голове, намного сужалась к задним ногам. Под густой и длинной седой щетиной плотным войлоком сбился мягкий, как пух, желтоватый подшерсток-панцырь — зимняя шуба дикого кабана. Огромные эмалевые клыки заострились по бокам, словно отточенные ножи. Сухие длинные ноги, заканчивающиеся острыми, как отшлифованный кремень, широко раздвоенными копытцами, продолжали вздрагивать в предсмертных конвульсиях.

Пахом Степанович прикинул длину убитого зверя. Оказалось, кабан был около двух метров. Потом они осмотрели подсвинка, и тогда только таежник пояснил:

— Вот оно как получилось: подсвинку, вишь, я попал в шею. А пуля-то прошла насквозь и угодила как раз в того. И подсвинок не добит и этот дурак не уходит. Подсвинка, думаю, застрелю наверняка, а секач пусть убежит, шут с ним! Ан, паря, вишь, он на меня пошел...

Пока Дубенцов и Пахом Степанович осматривали добычу, прибежала Анюта. Они втроем принялись свежевать кабанов. Решено было забрать потроха и вырезать лучшие куски мяса, которые и завернули в кабаньи шкуры. Вдоволь был сыт и Орлан.

После отдыха и обеда на берегу ручья разведчики нагрузились до отказа и тяжело зашагали к сопке, чтобы успеть до вечера выйти на берег неизвестной реки.

Глава девятая

У неизвестной реки. — Изобретение Дубенцова. — Дикий виноград. — Пояснение Анюты.

С седловины Верблюжьего горба, куда наши путники взобрались незадолго до заката солнца, они увидели глубокую долину, зажатую с обеих сторон высокими грядами гор. Долина, налитая темно-синим вечерним сумраком, уходила прямо на юг и там исчезала в сумеречной фиолетово-синей мгле. По дну долины темной лентой вилась река, от берегов которой и до вершин сопок взбирались густые заросли курчавого лиственного леса. Лишь кое-где между деревьями белели осыпи или острыми зубцами подымались над лесом скалы.

— Какое изумительное зрелище! — не удержалась от восхищения Анюта. — Подлинная поэзия! Отсюда не хочется уходить.

— Величиной река напоминает Хунгари, — заметил практичный Дубенцов.

Не задерживаясь на седловине, они стали спускаться по склону через редкий березняк, чтобы засветло найти приют на берегу реки. Вскоре березовый лес сменили заросли высокого лиственного разнолесья. Влажная, освежающая прохлада охватила путников, над головами которых теперь смыкали свои могучие кроны старые тополя, ильмы, бархаты. Во множестве встречались боярышник, черемуха. Возле одного бархатного дерева, достигающего в поперечнике не менее полметра, Пахом Степанович остановился, отковырнул топориком кусок коры.

— Экое богатство! — сказал он. — Чистая пробка! У нас на Амуре она шибко идет в дело: и на поплавки к неводам и на спасательные круги и пояса на катерах и пароходах.

— А знаете, Пахом Степанович, — говорил Дубенцов. — Ведь это дерево нигде не растет, кроме как на Сихотэ-Алине и в Приамурье.

— Заграница, говорят, покупает у нас пробку-то, — заметил Пахом Степанович.

— Да, и заграница покупает, и центральные области нашей страны снабжаются ею...

Так, за разговорами, они спустились на дно долины и вскоре очутились на берегу реки. Река была не более сорока—пятидесяти метров в ширину, но стремительное течение с воронками водоворотов придавало ей устрашающий вид. По берегам, нависая над водой, густыми стенами стояли тальниковые кущи.

Отыскав открытый участок берега, усеянный мелким чистым галечником и песком, разведчики с облегчением сбросили свой тяжелый груз. Над ними, образуя живописный шатер, разбросал свою широкую крону могучий тополь. Если бы не тучи комаров, трудно было бы подыскать более приятный уголок в лесу. Все трое быстро принялись за дело. Дубенцов собирал дрова для костра. Анюта мыла в реке куски свинины, наполняя ими котелки. Пахом Степанович драл кору для подстилки и ставил палатки-накомарники. Задымил костер. В языках его пламени покачивались котелки и чайники. Не отходя от

костра, Дубенцов размотал леску, привязал ее на удилище из тальниковой лозы и принялся удить. Вскоре у костра на галечнике трепыхались крупные хариусы.

— Погоди вот маленько, — говорил Пахом Степанович, наблюдавший за ловлей. Он лежал у костра на кабаньей шкуре, отдыхая. — Сработаем бат и не такую еще рыбу добудем... Самого тайменя!

— А что это такое — таймень? — спросила Анюта.

— В таежных реках водится. Самая большая рыба. Бывает такой попадается — больше метра длиной.

— Как же мы его добудем, Пахом Степанович? У нас же никаких снастей нет.

— А вот посмóтрите, Анна Федоровна. И без снастей добудем! — многозначительно ответил старый таежник.

На вершинах сопок, поднявшихся по левую сторону долины, погасли последние отсветы вечерних лучей солнца. По лесу над рекой изредка пробегал ветерок, будто там, в вышине, какая-то большая невидимая птица взмахивала крылом над деревьями.

После ужина Пахом Степанович и Анюта разошлись по своим палаткам, только Дубенцов еще сидел у костра. Он долго записывал что-то в дневник, потом принялся вычерчивать на листе бумаги какие-то линии. Закончив эту работу, он достал нож и стал мастерить широкую коробочку, напоминающую своей формой утюг. Дно коробочки он сделал из прутьев, сверху положил пробковую кору и скрепил ее новым рядом прутьев. Коробочку опустил на воду и полюбовался, как она легко поплыла. Потом нагрузил ее галькой. Коробочка лишь немного осела в воде.

С утра Анюта перевязала Пахому Степановичу голову. Таежник засобирался на поиски подходящего дерева для постройки бата. Дубенцов достал свой блокнот.

— Пахом Степанович, сколько дней потребуется, чтобы смастерить бат? — спросил он.

— Этак, думаю, дня за три—четыре управлюсь. Дерево сначала надо найти и срубить да просушить над костром, а потом долбить дня два, если хорошо работать. Инструмент-то у нас, видишь, какой: одни топорики...

— А как вы думаете, Пахом Степанович, не лучше ли нам такую вот посудину сделать? — спросил Дубенцов, показывая таежнику свою коробочку.

— Это что за утюг? Плот? — удивился Пахом Степанович. — Нет, паря, мы с ним сядем на первом же пере-

кате. Потом, тяжело будет управлять шестами — шибко грузный.

— Так это же пробковая кора! Я все рассчитал, Пахом Степанович. Бат будет иметь осадку тридцать—сорок сантиметров, а плот — только двадцать сантиметров. На постройку бата, вы говорите, нужно три—четыре дня, плот же мы сколотим за один день. Для бата большие водовороты опасны, — плоту они нипочем! Что касается управления, то это самое простое дело: ввиду легкости плота он будет слушаться шестов не хуже, чем бат, да, кроме того, вот тут на стержень наденем лопастный руль, который повернет плот в любую сторону. Знаете, как у баржи...

— Да ты, паря, прямо инженер! Видать, учился этому делу? Ну, а как ты думаешь связывать его? Не рассыпется он у нас где-нибудь на перекате?

— И это продумано. Нужно найти сухое дерево и расколоть его так, чтобы получились плахи. Из этих плах срубить переплет — раму вроде ящика или большого утюга. Длина рамы — три метра, ширина — два с половиной. Дно устроим из тонких жердей, которые привяжем к ящику распаренной лозой. В ящик плотно наложим пробковой коры слоем в тридцать—сорок сантиметров. Поверх положим более тонкие жерди и «пристрочим» их к раме, а сквозь кору прикрепим к нижним жердям. По моим подсчетам, вес плота и всего груза на нем будет не больше тонны. А для осадки на двадцать сантиметров нужен вес в полторы тонны. Так что осадка может быть даже меньше, чем на двадцать сантиметров. Думаю, что нам не опасны будут самые мелкие перекаты.

— Однако, придумано дельно, — согласился Пахом Степанович.

— А ты не ошибся в расчетах, Виктор? — спросила Анюта. — Так много сырых жердей, столько груза и такая маленькая осадка? Ведь кора-то не сухая...

— Ошибки быть не должно. Я брал удельный вес именно сырой коры, которая, кстати, мало чем отличается от выдержанной. Тринадцать десятисантиметровых жердей внизу и столько же пятисантиметровых вверху. Проверь, на всякий случай, мои расчеты с удельным весом, — подал он блокнот девушке.

Пахом Степанович наблюдал за тем, как быстро бегает по листу карандаш в бронзовых, огрубевших пальчи-

ках девушки, ожидал, что она скажет. Когда Анюта подтвердила правильность расчета, Пахом Степанович добродушно и весело пробасил:

— У этого ученика, видать, никогда ошибок не бывает. Крепко голова привязана! Не приходилось еще мне такой плот делать, да чувствую, что хорошую штуку придумал Виктор Иванович.

Пахом Степанович скомандовал на работу. Через час на берегу лежали жерди, заготовленные Дубенцовым. Анюта натаскала тальниковых лоз. Пахом Степанович свалил сухой кедр и расколол его на две половинки. Он аккуратно обтесывал их, стараясь сделать из каждой половины плаху. Дубенцов и Анюта отправились за пробковой корой.

— Виноград! Смотри, Витя, дикий виноград! — вдруг воскликнула девушка, бросившись к кусту.

На невысоком боярышнике, образовав живописный тенистый шатер, вились густые лозы. Темно-зеленые рассеченные листья виноградника резко выделялись среди другой зелени. В тени шатра с лоз свисали тяжелые гроздья круглых, еще зеленых ягод. Анюта сорвала одну кисть, взяла ягоды в рот... и тотчас выплюнула.

— Ух, кислый какой, как уксус!

— Так он же еще не поспел! — расхохотался Дубенцов. — Он до самых заморозков будет жесткий и кислый, даже если созреет. Но зато ты бы покушала его после заморозков!

Тут же, неподалеку, у подножия сопки, в разнолесье, они встретили многочисленные лианы актинидии и лимонника. Продолговатые снизки ягод лимонника только что начали краснеть. Тем не менее терпкий запах лимона уже исходил от них, и Дубенцов нарвал ягод, пообещав угостить Анюту чаем «с настоящим лимоном». Лианы актинидии оказались в большинстве мужскими, неплодоносящими. Но в одном месте все-таки обнаружился плодоносящий куст. Продолговатые зеленые ягоды с продольными полосками, как у крыжовника, тоже еще не успели вызреть — они были твердыми. Но перепробовав на ощупь несколько плодов, Дубенцов нашел с десяток уже начинающих спеть, они были мягкими. Сильно сахаристые, с едва уловимым ароматом сливы, они так понравились Анюте, что девушка обещала непременно насобирать их хоть немного к обеду.

Вернувшись к палаткам с тяжелыми связками пробковой коры, Анюта и Дубенцов принесли пару крупных гроздей зеленого винограда.

— Если я не ошибаюсь, мы находимся где-то на пятидесятой параллели северной широты, — говорила Анюта. — Пахом Степанович, далеко ли еще к северу встречали вы дикий виноград?

— Чтобы не соврать, Анна Федоровна, есть село Жеребцовское, — ответил таежник, сколачивая ящик из плах. — Это без малого сто семьдесят километров от города Комсомольска вниз по Амуру. Там тоже есть виноград. А дальше к северу не приходилось встречать.

— Это, что же, выходит, что на пятьдесят второй параллели? — спросила Анюта.

— Да, Комсомольск стоит на половине пятьдесят первого градуса северной широты, — подтвердил Дубенцов.

— Там, в этом Жеребцовском, очень холодно зимой? — продолжала выяснять Анюта.

— В Комсомольске, Анна Федоровна, бывает пятьдесят пять градусов. Крепкие тут морозы.

— И, несмотря на такие холода, виноград выживает! — воскликнула Анюта.

— А кабаны, а тигр? Тоже ведь южные жители, — добавил Дубенцов.

— Вот вы люди ученые, — оторвался от работы Пахом Степанович, вытирая рукавом пот со лба, — поясните мне одну непонятную штуку. Я частенько думаю, а сам до дела никак не дойду. Гляжу я: на правой стороне Амура — вроде бы одни растения и звери живут, а на левой, подальше от берега, совсем другая статья. Суровая там тайга, не похожая на эту. В книгах-то, небось, сказано про это?

— Я вам отвечу, Пахом Степанович, — быстро отозвалась Анюта, словно боясь, как бы Дубенцов не опередил ее. — Я слышала лекцию Черемховского в университете, где он объяснял причины такого разграничения в природе этого района...

— Ну, послушаем, послушаем, — одобрительно пробасил таежник, откладывая топор.

— В третичный период, — заговорила Анюта, несколько торопясь и краснея, будто на экзамене, — в этих ме-

стах, как и по всей Сибири, росли тропические леса. Тут был жаркий климат, и все кругом было покрыто настоящими джунглями. Потом с севера сюда стал надвигаться гигантский ледник. Он дошел до Яблонового хребта и до Удской губы на Охотском море, там остановился и впоследствии растаял. Близость ледника в корне изменила Приамурье и Сихотэ-Алинь. Здесь стало холодно, появились снега. Огромная масса растений и животных погибла от холода. На севере Сибири в вечной мерзлоте и поныне находят сохранившиеся туши мамонтов — предков нынешних слонов. Но погибли не все животные и растения, некоторые приспособились к новому, суровому климату — изменили свою форму, образ жизни. Их-то мы и находим до сих пор и удивляемся, как это рядом с кедром и елью растет дикий виноград, дуб и бархатное дерево. Чуть южнее отсюда, в тайге, рядом с полярной совой можно встретить тропическую курицу — фазана, с тигром и дикой свиньей соседствуют в лесу лоси и северный заяц-беляк.

— Почему же тогда нет винограда в Сибири? — недоверчиво спросил Пахом Степанович, повернувшись к девушке.

Этот вопрос вызвал заминку у Анюты, но ей на помощь пришел Дубенцов.

— Потому, Пахом Степанович, — стал объяснять он,— что недалеко отсюда находится гигантская теплица земного шара — Тихий океан. Расположенный большей своей частью в тропиках, Тихий океан собирает в себя, как аккумулятор, огромные запасы тепла, которое разносит далеко на север и на юг. Взять хотя бы западное побережье Северной Америки. Там, на одной широте с Комсомольском, почти не бывает зимы. Или Япония. Страна эта в большинстве своем субтропическая, хотя расположена она совсем недалеко от нас. Все эти условия, взятые вместе, и делают природу Сихотэ-Алиня единственным в своем роде уголком на земном шаре.

Выслушав объяснения, Пахом Степанович задушевным голосом сказал:

— Шибко, ребятки, уважаю науку. Эх, маленько бы повременить мне появляться на белый свет, — так, к примеру, до одной поры с вами. Про все бы на свете узнал! Ведь же задаром учат: на, бери, пользуйся... — он вздохнул и принялся за работу.

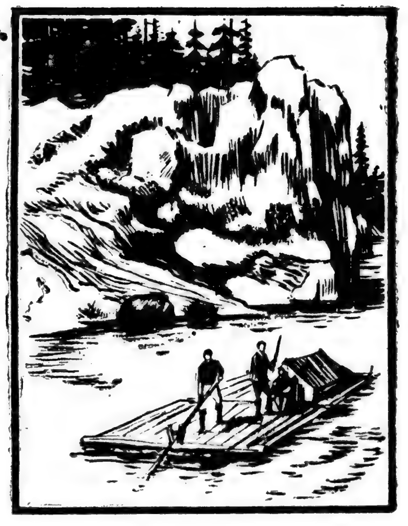
— Так всего же никогда не узнаешь, Пахом Степанович, — сочувственно заметила Анюта.

— Всего не узнаешь, Анна Федоровна, это верно! Но природу должен знать каждый человек — от нее он живет.

— Природу-то, положим, вы лучше нас знаете, Пахом Степанович, — сказал Дубенцов.

— Какой я знаток. То, что вижу, то и знаю. А как оно получается и отчего — темный лес для меня. Однако, ребятки, беритесь за дело, эвон солнце как к вечеру катится...

Часть третья КЛАДОВАЯ ГОР

Глава первая

Плот из пробковой коры. — Дурной сон Анюты. — Разговор о Ваче. — Обследование обнажения. — Кладовая гор.

До обеда Пахом Степанович успел сколотить раму и закончить подвязку нижних жердей. Получился большой неглубокий ящик. После обеда этот ящик туго набили пробковым корьем. Через кору были пропущены распаренные и скрученные тальниковые лозы. Они охватывали нижние жерди, и оба конца лоз, пропущенные сквозь толщу коры, укреплялись на верхних жердях.

К вечеру плот был готов. Все делалось по чертежам Дубенцова, только слой коры пришлось немного увеличить, чтобы придать плоту бо́льшую плавучесть и устойчивость. Плот на покатах спустили в реку, и он легко и плавно заходил на ее поверхности.

— Удачная посудина! — с удовлетворением разглаживая бороду, произнес Пахом Степанович.

— Дредноут! — ликовал Дубенцов.

— На нем хоть в кругосветное! — радовалась Анюта.

Дубенцов первым взошел на плот, за ним последовали Анюта и Пахом Степанович. Плот лишь на немного погрузился в воду. Он был устойчив и послушен шестам. Позади, на шпиле, был насажен Пахомом Степановичем большой широколопастный руль. Все втроем уселись на плоту, отдыхая после дня напряженной работы. Легкая прохлада от реки обвевала их, и каждому было приятно посидеть за дружеской беседой.

— Поплывем, конечное дело, завтра? — спросил Пахом Степанович своих спутников.

— Да, отдохнем ночь, а завтра поутру и тронемся, — соглашался Дубенцов. — Кстати, я тут сегодня обратил внимание на одно интересное обнажение вот в этом направлении, — указал он рукой в сторону, куда ходил собирать пробковую кору. — Нужно обязательно его посмотреть.

— Это где трещина через весь обрыв? — спросила Анюта. — Я тоже хотела сказать тебе о нем. По-моему, это или сильно метаморфизированные и смятые осадочные породы, или выход изверженных пород.

— Я подозреваю последнее, — сказал молодой геолог, — а это очень важно даже для определения места нашего нахождения.

— Почему?

— А помнишь, что говорил Федор Андреевич при первой нашей беседе тогда, вечером?

— Это об интрузиях и метаморфизме пород, типичных для центра Сихотэ-Алиня?

— Именно!

— Отсюда, как следствие, — мы находимся в центре Сихотэ-Алиня?

— Такое подозрение у меня имеется. То есть в одном из трех хребтов, которые составляют здесь основные центральные цепи Сихотэ-Алиня.

— В таком случае нам нечего здесь рассиживаться, до сумерек остается не больше часа, — сказала Анюта.

Они взяли с собой туесок под ягоду — у подножий осыпей и обнажений всегда бывают заросли малины — и отправились в лес.

— Я весь день сегодня замечаю за тобой, Анюта, — заговорил Дубенцов, когда они отошли порядочно от бивуака, — что у тебя чем-то испорчено настроение. — Он остановился против девушки, бережно взял ее за руку и

вопросительно посмотрел в глаза. — Если это не душевная твоя тайна, то прошу объяснить, чем ты огорчена?

Анюта смущенно улыбнулась, но сейчас же ее чуть скошенные глаза стали печальными. Она посмотрела мимо Дубенцова куда-то вдаль и проговорила:

— Я удивляюсь, как ты мог заметить это...

— Мне кажется, что я по одному движению твоего мизинца могу узнать настроение — так ты мне близка и понятна...

— Благодарю, Витя. Я не хотела говорить тебе этого... — Анюта замялась, погладила его жесткую кисть, рассеянно глядя куда-то мимо.

— Так что же все-таки случилось?

— Вообще ничего серьезного. Я прошлой ночью видела нехороший сон...

Она снова умолкла.

— Вот те на! — весело воскликнул Дубенцов. — Так что же ты так огорчаешься, если это сон?

— Да, но он связан с явью.

— Ничего не понимаю...

— Я видела во сне стойбище и Вачу. Будто в стойбище пришел пароход, и капитан на нем — папа. Всем привезли подарки, а мне говорят: «Поскольку ты дочь капитана, то тебе лучший подарок...» И ведут ко мне тебя! А ты бесшабашно смеешься, зубы у тебя сверкают, и идешь ты прямо ко мне. Я бросилась обнимать тебя. Потом почему-то испугалась, что тебя украдут, и попросила отвести тебя на пароход. Только увели тебя, вдруг бежит ко мне Вача. Бросается передо мной на колени и с плачем просит, чтобы я вернула тебя ей, что она нашла тебя где-то в тайге и без тебя не может жить. А я не отдаю. Тогда она говорит, что я злой дух и чтобы я сейчас же уходила из стойбища. Потом я будто гонялась за тобой, не могла к тебе прикоснуться — ты убегал, а какой-то голос говорил мне: «Это тебе в наказание за обиду, нанесенную Ваче...» Вот такая ерунда приснилась...

— Так что же все-таки испортило тебе настроение?

— То, что я отобрала тебя у Вачи. Так, по-моему, и есть в действительности. Скажи, как ты думаешь, или, может быть, ты знаешь — любит она тебя?

— Поверь, ей-богу, не знаю. Относится она ко мне чисто по-товарищески, это я знаю. Никаких намеков, тем более разговоров на эту тему у нас не было.

— Так тогда я скажу тебе: она тебя любит.

— Откуда это известно? — улыбнулся Дубенцов.

— Из моих наблюдений, Виктор. Почетное место для твоей фотографии — раз; Вача смутилась, когда папа спросил в первый вечер прихода в стойбище о тебе и взял посмотреть твою фотографию — это два; какими грустными глазами она провожала тебя из стойбища! — это три. Девушка девушку в таких делах очень понимает.

— Какой же вывод из этого?

— Я не знаю, и это мучает меня...

— Я бы сделал из этого такой вывод, Анюта: выбросить из головы и забыть. Девушка она хорошая, это правда, но разве мало хороших девушек на свете? А ведь полюбишь только одну!

— А что такое любовь?

— Чувство, которое я питаю к тебе. — Виктор рассмеялся собственной находчивости, обняв Анюту за плечи.

— Ладно, Виктор, пойдем быстрее.

Но они уже были у цели — лес поредел, и перед ними поднялся высокий буроватый обрыв обнажения. У его подножия переплелись густые заросли малинника. Геологи оставили свои туески у самого приметного куста и принялись обследовать обнажение. Нижняя его половина представляла из себя однородную массу темно-серого мелкозернистого гранита. Как бы составляя второй этаж обнажения, вверху выступали смятые пласты осадочных пород, судя по внешнему виду, — кристаллических известняков.

— Интересное место! — воскликнул Дубенцов. — Изверженные породы подняли эти пласты и сильно метаморфизировали их.

— Следовательно, здесь мы должны искать руды? — спросила Анюта. — Ведь они часто образуются на контактах изверженных и осадочных пород, особенно если последние представлены известняками.

— Да, это мечта геолога — найти такие контакты, — говорил Дубенцов, карабкаясь вверх по трещине. — Ты, Анюточка, пока проследи подножие, а я попробую добраться до тех пластов.

Трещина рассекла по вертикали весь обрыв и шириной была не более полметра, так что Дубенцову сравнительно легко удалось добраться до осадочных пород. Он

долго не подавал голоса с обрыва. Анюта тем временем осматривала подножие обнажения, все дальше уходя в сторону, пока не достигла его границы. Дальше начинался пологий склон сопки, покрытый растительностью. Анюта стала взбираться вверх по грани обнажения. В эту сторону пласты осадочных пород были вдвое выше, чем по трещине, но девушка добралась до них, хватаясь за траву и выступы камней.

Возле контакта изверженных и осадочных пород она присела на камень отдохнуть. Перед нею лежала на виду вся долина, погруженная в вечерний покой. Виден был плот на реке, дым костра над зелеными кущами леса. Долина быстро заполнялась вечерними сумерками, лучи солнца задевали лишь вершины сопок противоположного берега. Анюта, пробираясь по обрыву, спешно принялась обследовать контакт.

— Ого-го!.. Анюта-а!.. — послышалось в вечерней тишине. — Кончай работу!

— Иду-у!.. — отозвалась.

Дубенцов еще издали встретил ее радостным возгласом:

— Нашел медный колчедан! Смотри, какая прелесть!

Он нес ей навстречу камень с детскую голову. Лицо геолога сияло от радости.

— На, смотри, а я, пока светло, зарисую обнажение. Как жаль, что мы должны спешить! Приходится бросать необследованным целый клад.

Говоря это, он быстро набрасывал в тетрадь контур обнажения и отдельные пласты, тут же записывая характеристику пород.

— А что ты нашла? — Он бегло перебрал образцы, принесенные Анютой. — Пардон, а это что?

Он быстро достал перочинный нож и ногтем сделал царапину на серовато-темном, подернутом охристым налетом, камне.

— Галенит!* — воскликнула Анюта.

— Ты права! Ну, прямо в кладовую гор попали! — торжествовал молодой геолог. — Нет, Анюточка, мы не можем здесь спешить. Будем плыть и обследовать каждое обнажение. Пусть уйдет на это лишняя неделя, но зато мы привезем интересный геологический материал.

Окончив работу, они взялись за руки и, довольные

---

* Галенит — свинцовый блеск.

находками, зашагали к бивуаку. В их туесках вместо ягод лежали куски породы.

— Вот так бы всю жизнь идти!.. — мечтательно говорила Анюта.

— Что ж, этому никто не мешает, — отвечал Дубенцов. — А дорог у нас впереди много.

— Витя, дай я тебя поцелую, — засмеялась Анюта и, не дождавшись ответа, быстро коснулась губами его щеки.

Дубенцов смущенно посмотрел на нее, но девушка взяла его за руку и потащила вперед.

— Скорее, скорее пойдем, а то уже вечер.

Глава вторая

Безрезультатные полеты. — Магнитометрическое обследование с самолета. — Дым у реки. — Посылка. — Оплошность фельдшера. — Письмо не по адресу. — План действия диверсантов.

Пока наши друзья отдыхают перед плаванием по безвестной реке, не ведая угрозы, нависающей над ними, вернемся к событиям, связанным с происхождением неразгаданного письма, содержание которого, к сожалению, стало достоянием тех, кому не следовало бы его знать.

Через три дня после посещения самолетом района расположения лагеря отряда на плато состоялся первый полет на поиски Дубенцова и Анюты. Затем такие полеты пошли изо дня в день. Однако они не дали никаких результатов. Эта неудача настолько встревожила профессора Черемховского, возлагавшего главную надежду на самолет, что состояние его здоровья снова ухудшилось. Начальник Приамурской экспедиции, учитывая, что болезнь Черемховского может затянуться на длительный срок, решил сам лично начать магнитометрическое обследование района магнитной аномалии.

Для этой цели был оборудован необходимой аппаратурой двухмоторный самолет. В тот день, когда Дубенцов и Анюта вышли к безвестной речушке, а Пахом Степанович взобрался на Верблюжий горб и зажег свой сигналь-

ный костер, самолет с начальником экспедиции вылетел в район магнитной аномалии. Восемь часов крейсировал он над тайгой и горами в поисках центра аномалии. К концу дня, когда аппаратура показывала примерный ее центр, с борта самолета увидели внизу среди гор небольшое озерко в форме равнобедренного треугольника. Озеро имело и другую примету — вода в нем была оранжево-красная.

Обратно самолет возвращался вдоль реки, впадающей в озеро. Хотя он шел на очень большой высоте — летчики спешили, так как на исходе были последние остатки горючего, — с его борта хорошо были видны многочисленные белые пятна перекатов и водопадов. На географической карте этой реки не было — она впадала в неизвестное озеро и на этом кончалась. С самолета наносили ее схематически на карту. В одном месте близ реки был замечен клуб дыма.

— Люди у реки! — кричал начальник экспедиции летчику в шлемофон. — Давайте снизимся. Возможно, это заблудившиеся геологи из отряда Черемховского.

— Не могу, товарищ начальник, — отвечал летчик, — горючее на исходе. Засеките место, завтра можно будет прилететь.

Так и было сделано.

Именно шум моторов этого самолета и слышали Пахом Степанович и Дубенцов с Анютой за сутки до своей встречи.

На следующий день в этот район был снаряжен известный читателю маленький самолет. Предполагая, что костер принадлежит Дубенцову, Анюте и Пахому Степановичу, а также учитывая, что до лагеря им идти дальше, чем до озера, район которого намечалось обследовать, начальник Приамурской экспедиции и Черемховский решили дать указание разведчикам спускаться к озеру и начать там рекогносцировку. Тем временем, решили они, будет подготовлен гидросамолет, который совершит посадку на озере.

По просьбе Черемховского, Игнат Карамушкин подготовил посылку. Он так много бегал и суетился в это утро, спеша управиться к вылету, который намечался на десять часов утра, что в спешке забыл в управлении экспедиции письмо, адресованное Дубенцову. Уже перед посадкой в самолет он вспомнил об этом, когда увидел

пустую металлическую трубку вымпела. Он бросился на телефон — позвонить в управление экспедиции. До аэродрома от города было восемь километров, и письмо решили передать по телефону, чтобы не задержать вылета.

Летчик без труда нашел район, где был замечен дым, хотя теперь он оказался километрах в десяти к западу.

Через пять часов Карамушкин докладывал начальнику экспедиции о результатах полета, в подробностях описав встречу с Анютой и Дубенцовым. Выслушав доклад, начальник экспедиции сказал:

— Сейчас же отправляйтесь к Федору Андреевичу и расскажите ему все это. Пусть старик порадуется. А вот что в воду свалили посылку, — это плохо. Вы точно видели, что они достали ее?

— Так же точно, как вижу сейчас вас, товарищ начальник.

— Кстати, покажите карандаш, которым вы написали письмо, когда принимали его по телефону.

Фельдшер извлек из кармана карандаш и с недоумением протянул его собеседнику.

— Химический?! Дорогой мой, да кто же учил вас писать вымпел химическим карандашом? Простой, вы понимаете, простой нужен карандаш, простой! Это же известно каждому школьнику! Загубили все дело. Вот видите, как из-за маленькой оплошности можно усложнить дело. Завтра же полетите снова туда и сбросите вымпел с письмом.

Весть о находке несказанно обрадовала профессора Черемховского.

— Нет, мне решительно нельзя больше болеть ни одного дня, — говорил он оживляясь. — Несомненно, мы имели дело с месторождением железа, которое некогда открыл Иван Филиппович Дубенцов. Я должен быть там...

Назавтра, как и в следующие два дня, погода помешала полету. Только на четвертый день самолет мог вылететь к нашим разведчикам. По совету начальника Приамурской экспедиции их искали на старом месте. По предположениям, они должны были затратить неделю на постройку бата, если не ждали повторного указания, оставаясь там, где им была сброшена посылка. Однако разведчиков нигде не было. Долго кружил самолет над районом еловой равнины и Верблюжьего горба, пока, наконец, фельдшер не заметил в полдень среди тайги, по ту

сторону реки, струйку дыма. Горючего оставалось мало, и летчик, удивляясь тому, зачем потребовалось разведчикам уйти так далеко к востоку, да еще за реку, направил туда самолет.

Экономя время и горючее, пилот не стал долго кружить у обнаруженного дыма. Заметив троих людей у костра, он пошел над ним на небольшой высоте и подал знак Карамушкину, чтобы тот бросал вымпел. В воздухе закачался маленький парашютик, и вымпел полетел к костру. Убедившись, что вымпел принят, летчик повел самолет курсом на запад.

В Управлении Приамурской экспедиции долго ломали голову над тем, что Дубенцов, Анюта и Пахом Степанович оказались к востоку от реки, но серьезного значения этому факту не придали, уверенные в том, что они теперь получили ясное указание.

Костер, который был обнаружен к востоку от реки, принадлежал известной читателю группе диверсантов. В этот день они подстрелили изюбра и, разведя костер на поляне, жарили на вертелах мясо. Появление самолета перепугало их, они прежде всего спрятали под крону деревьев Соломдигу, заставив его не показываться на поляне из боязни, что он может подать какой-нибудь опасный знак. Велико же было их удивление, когда от самолета отделился миниатюрный парашют с вымпелом. Судзуки первым бросился к вымпелу, опасливо озираясь на самолет, словно что-то воруя. Пока подбежали остальные диверсанты, в руках Судзуки уже был развернутый лист бумаги. Японец стал читать вслух содержание письма:

«Геологам Дубенцову, Черемховской, проводнику Прутовых. В результате магнитометрического обследования района действия отряда Черемховского установлен примерный центр магнитной аномалии. Он находится в районе озера, имеющего оранжево-красный цвет воды. Озеро расположено к юго-западу от места вашего нахождения. В связи с тем, что нами принято решение немедленно начать геологическое обследование района вышеуказанного озера, и учитывая, что от вашего местонахождения до лагеря отряда дальше, чем до озера, вам предлагается плыть по реке, возле которой вы находитесь и которая впадает в Красное озеро. Во время плава-

ния будьте сугубо осторожны, так как река изобилует бурными перекатами и имеет на своем протяжении два узких прохода с водопадами.

По прибытии в район Красного озера приступите к рекогносцировке окрестных гор, рекомендуется произвести шлиховой анализ на особо типичных разрезах на предмет выявления железняка. Срок вашего пребывания там будет зависеть от состояния здоровья профессора Черемховского, в связи с чем нами пока не принято решение по вопросу о том, кто возглавит изыскательские работы в районе Красного озера. Эти вопросы будут решены в ближайшие дни, после чего на Красное озеро будет послан гидроплан, который совершит там посадку и доставит людей и необходимое оборудование.

Парашютом вам забрасывается одежда, обувь, а также продукты питания на двадцать дней. Поиски вас продолжались нами при помощи самолетов на протяжении полутора недель и увенчались успехом при случайных обстоятельствах: вы были замечены с самолета, производившего магнитометрическое обследование.

Желаем вам благополучия. Уверены в успешном выполнении возложенного на вас поручения».

Далее следовали подписи начальника Приамурской комплексной экспедиции и профессора Черемховского.

— Мясо-то погорело! — вскричал Ставрук и побежал к костру.

Туда же подошли Судзуки и Петров.

—Мы попадаем в орбиту больших событий, — говорил Судзуки, — и оттого наши дела усложняются. Кстати, — обратился он к Петрову, — вы обратили внимание на первую фамилию — Дубенцов? Не тот ли это геолог, с которым вы проходили по этим местам?

— Я ничего не могу понять, — развел руками рыжий. — Насколько мне известно, тот Дубенцов был ликвидирован. Может быть, он выжил каким-нибудь образом? В таком случае мы имеем перед собой умного и сильного противника. Между прочим, мне знакома в этом письме и еще одна фамилия — профессора Черемховского. Он был знаменитым геологом еще тогда, когда я учился во Владивостоке.

— А я так смотрю, — заговорил Ставрук, счищая ножом обгорелую корку с большого куска оленьего мя-

са, — теперь нам бесполезно соваться туда. Ну, хорошо, уберем мы этих троих, — самое легкое дело, а там прилетят новые, а затем еще, глядишь, пришлют.

— Вы, любезный, мыслите, как типичный паникер, — перебил его Судзуки. — Я уже сказал, что задача наша усложняется, но не снимается. Мы располагаем оружием, которое сделает то, чего не сделает тысяча вооруженных людей. Мы заразим все прилегающие к озеру водоемы и само озеро. Мы не дадим возможности произвести ни одно исследование, пока это место не приобретет худую славу и не будет заброшено. Только после этого мы покинем район Красного озера.

Ставрук ничего не ответил, но видно было, что он остался при своем мнении.

— Что вы думаете, господин начальник, — заговорил Петров, — относительно посылки, о которой идет речь в письме? При нашем положении было бы весьма недурно заполучить ее.

— Будем ждать. Возможно, ее послали другим самолетом, либо привезут следующим рейсом.

— Потом поплывем по реке?

— Мы не должны рисковать. Гораздо благоразумнее идти пешком.

Так, с ожесточением жуя куски плохо прожаренного мяса, диверсанты в подробностях обсуждали план действий.

Глава третья

Плот идет по реке. — Что можно найти в зобу убитой цапли. — Тревожные предчувствия. — Счастливая находка. — Гадюка. — Ночная рыбалка. — Куда идет река?

В долине Безымянной, как называли наши путники неизвестную реку, еще стояла утренняя прохлада и лучи солнца лишь скользили по вершинам сопок, когда начались сборы в плавание. Поверх плота лежал большой ворох травы, и Дубенцов тщательно разбивал его, прикрывая выступающие жерди и узлы тальниковых связок. Потом траву накрыли кабаньими шкурами, дождевиками, устроив, таким образом, мягкий настил, на котором

можно было располагаться, как на ковре. Груз был сложен и аккуратно упакован на середине плота. Там его привязали к жердям, чтобы не свалился в случае сильного крена, накрыли палатками. На этом закончились последние приготовления к отплытию. Все взялись за длинные, гладко оструганные шесты, заменяющие весла на таежных реках. Лица разведчиков светились радостным возбуждением. К этому располагало все: и яркое утреннее солнце, брызнувшее золотом из-за сопки, и бодрящая прохлада, идущая от реки, и блеск и шум светлоструйных потоков, и упругий, легкий, послушный шестам плот под ногами, готовый мчаться в манящую даль.

По команде Пахома Степановича Дубенцов и Анюта разом уперлись шестами в берег и с силой оттолкнулись. Плот понесло. Упираясь шестами в неглубокое дно, Дубенцов и Пахом Степанович вывели его на середину реки, и течение помчало их с огромной скоростью. Скрылся за поворотом берег, приветливо приютивший усталых разведчиков, пошли, сменяя друг друга, новые живописные места.

Река плавно изгибалась в неширокой лесистой пойме, стесненной с двух сторон крутыми склонами сопок. Берега ее то прятались среди тенистых кущ тальника, зеленой стеной нависающих над водой, то тянулись песчаными косами, настолько чистыми и выглаженными, что хотелось прокатиться по ним; иногда поток устремлялся к подножию какой-нибудь сопки, ревел и пенился там среди обломков камней или бился об утес, вставший на его пути. В таких местах яростно закручивались водовороты, вода пучилась буграми, угрожая опрокинуть или утащить плот на дно. Но замечательная посудина почти не реагировала на эти опасные каверзы реки, легко и ходко мчалась вперед, управляемая твердой рукой Пахома Степановича. Попадались небольшие перекаты, песчаные отмели. Заломы из намытых коряг чередовались с тихими и спокойными местами. Плот безостановочно стремился вперед, нигде не задерживаясь.

На одном из крутых поворотов реки, обогнув тальниковую кущу, плот нагрянул на стадо серых цапель. Длинношеие, неуклюжие птицы спокойно и важно бродили по песчаной отмели на своих высоких и тонких ногах. Застигнутые врасплох, медлительные на взлете, они не успели

оторваться от воды, как плот очутился возле них. Птицы суматошно ринулись в разные стороны, смешались, хлопая друг друга длинными крыльями, обдавая ветром людей и едва не задевая их. Пахом Степанович, отмахиваясь шестом, сбил одну, остальные поднялись в воздух, рассеялись по долине, издавая истошные крики.

Подбитую птицу понесло течением. Разведчики налегли на шесты, чтобы догнать ее. Вскоре Пахом Степанович пригрудил мертвую цаплю шестом к плоту и достал ее из воды. Длинноногая, с тонкой длинной шеей и широким размахом крыльев, она была не так велика, какой казалась в полете, — тушка ее чуть-чуть побольше тушки кряковой утки. Зоб цапли был туго набит, и это заинтересовало Дубенцова. Он достал нож и вскрыл зоб. Там оказалось несколько маленьких лягушек, пескарь, много водяных жучков и одна неизвестная рыбка. Формой эта рыбка напоминала морскую колючку, обитающую у берегов бухт. Колючки обычно ходят там стайками. Но у этой рыбы колючек не было, да и голова оказалась тупой, тогда, как у морских экземпляров этого вида она заостренная.

На вопрос Дубенцова Пахому Степановичу, не знает ли он названия этой рыбы, таежник долго рассматривал ее, потом ответил:

— Любопытная штука, паря, никогда не видал такой. Так, думаю, что всю рыбу, какая водится в Амуре и в таежных реках, знаю, а такой не доводилось поглядеть. Что же это за диковина?

— Может быть, она из моря зашла? — высказала мысль Анюта. — Не в Японское ли море мы плывем?

Эта мысль всех встревожила. В самом деле, ведь может же случиться так, что эта неизвестная река принесет их в Японское море, в сторону, противоположную местонахождению лагеря Черемховского.

— По моему понятию, мы плывем по эту сторону хребта, по западную, — сказал Пахом Степанович.

— Это ничего не значит, Пахом Степанович, — возразил Дубенцов. — Долина может разрезать хребет...

Словно для подтверждения этих худших опасений, река повернула на восток. Долина стала шире, горы поднялись выше.

— Видать, напрасно мы позарились на легкую дорогу, — с сокрушением рассуждал Пахом Степанович. —

Надо бы идти нам сушей к закату. Маленько помаялись бы, зато, глядишь, к Хунгари выбрались бы... Может, и не про эту реку писалось в письме-то?

На обед плот причалил к песчаной косе неподалеку от подножия высокой сопки. Посоветовавшись, решили, что Анюта начнет готовить обед, а Дубенцов с Пахомом Степановичем взберутся на вершину сопки и оттуда осмотрят окрестности — не удастся ли обнаружить где-нибудь поблизости другую реку. Через час они возвращались усталые, разморенные жарой. Никаких признаков другой реки обнаружить не удалось. Они спускались по крутому склону, потом свернули в глубокий распадок, чтобы облегчить себе спуск по его дну. До реки оставалось не более сотни метров, когда они встретили шумный ключ, выбивающийся из-под каменной глыбы. В полумраке глубокого распадка, среди хаоса упавших стволов и буйных зарослей светлый родник под каменной глыбой журчал как-то особенно таинственно, манил к себе усталых путников.

— Попьем-ка ключевой водицы, — предложил Пахом Степанович.

Они присели на камнях, поочередно приложились к воде, образовавшей хрустально-прозрачную лужицу среди щебня и песка. Напившись, Дубенцов запустил руку в лужицу, достал со дна песку, долго рассматривал его, растирая на ладони.

— А знаете, Пахом Степанович, — сказал он, не отрываясь от своих занятий, — эта река проходит по настоящей кладовой гор. Вчера мы нашли медный колчедан и свинцовый блеск, а теперь вот обнаруживается и молибден. Видите эти темно-серебристые крупицы?

Он протянул ладонь таежнику, и тот долго рассматривал на ней песок.

— Это что же, дорогая штука? — спросил Пахом Степанович, взяв в руки несколько крупинок и рассматривая их.

— Очень дорогая, Пахом Степанович. Маленькая доза молибдена, примешанная к стали во время ее варки, придает металлу высокую прочность. Видите, какие богатства запрятаны по таким вот распадкам среди тайги! Когда мы обследуем все эти глухие углы, мы окажемся во много раз богаче, чем сейчас.

Они навыбирали добрую пригоршню крупиц молиб-

дена и стали спускаться к реке. Распадок выходил к реке вблизи косы, у которой остановился плот. Анюту они застали копающейся в песке. Девушка перемывала его в котелке и так увлеклась своими занятиями, что не заметила, как подошли Дубенцов и Пахом Степанович. Заслышав их шаги, она с испугом обернулась и тотчас же воскликнула:

— Можете поздравить себя — обнаружено месторождение молибдена! Видимо, с песком вынесен из распадков этой сопки.

— Определение безошибочное, — торжествующе ответил Дубенцов, извлекая из кармана полную горсть молибденового песка.

— И вы нашли?! Скажите, как нам везет! Ей-богу, стоило ради этого заблудиться!

Мясо в котелках переварилось, бульон почти весь выкипел, но это нисколько не огорчило разведчиков — до того рады были все находке.

После обеда, сделав описание местности, разведчики снова пустились в путь. Находка так подняла у них настроение, что они уже не огорчались теперь, что плывут по неизвестной реке. Пусть несет река их хоть в Японское море, они теперь не с пустыми руками.

— Плохая примета! — сказал вдруг Пахом Степанович, вглядываясь вперед. — Гадюка дорогу нам переходит...

Дубенцов и Анюта увидели на воде извивающуюся бороздку. Они налегли на шесты, направляя плот наперерез гадюке. Завидев опасность, змея свернулась в клубок и высоко подняла голову с обнаженным жалом. Пахом Степанович с ожесточением ударил по ней шестом. Гадюка стала извиваться, но скоро захлебнулась и пошла ко дну.

— Так-то будет спокойнее на душе! — сказал таежник.

В течение дня река три раза меняла направление. Плот несло сначала на восток, затем на юго-восток, на юг. Теперь, под вечер, она повернула на запад, горы отступили от ее берегов, образовав довольно широкую пойму. Весь день Дубенцов описывал берега реки, рисовал контуры отложений.

Незадолго до заката черные тучи сумрачным пологом

стали затягивать небо. Вот они закрыли все небо, и скоро сумерки плотно сгустились над долиной. Плот плыл лабиринтами и заводями, петляющими по дну широкой котловины между лесистыми островками.

— Тут и остановимся, — сказал Пахом Степанович.— Ночью будем лучить рыбку — шибко удобное место.

— А что это значит — «лучить»? — заинтересовалась Анюта.

— Долго рассказывать, Анна Федоровна. Вот будем лучить — поглядишь.

Плот причалили к берегу, усеянному галечником. Пахом Степанович поторапливался: до наступления дождя, который собирался в ночь, нужно было добыть рыбы. Анюта немедленно принялась готовить ужин, а Дубенцова Пахом Степанович пригласил с собой. В лесу таежник отыскал сухой ствол кедра, осмотрел его, постукал топориком и принялся подрубать.

— Этого мало будет, паря, бересты еще нужно заготовить, — сказал Пахом Степанович Дубенцову, когда они принесли к костру срубленное дерево.

В чаще они нашли березы и принялись снимать с них кору. К плоту они вернулись с тяжелыми связками бересты и с тальниковыми лыками, надранными по пути.

— Теперь давай вязать факелы, — сказал Пахом Степанович, берясь за дело, — до ужина наработаем их, а после ужина отправимся за рыбой.

Работа спорилась. Сначала они сделали пять факелов из сухой древесины кедра: расщепляли ствол на тонкие длинные лучины, укладывали их пучками в метр длины и сантиметров в десять толщины и каждый такой пучок туго перевязывали в трех местах лыками. Потом принялись за березовую кору. Они резали ее на ленты в ладонь шириной, складывали в такие же, как из кедровых лучин, пучки и так же туго перевязывали лыками. Тем временем стемнело. Пахом Степанович взял один из пучков, поджег с одного конца, и факел вспыхнул ровным пламенем, как большая свеча. Он отнес его на плот и там насадил на острый шпиль у руля, как ставят свечу на подсвечник.

При свете факела и костра они поужинали. Перед тем как отправиться «лучить» рыбу, таежник извлек из своего мешка трезубую острогу и крепко набил ее топориком на шест. Длинный тонкий шнур, привязанный к остроге,

он туго обмотал вокруг древка — шнур страховал рыболова от потери трезуба в случае, если рыба сорвет его с шеста.

— Поехали! — скомандовал Пахом Степанович.

Долина и река уже исчезли под темным пологом ночи. Над головой в прояснившемся небе смутно мерцали звезды, туманной дорогой средь них белел Млечный Путь. Но на западе черным провалом зияла темень туч, иногда там вспыхивали красные отсветы молний, глухо и тревожно прогромыхивал гром. А вокруг в таинственной тишине ночи робко шептались листья деревьев, вкрадчиво перезванивали и журчали кое-где потоки воды. Изредка из лесной дали доносился одинокий тоскливый крик какой-то птицы: «Га-ах! Га-ах!»

Свет факела приподымал завесу темноты вокруг плота, проникал в черную толщу воды до самого дна; там, в мутном, загадочном полусвете, возникали заиленные камни, замытые бревна, водоросли. Вспугнутые неожиданным и непонятным явлением, рыбешки тотчас же цепенели, как только яркий луч света падал на них. Они были мелки и не привлекали внимания Пахома Степановича, застывшего с настороженной острогой. Но вот из темноты появилась рыба покрупнее — то был хариус. Свет сковал его движения. С быстротой молнии метнулась острога в воду, и Пахом Степанович поднял в воздух рыбу, трепыхавшуюся на трезубце.

— Мелочь, — равнодушно заметил таежник. — Нужно поискать заводь потише. По ночам рыба собирается туда отдыхать.

Плот заплыл в широкую заводь, образующую почти озеро со стоячей водой.

— Шибко хорошее место, — вполголоса проговорил Пахом Степанович и напряженно стал всматриваться в глубину воды, держа наготове занесенную острогу. Стремительный взмах шеста, и на плоту забился крупный ленок.

Заводь действительно оказалась удобным местом для «лучения» рыбы. Больше часу плот неслышно бороздил ее тихую поверхность. За это время Дубенцов сжег пять факелов, а на плоту появилось десятка два крупных ленков. Возле неширокой проточки, соединяющей заводь с одним из наибольших рукавов реки, Пахом Степанович подал знак Дубенцову и Анюте, чтобы они остановили

плот. Плот замер вблизи коряги, причудливо поднявшей над водой мертвые сучья, похожие на щупальцы спрута. Пахом Степанович долго вглядывался в воду и вдруг зашипел с такой яростью, с какой шипел при встрече с дикими кабанами у озера. Дубенцов и Анюта послушно замерли, напряженно вглядываясь в полумрак глубины, а таежник, изогнувшись весь, словно хищник перед прыжком, медленно заносил острогу вверх.

В первую минуту молодые геологи ничего не могли заметить в туманной глубине стоячей воды; там лишь обозначались затонувшие бревна, покрытые илом коряги. Но вот они ясно увидели: одно «бревно» немного изогнулось, слегка взмутив воду и снова выпрямилось. Казалось, в воде ворочается какое-то чудовище. Потом неожиданно «бревно» сдвинулось с места, оторвалось ото дна и с сонливой медлительностью вышло на хорошо освещенное место.

— Бейте, Пахом Степанович! — прошептал Дубенцов, но трезубец остроги уже был под водой, молнией пронизав воздух и толщу воды. Сильно качнув плот, Пахом Степанович яростно налег на шест, давя его вниз. Видно было, что какая-то могучая сила рвет, дергает острогу в разные стороны. Вокруг вся вода была густо взбаламучена, но таежник всей своей богатырской силой держал острогу у дна. Эта борьба продолжалась довольно долго. Наконец древко перестало дергаться, и Пахом Степанович с осторожностью стал тащить добычу наверх. Когда она всплыла, Дубенцов и Анюта прибагрили ее к плоту и вытащили из воды.

Рыба удивительно походила на бревно. Более метра длиной, она была прямая и ровная, с приплюснутой головой и тупым хвостом, с короткими и широкими плавниками.

— Фу!.. — облегченно вздохнул возбужденный таежник. — Вот так рыбка!

— Что это за рыба? — спросила Анюта.

— Таймень самый и есть, Анна Федоровна. Помните, я обещал вам добыть? И силен же!

— Пахом Степанович, дождь скоро пойдет, да и рыбы нам хватит на целую неделю, — заметил Дубенцов, — не пора ли на ночлег выбираться?

— Я все хочу, Виктор Иванович, найти хотя бы одну амурскую белорыбицу, — ответил таежник, — да вот все

Дубенцов и Анюта замерли, вглядываясь в полумрак глубины, а старый таежник медленно заносил острогу вверх.

никак не попадается. Ежели река впадает в Амур, то оттуда в нее за лето может зайти верхогляд, щука, амур или сазан. Но почему-то не попадают они...

Почти до полуночи бродил плот таинственным призраком по темным лабиринтам неизвестной реки. Пахом Степанович уже не метал острогу в каждую рыбину — добыча и без того была богатой. И лишь когда наполовину сгорел последний факел, пришлось причалить к берегу на ночлег. К этому времени стал накрапывать дождь, беспокойно зашумел лес от порывистых ударов ветра. Под кудрявыми кронами кленов разведчики выбрали укромное место для ночлега. Пахом Степанович натянул палатки.

За коротким ужином Анюта спросила старого таежника:

— Каково же ваше заключение, Пахом Степанович, какая это река?

— В Амур она не должна впадать, — отвечал тот: — нет тут амурской рыбы.

— Может быть, где-нибудь на реке есть водопад, и рыба не может преодолеть его?

— Разве уж очень высокий, — согласился Пахом Степанович. — Ежели метра два—три, то сазан его берет. Это такой прыгун, что бывало на корму парохода заскакивал.

— Выходит, положение наше снова далеко не завидное? — спросила девушка.

— Я не считаю его таким, Анюта, — возразил Дубенцов. — Ей-богу, стоит попасть в такое незавидное положение, чтобы оказаться в столь интересном районе с точки зрения геологии.

— А может быть, нам пойти пешком на Амур? — спросил Пахом Степанович.

— Ни в коем случае, — решительно сказал Дубенцов. — Мы всегда успеем прийти туда, тем более, что теперь в лагере известно, что мы живы. В крайнем случае, самолет снова разыщет нас, поскольку в письме шла речь о реке.

Пожалуй, один Дубенцов лег спать в эту ночь с бодрым настроением. А по палаткам всю ночь, нагоняя тоску, скучно и однообразно барабанил унылый дождь.

Глава четвертая

Погода улучшилась. — Охота за козулями. — Царство пернатых. — Редкое зрелище. — Росомахи.

Утром погода оставалась пасмурной, моросил дождь. Но путники продолжали плавание. Сомнения и дурная погода действовали угнетающе на Анюту — она стала скучной, неразговорчивой. Невесело было и на душе у Пахома Степановича. Таежник продолжал утверждать, что лучше всего заблаговременно отказаться от реки и идти пешком через тайгу на запад, к Амуру. Только Дубенцов не утратил своего оптимизма и решимости плыть по реке. Он подбадривал своих приунывших спутников, убеждал их, что они делают государственное дело, обследуя неизвестный в геологическом отношении район, который несметно богат ископаемыми.

Вскоре дождь прекратился, тучи быстро стали подыматься, и в их разрывах нестерпимо ярко заголубело небо. Ослепительно засияло солнце, ярко заиграли краски тайги. Долина стала снова суживаться, река вошла в одно русло, по берегам пошли крупные обрывы и скалы.

В полдень путники увидели неподалеку впереди огромную каменную глыбу. Она когда-то откололась от крутого склона сопки и, накренившись, сползла в реку до самой ее середины, наполовину перепрудив русло. На вершине глыбы зеленели мелкие деревца и трава.

Всматриваясь в глыбу еще издали, Дубенцов вдруг воскликнул:

— Смотрите, на вершине пасутся какие-то животные! По-моему, козули, желтые...

— Так и есть, они, — ответил посветлевший старый таежник. — Ценная животина! Вкуснее мяса не встречал.

— Давайте попробуем пострелять, Пахом Степанович, — предложил Дубенцов. — Свинина уже кончилась, а рыба быстро протухнет. Дня на два можем запастись мясом. Тем более, что не знаем, куда нас несет река.

— Нет, паря, проку не будет, далеко...

— Но как они очутились там? — удивлялась Анюта.— Склоны-то отвесные, а трещина между сопкой и глыбой— целая пропасть.

— Эти хоть куда залезут, чтобы только безопасное место было от хищника, — ответил Пахом Степанович. —

Попробуем, паря, подкрасться к ним вон с той стороны,— вдруг живо, с азартом предложил он.

В четверти километра от глыбы они причалили к берегу. Оставив Анюту с Орланом, охотники стали карабкаться на лесистую сопку, чтобы нагрянуть на свою добычу с «тыла». Скоро сквозь редкие березы стала видна вся долина. Камень, на котором паслись козы, был хорошо виден. Животные — их было три — стояли с настороженно вскинутыми головами и смотрели в ту сторону, где причалил плот.

Пахом Степанович и Дубенцов стали взбираться еще выше, чтобы кружным путем подобраться к глыбе. Наконец они остановились на покатом выступе. Пахом Степанович сказал вполголоса:

— Будем с двух сторон подкрадываться: ты — справа, а я — с этой стороны, так вернее прижать их.

Дубенцов неслышно и быстро спустился по косогору и очутился неподалеку от глыбы. Между деревцами на ее вершине, отделявшейся от сопки глубокой пропастью, показались козы. Геолог ползком двинулся к краю пропасти и вскоре очутился метрах в пятидесяти от животных. Козы по-прежнему стояли на месте. Маленькие красивые головы их с большими черными глазами пугливо вертелись по сторонам, длинные чуткие уши слегка шевелились, ловя звуки.

Стройные, изумительно грациозные, эти пугливые и безобидные существа пробудили в душе Дубенцова жалость. Он смог сейчас выстрелом подбить любую из козуль, но рука не подымалась. Вспомнив о том, что Пахом Степанович вот-вот должен выстрелить, Виктор решил вспугнуть животных. Нащупав сухую валежинку, он с треском переломил ее. Козули моментально повернулись к сопке. Один миг — и они разом метнулись к краю обрыва. Поджав передние ноги и запрокинув назад головы, они, как птицы, перелетели через пропасть. Но уже прогремел выстрел Пахома Степановича, и одна из коз сникла, утратила грацию, отстав в полете от других. Она исчезла где-то перед краем пропасти, не долетев до сопки.

Удрученный Дубенцов спустился в расщелину. Козуля лежала на камнях, неуклюже свернувшись. В открытых оливковых глазах ее еще светился предсмертный испуг.

— Красавица, — сказал, подходя, Пахом Степанович

и с подозрением взглянул на Дубенцова. — Сук-то нарочно сломил, Виктор Иванович?

Дубенцов смущенно улыбнулся.

— Жалко стало, Пахом Степанович, — признался он. — Но как вы заметили?

— Сейчас замечаю. Да и то сказать, не мог ты невзначай сломать сук: ты осторожный на охоте, как кошка. Сказал бы, что не надо убивать, я бы тоже пожалел. Да только зряшная эта жалость. Не мы, так хищник растерзал бы рано или поздно...

Пахом Степанович навалил убитую козу на спину, и они стали спускаться по глинистой осыпи к реке. Снизу от подножия камня сюда долетал глухой и грозный шум воды. Из-за скалистого утеса глыбы показался широкий водоворот.

— Местечко-то опасное, — кивнул Пахом Степанович.

Они подумали вызвать сюда плот, но побоялись, что Анюта одна не справится с течением и ее утащит в водоворот. Каково же было их удивление, когда, выйдя из лесу, они увидели неподалеку плывущий сюда плот. Девушка спокойно работала шестом. На носу плота беззаботно и доверчиво восседал Орлан, привыкший к плаванию и чувствовавший себя на плоту хозяином.

— К берегу, к нашему берегу ближе держись, Анюта! — крикнул Дубенцов. — Иначе унесет, тут сильное течение и водоворот!

Но течение уже тащило плот на середину реки, увлекая его на главный фарватер, образующий перед глыбой огромную воронку. По тому, как Анюта с излишней суетливостью стала опираться шестом то с одной, то с другой стороны, видно было, что она начинает теряться. Но потом она осмотрелась — видимо, разобралась в направлении стремнин — и быстро перебежала на носовую часть плота. Между тем дно становилось все глубже: шест сначала наполовину, потом почти весь скрылся в воде. Однако девушка теперь не терялась, и плот все больше отворачивал с главной стремнины к берегу. Наконец, под одобрительные возгласы Пахома Степановича и особенно Дубенцова Анюта подвела плот к берегу метрах в пятидесяти от водоворота. Возбужденное лицо ее разрумянилось, шляпа съехала на затылок, девушка сияла от радости.

— Еще два—три таких экзамена, и ты станешь заправским плотогоном, — смеялся Дубенцов.

— Да, если угодно знать, я нисколько не испугалась вашего водоворота, — ответила задорно Анюта. — Мне уже хотелось пустить плот туда, да пожалела вас, — высоковато было бы вам перелезать по расщелине. Да и берег там не знаю какой...

— Ишь, как расхрабрилась!

— Не все же вам, природным дальневосточникам, отличаться, — смеялась девушка. — А какая хорошенькая! — воскликнула она, увидев козулю. — Зачем вы ее убили!

— Тайга не для вегетарианцев, и мы не в музее изящных искусств, — внушал ей Дубенцов. — Какая разница — мы ее убили или растерзал бы ее кровожадный хищник.

При этих словах геолога Пахом Степанович искоса посмотрел на Дубенцова и тихонько улыбнулся в бороду.

Охотники быстро освежевали козу, часть мяса отдали Орлану, остальное завернули в лопухи и забрали с собой. Плот снова закачался на потоках. Его очень быстро понесло к водовороту, прямо к стене утеса. Метра за два от каменной стены неведомая сила стала поворачивать его и кренить. В таком положении он вдруг устремился к камню, еще сильнее накренившись, но три шеста с силой уперлись в обрыв. Путники стали проталкиваться в сторону фарватера. Борьба продолжалась недолго — течение вдруг рвануло плот и помчало его прочь от воронки вокруг утеса. Он стремительно пронесся по узкому проходу вдоль каменной глыбы и вскоре оказался на спокойном, ровном и тихом потоке далеко от глыбы, где река снова стала шире.

Незадолго до обеденной остановки, когда река шла в лесистой неширокой пойме, глухое рычание Орлана заставило всех насторожиться. Неподалеку вскочили два изюбра, лежавших в траве у берега. Красновато-бурые крупные олени с ветвистыми рогами, на миг вскинув головы, вдруг сорвались с места, поняв опасность, и в мгновение ока исчезли в чаще. Они так легко и грациозно мчались, что охотники, любуясь ими, забыли о своем оружии.

В этом месте долина реки Безымянной имела особенно живописный вид. На дне ее лежала неширокая пойма, вероятно давно уже незатопляемая и потому покрытая крупным лиственным разнолесьем. Река имела одно русло, но сильно петляла. Кое-где попадались большие заво-

ди, образовывались полуостровки. Склоны сопок по бокам долины почти везде были обрывисты, с огромными скалами. Их разрезали бесчисленные распадки-ущелья, из которых бежали в Безымянную ручьи. Видимо, здесь были хорошие кормовые места для дичи, потому что она стала попадаться на каждом шагу. То и дело с заводей подымались стаи крикливых цапель. В одном месте со скалы поднялись два орла-белохвоста. Расправив могучие крылья, они долго кружили над рекой, сопровождая плот.

В одной из заводей путники увидели несколько выводков утят. Расправив еще не окрепшие крылья и быстро работая лапками, утята изо всех сил старались убежать от плота по течению реки. Впереди них бежали матерые кряквы, не решаясь оставить на произвол судьбы свое потомство. Позади этого убегающего табуна кипела и пенилась вода. Но вот плот стал настигать птиц. Один миг — и весь табун исчез: утята ушли под воду. Несколько минут они не показывались совсем. И только когда плот ушел довольно далеко, они стали по одному выныривать позади плота.

Но самое любопытное случилось наблюдать нашим путникам под вечер. Сопки здесь разошлись полукругом, образовав котловину, похожую на воронку от исполинского взрыва. Перед входом в котловину в русло реки вдавался высокий полуостровок, поросший густой травой. По берегу его бегали какие-то животные. Они мелькали в траве, показывая лохматые бурые спины. Плот причалил к берегу, чтобы лучше разглядеть, что происходит на полуостровке.

— Давайте-ка на этот утес, — показал Пахом Степанович и первым полез на него. — Сильно не высовывайтесь, заметят, — сказал он, когда все были на вершине камня.

Перед ним была сцена, которую не доводилось раньше наблюдать даже такому бывалому таежнику, как Пахом Степанович.

Полуостровок соединялся с материковым берегом узким песчаным перешейком. Видимо, гонимые гнусом или спасаясь от хищников, сюда забрели четыре кабарги. Но здесь их настигли две росомахи. Они удивительно распределили роли: одна осталась на перешейке, преградив путь для отступления кабарожек, другая охотилась за ними на полуострове.

Толстой лохматой росомахе никак не удавалось настигнуть кабарожек. Хищница старалась загнать хотя бы одну из них на перешеек. Тонкие и грациозные кабарожки, почти вдвое меньше козули, но еще более подвижные, делали головокружительные прыжки и птицами метались по полуостровку. Вот росомаха отбила одну из них от стада, прижала ее к воде, кабарга тревожно бросилась на песчаную косу, но дальше — вода. Заметавшись в панике, она едва не угодила в лапы росомахи, но вдруг с такой стремительностью сделала скачок вверх, что хищница не успела даже повернуться, как кабарожка перелетела через нее. Росомаха на минуту остановилась — видимо, отчаявшись в своих попытках поймать добычу. Кабарожки столпились на краю полуостровка, пугливо озираясь. Хищница снова устремилась на них, и охота возобновилась.

— Почему они не прыгают в воду? — взволнованно спрашивала Анюта.

— Нельзя, росомахи лучше их плавают, — ответил таежник.

— Освободите их, Пахом Степанович, — просила девушка.

— Уж я и сам думаю. Бей ту, паря, которая на перешейке, — сказал таежник Дубенцову, — а я сниму эту.

С приятным чувством возмездия взял Дубенцов на мушку хищницу, сидящую на перешейке. Дым от двух выстрелов закрыл на секунду все перед глазами, но со скалы удалось разглядеть, как кабарожки сначала заметались по полуостровку, в одно мгновение перелетели перешеек и скрылись в лесу. Росомахи остались там, где их настигли пули.

По просьбе Анюты разведчики по пути остановили плот у полуостровка, чтобы взглянуть на росомах. Старый таежник питал острое отвращение к этим хищникам.

— Подлее животины нет в тайге, — говорил он. — Самая прожорливая, самая шкодливая подлость. Если бы она не пожирала детей у сохатого, изюбра, козули да кабарги, сколько бы этого полезного зверя наплодилось в тайге!..

Росомаха на перешейке лежала, откинув пушистый хвост и вытянув короткие толстые ноги. Бурая, лохматая, с белыми пахами, она напоминала крупную собаку, и в то же время в ней было какое-то сходство с медведем.

Вокруг нее распространялось острое зловоние, и Пахом Степанович отказался снимать шкуру со зверя.

В этот день они проплыли еще лишь два—три километра. По берегам Безымянной пошли очень интересные обнажения, и плот то и дело приставал к берегу, геологи записывали свои наблюдения, составляли геологическую карту пройденного пути. Однако в этот день ничего интересного не было найдено. Находки ожидали их впереди, а до того Безымянная уготовила разведчикам довольно неприятный сюрприз.

Глава пятая

Перекаты. — Безымянная в ущелье. — На волоске от гибели. — Последние пороги.

Едва проплыли наши путники с километр от места ночлега, как долина Безымянной стала сильно суживаться. Стиснутая скалами, река стремительно несла свои воды. Повсюду в пене торчали обточенные водой камни, острые обломки скал. Перед путниками лежала нескончаемая цепь перекатов. Грозно шумели стремнины и водовороты. Но больших уклонов на перекатах не было видно, и разведчики пустились по бурному потоку.

Несколько первых перекатов плот миновал благополучно. Правда, возле одного большого камня глубина помешала воспользоваться шестами, а рулем невозможно было своевременно отвернуть плот в сторону. Стремительное течение потащило плот на камень. Анюта, научившаяся действовать рулем, взяла его из рук Пахома Степановича. Мужчины схватились за шесты, чтобы предотвратить надвигающийся удар. Но тревога оказалась напрасной: течение само повлекло плот в сторону, мимо камня.

Однако главная опасность поджидала путников впереди. Долина реки, суживаясь все более, превратилась скоро в ущелье. Перекатов не стало, так как уровень воды в реке, стиснутой отвесными обрывами, поднялся так высоко, что шесты едва доставали дна. Скорость течения катастрофически увеличилась. И тут-то Безымянная подготовила нашим путникам сюрприз.

То, что открылось их взору, могло внушить страх самому мужественному сердцу. Круто изогнувшись, ущелье почти наполовину сузилось, зажав реку между отвесными стенами головокружительной высоты. Вода с ревом входила в горловину и дальше за поворотом делала не крутой, но довольно высокий спад. Но прежде чем попасть на спад, мощный стремительный поток ударялся в стену правого берега. У подножия обрыва дыбился залом из множества коряг, гнилых бревен, кустов тальника, где-то сорванных водой и принесенных сюда. Перед заломом был огромный водоворот, в котором вода гудела и пенилась, пучилась и проваливалась. А далее, вырвавшись из-под залома, она мчалась по спаду, беснуясь, словно разъяренный зверь.

Остановить плот было уже невозможно: берега отвесно опускались в воду. Лишь кое-где виднелись обломки скал. О том, чтобы возвращаться назад, не могло быть и речи: преодолеть течение не было никакой возможности. Оставался единственный выход — спускаться по течению, идя на риск.

Чем ближе плот подплывал к горловине, тем яснее становилась грозная обстановка. Но как только взору открылся весь изгиб, все сразу заметили, что под левым берегом перед спадом образовалась как бы заводь. Вода ходила здесь по кругу более или менее спокойно, отражаясь от залома под правым берегом. Следовательно, залом можно было миновать. Но для этого надо было вовремя оторваться от быстрого потока в фарватере, прибиться к левому берегу, чтобы попасть в заводь. Здесь, преодолевая легкое противное течение, идущее по кругу между заломом и левобережной стеной, можно пробраться вдоль обрыва в трех—четырех метрах от залома. И хотя дальше начинался уклон, видимый простым глазом, он уже не казался таким опасным, как водоворот у залома.

Анюта и Дубенцов молча взглянули на Пахома Степановича. Таежник мрачно смотрел вперед.

— Пахом Степанович, командуйте, — предложил Дубенцов.

— Будем прибиваться к левому берегу, — проговорил Пахом Степанович. — Мы с тобой, Виктор Иванович, будем орудовать шестами с правого борта, Анна Федоровна — на руль. Гни доотказа влево. Без моей команды ничего не делать.

Без большого труда они подогнали плот к левому берегу. До поворота осталось метров тридцать—сорок. Течение все усиливалось. Вода в заломе гудит, сотрясая воздух. Кажется, что дрожат даже скалы. Левый берег, под которым идет плот, становится гладким — ни одного выступа, за который можно бы зацепиться. Течение начинает все сильнее оттаскивать плот от берега на фарватер. Шесты едва достают дна.

— Держи-и-и!.. — гремит голос таежника.

Он мрачен и весь напряжен. Метр-другой — и шесты не достают дна. Анюта, закаменевшая у руля, бессильна что-либо сделать. До залома осталось меньше двадцати метров. Расстояние между плотом и левым спасительным берегом быстро увеличивается — плот идет к залому...

— Пахом Степанович! — кричит Дубенцов. — Разрешите мне в воду! Попробую руками провести плот вдоль берега вброд!

— Валяй, паря! Я сам хотел, да ты попроворнее. Прыгай быстренько, я подам тебе шест, попробуешь подтянуть нас.

В один миг Дубенцов очутился у берега. Вода ему чуть выше пояса. Еще одна секунда, и плот уйдет дальше, но Пахом Степанович успел протянуть шест, и Дубенцов крепко вцепился в него. Некоторое время сильное течение тащит плот и самого Дубенцова. Горная вода холодна, как лед. Ноги и все тело Дубенцова дрожат от напряжения. Все отлично понимают: ступи он один шаг от берега, и его поглотит глубина...

Геолог не мог больше стоять на ногах: течение подбивало их. Тогда он лег в воду и одной рукой намертво вцепился в подводный камень, а другой закаменел на конце шеста. Наступила решающая секунда. Дубенцов, кажется, скорее был готов разорваться надвое, нежели выпустить из рук шест, а стало быть и плот.

— Тяни! Тяни, сколько есть сил! — подбадривал его могучий голос Пахома Степановича. — Тяни, наша берет!

И плот действительно подается к берегу. Вот он все ближе, ближе. Течение сносит его, но сила Дубенцова уже преодолела силу воды. Он уже может переступать, находя достаточно устойчивости. Наконец плот у обрыва. Пахом Степанович застремил конец шеста в трещину в каменной стене.

— Ну, силен же ты, паря!.. — одобрительно и возбужденно говорит он. — Каменная прямо рука у тебя!

— Постоим, Пахом Степанович, пусть Виктор отдохнет, — предложила Анюта. — Он, наверно, совсем закоченел, вон какие синие губы...

— Верно, нужно маленько постоять, шест крепко держится в трещине, — согласился таежник. — Залезай, паря, на плот. Замерз?

— Жарко, Пахом Степанович, — отвечал Дубенцов, залезая на плот и дрожа всем телом.

Только теперь Анюта, влюбленно оглядывая друга, заметила, что у Дубенцова не только синие губы, но и бледное лицо, глаза налились кровью и лихорадочно поблескивали. Он некоторое время сидел молча, глядя куда-то в пустоту.

— Тебе плохо, Витя? — спросила девушка, склонившись к нему. — На тебе лица нет.

— Очень перепугался, Анюточка. Думал, уже все пропало. Понимаешь, если бы плот попал в эту пучину под заломом, его могло бы легко перевернуть, а вас затянуть под коряги. Я никогда в жизни не испытывал такого леденящего страха...

Он взял ладонь девушки, которую она приложила к его лбу, крепко пожал ее своими цепкими, загрубелыми пальцами. Смуглое, осунувшееся как-то вдруг, его лицо стало румянеть, сделалось свежее.

— Черт бы ее взял, эту Безымянную! — выругался он. — Нет, теперь уж шабаш! Если благополучно проскочим эту горловину, то так опрометчиво не будем пускаться. Будем просматривать путь в подозрительных местах, по крайней мере, на километр вперед. Это хорошо, что здесь нет водопада, а если бы водопад?.. Ни взад, ни вперед. Вот о чем, наверное, предупреждали нас в письме!

До залома оставалось еще метров десять.

— Багор бы нам, — рассуждал Пахом Степанович, внимательно рассматривая путь. — Вон вверху удобные выступы. Цеплялись бы за них и, глядишь, пробрались бы под этим берегом.

— А давайте мой топорик прикрутим к концу шеста, — предложил Дубенцов. — Будете цепляться пяткой, а я буду вдоль берега идти и тащить плот. Авось, не оторвет нас.

— Пожалуй, это верно. Держи-ка плот.

Он передал шест Дубенцову, а сам быстро привязал рукоятку топора к концу другого шеста. Сейчас же таежник и испытал это приспособление. Получилось неплохо.

— Настоящий багор! — воскликнул он весело. — Когда голова есть на плечах, никакое лихо не страшно! Ну, отдохнул, паря? Пошли!

Дубенцов спрыгнул снова в воду и потащил плот вдоль обрыва. Пахом Степанович помогал ему, цепляясь пяткой топорика за выступы камней. До залома оставалось не более пяти метров, когда Дубенцов взмахнул руками и скрылся под водой. Испуганный происшедшим, Пахом Степанович упустил выступ из-под пятки топорика. Плот остался на воле течения. Он уже был на краю заводи, которая медленно кружилась между заломом и обрывом левого берега. В этом месте течение как раз шло от обрыва к фарватеру, ударяющемуся в залом. И когда плот потащило туда, вынырнул Дубенцов.

— Дна нет! — крикнул он.

— Залезай на плот, бери шест! — кричал Пахом Степанович. — Все за шесты! Толкайтесь к залому!

Дубенцов вмиг очутился на плоту, и все разом уперлись шестами в левый берег, направляя плот к залому. В эту минуту лишь Пахом Степанович понимал смысл этого маневра. Плот двинулся поперек заводи, к залому. Но он нацеливался не выше большого водоворота, а ниже, где виднелась боковая стремнина, направляющаяся мимо залома. Попасть на эту стремнину и таким образом миновать большой водоворот и залом — в этом был расчет старого таежника.

Боковая стремнина подхватила плот и секунду тащила на залом. Три шеста нацелились в эту сторону, готовясь оттолкнуться от коряг. Но этого уже не потребовалось. Стремнина понесла плот возле самых коряг, и залом остался позади. Кипящие потоки на самом крутом спаде реки с головокружительной быстротой помчали путников прочь от опасного места.

— Молодцы! — горланил Пахом Степанович, бросаясь к рулю.

Плот теперь шел по спокойному течению, но река снова сделала поворот, и впереди показалась новая цепь перекатов. Среди них виднелись пороги. Долина расступилась, берега реки стали пологими.

Неподалеку от перекатов путники решили пристать к берегу. Пахом Степанович и Дубенцов забрались на ближайший утес, чтобы осмотреться. Цепь перекатов оказалась не длинной, она вся была на виду. Но она изобиловала порогами и камнями, поднимающимися над водой.

— Маленько попыхтеть придется, — сказал Пахом Степанович Дубенцову. — Главное, не наскочить бы на подводный камень или на корягу. У нас, паря, есть веревка. Мы с Анной Федоровной, однако, пойдем по берегу, а ты будешь командовать на плоту.

Вернувшись к плоту, они укрепили на нем все имущество так, чтобы в случае сильного крена ничего не упало в воду. Пахом Степанович привязал к корме плота длинный шнур, на который в свое время привязывал мерина, и они с Анютой были готовы идти по берегу бечевой. Анюта с тревогой посмотрела на Дубенцова, когда он всходил на плот, вооружившись шестом.

Плот отошел от берега. Течение подхватило его и, как струну, натянуло шнур. Упираясь ногами в сыпучий, отполированный щебень берега, Пахом Степанович и Анюта медленно пошли вперед. Дубенцов проворно орудовал шестом, не давая плоту ни слишком удаляться от берега, ни приближаться к нему.

Начались перекаты. Путники медленно преодолевали их один за другим. Дубенцов ловко лавировал между камнями, подавая команду отпускать или придерживать плот. Но вот показался первый порог. Геолог лег на плот и крикнул, чтобы дали полную слабину шнуру. Получив свободу, плот ринулся к порогу и, словно пробка, перескочил через него — вода даже не перелилась поверх плота. Этот способ был применен при преодолении и остальных порогов, и вскоре цепь перекатов и порогов осталась позади.

Дальше долина стала, как и прежде, широкой и прямой. Безымянная текла спокойно в просторной пойме.

Путники остановились на обед — все сильно проголодались, борясь всю первую половину дня с опасностями. Но молодым геологам первая половина дня принесла не только опасности. Дубенцов и Анюта в одно и то же время за обедом заговорили об интересных породах в районе перекатов и особенно у залома, где они видели типичные

контактовые роговики, многочисленные дайки аймитов, граниты, какие-то сильно метаморфизованные эффрузивы.

На совете за обедом было решено использовать вторую половину дня на геологическую рекогносцировку этого района. Тем временем Пахом Степанович решил починить плот, который изрядно порастрепало на порогах.

Глава шестая

Район, привлекший внимание геологов. — Первая находка. — — Расчет Дубенцова. — В глухом распадке. — Новое объяснение. — «Музыкальная натура». — Взгляд в будущее.

Отдохнув с полчаса после обеда, Дубенцов и Анюта вооружились геологическими инструментами и вышли к скалам, у горловины Безымянной, где они обратили внимание на обнажения гранитов. Но на полпути они решили взобраться на вершину сопки, господствующей над окружающей местностью, чтобы оттуда осмотреть прилегающие горы.

Отсюда они увидели долину Безымянной на большом протяжении вверх и вниз по течению. Цепь прибрежных сопок вдоль Безымянной, как оказалось, обрывается недалеко отсюда вниз по течению реки. Дальше в синей дымке лежала обширная круглая равнина, замкнутая грядами гор. Она простиралась в ширину не менее чем на пятнадцать километров; река разбивалась в ней на множество рукавов, продолжая направляться на юг.

Но наибольший интерес для геологов представляли ближние прибрежные сопки.

— Присмотрись к долине, — говорил Дубенцов Анюте. — Что можешь сказать об ее происхождении?

Девушка долго смотрела вдоль Безымянной, вверх и вниз.

— По-моему, это довольно молодая тектоническая долина, — сказала она.

— Следовательно, так оно и есть, — согласился Дубенцов,—поскольку у меня точно такое же мнение. Я думаю, что разлом произошел в самое последнее время четвертичного периода, образовав эту горловину. Но посмотри, какая изумительная картина. Вот где учиться геоло-

гии! Отлично видны контакты небольших интрузий гранитов с вмещающими породами. По-моему, здесь апикальная часть батолита, выходящего почти на поверхность. Не может быть, чтобы здесь не было оруденения! Такого в природе не бывает.

Он постоял молча, продолжая, как и Анюта, внимательно изучать картину геологического строения окружающей местности, потом повернулся к Анюте, лицо его стало волевым, строгим.

— Я предлагаю следующее, Анюта, — сказал он решительно. — Запас продуктов у нас солидный. Стало быть, мы можем себе позволить задержаться на одном месте некоторое время. Давай не уходить отсюда, Анюточка, пока не обследуем всего этого района. Как думаешь?

— Не возражаю, Витя, — мягко ответила девушка. — Мне впервые приходится встречаться с такими обнажениями. Только инструмента у нас уж очень мало.

— Ничего, будем управляться тем, что есть. Начнем с подножия здесь, у левого берега. Посмотрим выносы из распадков, а потом двинемся вверх. После этого переправимся на правый берег.

Они спустились вниз и вскоре были на выходе первого распадка, лежащего на пути к горловине. Не найдя среди выносов из распадка ничего примечательного, Дубенцов не утерпел, чтобы не заглянуть вглубь каменного оврага. Распадок почти от основания до вершины обрывов представлял собой сложный разрез различных осадочных пород. Но Дубенцов все-таки нашел у самого дна контакт между гранитом и нижним слоем осадочных пород и принялся расковыривать его своим молоточком. Анюта стала помогать ему. Они долго и молчаливо долбили породу вдоль контактной линии, нашли слабую вкрапленность свинцового блеска и цинковой обманки. Но чтобы выяснить окончательно содержание пород, нужно было углубляться, а у геологов для этого не было никаких средств.

— Было бы побольше боеприпасов, — ворчал Дубенцов, — ей-богу, сделал бы заряд пороха и подорвал. Уж очень интересное место!

— Вот еще беспокойная натура! — посмеивалась Анюта. — Не все же бывает возможно, могут быть и невозможные вещи. Не прошибешь же гору лбом!

— Невозможное всегда нужно сводить к нулю, — вытирая пот рукавом, сказал Дубенцов.

С большой неохотой покидал он распадок. На выходе даже остановился и долго еще копался на дне небольшого ручейка. Потом сердито сплюнул, с силой кинул рюкзак за спину, поглубже надел шляпу.

— Пошли, Анюточка.

Шагая, он думал о чем-то своем, потом сказал:

— Я еще вернусь когда-нибудь в этот распадок. Так его оставлять нельзя.

В следующем распадке, расположенном ближе к горловине Безымянной, геологи встретили сплошной крупнозернистый гранит. Сразу же на входе в распадок их внимание привлекли порыжелые кварцевые жилы, рассекающие толщу гранита наискосок в трех местах.

Дубенцов первым стал взбираться на откос к жиле кварца. Тем временем Анюта стала подыматься по дну распадка. Она раньше достигла кварцевых жил, и ее молоток застучал там в глухой тишине.

— Витя, скорей иди сюда! — вдруг закричала она. — Посмотри, что здесь!

Дубенцов кубарем скатился с откоса и через минуту был рядом с подругой.

— Серебряный блеск! — вскричал он, взяв в руки первый отколотый девушкой камень. — Ты удивительно счастливая, Анюта!

Они принялись дробить молотками породу, стараясь лучше вскрыть жилу, которая становилась все толще по мере того, как уходила вглубь.

— Какая богатая жила! — задыхаясь от напряжения и возбуждения, воскликнул молодой геолог. — Сплошная руда!

Убедившись скоро в том, что жила действительно богата, взяв несколько образцов руды, они решили взбираться на эту невысокую сопку, чтобы обследовать ее вокруг. С вершины сопки они увидели, что одна ее сторона, южная, обрывается у горловины Безымянной, другая, северная, разрезана большим распадком, спускающимся к Безымянной вверх по ее течению от горловины. К востоку, в противоположную от реки сторону, сопка примыкала к скалистой горе, подымающейся метров на сто выше макушки сопки.

Геологи решили прежде обследовать большой распадок, что уходит к северу. По березняку они прошли к его вершине и стали спускаться по узкому желобу дна. Кончился кустарник, начались голые камни, кое-где покрытые травой.

— Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить! — заговорил Дубенцов улыбаясь. — Если в этом распадке окажутся рудоносные жилы, то вся сопка лежит на богатейшем месторождении серебра, цинка и свинца — они ведь всегда встречаются вместе.

Они дошли до половины распадка, но жилы не обнаружили. Из трещин в камнях стала сочиться вода, образуя небольшой ручей в низине. Ноги скользили по мокрым, слизистым камням, идти становилось все труднее. Цепляясь за лопухи, которые росли здесь густой массой, геологи осторожно спускались все ниже и ниже, как вдруг очутились у отвесного обрыва метров десять высотой. Ручей с шумом падал туда, звеня в глухой тишине. Дубенцов обследовал обрыв и убедился, что спуститься по нему невозможно.

— Придется возвращаться, — сказал он, — и по склону сопки пробираться к подножию. Оттуда подымемся вверх по распадку до этого обрыва.

Так они и сделали. Входя в распадок от реки, геологи встретили шумный и быстрый ручей, бегущий из сумрака трущобы.

— Посмотри-ка, Анюта, — указал Дубенцов на ручей, — здесь получается естественный шлиховый анализ. Легкие породы должны уноситься водой, а тяжелые будут осаждаться на порожистом дне ручья. Покопаемся-ка в песке.

Они сбросили рюкзаки, напились холодной воды и стали разрывать песок на дне ручья, выкладывая его пригоршнями на камни. В первых же пригоршнях оба сразу увидели массу темно-серых зерен руды. Геологи переглянулись.

— Клад! — вскричали оба в один голос.

— Боже мой, почти одна руда!.. — тихо простонала Анюта, любуясь песком.

Оставив рюкзаки у ручья, они почти бегом бросились вверх по распадку. Бегло осматривая породу, подымались все выше и выше, забыв про усталость. До подножия обрыва, который преградил им спуск полчаса назад, они

добрались очень быстро, но ничего похожего на выходы руды не обнаружили. Анюта уже готова была разочароваться, как вдруг Дубенцов воскликнул:

— Смотри, смотри!

Он показывал на обрыв, по которому с шумом бежал поток. На смытой поверхности обрыва сквозь светлые струи воды отлично выступали две горизонтальные жилы кварца, каждая по меньшей мере полтора—два метра толщины. Судя по пестроте серых с блестками и белых цветов жил, они были рудоносными. В этом геологи убедились тотчас же, как только их молотки застучали по породе.

Они провели здесь более двух часов, долбя породу, изучая руду и беря пробы. Потоки водопада давно выкупали их, не оставив сухой нитки, но геологи совсем не обращали внимания на это обстоятельство.

Солнце клонилось к вечеру, когда Дубенцов и Анюта, нагруженные доотказа образцами рудоносной породы, вышли из распадка.

— И еще одна мысль беспокоит меня, — заговорил Дубенцов, когда они присели на солнцепеке, чтобы немного обсушиться. — Когда мы были на вершине этой сопки, ты не обратила внимания на скалистую гору, что подымается к востоку, смыкаясь там с этой сопкой? У меня сложилось такое впечатление, что та гора и эта сопка когда-то составляли один массив. Но в последующем вся эта глыба теперешней сопки, подмытая рекой, или, может быть, по другой причине, чуть сползла в долину. Нужно обязательно осмотреть ту гору.

— Видишь, насколько ты наблюдательнее меня, Витя, — задумчиво, с искренней завистью произнесла Анюта. — Мне ведь и в голову не пришла эта мысль, да я почти и не обратила внимания на ту гору. В таком случае, нам нечего долго здесь рассиживаться, по пути обсохнем.

Через полчаса они были у подножия скал горы. Оставив здесь рюкзаки с образцами, геологи стали взбираться по расщелинам на скалы. Здесь они обнаружили обильную вкрапленность свинцового блеска, которая выходила в обнажениях в виде отдельных очагов, внешне не связанных единой цепью. К вечеру Дубенцов и Анюта были почти у вершины скал, один лишь небольшой уступ отделял их от макушки. Но этот уступ был сложен из очень древних мраморизованных известняков без при-

знаков сохранившихся окаменелостей, и геологи не стали взбираться на него.

Перед спуском вниз они присели на очень удобной площадке отдохнуть. Солнце катилось книзу. Геологи так заморились, что первые несколько минут сидели молча, отдыхая.

— Между прочим, я все хотела сегодня сказать тебе, Витя, одну неприятную вещь, — заговорила, наконец, Анюта. — Я эти дни смотрю на тебя, и мне кажется, что ты совсем забыл обо мне. Охотно говоришь с Пахомом Степановичем, занимаешься своим дневником, толкуешь об обнажениях, а меня словно и не замечаешь. Помнишь, ты как-то сказал, что наша дружба — следствие того, что судьба случайно столкнула нас в таких необычайных условиях. Но, может, встретившись со мной в другом месте, при иных обстоятельствах, ты и в самом деле не заметил бы меня в толпе?

Дубенцов весело взглянул в глаза Анюте и озорно, бесшабашно расхохотался.

— Скажи на милость! Ты, Анюточка, целила в самую точку! — сквозь смех воскликнул он.—Посмотри вчерашнюю ночную запись в моем дневнике. — Он достал из полевой сумки толстую переплетенную тетрадь, раскрыл ее и подал девушке. — В том же самом обвинял тебя я, когда вчера размышлял за дневником.

Запись в тетради гласила:

«Ни в чем не условившись с Анютой, мы скрываем свои чувства друг к другу перед Пахомом Степановичем. Почему так получается, сам не пойму: видимо, чтобы не показаться слишком сентиментальными в этой трудной обстановке перед нашим суровым проводником. Произошло как бы взаимное отчуждение. Может быть, между нами нет настоящей любви? Нет! Я очень скучаю по Анюте, мне доставляет невыразимое наслаждение сидеть рядом с ней, вся она для меня — излучение какого-то света, счастья. Кажется, бесконечно смотрел бы на нее, слушал бы ее голос... Но я замечаю, что она ко мне относится уже не так тепло. Может быть, разочаровывается, ближе присматриваясь ко мне? Надо обязательно объясниться».

— Ну, вот мы и объяснились, — тихо, с радостью сказала Анюта, тепло посмотрев на Дубенцова.

Они долго сидели неподвижно, не произнося ни одного слова, а перед ними лежал бескрайный простор тайги,

затянувшей густым частоколом бесчисленные сопки. Солнце скатилось почти к горизонту, его угасающий оранжево-золотистый свет заливал все величественное пространство вокруг. Гряды сопок казались застывшими гигантскими волнами огненного океана. Ветер стоял тихий, покой был разлит во всей природе, только далеко внизу шумела река.

В это время над их головой в полной тишине отчетливо задребезжала щепа. Звук доносился откуда-то сверху из-за уступа. Дребезжание было то громким, внезапным, то медленно утихало, словно кто-то оттягивал щепу и бросал. Ветра не было совсем, и звук этот привлек внимание Дубенцова и Анюты. Они подняли головы и стали прислушиваться.

— Посиди здесь, Анюта, я подымусь по этой расщелине, посмотрю, что там, — сказал Дубенцов.

Вскоре он был на вершине уступа. Анюта не сводила с него глаз. Она увидела, как Виктор вдруг спрятался за камень, повернул к девушке смеющееся бронзовое лицо и молча поманил ее к себе. Анюта быстро взобралась туда.

— Тише, — шептал Дубенцов, — выгляни вот здесь, осторожно.

Она подняла голову над камнем. Лицо ее выразило сначала испуг, потом крайнее изумление... Неподалеку, на самой макушке горы стоял на задних лапах медведь, держась передними лапами за надломанную и полузасохшую березу. Он оттягивал лапой одну из острых, отщепленных на сломе лучин и отпускал ее. Слушая, как дребезжит лучина, он застывал на некоторое время на месте.

— Скажи, какая музыкальная натура! — смеясь, прошептала Анюта. — Ведь это изумительная картина! Расскажи я об этом своим подругам в Москве — не поверят, засмеют и обзовут «охотником».

Они зачарованно наблюдали это редкое зрелище до заката солнца. Медведь, видимо, учуял их, оставил свое занятие, беспокойно повел носом и, оглядываясь по сторонам, подался в чащобу.

В синих сумерках они вернулись на бивуак. Пахом Степанович заканчивал приготовление ужина. Старый таежник с изумлением выслушал вести, принесенные геологами.

— Экие вы, однако, молодцы, — одобрительно гово-

рил таежник. — Проплыл бы, скажем, я один мимо этих сопок — и в голову мне не стукнуло бы, что в них такое сокровище лежит. Ну, стало быть, не зря мы убили время — и слава богу, так-то на душе теперь будет светлее.

Весь следующий день Дубенцов и Анюта занимались дальнейшим обследованием месторождения. В большой горе им удалось открыть много выходов свинцовой руды. Даже по внешней оценке месторождение имело промышленное значение: его запасы определялись в пределах миллиона тонн серебра, цинка, свинца.

— Кажется, нет во всем свете сейчас человека счастливее меня, — говорила Анюта, когда они, закончив работу, вечером возвращались на бивуак. — Мы обязательно вместе приедем потом сюда окончательно разведывать это месторождение.

— После свадьбы? — полушутя, полусерьезно спросил Виктор.

Анюта лишь весело и лукаво посмотрела на него, улыбнулась, но ничего не ответила.

Глава седьмая

Вниз по реке к озеру. — Ураган. — Катастрофа.

С утра в воздухе стояла мгла. Солнце, обведенное радужным венцом, тускло светило в белесоватом небе.

— Будет гроза, — сказал Пахом Степанович, кивнув на север, когда плот снова поплыл по реке.

Пойма Безымянной становилась все шире. Чем ближе подплывали путники к круглой низине, замеченной позавчера геологами с вершины сопки, тем больше начинала река петлять, образовывать рукава и протоки.

Но вот цепь сопок по берегам Безымянной оборвалась. Впереди простерлась низина, покрытая густым лесом. Плот причалил к берегу, и Пахом Степанович с Дубенцовым выбрались на ближайший утес, чтобы с его вершины проследить русло реки.

Низина просматривалась далеко вперед. Река как бы рассыпалась по ней, превращаясь в сплошной лабиринт проток. Мелкие протоки петляли на всем пространстве, и среди них невозможно было найти главное русло. Лишь

в противоположной стороне, под самыми сопками, река сходилась в одно русло. В том месте в гряде сопок был просвет; туда, очевидно, и уходила Безымянная.

— Трудненько придется нам, — мрачно проговорил Пахом Степанович. — Но до обеда нужно обязательно пересечь эту падь, иначе, если пойдет сильный дождь, худо нам будет...

Плот пошел по протокам низины. Течение здесь было очень тихое, и путникам приходилось налегать на шесты, чтобы ускорить ход плота. Вскоре протока, по которой они плыли, уперлась в лесной завал, преградивший путь. Встал вопрос: что делать? Возвращаться в поисках новой протоки или двигаться вперед? Они решили перетащить плот по берегу на покатах.

Пришлось потратить около двух часов и много усилий, чтобы обойти завал по суше. Неподалеку от завала протока, по которой они плыли, соединилась с другой, более широкой. Эта новая протока некоторое время спокойно текла по извилистому лесному коридору. Но и она потом разбилась на несколько мелких рукавов. Начались отмели, плот стал садиться на песок. Теперь тащить его оказалось труднее, чем по суше на покатах. Вооружившись жердями, путники подталкивали его. Это был изнурительный, отупляющий труд. На расстояние в какую-нибудь сотню метров затрачивалось уйма сил и времени.

К полудню они не прошли и половины пути до новой гряды сопок. Пообедав и отдохнув на песчаной косе, путники продолжали продвигаться вперед. И снова завалы, отмели, тупики... Под вечер, когда до сопок оставалось не более двух километров, разведчики окончательно выбились из сил. Они облегченно вздохнули, встретив широкую протоку — видимо, главное русло. Однако радость была преждевременной. Через километр они снова очутились в лабиринте. Поплутав в нем до сумерек, путники вынуждены были остановиться на ночлег в нескольких сотнях метров от гряды сопок.

Между тем к вечеру горизонт затянула густая мгла. На небе сгущались тяжелые грозовые тучи. Позади, вверх по течению Безымянной, от земли до неба встала черная стена. Вечер был мрачный, душный. Тайга погрузилась в мертвую тишину. Не щебетали даже птицы. Низину быстро окутала непроглядная темень.

До самой темноты Пахом Степанович все не хотел приставать к берегу. По его предположениям, главное русло Безымянной проходило где-то правее, почти рядом. Но искать его между низкими песчаными берегами, среди множества островов и отмелей, да к тому же в полной темноте, он не рискнул. Пристав к берегу, таежник тревожно прислушивался к каким-то звукам, беспокойно осматривая местность. За ужином он сказал глуховато:

— Ночевать придется на плоту, шибко в опасном месте остановились. Эвона, какие низкие берега! Худо нам будет, если буря и ливень прихватят нас на берегу...

В тон этим мрачным предположениям далеко на севере блеснула большая молния, а через некоторое время оттуда прикатился глухой и протяжный удар грома.

— Так и есть, гроза с ливнем идет с верховьев, — снова сказал он. — Вся тварь, вишь, ушла отсюда, птиц, и тех не слышно...

Действительно, теперь и Анюта почувствовала: над поймой реки будто все вымерло.

— Что бы это могло значить, Пахом Степанович? — спросила с беспокойством она.

— Когда бывает сильный ливень на такой вот реке, как эта, — ответил таежник, — то вода в ней сразу сильно подымается. Видишь, река тут между скал зажата. Случается, что вода прямо валом идет. Бывало целые стойбища сносила с берегов. Опасная штука...

При свете факела разведчики после ужина отплыли от берега и укрылись ниже островка, заросшего тальником. Пахом Степанович вбил в песок на отмели крепкий кол и привязал к нему плот. Стал накрапывать крупный дождь. Дубенцов сделал из палаток-накомарников один общий полог, сверху накрыл его парашютом, привязав стропы к углам плота.

Спать никто не мог. Пахом Степанович и Дубенцов сидели, положив возле себя шесты. Анюта, укрытая дождевиком, лежала, примостившись головой на рюкзак. По тальнику все чаще проносился порывистый ветер. Раскаты грома становились громче и ближе. Внутри полога почти непрерывно вспыхивали зеленовато-бледные отсветы молний. Внизу, под днищем плота, глухо булькала вода.

Но вот дождь стал быстро усиливаться. Где-то далеко нарастал глухой шум. Почти над головой стали с треском

перекатываться удары грома. Пахом Степанович вылез из балагана, с минуту слушал и всматривался в верховья Безымянной, непрерывно освещаемые вспышками молний. Вернувшись под полог, сказал скучным голосом:

— Кутерьма идет... ураган...

Широкий, всеобъемлющий шум нарастал, превращаясь в гул и рокот. По палатке раз, другой ударили порывы ветра и снова утихли. Из края в край по небу прокатился могучий удар грома. Плот начал качаться, беспокойно заходил на приколе из стороны в сторону.

Вдруг Пахом Степанович, все время молчавший, вскочил, бросил скороговоркой:

— Шквал... шквал идет... по реке! Виктор Иванович, берись скорее, паря, за шест. Анна Федоровна, покрепче держись за жерди, не выпускай из рук Орлана. Держись из всех сил, чтобы не сбило...

В тальниковых зарослях выше по течению гудело и рокотало, словно сквозь воду и лесную чащу в кромешной темноте ночи бешено продиралось напролом какое-то исполинское чудовище. Прошло несколько томительных минут.

— Держись!.. — прогремел голос Пахома Степановича.

Дубенцов и таежник стояли под дождем с шестами наготове. При свете молний они увидели, что берега уже скрылись под яростью взыгравшей воды. Кучи мусора кружились в мутных потоках. Плот стало с силой кренить: уровень воды поднялся, и колышек очутился на большой глубине. Еще секунда, и плот совсем перекосится, вода хлынет через него. Одним взмахом топорика Пахом Степанович обрубил конец веревки, и плот, дернувшийся с огромной силой, помчался в бушующем потоке. При свете молнии Дубенцов и Пахом Степанович могли ясно видеть стремительно проносившиеся мимо берега.

Хлынул ливень. Налетела буря, едва не сорвавшая Дубенцова и Пахома Степановича с плота. Тугим куполом вздулся парашют, но Дубенцов быстро загасил его. В мгновение, когда вспыхивали молнии, Пахом Степанович и Дубенцов успевали зафиксировать устрашающую картину разбушевавшейся стихии: жестко гнутся и мечутся кроны деревьев, взлетают каскады воды, льет косой дождь, клубятся и в бешеном беге мчатся черные тучи...

Оглушительный треск раздался под ногами Дубенцова, где-то под днищем плота. Плот дернулся, сильно накренился и застыл на месте. Поток воды хлынул через него. Дубенцов от неожиданности потерял равновесие и полетел за борт. Тотчас же он вынырнул. Ветки царапали ему лицо и руки, опутывая ноги, словно он был в объятиях спрута. Дубенцову казалось, что его тянет на дно и уже нет никаких сил удержаться на поверхности воды.

Сверкнула молния. При свете ее он увидел, что метрах в пяти от него, на тальниковом кусте, накренившись, зацепился плот.

— Держись, паря-а!.. — долетел до него возглас Пахома Степановича. — За тальник хватайся!

Дубенцов уцепился за первую ветку, но она сломалась, и течение снова подхватило его. Он изо всех сил сопротивлялся течению, но ледяная вода, казалось, сковывала все его движения. Отчаяние охватило его.

— Ого-го-го!.. — услышал он голос Пахома Степановича сквозь рев стихии. — Держись, паря! Нас сорвало!

Неожиданно он увидел неподалеку от себя стремительно несущийся плот.

— Ого-го-го-о!.. — гремел голос таежника. — Где ты, Витяш?!

— Я зде-е-есь! — кричал Дубенцов, выплевывая воду.

— Сюда! Сюда! — звал Пахом Степанович.

— Витенька-а!.. — звенел голос Анюты, полный отчаяния.

Дубенцов устремился на голоса. Он всем телом рванулся к плоту, как только снова увидел его. Ему удалось ухватиться за сломанный конец руля. Пахом Степанович подхватил его и с силой втащил на плот.

— Молодец! Молодец! — кричал таежник в радостном возбуждении.

— Как Анюта? — спрашивал Дубенцов, весь дрожа от холода и волнения.

— Хорошо... Береги себя, — отвечала та из-под полога. — Нас с Орланом только водой окатило.

Плот мчался теперь посредине большого потока — видимо, главного русла. Впереди, быстро приближаясь, темнела гряда сопок.

— Руль сломало, паря, — сообщил с горечью Пахом Степанович. — Будем шестами прибиваться к берегу. Промеряй дно с того берега, Виктор Иванович!

— Дна нет! — ответил Дубенцов. — Что будем делать?

Небо вновь прорезала ослепительная змейка молнии с раздвоенным концом. На какой-то миг кругом стало светло, как днем. Пахом Степанович и Дубенцов успели заметить впереди узкий проход между скалистых берегов, в который устремилась река. За горловиной виднелся широкий водный простор.

— Озеро! — воскликнул геолог.

— Греби шестом к берегу! — глухо крикнул Пахом Степанович. — Там водопад!

Большая глубина не позволяла пользоваться шестами. Пришлось грести ими как веслами. Но такая гребля не давала почти никакого эффекта. Однообразный, все нарастающий гул шел оттуда, куда устремлялся плот. Темнота окутывала берега. Пахом Степанович и Дубенцов с нетерпением ждали, когда молния вновь осветит им путь.

При первой же новой вспышке они убедились, что плывут посредине реки. До водопада же остается какая-нибудь сотня метров. И еще одну подробность успели они приметить: перед водопадом река разделялась на два широких потока, между которыми темнел небольшой каменный островок.

— Прыгай в воду, паря! — строго крикнул таежник. — Будем вместе рулить ногами на камень. Плот не разобьется, я его крепко связал вчера. Анна Федоровна, держись, дочка, покрепче держи Орлана!

Дубенцову сразу стал понятен замысел Пахома Степановича. Они оба разом скользнули в воду позади плота. Молния осветила стремительные потоки мутной воды, метрах в двадцати — островок, а дальше провал, в который низвергалась река. За обрывом волновался широкий разлив озера.

— Посадим ли, Пахом Степанович? — срывающимся голосом прокричал Дубенцов. Он чувствовал, как рядом с ним в воде ворочается могучее тело таежника.

— Поса-а-адим! — уверенно прогремел голос Пахома Степановича у самого уха Дубенцова.

Катастрофически быстро нарастал рев водопада.

— Держи в середину просвета! — командовал таежник.

Дубенцов до боли в глазах всматривался вперед. Меж-

ду черными стенами обрывов обозначался контур горловины. Каменный островок должен находиться посредине просвета. Туда и старался Дубенцов направить плот. Несколько мгновений стремительного течения, оглушающий рев воды, страшный удар...

— Быстро на камень! — словно во сне услышал Дубенцов голос таежника.

Плот стоял на месте. Оглушенный ударом подбородка о край плота, Дубенцов почувствовал под ногами твердое, прыгнул вперед и очутился на сухом камне. Чья-то рука крепко удерживала его за одежду. Это была рука Анюты...

Глава восьмая

Спасательный островок. — Рассвет. — Сыгдзы-му. — Кварцевые жилы. — Проект Дубенцова. — Костер на камне. — Как переправиться на берег? — Поплавок Пахома Степановича. — Смелость Дубенцова.

Они окончательно осмотрелись на островке после нескольких новых вспышек молнии. Под их ногами была каменная глыба с надводной площадью до десяти, не более, квадратных метров, половину которой занимал вылезший из воды с разбегу плот. Глыба нависла над водопадом. Бурные потоки реки с ревом обволакивали ее и незаметно сотрясали, низвергаясь с более чем двухметровой высоты.

Путешественники долго не могли прийти в себя. Сгрудившись на середине спасительного островка, они боялись двинуться с места и крепко держались друг за друга. Рев водопада совершенно заглушал их голоса. Первым ощупью разведал островок Пахом Степанович. Он подал знак садиться, рукой показывая наиболее безопасное место. После этого старый таежник ощупью пробрался на плот. Все важные вещи он нашел в целости, недоставало лишь двух шестов, но были целы два запасных, привязанных к жердям. В шелку парашюта, повизгивая, барахтался Орлан. Палатками и парашютом Пахом Степанович накрыл Анюту и Дубенцова, предохранив их от

дождя, и, привязав плот за один из острых выступов скалы, сам забрался под укрытие.

Прошло часа полтора. Они показались нашим путникам целой вечностью. Наконец ливень пошел на убыль и вскоре совсем прекратился, буря стала стихать. Все высунулись из-под укрытий. Разведчики увидели, что в верховьях реки небо очистилось и там замерцали частые крупные звезды. Только над озером еще продолжались редкие вспышки молний да погромыхивал ослабевший гром. Тучи стояли здесь неподвижно, словно зацепившись за что-то.

В вынужденном, томительном безделье долго сидели разведчики на камне, с нетерпением ожидая утра. Нельзя было ни двинуться с места, ни развести костра, ни спать. Они сидели молча и ждали, когда пройдет грозовая ночь, не ведая о том, что принесет утро.

Но вот гроза прекратилась. Занялась прохладная летняя заря, из редеющего мрака выступили неясные очертания окружающих предметов. Справа вырисовывалась темная отвесная стена обрыва метров в пятьдесят высотой, такая же стена виднелась и слева, но у подножия ее лохматились деревья и темнела кромка пологого берега. За водопадом, в мутных густо-серых сумерках, проглядывала спокойная гладь озера.

Теперь яснее представилась опасность положения, в котором очутились наши путники. Впереди ревел и пенился водопад, а вокруг бушевал поток. До правого, обрывистого, берега было десять или пятнадцать метров, до левого, более отлогого, — в два раза больше.

На небе медленно рассеивались и таяли последние тучи. Над изломанным краем гор на востоке пролегла малиновая полоса. С каждой минутой она ширилась, и вскоре весь восток уже пылал в утреннем зареве.

Дубенцов вдруг взволнованно закричал на ухо Анюте:

— Сыгдзы-му! Сыгдзы-му!

Анюта присмотрелась к озеру и изумилась: неподвижная гладь воды за водопадом была желтовато-оранжевого цвета. Дубенцов не находил себе покоя. Размахивая руками, он что-то кричал Пахому Степановичу, но тот, видимо, плохо слышал его и оставался равнодушным.

Взошло солнце, и торжественное спокойствие воцарилось в природе. Густая зелень тайги, вымытой ночным ливнем, золотисто-оранжевая окраска воды в озере, мут-

но-коричневый цвет реки и коричневые скалы — все выступало ярко и отчетливо.

Как ни отчаянно было положение, Дубенцов и Анюта не могли удержаться от восторга при виде Красного озера и всей обновленной природы. Только Пахом Степанович, устало положив голову на край плота, крепко спал. Молодые люди рассматривали скалы, нависшие справа над рекой, бешеные стремнины водопада, берег по ту сторону озера. При этом они заметили, что вода в озере находилась значительно выше своего нормального уровня: она затопила деревца, растущие у подножия высоких сопок. Анюта тронула Дубенцова за плечо и показала ему на две широкие светло-серые полосы в красноватом граните отвесной скалы. Полосы тянулись по диагонали от середины скалы до водопада. По всей видимости, то были кварцевые жилы. Девушка заинтересовалась.

Но радостное возбуждение Анюты было недолгим. Она стала серьезной, как только вспомнила, в каком отчаянном положении они находятся. Она попыталась сказать об этом Дубенцову, но шум водопада заглушил ее слова. Тогда Дубенцов достал из своего непромокаемого рюкзака клеенчатый чехол с бумагами. На листке блокнота он написал: «Что тебя беспокоит?» Девушка написала в ответ: «Что с нами будет, Виктор? Мы ведь в ужасном, прямо в отчаянном положении!»

Дубенцов ответил: «Не думаю, что положение слишком отчаянно, во всяком случае, не безвыходно. У меня есть план. Дело связано с риском. Попробую уплыть от камня против течения и в безопасном месте перебраться на левый берег. Там выберу место поудобней, куда можно достать нашим канатом, и вы забросите мне один конец каната. После этого я перетащу вас на берег. Надо будет сделать из пробковой коры маленький легкий плотик-мат, на котором поместился бы один человек. На нем же перетащим все наше имущество».

Прочитав это, Анюта тепло посмотрела на Дубенцова и написала: «Витя, ты молодец! Только, прошу тебя, продумай все хорошенько. Ты рискуешь жизнью».

Пока они переписывались, проснулся Пахом Степанович. Солнце поднялось высоко и начинало припекать. Таежник принялся разбирать имущество и сушить вещи. Занимаясь этим, он заметил, что плот целиком остался на суше: вода в реке убыла и там, где берег казался не-

приступным, обнаружилась узенькая полоска гальки.

Следовало подумать о завтраке. Продуктов было еще на неделю, но как разжечь костер? Обшивка плота для этого не годилась — жерди были мокрыми. Поразмыслив, Пахом Степанович нашел выход: он расколол плаху, обвязывавшую плот, — в середине она оказалась сухой. Спички нашлись в непромокаемом рюкзаке Дубенцова. Через несколько минут на островке над водопадом задымился костер.

После завтрака путники стали обсуждать, как переправиться с островка на берег. Дубенцов показал Пахому Степановичу записку, которую писал Анюте. Таежник крикнул ему на ухо: «Шибко опасно, но надо испытать!»

Он предложил Дубенцову полежать и отдохнуть, а сам принялся мастерить из коры бархатного дерева, снятой с плота, поплавок на одного человека.

Прошло часа два. Все это время Дубенцов спал. Он проснулся, когда Пахом Степанович снятой с плота крученой лозой уже увязывал последние пучки пробковой коры. Дубенцов осмотрел плотик и написал: «Хорошо, я готов плыть. Пожелайте удачи».

Сняв с себя одежду и оставшись в одних трусах, он взял шест и промерил им дно. Вблизи была мель, а дальше, в полутора метрах от камня, — обрыв. Дубенцов, провожаемый тревожными взглядами Анюты и Пахома Степановича, забрел по пояс в воду и стал растирать тело холодной водой. Потом, разминая мышцы, сделал несколько быстрых движений и, с силой оттолкнувшись от камня, кинулся навстречу течению. Он плыл кролем. В мутноватой воде стремительно извивалось его гибкое бронзовое тело.

В первую минуту он проплыл около пяти метров, потом стал плыть тише. Дубенцов был отличным, сильным пловцом, но его все время сносило течением, и через несколько минут он оказался уже не против камня с плотом, а против водопада. Если бы в этот миг он ослабел, поток неминуемо увлек бы его в пучину. Дубенцов утроил усилия и хотя вверх по течению не продвинулся ни на метр, но к берегу приблизился, — а именно к этому он и стремился. В какой-то миг течение так сильно рвануло его назад к водопаду, что Анюта ахнула. Но Дубенцов справился с положением. И в ту же минуту возникла новая опасность: сверху прямо на пловца неслась по реке ог-

ромная коряга. Нетрудно было вообразить, что произойдет, если Дубенцов, увлеченный борьбой с течением, не заметит корягу и не увернется от нее.

Пахом Степанович схватил ружье и выстрелил. Дубенцов услышал выстрел и еще сильнее заработал руками и ногами, отклоняясь от коряги на середину реки по линии, находящейся выше островка. Через минуту течение выбросило его на плот. Тяжело дыша, не сказав ни слова, он растянулся на кабаньей шкуре и неподвижно пролежал с четверть часа. Потом приподнялся, взял блокнот и крупным почерком написал: «Что, если прыгнуть с камня подальше в озеро?» Таежник ответил: «Водоворот сильный, может утянуть». К этим словам Анюта приписала: «А вдруг там окажутся подводные камни? Не надо, Витя, лучше отдохни, потерпим».

Но Дубенцова трудно было отговорить. Он связал концы двух запасных шестов и стал прощупывать дно в водовороте. Восьмиметровый шест не достал дна. В свою очередь, Пахом Степанович привязал на конце каната камень и бросил его в пучину. Канат тридцатиметровой длины натянулся струной. Дубенцов возбужденно схватил блокнот и, торопясь, изложил на бумаге новый план: «Мы спасены! Глубина достаточная. Чтобы не утянуло водоворотом, возьму с собой один конец каната, а другой конец останется у вас. Если я дерну за канат три раза подряд, когда буду под водой, тащите меня обратно. Под водой я могу пробыть целую минуту, так что не опасно. После этого будете держать меня на уровне воды и тем временем сбросите мне поплавок, на котором я отплыву от водоворота».

Энергия и веселость, с которыми он писал эти строки, заразили не только Анюту, но и старого таежника. Когда они прочитали записку, каждый по-своему выразил согласие с планом Дубенцова.

Втроем они спустили в озеро на связанных ремнях изготовленный таежником пробковый плотик. Достигнув уровня озера, плотик легко и плавно закачался в бурном водовороте, держась, однако, на самой поверхности. Дубенцов намотал на левую руку конец шнура. Другой конец взял Пахом Степанович.

Перед прыжком Дубенцов написал: «Когда отплыву в безопасное место, шнур сброшу. Забирайте его себе, а когда доплыву до берега, вы бросите мне конец».

Дубенцов вынырнул далеко от водопада в сравнительно тихом месте. Пахом Степанович кинул ему конец шнура с камнем.

Сердце Анюты сжалось от страха, а Дубенцов спокойно выбрал место, откуда удобнее было прыгнуть, поправил на себе трусы и легкой, пружинистой походкой направился к противоположному от водопада краю островка. Тут остановился, сделал несколько гимнастических упражнений (видимо, он пытался отрегулировать дыхание) и легкими прыжками побежал к водопаду. Не останавливаясь, он сильно оттолкнулся от камня, прыгнул вверх и на мгновение повис в воздухе. В следующую секунду его поглотила бурлящая пучина. Проходили секунды — одна, другая, третья — Дубенцов не показывался. Шнур быстро разматывался, уходя под воду.

Прошло не менее сорока секунд, — самых мучительных в жизни Анюты! — пока Дубенцов вынырнул далеко от водопада в сравнительно тихом месте. Он помахал рукой, бросил шнур и, минуя водоворот, быстро поплыл к берегу. Выбравшись на камни, отдохнул минут пять и, карабкаясь через валуны, двинулся по берегу. Вскоре он оказался в двадцати метрах против островка. Пахом Степанович кинул ему конец шнура с камнем.

Для испытания способа переправы старый таежник погрузил на привязанный к канату плотик сначала наименее ценное имущество и подал знак Дубенцову. Тот потянул шнур, и плотик двинулся по диагонали против течения. Как ни сбивал его поток, он благополучно миновал стремнины и пристал к берегу.

Дубенцов освободил поплавок от груза, сложил канат, привязал к свободному концу палку и швырнул ее в сторону островка. Палка упала в воду чуть выше камня. Пахом Степанович шестом подхватил ее и вытянул из воды. Поплавок был снова перетянут на островок, а свободный конец каната с камнем опять полетел на берег.

Дубенцов весь напрягся, когда через стремнину стала переправляться Анюта. Пахом Степанович спустил ее в воду, привязав к поплавку. Дубенцов изо всех сил тянул за канат, и Анюта помогала ему, гребя руками. Все обошлось хорошо. С помощью Анюты Дубенцов уже без труда перетянул на поплавке и Пахома Степановича.

Так закончилась эта казавшаяся невозможной переправа. Вскоре на берегу, чуть выше водопада, полыхал костер. Был яркий полдень, и путники, наслаждаясь теплом, отдыхали и теперь уже со смехом вспоминали о своих переживаниях.

Глава девятая

Отдых на берегу. — План дальнейших действий. — Ночлег на косе. — Опыт с озерной водой. — Таинственная лодка. — Пустая фанза. — Неожиданная встреча. — История Бельды.

Отдых подкрепил силы путников. После обеда они обсудили, что делать дальше. В первую очередь надо было окончательно выяснить, в каком месте Безымянная вытекает из озера? Если река будет по-прежнему идти на запад или повернет на юг, то придется строить новый плот и спускаться до устья. Если же река изменит направление, тогда ничего не останется, как идти на запад пешком. На том и порешили. А назавтра Дубенцов предложил обследовать кварцевые жилы в скале и взять пробу озерной воды.

До вечера оставалось еще три часа. Дубенцов позвал Пахома Степановича и Анюту взглянуть на озеро. Сложив все имущество в одно место и прикрыв его, они пошли берегом реки к озеру. Преодолев небольшой обрывистый утес, остановились в изумлении. Перед ними открылся вид всего озера. Оно было оранжевым — сравнительно небольшим — треугольником. Со всех сторон его окружали крутые сопки. Река впадала в озеро с южной стороны. Влево от устья, за невысоким крутым утесом начиналась гладкая, песчаная, шириной метров в десять, коса. Далее берег делал крутой угол и, образуя новую сторону треугольника, шел вдоль подножия гряды мелких сопок к юго-востоку. А на востоке поднималась высокая покатая гора с голой вершиной и осыпью.

— Неужели это то самое Красное озеро, где мой отец нашел месторождение железа? — задумчиво промолвил Дубенцов.

Озеро было все на виду, и не замечалось, чтобы из него вытекала река.

— Выходит, что вода пропадает в пучине? — спросил таежник.

— Вам, Пахом Степанович, разве никогда не приходилось встречать в тайге такие озера? — вопросом на вопрос ответил Дубенцов.

— Таких больших озер не видел, — пояснил таежник, — зато маленькие видел. Бывает так: течет ручей,

потом, смотришь, пропал. Оказывается, он в почву уходит, а там, глядишь, опять выйдет где-нибудь на поверхность.

— Что ты можешь сказать о происхождении этого озера? — обратилась Анюта к Дубенцову?

— Что можно о нем сказать? — отозвался он. — Ты же знаешь, что озера бывают экзогенного происхождения, разделяющиеся на плотинные и на котловинные, и эндогенного происхождения, в которые входят только дислокационные. Озера плотинного происхождения включают в себя несколько различных видов. В данном случае мы имеем дело либо с котловинным озером, либо с озером, — что вернее всего, — относящимся к плотинной группе.

Это специальное объяснение мало было понятно Пахому Степановичу.

— Всем хорошо ученье, — вздохнув, сказал он, — но неужели нельзя рассказать попроще, что к чему?

— Пахом Степанович, я разъясню вам сейчас, — отозвалась Анюта. — Виктор Иванович хочет сказать, что озера разделяются на два основных вида. Одни являются остатками моря, которое отступило и оставило эти озера, другие произошли от скопления дождевой или подземной воды. Вот это озеро, по предположению Виктора Ивановича, образовалось оттого, что сток воды запрудила образовавшаяся по какой-то причине плотина, и вода здесь скопилась. Так, Виктор?

— Примерно так, — улыбаясь, согласился Дубенцов.

— Теперь и я кое-что понимаю, — добродушно сказал Пахом Степанович. — Куда же все-таки девается вода из озера?

— Надо полагать, либо фильтруется, то есть просачивается сквозь мелкораздробленные частицы породы, либо уходит в подземную реку, — ответил Дубенцов. — Вероятнее, конечно, что она фильтруется, иначе такой цвет не сохранился бы...

— Чем ты все-таки объясняешь этот цвет воды? — спросила Анюта.

— Трудно сказать. Тут могут быть какие-нибудь красящие бактерии, может, где-нибудь водой размываются залежи охры. Также возможно, что это результат окисления железа, имеющегося в зоне озера.

Слушая рассуждения Дубенцова, Пахом Степанович

все смотрел на песчаную косу. Со словами «надо взглянуть» он направился по камням вдоль берега в сторону песчаной косы. Дубенцов и Анюта последовали за ним. По косе бегали кулики, расписывая узорами своих следов выглаженный водой песок.

В песке торчала вертикально воткнутая палка. Видимо, она и привлекла внимание таежника. Первым до нее добежал Дубенцов и недоуменно развел руками: палка оказалась колышком с обрубленным концом.

Пока подошли Пахом Степанович и Анюта, он попытался вытащить колышек из песка. Усилия его оказались напрасными. Дубенцова сменил Пахом Степанович. Поднатужившись, он выдернул колышек; конец его был заострен топором.

— Значит, здесь где-то есть люди, — заключил таежник.

— Кол вбит недавно, — определил Дубенцов.

— Наверное, поблизости расположено стойбище орочей, — предположила Анюта.

— И то возможно, — сказал Пахом Степанович. — Кто-то веревку, видать, привязывал, — указал он на стертую кору вокруг колышка.

— Может, мы находимся возле Хунгари? — предположила Анюта. — Тогда ясно: сюда заходят орочи из стойбища...

— Нет, — возразил Пахом Степанович. — Они бы знали тогда об этом озере.

Решили обойти озеро вокруг.

На противоположной от водопада стороне им попалось обуглившееся полено, а чуть подальше — оструганная ножом палка.

— Ее вырезала рука ребенка, — сказал Дубенцов.— Посмотрите, как неуверенно работал нож.

— Надо искать стойбище, — проговорила Анюта.

— Надо искать, — согласился и Пахом Степанович.— Только этому стойбищу, если где и быть, так только на берегу озера. А где оно тут?

— Действительно, никаких признаков.

Вечер спускался прозрачный, полный золотистых красок угасающего солнца. Легкий ветерок рябил гладь озера и шумел в лесу. Путники устроили ночлег на песчаной косе, где нашли колышек.

После ужина Пахом Степанович и Дубенцов наносили побольше сушняка для костра, набрали травы и бересты для постелей. Уже в сумерках они закончили приготовления к ночлегу.

— Спать всем не придется, — сказал Пахом Степанович. — Будем по очереди дежурить.

Первым — с девяти часов вечера до двух ночи — дежурил Пахом Степанович, затем должен был заступить Дубенцов. Но он поднялся и подсел к костру раньше времени.

— Ты почему не спишь, паря? — спросил его Пахом Степанович.

— Не могу. Думы одолели. Не дает мне покоя красный цвет воды. Хочу кипятить ее в котелке до тех пор, пока полностью испарится. Возможно, по осадку удастся определить, есть там железо или нет.

— Разве так можно узнать? — недоверчиво спросил таежник.

Дубенцов помолчал и начал издалека:

— Вам, Пахом Степанович, наверное, приходилось наблюдать, что сок малины от соединения с железом чернеет... Охра не металл; поэтому она, смешавшись с соком, станет только краснее. Я попробую смешать осадок озерной воды с малиновым соком.

— Попробуй, — одобрил таежник.

— А вы ложитесь-ка спать, Пахом Степанович, — предложил Дубенцов. — Считайте, что мы поменялись сменами.

— Ну что ж, меняться, так меняться, — сказал Пахом Степанович и, кряхтя, полез в свою палатку.

Дубенцов принес в котелке озерной воды и подвесил над костром. Он терпеливо ждал, пока вода выкипала. Когда она испарилась вся, на дне котелка остался оранжевый осадок. Дубенцов осторожно снял этот порошок и ссыпал его на лист бумаги. Затем разыскал несколько ягод малины и выжал их на порошок. Прошло несколько секунд, пятно на бумаге не меняло цвета. Дубенцов отложил лист, решив подождать еще.

В эту минуту Орлан, дремавший у костра, вдруг поднял голову, уставился в сторону озера и тихо зарычал.

Дубенцов всмотрелся в темноту. До его слуха долетел тихий всплеск, как будто кто-то отплыл от берега. Он бросился за карабином и разбудил Пахома Степановича.

— Из темноты надо смотреть, — посоветовал старый таежник. — От костра ничего не увидишь.

Дубенцов исчез в темноте и вскоре проговорил оттуда приглушенным голосом:

— Кто-то поплыл на лодке...

Отодвинувшись от костра, Пахом Степанович прилег на песок и стал всматриваться в густую темь над озером и вскоре разглядел: по озеру двигался еле очерченный силуэт маленькой лодки; в ней был человек. Минуты через две лодка пропала. Прошло некоторое время, и на противоположном берегу зазвенели потревоженные кулики. Их крики поднялись в вышину и стали удаляться в сторону высокой горы.

— Вот загадка! — воскликнул Пахом Степанович.

— Не преступник ли какой скрывается здесь?

— Один в тайге? Что-то не попадались мне такие люди.

— Но в том, что человек прячется, есть какой-то свой смысл, — говорил Дубенцов. — Нам нужно быть настороже каждую минуту...

Происшествие отвлекло Дубенцова от его опыта. Вернувшись к костру, он нашел лист бумаги засыпанным песком. Геолог осторожно сдул песок и, поднеся лист ближе к свету, отчетливо увидел на бумаге черное круглое пятно...

«Кто же был ночью на лодке?» — этот вопрос серьезно обеспокоил путников.

Утром разведчики решили тщательно обследовать все прибрежные распадки и кустарники; если же и таким путем не удастся ничего выяснить, то придется подняться на Лысую гору, как назвали они между собой сопку с безлесной вершиной, и с нее осмотреть окружающую местность; может быть, поблизости и в самом деле окажется стойбище «лесных людей».

Пахом Степанович долго ломал голову, раздумывая, куда спрятать имущество. Не наблюдает ли за каждым их шагом из лесу чей-нибудь зоркий глаз? «Оставь имущество, и его растащат, — рассуждал он. — А брать с собой — тратить лишние силы». Пораздумав, Пахом Степанович предложил взять груз с собой и направиться в первый же распадок, сделав вид, будто они покидают озеро. В распадке зарыть вещи в землю, пройти лесом

до того места, где кончается коса, и оттуда уже направиться вдоль северного берега озера, где тянется цепь невысоких лесистых сопок.

На выходе из леса к озеру Дубенцов обратил внимание Пахома Степановича на большое количество берез с ободранной корой. Стволы уже почернели от времени. Пахом Степанович разглядел на древесине надрезы.

— Тут где-то живет бывалый человек, — промолвил он. — Видать, на оморочку драл бересту, хорошую бересту отбирал...

По берегу озера они двигались медленно, просматривая каждый куст. У прозрачного шумного ручейка, бежавшего в зарослях ветлы, присели отдохнуть. Пахом Степанович наклонился над ручейком, чтобы напиться, и выругался. В ручейке плавали выпотрошенные внутренности рыбы. Чуть ниже по течению ручейка он нашел на гальке иссохший рыбий пузырь.

— Не иначе, как ключом принесло, — заметил таежник. — А ну, давайте-ка по ручью вверх...

Ручеек привел их к живописной поляне, окруженной со всех сторон высоким лесом. За лесом с трех сторон поднимались крутые обрывы, словно стены двора. Посреди поляны стояла глинобитная избушка-фанза с берестяной крышей и длинной трубой из жести. Рядом стоял на четырех столбах лабаз — старый, покосившийся. Под лабазом, между столбами, лежали опрокинутые вверх дном две оморочки из березовой коры, валялись весла. Недалеко от входа в фанзу темнел очаг, сложенный из камней и обмазанный глиной.

Пахом Степанович и Дубенцов с ружьями наготове появились на поляне. Подошли к фанзе. Дверь была привалена бревном. По таежному обычаю, это означало, что хозяина нет дома. Пахом Степанович откинул бревно и открыл дверь. Запах протухшей рыбы, сырости и каких-то трав наполнял фанзу. Все углы были заполнены какой-то рухлядью. Справа вдоль стены шли невысокие нары, упирающиеся в печку. На земляном полу и на нарах в беспорядке лежали травяные цыновки. Возле печки, на полочке, стояли деревянные чашки. По стенам висели скатки шкур, пучки трав, заготовки обуви из рыбьей кожи.

— Пожалуй, паря, тут живет нанайская семья, — сказал Пахом Степанович, осмотрев фанзу. — Нары-то сделаны по-нанайски.

— Почему же люди ушли отсюда? — спросил Дубенцов. — Они, как видно, недавно ушли, остались даже куски вареной рыбы.

Не прикоснувшись ни к одному предмету, Пахом Степанович и Дубенцов оставили фанзу, снова привалив дверь бревном.

Анюта поджидала их на дворе.

— Однако, вот что, паря, — сказал Пахом Степанович. — Мы заставим хозяина самого явиться к нам. Пускай расскажет, как нам выйти на Хунгари. Принесем сюда свои пожитки и поселимся тут вот, на этой муравке у ключа...

Так, на полянке возле фанзы, основали они свой лагерь.

Однако хозяин фанзы не появлялся. Разведчики занялись починкой обуви и одежды, стиркой белья. На ужин они достали с чердака фанзы несколько вяленых рыб, что не возбраняется обычаями тайги, сварили их и уселись ужинать.

Вдруг в кустах послышались чьи-то шаги, затрещали сучья. Все невольно вздрогнули, повернув туда головы. Показался человек с ружьем за спиной. Он подошел к костру. Это был старик с морщинистым, дряблым лицом и реденькой седой бородкой, в халате без вышивок, подпоясанный кушаком. Обут он был в торбаза из рыбьей кожи; на голове красовалась соболья шапочка-камилавка.

— Сарадэ*, Пахом Степаныч, — поздоровался старик.

Все с изумлением смотрели на него.

— Бельды! Конга Бельды! — вскочил таежник. — Здравствуй, окаянная твоя душа! — загремел он дружелюбно.

— Узнал, Пахом Степаныч? — сильно шепелявя из-за отсутствия передних зубов, спросил старик.

— Так это ты морочил нам голову? Ты пошто же прятался в лесу, а?

Бельды присел к костру, отложив ружье. Он достал медную трубку с длинным резным мундштуком, скрутил табачный лист, затолкал его в трубку и закурил.

— Тебе пришел мой забирай? — спросил он.

Пахом Степанович расхохотался. Бельды, покуривая, задумчиво глядел на огонь.

---

* Сарадэ — здравствуйте (по-нанайски).

— Кому ты нужен? Там, в стойбище, поди, давно забыли о тебе. Где же твоя семья?

— Семья спрятался тайга. Его боюсь — твоя забирай.

— Ах ты, чудак! Иди-ка ты, Конга, за семьей и веди ее в фанзу. Нам не до тебя. Сын-то, поди, взрослый стал? Как его звали-то, запамятовал...

— Его Никифор зовут.

— Никифор? Ага, теперь помню, Никишкой звали.

Пахом Степанович помолчал и заговорил с Бельды по-нанайски. Старый таежник отлично владел нанайским языком, и старик оживился. Говорил он уверенно и быстро, растягивая некоторые слова.

Так они говорили минут двадцать. Затем Бельды поднялся, закинул ружье за спину и торопливо направился в лес. Когда он удалился, Дубенцов и Анюта в один голос спросили:

— Кто это?

Пахом Степанович рассказал им историю старика.

Бельды — бывший нанайский шаман. Он жил в стойбище на Амуре, рядом с селом Пермским. В 1932 году на месте Пермского началось строительство города Комсомольска. Одновременно в амурских селах стали организовываться рыболовецкие артели. Шаман завел у себя в избе чугун с травяным жгутом и объявил, будто в чугуне у него живет злой дух. Так как нанайцы не хотят больше признавать шамана главой стойбища, то он пошлет злого духа к непокорным, и тот принесет им несчастье. Так говорил Бельды. «Кто не хочет несчастья, — предупреждал он, — тот должен ходить на поклонение к злому духу и приносить ему в жертву рыбу, сахар, чай, крупу, муку». Некоторые нанайцы действительно приходили к Бельды с жертвоприношениями.

В тот год на Амуре случилось большое наводнение. Оно причинило много бедствий стойбищу. Все несчастья жители стойбища отнесли на счет злого духа, обитающего у Бельды. Это была первая причина недовольства шаманом.

Но тут случилось и другое. В стойбище жил молодой нанаец Гейкер Индига с тринадцатилетней сестренкой Ингой. Родители у него умерли, и парню приходилось батрачить чаще всего у Бельды. Однажды Бельды напоил Индигу и сторговал у него сестренку себе в жены. Инга была продана шаману за старое ружье, пуд сахару

и мешок муки. Это переполнило терпение нанайцев. О проделках Бельды узнали власти. Тогда-то, боясь наказания, Бельды и исчез из стойбища, а с ним и вся его семья. Несколько лет о нем ничего не было слышно...

— И хитер же старый!.. — говорил Пахом Степанович посмеиваясь. — Предлагает нам по пять соболей каждому, чтобы мы его не арестовали. Сколько знал я на Амуре шаманов, — ни одного такого хитрого не встречал. Все знает, окаянный, но прикидывается дурачком. Читать и писать по-русски может, ни в каких богов и чертей не верит, а других одурачивал почем зря.

— Что вы ему сказали, Пахом Степанович? — спросила Анюта.

— Объяснил, как попали сюда и что нам нужно от него. Обещает помочь. Сына, говорит, пошлю, чтобы довел до Хунгари. Тут, говорит, два дня ходу.

— Так близко! — воскликнула Анюта.

— Почему он поселился именно здесь? — поинтересовался Дубенцов.

— Он слышал, что это место пользуется худой славой, поэтому думал, что сюда никто не придет.

— Как же они живут здесь, во что одеваются?

— Каждую зиму сын ездит на нартах к Амуру и оттуда в обмен на пушнину привозит товары.

— Когда он обнаружил нас?

— Говорит, что когда мы переправились на берег. По-моему, врет, скрывает, что не хотел нам помочь, когда сидели на камне.

Часа через полтора после этого разговора шум в лесу возвестил, что семья Бельды возвращается. Доносился детский плач, женские и мужские голоса. Совсем близко залаяли собаки.

Пахом Степанович подбросил в костер сухих палок. Длинные языки пламени осветили поляну. Из кустов выбежали собаки, потом показались и люди. Впереди шел сам старик, сгорбившись под тяжелой ношей, за ним еле двигалась нагруженная большим узлом старуха. Она держала за руку девочку лет восьми. Дальше следовали двое подростков — мальчик и девочка, молодая женщина и за нею мужчина. Мужчина и женщина тоже были нагружены какими-то узлами. Вся семья молча направилась в фанзу. Дверь за нанайцами захлопнулась, и все стихло.

— Ну, пора спать, — сказал Пахом Степанович.

— А не опасно спать в таком соседстве? — спросила Анюта.

— Нет, это мирные люди. Нанайцы даже между собой редко дерутся, — ответил таежник, укладываясь.

Глава десятая

Маневр шамана. — Семья Бельды. — У пропасти. — Изобретательность Дубенцова. — Над водопадом. — Находка Дубенцова. — Изюбрь. — Открытие Анюты. — Результаты исследования. — Загадочный костер.

На другой день сын шамана, Никифор, встал с рассветом, чтобы вести Пахома Степановича и его спутников до Хунгари. Ружье и котомка лежали у порога фанзы, сам проводник сидел на завалинке и посасывал трубку. Держался он независимо. Темно-бронзовое круглое лицо его было выразительно и красиво. Он безразлично покосился на вылезающих из палаток пришельцев, встал и скрылся в фанзе. Тотчас же оттуда вышел старик — босой, с обнаженной лысой головой в каких-то бурых плешинах.

— Вам могу собираться Хунгари, — сказал он.

— Погоди маленько, дай нам позавтракать да погостить у тебя, — хитро улыбаясь, ответил Пахом Степанович. — Разве хороший хозяин гонит гостей?

Бельды засмеялся и хрипловатым голосом заговорил:

— Я совсем не хочу тебя прогоняй. Живи, гуляй.

Похихикивая, он почесал поясницу и ушел в фанзу. Опять вышел Никифор и унес в фанзу свою котомку и ружье.

Старый шаман, очевидно, думал, что пришельцы сразу уберутся восвояси. Поэтому он не разрешал выходить из фанзы никому, даже женщинам, чтобы приготовить завтрак. Убедившись, что гости не торопятся, он снял запрет. Первой из фанзы выбежала маленькая девочка, за ней вышли девочка лет четырнадцати и мальчик лет пятнадцати. Дети со страхом и любопытством рассматривали пришельцев, следили за каждым их движением. Затем из фанзы вышла молодая женщина с длинными ко-

сами. На ней висел старый халат, на ногах были расшитые шелком торбаза из лосиной кожи. Не поднимая глаз и не поворачивая лица в сторону палаток, она прошла к очагу и принялась неторопливо разводить огонь. Собаки весело вертелись вокруг нее, лизали ей щеки; женщина не отгоняла их.

— Это Инга? — шепотом спросила Анюта у Пахома Степановича.

— Должно, она, — громко ответил таежник.

— Какая она несчастная! — заметила с жалостью Анюта.

В это время на пороге фанзы появилась полуслепая подвижная старуха с седыми косичками. Подобно Инге, старуха не смотрела в сторону палаток. Она тащила к очагу большой чугунный котел, доверху наполненный рыбой. Поставив чугун на очаг, женщина удалилась.

Дубенцов не сомневался, что находится именно у того Красного озера, где его отец обнаружил месторождение железа. Ему не хотелось уходить отсюда, не выяснив до конца все скрытые в нем тайны. А для этого нужно было детально познакомиться с содержанием кварцевых жил у водопада и обследовать строение плотины и западного склона Лысой горы, где виднелась большая осыпь.

Пахом Степанович одобрил план, предложенный Дубенцовым. С ружьями за плечами они отправились к обрыву, где были замечены кварцевые жилы. Обогнув озеро с востока, поднялись на длинную прибрежную гору и скоро очутились возле устья Безымянной. Внизу под страшным обрывом шумел водопад. Анюта взглянула вниз и зажмурилась: у нее замерло сердце от страха. «Как же он думает спускаться», — подумала она о Дубенцове.

Действительно, вершина обрыва возвышалась тупым углом, из-за этого не видно было его подножия и водопада.

Кроме того, ниже косого среза вершины виднелись острые выступы гранита. «Эти выступы неминуемо перережут веревку, и тогда...» — в смятенье думала девушка.

Как бы подслушав ее мысли, Пахом Степанович решительно заявил, что он не пустит геолога вниз и что нужно вообще убираться отсюда. Дубенцов тотчас предложил испробовать приспособление, которое, по его мне-

нию, облегчало спуск и подъем. Метрах в трех от обрыва начиналась стена леса и тут с краю росла старая кривая береза со множеством ветвей. Дубенцов намеревался свалить березу так, чтобы вершина ее нависла над пропастью. В одном из ее разветвлений он предлагал срезать кору, гладко острогать древесину в развилке толстых ветвей и в этом месте, как через блок, пропустить канат.

Пахом Степанович, не однажды убеждавшийся в изобретательности Дубенцова, на этот раз не поддержал его. И только после настойчивой просьбы он согласился испробовать, чтобы посмотреть, что из этого получится.

Они срубили березу. Падая, дерево своей кроной нависло над пропастью. На ствол срубленной березы у нижнего конца комля повалили еще несколько соседних деревьев. Вершина березы, нависшая над рекой, не могла теперь перетянуть ствол даже под большой тяжестью, так как на ее комле лежал большой груз из стволов.

Привязанный канатом, с топориком и ножом за поясом, Дубенцов стал карабкаться по стволу березы. Он выбирал разветвление, которое приходилось бы на одной вертикальной линии с той частью гранитной стены, где были кварцевые жилы.

У развилка Дубенцов сел. Крепко обхватив ногами ствол березы, он принялся обтесывать его ножом и отшлифовывать топором.

Довольный своей работой, Дубенцов вернулся по стволу обратно. Теперь он готовился к главному — спуску под обрыв. Он снял с себя сапоги, вооружился геологическим молотком, прихватил клеенчатую сумочку для образцов. Казалось, все было готово. Но оставалось решить еще одну задачу. Грохот водопада мешал слышать голос, тогда как объясняться знаками Дубенцову из-под обрыва с Пахомом Степановичем тоже было нелегко, — выступ закрывал геолога. Нужно было найти наиболее удобный и надежный способ сигнализации. Обдумав все, разведчики решили, что Дубенцов возьмет с собой в сумке несколько палок и камней различной величины; когда потребуется опустить его на полметра вниз, он бросит в реку, повыше островка, ясно видного с обрыва, маленький камень; для спуска на один метр он швырнет большой камень; для подъема будет кидать палки; для первой остановки сбросит в реку кусок гнилушки.

Когда все было условлено, Дубенцов пристроил на

конце каната поперечную палку и сел на нее. Пахом Степанович привязал его к палке и к канату. Затем, пожав руки таежнику и Анюте, Дубенцов с ловкостью акробата пополз по стволу. Действуя уверенно и неторопливо, он добрался до развилки и смело скользнул вниз. Вот он повис, поправил под собой сиденье и ремень на груди, мельком взглянул на водопад, потом на Анюту и Пахома Степановича. Канат змеей пополз по березе, и Дубенцов скрылся за острыми выступами обрыва.

Спускал его Пахом Степанович. Анюта стояла в стороне и следила за сигналами. Из-под обрыва в реку полетела гнилушка. Анюта подняла руку и испуганными глазами посмотрела на Пахома Степановича. Тот придержал канат. На воду упала маленькая палка. Девушка немедленно передала и этот сигнал. Канат тяжело пополз вверх и остановился.

Тем временем Дубенцов, чуть-чуть покачиваясь, висел над водопадом против кварцевой жилы, выбирая удобное положение, чтобы приступить к исследованию. Водопад бушевал под ним метрах в двадцати. Геолог посмотрел вниз, и у него закружилась голова, — пришлось на минуту закрыть глаза. Больше он уже не смотрел туда.

Он начал исследование с верхней жилы. На поверхности светло-серой, полупрозрачной породы не обнаружилось никаких пятен. Дубенцов достал зубило и принялся долбить породу. Куски кварца легко откалывались и осыпались вниз.

Он занимался исследованием жилы больше часа. Исковырял кварц вправо и влево от себя на метр, но ничего не обнаружил. Решил уже сигнализировать о подъеме, как внимание его привлекло темное пятно между кварцем и гранитом. Дубенцов отколол кусок. Ослепительно блеснула солнечно-желтая мозаика. Это было жильное золото. К сожалению, отколотый кусок полетел в водопад. В выбоине Дубенцов разглядел еще желтые вкрапления и начал отбивать их зубилом. Наполнив кусками породы сумку, он дал сигнал о подъеме наверх.

Трудно описать восторг, с каким Анюта и Пахом Степанович встретили геолога. Таежник, всегда спокойный и медлительный, при виде золота сделался непохожим на себя. Дрожащими пальцами схватил он кусок породы и долго смотрел на него. Заметив на себе удивленные взгляды молодых людей, он виновато и смущенно объяснил:

— Старая рана — страсть к золотишку. Ну, теперь зажила, — и он уже равнодушно взглянул на золото.

К фанзе Бельды Пахом Степанович, Дубенцов и Анюта смогли отправиться лишь после полудня. Они порядочно проголодались. По пути Пахом Степанович завернул в один из распадков, где бежал горный ключ.

— Рябчики тут должны быть, — сказал Дубенцову таежник. — Видишь, тут рябина и ольха растут.

Они поднялись вверх по ключу. Впереди шел Пахом Степанович.

Неожиданный громкий треск, послышавшийся впереди, вывел Дубенцова из раздумья. Он поднял голову и увидел, как Пахом Степанович мгновенно вскинул ружье и выстрелил. В следующее мгновение таежник метнулся в чащу и выстрелил вторично.

Дубенцов бросился вслед за таежником. Пахом Степанович стоял в самой чаще над убитым изюбром. Зверь лежал на склоне распадка, запрокинувшись на спину, неестественно подвернув голову с красивыми золотистыми рогами. Тонкие, словно точеные, передние ноги изюбра были согнуты в коленях, задние судорожно вытянулись — пуля таежника достигла его на бегу.

— Ну, каков? — возбужденно спрашивал Пахом Степанович.

— Откуда же он взялся?

Дубенцов с явным сожалением рассматривал изюбра.

— В тайге, паря, всегда настороже будь, не зевай, — ответил Пахом Степанович. — У зверя острый глаз, а у охотника он должен быть вдвое острее. Лежал он под кустом. Я увидел его рога. Пока вскинул ружье, он, паря, заметил да наутек. Успел я его все-таки подбить. Хорош бычок, ничего не скажешь!

Подбежала Анюта. Она с затаенным дыханием разглядывала оленя. Тем временем мужчины дружно принялись за разделку туши. Нагруженные мясом, разведчики под вечер вернулись к фанзе.

— Сейчас я возьму у Бельды котел, — сказал Пахом Степанович, — а тебя, Анюточка, попрошу — изжарь ты нам мяса по-домашнему, чтобы от него дымом не пахло. Печка тут есть, а дров мы принесем.

Анюта захлопотала у очага. В ожидании жаркого мужчины присели у палаток.

— Завершим все свои дела тут, — мечтал вслух Па-

хом Степанович, — и зашагаем к своим. Что там теперь с Федором Андреевичем? Эх, бедняга! Ведь уже двадцать с лишним дней мы пропадаем.

— Пахом Степанович, вы сможете теперь провести сюда экспедицию? — спросил Дубенцов.

— Вот выйдем на Хунгари, огляжусь, тогда хоть кого проведу, — ответил таежник. — Маленько закружился я в тех сопках с вашим следом, да на этой Безымянной реке. Первый такой случай в моей жизни.

— Сюда идите, ко мне! — позвала их девушка.

Они вскочили, озираясь по сторонам.

— Смотрите! Смотрите! — взволнованно говорила Анюта.

Они бросились к очагу. Анюта положила нож недалеко от плиты. Как только она отняла руку, нож резко повернулся лезвием к плите и прилип к ней.

— Вот вам и магнитный железняк! — ликующе воскликнул Дубенцов.

Только теперь он разглядел, что плита представляла собой плоский и широкий черный камень неправильной формы.

Дубенцов достал фарфоровую пластинку, отколол зубилом кусок плиты и провел им по пластинке. На фарфоре осталась черная полоса, подтверждающая, что в руках геолога действительно был магнетит.

— Мы сейчас разузнаем, откуда здесь эта штука, — проговорил Пахом Степанович, тоже взволнованный неожиданным открытием.

Он позвал Бельды. Указывая на плиту, таежник расспрашивал его. Сначала шаман не понимал, что от него хотят, потом закивал головой и указал рукой на плотину.

— Он говорит, что нашел плиту за этой горой, — сказал Пахом Степанович Виктору и Анюте, когда старик ушел.

Ночью Дубенцов не мог уснуть. Сопоставляя все данные, он окончательно убеждался в том, что именно здесь его отец нашел железо.

Утро занялось пасмурное, накрапывал дождь. Но, несмотря на дурную погоду, Дубенцов и Анюта в сопровождении Никифора отправились на плотину.

— Теперь мне все понятно, Анюточка, — говорил Дубенцов по дороге. — Легенда о Джагмане, несомненно, связана именно с этой красной водой. Помнишь слова

Джагмана: «Гора, гора, обрушь на меня свои скалы»? И гора обрушилась. Посмотри на Лысую гору — там грань, откуда сползла огромная масса породы. Она загородила русло реки. Мы стоим сейчас на этой естественной плотине, а те ручьи, что виднеются в долине, — это выход из-под плотины профильтрованной озерной воды. Так и знай, что за поворотом долины ручьи собираются в новую реку.

— Поскольку это так, — заметила Анюта, — можно предположить, что железо обнажилось после оползня.

— Именно это я и хочу сказать, — подтвердил Дубенцов.

Они поднялись на возвышенность, являющуюся гребнем естественной плотины. Здесь среди березового леса лежали каменные глыбы. Дубенцов обнаружил такие же глыбы у подножия плотины на противоположной стороне, куда они спустились по крутой осыпи.

— Его находи на этом месте, — показал Никифор впереди себя.

Дубенцов и Анюта осмотрелись.

— Вон, вон черный камень! — воскликнула девушка и кинулась к огромной глыбе с шероховатой поверхностью.

— Железняк, — сказал Дубенцов. — Честное слово, магнитный железняк!

Опыт с фарфоровой пластинкой подтвердил его вывод.

Потом они отправили Никифора обратно, передав через него просьбу Пахому Степановичу принести им обед. Сами же продолжали обследовать подножие и осыпь плотины. К полудню, когда Пахом Степанович пришел к ним с жареным мясом и лепешками, они встретили его основательно измазанные ржавчиной.

— Глыбы, целые глыбы сплошного магнетита! — восторженно говорил Дубенцов. — Завтра пойдем взглянуть на Лысую гору. Вероятно, это с нее скатилось такое богатство.

— Выходит, что тут и был твой отец? — сияющий, спросил Пахом Степанович. — Не зря, значит, шатались мы по тайге двадцать дней. Ну, работайте, работайте. Я пойду половить свежей рыбешки на ужин. Бельды дает мне сеть.

Таежник ушел, а Дубенцов и Анюта остались, увлеченные поисками новых образцов магнитного железняка.

В лагерь они возвращались под вечер. Пасмурная ветреная погода, стоявшая весь день, сменилась солнечной теплой тишиной. Все, казалось, дремало в природе в эту минуту.

Геологи изрядно умаялись, карабкаясь весь день по глыбам у подножия и на склоне плотины. С рюкзаками, полными камней, они с трудом взобрались на вершину плотины. Решили здесь передохнуть. Отсюда открывался вид на озеро, на гряду сопок, окружающую его, на Лысую гору. Дубенцов, подостлав дождевик, прилег на траву. Раскинув руки, он лежал на спине и задумчиво смотрел в ясную глубину неба. Там лениво проплывали редкие вереницы подрумяненных вечерним солнцем легких облаков.

— Прошло только двадцать дней, как мы покинули лагерь, — тихо говорил он Анюте, — а мне кажется, будто позади осталось, по меньшей мере, два года. Столько событий!.. И главное из них — ты... Я хочу серьезно спросить тебя, Анюта, — вдруг поднялся он на локоть, — скажи откровенно, что ты думаешь о наших отношениях после окончания экспедиционных работ? Уедешь в Москву?

— Зачем ты так говоришь, Витя? — Девушка склонила над ним свое лицо — румяное, загорелое, немного похудевшее за время скитаний по тайге. Взгляд ее, полный теплоты и нежности, был неотразим; казалось, она смотрит в самую душу Дубенцова. — Я никуда от тебя не уеду, — спокойно, но твердо и раздельно сказала она и ласково, осторожно откинула ладонью с его лба прядки льняных волос, смело посмотрела в его перламутрово-серые глаза. — Разве мы уже не говорили об этом, Витя?

— Мне все казалось, что мы как-то шутками перебрасываемся...

— Разве ж такими вещами шутят?..

— Я действительно далек от того, чтобы все было шуткой. — Дубенцов посмотрел на Анюту благодарными, счастливыми глазами. — Если бы ты знала, Анюточка, сколько счастья у меня сейчас в душе!..

Между тем солнце уже стало скрываться за грядой сопок, сумерки прокрадывались по тайге.

— Пойдем, Витенька, уже поздно, — первой спохватилась Анюта.

Нагрузившись тяжелыми рюкзаками, они взялись за

руки и двинулись по гребню плотины в сторону своего лагеря. Перед ними расстилалась живописная панорама вечерней тайги. Сумерки уже заполнили низины, долины, распадки, но вершины сопок еще алели в вечерних лучах солнца.

— Ты посмотри, Анюточка, какая все-таки здесь прелесть! — заговорил Дубенцов, любуясь вечерней панорамой. — Придет время, когда это место станет обжитым. Как же все здесь удобно. Вот посмотри, здесь, — показал он на берег озера у подножия Лысой горы, — на этом широком уступе поднимется металлургический комбинат — вырастут доменные печи, на Лысую гору пойдут фуникулеры, пониже пролягут железнодорожные пути. На водопаде можно построить прекрасную гидроэлектростанцию; там вон, — показал Дубенцов на место, где они вчера убили изюбра, — там раскинется город с белыми домами, зеленью, гладким асфальтом. И до чего же здесь будет красив труд и отдых людей!.. Плотина перегородит горловину Безымянной выше водопада. И там вон, в той низине, образуется огромное озеро-водохранилище. И самое интересное для нас, — мы проложили сюда путь большой жизни, мы, простые геологи! Ты слушаешь меня?

— Слушаю, Витя. Словом, стоило двум геологам заблудиться, чтобы все это было так!

— Заблудиться? — Дубенцов с сомнением покачал головой. — Пожалуй, это не совсем так. Если бы мы не заблудились, то все равно были бы здесь. Здесь центр магнитной аномалии. Это безусловно так. В письме нам, пожалуй, и было распоряжение плыть по реке к Красному озеру; о нем, по-видимому, узнали при магнитометрических съемках наши. Теперь задача — быстрее на Хунгари, к своим...

За разговорами они незаметно очутились на берегу озера. Уже смеркалось. Здесь их встретил Пахом Степанович.

— У кого из вас глаз позорче? — спросил он. — Поглядите-ка на Лысую гору.

Геологи разом посмотрели в указанном направлении. Там, словно крупная звезда, светился огонек.

— Костер? — изумился Дубенцов.

— Неужели нас ищут? — спросила Анюта. — Это, наверное, Мамыка нас разыскивает.

Они долго смотрели на огонек, мерцавший в сумерках.

— Это не Бельды ли ушел за чем-нибудь в тайгу? — спросил Дубенцов. В голосе его слышалось беспокойство, и это сразу уловила Анюта.

— Нет, он в фанзе.

— А не могло получиться так, — продолжал строить догадки Дубенцов, — что отряд закончил обследование угольного района и отправился на поиски магнитной аномалии? Тогда это наши люди...

Пахом Степанович ничего не ответил.

— Не знает ли Бельды: может быть, там кто-нибудь живет? — высказала Анюта еще одну догадку.

— На сопке человек жить не будет, — заговорил таежник. — По-моему, это или наша, или другая какая экспедиция. А если один человек, то какой-то неопытный... Зачем бы человеку лезть на сопку ночевать? Там и дичи меньше и вода редко бывает...

У палаток было тихо. В фанзе, должно быть, все легли спать. Анюта с Дубенцовым стали умываться и готовиться к ужину, а Пахом Степанович вызвал из фанзы старого Бельды и вместе с ним пошел к озеру — еще раз взглянуть на загадочный огонек в тайге.

Они скоро вернулись. Нанайца тоже удивил костер на Лысой горе. Он никак не мог объяснить его происхождение.

После ужина Пахом Степанович и Дубенцов взяли ружья и отправились на озеро наблюдать за Лысой горой.

Глава одиннадцатая

Предусмотрительность таежника. — Геологи отправляются на Лысую гору. — Человек, привязанный к дереву. — Неизвестные. — Невинные жертвы. — Возмездие. — Погоня.

Всю ночь Дубенцов и Пахом Степанович не спали. Костра не разжигали: на Лысой горе могли быть чужие люди, которым не следовало выдавать своего присутствия. В тайге пограничного края нельзя забывать об этом старом таежном правиле.

Огонек на сопке мерцал всю ночь, то разгораясь, то бледнея. Наконец на востоке цвет неба стал меняться,

медленно наступал рассвет. Тьма поредела, в лесу загомонили птицы. Огонь на сопке померк; но прежде, чем он исчез совсем, люди определили точку его нахождения: на грани леса и каменных гольцов, где зелень темным клином вдавалась в голую вершину горы.

Пахом Степанович и Дубенцов вернулись в лагерь, решив немного поспать. Но в восемь часов утра они уже встали, быстро позавтракали и собрались в путь. Несмотря на просьбы Анюты, Пахом Степанович наотрез отказался взять ее с собой. Налегке, прихватив лишь ружья, ножи, котелок и соль, мужчины вышли на разведку, сопровождаемые веселым Орланом.

До подножия Лысой горы они пробирались по плотине, соединяющейся на восточной стороне с пологим склоном сопки. Самый выбор дороги таежник сделал не случайно. По плотине к идущему от нее подъему на сопку рос мелкий березняк, по которому было легче идти, в то время как на северной стороне стоял труднопроходимый лес.

Так, через плотину, сквозь березняк Пахом Степанович и Дубенцов добрались до того места на Лысой горе, где был замечен костер. Долго искали они остатки костра, но ничего похожего на бивуак не обнаружили.

Пахом Степанович сказал в раздумье:

— Вроде и то место, где костер был, а следов никаких...

Долго бродили они вокруг и уже отчаялись что-либо узнать, как вдруг совершенно отчетливо услышали лай собаки.

Торопливо зашагали на звук и спустя некоторое время нашли остатки костра: ворох золы и вокруг примятая трава. Здесь же валялись клочки пергаментной бумаги, обглоданные кости какой-то птицы.

На краю гольца, покрытого лишайниками, Дубенцов увидел груду черных камней; как и на плотине, здесь был магнитный железняк. Дубенцов остановился, чтобы отколоть несколько образцов породы. Между тем лай собаки не прекращался. Он звучал жалобно, словно собака звала себе кого-то на помощь.

Разведчики без задержки отправились к вершине горы. Перед ними оказалось неровное плато, заросшее темным хвойным лесом. Выше белели гольцы — обнаженные скалистые глыбы на Лысой горе. Теперь явственно было

слышно, что лай собаки доносился из леса. Пахом Степанович подал знак. Они быстро перебежали открытое место и, войдя в лес, остановились, осматриваясь и прислушиваясь. Собака, судя по всему, находилась неподалеку. На всякий случай они зарядили ружья и бесшумно двинулись дальше.

Лай послышался рядом — в густых зарослях лиственницы. Собака замолкла и через минуту залаяла совсем по-иному, как будто предупреждая хозяина об опасности. Они замерли. Собака опять умолкла. В эту минуту, казалось, тишину тайги не нарушает ни единый звук. Разведчики постояли в ожидании. Снова залаяла собака — беззлобно, жалобно, зовуще.

— Должно, привязанная, — прошептал Пахом Степанович. — Пошли.

Между деревьями открылась маленькая полянка. Там стояла пестрая остроухая собака и тонко скулила, посматривая в лес. Пахом Степанович и Дубенцов сразу же заметили ее хозяина — он был привязан к стволу лиственницы на высоте полуметра от земли. Руки его были заведены назад. Еще живой, человек тихо стонал.

— Ороч с морского побережья, — уверенно определил Пахом Степанович.

— Почему вы так думаете.

— Бродни на нем из шкуры нерпы, — пояснил таежник.

Дубенцов укрылся в засаде, а Пахом Степанович пошел к орочу.

Собака перестала лаять. Подойдя к орочу, одетому в расшитый халат, Пахом Степанович в ужасе отшатнулся: по лицу несчастного ползало множество муравьев. Красными, воспаленными глазами ороч взглянул на подошедшего и еле внятно произнес:

— Моя помирай, твоя помоги.

— Режь на нем веревки, я его поддержу, — торопливо бросил Пахом Степанович, озираясь по сторонам и подзывая к себе Дубенцова.

Человека осторожно положили на траву. Собака сидела возле и тоскливо повизгивала. Не сразу к орочу явилась способность двигаться и понимать происходящее. Пахом Степанович сказал ему что-то по-нанайски. Запинаясь, ороч отвечал дрожащим голосом. Дубенцов с нетерпением ожидал конца разговора.

— Его зовут Соломдига, — переводил геологу Пахом Степанович. — Он с побережья Японского моря. Понимает меня плохо, и я что-то не очень разбираюсь. Вроде бы он нанялся проводником не то к геологам, не то к топографам. Вчера вечером они вышли сюда, а утром взяли да и почему-то привязали его... Он, кажется, говорит, что это не советские люди, или советские, но не друзья, а враги. Нужно, паря, спешить к фанзе, — озабоченно сказал Пахом Степанович, — боюсь, как бы они не опередили нас. Могут ограбить, а то и побить...

Из двух шестов, халата ороча и дождевика Пахом Степанович быстро устроил носилки. На них положили Соломдигу и понесли к плотине. От плотины до лагеря ороч пошел уже сам — он почувствовал себя лучше.

Подойдя к опушке леса перед лагерем, Дубенцов и Пахом Степанович увидели сквозь тальник, что у костра рядом с Анютой сидят трое неизвестных — все в одинаковых дождевиках и зюйдвестках. Рядом лежали рюкзаки и винчестеры. Дубенцов и таежник подошли ближе. Один из неизвестных был рыжий с острым вздернутым кверху носом и беспокойно бегающими глазами; второй, с широченными плечами, выглядел богатырем. К большой его фигуре совсем не шло маленькое круглое лицо. Третий был коренастый, приземистый, похожий на японца.

Рыжий что-то оживленно говорил Анюте.

Неизвестные не сразу заметили Дубенцова и Пахома Степановича. Как только они вышли из зарослей тальника, Соломдига, шедший позади, остановился и весь затрясся: он узнал в сидящих у костра людях тех, кто привязал его к дереву.

— Встать и не прикасаться к оружию! — прогремела команда таежника. — Если хоть один потянется к оружию, застрелю!

Не поднимаясь с места, человек богатырского телосложения быстро размахнулся и что-то метнул под ноги Дубенцова и Пахома Степановича. Орлан бросился вперед. Вероятно, он хотел услужить хозяину — принести то, что бросили к ним.

— Граната! — тонким голосом закричала Анюта.

— Ложись! — в тот же миг крикнул таежник.

Анюта кинулась на землю. Нанайцы побежали к фанзе. Раздался взрыв. Орлан взлетел в воздух и безжиз-

ненно свалился. Упал и Соломдига, пораженный осколками.

Пока Анюта пришла в себя, неизвестных уже не было рядом, они успели скрыться в лесу. Бледная, с блуждающими от страха глазами, девушка встала с земли и посмотрела в ту сторону, где за секунду до взрыва стояли Дубенцов и Пахом Степанович. Она боялась увидеть их мертвыми. Но они остались невредимы, так как упали под защиту берега у ручья, тогда как Орлан принял на себя всю силу взрыва.

Было еще достаточно светло, когда все это случилось.

Судя по треску сучьев, диверсанты убегали вверх по распадку. Дубенцов было бросился им вслед, но Пахом Степанович остановил его.

— На засаду можешь угодить! — крикнул он. Они вдвоем сделали несколько выстрелов наугад вслед бандитам и быстро кинулись к Соломдиге.

— В фанзу его, — сказал таежник. — Самим тоже нужно поскорее убираться с открытого места, — могут перестрелять из леса, сволочи!

После того как Соломдигу уложили на нарах в фанзе, Пахом Степанович не вытерпел, вышел на минутку взглянуть на Орлана. Верный друг таежника был убит наповал. Пахом Степанович, несмотря на опасность, все-таки постоял возле остывающего Орлана. И если бы кто посмотрел в глаза старому таежнику, то увидел бы в них слезы...

Когда он вернулся в фанзу, здесь стояло гробовое молчание — только что скончался Соломдига. Ороч даже не успел прийти в себя. Нанайцы сбились в кучу в углу фанзы. Все они были так потрясены происшедшим, что ни у кого не находилось слов для разговоров. Дубенцов прикрыл тело Соломдиги своим дождевиком и вопросительно посмотрел на Пахома Степановича.

— Ах, изверги, ах, душегубы!.. — бормотал старый таежник.

— Что-то нужно предпринимать, Пахом Степанович, — глухо сказал Дубенцов, — иначе нас блокируют здесь, в этой ловушке. Ясно, что это специальная банда, у них гранаты, которыми они могут закидать фанзу.

— Это верно, Витяш.— Так Пахом Степанович называл Дубенцова в минуты особых опасностей, обычно

сближающих людей. — Это верно, но и высовываться сейчас засветло рискованно. Леший их знает, может, они уже устроили на обрывах засаду. Оттуда видно хорошо всю фанзу и поляну. Высунешься, а он тут тебя и пристукнет с обрыва. Повременить нужно до темноты. В потемках они не смогут близко подобраться к фанзе — собаки начнут лаять.

— О чем ты говорила с ними, Анюта? — спросил Дубенцов девушку. — Не рассказала им, кто мы?

— Рассказала, Витя, — с отчаянием в голосе ответила Анюта. — Я совсем не подумала, что они враги. Они представились охотоведами, изучающими фауну Сихотэ-Алиня. Спросили меня, что мы тут делаем и как сюда попали. И я рассказала все... дура!..

— Не надо бы! — с сожалением крякнул Пахом Степанович. — Раз в нашей дальневосточной тайге встретился с подозрительным человеком, будь настороже, не выдавай, кто ты.

Пахом Степанович и Дубенцов не отходили от подслеповатых окон, дожидаясь темноты. Они следили за обрывами, что поднялись поверх макушек деревьев, за подозрительными кочками и камнями на обрывах.

— Пахом Степанович, скорее... — прошептал Дубенцов и помахал рукой, подзывая к себе таежника. Сам он не отрывал глаз от окна, ведущего к ближнему восточному обрыву. — Смотрите, смотрите!..

Пахом Степанович, а за ним и Анюта бросились к Дубенцову. Они увидели, как по вершине обрыва, со стороны верховий распадка, осторожно перебегают бандиты, прячась между стволами деревьев.

— Ружья! — крикнул таежник.

Но пока он и Дубенцов схватились за оружие, диверсанты уже скрылись за каменным гребнем. Этот гребень тянулся вдоль самого края обрыва и подходил очень близко к фанзе — не более двадцати метров, считая и высоту.

— Видишь, что они придумали, — сказал Пахом Степанович. — Устроить засаду против дверей.

— А может быть, другое, — возразил Дубенцов. — Может быть, они хотят забросать окна гранатами? Тут ведь близко.

— Да, нам опасно теперь оставаться здесь, — мрачно сказал таежник. — Могут и поджечь, бросить зажженную бересту на крышу.

Не успел он проговорить это, как с обрыва что-то полетело и, с силой ударившись об оконную раму, отлетело. Через секунду раздался глухой взрыв где-то рядом, осколки застучали по стене, звякнуло разбитое стекло.

— Моя хочу ему убивай! — в ярости воскликнул сын шамана, Никифор. Он схватил свое ружье и, сунув ствол через выбитое окно, выстрелил дуплетом в сторону обрыва. Туда же сделали по два выстрела Пахом Степанович и Дубенцов. Диверсанты больше ничем не выдавали своего присутствия.

Между тем быстро наступали сумерки. В фанзе становилось совсем темно. Пахом Степанович и Дубенцов, а с ними и Никифор стали спешно собираться на охоту за бандитами. Они набивали патронами карманы, запасались ножами.

— Зайдем им с тыла по плотине, — возбужденно говорил вполголоса Пахом Степанович. — Нужно подлезть к ним поближе и ждать рассвета. Мы будем выше их находиться; нам видно будет их оттуда хорошо. А они по обрыву не смогут спуститься, только вправо или влево можно им уходить, вдоль обрыва. Тут мы их и пощелкаем.

Но не успели они выйти из фанзы, как послышался лай собак, и в ту же минуту под окнами упали два зажженных факела, прилетевшие с обрыва.

Вначале это было принято за попытку бандитов поджечь фанзу. Женщины-нанайки и дети закричали. Пахом Степанович распорядился, чтобы все уходили из фанзы. Но тут в окно, освещенное факелом, влетела граната и упала на пол возле Дубенцова. Не раздумывая, геолог схватил ее и выбросил обратно. Граната взорвалась в воздухе. Слышно было, как осколки разбили стекло соседнего окна и ударились в стену. Из фанзы по обрыву открылась дружная стрельба. Пахом Степанович, улучив минуту, схватил бадью с водой, рванул дверь и выплеснул воду на факелы. Стало темно. Почти в это же время у окон раздались взрывы еще двух гранат.

По команде таежника все кинулись в распахнутую дверь вон из фанзы. Дубенцов и Пахом Степанович залегли возле фанзы и стали стрелять по обрыву. С криками из фанзы стали выбегать нанайцы. В этот момент во дворе упали и разорвались еще две гранаты. Послышались стоны раненых.

Дубенцов, лежавший у ручья рядом с Пахомом Степановичем, услышал, как скрипнул зубами таежник.

— Вас ранило, Пахом Степанович? — шепотом спросил он.

— Маленько царапнуло... правую руку. Пустяки!.. Теперь они будут беречь патроны. Ты ползи, паря, посмотри, кому там вред причинен. Жива ли Анна Федоровна?..

Дубенцов ползком пробрался на середину поляны. Там, где еще недавно стояли палатки, он запнулся за чье-то тело, ощупал его. Это был Бельды Конга. Дальше он нашел труп маленькой девочки, а за нею мертвую старуху. В сторонке ему попался также еще теплый труп мальчика.

— Тебе кто? — вдруг раздался дрожащий шепот из кустов.

— Это я, Дубенцов. А ты — Никифор?

— Моя Никишка. Моя хочу убивай его! — прошептал нанаец дрожащим от гнева голосом.

— Где остальные?

— Прятался на озере.

— Скорей веди меня туда.

Они пробрались к озеру, завернули в узкий распадок. Их встретил испуганный возглас Анюты:

— Кто здесь?

— Это я. Наконец-то ты нашлась!.. Ранена?

Через кусты багульника Анюта бросилась к Дубенцову, прижалась к нему, разрыдалась.

— Ты ранена? — с тревогой переспросил Дубенцов. Он нащупал на шее Анюты повязку.

— Ничего, пуля чуть задела, — сквозь слезы ответила девушка. — Где Пахом Степанович?

Дубенцов успокоил ее, велел спрятаться и вместе с Никифором вернулся к фанзе.

Они нашли Пахома Степановича сидящим в засаде. Рука его была уже перевязана. Обсудив положение, все втроем решили отползти в заросли ветлы, где проходит тропинка, и там охранять выход к озеру. Через несколько минут они очутились на тропе, ведущей от фанзы к озеру, и спрятались в кустарнике. Однако Пахом Степанович почувствовал себя плохо. Пришлось отвести его в распадок.

Дубенцов и нанаец терпеливо сидели в засаде, пока не уловили в ночном безмолвии какой-то подозрительный

шорох. Через несколько минут кто-то заплескался в ручье. Никифор без всякого предупреждения выстрелил наугад. Дубенцов тоже выстрелил. Теперь явственно стало слышно, что в ручье барахтается человек. Никифор бросился на шум. Дубенцов остался на месте, охраняя нанайца. У ручья грянул выстрел. Тотчас же Никифор вернулся и, тяжело дыша, лег на землю.

— Самый большой зверь убил, — взволнованно сообщил он Дубенцову.

Приполз Пахом Степанович, обеспокоенный выстрелами.

— Ты убил того, что от костра гранату в нас бросил? — переспросил таежник.

— Его самый и есть, — подтвердил Никифор.

— Видно, послали его к нам в тыл. Ох, подлецы!.. — шептал Пахом Степанович. — Однако, ребятки, валяйте к фанзе и там караульте. Я останусь тут один, — закончил он.

Ночь до рассвета прошла в напряженном ожидании. Только водопад шумел, да кулики, потревоженные стрельбой, с криками носились над озером.

На рассвете Пахом Степанович, лежа в засаде, задремал. Вдруг он встрепенулся: где-то неподалеку послышался подозрительный шорох. Таежник открыл глаза, слегка приподнял голову, всмотрелся. Сначала он не смог заметить что-нибудь подозрительное, потом его внимание привлек куст неестественной формы. Куст странно шевелился. Пахом Степанович, аккуратно прицелившись, выстрелил. Куст упал... Выждав минут десять, таежник подкрался к подбитому «кусту». К своему удовольствию, он нашел там закутанного в зеленые ветки мертвого желтолицего человека, по виду японца. То был Судзуки. Пуля пробила ему голову.

Другой бандит, тот, что с богатырскими плечами, Ставрук, убитый Никифором, лежал в ручье. Прозрачные струи, будто обходя его безжизненное тело, текли мимо, звеня и сверкая под голубеющим утренним светом.

— Та-ак! Зачем пришли, то и нашли, — прошептал таежник.

Добравшись ползком до засады Дубенцова и Никифора, он рассказал им, как убил коренастого бандита, и добавил:

— Теперь третьего надо ловить, того, рыжего. Он где-то припрятался. Надо бы живьем его взять, стервеца!

Таежник помолчал, прислушиваясь, оглянулся кругом и, наклонившись к Дубенцову, сказал:

— Пойдем с тобой, поищем. А ты, Никиша, сиди тут, поглядывай. В случае увидишь, старайся захватить живьем.

Они обогнули обрыв и вышли к отлогому подъему на плотину.

— Пойдешь вдоль самого обрыва, — молвил Пахом Степанович, — а я с правой стороны зайду в обход. Не иначе, он где-то на этой сопке.

— Пахом Степанович, значит будем живьем брать? — заговорил Дубенцов. — Это правильно. Нам спасибо не скажут, если мы и этого уложим. Тут, видно, что-то серьезное они затевали. Правда, придется повозиться.

— Возни с ним особой не будет. Обрежем у штанов пуговицы, да сумку потяжелее ему нагрузим на спину. Тогда уж далеко не побежит.

Путь до обрыва над фанзой показался Дубенцову необычайно долгим. Он несколько раз останавливался, чтобы отдышаться. Наконец он увидел поляну и фанзу.

Взошло солнце. На поляне виднелись трупы убитых. Бельды лежал на спине, закинув руки за голову. У его ног скорчилась, словно спала, девочка. Недалеко от девочки уткнулась вниз лицом старуха. В стороне от нее распростерся мальчик, склонив голову набок. Видно, граната попала прямо в их группу. Горький клубок остановился в горле Дубенцова. Стиснув зубы, он смотрел на трупы невинных.

Мысль о возмездии заставила его на секунду забыть об осторожности. Он слишком порывисто двинулся вперед, под ногами хрустнула ветка, зашуршал куст, задетый карабином. Тотчас справа кто-то поднялся и побежал. Дубенцов, застигнутый врасплох, растерялся на мгновение, но сейчас же бросился в погоню. Ему попались на пути три рюкзака и плащи, разостланные под ветвями орешника на примятой траве. Но Дубенцов не остановился.

Бегом он достиг гребня плотины. Перевел дыхание, прислушался. В этот момент грянул выстрел, и пуля вырвала клочок одежды на плече геолога. Бандит с шумом и треском побежал вниз по склону. Лес кончился, пока-

зался противоположный скат плотины. До бандита оставалось не больше двадцати метров, и Дубенцов крикнул сколько было сил:

— Стой! Стреляю!..

Он выстрелил вверх и увидел, как бандит кубарем покатился под откос. За собой Дубенцов услышал топот ног и тяжелое дыхание. Это был Пахом Степанович.

— Остерегайся, паря! — крикнул таежник. — Подстрелит, гад...

Появление Пахома Степановича придало Дубенцову сил и смелости. В несколько прыжков он очутился у обрыва. Только позавчера Дубенцов и Анюта провели здесь весь день, изучая породы, обнаружив здесь глыбы магнетита. Поэтому Дубенцов хорошо знал здесь все щели и трещины в глыбах.

Диверсант был уже внизу. Он нырнул под одну из каменных глыб и скрылся.

— Спускайся быстро, Виктор, стороной, отрезай ему дорогу в лес! — торопил Дубенцова Пахом Степанович.

Дубенцов пробежал стороной вдоль обрыва и почти кувырком скатился по осыпи. Добравшись до кустарника, что начинался метрах в десяти от подножия осыпи, он залег, отрезав диверсанту дорогу.

Глава двенадцатая

Убежище в норе. — В поисках запасного выхода. — Чей самолет? — Бдительность. — Встреча. — Торжественный обед.

Дубенцов осторожно и неотступно разыскивал диверсанта среди камней. Переползая от укрытия к укрытию, он очутился у входа в темную расщелину в скале, знакомую ему с позавчерашнего дня. Прислушался. Из подземелья доносился звон падающих капель, веяло сыростью и холодом. Потом там возник какой-то шелест, загремел упавший камень; геолог замер. Наконец он явственно расслышал прерывистое дыхание спрятавшегося в норе человека.

— Эй, бандит! Вылезай и сдавайся! — крикнул он. — Пахом Степанович! — закричал Дубенцов. — Он зде-е-сь!

По осыпи полетели камни, и показался таежник, быстро сползающий вниз.

— Где он?

— В норе, Пахом Степанович. Предложил ему сдаваться, не отвечает.

Таежник осмотрел нору сбоку, подошел к краю, прислушался и с облегчением проговорил:

— Тут, сопит. — И добавил шепотом: — А он не уйдет каким-нибудь другим ходом? Ты покарауль, а я погляжу, нет ли где второго хода?

Пахом Степанович пошел вдоль подножия осыпи. Дубенцов крикнул снова диверсанту:

— Вылезай! Все равно не скроешься!

В это время где-то вверху послышалось жужжание, будто там поднялся потревоженный рой шмелей. Дубенцов затаил дыхание и придвинулся к норе. Жужжание затихло. Он отодвинулся от норы — снова возник тот же звук: он то нарастал, то затихал. Прошло несколько минут. Звук становился все сильнее. «Самолет, — прошептал Дубенцов. — Неужели успели вызвать?» При этой мысли у него сжалось сердце. На востоке, за хребтом пролегала морская граница. Если уж враги сумели проскользнуть через границу сушей, то не исключена возможность, что они преодолеют ее и по воздуху. «А может, самолет наш? Скорее бы возвращался Пахом Степанович, нужно что-то предпринимать».

Проходили томительные минуты. Из-за каменной глыбы показался Пахом Степанович.

— Никаких ходов тут нету больше, — прошептал он.— Слышишь, самолет какой-то летит, не к ним ли на подмогу? Надо кончать с рыжим и поторапливаться к озеру. Если морской самолет, то он сядет на озеро.

Таежник подошел к норе и крикнул:

— Вылезай сейчас же, а то дымом начну тебя выкуривать!

Бандит молчал, а рев мотора нарастал все более и вдруг стал оглушительным. Над лесом показалась серебристая птица. Самолет виражировал, накренившись, заворачивая к озеру. Это был гидроплан с советскими опознавательными знаками.

— Наш! — закричал Дубенцов. — Наш самолет!

— Похоже, что наш, — промолвил таежник. — Ну-ка, паря, неси сушняку и травы, — громко заговорил

он. — Мы этого негодяя быстро выкурим. Эй, слышь, ты! — крикнул он в нору. — Вылезай, пока не поздно!

— Какие ваши условия? Вы сохраните мне жизнь?— послышался голос из подземелья.

— Ага, заговорил! Никаких тебе условий. Вылезай, и все.

— Гарантируйте мне жизнь, тогда вылезу, — торговался диверсант.

— Вот я тебе сейчас гарантирую!.. — бросая охапку сушняка у входа в нору, проговорил Пахом Степанович и, обращаясь к Дубенцову, прошептал. — Самолет вроде на озеро пошел. Беги туда, я тут и один управлюсь. На случай, если самолет чужой, уводи всех наших.

Дубенцов кошкой вскарабкался на обрыв и бегом пустился по березняку. Через несколько минут Дубенцов был уже у фанзы. На поляне не было трупов. Вероятно, их убрал Никифор. Он же, очевидно, затянул шкурами окна фанзы и привалил бревном дверь.

С озера долетал равномерный, приглушенный шум мотора.

Дубенцов проскочил заросли, и перед ним открылся простор озера. Самолет покачивался у песчаной косы. По всем признакам это был советский морской разведчик. В носовой кабине стоял человек в кожаном шлеме и махал кому-то руками.

Самолет подрулил к берегу. Из кабины выпрыгнул человек в форме военного летчика. Он привязал конец каната за ближайшее дерево, вернулся и принял маленький трап, поданный вторым летчиком из кабины.

— Ну что там, Миша? — спросил второй летчик.

— Куда-то все пропали.

— Ты загляни в лачугу. Они, наверное, туда спрятались.

Из кабины показалась голова Черемховского.

— Нашли кого-нибудь? — спросил он негромко.

Вслед за профессором показался фельдшер Карамушкин.

Дубенцов, наблюдавший за этой сценой из кустов, закинул за спину карабин и, сдерживая волнение, вышел на берег.

— Здравствуйте, Федор Андреевич! — обратился он к Черемховскому. — Здравствуйте, Карамушкин!

Дубенцов не сводил глаз с Черемховского и широко улыбался. Безмерное счастье было написано на его лице.

— Виктор Иванович! — всплеснул руками Черемховский. — Любезные, скорее помогите мне! — обратился он к летчикам.

Дубенцов опередил летчиков и помог старику, а затем и фельдшеру сойти на берег. Черемховский обнял молодого человека и трижды поцеловал его.

— Милый мой, сколько я передумал о вас!.. — хриплым от волнения голосом говорил он. — Где же Анюта?

— Да-да, где же Анна Федоровна? — встревоженно спрашивал Карамушкин.

— Сейчас она прибежит. Вы не беспокойтесь, она жива и здорова.

Анюта уже бежала к отцу.

— Па-па-а-а!.. Папочка-а-а!.. — звенел ее голос над озером.

Черемховский выставил вперед свои сухие длинные руки и, пошатываясь, пошел к ней навстречу. С разбегу девушка чуть не сбила его с ног. Смеясь и плача, она обнимала отца и без конца целовала в глаза, в лоб, в усы...

Старик со счастливым лицом бережно держал дочь в объятиях.

— Как ты похудел, папочка! Я знаю: ты волновался и переживал за меня! Но теперь мы вместе! — восклицала Анюта. — За то, что я жива и мы с тобой встретились, поблагодари Виктора... Ивановича.

Она оторвалась от Черемховского, подошла к Дубенцову и, приподнявшись на цыпочках, поцеловала его. Виктор смутился. Карамушкин в эту минуту, отвернулся и покраснел. Потом она подошла к Карамушкину и дружески подала ему руку.

— Я ваш должник на всю жизнь, — сказал профессор Дубенцову, пожимая руку молодого геолога. — В самых отчаянных своих мыслях я не терял веру в ваше мужество и в опытность Пахома Степановича. Однако, где он? Анюта заслонила собой всех, и я про него чуть не забыл. Или вы не встретились? — с тревогой спросил Черемховский.

— Он здесь, и вы его сейчас увидите, — успокоил его Дубенцов. — Он занят одним делом, о котором я вам расскажу.

Из кустов вышел рыжий диверсант в сопровождении Пахома Степановича. Старый таежник держал ружье наперевес.

Все уселись на камни в кружок.

Дубенцов кратко доложил начальнику отряда результаты геологических поисков в районе Безымянной и Красного озера, затем рассказал о последних происшествиях.

— Красное озеро оказалось былью, — преодолевая волнение, сказал Дубенцов. — И знаете, Федор Андреевич, подтвердилась даже такая деталь легенды: плотина образовалась от обвала с горы...

— А почему ты нам не рассказываешь о месторождении угля? — вспомнила Анюта.

— Месторождение нашли. Вчера мы ночевали на Хунгари, и я узнал, что запасы угля имеют важное промышленное значение.

— Что-то я тебя не пойму, папа, — в недоумении проговорила Анюта. — Почему ты узнал про это только вчера? А раньше ты где же был?

— Со мной, Анюточка, тоже были всякие происшествия, — усмехнулся профессор. — Я вижу, что добрейший Пахом Степанович не хотел тебя беспокоить и умолчал о них. Разыскивая вас, я подхватил воспаление легких... — и Черемховский рассказал все, что уже давно известно читателю, но не было известно Дубенцову с Анютой.

В возбужденной беседе все забыли о том, что Пахом Степанович стережет в норе двуногого зверя. Вдруг Дубенцов вспомнил об этом, вскочил и кинулся было в кусты. Оттуда навстречу вышел рыжий диверсант в сопровождении Пахома Степановича. Бандит шагал понуро, придерживая обеими руками штаны. На лице его виднелись синяки и ссадины. Пахом Степанович держал ружье наперевес; за спиной у него висел винчестер, отнятый у диверсанта.

— Его убивай надо! — вдруг крикнул Никифор, оказавшийся возле, и бросился с ножом на бандита.

Летчики с трудом удержали нанайца.

Пахом Степанович остановился. Он был изумлен, увидя приближающегося к нему Черемховского.

Они обнялись и долго трясли друг другу руки.

Потом Черемховский подошел к диверсанту.

— Почему у него лицо в синяках? — спросил он Пахома Степановича.

— Вздумал сопротивляться. Пришлось слегка поучить уму-разуму.

— Неправда! — завопил бандит. — Я не сопротивлялся. Я прыгнул через огонь, тогда он набросился на меня, отнял винчестер и бил кулаком.

— Ишь ты, недоволен, жалуется, — усмехнулся один из летчиков. — Думал, наверное, конфетами будут тебя угощать, когда попадешься? Побывал бы ты в моих руках хоть минуту!.. Скажи спасибо, что тут Черемховский.

Услышав названную летчиком фамилию, Петров внимательно посмотрел на старого геолога и вздрогнул.

— Вы кто? — строго спросил Черемховский.

Диверсант молчал.

— Ты что, по-русски забыл? — угрожающе спросил летчик. — Отвечай, что у тебя спрашивает профессор.

Рыжий вздрогнул.

— Я... мы охотоведы, изучали фауну Сихотэ-Алиня.

— Фауну? А зачем же людей убивали?

— Мы защищались... Первым стал угрожать оружием вот он... — диверсант указал на Пахома Степановича. — А потом мы решили, что это какие-то злоумышленники, и решили изловить их...

— Ах, стервец! — расхохотался старый таежник. — А ороча зачем привязывали к дереву? А гранаты откуда были у вас?

— Федор Андреевич, я сейчас принесу их имущество. Я знаю, где оно лежит, — сказал Дубенцов.

Вместе с Никифором они отправились на обрыв и вскоре вернулись оттуда, неся рюкзаки диверсантов. Дубенцов принялся доставать их содержимое: три сумки с гранатами и патронами, небольшой запас галет и сгущенного какао в банках, несколько пачек денег. Когда же он вытащил туго обвязанную клеенчатую сумочку, Петрова передернуло: в сумке были ампулы с бактериями заразных болезней.

— Это что? — спросил Черемховский диверсанта, показывая на ампулу.

— Это ядохимикаты для опытов над зверями, — невинным голосом ответил Петров. — С ними нужно осторожно обращаться. Разрешите, я покажу, как их открывать, — шагнул он к Черемховскому.

— Ни с места, стреляю! — гаркнул на него Пахом Степанович, вскидывая ружье.

— А гранаты зачем? — продолжал спрашивать Черемховский.

— Край пограничный, опасно ходить без вооружения, — врал напропалую диверсант.

Его увели. Анюта с помощью Пахома Степановича стала готовить обед. Черемховский в сопровождении Дубенцова пошел осматривать побережье. Летчики занялись осмотром своей машины.

Часа через два на траве был раскинут сверкающий белизной шелковый парашют, на нем закуски. Анюта пригласила всех «к столу». Вокруг уселись десять человек, в том числе Никифор, Инга и маленькая девочка-нанайка. Черемховский поднялся.

— Любезные друзья мои! — сказал он. — На нашу долю выпали немалые испытания. Мы преодолели их. И труды наши не пропали даром. И вот за это, — Черемховский показал на Лысую гору, — Родина скажет нам спасибо. Я поднимаю чашу за стойкость советских людей, за следопыта нашего Пахома Степановича, за дочь свою, за вас, мой друг Карамушкин, и за вас, герои-соколы, — обратился он к летчикам, — и за вас, молодые люди, — повернулся он к нанайцам. — За будущий расцвет вашей жизни! Что касается Виктора Ивановича, то о нем я скажу одно: он достойный сын своего отца и моего друга Ивана Филипповича. Я пью за всех вас и за то, чтобы жизнь наша была полна, как этот бокал, ясна, как этот чудесный, солнечный день, могуча, как эти хребты Сихотэ-Алиня...

Все выпили, начался шумный обед.

Над горами и озером, над бесконечным океаном тайги по ярко-лазоревому небу в сияющей вышине медленно плыли редкие облака. В полном разгаре был знойный августовский полдень. За озером торжественно и могуче, словно туго натянутая струна, гудел водопад. Изумрудные его потоки время от времени радужно вспыхивали под прямыми лучами солнца. Иногда на озеро набегала тень, и тогда темнели стремнины водопада. Но проходило облачко, и вновь вспыхивали искристой радугой потоки воды, вновь сияние полдня наполняло прозрачный воздух над Красным озером.

ПАДЕНИЕ ТИСИМА-РЕТТО́

ПРОЛОГ

В первой половине июля 1945 года из Владивостока на Камчатку вышел небольшой грузовой пароход «Путятин». Его трюмы были загружены солью для рыбных комбинатов полуострова и небольшим количеством продовольствия и промышленных товаров для населения Петропавловска-на-Камчатке. На борту «Путятина» находилось около сорока пассажиров.

Спустя трое суток в дальневосточном пароходстве была принята радиограмма: «Ночь 12 на 13 июля траверзе пролива Буссоль Охотском море подобрал бедствующих китайцев количестве 82 человек тчк Продолжаю курс Петропавловск тчк Крамсков». А через десять часов еще радиограмма: «Отливным течением снесен район мелких рифов средней части Курильской гряды тчк Опасаясь сесть рифы лег дрейф тчк Туман максимальной плотности тчк Следите за мной тчк Крамсков». Спустя двое суток была получена еще одна радиограмма: «Путятин» пересек Курильскую гряду и вышел в Тихий океан». Это было последнее сообщение радиостанции «Путятина». Напрасно радисты наших дальневосточных портов и всех судов, находившихся в то время в Охотском море и в северо-западной части Тихого океана, караулили в эфире позывные потерявшегося судна, — «Путятин» исчез бесследно.

Но вот вечером 22 июля неподалеку от мыса Лопатка, на юге Камчатки, с берега была замечена шлюпка в Охотском море.

Берега здесь суровы и величественны. Кругом необозримый водный простор: к востоку — сумрачно-синий

Тихий океан, к западу — пепельно-светлое Охотское море, а к северу — громады гор, поднявших в поднебесье белоснежные шапки потухших вулканов. И над всей этой картиной громад — нестерпимая синь такого же громадного высокого неба. У подножия головокружительных прибрежных обрывов, вокруг камней, торчащих там и тут из воды, в устьях ключей, что бегут из горных распадков, в шторм и в тихую погоду неумолчно шумит и пенится прибой. Пустынны там берега. Лишь чайки, топорки да кайры кружатся над неприступными скалами. День-деньской звенят в воздухе их истошные крики.

В ясную погоду отсюда видны Курильские острова. Далекие, едва уловимые контуры гор как бы висят в небе. Они похожи на исчерна-мглистые клубы грозовых туч. А немного к западу, на отшибе от северных Курил, под самое небо поднял свою округлую снеговую шапку исполинский конус одинокого вулканического острова Алаид.

Древняя камчадальская легенда рассказывает, что когда-то Алаид стоял на юге Камчатки, там, где теперь находится Курильское озеро. Его вершина, поднимавшаяся к самому небу, закрывала солнце от соседних гор, и горы постоянно роптали на своего соседа. Надоело Алаиду слушать этот ропот, он снялся со своего места и ушел подальше в открытое море, на юг, чтобы никому там не мешать. А на том месте, где он стоял, образовалось озеро, посредине которого остался одинокий камень. Там же, где прошел Алаид, направляясь в море, остался его след — река Озерная.

От гряды Камчатских гор к югу, вплоть до первого Курильского пролива, утиным носом протянулось невысокое узкое плато, мыс Лопатка, — зеленая равнина, едва возвышающаяся над уровнем воды.

В этот вечер против Камбальной бухты, лежащей у западной части мыса Лопатки, далеко в Охотском море показался парус. В бинокль можно было разглядеть шлюпку, скользящую под парусом. Она направлялась к берегу. Как это часто случается здесь летом, к вечеру с берега подул легкий ветер, подымая чешуйчатую рябь волн. Шлюпка шла на бейдевинд румба на четыре — почти против ветра, часто меняя галсы, выписывая крутые зигзаги с острыми углами. Видно, ее вели мастера-яхтсмены. Парусу помогали гребцы: несколько пар весел, по-

блескивая в лучах вечернего солнца, дружно и размашисто взлетали над водой.

В первую же минуту появления паруса на горизонте его заметил с берега пограничный патруль. Лежа в траве над прибрежным обрывом Камбальной сопки и вглядываясь в морскую даль, пограничники строили догадки: кто бы мог быть в шлюпке? Никаких предупреждений о ней не было. А расстояние между шлюпкой и берегом заметно сокращалось.

— Нужно предупредить заставу. Кто знает, кого недобрая несет из самого моря, — сказал белобрысый скуластый крепыш ефрейтор Кузин, начальник наряда. — Поднимитесь, Ломия, к вышке, позвоните капитану, — приказал он тихому смуглолицему кавказцу с большим орлиным носом. — Скажите: идут примерно на Топорковый ключ. Здесь, мол, и будем перехватывать их.

Вернувшись, Ломия доложил:

— Капитан приказал наблюдать. К нам на помощь выходит взвод лейтенанта Морозова.

Незадолго до наступления сумерек шлюпка подошла к берегу. Она пристала, как и предполагал ефрейтор Кузин, в устье Топоркового ключа — здесь наиболее удобное место для высадки. В шлюпке оказались военные моряки: двадцать девять человек насчитал ефрейтор Кузин, наблюдая за неизвестными из прибрежных зарослей шеломайника. На дне шлюпки виднелись автоматы, шинели, вещевые мешки с притороченными к ним касками.

В мирных намерениях неизвестных нетрудно было убедиться в первую же минуту, как только шлюпка ткнулась носом в камни у устья ключа. Усталые, заросшие щетиной лица матросов светились счастьем, радостные возгласы оглашали распадок. Над общим шумом и гвалтом послышался строгий молодой голос:

— Кривцову и Валькову закрепить конец на берегу. Всем сходить на берег по одному, вещей не брать: будем вытаскивать шлюпку. Первому отделению обеспечить дрова и развести костер.

Говоривший продолжал сидеть на корме, у руля. Это был молодой чернявый лейтенант со строгим смуглым лицом, с нахмуренными широкими бровями. Его тонкую гибкую фигуру ладно облегал новенький китель с рядами орденских планок над левым карманом. Черные выразительные глаза его светились лихорадочным блеском, ког-

да он смотрел, как моряки припали к светлоструйному ручью, бегущему с гор. Видно, его тоже мучила жажда. Тем временем моряки, спрыгнувшие первыми на берег, радостно кричали, бросались целовать камни, обнимали друг друга.

— Братцы, до-ома!

— Наша земля!

Ефрейтор Кузин приказал Ломии оставаться в шеломайнике и наблюдать, а сам, одернув гимнастерку и выставив вперед автомат, вышел из зарослей и громко крикнул:

— Здравия желаю, товарищи!

Шумной гурьбой моряки окружили пограничника. Все тянулись к нему, чтобы взглянуть, пожать руку. Сквозь толпу матросов к Кузину с трудом протиснулся смуглолицый строгий лейтенант. Он стиснул пограничника, крепко поцеловал в губы, откозыряв, представился:

— Лейтенант Суздальцев, командир взвода морской пехоты.

Ефрейтор Кузин был смущен, но держался строго, деловито, как того требует пограничная служба.

— А теперь, товарищи, попрошу ваши документы, — сказал он, когда улегся шум. И снова, уже в который раз, одернул гимнастерку.

Документы у прибывших были в порядке. В командировочном предписании, предъявленном лейтенантом, значилось, что взвод следует из Нарвика на Дальний Восток.

— Из Норвегии, значит? — спросил ефрейтор. — А откуда же сейчас на шлюпке появились?

— Рассказ длинный, браток, — вздохнул лейтенант, пряча предписание. — Долбанули нас в океане. Две торпеды в наш пароход всадили. Четыре года воевали и уцелели, а тут, в мирной обстановке, чуть не сыграли в ящик.

— А где же остальные с парохода? — допытывался Кузин.

Лейтенант махнул рукой: что, дескать, спрашивать! Но, помолчав, сказал:

— Погибли. Все. Перебиты на воде.

С откоса спустился взвод пограничников во главе с маленьким коренастым лейтенантом Морозовым. Ефрейтор Кузин, браво откозыряв, в двух словах доложил об-

становку. Через несколько минут пограничники и моряки в одном строю двинулись на заставу.

А уже на другой день лейтенант Суздальцев сидел в кабинете генерала.

— Рассказывайте, как было, — приказал командующий. — Со всеми подробностями.

— Мы вышли из Владивостока вечером девятого июля и двенадцатого вечером подошли к Курилам. Был сильный туман. Около трех часов ночи на судне послышались крики: «Люди на море!» Я вышел на полубак и увидел отчалившую от нашего парохода шлюпку. Вскоре шлюпка вернулась с неизвестными людьми. Это были либо китайцы, либо японцы. Они были одеты в рваную солдатскую одежду и выглядели изможденными. Среди наших пассажиров оказался майор морской службы, который знал японский и китайский языки. Он и объяснился со спасенными. Кажется, это были бежавшие из японского концлагеря китайские военнопленные.

— Как фамилия майора? — живо спросил генерал.

— Я с ним не успел познакомиться, товарищ генерал; помню только, что его звали Иннокентием Петровичем, фамилия упоминалась, но я забыл. Ему лет тридцать пять, высокий, статный блондин. Между прочим, он говорил, что служил когда-то в морской погранохране в Приморье. Сам он из Владивостока.

— Грибанов?

— Грибанов! — с радостью подтвердил лейтенант Суздальцев. — Он направлялся в ваше распоряжение, товарищ генерал.

Командующий встал, прошелся по кабинету. На его лице нервно задвигались рыжие усы.

— Значит, погиб? — спросил он, остановившись перед Суздальцевым.

— Шлюпка, где он находился, была разбита. Помоему, он сразу же был убит или потонул.

— Очень жаль! Это был отличный разведчик и одаренный лингвист, что редко сочетается в одном человеке. Продолжайте, — добавил он после паузы.

Лейтенант Суздальцев рассказал все, что знал о подобранных в море военнопленных, о том, что после этого судно вынуждено было дрейфовать в тумане еще более двух суток, попало в район рифов и только на третьи сутки, когда прояснилась погода, вышло в Тихий океан.

— Когда мы вышли в океан, — продолжал лейтенант, — то увидели перископ подводной лодки. Перископ шел справа от нас, параллельно нашему курсу. Потом скрылся и больше не появлялся. Нас, офицеров, пригласил к себе капитан парохода и сказал, что судно находится в угрожаемом положении и что все люди должны быть на ногах. Капитан объявил аварийное расписание: кто к каким шлюпкам приписан. Моему взводу была выделена отдельная шлюпка, и я приказал сложить туда оружие и всю амуницию.

Около двенадцати ночи, когда судно шло с замаскированными огнями, мы сидели на юте возле своей шлюпки. Вдруг судно сильно вздрогнуло и раздался взрыв. Мы поняли, что пароход торпедирован, и кинулись к шлюпке. Благополучно спустили ее на воду и поспешно стали отходить, боясь попасть в воронку, которая образуется, когда судно начнет тонуть. Но пароход еще не тонул, только из машины со свистом бил пар. На воду спускались все новые шлюпки и плоты. В это время, не более как минуты через три после первого взрыва, раздался второй, и пароход стал быстро тонуть.

Тут мы все увидели всплывшую на поверхность подводную лодку. Она двигалась к нам. Капитан «Путятина» крикнул в рупор, чтобы все шлюпки быстрее расходились в разные стороны. Это распоряжение было очень своевременным. Через минуту или две с подводной лодки при свете прожектора начали обстреливать шлюпки из пулеметов. А потом лодка стала таранить шлюпки, а тех, кто плавал на воде, расстреливали. Мы в это время были уже довольно далеко от того места, и нас сразу не заметили. Через некоторое время, однако, мы услышали шум мотора и поняли, что за нами гонятся. Я приказал солдатам примкнуть к автоматам диски и подготовиться к стрельбе. Мой расчет был такой: палуба подводной лодки открыта, стреляющие с нее не защищены, и если дать по ним массированный огонь из двадцати восьми автоматов, то можно наделать переполоху, а главное, разбить прожектор, ослепить пиратов и удрать.

Так мы и сделали. Как только прожектор потух, лодка остановилась. У меня было желание кинуться на лодку и забросать люк гранатами, — пираты не успели бы его закрыть. Но у нас не было гранат, а с одними автоматами идти на абордаж я не решился. И мы удрали. Трое суток

скрывались на крохотных необитаемых островках, а затем вышли в Охотское море и взяли курс к своим берегам.

— Как вы полагаете, товарищ лейтенант, чья же это была лодка? — спросил генерал.

Суздальцев не мог сказать ничего определенного.

— Кто знает? Может, бродячая немецкая, — их сейчас много по всем океанам, — но, вернее всего, японская. Можно так судить: подобрали мы сбежавших от них опасных пленников, они это установили каким-то образом и решили: пусть погибнет советский пароход вместе с пассажирами, лишь бы никто не уцелел из военнопленных...

Генерал ничего не сказал на это, а спросил:

— Кто еще из офицеров был на «Путятине»?

— Был еще корреспондент какой-то военно-морской газеты, — фамилии его я не знаю, — и две женщины— военные врачи, с погонами капитана медицинской службы. Это я помню. Одна — хирург, другая — терапевт. Был еще научный сотрудник Академии наук, географ. Фамилию его слышать не доводилось.

Генерал поблагодарил Суздальцева за подвиг и за обстоятельный доклад, поздравил с присвоением звания старшего лейтенанта и предоставил ему и его взводу недельный отдых.

— А в конце недели вы получите роту и начнете обучать ее в условиях, приближенных к боевым.

Но кто же все-таки и с какой целью потопил советский пароход? Эта тайна раскрылась позже. Рассказ об этом впереди.

НА ОСТРОВЕ МИНАМИ

Остров Минами, а в переводе с японского — Южный, похож на исполинский корабль, стоящий носом на северо-восток. Он протянулся в Курильской гряде на сто, а может быть, и больше километров. Скалистые террасы сбегают на востоке к Тихому океану, на западе — к Охотскому морю. Только вместо палубных надстроек — хаос гор, вместо труб — конусы вулканов, а вместо носовой части — ровное плато. Впереди северной оконечности острова, за мысом Вакамура, — пунктирная линия рифов, а еще дальше к северу, в безбрежном морском просторе, синеют мелкие, далеко разбросанные друг от друга острова. Безлесные, почти голые, они едва видны с плато, да и то лишь в ясную погоду.

Говорят, что года четыре назад, в декабре 1941 года, по заданию императорской ставки сюда приезжала высокопоставленная комиссия для ознакомления с состоянием военных укреплений. Комиссия нашла Северное плато самым уязвимым местом в обороне острова. Это было в те дни, когда грозовые тучи войны, собиравшиеся над Тихим океаном, разразились громом фугасных бомб, сброшенных японскими самолетами на американскую военно-морскую базу в Пирл-Харборе. Спустя месяц на траверзе бухты Мисима, у охотского побережья острова Минами, бросил якорь военный транспорт «Хигаси». В его трюмах находились закованные в кандалы военнопленные китайцы. Документы свидетельствуют, что когда «Хигаси» выходил из порта Дайрен, в его трюмах было три тысячи человек. На остров Минами доставлено на двести человек меньше, — они умерли в дороге от невыносимых усло-

вий. Военнопленных выводили на берег в кандалах и помещали за колючей проволокой, неподалеку от главной базы гарнизона острова. Тогда же на острове были закрыты все рыбозаводы, а гражданское население поголовно вывезено в Японию.

Так начались трагические события, о которых пойдет речь.

Каждое утро из бухты Мисима к Северному плато уходили небольшие корытообразные суда — десантные баржи, битком набитые военнопленными. Их сажали плотно друг к другу на корточки по десять в ряд, спиной к задней палубной надстройке, на которой располагалась охрана с двумя пулеметами. Каждый десяток людей был связан одной веревкой за руки, загнутые за спину, от рук по спине отходила петля на шею. Стоило сделать хоть небольшое движение руками, как петля начинала затягиваться на горле.

У Северного плато военнопленных высаживали и разводили мелкими группами. Здесь их развязывали и каждому вручали кирку или лопату. С утра до позднего вечера долбили они каменистый грунт, прокладывая бесчисленные ряды траншей, подземные ходы сообщений, а потом и целые подземные галереи, казематы, уходящие в глубину на несколько этажей.

Прошло около четырех лет. Северное плато, на десять километров протянувшееся от подножия вулкана Туманов до утеса Вакамура, преобразилось. В его центре прямоугольником легли две широкие бетонированные ленты — взлетно-посадочные дорожки аэродрома; у подножия вулкана раскинулся танковый и артиллерийский парк; по краям плато протянулись в несколько рядов извилистые траншеи с бетонированными колпаками дотов, с пулеметными гнездами, с бесчисленными подземными ходами сообщений. По всему побережью плато пролегла отличная гравийная дорога. Ее кольцо замыкалось у подножия вулкана Туманов. Оттуда отходила еще одна дорога — к восточному берегу. Она пересекала несколько лесистых отрогов и глубоких распадков, выходящих к Тихому океану, и, достигнув глубокой, просторной долины Туманов, пересекала по ней в западном направлении весь остров до охотского побережья, заканчиваясь у бухты Мисима — главной базы гарнизона.

И хотя еще ни разу не гремела здесь канонада боев,

не ходили на штурм укреплений войска противника, а уж в земле по всему плато лежало много-много человеческих костей: две трети военнопленных погибло на острове. Мерли от голода и непосильного труда, от дизентерии и чахотки, гибли в зимнюю стужу, падали под пулями охранников, под самурайскими саблями офицеров-фехтовальщиков, любивших показать искусство сабельного удара на беззащитных жертвах.

Теперь работы подходили к концу: зачищались последние галереи, соединяющие узлы укреплений и «лисьи норы», ведущие от главных галерей к амбразурам в прибрежных скалах, бетонировались последние отсеки казематов в подземелье.

Однажды утром,— это было в первой половине июля 1945 года,— на Северное плато прибыли командующий гарнизоном генерал-майор Цуцуми и его заместитель подполковник Кувахара. Их бронированный вездеход остановился у здания штаба укрепрайона, врытого в землю, обнесенного бруствером и похожего на овощехранилище.

К вездеходу с необыкновенной расторопностью подбежал, будто шар подкатился, маленький, толстенький полковник инженерных войск, начальник строительства укрепрайона. О нем никак нельзя было сказать, что он вытянулся в струнку перед начальством, скорей он еще более округлился и замер, напоминая фарфоровую статуэтку.

Генерал грузно сошел на землю и вялым кивком ответил на приветствие полковника. Это был крупный мужчина с типичным видом солдафона: подчеркнуто прямой корпус (на Руси говорят — «будто аршин проглотил»), тяжелая, словно вытесанная из четырехугольного бурого камня, застывшая физиономия.

— Мне нужен инженер-капитан Тиба,— сказал генерал, отряхивая пыль с широкой накидки.

— Он, как всегда, в подземелье, господин командующий.

— Много еще осталось работы?

— На три — четыре дня, господин командующий,— чеканил в подобострастии полковник. — В каземате номер шесть пробилась вода в нижнем этаже. Туда переброшена сейчас большая партия военнопленных.

— Снова вода? А как на западном? Обвалов больше нет?

— Там все благополучно, господин командующий. Идет очистка подземелий от опалубки и мусора...

— Поедете с нами,— приказал генерал и направился к вездеходу.

Осмотр укрепрайона командующий начал с восточного участка, расположенного вдоль тихоокеанского побережья. Еще издали можно было заметить, как из-под земли возникает цепочка людей, окруженная охраной, и обрывается возле оврага на краю плато. Это был живой конвейер, по которому из подземелья к оврагу передавались ведра с грязной жижей. Опорожненные ведра по тому же конвейеру возвращались обратно.

Генерал и его спутники некоторое время наблюдали картину ритмически слаженного труда, потом направились в подземелье. Генерал с опаской проходил вдоль рядов живых механизмов. В тускло освещенных фонарями галереях было тесно и пахло сыростью. Лица людей казались странными восковыми масками, слепленными здесь невесть кем и невесть когда.

Свита достигла дна каземата с высокими стенами, облицованными бетоном. В одном из его углов с угрожающим шумом прорывался ключ. Вокруг при тусклом освещении толпились темные фигуры, и нельзя было разобраться, кто здесь охрана, а кто военнопленные, — все боролись с водой, прорывающейся из темной толщи недр. Одни вычерпывали воду, другие забивали ключ камнями и накладывали бетонные пластыри. Никто не обратил внимания на появление генерала, и только когда окликнули инженера Тиба, из толпы выделился стройный южанин, скорее похожий на филиппинца, чем на японца. Он быстро помыл руки в ключе и вместе с генералом поднялся по ходам сообщения на поверхность. Только здесь он встал перед командующим по команде «смирно». На смуглом продолговатом лице не было ни тени подобострастия. На маленького круглолицего подполковника Кувахара капитан даже не обратил внимания.

Все офицеры гарнизона боялись подполковника Кувахара больше, чем самого командующего. Сын одного из членов тайного совета, Кувахара был одним из видных разведчиков японской армии и пользовался большим влиянием. После десятилетней службы в разведотделе Квантунской армии Кувахара считался отличным специалистом по русским и китайским делам. Операции по уничто-

жению партизанских гнезд в Маньчжурии, которые осуществлялись под его руководством, проходили, как правило, успешно. Назначение Кувахара на этот остров было связано с переброской сюда большой группы военнопленных. Учитывая, что эти люди обречены на верную гибель, на строительство подбирались преимущественно бывшие коммунисты, комсомольцы, крестьяне-партизаны и добровольцы-студенты, попавшие в плен на разных фронтах Китая. Это были наиболее опасные для империи элементы, и нужен был именно хитрый, ловкий и беспощадный Кувахара, чтобы держать их в руках и заставить работать.

С приходом Кувахара на острове установился деспотический, по-самурайски свирепый режим не только среди военнопленных, но и в подразделениях гарнизона. Слежка за офицерами, проверка содержимого ранцев и всех личных вещей солдат, обязательный просмотр писем, подслушивание телефонных разговоров проводились неукоснительно. И никто об этом не смел говорить, лишь отдельные офицеры шепотом на ухо друг другу высказывали свое возмущение.

Из офицеров, связанных со строительством укреплений, пожалуй, один инженер-капитан Тиба не трепетал при встрече с Кувахара. Разумеется, Кувахара это злило, но он не мог придраться к Тиба, — тот был вне подозрений, так как демонстративно безразлично относился к событиям общественной жизни. Когда в кругу офицеров заходила речь о трудностях войны, он либо отмалчивался, либо уходил. Кроме того, он слыл в гарнизоне выдающимся специалистом инженерного дела и пользовался защитой и покровительством командующего. Все считали Тиба скрытым, замкнутым, нелюдимым, и не без основания: он никогда ни с кем не бывал в дружбе. Жил в уединенной каморке при одной из казарм аэродромного батальона, и никто не бывал у него там, кроме ординарца. Да и к услугам ординарца он прибегал редко.

Как всегда, командующий встретил инженера дружелюбно: генерал любил выставить себя либералом перед учеными людьми.

— Что случилось у вас, господин инженер? — спросил он без строгости.

— Ничего особенного, господин командующий. Плохо был забетонирован водоносный слой, — спокойно отве-

чал Тиба. — Накопились грунтовые воды, создался сильный напор, и, как видите, прорвало бетонный пол.

— Сколько потребуется времени, чтобы закончить работы?

— Сегодня забьем ключ, завтра будем наращивать слой бетона, а послезавтра закончим.

— Вы можете нас проводить по подземельям?

— Слушаюсь, господин командующий. Только... — инженер Тиба запнулся, — только в подземельях всюду военнопленные...

— Но там же охрана, господин инженер-капитан, — многозначительно заметил молчавший до сих пор Кувахара. — Или вы не держите ее в подземелье?

— Охрана, господин подполковник, находится в главных узлах сооружений, — не оборачиваясь к Кувахара, пояснил Тиба. — В галереях опасно распылять охрану: у пленных в руках лопаты и кирки...

— Ерунда! — воскликнул подполковник. — Возьмем с собой отделение солдат.

— Как же вы сами-то ходите, капитан? — участливо спросил командующий.

Тиба усмехнулся.

— С пленными у меня разговор короткий. — При этом инженер-капитан так посмотрел на Кувахара, как если бы сказал: «Ты дурак и ничего не понимаешь».

И проницательный Кувахара действительно ничего не понял.

Перед тем как спуститься в подземелье, генерал потребовал рабочую карту расположения укреплений. Ее расстелили на траве, и все уселись вокруг. Жирная красная черта, обозначавшая подземные галереи, замысловатыми зигзагами охватывала все побережье плато. То там, то тут от нее отходили кривые полосы потоньше — «лисьи норы». Одни вели к краям плато, к синим квадратам — амбразурам, другие — к синим кружочкам — дотам. Красными квадратами различной величины обозначались главные узлы системы укреплений. Одни из них — казармы для солдат, другие — склады боеприпасов, третьи — командные пункты полков и батальонов.

— Начнем отсюда, — указал генерал на самый крайний квадрат, — и пройдем до каземата главного управления. По пути завернем к двум — трем амбразурам и вот к этим дотам, — генерал показал на карте.

Под охраной отделения солдат спустились в тот каземат, где шла борьба с водой. Отсюда отходили в противоположных направлениях две темные галереи. В их глубине перемигивались красные точки фонарей, копошились темные фигуры военнопленных, сколачивавших настил из досок.

Трое вооруженных солдат, шедших впереди, останавливались возле каждого работающего и приказывали положить инструмент на пол и стоять «смирно» до тех пор, пока пройдет генерал со свитой. Свет электрических фонариков в руках генеральской свиты вырывал из мрака то бледное лицо военнопленного, то кусок потолка, то стены, обшитой досками. С потолка, состоявшего из наката бревен, падали тяжелые капли.

— Это самый сырой участок, — пояснил Тиба генералу. — Через год потребуется ремонт этой галереи. Если, конечно, все будет благополучно...

— А что вы считаете неблагополучным? — вкрадчиво спросил подполковник Кувахара.

— Я далек от политики, господин подполковник, — повернув к нему голову, ответил инженер-капитан, — но я хорошо понимаю, что такое война и какие в ней бывают превратности.

— Что говорят военнопленные? — перебил его генерал.

— Я ведь не знаю китайского языка, господин командующий. А те из китайцев, которые хоть немного владеют японским, спрашивают меня только об одном: что будет с ними, когда закончатся здесь работы.

— И что же вы им отвечаете? — спросил генерал.

— Обычно призываю их добросовестно работать и высказываю предположение, что лучшие из них получат поощрение и будут отправлены на родину.

— Сейчас можете отвечать, что все будут отправлены на родину. — Эти слова генерал сказал мягко, почти задушевно.

— А почему вы, господин инженер-капитан, не сообщаете командующему о том, что среди военнопленных существуют и другие разговоры? Или вам ничего о них не известно? — вмешался подполковник Кувахара. — Вы ведь часто беседуете с десятником Ли Фан-гу, к которому благоволите.

Инженер Тиба ответил не сразу. С пристальным вни-

манием он осмотрел один из боковых опалубочных щитов, осветив его фонариком, потом сказал стоящему рядом оборванному китайцу, чтобы тот хорошенько закрепил доски, и только после этого повернулся к Кувахара и объяснил:

— Я здесь слышу гораздо больше разговоров, чем вам доносят, господин подполковник. Военнопленные — наши враги, и они вольны говорить все, что им вздумается, за это они и отбывают наказание.

— За вольные разговоры необходимо каждого расстреливать! — вскипел Кувахара.

— Нам тогда бы пришлось перестрелять всех, господин подполковник, — хладнокровно сказал Тиба. — Мы и так постреляли больше, чем следовало. Из-за этого и оказались вынуждены затянуть работы. Осторожнее, господин командующий, здесь дренажная канава, ее еще не совсем заделали. — Он помог генералу перешагнуть через канаву и продолжал: — Что же касается десятника Ли Фан-гу, господин подполковник, то, несмотря на все его прокоммунистические разговоры, о которых вы, по-видимому, знаете, это один из самых добросовестных исполнителей моих поручений. А для нас это главное.

Впереди, справа, показалось мрачное углубление в толще стены. Тиба остановился возле и пояснил:

— Это та самая «лисья нора», господин командующий, которую вы хотели осмотреть. Но она очень узка и с низким потолком — в ней едва можно разминуться двоим. Она ведет к одной из амбразур.

— Там тоже работают военнопленные? — спросил генерал.

— Нет, она уже полностью закончена. Там находятся два солдата. Они охраняют амбразуру, чтобы никто не мог ускользнуть через нее.

Оставив охрану в галерее, генерал со свитой стал протискиваться по «лисьей норе». После нескольких поворотов они увидели забрезживший впереди дневной свет. Еще поворот — и все очутились в просторном каменном гроте. Через широкую амбразуру открывался вид на необозримый синий простор Тихого океана. Грот был довольно высокий, с несколькими нишами в стенах для ящиков с боеприпасами. Солдаты, сидевшие на карнизе амбразуры, вскочили по команде «смирно».

— Здесь можно разместить три пушки, — объяснил

Тиба, — одну действующую и две запасные. Запасные расчеты должны находиться в галерее. Вот здесь начинается тоннель, — показал он на деревянный щит в стене. — Через него сверху будут закатываться сюда пушки. Боеприпасы будут подаваться по норе из галереи.

— Отлично! — похвалил генерал. — Каков сектор обстрела?

— Сто два градуса.

— Сколько еще пушек из других амбразур простреливают этот сектор?

— Из амбразур — четыре; кроме того, восемь пушек — из дотов.

— Отлично, господин инженер-капитан. Ну что ж, пойдемте дальше.

Побывав еще у одной амбразуры и внутри одного дота, свита очутилась в каземате главного управления — просторном помещении с бетонированными стенами, полом и потолком. Здесь было человек десять худых и оборванных пленных. При свете аккумуляторной лампы они затирали цементным раствором мельчайшие трещины в стенах и потолке. По приказанию солдат охраны они сложили на пол инструмент и выстроились в ряд вдоль стены.

— Это самый нижний этаж, — объяснял инженер-капитан. — Вверху еще два этажа, а над ними замаскированный колпак дота с четырьмя амбразурами. Колпак находится позади второй линии наземных траншей.

В тот момент, когда инженер Тиба, увлекшись, давал объяснения командующему, от стены, где стояли военнопленные, отошел маленький старичок с лицом, похожим на испеченное яблоко. Он откозырял офицерам и на ломаном японском языке спросил:

— Господин генерал, что будет с нами, когда закончатся работы?

— Вы будете отправлены в Китай, — пренебрежительно ответил командующий. — А почему вы спрашиваете об этом?

— У нас говорят, что нас всех скоро будут расстреливать, — простодушно сказал старичок. — Это, значит, неправда?

— Кто сказал вам об этом? — вкрадчиво спросил подполковник Кувахара.

— Все военнопленные говорят.

— Это провокация! — оборвал старика Кувахара.

— Спасибо за разъяснение, — старичок шагнул назад к стене.

Поднявшись на поверхность, генерал и подполковник Кувахара уселись в кузов вездехода, провожающие остались у входа в подземелье.

— Вы получите указания через три дня, — сказал генерал полковнику, начальнику строительства укрепрайона, и инженеру Тиба. — Я у вас буду здесь.

Вездеход тронулся.

— Сегодня же приступайте к подготовке операции «Нэмуро», — сказал генерал подполковнику Кувахара.— Через три дня ни одного пленного не должно остаться на острове.

— Слушаюсь, господин командующий. Какой вариант прикажете использовать?

— Потопление.

— Хай! *

ДВА РЫБОЛОВА

Во второй роте десантных самоходных барж давно говорили, что если бы рядовой Комадзава Этиро имел возможность сам распоряжаться своим временем, то наверное бы всю жизнь просидел с удочкой на берегу реки. С тех пор как рота, сформированная из старых резервистов в Осака, прибыла на Тисима-Реттó **, Комадзава не провел, кажется, ни одной свободной минуты в казарме. Пока стояли на самом северном острове — Сюмусю, где нет речек, он обычно рыбачил на берегу бухты: удил бычков, навагу и корюшку, а с тех пор как роту перебросили на остров Минами, Комадзава переключился только на пресноводную рыбу — форель. Его уловы почти каждое воскресенье разнообразили скудное меню друзей-солдат.

Вот и сегодня, в солнечное июльское утро, он неторопливо шагал знакомой тропинкой к речке, размахивая бамбуковой корзинкой и насвистывая веселую песенку. Была середина июля, стояли теплые погожие дни. Буйно

* Хай — *(японск.)* — слушаюсь; есть.

** Тисима-Ретто — японское название Курильских островов.

шли в рост медвежья дудка, шеломайник, лопухи, гигантский дикий гречишник-кислица, молодые побеги которого в это время особенно нежны и вкусны. Над морем и горами ярко-голубым шатром опрокинулось небо, и воздух до того прозрачен, что ясно видны светло-сиреневые каменные заструги даже самых дальних хребтов и вулканов.

Солдатом Комадзава владело радостное чувство приволья. Сейчас ему казался обновленным весь остров с его цепями горных хребтов, с хаосом лесистых отрогов, на вершинах которых сереют осыпи, с исполинскими конусами вулканов, с глубокими узкими долинами и ущельями, с зарослями кривой березы, стройной маньчжурской ели, кряжистой лиственницы, похожего на камыш курильского бамбука.

Знакомая тропа вывела рыболова из поселка в долину. Вот и речка. Прозрачная и веселая, она с шумом бежит из долины Туманов, но здесь, вблизи морского берега, как бы испугавшись моря, становится тихой и медленно, словно робея, течет среди дремучих зарослей разнолесья и высоких буйных трав. Вот и любимое место Комадзава—небольшая площадка над обрывчиком. Чуть выше по течению видна рыбалка другого страстного рыболова — военного переводчика, подпоручика Хаттори. Почему-то его сегодня нет, хотя он уже должен бы удить: ведь сегодня воскресенье, а в такие дни он обычно раньше Комадзава приходит на речку. Неужели он не придет сегодня? Комадзава любил поговорить с этим умным человеком.

Удобно примостившись, рыболов неторопливо привязывает корзину на длинный шпагат и опускает ее в воду, превратив в садок, потом так же неторопливо, как это умеют делать бывалые удильщики, разматывает леску. В баночке заготовлена нажива — мякоть ракушки-гребешка, изрезанная на мелкие кусочки. Он выбирает самый крупный кусочек и бережно, аккуратно насаживает на крючок.

Но едва он забросил леску, как позади послышались шаги. Это, конечно, подпоручик Хаттори. Поздоровались.

Большое квадратное лицо Комадзава с лукаво сощуренными глазами широко растягивается в добродушной улыбке. Кряжистый и короткий, словно коряга, он поворачивается всем своим корпусом, провожая взглядом сосе-

да-удильщика, пока тот не усаживается на своем излюбленном месте.

— Как ловится?

— О, только что закинул! Как ваше здоровье, господин подпоручик?

— Спасибо, Комадзава-сан, здоровье хорошее.

Хаттори так же неторопливо, как перед этим Комадзава, усаживается на свое место. Давно уже повелось так, что два рыболова — рядовой Комадзава и подпоручик Хаттори — многие часы проводят вместе на берегу. Впервые они встретились здесь в прошлом году. Вскоре после того, как роту десантных барж перебросили сюда с острова Сюмусю. Сначала Комадзава держался замкнуто перед подпоручиком, как и всякий японский солдат перед офицером, но мало-помалу они сблизились, и разговоры их делались все более откровенными.

Подпоручик Хаттори не был военным человеком — это можно было определить сразу же по его внешности: он не отличался военной выправкой. Офицеры штаба и особенно подполковник Кувахара, у которого Хаттори работал переводчиком, относились к нему высокомерно и насмешливо. За глаза Кувахара называл его «ученым, пахнущим дураком». В этой чуждой среде жестоких и непонятных ему людей Хаттори чувствовал себя подавленным. Но свою работу он выполнял исправно, и к нему не придирались.

В глубине души Хаттори Динзабуро презирал и военную службу и офицеров. Окончив десять лет назад Токийский университет по отделению русского языка, он затем был оставлен здесь же на преподавательской работе и изучил английский, китайский, французский и немецкий языки. И хотя он считался в университете одним из лучших лингвистов и способным молодым ученым, от него постарались избавиться, — ему никак не прививался милитаристский дух, которым старались пронизать лингвистику хозяева университета.

В конце концов он был мобилизован в армию и получил назначение на Тисимо-Ретто, на должность военного переводчика гарнизона острова Минами. Он был здесь, в сущности, простым писарем у подполковника Кувахара, так как жандарм и разведчик, вышколенный в Квантунской армии, сам хорошо владел китайским языком, как, между прочим, и русским.

Общая страсть к рыбной ловле, столкнувшая здесь Хаттори и Комадзава, не была единственной причиной к тому, чтобы у них завязались близкие отношения. Просматривая как-то картотеку военнопленных китайцев, переводчик вдруг увидел там имя Комадзава. Кто-то доносил, что моторист Комадзава часто разговаривает с наиболее опасным китайцем-коммунистом Ли Фан-гу, сидящим всегда возле моторного отделения, когда перевозят военнопленных к Северному плато. Это заинтересовало Хаттори, и ему однажды удалось заглянуть в «личное дело» рядового Комадзава.

В желтой картонной папке Хаттори нашел данные об интересной человеческой судьбе. Комадзава Этиро, рождения 1898 года, сын крестьянина-рыбака из префектуры Осака, в 1919—1922 годах принимал участие в сибирской экспедиции, там был ранен и награжден медалью «За участие в сибирской экспедиции». В 1925 году он принимал участие в осакской забастовке портовиков, будучи мотористом буксирного катера. За это был уволен. Год ходил безработным. В 1926 завербовался мотористом на шхуну рыболовной компании Нитиро, промышлявшей рыбу у берегов Камчатки. За связь с русскими рабочими и чтение советских газет был уволен и вывезен в Японию. В 1928 году вернулся в Осака и здесь вступил в одну из организаций компартии, только что вышедшей из подполья. В 1929, во время разгрома компартии, арестован, судим и приговорен к смертной казни, замененной затем десятью годами каторжных работ. В 1939 году амнистирован в связи с празднованием мнимого 2600-летнего существования «Страны Восходящего Солнца», как «исправившийся», проявил патриотизм, попросившись рядовым солдатом на китайский фронт, но из-за опасения, что может перебежать на сторону китайцев, был послан на Тисимо-Ретто мотористом на десантную баржу.

Мог ли ученый-лингвист Хаттори предположить, что в этом кряжистом тихом человеке с добрым лукавым взглядом с разбитыми работой руками скрывается такой мятежный характер! При первой же встрече на рыбалке, состоявшейся после этого, он решил вызвать Комадзава на откровенный разговор. Опасаясь, что рядовой Комадзава будет скрывать свое прошлое, Хаттори начал исподволь. Поймав крупную рыбину, переводчик сказал, что эта рыба по-русски называется «ленок».

— А я знаю, господин подпоручик, — улыбаясь, ответил Комадзава.

— Откуда вы знаете русский язык? — спросил Хаттори, сделав удивленный вид.

— О, я дважды бывал в России, господин подпоручик! — сказал с увлечением Комадзава. — Я хорошо знаю русских.

— И как же вы считаете: хороший это народ?

— Господину подпоручику, как человеку ученому, должно быть известно, что плохих народов не бывает...

Он ловко выдернул из воды блеснувшую серебром рыбину, расторопно поймал ее в воздухе своими длинными руками и бросил в садок. Все это он проделал молча, деловито. Закинув леску снова в воду, философски продолжал:

— Есть плохие люди в каждой стране, но весь народ любой страны плохим быть не может. Ведь каждый народ трудится, воспитывает детей, стремится к счастью и желает сделать красивой и спокойной свою жизнь. Правильно я говорю, господин подпоручик? — спросил он, лукаво сощурив свои веселые глазки, сделавшиеся совсем маленькими на его массивном квадратном лице.

— Да, да! Это великолепно сказано, Комадзава-сан! Вы много, должно быть, читали?

— О, я читал много книг, господин подпоручик.

— И русские книги читали?

— Да, господин подпоручик, читал книги и газеты, когда работал на шхуне компании Нитиро в Усть-Камчатске.

— Скажите, Комадзава-сан, не бойтесь меня, вы читали Ленина?

— О, мне совсем нечего вас бояться, господин подпоручик, — он улыбнулся, как показалось Хаттори, очень доверчиво. — Конечно, читал.

— А потом стали коммунистом?

— Да, господин подпоручик, потом стал коммунистом. Но за это я был приговорен к смертной казни, которую мне почему-то заменили десятью годами каторги. После этого я отрекся от коммунистов.

По тому, как он улыбнулся весело при этих последних словах, подпоручику Хаттори показалось, что солдат говорит неправду. От этого у него почему-то стало очень весело и легко на душе. Чтобы удостовериться в своих

сомнениях, он, оглянувшись по сторонам, тихо спросил:

— А правда или нет, Комадзава-сан, что коммунисты — самые справедливые люди во всем мире?

Чувствовалось,— и этого не мог не заметить Комадзава, — что подпоручик Хаттори спрашивает то, о чем у него существует вполне определенное собственное мнение. Ответ Комадзава был в этом отношении схож с вопросом.

— Справедливых людей на свете очень много, — сказал он уклончиво. — Господину подпоручику, как человеку ученому, должно быть известно, что и среди коммунистов могут быть справедливые люди.

Хаттори понял, что дальнейшие расспросы бесполезны: Комадзава не доверит ему своих сокровенных мыслей.

Но с той поры — а это было почти год назад — их отношения становились все более близкими и откровенными. И для Хаттори и для Комадзава эти часы рыбалки стали приобретать не только спортивный интерес, — у них выявилось много общего во взглядах на жизнь. В этом укромном уголке, укрытом зарослями буйных трав и чащобами ветлы, они могли, не стесняясь, говорить о том, что их волнует, говорить такие слова, которые было опасно произносить вслух в другом месте. Зерна коммунистических идей, теперь открыто высказываемых Комадзава, попадали на давно подготовленную почву в душе лингвиста Хаттори. Он, как и Комадзава, давно ненавидел деспотическую власть военщины, установленную генералами и «молодым офицерством» не только над жизнью каждого японца, но и над мыслями, над душой нации. Он, как и Комадзава, ненавидел этих фашиствующих самураев с их спесью, с их пренебрежением ко всем, кто не гнет покорно спину при виде военного мундира. Он, как и Комадзава, мечтал о такой Японии, душой которой будет труд, разум, свобода, а не тупая военная муштра. Он, как и Комадзава, как и подавляющее большинство японцев, в душе проклинал войну, длившуюся вот уже восемь лет и приведшую страну на край гибели.

Теперь рядовой Комадзава и подпоручик Хаттори были не просто приятелями, а братьями по духу. Они с нетерпением ждали каждого воскресенья, чтобы встретиться и поговорить о новостях прошедшей недели, выслушать откровенное мнение друг друга о перспективах второй мировой войны, самый страшный очаг которой — в Евро-

пе — уже был погашен. Как могли, они помогали пленным китайцам.

Но сегодня Хаттори пришел на рыбалку мрачным и печальным. Пристроив удилище, он обошел окружающие кусты, как всегда, когда хотел сообщить что-нибудь важное. Вернувшись с пучком молодых побегов кислицы, уселся рядом с Комадзава.

— Страшное известие принес я вам, Комадзава-сан,— глухо, полушепотом молвил он, подавая другу несколько стеблей кислицы.

— О, что случилось, господин подпоручик? — насторожился Комадзава.

— Вчера вечером я случайно увидел на столе подполковника Кувахара план операции «Нэмуро». Знаете, что это такое?

— Где уж мне, господин подпоручик.

— Операция «Нэмуро» — это уничтожение всех военнопленных, участвовавших в строительстве укреплений на Северном плато. Работы там подходят к концу, и чтобы скрыть секрет расположения укреплений, командование разработало план одновременного истребления всех военнопленных. Это что-то ужасное! — Лицо его болезненно сморщилось, взгляд стал блуждающим, рассеянным. Лицо Комадзава, напротив, стало строгим, взгляд — суровым.

— Что ж, в этом нет ничего удивительного, — проговорил Комадзава и взялся за удилище, поразив подпоручика своим суровым спокойствием. — Это не первые и не последние жертвы кровавых милитаристов. Ничего, до расплаты осталось недалеко, — глухо и зло, скорее про себя, проговорил солдат.

Он долго молчал, и подпоручик Хаттори все это время смотрел на него, словно не узнавая Комадзава, — он это, или в образе солдата скрывается кто-то другой, могучий, суровый, мстительный. Хаттори чувствовал себя в сравнении с ним маленьким, ничтожным.

— Мы должны помочь им, — сказал наконец Комадзава. — Да, да, сделать все, на что мы способны.

— Но что можем сделать в своем одиночестве мы, маленькие люди? — почти в отчаянии спросил Хаттори.

— Для начала — предупредить пленных об этой операции «Нэмуро». Это я беру на себя. Завтра я повезу их на Северное плато и подсуну бумажку Ли Фан-гу.

— Но какой смысл в этом?

— Смысл? Пусть поднимают бунт и уходят в горы. Дни военщины сочтены, кольцо союзных войск сужается вокруг «Священной империи». Тот день, когда Советская Армия выступит против нашей армии, будет началом гибели японского фашизма.

Так вот кто такой этот рядовой Комадзава Этиро — он настоящий революционер! Хаттори понял это со всей ясностью, слушая его чеканную речь, вдумываясь в глубину смысла слов, которых он никогда прежде не слышал ни от кого. Хаттори было и страшно и радостно: он как бы заглянул через пропасть, за которой лежит заманчивый новый мир, полный света и манящего простора.

А голос Комадзава продолжал стучать в его ушах, подчиняя волю и мысли Хаттори:

— Да, да, именно бунт! Пусть в первую минуту будет одна винтовка на троих, этого достаточно, чтобы пробиться в горы. А там, в лесах, — мелкие резервные склады с продовольствием и военным имуществом... Вы хорошо знаете их расположение, господин подпоручик?

— Знаю только район к югу от долины Туманов. Его протяженность километров пять—восемь. Там, среди лесов и ущелий, разбросано около четырехсот небольших, неохраняемых, укрытых брезентом буртов риса, ящиков с консервами, складов с боеприпасами, обмундированием.

— Нужно обо всем этом сообщить пленным. Да, вот что, господин подпоручик: нам следует написать воззвание к ним. Вы хорошо и быстро пишете по-китайски. Пожалуйста, напишите. Вместе будем сочинять.

И они принялись за дело. Было по всему видно, что дух бунтарства окончательно захватил впечатлительного Хаттори. Исписано много листков в записной книжке. Ученый-лингвист вложил всю душу в этот документ. На отдельном листке он нарисовал схему острова, план расположения гарнизона, точками обозначил район размещения резервных неохраняемых складов.

Из этой схемы было видно, что гарнизон расположен лишь в северной части острова, занимая не больше одной четверти его. Остальные три четверти необитаемы и охраняются мелкими заставами, разбросанными лишь кое-где по береговой линии.

Решено было, что воззвание передаст военнопленным

Комадзава завтра утром, когда их будут везти на Северное плато.

В это воскресенье Комадзава раньше обычного вернулся с реки. Его улов оказался скудным — десятка полтора форелей. Невеселое настроение удильщика друзья-солдаты объяснили плохой добычей и долго подтрунивали над ним.

Комадзава хотелось успокоиться, чтобы хладнокровно обдумать все по порядку. На груди под бельем он все время ощущал бумагу. Казалось, она жжет ему тело. Он пытался отвлечься от всего, что происходит вокруг него.

В казарме — врытом в землю помещении, похожем на овощехранилище, с оконными створками в крыше и двумя рядами нар вдоль стен — стояло обычное воскресное оживление. В одном конце играл патефон, и тонкий металлический голос певички плавал над общим шумом солдатского говора; в другом конце стучали костяшки мадзяна,* неподалеку от постели Комадзава шкипер баржи № 8, на которой был мотористом и Комадзава, старший ефрейтор Кураока — толстомордый, розовощекий увалень — отдавался любимому своему занятию: перелистывал журнал с фотографиями японских красавиц.

Комадзава закрыл голову одеялом, улегся на нары и попробовал уснуть. Но покой не шел к нему. Так, провалявшись около часа, он сердито сбросил с головы одеяло и встал.

— Что, рядовой Комадзава, не спится? — покровительственным тоном спросил Кураока. Он был в хорошем расположении духа. — Должно быть, форели не дают покоя?

Старший ефрейтор Кураока почти вдвое был моложе Комадзава и, может быть, поэтому любил подчеркивать свое превосходство в чине. До того, как получить назначение в роту резервистов, он обучал молодых солдат. Рукоприкладство было тогда обычным его приемом воспитания. Бил он, как правило, не кулаком, а снятым с ноги резиновым башмаком по лицу и по голове. Но первая же попытка применить этот метод к резервистам, в частности — ударить Комадзава, стоила ему больших неприятностей: Комадзава тоже снял ботинок, и если бы его не остановили друзья, ботинок наверняка походил бы по

---

*Мадзян — игра.

голове Кураока. Теперь ефрейтор просто третировал моториста при каждом удобном случае, чувствуя в нем скрытного и опасного недруга. Многие солдаты, особенно старших возрастов, из резервистов, уважавшие Комадзава за его трудолюбие, тонкий ум и незлобивый характер, да и за возраст, мстили за Комадзава и не прощали ефрейтору ни одной оплошности. Из-за этого во второй роте нередко вспыхивали раздоры. Что касается самого Комадзава, то он, правда, не часто, но ловко оставлял Кураока в дураках. С каким удовольствием осмеивали тогда солдаты заносчивого ефрейтора! Иногда шутки Комадзава бывали довольно рискованными.

Как-то раз, это было в конце мая, десантные баржи, как обычно, привезли военнопленных китайцев на место работы у северной оконечности острова. Экипажам было приказано ждать груз, который долго не подвозили. Солдаты, растянувшись на прибрежных камнях, коротали время кто как мог. Вокруг Комадзава, как всегда в таких случаях, собралось поговорить несколько солдат. Они обычно любили слушать смешные его рассказы о походе в Россию в 1919—1922 годах, хохотали над приключениями Комадзава и особенно командира роты — вечного неудачника. В этот раз Комадзава не принимал участия в разговорах. Он лежал на спине, заложив руки под голову, смотрел в небо и тихонько пел. В грустной песенке рассказывалось о бедном рыбаке, которого унесло штормом в океан и судьбу которого горько оплакивает его молодая жена-красавица; к ней являются с предложениями богатые и знатные женихи, но она всем отказывает. Прошли годы, она состарилась в одиночестве. Однажды к ней явился старик. То был ее муж, проведший жизнь на необитаемом острове, куда прибило его волнами. Несмотря на старость, оба они счастливы.

— Вот так и мы, — сказал пожилой моторист, друг Комадзава, рядовой Сугияма, — как тот рыбак, вернемся домой, когда станем стариками. Э-эх, побывать бы дома и забыть о войнах!

— Подожди немного, — горько усмехнулся Комадзава, — вступят русские в войну против нас, тогда уж ты и стариком вряд ли вернешься домой. Это не янки...

— Рядовые Комадзава и Сугияма, — окликнул их Кураока, лежавший неподалеку в одиночестве, — что за разговоры вы там затеяли?

— О, господин старший ефрейтор, разве вы не слышали сегодня утреннее сообщение радио? — с невинным удивлением спросил Комадзава.

— А что оно могло сообщить вам, рядовой Комадзава?

— Не мне, а всем сообщило, господин старший ефрейтор. — Комадзава хитро усмехнулся, приподнялся на локоть и начал громко: — Русские стягивают к границам Маньчжоу-го крупные танковые войска, которые разбили Гитлера. Уже подвезены тысячи самолетов, десятки моторизованных дивизий. Русские обязались перед союзниками — англичанами и американцами — открыть фронт против Ниппон. Но самое страшное, о богиня Аматэрасу-Оомиками, среди вновь прибывшей военной техники тысячи знаменитых «катюш». Ой, не завидую солдатам Квантунской армии!

Кураока на какое-то время будто столбняк хватил: он таращил белки раскосых, навыкате глаз, жевал что-то и молчал. Потом заорал:

— Вы... вы что? Это коммунистическая пропаганда! Мало того, что сообщаете непроверенные данные, вы еще их по-своему приукрашиваете! Сегодня вечером вы будете объясняться с самим господином ротным командиром!

— Прошу прощения, господин старший ефрейтор, — примирительно, но с явной иронией сказал Комадзава, — я по слабости своего ума упустил из виду, что эти данные не проверены господином старшим ефрейтором.

Окружавшие Комадзава солдаты дружно захохотали, а Кураока сразу сделался красный, будто вынутый из кипятка рак. В тот же вечер он стоял в ротной канцелярии и, выпучив налившиеся кровью глаза, докладывал командиру роты о случае с рядовым Комадзава.

— И что же было дальше? — не глядя на ефрейтора и занимаясь своими бумагами, спросил командир роты, тощий, всегда усталый капитан Йонэта.

— Дальше? Дальше — все, господин капитан.

— Я не понимаю, господин старший ефрейтор, что, собственно, обеспокоило вас? Такое сообщение по радио действительно было передано сегодня утром.

— Но комментарии...

— Комментарии, разумеется, впредь надо пресекать, но вы ведь сказали, что сделали это.

— Так точно, господин капитан.

— Вот и хорошо, так поступайте всегда. Что касается

рядового Комадзава, то нам известна его прежняя политическая неблагонадежность. Но за свои политические взгляды он уже отбыл десять лет каторги. По-моему, он, как солдат, вполне добросовестный. За ним, разумеется, необходимо наблюдать. Вам легче было бы делать это, господин старший ефрейтор, подружившись с ним, а не будучи в постоянной ссоре.

После этого случая Кураока еще сильнее возненавидел Комадзава. Правда, иногда, пересиливая себя, он старался сблизиться с мотористом, завязывать хитроумные разговоры, но Комадзава — о, этот паршивый солдатишка!— даже не замечал Кураока.

Вот и сейчас он словно не слышал вопроса ефрейтора. Одернув китель (при этом он с ужасом услышал, как зашуршала бумага на груди), Комадзава поспешил из казармы. Куда? Он не заметил, как миновал ряды серых дощатых построек — такелажных складов — и очутился у берега моря. Солнце клонилось к вечеру, и вся необъятная гладь Охотского моря сияла в золотисто-красноватых лучах. Едва заметная зыбь чуть-чуть нарушала гладь моря, у берега в камнях задумчиво шелестели мелкие накаты зыбучих волн. Комадзава постоял, вслушиваясь в ласковый говор моря, потом решительно направился в порт. Здесь от берега метров на сто отходил бетонированный пирс, облепленный с обеих сторон десантными баржами. В стороне, на рейде, стояло несколько сторожевиков и две подводные лодки. У входа на пирс Комадзава остановил часовой:

— Куда?

— На свою баржу, мотор подремонтировать. Завтра рано выходить.

— С какой баржи?

— Номер восемь, вон недалеко от края.

— Проходите.

Баржа № 8 — небольшое, открытое корытообразное суденышко, с высоко поднятым плоским носом-сходней,— слегка покачивается на воде, стукаясь бортами о соседние баржи. Кормовую часть занимает надстройка вровень с бортами. Под ней — моторное отделение. Поверх надстройки сторожевой будкой возвышается шкиперская рубка. Чтобы попасть в моторное отделение, нужно на четвереньках пролезть через небольшую дверцу под кормовую надстройку. Перед тем как сунуться в эту дыру, Комад-

зава оглянулся на пирс: не идет ли кто-нибудь сюда? Но там лишь часовой.

Любил Комадзава эту тесную свою каморку — моторное отделение, хотя здесь нельзя ни встать во весь рост, ни разминуться двоим. Была тут у него собственная маленькая территория, куда никто и никогда не вторгался. Здесь, под палубой, он был укрыт от всего злого, что окружало его. Да и кому, кроме моториста, охота залезать в эту темную, тесную нору, пропитанную бензином и маслом. Недаром солдаты называли моторное отделение десантных барж «собачьим ящиком». Но для Комадзава эта конура стоила дороже хором. Был у него здесь свой порядок и своя чистота. Каждая вещь имела свое постоянное место: на стене — ряд гаечных ключей и отверток, ниже, на полке, — гнезда с масленкой и банкой с бензином для заводки мотора, у задней стенки — ящик с болтами, гайками, трубками и всякой всячиной, необходимой мотористу. В ящике, в самом темном углу, стоит запасной аккумулятор. Но что это такое? Откуда-то из-за досок моторист достал наушники радиоприемника и подключил шнур к аккумулятору.

Комадзава надевает наушники и начинает крутить клеммы аккумулятора. Оказывается, вместо свинцовых пластин и кислоты там радиоприемник, залитый сверху смолой, как это бывает в аккумуляторе.

Через некоторое время в наушниках сквозь шум в эфире начинает прорываться русская речь. Она становится все чище и отчетливей. Комадзава вслушивается. Хабаровск говорит...

Диктор читает о подготовке камчатских рыбаков к лососевой путине, и воображение Комадзава рисует Усть-Камчатск, знакомые лица русских рыбаков — давнишних его друзей. Сколько простора для души, сколько светлого счастья у них! Комадзава всегда был в мыслях с ними и сейчас особенно горячо желает им удачного лова. Нет, не Япония является для него Страной Восходящего Солнца, а Россия. Там, в Советской России, восходит солнце новой жизни. Верил он в это прежде и с еще большей твердостью верит в это теперь. Ни жестокие преследования, начавшиеся после разгрома компартии, ни гибель сотен товарищей, ни годы каторги — ничто не могло сломить в нем этой веры, как и веры в светлое будущее родной Японии. Там, за морем, был великий

исцеляющий источник этой веры, и всякий раз, когда Комадзава было особенно тяжело, он всем сердцем приникал к нему, этому живому роднику света и надежды.

Прослушав передачу о камчатских рыбаках, Комадзава как бы освежился после томительного зноя. Потом передавалась музыка. Слушая ее, Комадзава снова думал о судьбе китайцев-военнопленных, думал о том, как помочь им в этой великой беде. И тут вдруг осенила его мысль — присоединиться к бунту! Ведь он своим знанием обстановки на острове может оказать большую помощь военнопленным. Но как это сделать?

Сняв наушники, Комадзава вынул из-под нижней рубашки листки с воззванием и сделал на последнем из них приписку: «К вам присоединяется моторист баржи № 8, можете на него полностью рассчитывать. Он ждет ваших указаний».

На следующее утро, в понедельник, по пути на Северное плато Комадзава наливал масло из бочки, возле которой, как всегда, сидел Ли Фан-гу. Подав знак китайцу, чтобы тот придвинулся ближе, Комадзава сделал вид, что толкнул его в грудь, — дескать, мешаешься! — и тем временем незаметно сунул ему за пазуху пачку сигарет, в которую было вложено воззвание.

ОПЕРАЦИЯ «НЭМУРО»

В тот же понедельник утром в кабинете подполковника Кувахара шло одно из самых секретных заседаний. Никому не разрешалось заходить не только в кабинет, но даже в приемную, у двери которой была поставлена охрана. На совещании, помимо подполковника Кувахара, присутствовали только двое: начальник флота — длинный, поджарый, как скаковая лошадь, капитан второго ранга Такахаси в короткой для его роста, затасканной черной шинели, белых перчатках и всегда при сабле с никелированными ножнами — и командир конвойного батальона майор Кикути — непомерно ожиревший человек с вывернутыми большими губами, с красным, словно надутым, лицом, на котором вылезали из орбит всегда замасленные глаза. Создавалось впечатление, будто этого человека, как футбольную камеру, надули, сверху надели покрышку — китель, и вот теперь из нее, как пузыри, вы-

лезли и голова, и ноги, и руки. Казалось, они вот-вот лопнут от того, что их слишком сильно надули воздухом. Говорил он каким-то крякающим, как у селезня, голосом.

Совещание началось с проверки списков военнопленных. Работающих и больных, как доложил майор Кикути, насчитывается 892 человека. Они разделены на четыре роты. Каждую роту охраняет два взвода: один — на работе и один — ночью в лагере.

— Завтра утром, как только военнопленные будут выведены на работу, произвести тщательный обыск в лагере, а затем, по окончании рабочего дня, обыскать каждого военнопленного при выходе из подземелий.

При этих словах подполковник Кувахара достал из стола папку с бумагами, открыл ее.

— Запишите себе, майор Кикути, приказ. — И он стал диктовать: — Первое: вывести всех военнопленных к западному подножию высоты сто семьдесят один завтра во вторник в восемнадцать ноль-ноль. Второе: к этому времени собрать туда конвойный батальон в полном составе. Туда же прибудет для подкрепления рота аэродромного батальона. Место сбора оцепить двумя рядами солдат. Третье: командирам рот вместе с командирами взводов проверить по списку наличие каждого военнопленного. Эту операцию закончить к девятнадцати ноль-ноль и о результатах доложить мне. Четвертое: в двадцать ноль-ноль вести колонну к причалу Северного плато по шесть человек в ряд. Позади будут идти два танка. Место стоянки баржи оцепить сплошным кольцом солдат. Оружие держать наготове, направленным на военнопленных. Пятое: посадку производить цепочкой — один за другим. У трюмов держать в резерве отделение солдат. Посадку закончить к двадцать одному ноль-ноль. Ко мне есть вопросы?

Кикути громко сопел, скорее даже хрипел, быстро записывая распоряжения себе в узенькую книжицу с позолоченным обрезом.

— Вы будете присутствовать, господин подполковник? — оторвался он от записей.

— Да, я буду присутствовать все время: от начала сбора и до конца операции. Между прочим, я забыл вас предупредить. После проверки выведите из строя военнопленного четвертой роты Ли Фан-гу: я попробую на нем свою саблю после того, как ее поточили. Мною будет заготовлен приказ, в котором будет сказано, что комму-

нист Ли Фан-гу распускал среди военнопленных провокационные слухи о том, что якобы они будут истреблены после окончания работ, и тем самым подстрекал их к бунту. За это он приговаривается к смертной казни перед строем. Я сам приведу приговор в исполнение. Еще вопросы?

— Больше нет вопросов, господин подполковник.

— Теперь с вами, капитан второго ранга Такахаси, — повернул он свое нежно-бледное, как у девушки, лицо к начальнику флота. — Может ли старая баржа, что стоит под такелажем, вместить всех военнопленных?

— Я полагаю, господин подполковник, — нудным голосом начал Такахаси, — что при условии, если в ней соорудить в два этажа нары, и при условии, что люди будут не лежать, а сидеть, то можно будет вполне разместить всех военнопленных.

— Хорошо, вот вам задания. Первое: к середине завтрашнего дня полностью оборудовать эту баржу, в частности построить нары, подготовить плотно закрывающиеся крышки для трюмов. В днище кормы прорезать большое отверстие, которое должно быть закрыто до начала операции. Я полагаю, что оно должно быть заделано дощатым щитом, который при необходимости можно было бы легко и быстро оторвать. Второе: к шести вечера подвести баржу на буксире к причалу Северного плато. Подготовить две десантные баржи, в которых разместятся солдаты охраны. Третье: после погрузки военнопленных вести баржу в Тихий океан до края впадины Тускаррора. Прибыть туда в двадцать три часа. Четвертое: выделить команду на шлюпке с задачей оторвать щит в кормовом отверстии. Всем судам находиться там до тех пор, пока баржа окончательно скроется под водой. В мое распоряжение подготовить малый «морской охотник» к четырем часам дня завтра. Задание понятно?

— Так точно, господин подполковник.

— Вопросы есть?

— Нет вопросов, господин подполковник.

— Отлично. Прошу все продумать и завтра утром доложить о ходе подготовки операции. У меня все.

Офицеры откланялись и вышли из кабинета.

Но прежде, чем наступило утро рокового дня, случилось нечто непредвиденное, что изменило ход событий, предначертанных подполковником Кувахара.

В то время, когда подполковник Кувахара давал указания об осуществлении операции «Нэмуро», в самом глухом каземате Северного плато происходило тоже одно из самых секретных совещаний. На нем присутствовали военнопленные Ли Фан-гу, Шао Мин, Ван Цзюй и Кэ Сун-ю. Совещанием руководил инженер-капитан Тиба.

Перед тем как изложить содержание разговора, происходившего на этом важном совещании, откроем читателю одну глубочайшую тайну: инженер-капитан Тиба Киёси не был тем, кого хотел видеть в нем командующий гарнизоном генерал-майор Цуцуми.

Все было правильно: и то, что он военный инженер, и то, что он Тиба, и то, что он выдающийся специалист инженерного дела. Было лишь неправильным представление, будто бы он человек тихий и что он ведет замкнутый образ жизни. Напротив, едва ли кто-нибудь из офицеров гарнизона умел так разбираться во всех событиях, как Тиба, а что касается общения с людьми, то в подземелье у него было довольно много друзей. Инженер Тиба был один из тех немногих японских революционеров, которые после бесчисленных провалов местных революционных организаций сумели сохранить связь с руководящим центром к середине 1945 года. Нужно было иметь поистине железное самообладание, несгибаемую волю, незаурядные способности конспиратора и большой ум, чтобы действовать в таких условиях, когда «даже стены слышат». А он именно действовал. Письма, которые уходили от него и приходили к нему, на вид самые обычные, интимные — друзьям, жене, ученым специалистам и от них, на самом деле содержали партийные отчеты и директивы, вопросы и разъяснения, — каждое слово в них имело иносказательный смысл. Он, например, знал о подполковнике Кувахара больше, чем Кувахара о нем. Он знал обстановку на фронтах едва ли хуже, чем тот же Кувахара. В условиях жесточайшего полицейского режима, установленного на острове, да и вообще существовавшего в японской армии, он не мог создать сколько-нибудь действенной партийной организации, но он давно знал о Комадзава как о бывшем коммунисте, знал о солдатах-«отреченцах», бывших коммунистах, некогда отрекшихся публично от коммунистических идей под страшными пытками. Наконец он прямо руководил совместно с Ли Фан-гу

подпольной организацией Сопротивления, созданной в лагере военнопленных.

Связь с Ли Фан-гу и с китайскими коммунистами-военнопленными началась у него более двух лет назад при неожиданных обстоятельствах. Военнопленные в то время работали уже в подземелье, где можно было хоть на время скрыться от глаз охраны, вести тайные разговоры, объединять силы сопротивления. Как-то раз к Тиба явился в конторку военнопленный и в глубокой тайне сообщил о том, что один солдат его роты по имени Ли Фан-гу — коммунист и бывший комиссар партизанского отряда в Маньчжурии — ведет среди пленных коммунистическую пропаганду и пытается создать партийную группу. Из разговора выяснилось, что доносчик — бывший студент-гоминдановец, желает следить за военнопленными и может дать хоть сейчас список членов организации Сопротивления, ведущих подрывную работу в лагере. После он регулярно сообщал инженеру о каждом шаге Ли Фан-гу и всех других коммунистов. По требованию Тиба гоминдановец дал и другой список — тех, кто желает следить за коммунистами. Их оказалось семь человек в роте. На следующий день доносчик оказался придавленным землей в одной из галерей, а через некоторое время та же участь постигла и еще четырех гоминдановцев. Как выяснил Тиба потом, это сделали сами пленные: трое, принятые гоминдановцем за «своих», были на самом деле комсомольцы, они и организовали расправу над предателями.

С тех пор десятая рота, ныне переименованная в четвертую, в которой состояли Ли Фан-гу и его друзья, стала основным коммунистическим ядром в лагере. Это не было случайностью: в десятой роте, ставшей потом четвертой, были собраны самые стойкие революционеры, участники подпольной организации Сопротивления. За время строительства укреплений из этой роты было казнено более половины ее первоначального состава, но организация продолжала действовать. Весь лагерь знал от нее о том, что делается в мире, знал о разгроме фашистской Германии уже в день подписания акта о капитуляции, знал о том, что империалистическая Япония оказалась изолированной и одинокой в войне, и все верили в скорый ее крах. Эти сведения передавались в лагерь Тиба через Ли Фан-гу, которого военный инженер сделал десят-

ником, чтобы облегчить себе связь с организацией и чтобы сохранить его от расправы. Кстати, Ли Фан-гу был непревзойденным специалистом штукатурных работ.

В это утро Ли Фан-гу, едва спустившись в подземелье, сразу же достал из-за пазухи пачку сигарет, подозревая, что в ней переданы не только сигареты. Прочитав воззвание, он немедленно отправился к инженеру Тиба. Когда они остались наедине в глухой каморке каземата, ярко освещенной электрической лампочкой от аккумулятора, Ли Фан-гу, вечно веселый, неунывающий человек, улыбаясь, воскликнул:

— Мы не одиноки! Мы нашли правильное решение, если это же решение нам подсказывают и наши друзья!

С этими словами он развернул листки записной книжки и стал читать, тут же переводя каждую фразу.

— Но самое замечательное — вот эта приписка, посмотрите!

Невысокий, худой, как скелет, оборванный до того, что на одежде не осталось ни одного живого места, Ли Фан-гу являл собой в эту минуту олицетворение непобедимости человеческого духа. Буро-землистое продолговатое лицо с длинными скулами, туго обтянутое глянцевитой, чуть ли не прозрачной кожей, под которой ясно проступал каждый бугорок костей и желвачных мышц, — это полувосковое лицо казалось сейчас мумией, но зато глаза... О, каким неукротимым в радости и страсти борьбы огнем горели его провалившиеся в орбитах, лукаво смеющиеся глаза! Смеялись одни они да еще тонкие синие губы, и оттого лицо его, в общем неподвижное, почему-то казалось плачущим.

Инженер Тиба вылез из-за грубо сколоченного стола, заваленного чертежами, прошелся по своей каморке, обдумывая что-то. Потом подошел к Ли Фан-гу, перечитывающему воззвание. Задумчивый, стройный и красивый, с немного грустными большими и слишком круглыми для японца глазами, он постоял против китайца. Потом протянул ему руку.

— Ли, дай мне твою руку, — сказал он тихо. — Либо мы вместе погибнем, либо вместе победим! — Они обнялись. — Час настал: сегодня вечером поднимаем бунт. А теперь зови членов руководящего комитета.

Он подошел к столу, отыскал общую карту острова со

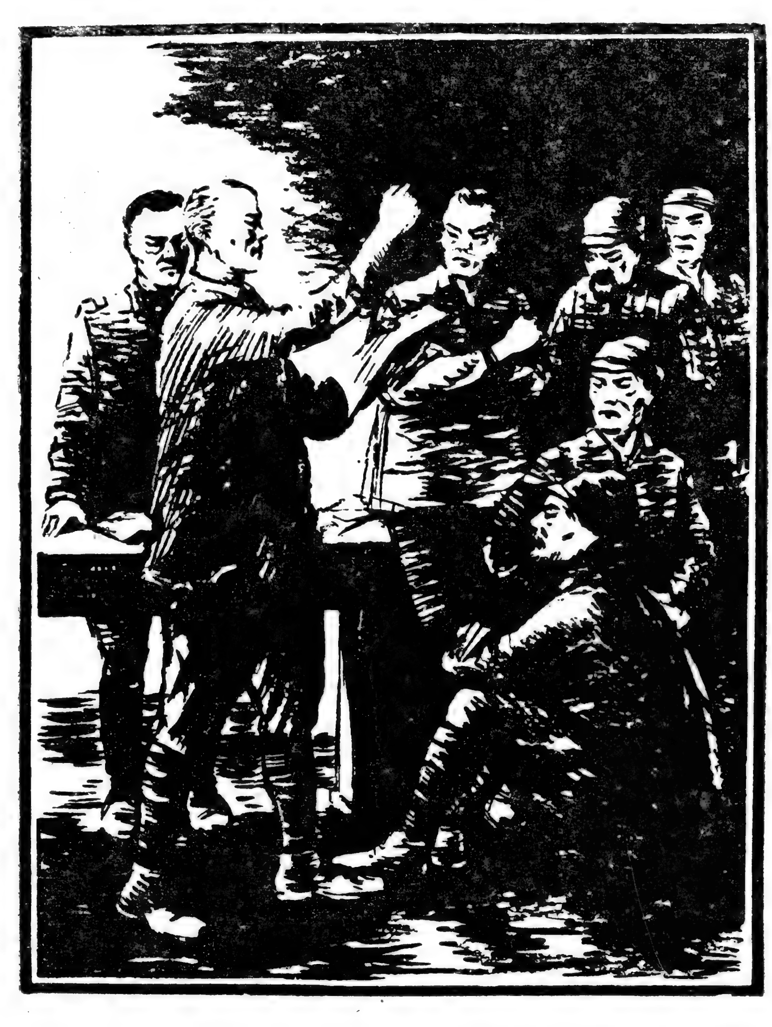
схемой укрепрайона, склонился над ней, поставив одну ногу на табурет. Словно окаменев, он простоял неподвижно до тех пор, пока не появился Ли Фан-гу с друзьями.

— Охрана установлена? — спросил он Ли Фан-гу. Тот кивнул. — Ли, прочитай товарищам воззвание.

Ли Фан-гу читал медленным, клокочущим в груди голосом.

«Друзья и братья, — говорилось в этом документе, написанном на узких листках. — В невероятных муках, испытывая неисчислимые страдания и голод, вы совершили титанический труд в угоду преступной японской военщине. Разве только в мрачную эпоху рабовладения человек низводился до такого бесправного положения, до какого доведены вы! Мы знаем, что вы были и остались в жестких тисках охраны и потому не могли подать даже голос протеста против насилия над вами. Но сейчас вы должны восстать. Нами, вашими братьями и друзьями, достоверно установлено, что разработан план поголовного истребления вас в связи с окончанием работ. И в этом нет ничего удивительного: чего стоят ваши жизни для презренной военщины, желающей скрыть секрет расположения укрепления, секрет, который знаете вы, враги японской военщины!

Враг поставил вас в такие условия, при которых у вас нет выбора. Так не лучше ли погибнуть в бою, нежели покорно ждать, когда вас казнят? Зато в бою у вас есть хоть маленькая надежда на спасение, пусть не всех! Вы можете захватить баржи и уйти в море: сейчас стоят туманы, и они скроют вас. Вы можете пробиться в горы и там найти себе надежное укрытие. Час падения японской военщины близок, и вы можете продержаться до этого часа. А что это возможно, показывает схема острова, которую мы прилагаем здесь. Как видите, к югу весь остров не обжит, горист, с дремучими зарослями непроходимых лесов и курильского бамбука. Там почти нет никакой охраны, ибо сама природа сделала остров неприступным. У северного края и глубже к югу этого района, там, где мы поставили точки, находится около четырехсот мелких резервных складов с продовольствием, различным имуществом, а главное, с оружием и боеприпасами. В них лежит двухгодовой запас для всего гарнизона, они не охраняются, ибо нужно было бы поставить весь гарнизон

— Так не лучше ли погибнуть в бою, нежели покорно ждать, когда вас казнят? — читал Ли Фан-гу. — ...Захватите оружие у охраны и начинайте действовать, пока не поздно.

на их охрану. Пусть они сослужат вам ту же службу, какую им предназначило японское командование, — питать войска в случае захвата противником основных баз и при необходимости ведения партизанской войны.

Смело и решительно поднимайтесь на борьбу за свою жизнь, за честь, за свободу! Захватите оружие у охраны и начинайте действовать, пока не поздно, пока вы находитесь в тесном подземелье, где хозяева — вы! Действуйте, товарищи, дружно, смело и решительно!»

Ли Фан-гу закончил чтение и внимательно посмотрел на Кэ Сун-ю. У того по щекам текли слезы. Ли Фан-гу показалось сначала, что юноша плачет от горя, но, присмотревшись, заметил, что это текут слезы радости. Кэ Сун-ю было тринадцать лет, когда он пришел в одну из частей восьмой китайской Народно-освободительной армии. Сначала был подносчиком патронов, в пятнадцать лет стал уже стрелком, а затем — снайпером. Шестнадцати лет, будучи комсомольцем, он с простреленной ногой попал в плен к японцам и вскоре по излечении был вывезен сюда. Теперь ему было двадцать лет, но какая неизгладимая печать горечи и страданий лежала на его круглом, по-мальчишески открытом, но по-взрослому строгом лице! Под глазами — синие мешочки, какие бывают у давно голодающего человека, на скулах, подернутых реденьким пушком растительности, — ребра желваков, маленькие пухлые губы стали синими, как у мертвеца. Было непонятно и удивительно: где же еще теплится в нем жизнь? Разве только в сильно скошенных, но расширившихся глазах отражалась она лихорадочным, испепеляющим от гнева и душевной боли огнем, — они всегда были у него такими в эти страшные годы неволи.

— Теперь всех прошу сюда, товарищи, — сказал Тиба.

Откуда-то из-под подкладки полевой сумки он вынул новую, испещренную знаками карту укрепрайона и расстелил ее на столе.

— Вот план восстания, товарищи, — заговорил он спокойно. — Его мы разрабатывали на протяжении последних трех месяцев и уже обсудили во всех деталях с товарищем Ли. Прошу внимательно выслушать и запомнить. Вы видите черные кружки? Они обозначают места, где стоит охрана. Синие стрелки показывают, из каких галерей должно быть произведено нападение на охрану. По условному сигналу — трехкратному миганию фона-

рей — старшие рабочих групп соберут своих людей и заявят, что по моему указанию переводят их к месту работы в других галереях. Эти группы должны повсеместно почти одновременно вступить в точки, где находится охрана. Нападение на охрану должно быть произведено по сигналу старшего рабочей группы. Сигнал для нападения — возглас: «Обвал!» На каждого вооруженного солдата одновременно нападают трое. Наиболее злостных охранников, известных своими зверствами, таких, как Мураками, Сидзута, Гото, убивать на месте. Лояльных солдат связать ремнями и оставить в казематах. Вопрос о том, кого пощадить и кого уничтожить, должны решить сами военнопленные. В это же время повсюду обрезать телефонные провода.

Тиба посмотрел на часы: было начало одиннадцатого.

— Осталось восемь часов до начала выступления, — как бы про себя сказал он. — Нужно спешить. В одиннадцать у меня будет начальник укрепрайона. Итак, с охраной покончено. Тут же часть наиболее крепких и здоровых военнопленных, схожих по росту с японцами, переоденется в обмундирование солдат охраны и заберет оружие. Двадцать человек отправятся снимать охрану у амбразур и в дотах. Остальная часть переодетых и вооруженных займет все входы в подземелье. Ее задача — впускать каждого, кто будет заходить, и тут же арестовывать, обезоруживать и снимать верхнюю одежду. Из подземелья никого не выпускать. Тем временем всех военнопленных, оставшихся без оружия, соберем поротно в казематах и выявим больных и наиболее слабых. Эту часть людей под охраной переодетых военнопленных, как обычно, вывести в сумерках к причалам, посадить в баржу и отправить в Охотское море к русским берегам. Сейчас на море стоят туманы, и баржу трудно будет найти. Питаться эти товарищи будут неприкосновенным запасом продуктов — риса и консервов, имеющихся на каждой барже. На барже должен быть увезен один экземпляр акта о злодеяниях японского командования. Акт должен стать достоянием свободного человечества. Под актом необходимо собрать подписи сразу же после подавления охраны.

Тиба задумался, достал сигареты, угостил китайцев и закурил сам.

— Эта часть операции наиболее сложна, — задумчиво

проговорил он. — Нужно кому-то двоим из вас возглавить ее. Кто возьмется за это дело?

— Я думаю, — сказал Ли Фан-гу, — что нужно поручить ее осуществление Шао Мину и Ван Цзюю, как наиболее опытным товарищам.

Он посмотрел на старика Шао Мина и широкоскулого здоровяка Ван Цзюя. Те кивнули головами в знак согласия.

— Какова ваша задача? — продолжал Тиба. — Во-первых, необходимо сделать так, чтобы на баржах не поняли, что поднят бунт. Сажать людей так, как сажали обычно. Во-вторых, когда баржа отойдет и скроется в темноте, только тогда заставить шкипера вести судно по заданному курсу. В-третьих, как только баржа отойдет, сопровождавшие колонну вооруженные и переодетые товарищи должны незамедлительно вернуться в подземелье. После этого начнется заключительная и самая ответственная часть операции: мы должны пройти по подземельям до самой южной их границы и в темноте выйти на тихоокеанский берег. Высланные вперед и кругом дозоры должны будут бесшумно снимать патрулей и этим обеспечить нам безопасный переход в горы. К утру мы должны быть в двадцати километрах южнее долины Туманов — главной базы гарнизона. Только в этом случае мы будем спасены. Там оденемся, вооружимся, возьмем запас продовольствия в резервных складах и отойдем в центральную, гористую часть острова. Командование всем отрядом, после того как мы вступим в горы, примет на себя товарищ Ли, поскольку у него имеется богатый опыт ведения партизанской войны. Я останусь комиссаром отряда. Вот коротко план нашей операции. Ее начало — в восемь вечера. Главная общая задача состоит в том, чтобы командование не знало о том, что восстание началось, по крайней мере в течение полутора—двух часов после его начала. Только в этом случае мы сможем сделать все, что наметили. Какие будут вопросы у товарищей?

— Что делать нам сейчас? — спросил Кэ Сун-ю, заметно волнующийся от нетерпения.

— Сейчас переписать каждому воззвание и передать его ротным уполномоченным подпольной организации. До вечера с воззванием должны ознакомиться все члены организации Сопротивления. Необходимо предупредить то-

варищей в ротах, чтобы ни один подозрительный гоминдановец не знал о воззвании, — могут предать. У кого еще есть вопросы? Нет? Вот вам списки рабочих групп. Передайте их старшим групп. Здесь указан порядок, в котором должны идти члены группы, и скобками выделены тройки, которые должны совместно нападать на одного из солдат охраны. А теперь садитесь и переписывайте воззвание.

Он дал каждому лист бумаги, карандаш и усадил всех за стол, а сам принялся ходить по каземату. Потом направился к входу в галереи. Сцепив руки за спиной, он долго там стоял, задумчиво вглядываясь в темноту узких проходов, где мигали красные точки фонарей. В его воображении мелькали картины предстоящего бунта, их сменяли лица детей, маленькой Томико-тян и десятилетнего Дзиро, милое, печальное лицо жены, лица друзей по подполью; и пальцы его сжимались за спиной до хруста в суставах, до боли, которую он чувствовал как-то отдаленно и смутно. Но на душе у него было светло и легко от сознания близкой мести тем, кого он всю жизнь ненавидел.

Тиба еще и еще раз продумывал все детали плана предстоящего бунта. Вернувшись в каземат, он долго стоял над картой подземелий, стараясь в живых образах представить картину бунта. Перед тем как отпустить товарищей, он каждого в отдельности проэкзаменовал по всем вопросам предстоящей операции и, когда было все окончательно согласовано, отпустил их.

БУНТ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Бунт в подземелье начался в точном соответствии с планом, разработанным инженером Тиба и Ли Фан-гу. До самой последней минуты, предшествовавшей началу восстания, не было никаких признаков, указывающих на то, что готовится это грандиозное событие. Как всегда, до самого конца рабочего дня медленно двигались в густом черном полумраке согбенные фигуры военнопленных, красными вереницами мерцали в галереях тусклые огоньки фонарей. Только разве по тому, как то и дело поворачивались головы в сторону фонарей, как горели глаза затаенным огнем мести, как в приподнятом настрое-

нии перебрасывались репликами и шутками военнопленные между собой, — что было редким и необычным в этих условиях жестокой неволи, — только разве по этим неуловимым в полумраке приметам можно было подсмотреть, что подземелье накануне решающего часа.

Тем более далека от подозрений на этот счет была охрана. Привыкшие к неограниченной власти над жизнью этих людей, кажущихся живыми механизмами, к покорности их, обезволенных страшным деспотизмом, охранники чувствовали себя беспечно. Еще бы! У них оружие, у них власть, у них право наказывать и даже на месте убивать тех, кто проявит хоть малейшую непокорность или неповиновение. Можно ли удивляться тому, что они считали себя неуязвимыми в подземелье! Они могли в этих условиях позволить себе разные вольности: играли в мадзян, потешались «сумо» — японской борьбой, а некоторые даже дремали, уткнувшись где-нибудь в углу каземата.

И когда по темным галереям три раза подряд мигнули красные точки фонарей и словно электрический ток пробежал по подземелью, разве могли что-нибудь подозрительное почувствовать в этом охранники?!

Словно по команде, военнопленные все разом вскинули на плечи ломики, кирки, топоры, лопаты, а у кого ничего не было, те просто куски досок.

Мучительно долго тянулись для Тиба эти короткие решающие минуты. Ему чудилось, будто он слышит стрельбу, крики, шум ожесточенных схваток в тесном подземелье. Но так лишь казалось ему. На самом деле в галерее, где он стоял, было тихо. Лишь красные огоньки тускло светились во тьме, едва освещая подземелье.

Тиба посмотрел на часы. Прошло уже пять минут, как начался бунт. То, что до сих пор не раздалось ни одного выстрела, говорило, что бунт развивается в соответствии с планом, — ведь задача состояла в том, чтобы не дать охране опомниться, обезоружить ее.

Инженер то заходил в каземат, то снова возвращался в галерею. Во время одного из выходов он увидел быстро мигающий в глубине яркий свет электрического фонарика. Тиба стал наблюдать за ним. Скоро он разглядел, что свет приближается: кто-то бежал с фонариком сюда. Нарастал грузный топот. Вот он уже близко, попал под свет настенного фонаря. Он не один, впереди бежит еще

кто-то. Видно, оба офицеры. Тяжело дыша, они остановились возле Тиба. Каково же было удивление инженера, когда он узнал в переднем техника Фуная — маленького бледнолицего человека, почти мальчика, а в заднем Ли Фан-гу, переодетого в форму японского офицера. Китаец держал пистолет наготове — он гнал сюда Фуная.

— Что случилось? — с волнением спросил Тиба.

— Товарищ инженер, — докладывал Ли Фан-гу, — этот господин просил быстро доставить его в штаб восстания. Он сказал, что хочет сообщить что-то важное.

— Проходите сюда, — торопливо пригласил их Тиба в ярко освещенное помещение каземата.

Инженеру показалось, что Фуная как-то неестественно открыл глаза, увидев своего непосредственного начальника.

— Госпо... Товарищ инженер, прикажите не убивать меня, — дрожащим голосом проговорил техник Фуная. — Я ведь сам из рабочей семьи... Я всегда искал случая связаться с коммунистами, чтобы участвовать в подпольной работе... Я давно хочу стать коммунистом...

Тиба немногим более года знал техника Фуная. Присланный на строительство в начале прошлого года, этот человек с первых дней понравился инженеру Тиба своей исполнительностью и доброжелательным отношением к военнопленным. Тиба и раньше из разговоров с Фуная знал, что тот происходит из рабочей семьи, в детстве видел много горя. Чтобы получить хоть какое-нибудь образование, он против своего желания пошел в школу военных техников. Армейскую службу ненавидел всей душой, как неоднократно он говорил об этом Тиба один на один. Он мечтал стать инженером, когда окончится война, а для этого сейчас копил деньги на учебу в колледже. Тиба симпатизировал этому трудолюбивому человеку, его както роднила с ним профессия и стремление Фуная тоже стать инженером.

— Что же вы хотели сообщить штабу восстания? — спросил Тиба техника, стараясь казаться спокойным. — Успокойтесь и говорите. Здесь вам ничто не угрожает.

— Я прошу разрешить мне присоединиться к восстанию, — заговорил Фуная, приходя в себя. — Я знаю резервные склады оружия, они находятся недалеко от южного выхода из подземелья в лесу. Там винтовки и ящики с патронами.

— Это недурно, — заметил Тиба. — Но как, по вашему мнению, мы сможем овладеть этим оружием?

— Как только наступит ночь, я отправлюсь с людьми, которых вы сможете выделить, и мы принесем оружие.

Глаза у Фуная — большие, с темной каймой вокруг глазниц — лихорадочно поблескивали.

— Что вы думаете об этом предложении, товарищ Ли? — обратился Тиба к китайцу.

— Хорошее предложение.

— Но вы отдаете себе отчет, что вас ожидает, если наше восстание будет подавлено? — спросил Тиба техника.

— Я готов на все! — решительно произнес тот.

— Хорошо, оставайтесь со мной, будете здесь в резерве... Как у вас дела там? — обратился Тиба к Ли Фан-гу.

— Все в порядке, товарищ инженер. Обезоружены офицеры обеих рот в каземате главного управления. Они как раз собрались там. А еще там было сорок три солдата, их тоже обезоружили. Налетели наши — пикнуть не дали. В живых оставили двадцать восемь. Закрыли всех в помещении, что готовили под командный пункт бригады. Посланы люди разоружать солдат у амбразур.

— Охрана у входов в подземелье выставлена?

— На моем участке выставлена, товарищ инженер.

Вскоре сюда прибежали Кэ Сун-ю, Шао Мин, а затем и Ван Цзюй. В их ротах разоружение охраны также прошло успешно. Как и Ли Фан-гу, они уже были переодеты в японскую форму. Успешное начало восстания воодушевило всех. У китайцев было радостное боевое настроение. Подземелье в их руках! Ни один японец не ускользнул на поверхность. Через полчаса закончилось разоружение солдат, охранявших амбразуры. В ротах повстанцев, собранных в казематах, шла подготовка к захвату барж, учитывались больные и слабые, формировались отделения, которым в качестве мнимой охраны предстояло вести военнопленных к причалам. Для этой цели быстро переодевались и вооружались здоровые, но малорослые китайцы, которых можно было бы принять в сумерках за японцев.

В конторке инженера Ли Фан-гу и Шао Мин под руководством Тиба последний раз проверяли акт о злодеяниях японской военщины на острове Минами, об истреб-

лении двух тысяч военнопленных китайцев, о зверствах Кувахара и офицеров конвойного батальона во главе с майором Кикути. Экземпляр этого акта предстояло любыми средствами доставить через Охотское море к русским, чтобы он стал достоянием человечества.

А стрелка часов неумолимо бежала вперед, напоминая о жестких сроках плана восстания. Инженер Тиба нашел дело и для Фуная. Он усадил его за карту и приказал уточнить местонахождение склада с оружием и набросать маршрут, по которому восставшие в темноте двинутся к складу. Технику, как знатоку местности, Тиба поручил провести туда группу, назначавшуюся для захвата оружия.

Стрелка часов остановилась на цифре «девять.» В это время военнопленных обычно выводят из подземелий и гонят к причалам на баржи. Инженер Тиба, Ли Фан-гу и Кэ Сун-ю распростились с Шао Мином и Ван Цзюем, отправляющимися выполнять вторую часть операции. Кто знает, удастся ли когда-нибудь им встретиться?

В сгущающихся сумерках из подземелья, как всегда, стала вытягиваться колонна оборванных людей. Стуча деревянными подошвами брезентовых ботинок, колонна неторопливо двигалась по дороге к причалам. Случайно оказавшиеся на пути солдаты, привыкшие к этому шествию, сторонились в траву, давая дорогу колонне. Вот и причал. Баржи, уткнувшиеся в берег, были, как всегда, уже с откинутыми сходнями. За долгие годы, все, кто участвовал обычно при погрузке военнопленных, привыкли автоматически выполнять свою работу. Так и сейчас: при тусклом свете фонарей на шкиперских рубках «охрана» усадила людей в одну из крайних барж, матросы подняли широкие носовые щиты-сходни, и мотор баржи затарахтел. Никому из экипажа баржи не пришло в голову обратить внимание на то, что на кормовых надстройках не оказалось пулеметов: там залегли лишь вооруженные молчаливые солдаты, направив дула винтовок в спины военнопленных. Никто не обратил внимания и на то, что, по меньшей мере, взвод вооруженных «охранников», построившись по четыре, двинулся обратно к подземельям. Баржа отошла от берега и скоро скрылась в темноте. Звук ее мотора растаял в тишине вечернего моря.

В подземелье с нетерпением ожидали возвращения взвода вооруженных китайцев. Пора было уходить в го-

ры. Колонна уже вытянулась по двое в южной галерее, готовая к походу, и ждала сигнала. Тиба и Ли Фан-гу уточняли последние детали маршрута. Путь из галереи вел к тихоокеанскому берегу. Там, кроме патрулей, никого не бывает. Неподалеку от того места, где долина Туманов выходит к тихоокеанскому берегу и где лежит на берегу небольшой поселок казарм стрелкового батальона, путь повстанцев сворачивал в овраг и по нему поднимался к подножию вулкана Туманов. Здесь он пересекал дорогу, ведущую с плато в поселок, и это было первое опасное место. Второе находилось там, где маршрут поворачивал к югу, пересекал один из отрогов, идущих от подножия вулкана, и спускался в долину Туманов, вновь пересекая дорогу. Предполагалось, что дорогу будут пересекать по одному, предварительно сосредоточившись в трех местах. За дорогой снова собираться, и только когда ее перебежит последний человек, двигаться всем дальше.

Проходили все сроки выступления из подземелья, а взвод вооруженных повстанцев не возвращался с берега. Тиба и Ли Фан-гу всерьез начали беспокоиться.

— Товарищ Кэ, — сказал Тиба юноше, — сбегай-ка к главному выходу, выясни, в чем там дело, почему задерживается «охрана», послушай, нет ли стрельбы у причала.

Но едва Кэ Сун-ю бросился по галерее, как услышал топот ног человека, бегущего ему навстречу. Кэ Сун-ю остановился.

— Стой! Куда бежите? — окликнул он.

— Там, наверху, стрельба...

— Далеко?

— Примерно в полукилометре от входа.

— Кто-нибудь послан туда для связи?

— Послали двоих, но они еще не вернулись.

— Доложим об этом штабу.

Они вбежали в каземат. Выслушав сообщение посыльного, Тиба, Ли Фан-гу и все присутствующие стали сразу мрачными. Было очевидно, что план восстания нарушен, если не сказать — сорван вообще. Обстановка усложнилась. Требовалось немедленно принять новое решение. По приказанию Тиба и Ли Фан-гу в каземат были вызваны все вновь назначенные командиры рот и взводов.

— Главная трудность обстановки состоит в том, — быстро заговорил Тиба, — что командованию гарнизона теперь стало известно о нашем восстании. Обстановка усложняется еще тем, что лучшая вооруженная часть наших товарищей, оторванная от подземелий, по-видимому, ведет сейчас неравный бой с японскими солдатами.

В это время в каземат вбежал запыхавшийся повстанец с окровавленной и безжизненно свисающей левой рукой. Правой он крепко сжимал винтовку. Лицо его было бледно.

— Нас предали! — прокричал вбежавший. — Среди нас оказался гоминдановец, который убежал к японцам...

— Каково положение там? — подбежав к нему, резко выкрикнул Ли Фан-гу.

— Много японских солдат набежало с аэродрома... Наших окружили... Наши стараются прорваться к подземелью...

— Решение может быть одно, — приказным тоном объявил Ли Фан-гу. — Пока открыт выход из подземелья на юг, в леса, нужно немедленно всем уйти туда. Если потребуется выходить с боем, пойдем в атаку. Теперь темно, и нас не сумеют перестрелять. По пути захватим оружие в складе, который знает товарищ Фуная. Первым будет пробиваться штаб с охраной. Бойцам передайте: пусть рассыпаются по лесу, и каждый, по мере того, как будут выходить из подземелья, пусть выбирает направление на юг, в горы. Штаб будет в районе первого вулкана, что лежит южнее долины Туманов. Пошли! — и он решительно махнул рукой в сторону двери.

Они направились к южному выходу. К западному был послан связной с приказанием взводу вооруженных «охранников» отойти в подземелье, забаррикадироваться и спешить к южному выходу из подземелья. Если к тому времени роты уже уйдут, «охрану» будут ожидать там связные, они передадут дальнейшие указания.

Было уже совсем темно, когда Тиба и сопровождавшие его товарищи вышли на поверхность. С запада доносилась стрельба, в стороне танкового парка гудели машины, вспыхивал свет фар. По-видимому, там уже завели танки.

Ни минуты не задерживаясь, руководители повстанцев бросились к берегу, вдоль которого потянулся крутой обрыв, поросший густым лесом.

В этот вечер подполковник Кувахара засиделся в своем кабинете дольше обычного. Он просматривал только что полученные оперативные сводки о положении на фронтах и так углубился в чтение, что телефонный звонок заставил его подскочить, словно его ужалили. «Нервы шалят», — подумал он, берясь за трубку телефона и стараясь успокоиться.

Докладывал майор Кикути:

— Я говорю из штаба укрепрайона. Сюда только что прибежал военнопленный и сообщил, что в подземелье бунт. Да, бунт! Он говорит, что бунтовщики обезоружили охрану и частью перебили, частью заперли в казематах. Телефонная связь с подземельем прервана. Они хотят уйти в горы. Нужна немедленная помощь, чтобы оцепить подземелье и закрыть бунтовщикам выход.

У Кувахара было такое самочувствие, будто его окунули в ледяную воду, — холод пополз по всему телу.

—Командующему доложили?

— Его нет, господин подполковник. Нет и начальника штаба. Говорят, они выехали в поселок десантного батальона и, по-видимому, находятся в пути.

— Сейчас же отправляйтесь в аэродромный батальон. Я позвоню туда, чтобы батальон подняли по тревоге. На помощь к вам подойдут танки. До моего приезда возлагаю на вас руководство операцией. Перебежчика возьмите под охрану. К северному причалу отправьте человека с приказанием шкиперам барж, чтобы отчалили от берега и ждали на рейде дополнительных приказаний. Начинайте действовать.

Через минуту машина мчала подполковника Кувахара на Северное плато. Еще у подножия вулкана Туманов он услышал стрельбу, доносившуюся с западного берега плато, со стороны причалов. «По-видимому пытаются захватить баржи», — подумал Кувахара.

— Прибавьте газу, — приказал он шоферу.

«О Аматэрасу-Оомиками, что будет, если они уйдут в море!»

Он прибыл на аэродром, когда две последние роты уже были отправлены блокировать выходы из подземелья. Немного раньше туда же ушло шестнадцать танков — по два на каждый выход из подземелий.

Не задерживаясь на аэродроме, подполковник Кувахара отправился в штаб укрепрайона, а оттуда было сов-

сем близко до ближайших входов в подземелье. Стрельба у западного берега уже прекратилась. Это немного успокоило подполковника.

В штабе укрепрайона он застал майора Кикути, склонившегося над картой укреплений. Его окружали офицеры, тут же стояли по команде «смирно» солдаты-связные. Едва появился в штабе подполковник Кувахара, как сюда прибежал связной из первой аэродромной роты. Отдышавшись, он доложил, что военнопленные находятся в подземелье и что, как полагает командир первой роты, ни один из них не успел ускользнуть.

— Прикажите сделать оцепление с берега, — повернулся подполковник Кувахара к майору Кикути. — Никаких попыток проникнуть в подземелье пока не предпринимать.

Он изучал карту подземных ходов, когда сюда прибежал командир первой роты. Он доложил, что подземелья полностью блокированы, но приближаться к входам опасно — оттуда стреляют.

— Подтяните одну роту непосредственно к входам в подземелье, — приказал Кувахара майору Кикути. — Другую роту направьте для патрулирования берега там, где выходят амбразуры. Да передайте солдатам: стрелять без предупреждения во всякого, кто попытается выскочить через амбразуры.

В штаб укрепрайона прибегали все новые и новые связные и офицеры. Один из связных принес донесение, что у самого южного выхода обнаружены выбегающие бунтовщики. Там произошел жестокий бой. После того как было истреблено много бунтовщиков, выход из подземелья удалось прочно блокировать. Прибежал ефрейтор, посланный к причалам с задачей — предупредить о восстании военнопленных и передать приказание, чтобы баржи отошли на рейд. Он принес весть о том, что одна баржа с военнопленными ушла в сторону бухты Мисима. Офицеры сбились с толку, строя предположения о том, как это могло случиться. Подполковник Кувахара сейчас же позвонил на главную базу и спросил, не приходила ли баржа. Ему ответили, что ни одна баржа вечером не появлялась в бухте.

— Вызовите капитана второго ранга Такахаси! — в исступлении закричал Кувахара.

Когда тот явился к телефону, начальник контрразвед-

ки приказал немедленно организовать поиски ушедшей баржи. Не прекращать поиски до тех пор, пока баржа не будет найдена.

— Ее наверное захватили бунтовщики, — добавил он и хрипло, со злостью выругался.

Это предположение подтвердилось тотчас же. С западного берега прибежал поручик — командир роты и доложил о том, что его рота имела стычку с группой вооруженных бунтовщиков, возвращавшихся от причалов. Один из них, раненый, взятый в плен, под пытками сознался, что он участвовал в сопровождении большой группы военнопленных, которые ушли в море.

Негодованию Кувахара не было конца.

...Около недели стойко держались в подземелье взбунтовавшиеся военнопленные. Отсутствие пищи сломило их дух, и они сложили оружие. Многие покончили жизнь самоубийством. Были случаи, когда из одной винтовки поочередно стрелялись два—три человека. Когда оставшихся в живых вывели на поверхность, несколько человек среди них оказались сумасшедшими. Их пристрелили тут же.

Начался подсчет живых и убитых. Восстановить фамилии мертвецов и сбежавших было невозможно. Подсчет велся на головы. При завершении подсчета оказалось, что среди живых и убитых не хватает около ста человек, — это они, по-видимому, ушли на барже. Среди исчезнувших без вести были два японца: инженер-капитан Тиба и военный техник Фуная, — их не оказалось ни среди убитых, ни среди живых японцев.

Как и предписывалось планом операции «Нэмуро», военнопленных сразу же после подавления бунта вывели и построили у западного подножия высоты 171. Их теперь насчитывалось не 892, как докладывал в понедельник утром майор Кикути, а 427. Остальные либо убиты, либо сбежали. Люди едва стояли на ногах: почти неделю они не спали и не ели.

Надвигался вечер, когда колонна тронулась к северному причалу. Невысоко над плато, цепляясь за округлую макушку высоты 171, с Охотского моря ползли свинцовые изорванные тучи. Между ними в просветах лишь кое-где алело вечернее небо. Иногда сквозь тучи прорывались багровеющие лучи солнца, озаряя кровавым светом унылый пейзаж безлесного плато. Слышались зыч-

ные голоса охраны. Серовато-бурая колонна, вздымая пыль на дороге, медленно и печально двигалась к берегу. Впереди и позади колонны ползли грузовики с установленными на них пулеметами. Шествие замыкал бронированный вездеход с подполковником Кувахара и офицером штаба.

Начинали сгущаться сумерки, когда колонна спустилась по крутому берегу к причалам Северного плато. Здесь стояла большая морская баржа с проржавелыми боками. За нею виднелись две десантные баржи, малый «морской охотник» и два буксирных катера.

Колонну остановили возле сходен. От нее военнопленных группами по двадцать человек охранники стали сгонять на баржу. Вокруг обреченных плотным сдвоенным кольцом шли солдаты с винтовками наперевес. Группу подводили к барже, и солдаты пинками заставляли военнопленных спускаться в открытый трюм. В зловещей тишине мрачного вечера перекликались резкие, отрывистые слова приказаний, слышалось лязганье оружия, шарканье ног.

Уже большая половина военнопленных была загнана в баржу, как вдруг в очередной группе, ступившей на сходню, раздался пронзительный крик по-китайски:

— Что же мы, как сурки, залезаем в ловушку! Нас ведь топить будут! Посмотрите на корму, там у ватерлинии дыра заделана досками!

На сходне и у трюма началась свалка. Несколько японских солдат полетело за борт. Пошли в ход штыки. Из трюма вырывались один за другим военнопленные и кидались в общую свалку. Захлопали выстрелы. По сигналу Кувахара на сходни ринулся отряд солдат с выставленными вперед штыками. Через минуту на палубе баржи образовалась гора трупов. Свалка прекратилась. Трупы солдаты побросали в трюм, и все стихло.

...В сумерках баржа отошла от пирса на буксире двух катеров. Две десантные баржи с солдатами шли справа и слева. Позади патрулировал быстроходный «морской охотник». На его борту можно было видеть подполковника Кувахара, майора Кикути, подпоручика Хаттори и группу офицеров штаба. Караван обогнул мыс Вакамура и лег курсом на восток, в открытый простор Тихого океана.

Не прошел караван и полумили, как со стороны бар-

жи стал доноситься звук, напоминающий вой ветра. Будто зажатый меж каменных скал, вольный ветер метался там в поисках выхода и то грозно ревел на низких богатырских нотах, то взвивался вверх и жалобно, с невыразимой болью стонал, как бы жалуясь на свою лютую неволю.

— Что это? — насторожился Кувахара, вглядываясь в баржу.

— Кажется, песня, господин подполковник, —робко ответил подпоручик Хаттори и побледнел.

— Они что, с ума сошли? Передайте по семафору на буксиры, пусть ускорят ход! — нервно крикнул он и, бренча саблей, торопливо спустился в кубрик.

А звук становился все мощнее, и в этих печальных сумерках туманного вечера казался голосом грозного возмездия, рвущимся откуда-то из самой глубины океана.

Солдаты охраны сначала в недоумении переговаривались, прислушиваясь.

— Плачут, кажется.

— Нет, поют.

— А может, зовут на помощь?

— А кто придет?

— Конечно плачут, послушайте...

— Да нет же, говорю вам, поют. Есть у них песня такая...

Нежно-бледное лицо Кувахара выглядело надменно и зло — звук с баржи бесил его.

— Передайте буксирам: баржу отцепить, выслать шлюпку к корме, — приказал он.

Подполковник Кувахара еще некоторое время оставался в кубрике, потом поднялся на палубу. Он увидел, как под кормой баржи, освещенной со сторожевика, покачивалась шлюпка. Несколько солдат, перевесившись через борт, торопливо отрывали доски возле руля баржи. Но вот они кончили работу, с силой оттолкнулись от кормы, заработали веслами.

У кормы старой баржи глухо урчала вода, образуя возле черного отверстия все увеличивающуюся воронку. Корма стала садиться. Огромные пузыри с бульканьем вырывались у проржавелых стенок. Вот уже и кормовая часть палубы стала скрываться под водой, тем временем нос баржи поднимался все выше, вылезая наружу из воды. Показалась освещенная прожектором подводная

часть — днище и киль, густо облепленные ракушками и бурыми прядями водорослей. Баржа медленно становилась в вертикальное положение. Но, не став прямо, быстро пошла ко дну. Только огромные пузыри воздуха еще долго вылетали в том месте из-под воды...

ЛЮДИ НА МОРЕ

В одну из тех ночей в восточной части Охотского моря вдоль Курильской гряды островов лежал неподвижный плотный туман. В ту пору здесь шел известный уже читателю советский пароход «Путятин». Судно двигалось медленно, время от времени оглашая непроглядный морской простор предупредительными гудками. Во втором часу ночи молодой штурман Костя Лагутников разбудил капитана.

— Валерий Андреевич, опасно идти, — сказал он. — Туман очень плотный, как бы нам не уклониться к Курилам. Они тут недалеко, а сейчас отливное течение.

— С какой скоростью идем?

— Почти стоим, Валерий Андреевич: три узла в час.

Капитан «Путятина» Валерий Андреевич Крамсков, старый седеющий моряк, неторопливо поднялся с кушетки. Он имел обыкновение во время рейса не ложиться в постель. Сейчас в ней спал давнишний приятель капитана, майор морской разведывательной службы Иннокентий Грибанов, направлчющийся к новому месту службы на Камчатку. Сам капитан довольствовался жесткой кушеткой. Он лишь на стоянках в порту позволял себе снимать верхнюю одежду. Эта привычка выработалась у него за годы войны, когда каждую минуту в море судну угрожали опасности. Ему оставалось лишь сунуть ноги в расшнурованные туфли, и он уже готов действовать.

— Плотный туман, говоришь? — капитан зевнул, потер гладко выбритый подбородок. — Пойдем посмотрим.

Вместе они прошли в штурманскую рубку. Капитан долго стоял там над ярко освещенной мореходной картой с проложенным на ней курсом.

— Поправку на отливное течение делаешь? Придется пока что так держать. Рифы близко...

Потом он поднялся на верхний мостик. Темень на море была поистине кромешной. Холодный сырой воздух про-

никал за воротник кителя, казался липким. На море и на судне стояла глухая тишина, только далеко внизу, под палубами, спокойно и сипло дышали машины.

— Черт знает, какая темь, — недовольно проворчал капитан, — перил мостика даже не видно. Почаще давай предупредительные гудки. Возникнет сомнение или что-нибудь подозрительное заметишь — буди сразу.

Хлопая каблуками незашнурованных туфель, капитан грузно спустился по лесенке и скрылся в своей каюте. Там он включил ночник, хотел было почитать, но сон быстро сморил его.

Однако едва он забылся, как раздался тревожный стук в дверь.

— Что случилось? — спросил Валерий Андреевич, нашаривая ногами туфли.

— Валерий Андреевич, на море где-то рядом кричат люди и тарахтит мотор. Не по-русски кричат. Наверно, японцы терпят бедствие...

Они быстро поднялись на верхний мостик. Из темноты действительно доносились крики людей. Нестройный хор голосов явно взывал о помощи. Голоса доносились справа по курсу судна.

— Если это несчастье с судном, то почему в тихую погоду? — размышлял вслух вахтенный помощник капитана. — Может быть, на рифы села шхуна?

— Включи прожектор и направь трех вахтенных матросов и боцмана на шлюпке, — распорядился капитан. — Пусть осторожно разведают, в чем там дело.

Через минуту у правого борта вспыхнул яркий свет, рассеивающийся в радужно-сером месиве тумана. Загремели блоки, и в тишине мягко шлепнулась упавшая на воду шлюпка. Капитан перегнулся через мостик, крикнул в рупор:

— На шлюпке! Соблюдайте осторожность. В случае опасности — близко не подходите. Если можно принять пострадавших, нагружайтесь до отказа.

Там, внизу, среди темноты помаячил и исчез белый клубочек света: то был фонарь на уходящей шлюпке. А голоса в темноте продолжали взывать о помощи. «Не иначе, японские рыбаки», — решил капитан. За долгие годы плавания на дальневосточных морях ему не раз случалось подбирать японских рыбаков, либо унесенных штормом, либо плавающих на плоту после гибели шхуны.

Не проходило года, чтобы в японских водах не бедствовали эти вечные труженики моря.

Вдруг крики утихли и через минуту донеслись снова. Это были уже возгласы радости.

— На шлюпке! Как там у вас? — крикнул капитан в рупор.

С моря послышался сильный бас, по которому нетрудно было узнать боцмана Борилку:

— Все в порядке! Везем четверых представителей!

Белый клубок света проплыл к борту судна. «Представители» долго взбирались по штормтрапу, по-видимому они были обессилены.

— Проведите их в кают-компанию, я сейчас спущусь туда, — сказал капитан в рупор.

Он зашел в свою каюту, надел парадный китель, зашнуровал туфли. Таков был его обычай — являться перед представителями других государств в полной форме советского торгового моряка. Потом он прошел в спальню, чтобы разбудить майора Грибанова. Но тот уже сам встал и теперь одевался.

— Что там случилось? Кому это вы кричали? — спросил майор, обувая ботинки.

Это был высокий человек с крупными чертами открытого привлекательного лица, широкий в плечах, всегда подвижной и смешливый. Раздвоенный подбородок, большой острый кадык, упрямые пряди пшеничных волос, нависающих на лоб, придавали майору вид мужественного, волевого человека. Низкий горловой голос гудел, как из трубы.

Капитан Крамсков познакомился с Грибановым еще во время хасанских боев, в бухте Посьета. Он привез тогда советских представителей для переговоров с японцами. Среди наших представителей был и военный переводчик лейтенант Грибанов. Бывший старшина пограничного катера Иннокентий Грибанов во время одной японской провокации получил ранение и подлежал демобилизации, но не хотел расставаться со службой в погранохране и попросился на курсы военных переводчиков. Там он проявил недюжинные способности в изучении иностранных языков и по окончании курсов был направлен в Ленинградский университет на факультет востоковедения. Закончив его с успехом, он вернулся на Дальний Восток, владея японским, китайским и английским языками. Он был назначен

переводчиком одного из отделов штаба Тихоокеанского флота, а в начале Великой Отечественной войны его перевели в отдел контрразведки флота. Теперь он направлялся к месту новой службы — на Камчатку.

— Вы очень удачно оказались со мной в этом рейсе, Иннокентий Петрович, — сказал капитан. — Я пришел к вам с просьбой — помочь в переговорах с японцами. Сейчас привезли четырех на шлюпке, очевидно со шхуны, терпящей бедствие.

— О, это очень кстати, Валерий Андреевич, я давно уже не говорил с настоящим японцем.

Майор Грибанов выпрямился, — он был сейчас на голову выше капитана, — и, застегивая начищенные до блеска пуговицы кителя, заговорщицки подмигнул и усмехнулся лишь одними глазами — лучистыми, серыми.

— По секрету скажу, они мне очень нужны.

Они нашли «представителей» уже в салоне. Те жались друг к другу, как бы боясь, что займут слишком много места в этом уютном, роскошно отделанном и обставленном помещении. «Представители» выглядели изможденными, с потемневшими от голода и мучений лицами, с ввалившимися и припухшими от бессонницы глазами и впалыми щеками. За исключением одного старичка, одежда на них состояла из лохмотьев: когда-то это была солдатская форма. На головах сидели защитного цвета грязные чепчики, какие обычно носят японские солдаты. Ноги несчастных были обуты в рваные брезентовые башмаки с толстыми деревянными подошвами, похожими скорее на колодки.

Один из «представителей», старик — хилый, невысокий, с маленьким сморщенным бурым лицом, похожим на испеченное яблоко, — был одет в форму японского солдата. Рядом с ним стоял высокий сухой детина средних лет, с длинным узким лицом, сохранившим еще и теперь черты насмешливого выражения и лукавые искорки в умных, все понимающих глазах. Несмотря на свою худобу, он держался довольно бодро, даже весело. По другую сторону от старика стояли, вытянувшись, как на смотру, два невысоких юноши, почти одного роста и, повидимому, одних лет. С ними здесь находился боцман Борилка.

— Кто они? — спросил капитан боцмана, протягивая каждому руку.

— Это не японцы, Валерий Андреевич, а китайцы, — возбужденно пробасил Борилка.

— Китайцы? — удивился майор Грибанов, входя в салон. — Какими судьбами они здесь?

Он приветствовал их на китайском языке, поздоровался с каждым за руку. Те разом оживились, услышав родную речь из уст русского, переглянулись между собой, одобрительно заулыбались. Майор уселся против них, положив впереди себя белые сильные руки, такие же светлые, как и лицо. Он с интересом смотрел на китайцев.

Старик в японской одежде, назвавшийся Шао Мином, быстро вынул из-за пазухи большой лист бумаги, бережно сложенный вчетверо, развернул и с поклоном положил его перед русским майором.

Майор Грибанов с интересом стал вглядываться в текст, написанный простейшими иероглифами. Чем дальше он читал, тем становился все мрачнее; белесые его брови сошлись над переносьем, образуя глубокую упрямую складку.

— Черт знает, что делают! — вырвалось у него непроизвольно. Он поднял угрюмое лицо к Крамскову и Борилке. — Японцы истребили на острове Минами две тысячи китайцев-военнопленных, строивших им военные укрепления. Вот где еще остались освенцимы и майданеки!

И он продолжал читать. Не отрываясь от бумаги, объяснял содержание написанного:

— Сейчас, в связи с окончанием работ, японское командование решило истребить остальных девятьсот человек, чтобы скрыть тайну расположения укреплений. В ответ военнопленные подняли бунт. Они захватили баржу, чтобы отправить на ней больных и слабых и с ними — экземпляр настоящего акта. Скажите, — обратился он к Шао Мину по-китайски, — это я правильно читаю фамилию японского подполковника — Кувахара?

— Да, да, это помощник командующего, — подтвердил Шао Мин.

— Это самый лютый зверь на острове, — добавил высокий длиннолицый китаец. — Он лично срубил саблей головы около ста пятидесяти нашим товарищам. Он любил эти занятия и называл их «тренировкой самурая».

— Как я понимаю, вы просите убежища и защиты? — спросил майор Грибанов Шао Мина.

— Да, иначе нас догонят и всех истребят.

— Валерий Андреевич, они просят убежища, — повернулся он к капитану и показал ему бумагу.

— Ну что ж, морской закон не разрешает нам отказать в убежище людям, терпящим на море бедствие, — ответил капитан. — Скажите, пусть они отправятся на свое судно и подводят его к борту. Начнем посадку. Сколько их там?

— Восемьдесят семь.

— Так много? Трудненько нам будет их разместить. Да и пропитать нелегко. Но это в конечном счете ничто по сравнению со спасением жизни людей.

Майор Грибанов объяснил Шао Мину, что капитан предоставляет им убежище.

— Но мы не можем подогнать баржу к борту парохода, — сказал Шао Мин. — Мы должны отпустить японский экипаж обратно, а он не должен знать, какое судно нас подобрало, — это в интересах вашей безопасности.

— Пожалуй, верно, — согласился капитан, выслушав перевод.

Пока майор Грибанов разговаривал с китайцами, в кают-компании появилась буфетчица с чайником горячего кофе. Глаза китайцев загорелись, руки их дрожали, когда они взялись за чашечки с дымящейся жидкостью. Обжигаясь, они с жадностью в один миг осушили посудины. Но никто не попросил новой порции, все чинно поставили чашечки возле себя.

— Еще лить, Валерий Андреевич? — тихо спросила буфетчица, страдальчески глядя на изголодавшихся людей.

— Налейте по одной. Да готовьте еще на восемьдесят три человека. Коку скажите, чтобы замесил тесто и к утру испек восемьдесят семь белых булок.

Посадка на пароход продолжалась довольно долго. Между баржей и «Путятиным» ходили три шлюпки. Людей поднимали на борт сеткой-стропом при помощи стрелы и лебедки. Так ускорялось дело, да и не все китайцы могли подняться по штормтрапу. Когда последний китаец сошел с десантной баржи, Шао Мин сказал шкиперу-японцу, что он может вести баржу на остров Минами. Тот не верил сказанному до тех, пор, пока не ушел за пределы слышимости предупредительных гудков парохода.

До самого утра спасенные мылись в матросском душе, пили кофе, отдыхали. Им никак не верилось, что они

вдруг стали людьми и находятся в нормальных человеческих условиях.

Большинство спасенных были больны. По мере того как китайцев доставляли на судно, им сразу же оказывалась медицинская помощь. Судовой фельдшер не успевал один управляться, пришлось попросить на помощь военного врача капитана Андронникову, находившуюся среди пассажиров. Она и Грибанов в качестве переводчика всю ночь вели прием больных.

Уже рассвело, когда закончили работу.

— Я хочу на свежий воздух, Иннокентий Петрович,— устало проговорила Андронникова, снимая больничный халат. — Пойдемте на палубу, составьте мне компанию.

Они вышли на полубак. Густой серый туман по-прежнему лежал на море. Пароход почти стоял на месте. Вода чуть-чуть проглядывала в тумане, была гладкая, свинцовая.

— Устали, Наденька? — спросил Грибанов, когда они остановились у фальшборта. (Наденькой ее почему-то все называли на судне).

Андронникова была высокая, статная девушка с нежным смуглым лицом. Ее броская красота невольно привлекала взоры людей. На судне ее, пожалуй, все обожали и были ее поклонниками. Трудно сказать, или не замечала она своей красоты, или не придавала ей никакого значения, потому что держалась хоть и строго, но просто, может быть, даже подчеркнуто просто, не одаряя кого-либо особым вниманием, не выказывая ни к кому особого расположения. Грибанов познакомился с ней еще в первый день плавания; как и все, он был очарован ею и не скрывал перед ней этого.

Сейчас смуглые щеки ее пылали свежим румянцем, большие черные глаза под широкими бровями вразлет, обычно немного хмурые, смотрели грустно и были особенно выразительными, прелестными.

— Устала не от работы, а от всего увиденного, — вздохнула она, заглаживая назад выбившиеся из-под берета прядки шелковистых волос.—Бедные люди, они все дистрофики в последней степени истощения. Иннокентий Петрович, а вы, должно быть, хорошо говорите по-китайски? — Она живо повернула к нему свое лицо и зябко стала кутаться в шинель, наброшенную на плечи.

— Почему вы так думаете?

— Они точно выполняли все, что я требовала, а вы переводили. Я заметила, что они с первого слова понимают вас. Я подумала тогда: «Как это здорово — знать языки других народов, уметь разговаривать с человеком любой национальности!» Скажите, а вы и еще знаете какие-нибудь иностранные языки?

Грибанов, улыбаясь, ласково посмотрел на нее:

— Боюсь, как позавчера, обвините меня в хвастовстве. Помните, когда я рассказал о приключениях на пограничном катере?

— Это потому, что вы слишком часто повторяли «мой катер», «я принял решение», «я повел», а вед вы там были не один. Право же, нехорошо, когда человек слишком часто подчеркивает собственные достоинства и скрывает слабости. Самовлюбленный человек слишком скучен.

— Это верно, у нас о хвастунах говорили: «В детстве ружьишком баловался».

— Имеется в виду: «врет, как охотник»?

— Вот именно.

— И о вас говорили?

— Случалось.

Они дружно рассмеялись.

— А все-таки, в самом деле, Иннокентий Петрович, какие еще иностранные языки вы знаете?

— Понемногу — японский, английский и немецкий.

— Вот как! Так вы лингвист? — Она внимательно посмотрела ему в лицо. — Вы мне нравитесь, Иннокентий Петрович.

— За то, что знаю несколько иностранных языков? К сожалению, я не лингвист. — Он снова ласково посмотрел на нее, и Андронникова почему-то смутилась, отвела глаза.

— Нет, — проговорила она серьезно, — я сначала подозревала в вас, ну, как бы это точнее сказать? Одним словом, если грубо выражаться, вылощенного солдафона. Знаете, бывают такие: заботятся только о внешнем, показном, а посмотришь в душу — там пусто. Такие обязательно любят похвастаться. Я терпеть не могу их.

Грибанов молчал, навалившись грудью на фальшборт и глядя на свинцовую гладь воды.

— Вы обиделись, что я так думала о вас? —с тихой лаской в голосе спросила она, искоса посматривая на его лицо.

— Нет, Надежда Ильинична. Я принял вас за наивную, простенькую девушку, хотя на вас и погоны капитана. Сейчас я думаю о другом, о своем.

— Секрет?

— Секрет, — и он, как бы про себя, лукаво-весело улыбнулся.

В эту минуту к ним подошел человек в коверкотовом реглане, замшевой шляпе, с изящной темно-бурой бородкой и острым, как у птички, смешным носом. Это был ученый-географ Борис Константинович Стульбицкий.

— С добрым утром, Наденька! Вашу ручку, — он прикоснулся к ее кисти жесткой бородкой.

Разговор Грибанова и Андронниковой расстроился. Грибанов извинился и пошел в каюту.

* * *

Оставшись один, Грибанов не переставал думать о Кувахара. Он во всех подробностях перебирал в памяти разговор, происходивший перед отъездом на Камчатку.

Разговор состоялся в кабинете его старого приятеля по службе в морской погранохране в довоенные годы, теперь начальника контрразведки одного соединения Тихоокеанского флота.

— Слушай внимательно, Иннокентий, — говорил тогда его друг, маленький, подвижный полковник Казаринов. — Ты сам понимаешь, что нельзя записывать ни одного слова из того, что я тебе скажу. — И он стал что-то искать в своем столе. — Первое. Помнишь, мы с тобой когда-то знавали одного самурайского пройдоху, молодого подпоручика Кувахара?

— Хорошо помню, — сказал Грибанов.—Помню даже в лицо. Он тогда служил в разведотделе Квантунской армии и специализировался на русских делах.

— Так вот, он опять будет твоим соседом, — он начальник разведки на одном из островов Тисимо-Ретто. Четыре года назад Кувахара окончил академию генерального штаба, получил звание майора и был откомандирован на Курильские острова. Теперь он уже подполковник.

Полковник Казаринов достал из стола фотографическую карточку и протянул ее Грибанову:

— Вот он теперь какой, полюбуйся. Знакомая физиономия?

Очень знакомая, я ведь встречался с ним в роли переводчика на переговорах после событий у Хасана. Он тоже был переводчиком.

С фотографии смотрел бравый японский офицер с красивым, круглым, выхоленным лицом и надменным взглядом. Волосы на голове торчали ровно подстриженным ежиком, в виде четырехугольника.

— Подполковник Кувахара, — продолжал Казаринов, — выполняет там, помимо всего прочего, еще одно важнейшее задание: спровоцировать столкновение между нами и нашими союзниками, главным образом американцами. Ты-то, должно быть, не знаешь, был как раз в действующей, а случилось вот что. В прошлом году осенью у западного берега Камчатки, прямо на рейде, вблизи берега, неизвестная подводная лодка потопила одновременно два парохода: наш и японский. Как выяснилось потом, японский «Киото-Мару» готовился на слом. На нем в это время было двадцать ящиков сигарет и три человека, — вся команда находилась на берегу, на рыбозаводе компании Нитиро. Наш был гружен тремя тысячами тонн рыбы, и на нем погибло больше половины команды, в том числе и капитан судна. Это дело рук Кувахара, так сказать, одна из его операций в той зоне. Он потом сфабриковал акт японской команды, якобы установившей, что пароходы потоплены американской подводной лодкой.

Полковник Казаринов подошел к занавешенной стене, отодвинул темную штору, прикрывавшую подробную карту Дальнего Востока, взял указку.

— Вот его резиденция, — указал он на остров Минами. — Вот его район, — он описал на карте большой круг. — Воздух в зоне Камчатки и Курил пропитан пороховым дымом, а вся обстановка чревата для нас многими опасностями. По приезде туда ты сам почувствуешь все это. Во всяком случае, дело идет к тому, чтобы положить конец коварным проделкам японской военщины... По имеющимся у нас данным, японцы в основном закончили или заканчивают строительство укреплений на Курилах. Они превращают каждый остров в неприступную крепость, способную держаться годы даже в изоляции. Эти работы выполняются тысячами рабов — военнопленных китайцев. Режим, который создан для военнопленных, — жесточайший. Такова там обстановка. Нам, по-

видимому, предстоит скоро скрестить оружие с японской военщиной...

...Перебирая в памяти этот разговор, майор Грибанов прилег и не заметил, как уснул.

НОЧЬЮ В ОКЕАНЕ

В те дни, когда в подземелье оказались блокированными взбунтовавшиеся военнопленные, командование острова было озабочено еще и тем, что одна десантная баржа угнана китайцами. По предположению Кувахара, сбежавшие захватили с собой инженера Тиба и техника Фуная с картами укрепрайона, что усугубляло опасность последствий этого события. Поэтому были приняты все меры к тому, чтобы разыскать и вернуть, а в крайнем случае — потопить баржу вместе с находящимися на ней людьми.

В тот же вечер, когда начался бунт, в море были посланы обе подводные лодки, находившиеся в бухте Мисима. На ближние расстояния в поиски отправились шесть сторожевых кораблей. Наконец на следующий день с утра в воздух поднялось два звена истребителей, находившихся на аэродроме острова.

Однако все усилия оказались безрезультатными, — мешал туман, который в эти дни особенно был густ и лежал толстым слоем на море.

К исходу третьих суток на главную базу гарнизона острова Минами вернулась десантная баржа № 12, захваченная военнопленными под руководством Шао Мина. На допросе у начальника контрразведки шкипер баржи рассказал о том, как под силой оружия его заставили идти в Охотское море и как был встречен какой-то пароход, по-видимому, русский, который принял военнопленных на борт. На вопрос Кувахара, были ли на барже инженер Тиба и техник Фуная, шкипер ответил, что он не знает их и поэтому не может сказать, были они там или нет.

Немедленно были приняты меры для розыска парохода. Уже на следующий день поиски увенчались успехом. В этот день туман оторвался от моря, и с самолета заметили русское грузовое судно, дрейфовавшее в районе мелких островов, милях в пятидесяти к северо-востоку

от острова Минами. По-видимому, судно потеряло ориентировку и отливными течениями было снесено в тот район гряды, где особенно много рифов, опасных для судоходства. Других судов в окружающем районе ни в сторону Охотского моря, ни в сторону Тихого океана обнаружено не было.

До самого вечера самолеты то и дело появлялись над районом мелких островов, ведя наблюдение за судном. Под вечер подполковнику Кувахара доложили, что судно вышло из района рифов и направляется к северу. Спустя некоторое время в эфир полетела шифрованная радиограмма: «Капитану второго ранга Такахаси. Следите за судном, вышло в океан, держитесь незаметно позади, под перископом. Операцию начинайте с наступлением полной темноты». Радиограмма была подписана командующим.

* * *

Подводная лодка все время ходила под перископом. У окуляров стояли капитан второго ранга Такахаси и грузный, кряжистый капитан-лейтенант, командир подводной лодки. Они заметили пароход еще до того, как радист принес шифровку.

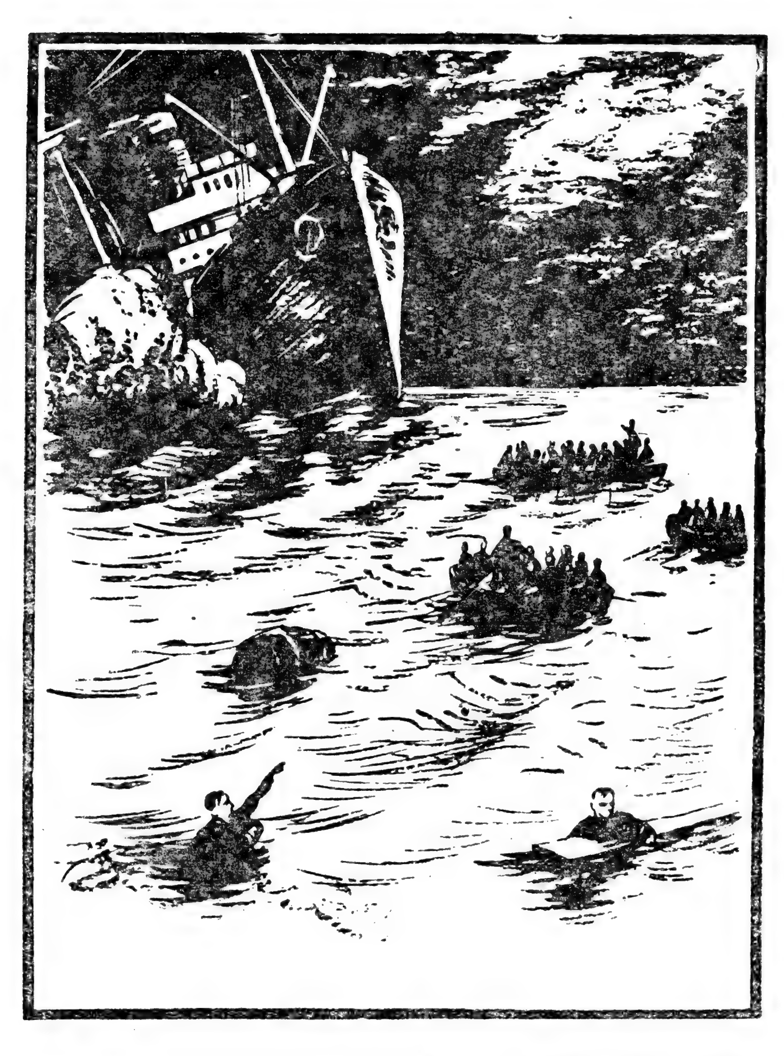
— «Путятин», — прочитал капитан-лейтенант. — Ход довольно приличный.

— От нас не уйдет!

Солнце скрылось за мглистой туманной заволочью у горизонта, — там, над ломаной линией мелких островов, едва просвечивался его красный диск. Стало смеркаться. Подводная лодка продолжала идти под перископом. Наконец совсем стемнело, и Такахаси приказал командиру всплывать.

— Общее руководство операцией буду осуществлять я, — говорил он капитан-лейтенанту, пока подводная лодка, содрогаясь всем корпусом, всплывала на поверхность. — На таран шлюпок и спасательных плотов будете идти по моему приказанию. Предупредите стрелков, чтобы были в состоянии полной готовности. Да проверьте прожектор.

...Было около двенадцати ночи. Изрешеченное звездами небо как бы подчеркивало темноту над океаном. Чуткая, настороженная тишина объяла весь бескрайний водный простор, кажущийся сейчас мертвым. И вдруг в темноте вспыхнуло большое пламя. Жутким кроваво-красным

Грохот взрыва снова потряс тишину океана. «Путятин» быстро погружался. Шлюпки начали уходить в разных направлениях; во все стороны уплывали люди со спасательными кругами.

светом озарило оно черную гладь воды, обнажило силуэт мачты и трубу парохода. Раздался ужасающий гул. Подводная лодка вздрогнула от детонации, пробежавшей в упругой массе воды; на камбузе зазвенела посуда. Пламя исчезло так же внезапно, как появилось. И снова океан погрузился в кромешную темноту.

Прошло несколько мгновений. Длинный луч прожектора вонзился в темноту, его острие исчезло где-то вдали. Некоторое время он безуспешно шарил по зыбкой поверхности океана, наконец нащупал судно. Оно стояло неподвижно, окутываясь белыми клубами пара. Яркий свет обежал его с кормы до носа. На палубе даже были видны фигурки мечущихся людей, шлюпки, падающие на воду.

— Что за чертовщина, не тонет! — со злостью выругался капитан-лейтенант, глядя из-за броневого щитка.

— Неудачное попадание, — с раздражением сказал капитан второго ранга Такахаси.

— Это советский пароход последнего выпуска, господин капитан второго ранга, — заметил командир подводной лодки. — У него дьявольская устойчивость!

— Не затягивайте, давайте второй залп, — нервно произнес Такахаси.

Грохот взрыва снова потряс тишину океана. Луч прожектора вновь пронизал темноту и почти сразу уперся в пароход. Его корпус был уже под водой, виднелись лишь палубные надстройки. Они садились все ниже — пароход быстро погружался. Вот на поверхности океана остались лишь мачты, труба и верхний мостик. Вокруг плескались и кипели волны, а потом исчезли и мостик, и труба, и мачты...

— Медлите! — с укоризной сказал Такахаси. — Медлите, капитан-лейтенант! Вы ждете, пока они расползутся, как тараканы, в разные стороны. Всех людей на палубу!

Из люка выскакивали солдаты с ручными пулеметами и винтовками, несколько офицеров с пистолетами. Заряжая на ходу, они во главе с Такахаси стали располагаться на открытой носовой палубе подводной лодки.

— Светом, светом управляйте! — раздраженно кричал Такахаси, когда лодка двинулась к месту гибели парохода.

Луч прожектора, вздрагивая, скользил по зыбкой лос-

нящейся поверхности воды, освещая то шлюпку, то плот, то спасательные круги с уцепившимися за них людьми. Шесть шлюпок и шесть плотов, битком нагруженных людьми, насчитал Такахаси. Он размахивал руками, показывая, куда вести лодку и направлять луч прожектора. Шлюпки с гребцами начинали уходить в разных направлениях; во все стороны уплывали люди со спасательными кругами.

Гулко рванули воздух пулеметные очереди, разрозненно захлопали винтовочные и пистолетные выстрелы. В короткие паузы между стрельбой кругом слышались крики гибнущих людей.

Подводная лодка с ходу протаранила один за другим плоты, потом, подминая людей, стала гоняться за шлюпками. Первые три шлюпки, как и плоты, она быстро настигла, разбила их форштевнем в щепы. Пули настигали тех, кто пытался уплыть от страшного места. Четвертую шлюпку форштевень подводной лодки ударил в корму, — видно расколол ее, и шлюпка стала оседать. Люди попрыгали в воду. По ним стреляли почти в упор.

— Кажется, китаец! — прокричал кто-то возле уха Такахаси, указывая в сторону. — Прикажите направить судно туда.

Луч прожектора заметался по воде, на мгновение выхватывая из темноты то плавающие бочки или доски от разбитых плотов, то спасательные круги. Подводная лодка кружилась на месте, топя людей, но нельзя было разобрать в этой сутолоке никаких лиц.

Из поля зрения Такахаси исчезли две шлюпки.

— Включить дальний свет! — крикнул он матросу у прожектора.

Дальний луч света обежал окружающее пространство. С подлодки увидели, что шлюпки ушли далеко в разных направлениях: одна на север, другая на запад. Та, что уходила в северном направлении, двигалась медленно, почти стояла на месте, — в ней было немного людей, тогда как та, что уходила на запад, двигалась чрезвычайно быстро, — на ней сидело много гребцов, и весла дружно взлетали над водой.

Подводная лодка по приказанию Такахаси двинулась в погоню сначала к северу. Быстро нагнала шлюпку и с ходу разбила ее на куски. Развернувшись несколько раз

и подмяв людей, она направилась в погоню за последней шлюпкой.

— Там, по-видимому, опытные моряки, — сказал капитан-лейтенант, — они могут уйти. Нужно торопиться, иначе мы рискуем потерять их.

И он приказал рулевому взять курс на запад.

Луч прожектора нащупал уходящую шлюпку.

— Да, это военные моряки, господин капитан второго ранга, — высказал предположение командир подводной лодки, когда Такахаси встал рядом с ним за броневым щитком. — Хорошо идут!

— Тем более опасно упустить их, — ответил Такахаси. — Они могли опознать нашу лодку...

Несмотря на полные обороты машины, подводная лодка довольно долго преследовала шлюпку. Но вот расстояние стало сокращаться все быстрее. При свете прожектора хорошо было видно, как четко и дружно поднимаются и опускаются весла на шлюпке. Теперь даже простым глазом нетрудно было узнать по бескозыркам военных моряков. Такахаси насчитал около тридцати человек. Он видел, как сверкали погоны рулевого, тонкая фигура которого покачивалась в такт размашистым ударам весел по воде. Рулевой то и дело озирался на преследовавших и ни в малейшей степени не проявлял паники или растерянности.

— Подойдем поближе, — спокойно, даже с заметным интересом сказал Такахаси и крикнул на палубу: — Без моего разрешения огонь не открывать!

До шлюпки оставалось метров пятьдесят, когда гребцы на шлюпке вдруг бросили весла. При ярком свете прожектора в их руках что-то засверкало, рулевой упал в шлюпку, и вслед за этим гулкий треск автоматных очередей прокатился над водой. Вмиг погас прожектор, стекла которого со звоном посыпались на железную палубу. Такахаси, находившийся под укрытием броневого щитка, лишь голова его торчала над верхним краем брони, почувствовал, как с его головы сорвало фуражку, услышал крики на палубе. Он в один миг скрылся за щитом, чувствуя, как рядом хрипит и оседает кряжистый капитан-лейтенант.

А автоматные очереди продолжали рычать в ночной тишине океана. Пули со свистом барабанили по броневому щитку рубки, с визгом рикошетили в воздухе. Не раз-

думывая долго, капитан второго ранга двинулся ползком к люку и почти мешком свалился вниз.

— Быстро наверх! — заорал он на матросов. — Там раненые, спустить их вниз! Наблюдать за шлюпкой. Если будет приближаться — уходить! Могут пойти на абордаж...

Он долго не мог прийти в себя, прислушиваясь через люк к тому, что происходит на поверхности. Там гулко стучали каблуки матросских ботинок по железной палубе, слышалась перебранка матросов, отдельные выкрики:

— Только один, боцман Оя...

— Жив?

— Тяжело ранен.

— Ищите остальных!

— Господин командир убит!..

— Вот так попали!..

— Кто-то раненый тонет.

— Штормтрап бросьте!

— Уже скрылся под водой.

Потом послышалась возня в колодце люка: кого-то спускали.

— Примите, внизу!

Из люка протиснулось и грузно упало на пол тело кряжистого капитан-лейтенанта — командира подводной лодки. Сразу как-то сгорбившийся начальник флота, нервно теребя эфес сабли, прохаживался в главном отсеке. Он остановился возле распластавшегося тела командира подводной лодки, губы его передернула нервная дрожь: все лицо капитан-лейтенанта было разбито пулями.

Тем временем в колодце люка снова послышалась возня, там кто-то стонал. В отсек спустился короткий толстый унтер-офицер, поддерживаемый матросами, — боцман Оя. Он был ранен.

— Больше нет никого, господин капитан второго ранга, — задыхаясь, доложил широколицый курносый коротыш — старший унтер-офицер, в страхе тараща глаза.

Осунувшееся и без того худое лицо Такахаси выражало явную растерянность и в то же время делалось свирепым.

— Немедленно на погружение и искать!

— Господин капитан второго ранга, перископ поврежден пулями... — едва выговорил от страха широколицый унтер-офицер.

— Радиста ко мне! — взвизгнул Такахаси и, нервным движением достав записную книжку, стал набрасывать в ней столбцы иероглифов. — Вот шифр, немедленно передайте на базу, — приказал он вытянувшемуся перед ним в струнку радисту. — Выставлено ли наблюдение?

— Три матроса наблюдают за океаном, господин капитан.

— Малым ходом двигаться в ту сторону, куда ушла шлюпка.

Жизнь в подводной лодке, казалось, остановилась: в ней, как в подземелье, стало тихо. Только из радиорубки доносилось монотонное попискивание морзянки да иногда в дальнем отсеке слышался стон раненого боцмана. Потом завыли моторы, и лодка медленно двинулась.

Такахаси сидел в каюте командира, склонив голову на стол и подложив под нее скрещенные руки.

Прошло довольно много времени, пока радист принял ответную шифровку с базы. Такахаси впился в нее покрасневшими глазами.

«Предлагаю завтра же подготовить мне доклад о причинах столь нелепого поражения, — писал командующий. — А пока оставайтесь на месте. К вам вышел сторожевой эсминец, следите за световыми сигналами. Его знак: три длинные вспышки. Отвечайте ему двумя короткими. В случае тумана световые сигналы заменяются сиреной. Дальнейшие указания найдете в пакете, посланном вам с командиром корабля».

Навалившись грудью на стол и положив голову на скрещенные руки, капитан второго ранга Такахаси сидел в тяжелом забытьи. Он не слышал, как вошел унтер-офицер, заменявший теперь командира подводной лодки.

— Господин капитан второго ранга, — вкрадчиво произнес он, осторожно заглядывая в лицо Такахаси, — господин капитан второго ранга, там кто-то подает световые сигналы...

Такахаси поднял голову и долго смотрел на него. Широколицый унтер-офицер даже отшатнулся: в глазах Такахаси застыло дикое выражение свирепости и тупости, они были широко открыты и не мигали, все мускулы худого осунувшегося лица закаменели. На столе, прикрытая обеими ладонями, лежала шифровка командующего.

— Световые сигналы... там, на море, господин капитан второго ранга, — сбивчиво повторил унтер-офицер.

— Хай! — вдруг покорно воскликнул Такахаси, словно перед ним был старший начальник. — Ведите меня!

Он как-то рывком встал, длинный, поджарый, нервно тряхнул головой и, шатаясь, зашагал к колодцу люка. Он кряхтел, что-то бормотал, взбираясь по лесенке в боевую рубку.

Небо и вода на северо-востоке океана начинали светлеть и слегка подрумянились; на юге и западе еще продолжала лежать непроглядная ночь. В густом мраке появились огоньки — по три длинные вспышки подряд.

— Сигнальный фонарь! — прохрипел Такахаси заспанным голосом, окончательно приходя в себя.

Он сам подавал сигналы, закрывая и открывая фонарь фуражкой. Свет в ночи исчез и долго не появлялся. Но вот он вспыхнул совсем недалеко. Послышался шум воды и напряженно работающих машин: судно подходило к подводной лодке. Оно остановилось неподалеку, черный силуэт его слегка покачивался на едва заметной зыби. Там загремели блоки: спускали шлюпку на воду. Такахаси нетерпеливо всматривался в редеющую темноту, следя за приближающейся шлюпкой. Едва пристала она к борту подводной лодки, как он первым бросился туда.

— Пакет! — крикнул он. — Быстро давайте пакет!

— Переводчик Хаттори в ваше распоряжение, господин капитан второго ранга.

Но Такахаси не обратил внимания на Хаттори. Через минуту он уже разрывал пакет, при свете фонаря в командирской рубке с нетерпением развернул лист.

«Вы поставили командование в чрезвычайно опасное положение, — говорилось в письме командующего. — Перед нами нависла угроза конфликта с русскими — они могли опознать нашу лодку. Ввиду этого категорически приказываю:

1. Немедленно перейти на сторожевой эсминец и начать тщательные поиски спасшихся русских. Подводную лодку направьте на базу.

2. Каждого подобранного русского принять на борт эсминца и обходиться в духе подчеркнутой вежливости. Раненым оказывать помощь. Объяснять всем спасенным, что их пароход торпедирован американской подводной лодкой, что нами это установлено документально. В будущем необходимо будет подготовить акт на этот счет

и принудить спасенных подписать его. Для помощи вам направляется переводчик подпоручик Хаттори. Китайцев, если таковые окажутся среди спасенных, немедленно изолировать от русских.

3. Это письмо уничтожить тотчас по ознакомлении с ним».

Самоуверенность начинала возвращаться к Такахаси.

Не теряя ни минуты, опасаясь, что к утру, как это часто бывает в этих местах, привалит туман, капитан второго ранга немедленно отдал приказание широколицему унтер-офицеру вести подводную лодку на базу, а сам перешел на шлюпку. Матросы быстро доставили его к эсминцу. По парадному трапу он расторопно взбежал на палубу судна и крикнул:

— Командира корабля ко мне!

— Хай, слушаю вас, господин капитан второго ранга, — из предутренних сумерек появилась стройная фигура молодого бравого офицера.

— Ведите меня в штурманскую. Да поживее! Кажется, туман начинает появляться...

Они поднялись в штурманскую рубку. Такахаси остановился возле карты:

— Прошу указать точку, где мы находимся.

— Вот, господин капитан второго ранга, — офицер описал маленький кружочек к востоку от группы мелких островов. Такахаси взял линейку и сам проложил курс от кружочка, начерченного командиром эсминца. Линия указывала в сторону, куда ушла шлюпка с русскими военными моряками.

— Кораблю полный ход, — приказал он офицеру. — От курса не уклоняться. На марсе держать наблюдателя.

Внизу, под палубами, загудели машины. Судно задрожало, ходко двинулось с места. Через минуту эсминец набрал скорость, распахивая гладь воды острым форштевнем. На верхнем мостике, облачившись в теплую шубу, — перед рассветом в океане было свежо, — расхаживал Такахаси, осматривая светлеющий простор. В углу мостика стоял командир эсминца. Мутно-красная заря на востоке начинала светлеть, видимость в океане расширялась. И хотя у воды лежала тонкая пелена свинцового тумана, это не мешало просматривать океан все дальше, по мере того как наступал рассвет.

Не прошло и часа с начала погони, как на океане ста-

ло светло: вот-вот должно было взойти солнце. Теперь Такахаси не отрывался от бинокля. Он то и дело с ожесточением повторял: «Комат-та-на-а!»,* замечая, как пелена тумана все густеет, заволакивая дали.

Но вот он вдруг весь напрягся, как-то присел, словно хищник перед прыжком за добычей. Справа по курсу в пелене тумана темнел какой-то предмет.

— Что это там? — указал он командиру эсминца.

Тот перевел свой бинокль в указанном направлении.

— Риф, господин капитан второго ранга, — произнес он, продолжая смотреть через бинокль. — Дальше опасно идти, нужно дождаться полной видимости.

— Коматта-на-а! — снова произнес Такахаси, наблюдая за тем, как пелена тумана все больше заволакивает поверхность воды, становится все плотнее. Он долго ходил по мостику, нервно теребя эфес своей сабли.

Между тем эсминец приближался к едва различимому в тумане рифу и стал сбавлять ход. Вот он остановился совсем. Солнце уже взошло, окрасив в розовые тона волнистую зыбкую поверхность необозримой туманной заволочи. Под нею уже почти совсем не было видно воды. По мере того как солнце поднималось все выше, густел и взлохмачивался, вздуваясь, как опара, туман. Скоро рифа не стало видно вовсе, хотя он был всего в полутора—двух кабельтовых. Потом туман поглотил и нижнюю палубу судна, стал скрывать боевую рубку, подбирался к верхнему мостику. Часам к девяти утра он поднялся еще выше и плотно завесил солнце.

Дальнейшие поиски были бессмысленны: там, куда ушла шлюпка, были рифы, мелкие острова, и попасть в этот район означало засесть там надолго. Эсминец дрейфовал здесь, у восточного края района рифов, до наступления темноты. В двенадцатом часу ночи капитан второго ранга Такахаси получил шифрованную радиограмму от командующего с приказанием вернуться на базу.

Все дальнейшие поиски шлюпки, производившиеся на протяжении недели, не принесли успеха. Однако, сознавая всю опасность последствий, к которым приведет бегство русских военных моряков, командование острова Минами не прекращало упорных поисков и в последующие дни.

---

* Коматта-на-а! (япон.) — Вот так штука! Что же теперь делать?

ТЕ, КТО ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ

Лейтенант Суздальцев, разумеется, не мог точно знать всего, что произошло после гибели «Путятина». Поэтому не удивительно, если высказанное им в докладе генералу логически верное предположение о том, что все остальные люди с «Путятина» погибли, оказалось все-таки неточным.

Случилось так, что в самом начале уничтожения людей, сошедших с затонувшего парохода на спасательные шлюпки и плоты, не была разбита одна шлюпка. Форштевень подводной лодки повредил ей лишь корму, но она осталась на плаву и в ней уцелели все воздушные ящики, находившиеся под боковыми сиденьями. В шлюпке началась паника, кое-кто прыгнул в воду, но большинство осталось на своих местах. С подлодки в упор стали расстреливать их, дав несколько длинных очередей из пулеметов; когда японцы убедились, что в шлюпке никто не шевелится, подводная лодка ушла дальше. По-видимому, Такахаси намеревался еще вернуться к шлюпке, чтобы удостовериться, не уцелел ли кто, но обстоятельства, известные читателю, помешали сделать это.

В шлюпке не все были убиты — несколько пассажиров оказались смертельно ранеными и не дожили до утра. Двое были легко ранены: военный врач капитан медицинской службы Надежда Ильинична Андронникова и ученый-географ, командированный на Камчатку, Борис Константинович Стульбицкий. В девушку угодили две пули: одна в левое плечо, разбив край лопатки, другая слегка задела мышцу шеи ниже левого уха. Географ оказался с простреленным бедром правой ноги; пуля прошла навылет через мышцы.

Но это не все, кто выжил в ту страшную ночь. Когда подводная лодка ушла и стрельба в океане стихла, со шлюпки стали раздаваться громкие стоны раненых. На этот звук скоро приплыли, держась за бочку-поплавок от разбитого плота, боцман парохода Борилка и майор Грибанов. Вскоре о шлюпку стукнулась еще одна бочка — за нее держался военный корреспондент флотской газеты капитан Воронков. Все трое были давнишними моряками и умели отлично плавать. Во время обстрела с подводной лодки они спрятались от света прожектора в тень бочек и там держались до последней минуты, на-

деясь потом собрать бочки-поплавки и доски и соорудить из них плот.

Еще до рассвета эти трое освободили шлюпку от тех, кто в ней больше уже не нуждался, — от убитых и умерших от ран. Врачу Андронниковой и географу Стульбицкому сделали перевязки. Раненых уложили на парусе в носовой части шлюпки, где для них устроили настил так как шлюпка до половины была залита водой.

На северо-востоке начинал пробиваться реденький рассвет, там слабее стали мерцать звезды, когда боцман Борилка проговорил басом:

— Посмотрите-ка, кажется, огни, вон там, к западу.. Или это мне показалось?

Майор Грибанов и капитан Воронков повернули головы на запад. Там было черным-черно. Прошло с пол минуты, и все ясно увидели три продолжительные вспышки. Через минуту огни вновь вспыхнули. Они долго то появлялись, то гасли.

— Кто-то сигналит,—первым проговорил майор Грибанов.

— Ну конечно, вон в другой стороне тоже вспыхивают, — мрачно подтвердил Борилка. — Вон, вон вспыхивают...

— Плохо, братцы, — не без тревоги заметил майор Грибанов. — По-видимому это те, что топили нас.

В носовой части шлюпки поднялась Андронникова и тоже стала смотреть на запад. Она стойко, без стонов переносила страдания. Девушка спросила:

— Как вы думаете, Иннокентий Петрович, кто это все сделал?

— Вне всякого сомнения — японцы.

— Если я правильно понял вас, — заговорил болезненным голосом Стульбицкий, не поднимая головы со своего ложа, — нам теперь опасно встречаться с японцами?

— Да, лучше не встречаться. Они будут заметать следы до конца.

— Давайте-ка уходить подальше в океан, — предложил военный корреспондент, с тревогой наблюдавший за перемигивающимися огоньками. — Хоть медленно, но уходить. Может быть, до утра все-таки скроемся за горизонтом...

— Безусловно, нужно уходить.

На весла сели Борилка, майор Грибанов и капитан Воронков.

— И-рраз! И-рраз!

Шлюпка пошла. Медленно, но верно она уходила на восток, все дальше от Курильских островов, в океан.

— Это ужасно, это ужасно, — стонал Стульбицкий, не поднимая головы. — Чтобы спастись, потерпевшим кораблекрушение приходится идти не к земле, а в океан... Боже, что с нами будет! — бормотал он. — Ведь мы на разбитой шлюпке находимся во власти западноокеанского течения. Оно передаст нас другому течению—Куросиво. Этот мощный теплый поток увлечет нас в океан и будет нести десять тысяч миль до берегов Америки!

— Напрасно отчаиваетесь, — проговорил Грибанов, налегая на весла, — мы еще постоим за себя. Рядом — Курильская гряда. За нею наше Охотское море. Туда и будем пробиваться.

— А японцы? — спросила Андронникова.

— Конечно, это опасно. Но иного выхода у нас нет. Нужно обмануть их. Вон из какой беды вышли. Теперь легче.

— Хорошо бы попасть в район мелких островов, — мечтал Борилка, налегая изо всех сил на весло и кряхтя от напряжения. — Он тут рядом. Там не живут японцы: нет пресной воды. Отремонтироваться бы. А там под парус и— домой.

— Между прочим, товарищ майор, — заговорил капитан Воронков, ловко взмахивая веслом, — вы не обратили внимания на то, как прекратилась стрельба?

— Да, да, хорошо, что вы вспомнили. Мне показалось, что она закончилась залпом автоматов.

— Вот именно! А с подводной лодки, насколько я понял, не выстрелил ни один автомат..

— Их нет у японцев, — подтвердил Грибанов.

— И что же из этого следует? — безразличным тоном спросил Стульбицкий.

— Следует то, — объяснил майор Грибанов, — что подводную лодку обстреляли наши военные моряки со шлюпки. Взвод лейтенанта Суздальцева был вооружен автоматами. Все моряки садились в одну шлюпку.

— И добавлю: после залпа автоматов погас прожектор! — воскликнул Воронков. — Они разбили прожектор. Ей-богу, это похоже на Суздальцева!

— Вы полагаете, они спаслись? — спросил географ.— Ах, как жаль, что я не попал к ним на шлюпку! Я ведь просился даже. Не судьба...

— Никакой судьбы. Просто закон всемирного озорства, — с заметной неприязнью пробасил Борилка. — Не об этом надо сейчас думать.

За разговором и греблей не заметили, как стало совсем светло, наступило утро.

Словно для того, чтобы хоть немного обнадежить и обласкать людей, переживших столько ужасов за одну ночь, океан в это утро был тихим, спокойным, воздух — теплым, а молочно-белый туман надежно скрыл их от глаз врага.

Трагедия гибели парохода и людей наложила на каждого свой отпечаток. Лица у всех почернели, глаза стали красными, воспаленными. Все трое гребцов были с обнаженными головами и почти босые: фуражки уплыли, когда эти люди ныряли, а одежду они сбросили, чтобы легче было держаться на воде. Круглая, бритая голова Борилки, посаженная на короткую сильную шею, вся была темно-красной, с каким-то сизо-синим отливом, и напоминала собой сплошной багряный синяк. Широкие лохматые брови топорщились щетками, сумрачно нависая над маленькими колючими глазами-угольками.

Острое лицо капитана Воронкова, и без того смуглое, а теперь и вовсе почерневшее, еще больше заострилось, а глаза впали, и выражение их стало горьким и гневным. Черные, прямые и длинные волосы гривой спадали ему на глаза, и он то и дело откидывал их назад взмахом головы, так как руки были заняты веслом. Человек по натуре горячий, быстрый в делах и мыслях, он греб с каким-то ожесточением и самозабвением.

Жалкий вид был у географа Стульбицкого. Скорчившись и натянув измятую шляпу на уши и на лоб, он лежал на брезенте скрюченный, с поджатыми ногами. Из его светлого габардинового реглана с крупными разводами крови торчал лишь изящный четырехугольник красновато-бурой, жесткой, словно проволока, бороды и острый кончик посиневшего носа. Тонкие жилистые пальчики вцепились в лацканы пальто ниже подбородка и так замерли. Полы пальто тоже перепачканы кровью; кровь слегка сочилась внизу, на брезент. Он, по-видимому, спал. Рядом с ним, поджав ноги, лежала укрытая соб-

ственной шинелью врач Андронникова. Свежее и лучше всех выглядел майор Грибанов. Правда, лобастое лицо его и кожа на голове под мягкими пшеничными волосами тоже посинели, китель был измят, но серо-перламутровые глаза смотрели весело, и держался он бодро.

С самого утра, как только туман затянул поверхность океана, на шлюпке перестали грести. Борилка, Грибанов и Воронков принялись за ремонт кормы. Там оказался сломанным килевой брус; боковые продольные доски отстали от ребер остова — шпангоутов. При большом шторме корму могло бы совсем разломать, если ее не отремонтировать. По предложению Борилки ее стянули веревками, взятыми из парусной оснастки, прибили гвоздями доски к шпангоутам, килевой брус скрепили тремя железными скобами, случайно оказавшимися в шлюпке Кусками парусины зашпаклевали все щели, отлили воду Наконец, Борилка прибил поперек кормы весло к бортам. и шлюпка обрела устойчивое положение и могла почти нормально идти.

Потом приступили к подсчету запасов продовольствия и пресной воды. При скромном рационе их могло хватить. по меньшей мере, на тридцать—сорок дней.

В заключение проверили и взяли на учет все снаряжение шлюпки. Оно состояло из мачты с парусом, шести весел, запасного руля, негеля, топора, комплекта столярных инструментов в брезентовой сумке, морского компаса, секстанта и морских карт в герметически закрытой трубке. Короче говоря, у них был полный комплект оснастки спасательной шлюпки.

Когда все это было выявлено и подсчитано, настроение у всех сразу поднялось. У них теперь были хоть кое-какие средства в борьбе с водной стихией, вселявшие надежду на спасение. К тому же выдался хороший день — тихий, теплый. Люди окончательно пришли в себя, особенно после хорошего завтрака и кружки пресной воды на каждого. На состоявшемся за завтраком совете было решено пока никуда не двигаться и всем как следует отдохнуть. С наступлением же сумерек садиться за весла и идти на запад, к Курильским островам. Подсчеты показывали, что при нормальном ходе они смогут подойти через сутки к Курильской гряде. А подходить к островам нужно именно ночью, под покровом темноты, чтобы избежать встречи с японцами.

К вечеру сели за весла майор Грибанов и Борилка. Воронков рулил. Шлюпка ходко двинулась с места. Вскоре подул попутный юго-восточный ветер. Стало прохладно. Туман оторвался от воды и превратился в свинцовые тучи, повиснувшие над океаном. На шлюпке поставили парус, и теперь она пошла довольно быстро. Испытывая на такой скорости сильные удары на волнах, корма стала давать все увеличивающуюся течь. Воду отливали Воронков, Борилка и Грибанов по очереди.

Ветер стал кое-где разгонять тучи. Сквозь них прорвался багряный луч предзакатного солнца. Там, где он упал длинной полосой на воду, слегка всклокоченная небольшим волнением поверхность океана окрасилась в ярко-малиновый цвет, словно по ней разлили расплавленный, но уже остывший металл. Этот неестественный для воды цвет пугал своим видом.

— Солнце садится в тучи — жди моряк бучи, — проговорил Борилка, поглядывая на запад.

Ему никто не ответил, — все с тревогой наблюдали за тем, как все больше темнеет и волнуется океан.

— А вон и еще один признак, — как-то глухо проговорил Борилка,— посмотрите-ка,— указал он к востоку, куда убегала огненная полоса. Там, над водой, стремительно неслись черные сабли, рассекая волны.

— О, что это такое?! — в страхе воскликнула Андронникова.

Это были спинные плавники косаток — их было три. Они скрылись, но через несколько секунд в сотне метров от того места поднялись три длинные черные спины с высокими верхними плавниками, подобно саблям, загнутыми назад. Морские хищники исчезли так же быстро, как и появились, переворачиваясь, словно колеса вокруг оси.

Косатки сначала шли стороной, с севера на юг, потом завернули и, то вылезая из воды, то скрываясь, пошли к западу, наконец снова повернули на север. Теперь они мчались почти прямо на шлюпки.

— Они сожрут нас, — тихо проговорил обомлевший от страха Стульбицкий. — Это же самые ужасные морские хищники!

Испуганно следила за косатками и Андронникова. Только бывалые моряки не проявляли беспокойства.

— Побоятся. — сказал майор Грибанов, доставая из

кобуры пистолет, хорошо протертый и высушенный днем.

Он дождался, пока косатки, проходя мимо, поравнялись со шлюпкой, и сделал два выстрела в высунувшуюся спину переднего хищника. Вода там забурлила со страшной силой, и косатки скрылись. Больше они не появлялись на поверхности океана до наступления темноты.

Как только стемнело, все стали замечать изжелта-серебристый огонь за кормой шлюпки и кое-где на гребнях волн. Эти изумительные таинственные искры вспыхивали россыпью то там, то тут.

— Вода фосфоресцирует. Это плохо, — сказал майор Грибанов.

— Да, приближается шторм, — мрачно подтвердил Борилка.

На шлюпке стали готовиться к шторму. Решили снять парус и починить расшатавшуюся корму. Откуда только можно, выдирали мало-мальски пригодные гвозди и прибивали ими шпангоуты и планшири, распускали обрывки канатов и шпаклевали щели. Чтобы шлюпку не заливало сверху, над ней соорудили в кормовой и носовой частях тенты из паруса, разрезанного надвое. Под носовым тентом укрылись раненые.

Гребли всю ночь. Шторм начал разыгрываться на рассвете. С юга подул теплый порывистый ветер. Шум океана непрерывно усиливался, волны вздымались все выше и выше. Шлюпка, словно на качелях, то опускалась глубоко вниз, то поднималась вверх.

Устрашающее зрелище предстало перед взором людей, когда рассвело. Кругом ходили огромные горы волн с пенящимися гребнями. Океан стал черным и грозно рокотал. Прижимаясь к гребням волн, низко над водой бежали хмурые изорванные тучи, обрушиваясь на гребцов дождем.

Корма шлюпки угрожающе поскрипывала, вода под ногами стала прибывать быстрее, чем ночью, — один человек уже не успевал ее вычерпывать. Пришлось встать двоим. Несколько раз, когда шлюпка попадала на вершину вспененного гребня, ее накрывало с кормы или носа буруном. Тенты служили в таких случаях хорошей защитой: вода стекала с них в стороны и почти не попадала в шлюпку.

— Нет худа без добра! — прокричал Грибанов, глядя на компас и на океан. — Ветер несет нас к островам. Ес-

ли его направление не изменится, ночью мы будем в районе мелких островов.

К полудню шторм разгулялся баллов на восемь—девять. Ветер рвал одежду на людях, со страшной силой трепал тенты, пытаясь сорвать их. В воздухе висела горько-соленая морская пыль. На гребнях волн кипели огромные белые буруны. Всякий раз, когда на них наносило шлюпку, у всех замирало сердце: казалось, сию минуту суденышко развалится. Но оно выдерживало. Беда была в том, что вода в шлюпке стремительно прибавлялась. Теперь уже все, включая и Стульбицкого, вооружились банками и брезентовыми сумками и отливали воду с отчаянием обреченных. После того как на одном из бурунов шлюпку сильно ударила встречная волна, вода стала прибывать быстрее, чем ее отливали. Шлюпка стала заметно оседать. Под кормовой тент кинулся Борилка. Вскоре оттуда высунулось его перекошенное от страха лицо.

— Где угодно найдите гвоздь!—прогремел его бас.— Хоть один. И подайте мне быстро с молотком! Шпангоут отошел от килевого бруса, я пока держу его...

Грибанов, не долго думая, схватил топор и отколол часть привального бруса против переднего сиденья. Он раздробил кусок древесины на щепы, извлек оттуда три крупных гвоздя.

— Проверь все шпангоуты! — крикнул он, пересиливая грохот воды.— Лучше проверь!

— Киль держится прочно, — прогудел Борилка из-под тента. — Я тут подкреплю соседние шпангоуты. Дайте мне каких-нибудь тряпок, зашпаклевать щели!

Стульбицкий, находившийся рядом, не говоря ни слова, с ожесточением оторвал от своего габардинового реглана огромный клок — от кармана до низу, подал Борилке и снова принялся отливать воду.

Но едва боцман закончил ремонт кормы, как их постигло новое несчастье: ветром сорвало носовой тент. Парусина, словно крыло подбитой птицы, взмахнула в воздухе раз, другой, упала в воду, снова взметнулась над шлюпкой и захлопала на ветру. С правого борта она была хорошо прибита, поэтому ее не оторвало совсем. Опережая друг друга, все кинулись на нос и общими усилиями втащили парусину на шлюпку, прижали ее. В эту минуту их вынесло на новый бурун. Вода окатила всех с головы до ног. Стульбицкий не устоял под ударом волны,

и перевалился через сиденье в среднюю часть шлюпки. На этот раз шлюпка зачерпнула так много воды, что если бы она попала на новый бурун,—наверняка затонула бы.

Все с ожесточением принялись отливать воду. Борилку осенила какая-то мысль. Он выхватил нож, кинулся к парусине и решительным взмахом отполосовал от нее квадратный кусок величиной с простыню.

— Вычерпывать! — задыхаясь, крикнул он и бросил другой конец брезента Грибанову.

Все без объяснений поняли, что придумал боцман. Грибанов и Борилка стали вычерпывать воду полотном. Физически сильные, они захватывали за один раз по десять—пятнадцать ведер воды, и прежде чем шлюпка оказалась на новом опасном буруне, в ней только на дне оставалась вода. В следующих промежутках между гребнями волн Борилка и Грибанов успели восстановить урезанный носовой тент, и теперь самая страшная опасность миновала, — воду, что поступала из кормы, легко успевали отливать.

В этой ожесточенной, но слаженной борьбе со стихией люди не замечали усталости, а первая их победа развеяла чувство обреченности, которое охватывало едва ли не всех в критическую минуту.

За полдень в океане произошли заметные перемены. Ветер пошел на убыль и стал заворачивать в направлении, противоположном ходу солнца. Постепенно начали исчезать белые буруны, пошли на убыль волны. За каких-нибудь полтора—два часа ветер обошел полкруга и теперь дул прямо с противоположной стороны. Однако его направление продолжало меняться, и к вечеру он снова дул с юго-востока, обойдя весь круг, или, как говорят моряки, всю картушку компаса.

Шторм слабел. Трудно сказать, что было бы со шлюпкой и ее пассажирами, если бы к рассвету он не утих совсем, — люди окончательно выбились из сил к этому времени. К рассвету небо прояснилось. Утро выдалось на редкость тихим и спокойным. На небе — ни облачка, кругом ясная, невозмутимая гладь. На юге и востоке океан сиял под солнцем, словно расплавленный свинец. Там перепархивали мелкие шаловливые вихорьки воздуха, замысловато меняя направление, оставляя матовый след на блестящей глади воды. Иногда в той стороне проходили заметные бугры зыби, неся на своих горбинах ослепи-

тельные пучки отраженных солнечных лучей. На западе с утра лежала сизая мгла.

Но постепенно прояснилась даль и на западе. Грибанов и Борилка все время всматривались туда в надежде заметить землю. И не напрасно. Около полудня Борилка, сменившись с водоотлива, долго осматривал из-под своей широкой ладони весь западный горизонт.

— Кажется, земля,— пробормотал он наконец, и все посмотрели туда.

СПАСЕНИЕ ЛИ ЭТО?

— Вижу землю! — уверенно объявил майор Грибанов. — Маленький островок...

— Это уже другой, — возразил Борилка. — Первый, смотрите левее, тот побольше.

Очертания островов проступали смутно, и нужно было до предела напрягать зрение, чтобы разглядеть их.

— Спасение ли это?—как бы про себя молвил Стульбицкий.

Ему никто не ответил, а журналист проговорил с тоской в голосе:

— Э-эх, сейчас бы попутного ветра да тумана поплотнее, глядишь, ночью как раз и притопали бы к этим островкам!..

Долго советовались, что делать. Оставаться в бездействии нельзя: течение с каждым часом уносит шлюпку прочь от этих мелких островов. А когда она окажется в районе крупных островов, лежащих отсюда к юго-западу, встречи с японцами не избежать. Было решено идти к мелким островам. За день они пройдут под веслами в лучшем случае половину пути. Вторую половину во что бы то ни стало нужно преодолеть ночью, чтобы с рассветом пристать к какому-нибудь кекуру — камню, возле которого можно будет укрыться.

Курс проложен, компас установлен, и на шлюпке снова заработали весла. На счастье людей с полудня подул легкий, ровный северо-восточный ветер, за ним потянулась мглистая пелена, а скоро привалил и туман. Правда, туман не был плотным, но видимость в океане не превышала одной мили. Борилка поставил мачту и прикрепил к ней кусок паруса, который в шторм служил

кормовым тентом. От носа к мачте натянули косой парус на правый галс. И хотя ветер дул с правого борта, шлюпка смогла идти прямым курсом к мелким островам.

Воронков и Борилка продолжали грести, помогая парусу. Грибанов рулил. Нужно было использовать до конца благоприятную обстановку — туман и ветер, чтобы незаметно подойти к островам.

Погода не менялась до вечера, а затем и всю ночь. За все это время никто в шлюпке не сомкнул глаз. Ночь показалась людям вечностью. Каждую минуту они были в напряжении, ожидая услышать где-нибудь шум идущего судна или всплески прибоя.

Утро пришло туманное, свинцовое. Ветер стих. Видимости почти никакой: дальше двух—трех десятков метров уже ничего нельзя было рассмотреть. Все строили предположения: подошли к островам или нет? Борилка, потягивая носом, проговорил:

— Пахнет водорослями, чувствуете?

— Значит, рядом земля, товарищи! — с горячностью произнес Воронков.

— Вон она, земля, — майор Грибанов показал на длинную полосу водорослей и мусора, показавшуюся под туманом на отшлифованной глади воды.

Он подрулил шлюпку к водорослям. Это была типичная морская «река» — неширокий поток, извивающийся среди стоячей воды. В ней плыли глянцевитые, зеленовато-бурые ленты морской капусты, пучки анфельции — осоковидной мягкой морской травы, из которой приготовляется агар-агар *; попадались циновки или мешки из рисовой соломы, омытые где-то с берегов волнами и теперь растрепанные водой. Сверились по компасу: «река» шла к западу. Это было одно из ответвлений западно-океанского течения, отходящего в этом районе Курил в Охотское море.

Вскоре внимание всех привлек всплеск впереди.

— Кайра...

В тумане по воде убегала буроватая птица величиной с кряковую утку, с белым ошейником и длинным острым клювом. Распустив короткие крылья, распластавшись по воде, кайра убежала в туман.

---

* Агар-агар — продукт, идущий на приготовление желе, мармелада.

— Она, кажется, недалеко уходит от берега? — дрожа от холода и возбуждения, спросил Стульбицкий.

— Всяко бывает,— безразлично произнес Борилка.— Но не дальше десяти—пятнадцати километров. А ну, тихо!

Все сразу умолкли и, затаив дыхание, стали слушать.

— Клянусь честью моряка, — вполголоса произнес Борилка, и сумрачные брови его распрямились,—я слышу крики птиц... Не иначе, где-то птичья колония!

— Значит, нет людей, — проговорил в тон боцману военный журналист.

Грибанов посмотрел на него.

— Людей? Японцы могут встретиться нам в любую минуту. Ни на один миг нельзя настраиваться благодушно!

— Ну конечно же! — напустился было на журналиста Стульбицкий. Он хотел еще что-то сказать, но его прервал майор Грибанов:

— Разговаривать только вполголоса, на море очень далеко слышно.

Стульбицкий, с покорностью посмотрев на майора, умолк.

Все продолжали прислушиваться. Борилка и Воронков перестали грести. Шлюпка медленно плыла посредине «реки». Постепенно все хорошо стали различать отдаленный шум птичьего базара. Визг, писк, свист, вопли — все сливалось в могучий хор. На пути шлюпки встречалось все больше птиц, вода всплескивалась то там, то тут. Не желая взлететь, кайры бежали по воде врассыпную — уходили в стороны, убегали прямо.

— Пошли на веслах! — приказал майор Грибанов.— Нужно успеть достичь «базара», пока стоит плотный туман.

Старались грести бесшумно. Налегая изо всех сил на весла, Борилка и Воронков не делали ни единого всплеска.

— Земля, смотрите! — прошептал майор Грибанов. Ему от руля хорошо было видно все впереди. Он показал рукой прямо по курсу шлюпки.

Все повернули туда головы. Из-под пласта тумана показалась темная полоса метров на тридцать — подножие острова.

— Кекур?

— Возможно, мыс какого-нибудь острова.

— Приналяжем-ка на весла, товарищи! — проговорил майор. — Нужно быстро проскочить эту полосу видимости.

Шлюпка направилась к каменному обрыву. Нарастал шум птичьего базара. Белогрудые кайры срывались откуда-то из тумана, скрывающего землю, кружились у воды; некоторые садились прямо рядом со шлюпкой на воду, но, испугавшись людей, вновь поднимались.

Вдоль обрыва легонько плескалась и пенилась зыбь, образуя белую полосу у подножия черных мокрых скал. Люди долго искали места, где бы укрыться. Наконец показалась темная расселина в обрыве. К ней и направилась шлюпка. Это была неширокая трещина, образовавшаяся между гранитными глыбами в виде миниатюрного фиорда. Грибанов, Борилка и Воронков искусно завели туда шлюпку, которая едва вместилась в расселине.

— Земля! Боже мой, наконец-то хоть маленький клочок земли! — плачущим голосом зашептал Стульбицкий. На глазах его блестели слезы радости, и он не стеснялся их.

Сойти на берег было почти невозможно: он обрывался в воду отвесно или имел крутой наклон. Но выше, метрах в трех от воды, начинался более пологий наклон каменной громады.

После непродолжительного совета было решено: наверх в разведку отправляются майор Грибанов и капитан Воронков. Они сняли кители, оставшись в полосатых тельняшках, заправили брюки в носки, сбросили парусиновые опорки, повязали головы носовыми платочками, чтобы волосы не падали на глаза, и приготовились штурмовать каменную громаду.

— Из бухты ни в коем случае не высовывайтесь, — наказывал майор Грибанов Борилке, оставшемуся хозяином на шлюпке. — Даже если услышите что-нибудь подозрительное, оставайтесь на месте. Шлюпка хорошо укрыта, а трещину трудно заметить на расстоянии. На нас можете положиться.

Первым полез капитан Воронков. Сухощавый, мускулистый, он был и ростом пониже и фигурой потоньше Грибанова. Со школьной скамьи занимался Воронков

спортом, и теперь это пригодилось как нельзя кстати. Он встал на плечи Грибанова, уцепился за выступы в камнях и легким рывком очутился на карнизе, за которым начиналась пологая часть расселины. Укрепившись там, Воронков подал руку Грибанову и втянул на карниз его. На четвереньках они быстро стали взбираться вверх. Кончилась трещина, дальше — голая наклонная каменная плита. Внизу теперь все было закрыто туманом, вверху туман был реже, в его разрывах кое-где пробивалась радостная ясная голубизна неба.

Каменную плиту преодолеть оказалось нелегко. Она была невысока, метра четыре, но на ней не за что уцепиться — ни единого выступа, только кое-где видны мелкие трещинки. И хотя наклон составлял не больше сорока—сорока пяти градусов, с плиты легко можно было скатиться. Офицеры разработали оригинальный план. Под нижним краем плиты были найдены каменные выступы. Грибанов уперся в них ногами и лег плашмя на плиту. Вытянув вверх руки, он занял почти две трети плиты. По нему с обезьяньей ловкостью полез Воронков. Когда он добрался до головы Грибанова, майор подставил ладони под его ступни. По мере того как Воронков полз вверх, Грибанов подпирал его снизу. Он даже не вытянул рук на всю длину, когда Воронков уже достиг верхнего края плиты, крепко вцепился в него руками. Теперь полез по нему Грибанов и без труда очутился на верхнем краю каменной глыбы.

За плитой начинался неширокий пологий распадок. В нем росла трава. Ни Грибанов, ни Воронков никогда не испытывали такого наслаждения, как теперь, добравшись до травы.

— Отдохнем,— предложил майор.

Они легли, уткнувшись в росистые стебли и листья, жадно вдыхая живые терпкие запахи. Казалось, это от них, от росных запахов, потекла по жилам сладостная истома, сгоняя прежнюю усталость.

— Что-то не видно кайр, — сказал Воронков. — Наверное, есть поудобнее место для гнездовий.

Отдохнув, разведчики живо зашагали вверх. Скоро они вышли на продолговатый гребень — вершину острова. Здесь почти не было тумана, лишь реденькая молочно-белая мгла висела над головой.

Гребень был острым и голым, в длину имел метров

двадцать. За ним, к югу, начинались мелкие крутые терраски. Там-то и гнездились кайры, оттуда доносился их назойливый многоголосый шум. Внимательнее присмотревшись к террасам, разведчики увидели там множество продолговатых светлых шариков, рассыпанных среди камней.

— Да ведь это яйца кайр! — воскликнул журналист.

Они быстро спустились по осыпи на первую же террасу, усеянную яйцами. Яйца кайр изумительно красивы. Больше куриных раза в полтора и тяжелее их раза в два, как камни; они имеют преимущественно голубоватую, реже белую окраску. По толстой и крепкой скорлупе разбросаны то коричневые, то черные веснушки или полоски самых причудливых форм и видов. Чтобы разбить яйцо, нужно с силой ударить его о камень. Понятно, почему природа наделила кайру способностью нести такие крепкие яйца, — эта птица не вьет гнезд. Она несет одно—два яйца прямо на голые камни и здесь же высиживает птенцов.

Разведчики продолжали обследовать островок. К полудню он был изучен досконально. Меньше гектара площадью, он представлял собой как бы вершину затонувшего хребта. Почти весь голый, каменистый, с крутыми берегами, он только в одном месте имел пологий прибрежный выступ — с западной стороны. От вершины острова сюда сбегал овражек — промоина метров пять глубиной. По-видимому, намыв образовался из рыхлых пород острова, заметных в промоине. У берега в этом месте густо разрослась морская капуста.

Как и предполагалось, разведчики не нашли на острове пресной воды. Они спустились к шлюпке тем же путем, каким взбирались наверх. Весть о том, что остров необитаем, вызвала ликование всех, кто оставался в шлюпке.

— А пресной воды я вам наделаю за ночь сколько угодно, — с воодушевлением говорил Борилка. — Две порожние банки, — а они у нас есть, — вот и вся премудрость.

Решили, что на острове долго оставаться нельзя, — быть здесь столько времени, сколько нужно для отдыха и для самого необходимого ремонта шлюпки. Но где укрыть на день шлюпку? Предлагалось загнать ее обратно в расселину. Эта мысль была отвергнута: стоит

подняться хоть небольшому шторму, как ее сразу же разобьет прибоем о камни. Затопить возле пологого участка берега — вот самое верное решение. А на ночь поднять и отремонтировать, чтобы следующей ночью уйти на более удобный островок.

Высадка и выгрузка имущества делались поспешно. И не зря. За полдень, когда шлюпка, загруженная камнями, была уже затоплена в зарослях морской капусты, туман оторвался от моря и скоро рассеялся совершенно.

Несчастные мореплаватели выбрали себе укромное место на одной из террас, перетащили туда самое необходимое имущество и занялись перевязкой раненых. Сверх ожиданий, раны не воспалились и уже начали заживать. Даже наиболее серьезная рана в плече Андронниковой не вызывала опасений.

— Морской воздух — что твой бальзам, — подбадривал журналист врача. — Не правда ли, Надежда Ильинична?

— Да, я чувствую себя вполне удовлетворительно, — серьезно ответила девушка.

Крупная, плотно сбитая, она и в самом деле выглядела посвежевшей. На ее смуглых щеках уже начинал проступать румянец. Что-то неуловимо приятное, освещенное как бы изнутри, было в мягких овальных чертах ее губ и подбородка. В больших карих глазах уже светилась воля к жизни. Двое с половиной суток, истекших после гибели парохода, убедили всех, даже раненых, в том, что борьба за жизнь не проиграна, что впереди не только трудности, но и реальная надежда на спасение.

— В позапрошлом столетии, — менторским тоном заговорил Стульбицкий, — наши славные предки прошли всю Курильскую гряду на лодках. Чем мы хуже их? Почему мы не можем этого сделать?

Это было сказано с единственной целью: обратить на себя внимание Надежды Андронниковой, за которой он назойливо ухаживал еще на пароходе, а теперь всячески искал ее расположения. Но Андронникова, как всегда, без восторга слушала речь географа.

После обеда, пригретые солнцем, раненые уснули. Остальные, прихватив карту Курил и компас, взобрались на гребень острова, чтобы оттуда определить свое местонахождение. Было безветренно и тепло. Необозримая ширь

воды ослепительно сияла под солнцем. К юго-западу, залитые солнцем, темнели громады гор острова Минами. В противоположную сторону, к северо-востоку, уходила туманная полоса, и за ней ничего нельзя было разглядеть. По карте в этой стороне должны находиться мелкие острова. Несколько камней-островков торчало из воды прямо к северу отсюда; они были еще меньше того, на котором находились наши друзья.

Не успели они хорошенько оглядеться, как заметили, что один из черных камней, что к северу, движется.

— Подводная лодка, — почти одновременно высказали догадку все.

Она шла к югу, огибая камни-островки. Долго все молча всматривались в нее.

— Между прочим, идет-то она не прямым курсом, — заметил Борилка.

— Осматривает камни.

Хотя до нее было очень далеко, все решили сойти с гребня, чтобы не вырисовываться силуэтами на островке. Долго все молчали, не сводя глаз с подводной лодки. Обойдя камни, она теперь направилась сюда. Все яснее обозначался ее корпус, виден был белый шлейф пены за кормой. Майор Грибанов приказал капитану Воронкову идти к раненым, предупредить об опасности и вместе с ними хорошенько там замаскироваться. Борилку он послал к такелажу, проверить, все ли там хорошо укрыто, а затем возвратиться на вершину. Сам продолжал наблюдать.

Но прежде чем Борилка вернулся с берега, Грибанов обнаружил новую опасность. Сначала ему послышалось сквозь шум птичьих голосов жужжанье, и он подумал, что это гудит подводная лодка. Оказалось, звук доносился с юга, да и подводная лодка была еще слишком далеко, чтобы услышать шум ее моторов. Всмотревшись в небо, майор заметил самолет. Он шел со стороны острова Минами. Приближаясь к островку, самолет стал снижаться. Вот он уже хорошо виден: истребитель с красными кругами на плоскостях. Он сделал два круга над островком. Шум его поднял в воздух пернатое население. Птицы сплошной тучей закружились над островком, истошно горланя. Может быть, они и помешали летчику разглядеть на одном из уступов сгрудившихся людей — с воздуха они не были укрыты. Набрав снова высоту,

истребитель направился дальше, в сторону северо-востока.

Между тем подводная лодка подходила все ближе к островку. Метрах в пятидесяти от него она остановилась. В это время к Грибанову приполз с берега Борилка. Из-за камней они внимательно наблюдали за каждым движением на палубе судна.

— Факт, ищут кого-то, — прошептал боцман. — Не эта ли долбанула нас? Кислое наше дело, товарищ майор, как вы думаете?

— Хорошо укрыли такелаж? — вместо ответа спросил майор Грибанов, не отрывая глаз от подлодки.

— Если не знать, где он лежит, то и не найдешь, — завалил еще камнями, а сверху посыпал щебенкой и забросал сухими водорослями.

— Не исключена возможность, будут высаживаться, обыскивать остров, — проговорил майор Грибанов. — Они не дадут нам покоя. Ползите к Воронкову и вместе с ним подберите место, где можно укрыться всем порознь, да так, чтобы с берега нельзя было заметить ничего.

Но с подводной лодки не высаживались. Простояв с четверть часа на месте, она медленно двинулась к востоку, обошла вокруг островка, приблизившись к нему метров на сто, и снова повернула на северо-восток, куда улетел самолет. Грибанов провожал ее взглядом до тех пор, пока она не скрылась в морской дали, затянутой полосой тумана.

Солнце уже далеко перевалило за полдень и клонилось к вечеру. Майор Грибанов спустился к друзьям.

— Предлагаю до ночи поспать, — сказал он, когда все вновь собрались на террасе. — Ночью мы подкрепим корму шлюпки, чтобы можно было на ней потом поискать островок покрупнее, а дальше посмотрим.

Хорошо отдохнув за день, Грибанов, Борилка и Воронков всю ночь проработали, не разгибая спины. Ночь была ясная, прохладная. Достать шлюпку со дна и вытянуть ее на сухой берег — дело нелегкое. Чтобы выкинуть камни из шлюпки, нужно было залезть в холодную воду, нырять. Они делали это по очереди. Когда шлюпка всплыла, ее боком подтащили к берегу и при помощи веревок три раза скантовали. Закрепили все шпангоуты в корме, зашпаклевали щели сухой морской травой, соб-

ранной еще засветло на берегу. С внешней стороны — с днища — подкрепили килевой брус: прибили вдоль него лопасть весла. А перед утром шлюпку снова затопили.

С утра над океаном некоторое время держалась туманная заволочь, а часам к десяти разошлась и она. С вершины гребня увидели к северо-востоку несколько островков. Один из них отличался тем, что был выше и шире, чем другие, хотя тоже имел гористый рельеф. На карте он носил название Сивучьего. Он был самым крупным из всех мелких островков.

— За одну ночь не успеем дойти, — раздумчиво проговорил боцман.

Ну что ж, переднюем вон на том островке, — возразил капитан Воронков. — Он почти на полпути.

Так и было решено.

Выставив наблюдательный пост, люди занимались весь этот день охотой на кайр, отдыхали. Незадолго до вечера наблюдавший за морем капитан Воронков подал знак тревоги, — он заметил подводную лодку, идущую с северо-востока. Судно прошло Охотским морем, к юго-западу, не завернув ни к одному островку, и скрылось в направлении острова Минами. Незадолго до захода солнца над районом мелких островов второй раз за этот день пролетели два истребителя.

В сумерки шлюпка отошла под парусами и веслами от гостеприимного островка и взяла курс на северо-восток. Ее провожал синий серп молодого месяца. Дул прохладный океанский ветер, небольшие волны бились под бортом и у носа шлюпки. Ее слегка кидало. Без приключений шли всю ночь. На заре справа вырисовался темный силуэт небольшого островка. Судя по времени, которое они находились в плавании, шлюпка подходила к тому островку, что лежал где-то на полпути до Сивучьего. Подошли. Островок имел пологие берега, покатые склоны. Вершина его была плоско срезанной. У берега глухо и размеренно шумели волны.

— Будем высаживаться? — спросил Борилка Грибанова.

— Да, выбирай место с подветренной стороны, — распорядился майор.

Шлюпка благополучно пристала к галечному берегу. Но прежде чем вытаскивать ее, майор Грибанов и капи-

тан Воронков отправились в разведку. Вернулись они через полчаса.

— Остров необитаем, — сообщил Грибанов.— Имеется даже кедровый стланик. Но шлюпку прятать негде. Опять придется топить.

Уже светало, когда закончилась выгрузка и шлюпку затопили. На этот раз все имущество и даже такелаж перетаскали на косогор, попрятав все это в непролазной чаще кедрового стланика. Там же, под ветками, разостлали на хвойной подстилке парусину. Получилась прекрасная постель. Утром, когда окончательно развиднелось, на море по-прежнему не было тумана. С плоской вершины острова, усеянной галечником и поросшей травой, увидели остров Сивучий. Он был километрах в двадцати отсюда и хорошо выступал над горизонтом.

День на безвестном островке прошел спокойно. На море не появлялось ни одного судна. Только в воздухе дважды, как и вчера, — утром и вечером, — пролетели патрульные самолеты. В ночь наши друзья вновь подняли шлюпку и взяли курс на Сивучий.

НА ОСТРОВЕ СИВУЧЬЕМ

К Сивучьему подошли незадолго до рассвета. В поредевшей темноте округлые очертания острова выступали огромной солдатской каской, высунувшейся из моря.

Ветер дул с Тихого океана, у берегов острова шумел прибой. Поэтому решили подходить с подветренной стороны: здесь пологий берег и почти нет прибоя.

До берега оставалось два—три десятка метров, когда в темноте, почти рядом, вдруг раздался могучий львиный рык. Ему отозвалось по берегу еще несколько таких же устрашающих голосов, слившихся в мощный грозный хор. Все в шлюпке на минуту оцепенели от страха и неожиданности.

— Сивучи, черт бы их побрал! — первым догадался Борилка. — На сивучье лежбище наскочили!

Впереди, на берегу, загремели камни, забулькала вода — сивучи ринулись в воду. То там, то тут на поверхности моря стали появляться темные пни — головы сивучей. Отовсюду доносилось злое фырканье морских зверей. Приставали у самого северного края пляжа, что-

бы завтра не тревожить, не пугать сивучей с лежбища. Пляж был довольно длинным — метров на сто вдоль крутого западного склона острова. На севере и юге он упирался в отвесные утесы, похожие на сторожевые башни. Возле подножия северного утеса темнело углубление, уходящее в обрыв. Там, по-видимому, была расселина или овраг. Туда и направилась шлюпка.

Место для высадки оказалось удобным. Шлюпка ткнулась в пологий галечный берег, упиравшийся в подножие каменной стены северного утеса. Первыми спрыгнули на берег Грибанов и Воронков. Обследовав темное углубление, они обнаружили там довольно длинный овраг. Он врезался в западный склон острова, делал несколько крутых поворотов и имел отвесные стены.

Измучившись вконец, люди к рассвету затащили шлюпку на катках в овраг. Там устроили для нее углубление, перевернули ее, а сверху укрыли камнями. Теперь ее нельзя было заметить ни с моря, ни с воздуха. Проделав все это, друзья по несчастью укрылись в какой-то сухой нише под обрывом на отдых. В это утро тумана не было.

Изумительно прозрачным, чистым и синим был воздух, слившийся с морем и небом! Солнечный свет растворялся в синеве, менял ее тона и делал как бы физически ощутимой: она была прохладной, пахла морской сыростью и водорослями, была упругой и звучной, как натянутая струна.

Первым в это утро дежурил капитан Воронков. Он сидел у подножия утеса, на берегу, упершись спиной в каменную стену. Время от времени осматривая море, он в промежутках любовался сивучами. Звери давно уже повылезли на берег и теперь ползали, дрались, беспокойно фыркали. По-видимому, они чувствовали близость человека и вели себя настороженно. Помня предупреждение Борилки о том, чтобы не беспокоить животных, иначе они уйдут и на это обстоятельство могут обратить внимание японцы, Воронков старался не делать даже малейших движений. Журналист впервые наблюдал так близко сивучей. На лежбище их было сотни две. Среди них, как глыбы, поднимались рыжевато-бурые громадные секачи, как бы обточенные, с усатыми злыми мордами. Где-нибудь в сторонке, сгрудившись отдельными колониями, беспомощно барахтались «младенцы» — темные, кургу-

Место для высадки оказалось удобным. Шлюпка ткнулась в пологий галечный берег, упиравшийся в подножее каменной стены.

зые, короткие, с какими-то старческими складками кожи на шее. Сплошным кольцом их заботливо окружали беспокойные и малоподвижные мамаши. Потому, как неуклюже горбились и грузно поднимались на ластах звери, стараясь переползти с места на место, можно было подумать, что они настолько же неповоротливы, сколь тяжелы и неуклюжи. Но вот перед восходом солнца Воронков увидел, как два молодых сивуча стали драться. Куда девалась их неповоротливость! Проворно прыгая и грозно изгибая шеи, они ловко налетали друг на друга грудью и ластами, впивались друг в друга зубами, и, когда один, поменьше, стал слабеть в битве, с какой расторопностью побежал он!

С восходом солнца капитан Воронков ушел в овраг и по расселине взобрался на северный обрыв, а с него — на утес, похожий на сторожевую башню крепости. С утеса хорошо просматривались северный и западный склоны острова. На севере Сивучий имел отвесные скалистые берега и был неприступен. Вершина острова, — а он поднимался над водой метров на сто, — была срезана, и там имелась довольно обширная площадка. Над нею кружились кайры — неизменные жители необитаемых островов. Что же касается западного склона, то он выглядел очень живописно. От вершины к западу вела каменная осыпь. Затем шла терраса площадью около гектара. Она была как бы порогом от вершины к берегу и была покрыта густым кедровым стлаником. Пологий глинистый откос вел от верхнего края террасы к сивучьему лежбищу. Овраг врезался в уступ почти до каменной осыпи. Вдоль подножия осыпи, отрезая ее от террасы, к югу шел овраг поменьше. Он был извилист и, очевидно, спускался к морю по южному склону острова.

Едва капитан Воронков огляделся, как его внимание привлек реденький дымок, стелющийся по кедрачу. Журналист прильнул к камням и, не веря своим глазам, долго вглядывался в заросли стланика, пока не заметил, что дымок поднимается из овражка, уходящего к югу. Может быть, это пар от горячего источника? Или клочок тумана?

Пока капитан Воронков строил свои предположения, дымок становился все реже и реже. Но это не успокоило журналиста. Нужно было выяснить, что это. Он решил пока не будить товарищей и самостоятельно обследовать

подозрительное место. План созрел моментально: перебраться на террасу и подползти по зарослям кедрача к овражку. Так он и сделал. Каждый, кому доводилось видеть кедровый или ольховый стланик, может без труда вообразить, что за карликовые дебри оказались перед Воронковым. Искривленные толстые прутья, словно гадюки, переплетаются между собой, образуя на земле сплошной настил высотой почти в человеческий рост. Поверх настила — густые кроны коротких пушистых ветвей. К счастью журналиста, стланик состоял тут из отдельных кущ. Через проходы между ними Воронков быстро добрался до овражка, и тут в носу защекотало от запаха дыма.

Укрываясь в зарослях, Воронков бесшумно подполз к краю овражка и замер: неподалеку — голоса. Говорили по-английски. Воронков плохо владел английским, но смысл разговора понял. Грубоватый голос недовольно говорил:

— Черт побери, они все тухлые. Слышите, Эрвин, вы принесли тухлые яйца!

— Вероятно, они теперь все такие, господин капитан, — отозвался почти юношеский ломающийся басок.— Прошло полмесяца, как мы их собрали.

— А сейчас птички не несутся?

— Нет, начали высиживать птенцов, господин капитан. Мы допустили оплошность, когда собирали яйца,— их надо бы складывать в соленую воду. Мой отец так хранил куриные яйца.

— Почему же вы не сделали этого?

— Не подумал тогда, господин капитан.

— Эти вонючие птички есть еще у нас в запасе?

— Целы все три...

— Но теперь мы уже не успеем поджарить их, тумана сегодня нет, с моря могут заметить дым.

Молчание. И снова молодой голос:

— Давайте положим их в угли, господин капитан, они еще успеют поджариться.

— Хорошо, я сам займусь ими, а вы, Эрвин, поднимитесь вверх и понаблюдайте за морем.

Вскоре послышался топот ног, и капитан Воронков увидел сквозь ветви, как вверх по овражку пробежал невысокий коренастый солдат в сильно поношенной одежде и смятой пилотке. Журналист успел запомнить его

скуластое бронзовое лицо, заросшее русой курчавившейся бородкой. Солдат расторопно вылез из овражка на противоположную от Воронкова сторону и стал карабкаться по каменной осыпи к верхней площадке острова.

Прячась среди зарослей, Воронков быстро дополз до края оврага, где отдыхали его друзья, и почти кубарем скатился к ним. Укрытые парусом, они спали, прижавшись друг к другу. Парусина хорошо маскировала их: она была такая же светло-серая, как и камни. Со стороны вершины острова их и без того прикрывал обрыв оврага.

Воронков долго будил майора Грибанова, до того устал прошедшей ночью этот человек. Проснувшись, тот сразу же вскочил. Офицеры отошли в сторону, чтобы разговором не разбудить остальных. Обдумав все детально, решили разбудить пока Борилку и оставить его караульным в овраге, а самим подползти к овражку и попытаться подслушать разговор неизвестных.

Вскоре они лежали там, где уже побывал перед тем капитан Воронков. Им недолго пришлось ожидать: на осыпи загремели камни — это вместе с потоком щебня и глины скатывался в овраг русобородый солдат. Он пробежал почти перед носом Грибанова. Майор шепнул на ухо журналисту.

— Форма американская. Сержант.

— На море нет ничего, — послышался молодой голос из овражка. — Как ваше жаркое, господин капитан?

— Еще немножко подождем. Угли не очень жарки. Знаете, Эрвин, я дома чертовски любил мясо индейки, когда его хорошо прожарят. Моя кухарка, старая негритоска, умела отлично готовить это мясо. Сейчас приходится только вспоминать об этом да глотать слюнки, — вздохнул невидимый капитан.

— Мой отец разводил индеек, господин капитан, и я тоже очень любил их мясо. В кризис перед войной пришлось всех уничтожить, — скупщики не брали, и нам не на что стало покупать корм. Как-то теперь там дела у отца?

— Припомните мои слова, Эрвин: война надолго оздоровит нашу экономику. Разве уже в первые годы ленд-лиза не стали поправляться дела у вашего отца?

— Тогда поправились.

— Если нам удастся унести отсюда кости, Эрвин, я непременно побываю у вас в Техасе, навещу вашу

ферму. Меня всегда привлекала поэзия этих знойных и суровых мест.

Майор Грибанов шепнул на ухо Воронкову:

— Дело ясное: они, как и мы, спасаются от японцев. Нам нечего их остерегаться. Пошли.

Они встали, отряхнули с одежды сухую кедровую хвою и молча стали спускаться по глинистому скату на дно овражка. Овражек круто повернул вправо, и двое русских лицом к лицу очутились перед двумя американцами. Те сидели у дотлевающего костра, поджав под себя ноги. Овражек здесь сужался, над ним висли кущи кедрача, образуя тенистый шатер. Американцы даже не встали, так они были ошеломлены внезапным появлением неизвестных.

— Пресвятая дева Мария, привидения это или живые люди? — проговорил рыжебородый с веснушчатым совиным лицом. Он был в изорванном офицерском френче, с портупеей через плечо. Как и сержант, он не сводил широко открытых желтых глаз с Грибанова и Воронкова.

— Прошу не пугаться, мы с добрыми намерениями,— сказал по-английски майор Грибанов. — Доброе утро!

— Кто вы?

— Мы русские офицеры, как и вы — спасаемся от японцев.

— Рашен?

При этих словах капитан встал — длинный, сухопарый, оборванный, он пристально и жадно разглядывал русских. За ним поднялся и сержант с курчавящейся бородой.

Не сразу американцы пришли в себя. Убедившись, наконец, что перед ними не привидения, а живые люди, русские офицеры, рыжебородый поднял обе руки и восторженно прокричал изо всех сил:

— Рашен хура!

За ним повторял и русобородый. Потом офицер ловко поднес два пальца к пилотке и представился:

— Ральф Брич, капитан воздушных сил Соединенных Штатов Америки, штурман бомбардировочной авиации дальнего действия. Прошу извинить, — он потряс рваную полу френча и стал шутить, оглядывая себя: — Больше года не имею подходящего случая сменить костюм...

Костюм его и впрямь давно требовал замены: на френче было больше клочьев, чем живого места, повсю-

ду торчала подкладка, во многих местах сквозь дыры проглядывало голое тело. Не поддерживай его широкий офицерский ремень с портупеей, френч, кажется, развалился бы на части. Такой же жалкий вид имели и брюки. Они были заправлены в стоптанные разбитые ботинки, обвязанные сыромятными ремнями из сивучьей кожи. Всклокоченная широкая борода, в которой потонуло его совершенно круглое лицо, и грива, вылезающая из-под пилотки, выглядели под стать костюму капитана Брича.

— Представляю вам своего коллегу, — уже освоившись, продолжал он: — Сержант Эрвин Кэбот, бортрадист из экипажа моего бомбардировщика.

Несмотря на большую бороду, «коллега» выглядел юнцом, — он был едва ли не наполовину моложе капитана Брича. Скуластый, с синими, глубоко посаженными маленькими и колючими глазами, он держался немного пугливо, скромно и не проронил пока ни одного слова.

Во время их разговоров в воздухе послышался рокот мотора. Американцы первыми бросились под кусты, увлекая за собой Грибанова и Воронкова. Невысоко над островом появились два японских истребителя. Они развернулись неподалеку, сделали два круга над Сивучьим, все больше снижаясь, потом взмыли вверх и легли на прежний курс.

— За последнюю неделю они совсем не дают нам покоя, — заговорил капитан Брич, когда самолеты удалились. — Раньше появлялись два—три раза в месяц, а теперь пролетают по два раза в день. По-видимому, напряженное положение в районе этих островов?

— Скажите, господин майор, что делается в мире? — вступил наконец в разговор сержант Кэбот. — Мы почти год находимся здесь...

— Да, да, — подхватил капитан Брич, — как дела на восточном фронте?

— Нет такого фронта, — усмехнулся майор Грибанов. — Германия разгромлена, и в Европе наступил мир.

— О-о! А на Тихом океане?

— Почти без перемен.

— О-о! Почему же?

— Это надо спросить у вашего командования. Однако, как вы здесь очутились, господа? — сменил разговор Грибанов.

— Это весьма трагическая история. Взгляните прежде на наше жилье.

С этими словами Брич взял Грибанова за руку и подвел к большому кусту, склонившемуся над краем овражка. Там темнело метровое отверстие, ведущее в обрыв под кустом. Оно было завешено шкурой сивуча. Подняв полог, капитан Брич указал рукой в темное углубление.

— Наш Эмпайрстейт билдинг *, — сострил он.

Это была искусственная тесная пещера метра два в поперечнике, в которой можно было только сидеть или лежать. Вся она была устлана сивучьими шкурами, в глубине устроено изголовье из скатанной прорезиненной парусины, видимо набитой перьями кайры. В правой стороне была сложена какая-то рухлядь и зимняя одежда, кое-как сшитая из сивучьих шкур.

— Мы живем в этом убежище почти год, — сказал капитан Брич, вздохнув.

И он рассказал длинную историю, приведшую двух американцев на этот остров.

В июле 1944 года эскадрилья бомбардировщиков, в составе которой был самолет со штурманом Ральфом Бричем, бортрадистом Эрвином Кэботом и семью другими членами экипажа, ночью, поднявшись с Алеутских островов, направилась бомбить японцев на одном из островов Курильской гряды.

При первом же заходе на цель самолет Брича попал под сильный огонь зенитных пушек. Двумя попаданиями — в центр фюзеляжа и в один из моторов — экипаж наполовину был перебит, а самолет подожжен и стремительно пошел вниз. У раненого пилота еще хватило сил посадить машину в океане и автоматическим приспособлением выбросить надувные резиновые лодки. Однако выскочить из тонущей машины сумели лишь двое — штурман и бортрадист.

Полторы недели носило их резиновую лодку в океане, пока она не попала в полосу течения, идущего к западу. Течение и принесло их к этому необитаемому островку. С тех пор они живут здесь, питаясь яйцами птиц и мясом кайр и сивучей. Много пришлось страдать из-за отсутствия пресной воды. Но они приспособились собирать дождевую воду в резиновую лодку, примостив ее на од-

* Небоскреб в Нью-Йорке.

ном из стоков. Особенно трудно пришлось зимой. Птицы улетели на юг, сивучи тоже ушли в теплые места. Даже рыбу было почти невозможно поймать — попадался только бычок. Спасло сушеное мясо, которое они с осени наготовили впрок.

— Если удастся благополучно унести свои кости на родину, — закончил рассказ капитан Брич, — на этой истории можно сделать в Голливуде хороший бизнес.

Все вместе отправились в овраг, где оставались Борилка, Стульбицкий и Андронникова.

— Эге, еще пара гребцов, — заговорил по-русски Борилка, рассматривая американцев. — После годичного прозябания они будут весла ломать!

Но пророчество боцмана не сбылось. Примерно через неделю, когда шлюпка была окончательно отремонтирована и снаружи обита прорезиненной парусиной от американской надувной лодки, произошло то, что круто изменило судьбу всех этих людей. Как-то под вечер, когда на море было тихо и оно, как зеркало, блестело под лучами вечернего солнца, все сидели на берегу, отдыхая после дневных трудов. Казалось, ниоткуда им не угрожает опасность. Самолеты только что пролетели на юг, возвращаясь из очередного облета мелких островов; судов поблизости не было видно. Да и на скале находился наблюдающий Стульбицкий. Вдруг Борилка, всматриваясь в море, сказал дрогнувшим голосом:

— Слушайте, да это же перископ, вон недалеко...

Да, это был перископ подводной лодки. Чуть высунувшись, он стоял над водой в каких-нибудь двух кабельтовых. И, видимо, уже давно стоял, потому что никаких следов от его движения не было видно на глади воды.

— Все! Наша песенка спета, братцы, — вздохнул Борилка. — Уходить теперь некуда!

— Да, они наверняка вызвали судно с десантом, — мрачно подтвердил Грибанов.

В ЗАСТЕНКЕ

Если правда, что бывают люди, которым в жизни неизменно сопутствует успех, то таким именно был Кувахара. Недаром друзья часто называли его баловнем судьбы.

С детства Кувахара Такео отличался сообразительностью, умением, как говорят, схватывать мысли на лету, смелостью, находчивостью и ко всему этому, что особенно важно, организованностью во всех мелочах. Он рано начал изучать «Бусидо» — нравственный кодекс самурая, — сделавший юношу фанатичным. Наставником ему был отец, генерал и потомственный самурай, в совершенстве знавший «Бусидо».

Эпиграфом первой записной книжки Кувахара-гимназиста были слова из старинной японской песни: «Как вишня — царица среди цветов, так самурай — повелитель среди людей». Далее шли записи, сделанные либо под диктовку отца, либо позаимствованные из книг:

«Для нас страна больше, чем почва или грунт, откуда мы можем добыть золото или собрать зерно. Это священное жилище богов, духов наших предков. Для нас император — представитель небес на земле, сочетающий в себе их силу и их милосердие».

И далее: «Самурай, подобно своей эмблеме — цветку вишневого дерева, — является таким же цветком на почве Ниппон. Он не есть высушенный экземпляр древней добродетели, хранящийся в гербарии нашей истории, но до сих пор является среди нас объектом красоты и могущества. И хотя он не принял осязаемой формы или образа, тем не менее нравственный аромат его настолько силен, что мы все еще находимся под его могущественными чарами. Как те далекие и уже исчезнувшие звезды продолжают изливать на землю свои лучи, так и свет самурая, дитяти феодализма, пережившего свою мать, освещает наши моральные пути».

«Бусидо» — творец и продукт древней Ниппон — еще до сих пор служит руководящим принципом переходного состояния, а в будущем испытает преобразовательную силу новой эры».

«Чем была и чем стала Ниппон — она обязана этим самураю: он является не только цветком нации, но также ее корнем. Все милостивые дары небес проистекали через его посредство».

«Меч — душа самурая».

Будучи человеком одаренным от природы, Кувахара отличался большой энергией, всегда лучше других успевал в учении, был точным в исполнении и самостоятельным в решениях. В Квантунской армии он быстро под-

нялся от подпоручика до майора, командира карательного батальона, отличившись в зверских расправах над мирным населением и партизанами в Маньчжурии. Этим и объясняется то, что он в тридцать пять лет стал подполковником, что редко случалось в японской армии.

И вот — удивительное дело! — за последнее время ему чертовски не везло! Началось все с бунта пленных китайцев и бегства большой группы бунтовщиков на барже. Потом сбежала группа советских моряков на шлюпке во время уничтожения советского парохода. Мысль, что в одном из этих случаев была раскрыта тайна укреплений, что кем-то увезены инженер Тиба и техник Фуная вместе с картой укрепрайона, — эта мысль не давала покоя Кувахара ни днем, ни ночью. Нити событий выпали из его рук, он не мог больше управлять ими. А тут новое происшествие: вчера утром на стенах зданий главной базы были обнаружены листовки. К великому негодованию Кувахара, в них рассказывалось о том, что японская военщина совершила страшное злодеяние: утопила в Тихом океане вместе с баржей всех пленных китайцев. Были названы имена участников этого злодеяния. Первым стояло имя Кувахара. В листовке содержались угрозы о жестоком наказании преступников.

Несмотря на тщательное расследование и поголовный обыск личных вещей всех солдат, не удалось обнаружить даже следа виновников. До сих пор такого не случалось в гарнизоне.

И вот венец неудач: сегодня утром командующий вызвал к себе Кувахара и показал шифрованную радиограмму из Токио. Императорская ставка приказывала принять все меры к розыску исчезнувшей баржи с бунтовщиками и одновременно дать подробное объяснение, почему случился бунт, как могло сбежать столько военнопленных, почему допущена оплошность при потоплении советского парохода, как смогла уйти одна шлюпка с моряками, убившими одиннадцать человек, в том числе двух офицеров.

Подполковник Кувахара вернулся к себе в кабинет удрученный: он не знал, с чего начать. Звонок телефона, как и в тот раз, заставил его вздрогнуть. Нервы явно шалили. В трубке — радостный голос капитана второго ранга Такахаси:

— Приятная весть! Только что получена радиограмма

с подводной лодки девять: сбежавшие на шлюпке русские обнаружены на острове Сивучьем. Прошу доложить господину командующему и выделить отряд кемпейтай * для десанта...

— Благодарю! — Кувахара просиял. — Готовьте эсминец.

Через полчаса эсминец с десантом вышел из бухты Мисима и лег курсом на северо-восток.

Нет, он действительно баловень судьбы! Заложив руки в карманы галифе, подполковник Кувахара, маленький, подвижной, самодовольный, ходил по просторному кабинету. Он снова был полон энергии. Мысли его сделались четкими, ясными, воля пружинила мышцы, звала к действию. Нет, он не будет писать объяснение до тех пор, пока не привезут этих русских. По крайней мере, он узнает от них о двух вещах: попали ли на пароход Тиба и Фуная, а если нет, то есть ли у русских карта укрепрайона, знают ли они о существовании и характере укреплений на Северном плато.

Телефонный звонок снова прервал его размышления. На этот раз подполковник Кувахара снял трубку спокойно. Командующий гарнизоном вызывал его к себе в штаб-квартиру. Через полчаса Кувахара уже был там.

Генерал был в хорошем расположении духа. Как и ожидал подполковник, генерал вызвал его для разговора по поводу русских.

— Нам необходимо выработать определенную тактику обращения с ними, — сказал он, пригласив Кувахара сесть. — Мы не должны вызвать у них подозрения насчет того, что они наши пленники. Состояние нейтралитета с Россией обязывает нас обращаться с ними, как положено в таких случаях: и не враждебно и не дружественно. Но вместе с тем вам, очевидно, понятно, что мы не выпустим их отсюда живыми, поскольку они соприкасались с военнопленными и знают секрет наших фортификаций. Для того, чтобы вызвать их на откровенный разговор, мы должны подготовить для них убедительную версию насчет потопления их парохода. На мой взгляд, она должна содержать в себе следующие основные мысли. Первая: нами уже была подобрана одна партия спасшихся с их парохода. Вчера она отправлена в Токио для

* Кемпейтай — японская военная жандармерия.

передачи советскому посольству и отправки на родину. Вторая мысль: по данным наших морских патрулей, подтвержденным также спасенными с «Путятина», пароход потоплен американской подводной лодкой — об этом мы уже договорились с вами в прошлый раз. Третья мысль: по данным их соотечественников, отправленных в Токио, пароход подобрал на море китайцев, сбежавших из нашего плена. Русские должны сообщить, сколько их было, как выглядели два японца-офицера, о которых сообщали русские, отправленные в Токио. И последняя мысль: они должны подписать акт о потоплении русского парохода американской подводной лодкой. Попутно необходимо выяснить, куда и с каким грузом шел пароход, кто из видных советских работников или военных был на нем. Прошу изложить ваше мнение.

— Хай, имею два вопроса: какие меры принуждения считает господин командующий возможными на случай, если русские откажутся отвечать и подписать акт? Второй: каким образом мы должны ликвидировать их, когда исчезнет в них необходимость?

— Для начала любые меры, кроме физической силы. Необходимо поставить их в такие условия, при которых бы они стремились быстрее выехать в Токио, что означает быстрее выполнить наши требования. Пытка, как крайняя мера, должна быть применена после того, как иными средствами нельзя будет заставить... Второй вопрос едва ли должен нас занимать: нас ничто не может ограничить в средствах ликвидации их. Во всяком случае, они должны исчезнуть бесследно.

Эти слова генерал-майор Цуцуми сказал с таким равнодушием, как если бы речь шла даже не о людях, а о ничего не значащих вещах.

— Да, кстати, — продолжал он, — все разговоры с ними будете вести только вы и только через посредство вашего переводчика. Вы не должны обнаруживать знание русского языка. Подберите для них такое помещение, которое бы позволило вести подслушивание их разговоров. Охрану будет нести кемпейтай.

Вернувшись к себе в штаб, подполковник Кувахара до глубокой ночи пробыл в уединении. Он встал из-за стола после того, как во всех деталях разработал несколько вариантов плана разговоров с русскими. Перед уходом на покой он позвонил дежурному по штабу.

— Есть ли сообщение с эсминца? — спросил он.

— Хай, только что получена радиограмма. Операция закончена успешно, эсминец возвращается на базу. Будет здесь в седьмом часу утра. Куда прикажете поместить русских?

— Временно подержите в дежурной комнате жандармерии. В восемь утра я буду там.

...Утром моросил дождь — мелкий, холодный, унылый. Мутно-сизые тучи закрывали вулкан, горы, долину Туманов. Поселок базы, берега бухты, завешенные сеткой дождя, казались серыми, скучными.

Эсминец ошвартовался у дальнего конца главного пирса. Сначала с него сошла полурота жандармов, одетых в зеленые легкие плащи. Они сразу построились колонной и шли по пирсу, как победители, энергичным четким шагом, с гордо поднятыми головами. Некоторое время спустя по трапу сошли на пирс семеро пестро одетых европейцев, окруженных десятью жандармами. Впереди, осторожно поддерживая под руки Андронникову, шли майор Грибанов и капитан Воронков. Оба они были без погон, с непокрытыми головами, на ногах — онучи из парусины, обвязанные веревками. Следом Борилка и сержант Кэбот вели под руки Стульбицкого. Шествие замыкал в своем живописном одеянии капитан Брич. Он шел устало, с понуро опущенной головой.

От пирса начинался песчаный берег. Он был открытый, за ним лежала четырехугольная площадь-плац. Прямо по ту сторону плаца возвышалось дощатое здание штаба с башенкой диспетчерской службы на крыше. Влево, по широкой прибрежной полосе, между морем и отвесным обрывом, уходил поселок военно-морской базы: казармы, склады, офицерские особняки. Вправо стоял ряд складских помещений, за которыми начинались дюны и заросли кустарника, уходящие в долину Туманов. Туда от плаца направлялась широкая гравированная дорога.

Все, кто был в это время на плацу, — редкие прохожие, офицеры и солдаты, одна небольшая колонна, подходившая к пирсу, — все невольно обратили внимание на европейцев, как на редкую невидаль. Те, кто посмелее из прохожих, останавливались и даже подходили к пленным. Особенно жадно рассматривал их один солдат в колонне, только что подошедшей к пирсу. То был рядовой

Комадзава. В четверых, одетых по форме, кроме Стульбицкого, он сразу узнал русских.

Пленников привели в помещение жандармерии — небольшое низенькое здание. Вскоре сюда явился Хаттори, вызванный дежурным по штабу. Они пришли сюда вместе.

— Я переводчик русского языка, — с сильным японским акцентом представился Хаттори и слегка поклонился, обращаясь к майору Грибанову. Он впервые в жизни говорил с советскими русскими. — Вам придется немного ждать старшего начариника. Какие у вас есть жаробы и просибы?

— Благодарю, — холодно молвил Грибанов. — У нас есть две просьбы. Первая: положить на что-нибудь больных, — он указал на Андронникову и Стульбицкого, сидевших на скрипучих табуретках. — Желательно сделать им перевязку. Вторая просьба: дать нам горячего чаю. Желательно с сахаром. Мы целые сутки не ели горячего.

— У них двое раненых, — озабоченно сказал Хаттори дежурному по штабу. — Они просят, чтобы их где-нибудь здесь пока положили и сделали перевязки. И чаю с сахаром просят. По-видимому, надо дать указание дежурному жандармерии, чтобы все это было сделано. Я правильно предлагаю?

— Хорошо, подумаю, — процедил сквозь зубы скуластый поручик Гото, высокомерно осматривавший богатырскую фигуру майора Грибанова (Гото был почти наполовину меньше Грибанова). Подумав, он добавил: — Дождемся господина подполковника. Он не давал приказания кормить их. Не отвечайте, если будут что-нибудь спрашивать.

С этими словами он вышел, приказав начальнику охраны зорко наблюдать за пленниками.

— Ну, так как? — спросил майор Грибанов подпоручика Хаттори, хотя отлично понял все, что сказал поручик.

— О ваших просибах доложат начариству, — ответил переводчик и доверительно добавил: — Дежурный боится сам разрешить.

Русские не без значения переглянулись, отмечая расположение к себе переводчика..

В помещении стало тихо. Одного табурета не хвата-

ло, и Грибанов прохаживался вдоль стены, у которой сидели пленники. Доски поскрипывали, подгибаясь под его ногами. У противоположной стены в углу сидел подпоручик Хаттори, с откровенным любопытством рассматривая пленников. Против него за столом у маленького окошка, ведущего в коридор, сидел дежурный — круглолицый, узкоглазый, немолодой жандарм, занятый, видимо больше для виду, какими-то бумагами.

Японцев и пленников разделяла высокая чугунная печь, напоминающая домну в миниатюре, — непременная принадлежность жилых японских помещений. На ней стоял массивный чугунный литой чайник, в нем нудно и однообразно пищал пар.

— Иннокентий Петрович, мне дурно, — вдруг нарушил молчание Стульбицкий. — У них здесь какая-то кислая вонь, попросите, пожалуйста, для меня холодной воды.

— О, сию минуту, — вскочил Хаттори.

Он сказал дежурному, чтобы тот быстро принес кружку холодной воды, но солдат ответил, что не может уходить от телефона. Тогда Хаттори сам вышел и вскоре вернулся с водой. Трясущимися пальцами Стульбицкий вцепился в фарфоровую плошку и моментально осушил ее.

— Благодарю вас, — с облегчением произнес он и тыльной стороной ладони потер лоб.

— О, пожаруйста, — улыбнулся Хаттори и слегка поклонился.

— Он хороший парень, — шепнул Борилка на ухо капитану Воронкову.

Воронков, качнув головой, обратился к Хаттори:

— Скажите, пожалуйста, кроме нас кого-нибудь еще из русских подбирали с погибшего парохода?

Подпоручик Хаттори не без значения покосился на дежурного жандарма, отрицательно тряхнул головой, потом сказал:

— Прошу не задавать мне деровых вопросов, я торико переводчик.

При этих словах майор Грибанов и капитан Воронков многозначительно переглянулись. Все русские, даже Андронникова, тоже улыбнулись.

Время тянулось мучительно медленно. Пленники изнывали от усталости и от жары — в комнате было силь-

но натоплено. Но еще больше мучила тайная тревога за свою судьбу: чем все это кончится?

Но вот наконец раздался телефонный звонок. Дежурный жандарм расторопно схватил трубку.

— Дежурный рядовой Нарита слушает. Да, здесь. Раскисли, оборванные. Семь человек. Просили чаю и еще медицинской помощи, у них двое раненых. Одна женщина. Да, очень красивая. Нет, не оказывали. Чаю тоже не дали. Им здесь не курорт. Хай!

Он положил трубку.

— Кто звонил? — спросил подпоручик Хаттори.

— Ординарец господина подполковника Кувахара. Скоро господин подполковник будет здесь сам.

Едва ли кто-нибудь заметил хоть малейшие перемены на лице Грибанова при упоминании имени подполковника Кувахара. Усилием воли Грибанов старался казаться спокойным. Он не думал, что эта встреча состоится. Теперь надо готовиться к худшему, — в этом Грибанов отдавал себе ясный отчет. А может быть, Кувахара не узнает его?

Прошло с четверть часа после телефонного звонка, и в коридоре послышались быстрые легкие шаги. Дверь решительно распахнулась, и на пороге появился маленький, пропорционально сложенный, бравый офицер с нашивками подполковника, при сабле с золоченым эфесом. Кувахара хорошо подготовился к этой встрече с русскими.

Подпоручик Хаттори и дежурный жандарм дружно вскочили со своих мест и взяли под козырек. Подполковник решительно прошелся по комнате и так же решительно сел на стул дежурного жандарма. Расставив широко короткие ноги в желтых сапогах с высокими каблуками и поставив между ногами саблю, он положил на эфес обе ладони и горделиво, молча стал рассматривать пленников. Так осматривают мебель или картины, когда хотят их купить.

Грибанов стоял вполоборота к Кувахара, заложив руки за спину и искоса посматривая на него. Борилка и Андронникова вовсе не смотрели на Кувахара, как бы не замечая его. Только американцы со страхом да Воронков и Стульбицкий с любопытством смотрели на вылощенного, самодовольного японского подполковника.

— Кто эти? — спросил Кувахара подпоручика Хат-

тори, указав на американцев, после того как внимательно осмотрел всех.

— Господин подполковник, я их ни о чем не спрашивал и не отвечал на их вопросы.

— Спросите этого верзилу, — кивнул он на Грибанова, — кто эти двое с бородами?

— Господин подпорковник приказар спросить, кто двое с бородами? — спросил Хаттори Грибанова.

— Спросите их. Я не знаю, кто они, мы их встретили на острове в полуодичалом состоянии. Они не говорят по-русски, а мы не знаем их языка.

— Ду ю спик инглиш? * — спросил Хаттори капитана Брича.

— Да, говорю, — неохотно ответил тот

— Американцы, англичане?

— Американцы.

— Господин подполковник, это американцы, — объяснил Хаттори. — Русские ничего о них не знают, так как встретили их на острове в полуодичалом состоянии.

— Передайте тем и другим, что я отдаю приказание посадить американцев в карцер, как представителей враждебного государства. Что касается русских, то они будут помещены в хорошие условия, накормлены, больным будет оказана медицинская помощь. Русским объясните, что через два часа я буду беседовать с ними об их нуждах и о том, как скорее отправить их в Токио для передачи советскому посольству.

Он сидел неподвижно, пока Хаттори переводил русским и американцам смысл распоряжений. Потом встал, сделал легкий кивок головой и вышел, приказав Хаттори следовать за ним.

В кабинете он сказал переводчику:

— Сейчас, после того как американцев отведут в карцер, будете в течение двух часов подслушивать их разговоры. Существенное будете записывать, необходимо делать записи как можно точнее. Дежурный покажет место, где нужно подслушивать.

— Слушаюсь!

Как только Хаттори вышел, подполковник Кувахара взялся за телефонную трубку и вызвал начальника жандармерии:

---

* Говорите ли по-английски? *(англ.)*.

— Как с оборудованием помещения для русских? «Волчок» для подслушивания проверили? Завесьте его какемоно *. Я там буду один. Не забудьте поставить кресло. Через десять минут я выхожу, через пятнадцать выводите русских.

Помещение, отведенное для русских, находилось в здании офицерского собрания. Это была просторная чистая комната с неизменной чугунной печкой посредине, с полом, устланным татами —толстыми матами, обтянутыми циновками из рисовой соломы. Вся обстановка состояла из одного отполированного столика на коротких ножках. Чтобы сидеть за ним, нужно было опускаться на пол. На двух стенах, отделявших комнату от других помещений, висели по два какемоно, а в третьей стене была ниша с раздвижными бумажными ширмами, в нише — постель и посуда. Окно было шорокое, с раздвижными двойными рамами: наружная — с прозрачным стеклом, внутренняя — с тонкой прозрачной бумагой, так что через окно, не раздвигая бумажных рам, ничего нельзя было увидеть на улице.

Словом, это была типичная японская комната, оборудованная со средним достатком. По-видимому, это была комната отдыха младших офицеров.

Еще по пути сюда Грибанов улучшил минуту и предупредил всех, что, когда их оставят одних в помещении, разговаривать нужно либо о пустяках, либо если о серьезном, то самым тихим шепотом на ухо, так как их непременно будут подслушивать.

В комнате их поджидал санитар с бинтами и йодом. Печка весело гудела, на ней кипел чайник. На столе пять чашек с рисом и пять пустых — для чая. При входе в комнату сопровождавшие жандармы показали жестами — снять обувь. Сами жандармы не вошли: остались в соседнем помещении. Санитар недолго мудрствовал над ранами. Бесцеремонно размотав бинты, он так же бесцеремонно оторвал их от ран, обильно смочил раны йодом и снова забинтовал. Проделав все это молча, ушел, плотно притворив за собой дверь. Русские остались одни.

— Как вы думаете, Иннокентий Петрович, это не нам? — спросил Борилка, указав на чашечки с рисом.

* Какемоно — длинный свиток из шелка, наклеенного на бумагу, или просто из бумаги с нарисованной на нем картиной.

Он не сказал «товарищ майор». Еще на эсминце они условились, что среди них нет ни майора, ни капитана. Было условлено, что Грибанов будет именоваться Чеботиным, Воронков — Сухоруковым. Имена и отчества оставили прежними.

— Да, это нам, — с усмешкой подтвердил Грибанов. — Но самовольничать нельзя. Нужно спросить разрешения у охраны. Сейчас я попробую.

Сказав все это преднамеренно полным голосом, Грибанов попытался открыть дверь. Она не отворялась. Грибанов постучал. С той стороны кто-то отвернул ключ, дверь открылась, на пороге появился жандарм. Обращаясь к нему, Грибанов показал на рис и себе на рот, потом обвел рукой всех: дескать, мы голодны.

Подошел еще один жандарм и спросил первого:

— Чего они хотят?

— Наверно, спрашивают разрешения поесть рис.

— Так он же для них и поставлен.

— Должно быть, никто не сказал им этого.

— А я тоже не знаю, разрешать или нет.

— Сейчас я позвоню господину майору Кикути.

Дверь закрылась и минут через пять снова открылась. В комнату вошел жандарм, предварительно сняв резиновые ботинки с отделенными большими пальцами. Жандарм показал каждому место за столом, расставил чашечки, разложил чайные ложки, потом достал из ниши розетки с засахаренными бобами для каждого. Показав на чайник и изобразив, как наливают чай, он вышел — и ключ снова щелкнул.

Переглянувшись и подмигнув друг другу, Борилка и Грибанов, а за ними и все остальные принялись за еду.

Напрасно просидел битых два часа подполковник Кувахара возле слухового отверстия, ведущего в комнату пленников: ни единого полезного для себя слова не услышал он. Зато Грибанов сумел услышать кое-что полезное для себя. За едой они договорились — шепотом на ухо друг другу, что о пленных китайцах они ничего не знают, кроме того, что они видели каких-то китайцев на палубе, по слухам, будто бы подобранных ночью на море. Не берутся они судить и о том, кем потоплен их пароход. На острове Сивучьем они оказались случайно,— сделали остановку для ремонта шлюпки. А шли на ост-

ров Минами, чтобы явиться к японским властям с просьбою оказать содействие в отправке их на родину.

После завтрака, когда все легли отдыхать, Грибанов неслышно подполз к двери, за которой слышался разговор жандармов-охранников. Вполне уверенные, что никто из русских не знает японского языка, они говорили непринужденно. Приложив ухо к щели под дверью, Грибанов слушал с затаенным дыханием.

Разговаривали двое. Один хрипловатым голосом похвалялся, как он ловко прокалывал штыком пленных партизан в Китае, — одним ударом насквозь. Потом разговор перешел на тему о женщинах. Оба сладко причмокивали, обсуждая красоту Андронниковой, с цинизмом говорили о своих скотских похотях.

Но самое интересное Грибанов услышал после того, как загремела раздвижная дверь соседней комнаты и к жандармам кто-то вошел.

— Зачем еще бачок несете? — спросил хриплый голос.

— Этот особый, — ответил новый голос. — Не вздумайте пить из него: вода соленая. Это для тех. Начнете давать вместо пресной, когда поступит приказание. Из этого же бачка будете наливать чайник. Понятно?

— Хай!

Снова загремела дверь, — видимо тот, который только что говорил, вышел. За дверью некоторое время молчали, потом прежний голос сказал доверительно (Грибанов еле расслышал):

— Опять происшествие: на стенах интендантских складов утром обнаружены листовки...

— Погоди, попадутся эти дьяволы! — бодро сказал хриплый голос. — Я первый попрошу, чтобы мне разрешили вырвать у них языки перед казнью. Я это умею делать.

Новый голос, какого прежде не было, сказал после паузы:

— Я пойду. Мне нужно принести сюда кресло, привести парикмахера да сбегать за фотографом.

— Это зачем же? — спросил хриплый.

— Того большого русского приказано обрить и сфотографировать перед тем, как вести к господину подполковнику.

— Всех будут брить?

— Не знаю, пока приказано только большого.

Грибанов отполз от двери к своим. Все спали, и он стал обдумывать услышанное. Ясно: японцы готовятся к пытке, стало быть Кувахара узнал его. Ничего не скажешь, глаз у него наметан. Оборванного, обросшего бородой, сильно изменившегося, а узнал! Немножко, видимо, сомневается, потому и приказал побрить и сфотографировать. Теперь уж сомнений не будет. Видимо, придется схватиться в открытую...

В глубине сознания блеснула мысль о побеге. Она все больше овладевала им. Бежать в горы, в дебри, всем вместе обосноваться там и дожидаться поражения Японии. Грибанов знал, оно близко. И не просто дожидаться, а по возможности наносить удары. Да, бежать, пока не попали за решетку.

С этой мыслью он не расставался все время, пока его брили и по дороге к Кувахара. Только вступив в приемную кабинета, он вдруг вспомнил, что сейчас Кувахара окончательно узнает его...

ОНИ НЕ ОДИНОКИ!

В это воскресенье Комадзава так и не дождался на рыбалке своего друга. Он догадывался: Хаттори занят с русскими. Тем интереснее было бы теперь увидеть его, послушать его рассказы. Разумеется, Комадзава не предполагал, что «занятие» Хаттори состояло в тайном подслушивании разговоров американцев.

Погода стояла в этот день пасмурная, клев был слабый, и к вечеру в садке было лишь около трех десятков мелких форелей и два небольших линька. Хмурый Комадзава хотел уже сматывать удочки, как вдруг обратил внимание на предмет, плывущий по реке. Сначала ему показалось, что это плывет торчком палка, но вот она блеснула. Бутылка! Очень тщательная укупорка горлышка заинтересовала рыболова. Он дождался, когда бутылка поравнялась с ним, и сделал попытку достать ее удилищем. Не дотянулся. Выругавшись с досады, Комадзава пошел вдоль берега в надежде, что течение подобьет бутылку к какой-нибудь отмели. Но отмель не встречалась, и бутылка продолжала плыть почти посредине реки. Еще десять минут — и она будет в море... Не раздумывая

больше и не обращая внимания на прохладную погоду, Комадзава быстро разделся и бросился в воду.

Это была обыкновенная бутылка из-под сёго — японского соевого уксуса. В ней белела скрученная в трубку бумажка. Оглянувшись по сторонам, Комадзава сунул бутылку в воду и так под водой нес ее до берега. Одевшись, он не стал открывать бутылку немедленно, а вернулся к удочке и только тут, убедившись, что за ним никто не подсматривает, принялся за дело.

Бутылка была заткнута пробкой, горлышко обмазано древесной смолой и туго обвязано тряпицей. Камнем Комадзава осторожно отколол горлышко, извлек бумажку, а бутылку и осколки забросил подальше в реку.

На двух листках, вырванных из записной книжки с золотым обрезом, — столбики торопливо, нервно набросанных иероглифов:

«Нашедшего прошу не оглашать и немедленно передать господину подполковнику Кувахара.

Доношу: инженер Тиба — предатель и вражеский агент. Бунт поднят им и китайским коммунистом Ли Фангу. Им и еще восьми человекам (среди которых и я) удалось скрыться. Ведут в гарнизоне подрывную работу, подслушивают телефонные разговоры. Сообщаю местонахождение базы: северное подножие вулкана Хатараку, ущелье, из которого бежит теплый ключ, триста метров вверх по ущелью, правая сторона, где нагромождение каменных глыб. Желательно обойти с юга, сверху, так как подходы с севера, снизу, охраняются. Лучше всего перед наступлением темноты, когда все, за исключением часового, бывают в сборе. Прошу поторапливаться, меня подозревают. Отлучиться с базы не имею возможности».

Вместо подписи стоял иероглиф, означающий слово «Верность».

У Комадзава дрожали руки. Скомкав листки, он некоторое время сидел в оцепенении. Потом, немного успокоившись, он встал, протиснулся в заросли, отыскал там дупло в старой корявой ветле, засунул в него скомканные листки, а отверстие дупла забросал трухой и сухими листьями.

Рыбачить Комадзава больше уже не мог. Нужно было обдумать, что предпринять. Срочно. А что? «Северный склон Хатараку, ущелье, из которого бежит теплый ключ... Это километров пятнадцать от гарнизона. Нужен

целый день. А не уйти ли к ним совсем? Хорошо бы посоветоваться с подпоручиком Хаттори».

С реки он ушел уже в сумерках.

* * *

Как же Тиба и его товарищи вышли из подземелья? Их спасла находчивость инженер-капитана и Ли Фан-гу.

Как уже говорилось, они со штабом выходили из подземелья первыми во главе колонны. Теснота в подземелье не позволяла построиться колонне более двух человек в ряд. Чтобы ускорить выход, повстанцы бегом выскакивали из подземелья. Тиба и Ли Фан-гу выслали разведку веером впереди себя. Спереди и справа вскоре донесли, что к повстанцам движутся несколько взводов пехоты и танки. Свободный путь оставался только слева — внизу под обрывом, по берегу Тихого океана. Медлить было нельзя ни минуты. Тиба выслал связных к выходу из подземелья с приказанием — направлять всех в сторону берега, а сам, не мешкая, повел товарищей к обрыву.

О каком бы то ни было организованном сопротивлении не могло быть и речи: у повстанцев почти не было оружия. Оставалась единственная надежда — бежать в горы. Под обрывом, у воды, Тиба и Ли Фан-гу собрали вокруг себя Фуная, Кэ Сун-ю и пятерых вооруженных и одетых в японскую форму связных. Все сняли обувь и бросились бегом по берегу.

Но не пробежали они и двухсот метров, как впереди послышались голоса японцев: там по овражку, с плато вниз, спускалась группа солдат. По-видимому, они были посланы сюда, чтобы отрезать путь повстанцам по берегу. Назад тоже нельзя было возвращаться — там уже рычали танки. Времени для размышлений не оставалось: часть солдат, судя по доносившимся голосам, шла навстречу.

— За мной!—шепотом скомандовал Тиба, и все кинулись за ним в первый же овражек в обрыве.

Там оказалась рыхлая глина с песком, какой-то реденький кустарник. Залегли, стали слушать. Группа солдат быстро прошла по берегу мимо овражка. Послышались выстрелы и крики. Судя по всему, это были солдаты из подразделения, спустившегося к берегу; другая часть солдат, видимо, пошла в противоположную сторону или осталась на месте, так как оттуда доносился говор.

Прошло немного времени, и голоса послышались вверху, над обрывом, — там тоже были выставлены патрули.

Движение и гомон голосов не прекращались всю ночь. Мимо овражка по берегу то и дело проходили патрули. Слышались шаги и вверху, над обрывом. Перед рассветом Ли Фан-гу подполз к Тиба.

— Нужно придумать, как лучше замаскироваться на день, — прошептал он. — Днем нас увидят, если будем лежать, как сейчас. Наверно, сверху весь овраг просматривается...

Долго молчали, наконец Тиба сказал:

— Здесь легкий и рыхлый грунт. Предлагаю зарыться в землю.

Ли Фан-гу понравилось это предложение. Он облазил кустарники и сообщил об этом предложении товарищам. Все согласились и, не откладывая, принялись за дело. Каждый разгребал супесок, ложился, и Ли Фан-гу забрасывал его тонким слоем земли. Последними закапывались Тиба и Ли Фан-гу. Они легли головами к кусту, предварительно закидав его сухими ветками. Так они могли слышать и кое-что видеть: один — вверх, другой — вниз.

Насколько это решение было правильным, обнаружилось сразу же с наступлением утра: в овраг несколько раз заглядывали солдаты сверху и снизу. Но редкие заросли здесь хорошо просматривались, и патрули, не обнаружив ничего подозрительного, уходили. С полдня вблизи оврага вообще никто не появлялся.

Тут произошел инцидент, который заставил Тиба и Ли Фан-гу приглядеться к одному из членов боевой группы. Ли Фан-гу, лежавший головой вниз, заметил из своего куста, как в одном месте заворочалась глина и показалась спина Фуная. Техник осторожно, видимо, чтобы не шуршать, стал стряхивать с себя землю. Старый китаец шепнул об этом Тиба. Тот оглянулся. Фуная уже вставал на ноги.

— Вы почему встали? — тихо, но резко спросил его инженер-капитан.

— О, не могу больше! Все тело болит, товарищ инженер, — взмолился Фуная.

— Немедленно зарывайтесь! Я приказываю.

С видимой неохотой, но довольно расторопно Фуная разгреб свой окопчик, лег и стал заваливать землей но-

ги, живот, грудь, а на голову положил несколько сломанных веточек.

С этой минуты Ли Фан-гу и Тиба не спускали с него глаз.

Нелегко было пролежать весь день в земле! Пролежали. Поднялись по команде Тиба, когда стало совершенно темно. Нечего и говорить о том, что у каждого ныли бока и всех одолевала жажда. Разумеется, все были голодны, но это пустяки. Они пока живы — вот главное!

Моросил мелкий дождик. Разведка, высланная из оврага на берег и вверх, на плато, сообщила, что поблизости нет никаких признаков присутствия солдат. Решено было двигаться по берегу, к известному Тиба большому оврагу, который вел в лес. Более часа добирались они до леса, не встретив по пути никакой опасности. Кромешная темнота обступила их в дремучих зарослях кривой березы, ольховника, могучего шеломайника и кислицы. Пробирались цепочкой: впереди Тиба, за ним Ли Фан-гу, Фуная, Кэ Сун-ю и все остальные. План состоял в том, чтобы за ночь пересечь дорогу, что идет с Северного плато в долину Туманов, выйти к подножию вулкана Туманов и там провести день. Подножие вулкана было выбрано для дневки не случайно: там находится десятка два неохраняемых мелких складов с продовольствием.

В лесу повстанцы сделали остановку — отдохнуть и утолить жажду и голод побегами кислицы. Нащупывать в темноте кислицу было нелегко, но через час каждый уже имел добрый пучок побегов. Они показались лакомством.

Отдохнув, продолжали осторожно идти вперед. Приблизившись к дороге, долго не переходили ее, выжидали, выслушивали. Кругом было тихо. Тиба хотел было уже дать команду перейти насыпь, как справа, со стороны плато, послышался шум машины. Все залегли в траву, прильнув к земле. Показался свет фар. Тиба с беспокойством наблюдал за Фуная и был готов прикончить его в любую секунду, если тот попытается демаскироваться. Но техник едва ли не сильнее других прильнул к земле.

Дорогу проскочили бегом. Теперь путь был открыт до самого подножия вулкана Туманов. Шли долго и молча. Трава и листья кустов были мокры от дождя, и люди промокли до нитки. В ботинках хлюпала вода, одежда неприятно прилипала к телу, связывала движения. Шедший

впереди Тиба неожиданно остановился, почуяв под ногами тропу.

— Где-то недалеко склад, — шепнул он Ли Фан-гу. — Будем идти по тропке.

Действительно, не прошло и полчаса, как тропа привела их к темному сооружению, похожему на небольшой стог сена. Это был бурт, сложенный из мешков с рисом. Бурт укрыт брезентом, обвязан толстыми веревками и сложен на помосте из досок, под которыми лежали толстые бревна.

Тиба достал перочинный нож и, подняв на углу край брезентового полога, разрезал один мешок.

— Подставляйте головные уборы, — шепнул он Ли Фан-гу и Фуная.

Все наполнили свои чепчики рисом. Потом стали насыпать рис в карманы. Мешок настолько опорожнился, что его решили взять: в нем осталась одна треть прежнего количества. Мешок перерезали пополам. Вышло два мешочка. Решили нести их по очереди. Тут же с наслаждением поели сухого риса.

Чуть отдохнув, снова тронулись в путь и шли без остановки до рассвета. У входа в долину Туманов расположились на дневку. Впереди — крутые уступы террас, ниже — долина Туманов, а там дорога и речка. Повстанцы находились в глухих зарослях смешанного леса. Расположились под старой раскидистой лиственницей, похожей на гриб. Как только рассвело, Тиба и Ли Фан-гу взобрались на макушку лиственницы.

Удивительное это дерево, растущее на южных и средних Курилах. В противоположность своей сибирской родственнице оно растет не столько вверх, сколько в ширину. Очень толстый ствол у комля резко сходит на острый конус к макушке, на которой непременно большой пучок веточек, словно султанчик. Ветки начинаются от корня примерно в двух метрах. Внизу — очень длинные, расположенные горизонтально и расходящиеся правильным веером. Но чем выше по стволу, тем они резче укорачиваются и у вершины имеют длину в полметра. Таким образом, крона лиственницы — это правильный конусообразный шатер. Он отлично укрыл беглецов от дождя.

С макушки лиственницы открылась захватывающая панорама долины Туманов, величественного океанского

простора, затянутого вдали сизой пеленой туч, хаотического нагромождения гор и вулканов, начинающихся на юге прямо за долиной. Тиба и Ли Фан-гу внимательно изучали местность, намечая маршрут для следующей ночи. Южная сторона долины выглядела глухой и неосвоенной: ни строений, ни дорог, ни даже троп. Внизу, прямо за рекой, — темный густой полог маньчжурской ели; чуть выше, по склонам, — сплошной светло-зеленый ковер зарослей саса — курильского бамбука; еще дальше начинаются горные хребты, с узкими долинами и ущельями, с множеством отрогов, с зеленью смешанных лесов, с голыми каменными осыпями вершин.

— В этих зарослях, — Тиба указал за реку, — и в тех двух узких долинах находятся мелкие склады. Там мы запасемся рисом, консервами, кое-чем из амуниции и уйдем вон под тот вулкан, — это вулкан Хатараку — наиболее глухое и никем не посещаемое место. Там, как и условились раньше, устроим базу. Далеко к югу, я думаю, не следует уходить. Нам придется часто навещать гарнизон: не для того мы взялись за оружие, чтобы искать себе спокойного отдыха!

Ли Фан-гу молча кивал головой, слушая друга. Когда Тиба умолк, китаец сказал:

— Многое нужно сделать, чтобы отомстить за гибель товарищей. Первым, кого я убью, будет Кувахара.

— Нет, товарищ Ли, мы должны воздержаться от убийств, — возразил Тиба. — Политическая работа среди солдат — вот главная наша задача. Будем писать листовки — это сильнее пуль. А для того, чтобы хорошо знать жизнь гарнизона, будем подслушивать телефонные разговоры. Аппаратуру добудем в складах. И не рисковать зря. Чем дольше будет существовать наша группа, тем больший ущерб нанесем мы самураям.

— Неплохо бы установить связь с Комадзава, — высказал пожелание Ли Фан-гу. — Он нам будет очень полезен.

Уточнив маршрут на местности и на карте, Тиба и Ли Фан-гу спустились к друзьям. Кроме Кэ Сун-ю, здесь все спали. Тиба не случайно назначил юношу дежурить, — нужно было присматривать за Фуная, о чем Ли Фан-гу специально предупредил Кэ Сун-ю.

Во второй половине дня небо прояснилось, показалось солнце, в лесу стало тепло, на все голоса защебетали

птицы, зазвенели цикады, воздух наполнился терпким запахом трав и цветов. Теперь дежурили по двое: один — под лиственницей, возле спящих, другой — в стороне склада, откуда всего вероятнее могла появиться опасность. Но день прошел спокойно. А когда наступила ночь, все стали готовиться к новому переходу. Каждый чувствовал себя бодрым, готовым к преодолению любых трудностей.

Ночь стояла звездная, но темная, ветреная. Группа благополучно спустилась в долину Туманов, пересекла дорогу, а затем перешла вброд речку. В зарослях ельника Тиба быстро отыскал склады. В них оказалось все, что было необходимо: рис, консервы, обмундирование, телефонные аппараты, катушки провода.

Нагруженные до отказа, беглецы направились в горы. Шли по ключам, взбирались на террасы, спускались в ущелья. Насколько был трудным этот путь, настолько же и безопасным, — сюда не заглядывал ни один человек из гарнизона.

На подходе к подножию вулкана Хатараку они встретили теплый ключ. Это был сернистый горячий источник, каких немало встречается на всех больших островах Курильской гряды. В иных местах, как, например, на острове Парамушир, есть теплые озера, в которых можно купаться зимой. Этот ключ повстанцы решили назвать Партизанским. Он имел в ширину три—четыре метра, на дне белел осадок серы, похожий на сметану.

Долина, заросшая густым смешанным лесом, суживалась по мере того, как группа Тиба поднималась по ключу. Все чаще стали встречаться громадные глыбы камней, скатившихся со склонов гор, вероятно, во время подземных толчков. Лес редел, его заменяли кустарники багульника, малины, можжевельника, красной смородины, жимолости. Долина изогнулась, и за поворотом справа показалось нагромождение каменных глыб размером с двухэтажный дом. Между глыбами и под ними — лабиринт из пустот, опутанных кустами смородины и шиповника. Одна из глыб перегородила ключ и образовала небольшую запруду.

Тиба приказал всем сбросить груз и отдыхать.

— По-видимому, здесь мы и остановимся, — сказал он Ли Фан-гу.

Вдвоем они протиснулись сквозь кустарник в лаби-

ринт. Узкий проход привел их в обширную пещеру, от которой вели две щели: одна — прямо, другая — влево. Левая выходила наружу, к югу, а та, что шла прямо, привела их еще в одну небольшую пещеру, от которой отходила трещина вправо, к северу. Как в первой, так и во второй пещере было сухо, землю усеивал щебень, над головой сходился каменный свод с трещинами.

— Лучшего места мы не найдем, — решительно проговорил Тиба, осмотрев своды. — Здесь можно укрыться от дождя и разводить костер даже днем.

— Если еще заделать этот выход, — заметил Ли Фан-гу, указывая на трещину, ведущую к северу, — да натаскать сюда побольше травы, это будет отличная спальня!

Вернулись в первую пещеру, прошлись по южной галерее и очутились у пруда с теплой водой. Прудик имел в поперечнике не больше восьми метров, но был, по-видимому, довольно глубоким, — дна не было видно.

— Здесь будем принимать ванны, — сказал Тиба. — Особенно хорошо это для тех, кто страдает ревматизмом.

— Мы все им страдаем, — вздохнул Ли Фан-гу.

За прудом долина еще больше сужалась, превращаясь в ущелье. Там уже не было леса, рос лишь кустарник.

— Будем пользоваться только этим южным входом, — сказал Тиба, — чтобы не оставлять следа там, откуда нам всегда будет угрожать опасность, — снизу. Надо будет изнутри заделать камнями восточный и северный входы, чтобы никто не мог через них проникнуть в лабиринт.

Радостные возгласы раздались под глухими каменными сводами, когда все собрались сюда. Поистине лучшего места для убежища нельзя было и желать. Дружно закипела работа. Рвали траву и носили ее в дальнюю пещеру, таскали камни и закладывали ими лишние входы, заготавливали сушняк на дрова. Вот и костер вспыхнул. Будет горячий обед! А на вершине нагромождения глыб, откуда далеко внизу просматривалась долина, лежал часовой, готовый в любую минуту предупредить товарищей о возможной опасности.

К вечеру оборудование базы было в основном закончено. Купание в горячем пруду и сытный обед из риса и

консервированных мандаринов были заслуженным вознаграждением людям, на чью долю выпало столько мучений.

После обеда Тиба пригласил Ли Фан-гу и Кэ Сун-ю выбрать постоянное место для часового. Когда они отошли достаточно далеко от базы, Тиба попросил товарищей присесть.

— Нам нужно кое о чем условиться, — заговорил он, вытирая платочком вспотевший лоб. — По-видимому, мы допустили грубейшую ошибку, взяв с собой Фуная. В этом виноват я. Там, в овраге, он вставал из земли не случайно. Может быть, я ошибаюсь? Но если это и так, лучше быть начеку. Мы не можем рисковать. Фуная нельзя выпускать из виду ни на минуту. Об этом прошу втайне предупредить всех товарищей. Разумеется, мы не будем назначать его в охранение и не будем давать ему таких поручений, при выполнении которых он оставался бы один. В самое ближайшее время, как только представится удобный случай, проверим, основательны ли наши подозрения. Прошу подумать, как это лучше сделать, и высказать свои предложения.

Обсуждали вопрос об охране базы. Решено было, что днем охрану следует нести на вершине каменного укрытия, оттуда хорошо просматривается вся местность к северу, вплоть до долины Туманов. В случае опасности дергать за телефонный шнур, который соединит часового с пещерой. На ночь выставлять секрет под каменной глыбой, находящейся метрах в трехстах от базы, вниз по течению ключа. Секрет будет связан с базой телефоном.

Тут же был обсужден план действия боевой группы. В ближайшие дни предстояло совершить несколько походов к складам, чтобы создать запасы продовольствия, обмундирования и другого имущества, которое удастся там обнаружить, а также захватить еще пару полевых телефонов, батареи и провод к ним. Когда все это будет сделано, Тиба и Кэ Сун-ю начнут совершать ночные выходы на телефонные линии, связывающие отдельные части гарнизона. Особенно привлекала их линия, связывающая штаб-квартиру генерала Цуцуми с главной базой. Штаб-квартира командующего находилась в пяти километрах от главной базы, в распадке, на южном склоне вулкана Туманов.

От дороги до штаб-квартиры — два километра бето-

нированной тропинки, по которой генерал обычно выезжает к главной дороге верхом.

По склону распадка проходит телефонный провод. Тиба хорошо знал это. Тут и решили устроить подслушивание.

Как только Тиба войдет в курс последних событий в гарнизоне, он начнет писать листовки. Фуная будет их размножать. И тогда начнется главная работа для Ли Фан-гу, хорошо владеющего японским языком, — разносить по ночам листовки по гарнизону и расклеивать их на стенах зданий.

На базу вернулись перед наступлением сумерек. Все повстанцы, кроме часового на глыбе да Фуная, спали. Фуная сидел на камне у пруда, опустив в теплую воду босые ноги...

— Вот где я вылечу свой ревматизм! — весело сказал он Тиба.

Тиба предупредил:

— Подолгу не рекомендуется держать, могут быть обострения других болезней. Отправляйтесь отдыхать. Снаружи никто не должен находиться, кроме часового.

Фуная послушно встал и ушел в пещеру, а Тиба и Ли Фан-гу повели в секрет молодого Го Чженя и пожилого Вэнь Тяня. Попутно они протянули туда провод телефона. Тем временем Кэ Сун-ю незаметно наблюдал за Фуная, хотя тот уже спал.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

К концу первой недели, после того как боевая группа Тиба обосновалась у теплого ключа, было закончено накопление продовольствия, одежды, необходимых средств связи и были созданы все условия для того, чтобы начать планомерные действия. В одну из ночей Тиба, Ли Фан-гу и Кэ Сун-ю, захватив с собой телефонный аппарат, отправились в первую разведку. Предполагалось решить три задачи: сделать попытку подключиться к генеральному проводу, раздобыть старых газет и плакатов, на которых можно бы писать листовки, и уточнить ориентиры наикратчайшего маршрута до речки, что бежит по долине Туманов, отыскать постоянный брод, чтобы потом всегда ходить этим маршрутом.

Часа через три они благополучно достигли речки, быстро нашли перекат, переправились и вышли к дороге, соединяющей главную базу с тихоокеанским побережьем и Северным плато. Здесь, в зарослях бамбука, стеной поднявшегося вдоль дороги, они около часа отдыхали. За это время на дороге никто не появлялся.

— Условимся так, — прошептал Тиба, — возвращаться непременно к этому месту. Сейчас десять вечера. В четыре—половине пятого утра всем быть здесь. Друг друга не дожидаться. Кто первый подойдет, тот должен спрятать свой камень сбоку дороги, против места, где мы сейчас находимся...

Вышли на дорогу, нашли три больших камня и положили их в ряд вдоль насыпи — каждый приготовил свой камень. Отсюда Тиба и Кэ Сун-ю полезли на гору, чтобы по ней подобраться к Генеральскому распадку (до него отсюда было метров пятьсот), а Ли Фан-гу, одетый в обмундирование японского солдата, направился по дороге в сторону главной базы.

Ли Фан-гу уверенно шагал вперед, почти неслышно ступая резиновыми дзикатаби. Глаза его давно привыкли к темноте, и он хорошо различал не только серую полосу дороги, но даже и камни на ней. Справа от дороги — темные овраги и белеющие каменные обрывы, слева шумела и булькала речка.

Ли Фан-гу не испытывал страха. Напротив, им владело радостное чувство боевого азарта. Неукротимая энергия пружинила мышцы, и он почти не ощущал своих ног. Смерть он презирает. Если она столько раз прежде бежала от него, связанного по рукам и ногам, то теперь ей уже не смять его, окрыленного свободой.

Впереди показался широкий просвет: здесь долина Туманов выпрямлялась и выходила к Охотскому морю. Справа, из глухого распадка, раздался безразличный голос:

— Кто идет?

Судя по тону, спрашивающий нисколько не был озабочен появлением прохожего. Ли Фан-гу автоматически отметил это про себя и ответил равнодушно:

— Свой, рядовой Такахара. Выполняю срочное приказание господина командира батальона.

— С восточного? — по-свойски, дружелюбно спросил голос из темноты.

— Оттуда.

— Послушай, дружище, не знаешь, как там, на плато, управились с китайцами?

— С бунтовщиками?

— Да.

У Ли Фан-гу дрогнуло сердце: неужели до сих пор товарищи держатся? Он не знал, как ответить на вопрос, чтобы не вызвать подозрений. Из густого мрака ночи ему навстречу выдвинулась темная фигура со штыком. Ли Фан-гу быстро соображал: если патрульный потребует документы, то ответ один: придется его уничтожить. Холодным оружием. Убитого скоро найдут, начнется переполох... Нет, этого нельзя допустить! Нужно найти другой выход.

Чтобы прервать затянувшуюся паузу с ответом, Ли Фан-гу переспросил:

— Бунт, говорите? Это в подземелье, что ли?

Он надеялся из ответа патрульного выудить какой-нибудь намек на развитие событий. И не ошибся. Тот сказал:

— В подземелье-то всех захватили, а вот тех, которые убежали, поймали или нет?

— О, это длинная история, — загадочно протянул Ли Фан-гу. — Сейчас я очень спешу доставить пакет господину начальнику штаба, а вот когда буду возвращаться обратно, расскажу подробно.

— Скажи хоть, много ли наших побили?

— Не очень, — лихо соврал Ли Фан-гу. — Может быть, вы покажете мне, где помещается штаб, а то я только раз приезжал на машине.

— Нет, не могу, дружище.

— Жаль, ну да ладно, разыщу. Будьте здоровы. — И решительно зашагал по дороге. Патруль ему не препятствовал.

В течение получаса Ли Фан-гу шел очень быстро. По-прежнему справа — голая скала, слева — пропасть с шумящей рекой. Ли Фан-гу торопился миновать этот участок дороги, лишавший его возможности скрыться в случае опасности. Вдруг впереди — какое-то бормотанье и шарканье ног. Должно быть кто-то идет навстречу. Чтобы не вызвать подозрений, Ли Фан-гу сбавил шаг, намереваясь на ходу отделаться заготовленной фразой.

Но это не был встречный. В темноте обозначился си-

луэт человека, идущего той же дорогой, что и Ли Фан-гу. Разведчик остановился, чтобы дождаться, когда неизвестный уйдет подальше. Но тот тоже остановился и что-то стал бормотать и топать ногой. Ли Фан-гу понял, что догнал пьяного. Оказывается, тот звал к себе Ли Фан-гу.

— Ну же, я приказываю, и-ык, быстро, и-ык, ко мне...

В темноте, метрах в десяти, вспыхнул луч электрического фонаря, направленного на Ли Фан-гу.

— Погасите свет, есть приказ господина командующего, — замахал руками Ли Фан-гу. — Вас арестуют! С сегодняшнего дня запрещено пользоваться электрическими фонарями.

К удивлению разведчика, эти его слова возымели действие: пьяный моментально погасил свет.

— Ты кто, и-ык, такой? — послышался крякающий голос, когда Ли Фан-гу подошел к пьяному. Это был майор Кикути. — Ты кто такой? Документы не показывай, поверю, и-ык, так...

— Рядовой Такахара, господин майор. Выполняю срочное приказание господина командующего — с секретным пакетом бегу в штаб базы.

— У господина командующего служишь? Знаю, и-ык... Доведи меня до квартиры, видишь, и-ык, я... Поддерживай...

Куда денешься? Пришлось обнять жирную, грузную тушу майора и шагать, качаясь, вместе с ним.

— Вот видишь, и-ык, рядовой, как тебя, — слезливо стал жаловаться майор Кикути, — видишь, как подвели меня китайцы-собаки. С должности снят, разжалован в капитаны, и-ык... Вот и не выдержал, напился у капитана Тадокоро. И-ык, не везет мне...

Кикути едва шагал. Ли Фан-гу прикинул: если ему сопровождать майора до базы, то до утра он ничего не успеет сделать. Мысль работала напряженно. «С каким удовольствием пристукнул бы сейчас этого негодяя», — подумал Ли Фан-гу, но надо было торопиться с выполнением порученного задания.

Мелькнула новая заманчивая мысль, и Ли Фан-гу сказал:

— Разрешите ваш фонарик, господин майор, а то я боюсь, как бы вы случайно не включили его, тогда нас обоих посадят в карцер...

— Посадят? Кувахара все может. Не хочу, пять суток

уже отсидел, и-ык... К черту! На вот, возьми, а то и в самом деле, и-ык...

Фонарик был цилиндрический, увесистый. Незаметно Ли Фан-гу оттеснил Кикути к стене обрыва и стукнул его фонариком по темени. Захрипев, тот повалился. Обшарив карманы разжалованного майора, Ли Фан-гу взял себе только его записную книжку. Пощупал пульс — бьется нормально, голову — на ней даже раны не осталось. Этого как раз и хотел разведчик: шел пьяный, упал, стукнулся головой о камень и лишился сознания. Что касается записной книжки, то он мог и обронить ее где-нибудь.

Довольный исходом дела, Ли Фан-гу быстро пошел своим путем. Обрыв справа кончился, его сменил пологий лесистый склон. Дорога пошла под уклон. Теперь идти было не так опасно, — в случае угрозы разведчик мог свернуть в лес и там скрыться. Но ему никто больше не встретился до самого интендантства.

Это была небольшая группа построек-складов, от которых до главной базы оставалось меньше километра. Здесь Ли Фан-гу все было знакомо. Немного в сторону отсюда, влево, в направлении речки, находились постройки бывшего лагеря военнопленных китайцев. Сейчас в интендантстве было тихо, лишь из двух окон в щели между маскировочными занавесками скупо сочился свет. Вокруг — никакого движения. Ли Фан-гу приблизился к стене склада, где обычно вывешивались афиши, и нашел здесь два плаката и разорванную пополам афишу. Осторожно снял их, быстро сложил и сунул за пазуху.

Едва он миновал интендантство, как услышал впереди топот: шла колонна солдат. Она выходила на дорогу со стороны лагеря военнопленных, направляясь, по-видимому, на базу. В колонне было не более взвода. Ли Фан-гу, ничем не отличавшийся от всех японских солдат, незаметно пристроился к заднему ряду. Солдаты шли вразвалку, не соблюдая никакого равнения, и на приставшего в темноте никто не обратил внимания. Глухой говорок стоял над колонной. Разведчик старался уловить полезные для себя сведения. Но солдаты говорили о бытовых пустяках. В задних рядах вообще шли молча и понуро.

— Устали? — участливо спросил Ли Фан-гу соседа.

— Еще бы, — недовольно отозвался солдат. — Весь

день вести уборку и дезинфекцию в этом вонючем логове, где жили китайцы, тут и заболеть недолго.

— А китайцев куда?

— Перебитых-то? Иль не слыхал? Еще неделю назад вывезли на кладбище.

Ли Фан-гу насторожился: как бы собеседник не заподозрил его. И поспешил объяснить:

— Я из штаб-квартиры на базу с пакетом... А что теперь будет в том помещении?

— Не знаю.

Ли Фан-гу решил больше не расспрашивать солдата и, как только колонна вступила в поселок главной базы, отстал и решительно двинулся в сторону берега. Когда топот колонны растаял в тишине ночи, разведчик остановился и прислушался. Полная тишина. Только со стороны моря доносились гудение моторов да редкие, еле слышные переклички голосов. На плацу и в переулках изредка слышались шаги прохожих. Тьма — глаз выколи. Лишь над входом в штаб светилась синяя лампочка.

Ли Фан-гу решил пройти по переулкам — возможно где-нибудь удастся еще найти афиши или плакаты. Чтобы не привлекать к себе внимание, он решил подождать «попутчиков». Как раз два военных от берега направлялись в переулок. Разведчик на некотором расстоянии двинулся за ними. Стал прислушиваться к разговору, но не мог понять, о чем шла речь. По-видимому, это были офицеры и направлялись они домой, на квартиру. Наблюдая за ними, Ли Фан-гу в то же время внимательно осматривал стены домов. И не зря. В разных местах он насчитал четыре больших плаката, которые и снял на обратном пути. Прикинул: бумаги набралось не больше, чем на два десятка листовок. Пустяк. Нужно поискать еще, например, у штаба.

Туда он и направился. Сначала несколько раз прошелся по плацу против штаба и убедился, что наружную охрану здания несет только один часовой у входа. Ли Фан-гу обошел стороной и вскоре очутился позади здания штаба. Там он лег на песок и долго осматривал окружающие предметы, чутко прислушивался. Разглядел в темноте мусорный ящик и по-пластунски двинулся к нему. В ящике оказалось много скомканных старых газет и оберточной бумаги. Попалось даже несколько листов использованной копировки. Клад!

Стараясь работать как можно тише, Ли Фан-гу набрал добрую кипу бумажного хлама и тем же путем, которым подбирался сюда, отполз обратно. У пирса на кораблях пробило час ночи, когда Ли Фан-гу вышел на дорогу, ведущую к интендантству. Ноги несли разведчика легко и весело — самое важное теперь позади. Только бы добраться до трех заветных камней!

Теперь он вдвойне был осторожен и всячески избегал встреч с кем бы то ни было, — нужно обязательно доставить Тиба раздобытые сокровища!

Но как обойти Кикути и тот патруль у входа в Генеральский распадок? Ведь Кикути, наверное, уже пришел в себя, и встреча с ним не обещала ничего хорошего. С патрулем тоже нельзя было встречаться.

До того места, где он оставил Кикути, Ли Фан-гу шел совсем неслышно. У входа на карниз остановился, долго стоял и слушал. Ничего подозрительного. Пошел на носках по правой стороне, вдоль столбиков, ограждающих дорогу от обрыва. Под скалой, на противоположной стороне дороги, какой-то темный предмет. Да, это лежал Кикути. Он громко храпел. Спит, скотина! Ли Фан-гу спокойно прошел мимо и ускорил шаг. Нужно быстрее проскочить этот проклятый карниз. Проскочил. Прошел еще с сотню метров и остановился. Вокруг никаких звуков. Недолго раздумывая, Ли Фан-гу отыскал пологий спуск к реке и стал сползать от куста к кусту вниз. Вот и берег. Разведчик пошел вверх по течению реки, отсчитывая шаги, чтобы знать, когда минует Генеральский распадок, — от него до карниза, помнится, километра два.

Но вскоре он уперся в отвесный обрыв, вдоль которого шла река. Пришлось вернуться немного назад и по еле заметному в темноте перекату перебраться на левый берег. Когда насчитал три тысячи шагов, снова перебрался на правый, отыскал пологий склон и выбрался на дорогу. Да, он не ошибся: перед ним за дорогой белели каменные обрывы, которые он проходил перед тем, как встретиться с патрулем. Через несколько минут он увидел на правой стороне дороги, у самого края, три камня. Они лежали вместе. Откинув один из них подальше в сторону, разведчик постоял, послушал и стал протискиваться в заросли бамбука. Там прилег и долго отдыхал перед тем, как отправиться в горы.

Труднее и рискованнее оказалась операция Тиба и Кэ

Сун-ю. От дороги они сразу же стали взбираться вверх, чтобы выйти к самой вершине над Генеральским распадком. Тиба не раз бывал в штаб-квартире командующего. Генерал-майор Цуцуми был любителем «ча-но-ю» — чайной церемонии, являющейся своеобразным культурным и бытовым ритуалом у состоятельных японцев. Несмотря на ограниченные возможности для этой церемонии в условиях суровой службы на острове, Цуцуми не реже одного раза в месяц приглашал избранных офицеров на «ча-но-ю» *. Среди приглашенных непременным гостем был и Тиба. Он умел блестяще выполнять все церемонии чаепития, молчал, когда нужно было молчать, говорил, когда требовалось, умное слово, был тонким ценителем изящного.

Теперь, пользуясь хорошим знанием расположения распадка и генеральской штаб-квартиры, Тиба уверенно пробирался по густым зарослям. Больше часа потребовалось, чтобы подойти к вершине. Отсюда до штаб-квартиры было не больше сотни метров: она находилась ниже. Обход был совершен для того, чтобы пересечь распадок и послушать, что делается внизу, где ходят патрули.

Подобравшись к левому краю распадка, где проложена телефонная линия, Тиба и Кэ Сун-ю залегли и больше часа лежали неподвижно, вслушиваясь в каждый звук, доносившийся снизу. Убедившись в том, что выше штаб-квартиры патрулей нет, разведчики неслышно поползли вниз. Они в клочья порвали на себе одежду, много раз обжигались о крапиву, кололись о шиповник, но ползли, не останавливаясь до тех пор, пока не перебрались на противоположную сторону распадка. По гребню правой стороны стали спускаться вниз. Огонек, просвечивающий в одном из окон приземистого помещения штаб-квартиры, был для них ориентиром. Спустились чуть ниже штаб-квартиры по правой стороне и там, где склон распадка до самого дна порос густым разнолесьем, остановились, долго лежали и слушали. Кто-то прошел по бетонированной тропе вниз. Через полчаса такой же топот ботинок послышался вверху. По-видимому, произошла смена патрулей.

— Пора, — прошептал Тиба и стал присоединять провод к своему телефонному аппарату. Аппарат прикрепил

* На чашку чая *(япон.)*.

к комлю дерева. Потом они поползли с проводом вниз по крутому склону. Вот и место, где должна проходить телефонная линия. Вверху—легкий гул проводов, кругом—кромешная темнота. Засунув конец провода за ремень, Тиба полез на дерево. Там он по звуку без труда нашел провода, присоединил к ним свой провод и бесшумно спустился вниз.

— Оставайтесь здесь и будьте осторожны, — шепнул он Кэ Сун-ю.

Юноша плохо говорил по-японски, но понимал почти все. Его задача состояла в том, чтобы в случае необходимости по сигналу Тиба дернуть за шнур, сорвать его с провода и быстро уходить в горы.

Добравшись до своего аппарата, Тиба с трепетом схватил телефонную трубку и стал слушать. Довольно долго не было никаких звуков. Но вот послышался зуммер, а вслед за тем и голос:

— Алло! Господин Найто?

Другой голос ответил:

— Да, да!..

— Примите для господина командующего две телефонограммы.

— Передавайте.

— По данным наших патрульных судов и самолетов, корабли пятого Тихоокеанского флота США продолжают находиться в пятидесяти милях к востоку от Тисима-Ретто. По сообщению с острова Мацува, вчера они произвели артиллерийский обстрел гарнизона. Выпущено около двенадцати тысяч снарядов, повреждены два транспортных судна и одна казарма. Подписал начальник штаба подполковник Уэда. Вторая телефонограмма: поиски исчезнувшей баржи, а также русских моряков с потопленного парохода за истекшие сутки ничего не дали. Поиски продолжаются. Сегодня в них участвовали обе подводные лодки, два сторожевых эсминца и звено самолетов-разведчиков. Подписал капитан второго ранга Такахаси. Конец. Передал дежурный по штабу подпоручик Муракамы. Найто-сан, скажите, пожалуйста, господин генерал не спит?

— Нет, он работает в своем кабинете.

— Господин подполковник Кувахара хотел бы с ним связаться по телефону.

— Сейчас спрошу, подождите у телефона.

Тиба тихонько улыбался, слушая этот разговор, — он хорошо знал капитана Найто, адъютанта командующего. Заносчивый, высокомерный барчук, он никого не замечал из офицеров. Тиба подмывало подстроиться под голос дежурного по штабу и наговорить Найто грубостей.

В трубке послышался высокомерный голос капитана Найто:

— Скажите подполковнику Кувахара, чтоб ожидал. Господин командующий сам вызовет его. Скоро.

Тиба с нетерпением стал ждать этого разговора. Втайне он надеялся, что хоть что-нибудь узнает о судьбе пленных китайцев.

Наконец в трубке запел зуммер и послышался брюзжащий голос генерала Цуцуми:

— Подполковник Кувахара, что вы хотели сказать мне?

И знакомый Тиба льстиво-вкрадчивый голос начальника контрразведки:

— Господин командующий, разрешите доложить о завершении операции «Нэмуро».

— Докладывайте.

— Операция завершена в соответствии с планом. Баржа с остатками пленных затоплена в океане в двадцати милях восточнее Северного плато. Во время посадки на баржу часть пленных попыталась взбунтоваться. Попытка пресечена. В сопровождении и потоплении бунтовщиков участвовало в общей сложности восемь офицеров и девяносто вооруженных солдат. Со всех взята подписка о неразглашении тайны. На острове больше не осталось ни одного живого китайца.

— Что вы предполагаете о судьбе инженера Тиба?

— По предположению допрошенных пленных, он схвачен мятежниками и, вероятно, увезен на той барже.

— Жаль капитана... — Генерал помедлил. — Прошу вас заняться розысками шлюпки, оставшейся от советского парохода.

— Слушаюсь, господин командующий.

Разговор на этом закончился. Тиба пришлось ожидать очень долго нового разговора. Часы со светящимся циферблатом показывали уже начало третьего ночи, и Тиба собрался покинуть свой пост, как вдруг снова запел зуммер: дежурный по штабу базы звонил дежурному генеральской штаб-квартиры.

— О, Вада-сан, здравствуйте, — говорил словоохотливый подпоручик Мураками. — У вас там все спят?

— Да, все утихло.

— Тут маленькое происшествие у нас. Явился пьяный майор Кикути и говорит, что его кто-то ударил по голове, когда он шел из первого распадка от капитана Тадокоро.

— Теперь господин Кикути не майор, а капитан, — запомните это. Приказом господина командующего он снят с поста командира батальона и понижен в звании за то, что допустил бунт пленных китайцев. Он сильно пьян?

— Сильно. Он говорит, что ударил его какой-то солдат из охраны штаб-квартиры господина командующего.

— Это, наверное, ему по пьянке померещилось, — с раздражением проговорил подпоручик Вада, задетый поклепом на охрану штаб-квартиры. — Это лишне выпитое сакэ ударило ему в голову. Пошлите его спать, иначе я доложу господину командующему, и Кикути снова сядет в карцер.

На этом телефонные разговоры закончились и больше не возобновлялись до трех часов ночи, когда Тиба подал сигнал Кэ Сун-ю отключить провод.

Разведчики возвращались тем же путем, каким пробирались сюда. Начинал брезжить рассвет, когда они подошли к трем камням. Один из камней был отброшен, значит, Ли Фан-гу уже вернулся с разведки. Они осторожно пробрались в заросли бамбука в надежде найти здесь своего товарища, но он, видимо, уже ушел, так как трава по его следу уже покрылась предутренней росой.

Радостной была встреча разведчиков на базе у теплого ключа. Как ни крепко спал Ли Фан-гу на мягкой постели из травы, он сразу же вскочил, как только услышал голос Тиба и Кэ Сун-ю. Смертельно усталые, Тиба и Кэ Сун-ю в изнеможении опустились на камни. На дворе был уже день, припекало солнце, но в полумрачной пещере стояла прохлада. Разведчики промокли от пота и теперь наслаждались прохладой в пещере. Ли Фан-гу показал свои «трофеи».

— Записная книжка майора Кикути? — изумился Тиба. — Где же вы ее нашли?

Когда Ли Фан-гу рассказал о встрече с пьяным Кикути, Тиба вспомнил звонок подпоручика Мураками дежурному по штаб-квартире и долго хохотал.

— Удивительно же все случилось — смеялся Тиба. — Ему, несчастному, и пожаловаться не удалось. Вместо сочувствия его осмеяли да еще карцером пригрозили!

Тиба долго листал записную книжку.

— Вот послушайте план операции «Нэмуро», — сказал он и стал читать все, что записывал майор Кикути в кабинете подполковника Кувахара на секретном совещании. — А вот интересная приписка: «Командиру четвертой роты: вывести перед строем коммуниста Ли Фан-гу». В скобках: «Подполковник Кувахара лично срубит ему голову. Наказание за коммунистическую пропаганду среди пленных».

— Сабля оказалась тупой! — рассмеялся Ли Фан-гу. Потом угрожающе добавил: — Мы еще посмотрим, кто кому срубит голову!

— А вот еще одна интересная запись: «Среди офицеров все упорнее ходят слухи, что неизбежна война с русскими. Решил заниматься русским языком». Послушайте, что он переводит с японского на русский.

«Стой! Не беги!», «Слезай с коня!», «Брось оружие!», «Кто ты?», «Руки вверх, я обыщу тебя», «Чем ты занимаешься? Выскажи все прямо, а то тебя расстреляют», «Ты подвергнешься пытке», «Какие у тебя вещи с собой?», «Открой сумку...» и далее все в том же роде.

— Какой же он дурак, этот бывший майор Кикути! Ему мерещится легкая победа над русскими. А это самая сильная армия в мире. По сравнению с ней Квантунская армия — ничто!

— А как вы думаете, товарищ Тиба, выступят русские против Японии?

— Должны выступить. Без их участия пожар мировой войны не потушить. А человечество устало, людям нужен отдых...

— Дожить бы до этого дня, — мечтательно вздохнул Ли Фан-гу, — вернуться бы в освобожденный Китай! Я даже думать боюсь о таком счастье...

Тиба недолго отдыхал. Во второй половине дня он уже сидел на берегу пруда и писал воззвание к японским солдатам, разоблачал преступления японской военщины.

«Пусть помнят злодеи, глумившиеся над невинными жертвами, — писал Тиба, — мы знаем, чьи руки оба-

грены кровью пленных китайцев. Вот их имена: подполковник Кувахара, майор Кикути, капитан второго ранга Такахаси, генерал-майор Цуцуми, поручик Гото.

Помните всегда эти имена! Палачам не уйти от карающей руки народного правосудия. Священная месть настигнет их в любой точке земного шара!

Солдаты! Не связывайте свою судьбу с судьбой этих извергов! При первом же удобном случае поверните оружие против них!»

Кончив писать, Тиба пригласил к себе Фуная.

— У вас хороший почерк, — сказал он технику. — Берите уголь и начинайте переписывать этот текст на листах газеты. До вечера надо написать не меньше десяти экземпляров.

— Хай, с удовольствием! Мне уже надоело бездельничать, — словоохотливо ответил Фуная. — А потом разрешите мне пойти расклеить их в гарнизоне?

— Хорошо, я подумаю... — неопределенно ответил Тиба.

До вечера было написано пятнадцать экземпляров воззвания. Пять из них написал сам Тиба. Перед заходом солнца он, Ли Фан-гу и Кэ Сун-ю снова отправились на операцию. Фуная было отказано под предлогом его слабого здоровья.

— Вот отдохнете как следует, поправитесь, тогда и возьметесь за боевую работу, — утешил его Тиба. — Хватит трудов и на вашу долю.

Операция, как и прошлой ночью, прошла успешно. Ли Фан-гу удалось расклеить воззвания на складах интендантства, на стенах офицерских домов в поселке главной базы и даже на задней стене здания самого штаба.

Тиба удалось подслушать и узнать много новых данных, касающихся передислокации подразделений в связи с тем, что два батальона разместились теперь в укрепрайоне.

Следующие двое суток партизаны отдыхали. Тиба и Ли Фан-гу сходили в район складов и в одном из них обнаружили много оберточной бумаги. Это было счастье. На обратном пути друзья договорились проверить сегодня Фуная. Было решено послать его на ночь в секрет вместе с крупным и сильным китайцем Вэнь Тянем. Впереди «секрета», в нескольких шагах, Тиба предложил на всякий случай выставить еще один «секрет» из двух чело-

век. В любую минуту эти двое будут готовы перехватить Фуная, если тот вздумает бежать. Решено было также дать Фуная пистолет, заряженный холостыми патронами.

В одиннадцатом часу ночи Фуная и Вэнь Тянь отправились в секрет. Вэнь Тянь имел задание в средине дежурства обратиться к Фуная с просьбой, чтобы тот подежурил один, а Вэнь Тянь, дескать, вздремнет. Лежать друг от друга они должны не ближе метра.

Вэнь Тянь сделал все так, как ему наказывали. Положив голову на телефон и держась за ручку, он будто бы стал засыпать, а сам незаметно следил за Фуная. В темноте едва лишь вырисовывались их силуэты. Прошло около получаса, и китаец увидел, как Фуная заворочался. Вот он полуобернулся, как показалось Вэнь Тяню, к нему, и раздался негромкий, как хлопок в ладоши, выстрел. Вэнь Тянь протянул руку к Фуная, и в это время раздался второй выстрел.

— Что случилось? — спросил Вэнь Тянь. — В кого вы стреляете?

— Пробую пистолет,— в замешательсте ответил Фуная. Он был потрясен: почему двумя выстрелами почти в упор он не только не убил, а даже и не ранил китайца?

— Ну и как, хорошо действует пистолет?

— Кажется, ничего...

— Однако стрелять не нужно, — мягко сказал Вэнь Тянь. Он вроде не понял, что Фуная стрелял в него. — Ведь мы в секрете, и выстрелы могут услышать враги... Дайте-ка пистолет.

Фуная покорно подал пистолет, и Вэнь Тянь сунул его себе в карман. Спящим он больше уже не прикидывался.

По возвращении из секрета Вэнь Тянь подробно рассказал Ли Фан-гу обо всем, что случилось ночью.

— А может быть, он и вправду пистолет опробовал, как ты думаешь? — спросил Ли Фан-гу.

Вэнь Тянь почти не сомневался, что Фуная стрелял в него, но сейчас заколебался. Так ли оно было? Может быть, ему показалось? Оклеветать человека легко...

И Вэнь Тянь сказал:

— Кто его знает!..

Ли Фан-гу и Тиба тоже боялись ошибиться в выводах. Все сделали вид, что поверили Фуная. И решили уж ни

в чем не доверять ему и через двое суток еще раз устроить проверку.

Проверка, однако, не состоялась. В следующую ночь во время подслушивания телефонных разговоров Тиба перехватил весть о том, что на острове Сивучьем пойманы русские с потопленного парохода, что они привезены на базу и помещены в здании офицерского собрания. Вся боевая группа восприняла эту весть как сигнал к немедленным действиям. Тут уж было не до Фуная. За ним установили строжайший негласный надзор, тем и ограничились. А потом произошли новые события, коренным образом изменившие ход дела.

РОКОВОЙ ПРОСЧЕТ

Грибанов вошел в кабинет подполковника Кувахара с видом непринужденным, даже беспечным. Кувахара сидел, откинувшись в кресле, и даже не пошевелился. Он только указал рукой на кресло, стоящее напротив у стола. На другое кресло он приказал сесть Хаттори.

— Переведите, — сказал он Хаттори, — что я пригласил его на дружескую беседу. Командование острова озабочено отправкой советских граждан в Токио для передачи советскому посольству и последующей отправки на родину. Но поскольку русские задержаны на японской территории, то командование вынуждено соблюсти некоторые неизбежные формальности, прежде чем отправить русских в Токио. От того, как охотно сами русские помогут командованию закончить эти формальности, зависит срок их возвращения на родину.

Выслушав довольно точный перевод Хаттори, Грибанов сказал:

— Я прошу господина японского офицера сказать, что требуется от нас, советских граждан, и в частности от меня.

— Передайте: от него требуется немногое. Первое— сообщить свою фамилию, имя и отчество, а также указать профессию, род занятий, местожительство и сообщить, какую роль он выполнял на судне.

— Чеботин, Иннокентий Петрович, — отвечал Грибанов, выслушав переводчика. — Профессия — моряк, шкипер катера, живу в Петропавловске-на-Камчатке. На

пароходе был в качестве пассажира, возвращался из Владивостока, где был в командировке, — получал запасные части к катерам.

— Переведите господину Чеботину, — при этом Кувахара, как показалось Грибанову, сделал ударение на слове «Чеботину», — что я прошу его предъявить японскому командованию все документы, какие у него имеются.

Выслушав переводчика, Грибанов усмехнулся. Он сказал не без иронии:

— Когда человек тонет в море вместе с кораблем, он меньше всего заботится о чем бы то ни было, кроме собственной жизни. Все мои документы утонули вместе с личными вещами.

— Скажите господину Чеботину, что нам известно о том, что их пароход торпедирован в океане: об этом нам сообщили русские, которых мы спасли и уже отправили в Токио, в советское посольство. Не скажет ли господин Чеботин, было ли у него и его друзей оружие, когда они сошли на шлюпку во время гибели парохода, и куда девалось это оружие?

Грибанову стало радостно от этого вопроса: японцы разыскивали и не нашли шлюпку лейтенанта Суздальцева и приняли Грибанова и его друзей за военных моряков, обстрелявших подводную лодку.

— Скажите господину японскому офицеру, что в нашей шлюпке ни у кого оружия не было. По-видимому, господин офицер введен в заблуждение какими-то другими, неизвестными нам обстоятельствами насчет оружия в нашей шлюпке.

Подполковник Кувахара, выслушав Грибанова, стал хмурым прежде, чем переводчик перевел ему слова Грибанова, и тем выдал свое знание русского языка. Вообще эта комедия с переводчиком сильно забавляла Грибанова. Оба собеседника отлично владели японским и русским языками и оба искусно притворялись И главное — оба знали об этом!

Кувахара было нелегко скрывать свое разочарование: он начинал понимать, что не эти русские обстреляли подводную лодку, а, значит, те, кто стрелял, скрылись.

Некоторое время подполковник сидел молча, что-то обдумывая, потом попросил, чтобы «господин Чеботин» рассказал все, что ему известно о китайцах, которые, по

свидетельству русских, отправленных в Токио, были подобраны на море; что сообщили эти китайцы, сколько их было и кто были два японца, находившиеся вместе с китайцами.

Если бы подполковник Кувахара мог догадаться, что сейчас он попал впросак перед русским разведчиком, он бы никогда не простил себе этой оплошности. В самом деле, он открыл противнику то, о чем прежде тот лишь догадывался! Основываясь на ложном убеждении, что «господин Чеботин» верит в несуществующих русских, якобы уже отправленных в Токио, он прямо сказал об осведомленности японского командования относительно китайцев, подобранных советским пароходом. Далее он сообщил о том, чего не знал Грибанов, — о двух японцах, по-видимому присоединившихся к восставшим. Наконец он разъяснил то обстоятельство, что японское командование обеспокоено судьбой китайцев и двух японцев из соображений сохранения тайны укреплений. А все вместе взятое говорило о том, что японское командование больше всего интересуется вопросом: знают ли русские о существовании укреплений?

— Да, я знаю о том, что пароход подобрал большую группу китайцев, — сказал Грибанов переводчику. — Но сколько их было, откуда они взялись, мне ничего не известно. Кажется, были среди них и два японца, — соврал на всякий случай Грибанов, — но кто они и откуда, я также не знаю, потому что слышал о них на пароходе, но не видел их в лицо.

— По данным наших патрулей, — снова заговорил Кувахара, — а также по показаниям соотечественников господина Чеботина, их пароход потоплен американской подводной лодкой. Видел ли господин Чеботин эту подводную лодку? И сможет ли он подписать акт, составленный японскими властями? Это необходимо для того, чтобы предупредить возможное недоразумение в отношениях между Россией и Японией, так как американские разбойники совершили этот пиратский акт в наших территориальных водах. Чтобы предупредить нежелательный конфликт между нашими странами, мы должны действовать сообща. Поэтому я и прошу подписать акт о том, что советский пароход потоплен американской подводной лодкой.

«Ага, боишься!» — со злорадством подумал Гриба-

нов. Выслушав очень длинный, но, как всегда, точный перевод, он склонил голову, развел руками, делая вид, что недоумевает.

— Я думаю, — сказал он Хаттори, — что господину японскому офицеру должно быть понятно, как трудно узнать темной ночью подводную лодку, которая к тому же находится на большом расстоянии. Разумеется, я не знаю, чья это была подводная лодка. По этой же причине я не могу подписать и акта. А вдруг это английская, а может быть и немецкая бродячая подводная лодка?

Подполковник Кувахара долго и внимательно смотрел на Грибанова. В темных проницательных глазах его советский разведчик видел скрытую и напряженную работу мысли и вместе с тем закипающую злость. Решительно положив руки на стол, он взял карандаш и быстро заговорил, постукивая карандашом по столу.

— Переведите господину Чеботину, что я недоволен ни одним из его ответов. Я прошу его подумать об этом. Объясните ему, что такие нелояльные ответы приведут только к тому, что он долго не сможет попасть на родину. Во всяком случае до тех пор, пока японское командование не получит достаточно четких и ясных ответов на поставленные мной вопросы. И напомните господину Чеботину, что он и его друзья задержаны на японской территории, а это значит, что японские власти имеют все права обращаться с ними не как со спасенными, а как со шпионами, проникшими с враждебными целями на территорию суверенного государства.

Когда Хаттори перевел это заявление Кувахара, тот встал и решительно стукнул по столу карандашом:

— Я больше не имею вопросов.

Грибанова увели, но не в здание офицерского собрания, а в жандармерию. Там его поместили в одиночном карцере и дверь закрыли на засов.

Следующим вызвали на допрос Воронкова. Журналист забеспокоился, не встретив Грибанова ни по пути, ни в кабинете подполковника Кувахара. Он начинал нервничать.

— Скажите, а куда делся наш товарищ Чеботин? — спросил он переводчика, когда его усадили против Кувахара.

— Это мне неизвестно, — сухо и лаконично ответил Хаттори.

Вопросы Воронкову задавались по сути те же, что и Грибанову, и ответы его были в основном такими же. Отличались они, может быть, лишь тем, что Воронков вел себя более беспокойно, чем Грибанов. А когда подполковник Кувахара пригрозил, что он будет квалифицировать русских как шпионов, «проникших с враждебными целями на территорию суверенного государства», Воронков не сдержался, с негодованием посмотрел на Кувахара и с горячностью сказал переводчику:

— Переведите этому господину: такого отношения лично я не ожидал. Что бы вы ни делали со мной, я никогда не подпишу акта о том, чего не видел и чего не знаю. Больше я ничего не имею прибавить.

Воронкова увели обратно в здание офицерского собрания, но поместили не в прежнюю комнату, а напротив, через коридорчик, в котором находились два жандарма.

Борилка, которого привели к подполковнику Кувахара после Воронкова, был немногословен и полностью безразличен ко всему, что происходило вокруг него. Боцман не скрывал ни фамилии своей, ни места работы, ни должности.

— Поскольку этот господин был боцманом погибшего парохода, он должен знать все подробности о китайцах, — говорил Кувахара переводчику. — Скажите ему: я прошу описать подробно, кто как выглядел и как выглядели японцы.

Выслушав перевод, Борилка в раздумье развел руками:

— Ну как я могу их описать? Оборванные, худые, еле держались на ногах. А японцы сытые, хорошо одетые. Вот и все.

Борилка отлично помнил, что ни одного японца среди китайцев не было, но, подумал он, тут, кажется, лучше сказать то, чего не было.

Кувахара, видимо, это почувствовал и предложил переводчику:

— Спросите: сколько было японцев?

— Чего не знаю, того не знаю, не считал.

— О каких он японцах говорит? — возмутился Кувахара.

— А о каких спрашивает господин офицер? — вопросом на вопрос ответил Борилка.

— Переведите: я накажу его, если он будет так мне отвечать.

— Воля ваша, — безразлично сказал Борилка переводчику, выслушав угрозу.

— Я еще раз спрашиваю: сколько было японцев и как они выглядели?

— Ну, сколько же можно отвечать! — с удивлением посмотрел Борилка на Хаттори. — Сколько было — не считал, как выглядели — хорошо.

— Сколько им на вид было лет?

— Всякие были, но в темноте нельзя определить. Были вроде пожилые и вроде молодые...

— Черт побери, да спросите его наконец, сколько их было?

— Не считал, понимаете русское слово, не считал.

Опасаясь, что эти шутки могут ему дорого обойтись, Борилка сказал переводчику:

— Так думаю: человек пять было, а может восемь.

— Спросите, почему же майор Грибанов говорил о двух японцах?

— Я не понимаю, о каком майоре Грибанове говорит господин офицер, — в недоумении поднял брови Борилка.

— Тот, кого я вызывал первым.

— Господин офицер имеет в виду шкипера Чеботина?

— Это в конце концов не имеет значения, пусть будет Чеботин. Он говорил о двух японцах-офицерах. Его слова подтвердил господин Сухоруков.

— Не знаю, может быть, офицеров и в самом деле было два, я на это не обратил внимания...

И проницательный Кувахара понял, что снова попал впросак.

— Спросите у этого дурака, — сказал он переводчику, — что он может сказать о подводной лодке, которая потопила их пароход?

Выслушав вопрос, Борилка снова развел руками:

— А что о ней сказать? Подводная лодка как подводная лодка. Ахнула нас — и пароход ко дну.

— Чья она? — тихо спросил подполковник.

— А черт ее батьку знает, — равнодушно ответил Борилка. — В темноте разве разглядишь?

Выслушав разъяснение Кувахара, что подводная лод-

ка была американской и что это подтверждено русскими, уже отправленными в советское посольство в Токио, Борилка безразлично сказал:

— Раз вам известно, что американская, стало быть американская. Я же не видал ее. Вам лучше знать.

Но подписать акт решительно отказался.

— Как же я могу? А вдруг она не американская? Мировой скандал!

— Объясните ему, — с мягкой улыбкой проговорил подполковник, — что десять русских уже подписали акт и благодаря этому уже отправлены в Токио и, может быть, уже на родину выехали.

— Ну что ж, — сказал Борилка, — значит, они видели. А я не видел. Да и то сказать: если десять человек подписали, удостоверили, зачем же мне подписывать человеку, который не видел лодку?

Борилку отправили в то помещение, куда отвели Воронкова.

— Не то дурак, не то хитрец, не поймешь, — отплевываясь, говорил Кувахара, когда за боцманом закрылась дверь.

И вот в кабинете Стульбицкий. Красновато-бурая жесткая бороденка его заметно вздрагивает, тонкие жилистые пальцы трясутся, и он все время прячет их. На выпуклом широком лбу — легкая испарина.

— Профессия? Ученый-географ. Да, из Москвы. Направлялся на Камчатку с заданием Академии наук. Ученые труды? Да, имею девять печатных работ. Две находятся в ведомствах. О чем? Могу охарактеризовать... Которые в ведомствах? Те являются государственной тайной. Нет, нет, о них я ничего вам не скажу, и не спрашивайте об этом, я дал подписку о неразглашении тайны.

Подполковник Кувахара понимающе улыбался: дескать, уважаю, тайна есть тайна, и я не намерен ее у вас выпытывать.

— Спросите этого господина, — обратился он к переводчику, — давно ли он знает майора Грибанова?

Стульбицкий заметно вздрогнул.

— Как, как вы сказали? Майора Грибанова? Что-то не припомню такой фамилии.

— Спросите, как фамилия этого высокого блондина, которого я вызывал первым?

Географ настороженно посмотрел на подполковника Кувахара, потом перевел взгляд на переводчика.

— А-а-э, гм, — промычал он. — Тот высокий? Знаете ли, я плохо с ним знаком... О, вспомнил, Чеботин! Так он, по крайней мере, представлялся, когда знакомились в шлюпке. Да, да, Чеботин. Нет, зачем же говорить неправду, — Чеботин.

— Спросите его, — с нескрываемым интересом попросил подполковник переводчика, — бывал ли он в Америке и говорит ли по-английски?

— Нет, в Америке не бывал, английского языка не знаю. Немецким владею свободно.

— Что он думает о том, кто потопил их пароход?

— Э-э, гм, — промычал Стульбицкий, прикоснувшись пальцами к бородке. — Было темно, знаете... в этих условиях невозможно было разглядеть... Я полагал, что это ваша подводная лодка. Но может быть я ошибаюсь?

— Объясните господину Стульбицкому, что японские вооруженные силы никогда бы не могли совершить такое злодеяние. Нами установлено, что это американская подводная лодка. Скажите ему, что этот факт нами установлен документально.

Стульбицкий с напряженным вниманием выслушал переводчика.

— В таком случае, я беру свои слова обратно, — сказал он, приложив руку к груди. — Да, это такое злодеяние, которое не вмещается в сознании цивилизованного человека. И что же, простите, она безнаказанно ушла?

— Да, она ушла в Тихий океан. Скажите ему, что я прошу его подписать акт о злодеянии американцев.

Подполковник Кувахара на этот раз не сказал, что акт уже подписан десятью мнимыми русскими.

— Видите ли, господин офицер, — начал Стульбицкий, — если бы я сам лично имел на руках достаточно убедительные доказательства этого, я бы охотно подписал, но я пока не вижу таких доказательств...

— Хорошо, передайте господину Стульбицкому, — сказал довольный Кувахара, — что эти доказательства будут ему представлены в ближайшие дни. И тогда, я надеюсь, он подпишет акт?

— Да, да, непременно, — с удовлетворением закивал головой Стульбицкий.

Затем начался разговор о китайцах и мнимых японцах, подобранных «Путятиным» незадолго до его гибели. Но Стульбицкий ничего не мог прибавить к тому, что уже сообщили Грибанов, Воронков и Борилка. Тем не менее подполковник Кувахара остался доволен разговором со Стульбицким. Он приказал поместить ученого-географа в ту же комнату, где все русские находились до этого. Но прежде оттуда увели на допрос Андронникову. При этом было сделано так, чтобы Андронникова не могла встретиться со Стульбицким.

Андронникова вошла в кабинет подполковника Кувахара гордой и независимой походкой. На ней была офицерская шинель внакидку, пышной копной вились русые шелковистые волосы, левая рука на перевязке. Рослая, стройная, полнощекая, со слегка похудевшим смугло-розовым лицом, она выглядела красавицей. Кувахара отметил это про себя и с удивлением подумал о том, почему не обратил внимания на эту красавицу в комнате дежурного жандарма. Сейчас он встал и вышел из-за стола навстречу.

— Переведите: мне приятно познакомиться с русской девушкой, офицером, отрекомендуйте меня и попросите, чтобы она тоже представилась.

Говоря все это переводчику, Кувахара, маленький, почти по плечо девушке, подошел к ней, галантно протянул руку и держал ее продолговатую изящную ладонь до тех пор, пока Хаттори переводил сказанное.

— Военврач капитан Андронникова, Надежда Ильинична, — холодно сказала девушка.

Не выпуская ее руки, подполковник подвел Андронникову к креслу и усадил: он старался казаться приятным.

— Переведите госпоже Андронниковой, что долг службы, понятный ей, как офицеру, вынуждает меня разговаривать с ней не о прелестных предметах, а о суровом военном деле. Я прошу поверить, что все мои вопросы продиктованы служебной необходимостью.

Как ни блистал подполковник Кувахара своими изящными выражениями и знаками сочувствия к Андронниковой по поводу лишений и испытаний, выпавших на ее долю, девушка продолжала оставаться строгой, равнодушной и немногословной. На все вопросы она отвечала коротко и сухо, на подполковника почти не смотрела,

Только после вопроса о том, оказывала ли она медицинскую помощь подобранным на море китайцам, Андронникова с негодованием заявила Хаттори:

— Переведите этому господину, что вопрос его не относится к теме нашего разговора и он не имеет права запрещать или разрешать мои действия как советского врача. Да, оказывала помощь и считаю, что в этом мой долг. Я прошу, чтобы он сказал мне, зачем меня пригласили сюда? Я плохо чувствую себя и требую, чтобы меня оставили в покое и быстрее отправили нас на родину.

На подполковника Кувахара эти слова подействовали отрезвляюще. Губы его нервно передернулись.

— Скажите ей, — обратился он подчеркнуто высокомерным тоном к переводчику, — что я не советую ей вести себя так. Я хочу напомнить ей, что нам еще неизвестно, как они попали на территорию Японского государства. Не исключена возможность, что они оказались на нашей территории как советские шпионы. Мы сумеем это выяснить, и тогда пусть они пеняют на себя.

Однако и эти слова не возымели действия на Андронникову. О подводной лодке, потопившей пароход, она не стала и слушать.

— Если неизвестно нам, чья это подводная лодка, — резко сказала она, — то тем более ничего не должны знать о ней вы. Все ваши доказательства — чепуха! Если говорить о моем личном мнении, то вот оно: ваша подводная лодка потопила советский пароход! У вас есть еще вопросы?

— Увести! — взревел Кувахара.

Андронникову увели в ту же комнату, в которой поместили Воронкова и Борилку. Подпоручик Хаттори был отправлен подслушивать разговор троих русских.

Поздно вечером Кувахара снова вызвал к себе Грибанова. Переступив порог, тот сразу понял: разговор будет «откровенный» — в кабинете не было переводчика, а рядом с единственным креслом стоят по команде «смирно» два жандарма с винтовками. На стуле у стены выразительный моток веревки.

— Садитесь, господин Грибанов, — сказал Кувахара по-японски и указал на кресло. — Давайте прекратим игру втемную.

Грибанов продолжал стоять, непонимающе посматривая на японца.

— Вы еще считаете себя Чеботиным? — с усмешкой спросил Кувахара. — Напрасно, друг мой. Вас выдали ваши товарищи.

Он перелистал в папке бумаги и, показывая пальцем в одну из них, сказал, подняв глаза на Грибанова:

— Вот заявление ученого-географа Стульбицкого. Надеюсь, вам знакома эта фамилия? Уточню: это давнишний наш агент. Да, да, не удивляйтесь, вы ведь неплохой разведчик и знаете, как это бывает. Стульбицкий прямо пишет, что вы недавно сменили свою фамилию.

Грибанов продолжал стоять молча, ни единым движением не выдавая, что слова Кувахара что-нибудь значат для него.

— Ах, вам недостаточно этих доказательств? В таком случае, прошу взглянуть вот на это. — Кувахара подал Грибанову две фотографические карточки. На одной, старой, Грибанов был в форме капитана, на другой, свежей, был нынешний Грибанов. Существенной разницы, разумеется, не было.

— Бросайте вашу игру, — скривился подполковник Кувахара, продолжая говорить по-японски. — Мы с вами ведь уже встречались. Помните?

— Помню, — спокойно подтвердил по-русски майор Грибанов. При этом он сел в кресло и тяжело вздохнул.

— Помню, вы тогда были подпоручиком. — И другим тоном: — А здорово наши поколотили тогда ваших! Как вы находите?

— Да как вам сказать, — по-русски начал подполковник Кувахара, — это было недоразумение.

— Ну, не скажите! — подхватил Грибанов по-японски. — А Халхин-Гол? Почти вся ваша шестая армия была уничтожена! Впрочем, с вашей точки зрения, может быть, и разгром фашистской Германии недоразумение? Не то слово, господин подполковник. Вы ведь тоже неплохой разведчик и умеете смотреть фактам в лицо.

— Не будем обсуждать этих вопросов, — живо проговорил Кувахара по-японски. Он говорил по-японски, а Грибанов — по-русски. Так они и продолжали, каждый на своем языке. — Оставим этот разговор. Скажите, вы давно из Владивостока?

— Не очень. А почему вас это интересует?

— Вас переводили на Камчатку? — не отвечая на вопрос, спросил опять Кувахара.

— Этого я вам не скажу.

— Хорошо. А как там у вас, прибывают уже войска с запада к границам Маньчжоу-го?

— Этого тоже не скажу. Не будем тратить времени на пустые разговоры.

— Право, вы напрасно скрываете, майор. Нам известно... Вы не выдадите ни военной, ни государственной тайны, если скажете свое личное мнение: будут выступать советские войска против нас или нет?

— У меня на этот счет нет личного мнения. Будет отдан приказ — войска выступят, не будет — не выступят.

— Силы у вас большие.

— Да, не в пример вашим.

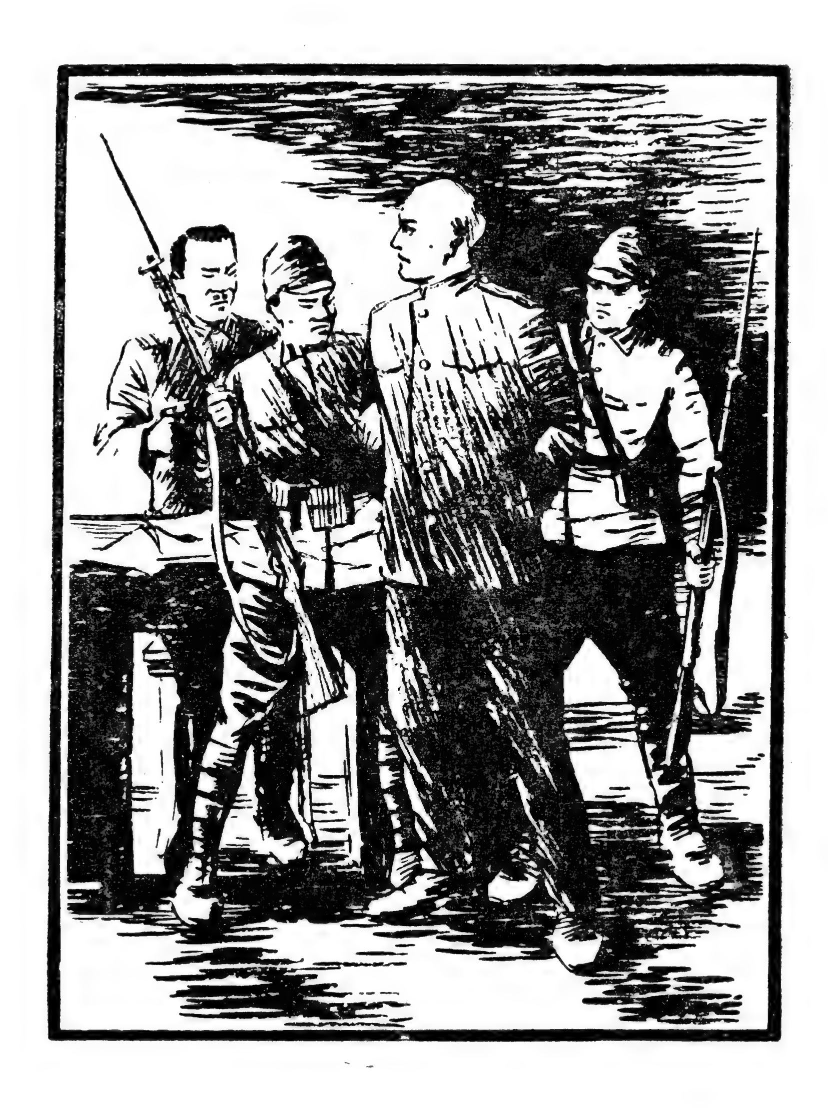
— Господин Грибанов, я хочу, чтобы вы правильно меня поняли. — Кувахара меланхолично откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу. — Вы в моих руках. Я волен делать с вами все, что мне захочется: пытать, казнить или сделать богатым и счастливым человеком. Я предлагаю вам перейти в нашу разведку на самых выгодных условиях, то есть на таких, какие вы назовете сами. И мы отправим вас всех пятерых на родину. Хоть завтра, если сегодня вы дадите согласие.

— Я знаю вас, как...

— Прошу прощения, я не все сказал, — поднял ладонь Кувахара. — Но прежде вы должны нам помочь кое в чем. Во-первых, сказать правду, что вы знаете о китайцах и японцах, подобранных на море вашим пароходом, — вы ведь наверняка разговаривали с ними; во-вторых, что они рассказывали вам о пребывании в японском плену; в-третьих, кто были те двое японцев, была ли у них карта острова, добровольно ли они ушли с китайцами или их увезли насильно; в-четвертых, подписать акт о потоплении вашего парохода американской подводной лодкой. В конце концов я не требую, чтобы вы сию минуту высказали свое отношение к моему предложению, я могу дать вам трое суток на размышление.

Подполковник Кувахара умолк и беззаботно побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. Грибанов тоже молчал.

— Есть и другой путь, — вкрадчиво, с улыбкой заговорил Кувахара. — Это одиночный карцер, кандалы, десять или пятнадцать дней пыток и вырывание языка,

—Связать на моих глазах— и в карцер! — приказал Кувахара. — В пути оружие держать наготове. Это опаснейший преступник.

выкалывание глаз и — четвертование. Примерно то же будет и с вашими товарищами. Подумайте. А для содействия вашим раздумьям я прикажу, чтобы уже сейчас вас посадили в одиночный карцер и заковали в кандалы. Все эти три дня вы будете сидеть на соленой пище и соленой воде.

Грибанов поднял голову.

— Вы кончили, господин Кувахара?

— Вы можете сказать только одно слово: «согласен», другого я не разрешу вам говорить.

— Но...

Кувахара проворно схватил со стола пистолет и направил на Грибанова. Жандармы вскинули винтовки.

— Связать на моих глазах — и в карцер! — приказал Кувахара. — В пути оружие держать наготове. Это опаснейший преступник!

Грибанова связали: локти свели за спиной и туго их стянули. Конец веревки от локтей тянулся к шее и охватывал ее петлей, другой конец — к ногам. Этим концом были подвязаны сухожилья выше колен так, что можно было лишь едва-едва передвигать ноги.

В таком положении Грибанова увели, после чего подполковник Кувахара поднялся с кресла и стал ходить по кабинету, разминая ноги. Он только теперь почувствовал, как чертовски устал за этот день. Ни одно из мероприятий, намеченных командующим, не удалось осуществить. Единственная надежда оставалась на ученого географа. «Он, кажется, немного дурак, как и всякий ученый, и к тому же трус, — размышлял Кувахара. — Нужно попробовать подкупить его хорошим отношением. А если будет упорствовать — припугнуть. Слегка. И сделать агентом, а потом отправить в Токио для передачи советскому посольству».

Что касается Воронкова, Борилки и Андронниковой, то Кувахара решил не вызывать их дня два и держать на соленой воде. А там видно будет.

Мысли его прервал выстрел, донесшийся с плаца, потом еще выстрел и еще. Крики. Кувахара бросило в жар от страшной догадки, и он опрометью метнулся в коридор, на бегу выхватывая пистолет из кобуры. За ним — дежурный по штабу. На плацу темно и тихо. Из дверей жандармерии выскочил дежурный.

— Что случилось? — крикнул Кувахара, бегом на-

правляясь к жандарму, и споткнулся о что-то мягкое. Выхватив карманный фонарик, осветил и отшатнулся: на песке лежал жандарм с раскроенным черепом. Винтовки возле него не было. Кувахара обвел фонариком вокруг, и у него мурашки побежали по спине: он увидел второго жандарма, лежащего вниз лицом с вытянутыми вперед руками, намертво зажавшими винтовку. Это были те самые жандармы, которые уводили Грибанова. В бешеной ярости Кувахара наскочил на дежурного и, рыча, скрежеща зубами, стал бить его кулаком по лицу. Потом заорал:

— Кемпейтай! Тревога!

Но на плацу никого не было, и крика его никто, кроме дежурного, не слышал. В ярости Кувахара схватил за шиворот дежурного и изо всех сил толкнул его в коридор жандармерии.

— Поднимай тревогу, мерзавец!

Жандармы прибежали минут через десять. Но было уже поздно. Никто не мог сказать, в каком направлении нужно производить поиски. Обезумевший от страха перед всемогущим Кувахара, начальник жандармерии поручик Гото поспешно разослал несколько групп жандармов по дорогам и на берег. А подполковник Кувахара уже сидел у себя в кабинете и докладывал по телефону командующему, просил разрешения поднять в ружье весь гарнизон.

— Нужно успеть отрезать ему путь в южную часть острова, — захлебываясь словами, говорил Кувахара, — необходимо выставить цепь по всему северному склону долины Туманов...

Командующий пришел в неистовство и кричал на Кувахара, как на мальчишку. Но поднимать весь гарнизон из-за одного человека не разрешил. Был поднят только батальон, расположенный на тихоокеанском побережье.

В ДЕБРЯХ МИНАМИ

Грибанов смутно помнил, как все произошло. Окончательное решение бежать сложилось у него еще в кабинете Кувахара, когда тот предложил ему работать в японской разведке и нарисовал перспективу на случай отказа. Когда и как бежать, он еще не представлял себе, но

решение это захватило его. И вот под черным дулом пистолета жандармы вяжут его...

Японский прием связывать человека Грибанов знал хорошо и делал все, чтобы концы веревок имели хоть небольшой запас слабины. С этой целью он не дал свести близко локти за спиной, заявив, что из-за перенесенного ревматизма суставов локти не загибаются далеко назад. И сколько ни пытались жандармы загнуть их сильнее, они ничего не могли сделать против богатырской силы Грибанова: руки и плечи у него стали словно каменными.

В таком положении его и вывели из штаба. В темноте Грибанов свел локти за спиной и почувствовал, что веревка сползает. Когда вышли на плац, он, как бы споткнувшись, упал. Жандармы бросились поднимать его, так как со связанными руками и ногами он не мог бы встать. Тут он вскочил и наотмашь нанес освободившимися руками два удара по головам жандармов. Один сразу же упал, а другой хоть и зашатался, но устоял. Разведчик выхватил у него винтовку и сильным ударом приклада скосил его. Второй жандарм в это время приподнялся и дважды выстрелил в сторону Грибанова, но, видимо, руки у него тряслись и он промахнулся. Грибанов в упор пристрелил его, потом ножевым штыком перерезал веревки на ногах и шее и кинулся бежать.

Куда бежать, Грибанов не сразу сообразил. Сначала он бросился на пустырь между штабом и жандармерией, к подножию вулкана Туманов, но сейчас же вспомнил, что утром видел там обрыв, и, обогнув по пустырю здание жандармерии, бросился по кустам и камням к складам, за которыми начиналась низина, ведущая в долину Туманов. В темноте он бежал с выставленной вперед винтовкой, готовый сразить штыком любого, кто попытается остановить его. Но его никто не останавливал и даже не окликнул ни в пролете, между двумя складами, ни у дороги, на которую он неожиданно выбежал.

Не раздумывая, он помчался по дороге, высматривая на бегу подходящий лесок, куда бы можно было свернуть. Вскоре он очутился в поселке интендантства. Шум грузовой машины, донесшийся справа, заставил его на минуту остановиться. Машина выезжала со двора интендантства на дорогу. Выбравшись на насыпь, машина повернула в сторону долины Туманов. Пока грузовик,

громко фырча, набирал скорость, Грибанов нагнал его, увидел, что в кузове никого нет, и ловко вскарабкался в него. Там были ящики, по-видимому со снарядами. Грибанов лег плашмя на ящики и так застыл.

Тут он смог немного отдышаться и осмыслить все, что произошло. Пот градом катил с него, щипал глаза, стекал с губ в рот. Дважды он вытирал лицо рукавом, а пот лил и лил. Грибанов с удовольствием подставил лицо под встречный ветер. Ветер охладил его. По хорошему шоссе машина мчалась на большой скорости, унося его прочь от страшного места.

Напряженно всматриваясь в темноту долины, разведчик старался определить, что за местность окружает его. Он понял, что дорога тянется по северной стороне долины, что внизу бежит какая-то речка и что за ней начинаются горы и леса. Напрягая память, Грибанов старался воспроизвести перед глазами карту острова Минами. Сопоставлял ориентиры. «База, северная оконечность — плато, долина, долина... Да ведь это долина Туманов! А слева — вулкан Туманов. Долина перерезает весь остров. Ее длина — десять—двенадцать километров. К югу от нее основной массив острова, он горист и не приспособлен для жилья. Туда, туда нужно!»

Когда, по его соображению, машина пробежала пять или шесть километров, Грибанов стал готовиться к прыжку. «И сразу вправо, в долину Туманов — через речку».

Вот справа показался пологий уклон, ведущий к речке. Кажется, по нему темнеют заросли. Грибанов закинул ремень винтовки за плечо и стал подаваться к заднему борту грузовика. Со всеми предосторожностями бесшумно свесил ноги, нащупал убегающую землю и — будь что будет! — оторвался. Ударился, упал, покатился, но, кажется, без повреждений. Встал, отряхнулся. Машина была уже далеко. С минуту вслушивался в звуки ночи. Внизу шумела на перекатах речка, на дороге замирал шум грузовика. Больше никаких звуков. И темнота. Ни единого огонька кругом, никаких признаков, что здесь могут быть люди.

Грибанов спустился в кювет и стал протискиваться через заросли бамбука. Он спешил. Кончились заросли, и вот речка — шумливая, со звенящим потоком. Грибанов прилег на галечник и с жадностью напился, потом

пригоршнями холодной воды ополоснул голову и шею и смело побрел по воде, мягко ступая по камням ногами, обмотанными парусиной.

За речкой снова заросли. Здесь больше лопухов, колючих кустарников, шиповника. А дальше уже настоящий лес. Грибанов шел напрямик, стараясь придерживаться одного направления — южного. Часто останавливался, вслушивался в звуки ночного леса и снова шел. Шел долго, потерял счет времени, смертельно устал. Взбираясь по какому-то распадку вверх, неожиданно уперся в какое-то сооружение и в испуге остановился, стал слушать. Кругом все так же тихо. Только по верхушкам деревьев нет-нет да пробежит ветерок, да еле слышно где-то перезванивает ручеек. Грибанов стал ощупывать непонятное сооружение. Брезент. Веревка. Под ними что-то твердое. Ящики. Прощупал донизу — настил, под ним — пустота, между толстыми бревнами проросла трава. Осторожно обошел вокруг сооружения и только тогда понял, что наткнулся на резервный неохраняемый склад, о каких он знал по данным разведки. Такие склады были лишь там, где не было гражданского населения. На некоторых островах таких складов были сотни.

Приподняв полог брезента, Грибанов ощупал ящик, потом снял штык с винтовки и просунул лезвие в щель между досками. Штык уперся во что-то металлическое: банки. Отодрал штыком одну из дощечек у торца ящика, засунул туда руку. Банка не пролезала. Пришлось оторвать вторую дощечку. Вытащив банку, покачал — булькает. Проколол штыком, поднес ко рту — мандариновый компот. Грибанов шире располосовал жесть и с жадностью выпил содержимое. Потом стал доставать вкусные мандариновые дольки. Покончив с компотом, Грибанов сунул банку обратно в ящик и долго стоял и слушал. Наверно, скоро уже рассвет. Мысль работала вяло, полусонно. Вспомнил пустоту под досками между бревен. А не устроить ли там временное убежище? Так и решил.

Оставив винтовку, начал одну за другой вынимать банки и рассовывать их по карманам и за пазуху. Потом заделал ящик, опустил полог, натянул его, как было прежде, обошел склад, нащупал лазейку под досками и, забравшись туда, забаррикадировал лаз корягой. По-

мятую траву позади себя расчесал, чтобы она снова поднялась. Под досками было хоть и низко, но просторно, и он, с удовольствием растянувшись, тотчас уснул.

Сколько спал — сутки или несколько часов, — он не знал. Только когда проснулся, то увидел, что его попрежнему окружает темнота. Открыв глаза, он даже не пошевелился, долго прислушивался. Кругом, как и прежде, было тихо, но спать больше не хотелось. Помня о том, что японцы могли за это время выставить повсюду секреты и что один из них мог быть где-нибудь рядом, Грибанов решил не шевелиться. Он готов был лежать так хоть целую вечность, лишь бы не подвергнуться риску быть обнаруженным. Как ни тяжело было лежать без движений, но разве можно сравнить это с теми пытками, которые обещал ему Кувахара?

И он лежал. Наступило утро. У входа под доски стал пробиваться свет. Грибанов не двигался. Во рту давно пересохло, но Грибанов не прикасался к банкам с компотом. Он слушал, стараясь не пропустить ни единого шороха. Пришла еще одна ночь. Неотразимым был соблазн — открыть банку. Железной волей опытного разведчика он удерживал руки от опасных движений. Лишь с наступлением следующего утра, не услышав ничего подозрительного, Грибанов приподнялся на локоть, проткнул штыком банку и с жадностью выпил компот. Спустя немного он осушил вторую, а потом и третью банку. Лежать стало легче.

Он уже стал дремать, как вдруг услышал треск веток в той стороне, откуда пришел. Потом послышался топот ног. Ему показалось, что идет, по меньшей мере, человек двадцать. Треск и топот приближались. Грибанов замер.

— Вот, господин ефрейтор, еще один склад, — послышался молодой голос, говоривший по-японски.

— Осмотреть!

Вокруг затопали. Чьи-то ноги в обмотках и ботинках показались против лаза возле коряги, потом на мгновение появилась нагнувшаяся голова. Но японец лишь мельком заглянул под доски через корягу и сейчас же отошел.

— Все в порядке, господин ефрейтор, — доложил тот же молодой голос.

— Хорошо, — сказал другой голос. — Пойдем кверху

по этому оврагу, а на обратном пути разделимся и прочешем склоны оврага.

Шаги стали удаляться. У Грибанова было такое чувство, будто он снова побывал в руках японцев, сердце закаменело, в голове стучала одна мысль: не даться живым! Но в глубине сознания уже теплилась надежда, что теперь его уже не найдут. Главное — он убедился, что рядом нет секретов, что солдаты ушли и едва ли снова вернутся к этому складу.

Немного подкрепившись компотом, Грибанов опять лежал неподвижно. Прошло с час времени, и в лесу снова послышались голоса и треск сучьев. Японцы возвращались обратно. К складу они больше не подошли. Шаги и голоса стали удаляться и скоро затерялись в лесу.

Один за другим сменялись планы. Выйти и двинуться по оврагу, в который только что поднимались японцы? А вдруг они оставили там секрет? Нет, нужно прежде осмотреться, вылезти хотя бы на одну минуту. А вдруг подойдет новая группа солдат и он не успеет замаскироваться? По-видимому, на острове ведется сплошное прочесывание леса.

И он лежал еще сутки — ночь и день. Незадолго до наступления темноты вылез. Все тело ныло. Разминая ноги, руки, спину, обошел вокруг склада. Постояв, решил пройтись по оврагу. Но с полпути вернулся, как бы не напороться на секрет! Пошел вниз по оврагу. Шел так, как может ходить только кошка, — ни малейшего шороха! Его окружал густой высокий ельник, перемешанный с березой, высокими тополями и рябиной. Выбрав одну из самых высоких елей, взобрался на макушку.

Так вот где он находится! Долина Туманов была километрах в пяти и гораздо ниже того места, где он находился. Отсюда долина просматривалась и к Охотскому морю, почти до главной базы, откуда он бежал, и к Тихому океану, бескрайный простор которого синел за лесами. Хорошо видны были речка и дорога на той стороне долины. К югу ничего не видно, кроме вершины какого-то вулкана, — видна была лишь темно-сиреневая макушка. Видимо, он был действующим: над ним курился легкий дымок.

Грибанов долго не слезал с ели, обдумывая, куда те-

перь идти. Ясно, что подальше в горы, но куда именно? А не пойти ли на вулкан? Поскольку он действующий, наверняка там нет жилья. Это выгодно и в том отношении, что с высоты вулкана можно будет хорошо просматривать окружающую местность. Но когда идти? Ночью трудно, можно заблудиться, потерять ориентир и наскочить на секрет. Днем? Да, он пойдет завтра днем.

На рассвете он собрался в путь. Всюду, куда только можно было положить, насовал банки с мандариновым компотом. Шел с особенными предосторожностями, винтовка на изготовку. Оставшиеся в магазине четыре патрона он готов был расходовать самым рациональным образом. Последний патрон для себя.

По правому гребню оврага он вышел на небольшое плато. Теперь ему хорошо было видно все к северу и югу, вплоть до того вулкана, макушку которого он заметил с ели. Между плато и вулканом лежала лесистая впадина, а за ней, километрах в трех, начинался большой распадок, врезавшийся непосредственно в северный склон вулкана. Никаких признаков жилья, дорог, троп не было видно на всем этом пространстве. Грибанов решил выйти к вулкану через тот распадок.

Спуски сменялись подъемами, за перевалами следовали овраги, лес и кустарники сменялись каменными осыпями или густыми зарослями курильского бамбука, похожего на камыш. Грибанов не спешил. Прежде чем идти по открытому месту, он долго и внимательно осматривал его, выбирая укрытые участки. К середине дня он подошел к ключу и с изумлением обнаружил, что вода в нем теплая и пахнет сероводородом. Посидев возле воды на камнях и перемотав онучи, двинулся вверх по ключу, уверенный, что исток его находится у подножия вулкана. На пути ему стали встречаться каменные клыбы, под каждой из которых можно было бы сделать отличное убежище. Подумав, он остановился возле одной из них. С одной стороны, с юга, под глыбой была плоская, но довольно глубокая пустота, видимо ее вымыло сильным дождевым потоком. Если нагрести снаружи и изнутри вал из щебня и гальки, то вход будет закупорен и может получиться так, что никому в голову не придет, что под этой глыбой есть пустота.

Грибанов решил не идти дальше, а оборудовать себе жилье именно здесь. До склада не больше двух часов

ходьбы, время от времени его можно навещать. А там, может быть, удастся обнаружить склады и с другими продуктами.

Отдохнув, он сложил консервы в убежище и принялся сгребать гальку к входу. Скоро почти весь вход был завален, оставалась лишь небольшая лазейка. Сверху он накидал крупных камней, чтобы придать естественный вид насыпи. Потом залез туда, заделал вход изнутри и впервые по-настоящему почувствовал себя в безопасности. Он решил пока вдоволь отоспаться.

Читатель, вероятно, уже догадывается, что Грибанов в своем стремлении найти убежище на склонах действующего вулкана оказался в том же распадке, в который это же стремление привело Тиба и его товарищей. Это не случайность. Как Тиба со своей группой, так и Грибанов исходили из простого: возле действующего вулкана никакого жилья не может быть. Вместе с тем он господствует над обширным горным районом, на его склонах ничего не растет, следовательно, если там появятся японские солдаты, их можно увидеть еще на далеком расстоянии и своевременно скрыться.

За пять суток, истекших с момента побега Грибанова, Тиба и его товарищи многое претерпели. Случилось так, что в ночь побега Грибанова Ли Фан-гу находился в поселке, расклеивал листовки, а Тиба и Кэ Сун-ю дежурили на проводе в Генеральском распадке. Они так уже обвыклись здесь, так применились к режиму жизни штаб-квартиры и порядку охраны, что приходили туда почти засветло и действовали смело и наверняка. Тиба с напряжением вслушивался в разговоры: он следил за судьбой пятерых русских и особенно беспокоился за безвестного Чеботина, в котором, как сообщал вечером Кувахара командующему, опознан крупный советский разведчик майор Грибанов. И вот еще один звонок Кувахара; сбежал майор Грибанов! Начинаются поиски, приказано сделать оцепление, чтобы отрезать путь беглецу в горы, на юг.

Тиба немедленно сделал три сильных рывка за шнур — сигнал для Кэ Сун-ю, означающий самую большую опасность. Через минуту юноша уже был рядом со скаткой шнура. Они не стали обходить распадок с севера, а бросились правее, прямо вниз, к дороге. Скоро достигли ее, перескочили и почти кубарем скатились по

крутому спуску и кинулись в реку. Глубина была по грудь. Тиба бросил телефонный аппарат вместе со шнуром. На том берегу остановились, прислушались. По дороге, со стороны базы, пробежал грузовик (который увозил Грибанова). Он еще не скрылся за поворотом, а друзья уже бежали по зарослям кустарника к лесу, на юг.

Трудный был этот переход по неизведанному маршруту. Только на плато, за которым начинается впадина, подступающая с севера к вулкану, они решили отдохнуть. Пот градом катился с них.

— Кажется, ушли, — проговорил Тиба, едва переводя дух.

Отдыхали не больше четверти часа. Отсюда их путь был легче, — вулкан, конус которого ясно вырисовывался на фоне звездного неба, служил им отличным ориентиром. Через час они уже были у секрета.

— Товарищ Ли не возвращался? — был первый вопрос Тиба к часовым.

— Нет.

— Снимайтесь, товарищи, будем уходить.

Через полчаса группа Тиба покинула убежище. Предварительно были заметены все следы в пещерах: все засыпано землей и щебнем, в том числе часть продуктов, два телефонных аппарата, несколько комплектов одежды, которых не могли унести.

Утро застало их неподалеку от кратера вулкана. Здесь было много вулканических «бомб» — круглых каменных глыб по нескольку метров в диаметре. Среди них и расположились повстанцы. С утра туман затянул горы и долины острова. Но в высоту он едва достигал половины конуса вулкана. Живописное это было зрелище! Кругом безбрежное море волнистого сизовато-белого месива, лишь вершины трех южных вулканов да на севере вулкана Туманов возвышались среди текучих барашков призрачного моря. А над головой — режущая глаз небесная синь и ослепительно яркое солнце, только что поднявшееся над туманом.

Все были обеспокоены судьбой Ли Фан-гу, который с вечера ушел расклеивать очередную партию листовок. Тревожила повстанцев и судьба неизвестного Грибанова. Разместившись под вулканическими «бомбами», повстанцы с тоской смотрели на море тумана, скрывшее

остров. Где-то под этим огромным непроглядным покрывалом свершалось то, что вызывало у всех боль в сердце, — ловили, а может быть и поймали Ли Фан-гу и русского майора Грибанова...

К полудню туман разошелся и перед повстанцами открылась необозримая даль острова с хаосом гор, долин, лесов, отрогов, ущелий. К востоку открывался вид Тихого океана, к западу, за ломаной линией хребта, лежала необъятная пепельно-светлая спокойная гладь Охотского моря. Зачарованные зрелищем, повстанцы, однако, не забывали о бдительности. До боли в глазах всматривались они в даль распадка, лежащего к северу от вулкана и покинутого ими ночью. Оттуда могла в любую минуту нагрянуть опасность.

И вот Кэ Сун-ю, самый острый на глаз, взволнованно крикнул:

— Идут! Вот, под первой глыбой...

Все уставились туда и скоро разглядели движущуюся там фигуру человека. Он шел медленно, обходя каменные глыбы, то теряясь между ними, то появляясь снова.

— Ли Фан-гу?

Да, это был Ли Фан-гу, неистребимый и несгибаемый Ли Фан-гу, выкованный и закаленный в горниле народной революции Китая. Видно было, что шел он не торопясь, иногда останавливался, садился.

— Товарищ Кэ, — обратился Тиба к юноше, — быстро отправляйтесь встретить товарища Ли на базе и проведите его сюда.

Кэ Сун-ю бегом кинулся вниз по склону вулкана. Ли Фан-гу лишь на немного, минут на десять, раньше пришел на базу. Он сразу скрылся в убежище и долго не появлялся оттуда. А когда вышел, то туда уже подбегал Кэ Сун-ю. Они постояли минут пять, потом двинулись на вулкан. Долго они взбирались к товарищам. Сверху было видно, что Ли Фан-гу держался за плечо Кэ Сун-ю. Они часто останавливались.

— По-видимому, ранен, — с тревогой проговорил Тиба, напряженно следя за китайцами. — Товарищи Вэнь Тянь и Гао Цзинь, отправляйтесь на помощь.

И вот Ли Фан-гу привели к вершине. Уже издали все заметили, что лицо его бледно, а на брюках и обуви — кровь. Все бросились навстречу и донесли Ли Фан-гу на руках.

— Куда ранены, товарищ Ли? — с беспокойством спрашивал Тиба.

— Кажется, в тазовую кость, вот здесь, — указал он рукой на правый бок, ниже поясницы.

— И вы шли?

— Не оставаться же на растерзание...

— Перевязали рану?

— Заткнул кусками от нательной рубахи, чтобы кровь не выходила.

Его раздели донага. Пуля прошла навылет сквозь мышцы в верхней части правого бедра, по-видимому она задела край тазовой кости против поясницы. Вся нога до самой стопы стала буро-красной от запекшейся крови. В темно-коричневых отверстиях у входа и на выходе пули торчали окровавленные тряпки. Порвали на ленты простыню из запасов, взятых в резервном складе, и Тиба перевязал рану товарища.

— Если до ночи не появятся солдаты, устроим вам ванну в теплом пруду. А сейчас поешьте — и спать. Кстати, как у вас получилось?

— Я только расклеил листовки у казармы и подходил к плацу, — стал рассказывать Ли Фан-гу, — когда там произошла стрельба и началась суматоха. Бежать в этих условиях было опасно. Я стал ждать, что будет дальше. Стою возле темного угла, жду. Мимо пробежал взвод солдат. Я побежал им вслед. Возле кемпейтай собралось много солдат. Я стал за ними. Потом их начали посылать в разные стороны. К одной группе присоединился и я. Вдруг меня спрашивают, из какого я подразделения. Говорю, с восточного берега, пакет в штаб приносил. «Куда же ты без оружия?» — спрашивают. — «У меня пистолет», — говорю. Перебрели речку, рассыпались по лесу. Я стал забегать вперед, сторонкой. «Не выбегай», — кричит командир. А я уже скрылся. «Стой! Стой!» — слышу сзади. Я — в лес. Кричат: «Это, наверное, он самый!» — и опять: «Стой!» Но я уже отбежал далеко. Слышу — стреляют. Бегу, а пули визжат, щелкают по деревьям. Кругом темно, как под землей. Вдруг ударило меня в бок. Думал, на сук наскочил, а потом чувствую — по ноге течет горячее. Но еще могу бежать. Тогда я собрался с силами и ушел. Не останавливался, пока не начались овраги и подъем на гору. Там отдохнул и помаленьку пошел...

Закончив рассказ, Ли Фан-гу принялся за еду. Опорожнив последнюю банку мандаринового компота, он посмотрел на всех, попросил Тиба наклониться к нему.

— Нужно еще раз проверить Фуная, — прошептал он на ухо Тиба. — У меня в левом кармане есть интересная бумага. Прикажите арестовать его.

Лицо Тиба стало суровым и бледным. Он выпрямился, подозвал Кэ Сун-ю, Вэнь Тяня и Фуная.

— Поднимите руки вверх, — приказал он технику. — Вы, товарищи Кэ и Вэнь, возьмите у него оружие. Так. Строго охраняйте его, не разрешайте двигаться и опускать руки.

Тем временем Ли Фан-гу вытащил из кармана два смятых, но разглаженных листка из узкой записной книжки и подал их Тиба. На Фуная не было лица, когда он наблюдал за всей этой процедурой. Губы его посинели, подбородок мелко дрожал. Тиба несколько раз прочитал записку, потом посмотрел на Фуная.

— Ваша работа? — он потряс листками.

Техник молчал, потом отрицательно покачал головой.

— Товарищ Кэ, выньте из его карманов все, что там есть.

Кэ Сун-ю расторопно обшарил карманы Фуная, извлекая из них логарифмическую линейку, циркуль, перочинный нож, карандаш, документы, наконец узенькую записную книжечку с золотым обрезом. Все это он передал Тиба. Инженер раскрыл записную книжку, сличил бумагу — одна и та же. Стал листать. В средине — корешки оторванных двух листов. Почерк тот же. Тиба приложил листки к корешкам: края сошлись в точности.

— И теперь вы скажете, что не ваша работа? — обратился Тиба к Фуная. — Смотрите, товарищи, — и он показал всем листки и книжку, чтобы все удостоверились в точности улики.

Фуная грохнулся на колени перед Тиба.

— Поднимите! — приказал Тиба.

Фуная подняли, но он не мог стоять: ноги подкашивались.

— Слушайте, что здесь написано, — обратился Тиба к товарищам.

И он медленно стал читать: «Нашедшего прошу не оглашать и немедленно передать господину подполковнику Кувахара...»

— Подпись: «Верность», — громко закончил Тиба. — Ваше решение, товарищи? — обратился он к китайцам.

— Казнить предателя! — почти в один голос воскликнули повстанцы.

— Я думаю, это не предатель, а шпик. Правильно я говорю, господин Фуная?

— Не убивайте, — стонал тот, — я все расскажу. Меня приставил к вам господин Кувахара, чтобы я следил за вами и доносил ему. Я многое не сообщал ему из того, что знал о вас, господин инженер-капитан...

— Не верим! — раздались голоса.

— Сколько по твоим доносам казнили наших товарищей? — наседал на провокатора Вэнь Тянь. — Так вот почему ты стрелял в ту ночь в секрете. Думал убить меня и сбежать? Лиса хотела обмануть тигра!

Мнение всех было единодушно: казнить.

— Отведите к самому кратеру и там расстреляйте, — сказал Тиба Вэнь Тяню и Гао Цзиню, на чьей спине не было живого места от побоев. — Да засыпьте песком.

— Прислужник китайских собак, предатель священной родины! — вдруг завизжал Фуная, повернув лицо к Тиба. — Помни, тебе вырвут язык за меня, когда ты попадешься...

Гао Цзинь с размаху ударил провокатора по лицу, и тот захлебнулся кровью из носа. А через полчаса со стороны кратера донесся сухой треск залпа.

— Как же удалось вам, товарищ Ли, найти этот документ? — спрашивал Тиба Ли Фан-гу.

— Моей заслуги в этом нет, — улыбаясь, сказал старый китаец. — Я только что миновал интендантство и стал подходить к дороге, что отходит из бывшего нашего лагеря, как вижу — оттуда идет кто-то. Я пошел медленнее, чтобы пропустить его вперед, — такой способ самый выгодный, когда идешь туда: стараться идти позади, а не впереди прохожего. Стемнело еще не совсем, немного было видно. Я разглядел этого человека — рыбак, с удилищем и корзинкой. Когда присмотрелся еще лучше, то вижу, кажется, знакомый. А потом чуть не закричал от радости — Комадзава узнал! Помните, он передал бумагу об операции «Нэмуро»? Догнал его, он говорит: «Пойдем к реке, я передам тебе важные бумажки, они там спрятаны у меня». Пошли, он и достал из дупла дерева эти листки и дал мне. А я дал ему полови-

ну листовок. Договорились: я буду оставлять несколько листовок в том дупле, а он мне будет оставлять там информацию о гарнизоне.

— Превосходно, товарищ Ли! — воскликнул Тиба. Потом, тяжело вздохнув, добавил: — К сожалению, нам теперь надолго придется прекратить посещения гарнизона... Обстановка усложнилась. Да и вам нужно лечиться.

Они оставались неподалеку от вершины вулкана в течение недели. Спускались лишь по ночам.

Ли Фан-гу лечили ваннами в теплом пруду, и раненый быстро поправлялся.

На шестой день наблюдающие — их всегда было двое — подали сигнал тревоги: в распадке показался человек. Но оба сразу поняли, что это не солдат. На нем была темная одежда, тогда как солдаты ходили в форме защитного цвета. Тиба первым высказал предположение, что это тот самый русский майор, который сбежал в воскресенье. Все стали пристально следить за каждым его шагом. Видели, как он остановился под одной из глыб, что-то там делал, нагибаясь, потом исчез где-то, снова появился и наконец скрылся совсем, будто сквозь землю провалился.

— Он спрятался под камнем, — первым догадался Кэ Сун-ю. — Я знаю, там под одной из глыб имеется пустота.

— Нужно пойти к нему, — сказал Тиба. — Его могут там поймать солдаты.

— Но он может принять нас за японских солдат, — заметил Ли Фан-гу, — и начнет стрелять. Ведь вы говорите, что он сбежал с винтовкой?

— Что бы нам придумать, товарищи? — обратился ко всем Тиба.

— Разрешите мне, — попросился Кэ Сун-ю. — Я изучал русский язык, когда был в восьмой армии, и знаю немного слов. Я спрячусь за соседней глыбой и буду ему кричать по-русски.

Посоветовавшись, решили: пусть Кэ Сун-ю попробует.

Спустившись в распадок, тот скрылся среди каменных глыб в том месте, где прятался русский.

Грибанову сначала снилось, будто за ним кто-то гонится и повторяет какие-то бессмысленные слова: «това-

лиса», «сипасиба», «товалиса, сипасиба, самолета». Потом он сразу проснулся, и ему показалось, будто он сходит с ума — эти же слова продолжали повторяться с какой-то фантастической настойчивостью.

Встряхнув несколько раз головой, он стал внимательно прислушиваться. Нет, он не сходит с ума, слова эти действительно доносятся снаружи. Он немного отгреб щебень, сделал небольшое отверстие, в которое брызнул солнечный свет, и тут ясно различил ласковый юношеский голос, упорно повторявший одни и те же исковерканные слова. Потом голос стал повторять: «Ленин — Мао Цзэ-дун, Ленин — Мао Цзэ-дун» и снова: «товалиса, победа, сипасиба». Говорил, несомненно, китаец, — у японцев другой акцент.

Словно солнечный луч в кромешной темноте, блеснула у него радостная догадка: его зовет один из уцелевших китайцев! Но откуда он взялся? Как он мог выследить его? А не провокация ли? Грибанов пошире раздвинул отверстие и вдруг увидел, что перед ним стоят две банки компота и мешочек с галетами. Сомнений не оставалось: его выследил китаец и подает знаки. Но где он сам?

— Товарищ, где вы? — негромко спросил Грибанов по-китайски.

В ответ радостный возглас:

— Я китайский комсомол, я — Кэ Сун-ю, партизан. Товарищ, не стреляйте в меня! Мы хотим помочь вам.

— Да покажитесь вы, товарищ Кэ Сун-ю! — сказал Грибанов.

— Только на мне одежда японского солдата, вы не стреляйте в меня. У меня оружия нет.

И вот из-за камня показалась сначала голова юноши, а потом и весь он.

— Ползите сюда, — пригласил Грибанов.

Но Кэ Сун-ю не пополз, а встал во весь рост и, радостно улыбаясь, подбежал к укрытию.

— Здравствуйте! Вылезайте скорее. Мы на вулкане, следили за вами. Мы знаем, что вы сбежали. Как хорошо, что вы говорите по-китайски.

Кэ Сун-ю говорил быстро, глотая слова, волнуясь. Ему хотелось сразу все сказать. Грибанов вылез, и они крепко пожали друг другу руки.

— Ну теперь ведите меня к вашим.

Это была поистине самая счастливая минута в жизни каждого: и Грибанова, и Тиба, и китайцев, когда Грибанов и Кэ Сун-ю достигли базы повстанцев.

— Да у вас тут целый партизанский отряд! — загремел веселый голос Грибанова. Его богатырская фигура заметно возвышалась среди повстанцев. — С такими силами можно горы свернуть!

В эту ночь никто из них глаз не сомкнул, слишком много было такого, о чем хотелось поговорить. И они проговорили до утра.

КРАЙНИЕ МЕРЫ

Побег Грибанова привел подполковника Кувахара в жестокое смятение. За долгие годы палаческой практики Кувахара еще никогда не терпел такого поражения, если не считать бунта военнопленных и его последствий. Но именно потому, что эти события последовали одно за другим в течение короткого времени, он готов был впасть в мистику: начал верить в сны и приметы. Наблюдавшие за ним тогда отмечали, что он даже утратил бравый вид самурая. Взгляд его стал бессмысленным, блуждающим.

Может быть, немалую роль в этом сыграло и то, что при первом же объяснении с глазу на глаз с командующим последний заявил в очень грубой форме, что потребует отзыва Кувахара с Тисима-Ретто, если Грибанов не будет пойман в самые ближайшие дни. При этом командующий напомнил Кувахара и о бунте военнопленных, и о неудачной операции потопления советского парохода, и о листовках, все чаще появлявшихся в гарнизоне. Всей кожей почувствовал Кувахара: его карьере угрожает серьезная опасность.

Для поисков Грибанова командующий выделил целый батальон. На робкую просьбу утратившего спесь Кувахара — поднять весь гарнизон для сплошного прочесывания острова от севера до юга — генерал категорически заявил:

— Ни одного солдата больше! При нынешней обстановке, когда русские стягивают свои войска к границам Маньчжоу-го, а пятый Тихоокеанский флот американцев

совершает подозрительные демонстрации к востоку от острова, расточительно посылать даже батальон против одного человека. Только учитывая особую опасность сбежавшего, я могу позволить такую сильную меру, как выделение целого батальона против одного.

Командующий не сказал, но Кувахара внутренним чутьем угадывал, что, сбежав в такой сложный момент, Грибанов связал их по рукам и ногам. Были все основания опасаться, что русские вступят в войну на стороне своих союзников — американцев и англичан. Это значит, что сынам Ямато* трудно будет устоять. И тогда уцелевший Грибанов станет еще более опасным для них.

Подполковник Кувахара сам руководил поисками. Выставив в ту же ночь патрули и секреты по ту сторону долины Туманов поперек всего острова — от восточного до западного берега, он с двумя ротами батальона приступил к сплошному прочесыванию всей северной части острова — от мыса Вакамура до цепи патрулей и секретов к югу от долины Туманов. В течение недели солдаты, двигаясь повзводно сплошными цепями, осматривали каждый кустик, каждый овраг, каждую трещину в скалах. На ночь всюду выставлялись секреты. Во главе одной из рот шел сам подполковник Кувахара. К концу недели цепи продвинулись на пять километров южнее главной линии секретов за долиной Туманов.

Люди невероятно устали и уже не так были внимательны. Может быть этим и объясняется то, что одна из групп, наткнувшаяся на склад консервов, под которым укрывался Грибанов, не обнаружила его там.

В субботу вечером 4 августа адъютант передал Кувахара приказание командующего прибыть на доклад. Генерал был темнее тучи. Выслушав на редкость многословный доклад Кувахара, он долго молчал, разглядывая тот район на карте острова, где производилось столь тщательное прочесывание.

— По-видимому, он успел бежать на юг. — Генерал сделал широкий охватывающий взмах карандашом над огромным массивом острова, лежащим к югу от долины Туманов.

Потом он достал из стола бумагу и молча подал ее Кувахара. Это был ультиматум Союзного командования

---

* Ямато — древнее название Японии.

антигитлеровской коалиции от 26 июля 1945 года с требованием о капитуляции Японии, к которому присоединился и Советский Союз. Кувахара почувствовал, как у него зашевелились волосы на голове.

— Что вы предлагаете теперь? — спросил командующий, глядя в упор на подполковника, когда тот вернул бумагу.

Вопрос был поистине нелегким. В самом деле, до сих пор была обыскана лишь четвертая часть острова, менее пересеченная, лучше освоенная, с дорогами и открытыми местами. К югу лежала огромная территория: там хребты с массой отрогов, ущелья и дремучие заросли лесов и курильского бамбука, вулканы. И вся эта торритория была дика и почти совсем безлюдна, если не считать редких и малочисленных застав по неприступным берегам. Там имелись вообще непроходимые места: высокие хребты с осыпями, ущелья с крутыми обрывами.

Нужно сказать, что подполковник Кувахара не только отличался большой находчивостью, но и не имел привычки бросать слова на ветер. Каждое его предложение всегда было конкретно и обоснованно.

— Господин командующий, я прошу вашего позволения выделить в мое распоряжение солдат еще на некоторое время, — решительно заговорил Кувахара. — Суть моего плана в следующем... — Он наклонился над картой острова. — Как изволите видеть, почти во всех пунктах гораздо легче пересечь остров поперек, чем пройти вдоль. Представьте себе, что было бы, если бы остров пронизать вот так.

При этих словах подполковник Кувахара положил поперек карты острова плашмя свои маленькие сухонькие ладони одна против другой и сдвинул их вместе, сомкнув растопыренные пальцы.

— Надеюсь, вы понимаете меня, — продолжал он. — Речь идет о том, чтобы с восточного и западного берегов одновременно выпустить двести групп свободных охотников, по три человека в каждой группе, чтобы они, как челноки в ткацком станке, пронизали остров поперек — туда и обратно. На всем острове не останется ни одной точки, в которой не побывали бы охотники. При этом потребуется времени гораздо меньше, чем на то, чтобы пройти весь остров с севера на юг. Они должны одновременно выйти из пунктов отправления, пересечь

весь остров и повернуть обратно, чтобы примерно в одно время вернуться к этим пунктам. По этой схеме на каждый километр вдоль острова придется по шесть—девять человек, а учитывая их обратный маршрут, — двенадцать—восемнадцать человек. Но это будет не просто механическое движение, а тщательные поиски. Поэтому в один конец пути каждой группе потребуется пять дней и столько же обратно. Они будут высажены — сто групп с востока и сто групп с запада — в одни сутки десантными баржами. Если этот подлец не ушел в подземелье или в море...

— Но он действительно может уйти в подземелье, — возразил командующий, — например в кратер вулкана!

— И там его найдут, — отпарировал Кувахара. — Я дам указание, чтобы были обследованы все кратеры вулканов. Если он не скрылся в море, — продолжал подполковник Кувахара, — и не запрятался в подземелье, то ему не избежать встречи с охотниками. Между прочим, господин командующий, эти охотники должны быть подобраны из добровольцев всего гарнизона, так как свободный поиск требует особой находчивости, целеустремленности, личной инициативы солдат. Второй батальон, который выделен мне, может быть поставлен на свою позицию, а вместо него прошу разрешения набрать шестьсот добровольцев из всех частей гарнизона. Прошу вашего разрешения, господин командующий, набрать таких людей и начать осуществление этой операции завтра же с утра.

Генерал долго молчал, склонившись над картой.

— Ваше предложение я нахожу разумным, — проговорил он наконец своим брюзжащим голосом. — Руководить операцией будет поручик Гото, — продолжал он. — Вам надлежит с понедельника заняться русскими и американцами, находящимися в нашем распоряжении. Ваша задача — сделать непременно тех и других нашими агентами и незамедлительно отправить с острова. Я не подсказываю вам, как это сделать, вы достаточно опытный человек. Любыми средствами вы должны сделать это. Я надеюсь, вы поняли меня? Что касается русского разведчика, то сам он не нужен, пусть принесут его голову.

— Хай, понятно, господин командующий, — отчеканил подполковник.

Весь день в воскресенье он пробыл в частях гарнизона — отбирал охотников для свободного поиска «сбежавшего опасного русского преступника». Охотников набралось больше, чем требовалось, но командующий не разрешил отбирать больше шестисот человек. Среди них, между прочим, оказался и давно примеченный подполковником Кувахара своим рвением к службе ефрейтор Кураока — шкипер баржи из второй роты, где служил рядовой Комадзава. Вечером, когда охотники были экипированы и собраны на главную базу, чтобы отсюда на десантных баржах отправиться к местам высадки, у дежурного по штабу главной базы раздался телефонный звонок — звонил адъютант генерал-майора Цуцуми, вызывали Кувахара.

— По приказанию господина командующего, — довольно флегматично сказал адъютант, — операция отложена до особого распоряжения.

* * *

В этот день, в воскресенье, Комадзава не смог с утра уйти на рыбалку, — было построение роты, подбирались добровольцы-охотники на поиски Грибанова. Только в десятом часу утра он смог покинуть казарму. Он не шел, а бежал к речке. Две надежды теплились у него в душе: первая — встретить подпоручика Хаттори, с которым он не виделся уже две недели; вторая — найти что-нибудь в дупле старой ветлы.

Велика же была радость Комадзава, когда он еще издали увидел сутулую узкогрудую фигуру переводчика, склонившегося над удочками. Комадзава издали приветствовал своего друга. Хаттори тоже был сердечно рад встрече. Они уселись рядом. Но прежде чем начать разговор, Комадзава заглянул к старой ветле. Дупло оказалось пустым. Вернувшись, он без утайки рассказал своему другу о записке, найденной в бутылке, о встрече с Ли Фан-гу. Рассказ этот привел подпоручика Хаттори в восторг.

— Есть, есть силы, которые обновят нашу нацию, — шептал он в каком-то самозабвении. — Как хорошо, как хорошо, Комадзава-сан, что вы сказали мне все это! Слишком тяжело было у меня на душе в последнее время.

Они недолго обменивались новостями. Почти оба сра-

зу заговорили о том, что нужно как-то предупредить повстанцев о готовящейся охоте на Грибанова, во время которой охотники могут наскочить и на партизанскую базу.

— А не отправиться ли мне прямо сейчас туда? — спросил Комадзава.

— Но у вас же нет ни какого запаса питания, — возразил Хаттори.

— Я возьму с собой ваш улов, — сказал Комадзава, — когда будет очень голодно, разведу костер и испеку рыбу.

План был принят. Хаттори сейчас же стал писать донесение Тиба о положении русских, о побеге Грибанова и предстоящей «охоте» на него. В заключение он просил советов и помощи для организации побега русских. «Иначе им всем здесь грозит неизбежная гибель, — писал он. — Об этом я слышал из уст самого подполковника Кувахара, который, как вы знаете, не бросает слов на ветер».

Брод через реку был недалеко. Последние напутственные слова, и Комадзава скрылся в зарослях, оставив свои удочки на попечение Хаттори. Скоро он был уже на той стороне речки, и его надежно скрыла чащоба леса.

Он шел без отдыха часа два, придерживаясь направления на вулкан. Пересекал распадки, взбирался на крутые откосы склонов. И вот перед ним изрезанное оврагами лесистое плато. За ним, как на ладони, — величественный конус вулкана. У его подножия даже виден распадок, и Комадзава безошибочно определил, что именно об этом ущелье шла речь в записке предателя. Отдохнув с четверть часа и просушив на солнце нижнюю рубаху, ставшую совсем мокрой от пота, Комадзава двинулся в направлении распадка.

Вот и теплый ключ. Он привел путника к распадку. Вот и нагромождение каменных глыб, о котором сообщалось в записке. Комадзава с оглядкой подходил к нагромождению, им владел безотчетный страх. Обогнув крохотный прудик, он обнаружил вход под каменные глыбы. Заглянул туда — пусто, пахнет сыростью. Прислушался — тишина.

— Анонэ, товарищ Ли! — крикнул он в пещеру. В ответ — тишина.

И тут Комадзава охватило горькое отчаяние — по-

встанцы сменили базу. В лучшем случае, он теперь через неделю получит весточку от Ли Фан-гу. Усталый, разбитый, разочарованный, Комадзава снял дзикатаби* и опустил ноги в горячую воду пруда. Солнце подходило к полудню, жарко припекало в душной тишине распадка. Пахло сероводородом. Комадзава тихонько шевелил ногами в воде и думал о том, как будет огорчен Хаттори его неудачей.

Неожиданно послышался шорох за каменными глыбами вверху по распадку и, как привидения, перед Комадзава появились двое в форме японских солдат. «Неужели уже охотники?» — мелькнуло в голове Комадзава. У него была готова версия на случай встречи с ними: пришел полечить ноги от ревматизма. Велика же была его радость, когда в одном из двоих он узнал Ли Фан-гу.

Поздоровавшись, они без задержки отправились на склон вулкана, где продолжала оставаться партизанская база. Комадзава буквально затискали, когда он появился среди повстанцев. Долго тряс ему руку и благодарил его Тиба, а Грибанов-громадина, весь светлый, веселый, так сжал ему руку — конечно же без всякого умысла на радостях, — что Комадзава присел. Но он готов был остаться без руки ради только того, чтобы встретить Грибанова среди друзей.

Совет был коротким и деловым, — для посторонних разговоров у Комадзава не оставалось ни минуты лишнего времени. Чтобы не вызвать подозрений, он должен засветло вернуться в казарму. Тиба, прочитав сообщение Хаттори, во всех подробностях расспросил о деталях подготовки к «охоте», о положении в гарнизоне. Грибанов тем временем писал письма самому командующему и подполковнику Кувахара. Он предупреждал их, что если «хоть один волос упадет с головы моих соотечественников, то вы будете отвечать своей головой». Он напомнил о судьбе военных преступников разгромленной фашистской Германии, высказал свои предположения о том, что может ожидать и их.

В три часа пополудни Комадзава покинул партизанскую базу. В его обмотках были завернуты листовки, письма Грибанова, которые Комадзава должен был за-

---

* Дзикатаби — рабочая обувь японцев: ботинки (тапочки) из текстиля на резиновой подошве.

печатать в конверты и бросить в почтовый ящик, наконец указания Тиба для Хаттори. В семь часов вечера Комадзава был на своем обычном месте, где его с нетерпением ожидал Хаттори.

...В этот же вечер Комадзава выполнил поручения Грибанова и Тиба — письма бросил в почтовый ящик, а когда совсем стемнело, наклеил листовки на стенах складов и казарм.

* * *

Подполковник Кувахара, как приказал командующий, в понедельник с утра занялся пленниками. Задача, как известно, состояла в том, чтобы всех их сделать японскими агентами и затем русских отправить на родину, а американцам устроить побег на десантной барже с расчетом, что они в океане смогут встретить корабли пятого флота, курсирующие к востоку от острова. Американцам предстояло поставить задачу: на случай войны с русскими и тяжелого положения на острове поставить в известность командование пятого флота о готовности японского гарнизона сдать остров и сдаться в плен американцам.

Если же те и другие откажутся от предложения — пытать. Если и эта мера не даст положительных результатов — всех истребить.

Первым полковник Кувахара вызвал к себе географа Стульбицкого. Все это время тот жил один в комнате, отведенной для всех русских в первый день их пребывания на острове. Стульбицкого содержали хорошо: он нормально питался, его часто водили на прогулку в сопровождении жандарма, ему приносили японские журналы с фотографиями прелестных женщин. Почесывая бородку, географ улучал минуту и спрашивал у Хаттори:

— А эта особа — кто? Почему она так сфотографирована? А это что за вид?

Подпоручик Хаттори с недоверием относился к Стульбицкому, видя хорошее отношение к нему со стороны подполковника Кувахара. Он в душе считал Стульбицкого глупцом, готовым на предательство, и поэтому был с ним сух и лаконичен.

Стульбицкий явно был заинтригован многими деталями своеобразного быта японцев. Вначале он упорно допытывался, почему его держат отдельно от всех рус-

ских, но ему объяснили, что это вызвано чисто техническими условиями: все русские из соображений санитарии содержатся в отдельных комнатах. Он пробовал возражать, просил разрешить ему находиться по соседству хотя бы с Андронниковой, но получил решительный отказ и постепенно успокоился. За ним здесь хорошо ухаживал санитар, и рана его к концу недели пребывания у японцев окончательно зажила.

И вот встреча с подполковником Кувахара. Она поразила Стульбицкого уже тем, что подполковник не пользовался переводчиком. Он, оказывается, неплохо сам владел русским языком, хотя во всех случаях не выговаривал звук «л», отсутствующий в японской фонетике, а произносил, как «р».

— Как вы себя чувствуете у нас? — дружелюбно спросил Кувахара, приветливо глядя в оловянные маленькие глаза Стульбицкого. — Как вас кормят, как содержат? Имеете вы жалобы?

— Благодарю вас, все хорошо, — с некоторой чопорностью отвечал географ. — Однако вы хорошо говорите по-русски, — лукаво посмотрел он на подполковника Кувахара. — У меня еще в первый день встречи с вами было такое подозрение, — фамильярно заметил он. — Но скажите, пожалуйста, где же все мои соотечественники? Почему вы лишили меня возможности хотя бы время от времени встречаться с ними?

— Вы должны знать, господин Стульбицкий, — улыбался подполковник Кувахара, — что Япония особая страна, больше нет другой такой страны. Наши обычаи не позволяют, чтобы иностранцы, поскольку они находятся у нас, были бы поставлены в стеснительное положение. Ваши соотечественники находятся на другом конце острова, где им предоставлены такие же условия, как и вам.

— А зачем это так, простите?

— Обычай, господин Стульбицкий.

— Не понимаю...

— У нас много непонятного, — улыбался подполковник. — Япония — загадка для всего мира. Разве кто-нибудь поймет японца, который вспарывает себе живот, чтобы быть счастливым по ту сторону мира? Более благородной нации, чем японская, в мире нельзя найти!

Географ мучительно тер пальцами свой выпуклый лоб и молчал.

— Да, некогда я изучал вашу страну по книгам, — заговорил он наконец, — и должен сказать, что в вашей нации действительно много загадок. Многое мне нравится в японской нации: трудолюбие народа, умение делать все по-своему изящно и замысловато, наконец, особая обаятельность ваших женщин, но... — Стульбицкий поворошил своими пальчиками жесткую бороду, — но, знаете, много у вас деспотизма. Я не ошибаюсь?

— Да, вы не ошибаетесь, — серьезно сказал Кувахара, — иначе бы мы никогда не заставили чернь повиноваться высшим идеалам нашей священной империи, незыблемый принцип которой складывается из трех единых начал: император, государство, народ. В нашем деспотизме — наше милосердие! — многозначительно поднял он палец. — Однако давайте ближе к делу, как говорят русские. Как вы материально обеспечены на родине?

Стульбицкий непонимающе посмотрел на Кувахара.

— Знаете, неважно, — сказал он, глядя в пол. — Война, голодно было... Но теперь будет лучше, оружия не надо столько производить, в сельское хозяйство будет направлено много техники, вернутся солдаты к труду, и дело пойдет лучше...

— Вы производите на меня хорошее впечатление, — мягко сказал подполковник Кувахара. — Я человек богатый и могу взять вас на полное иждивение, как говорят русские.

— Нет, нет, зачем же, я не соглашусь на это! — замахал руками географ.

— Это не бесплатно, — поднял ладонь Кувахара. — За это вы будете давать нам маленькие сведения. Это по-русски называется «наш агент».

— Как вы сказали? — У Стульбицкого полезли на лоб глаза. — Вашим шпионом быть? Помилуйте, батенька, да за кого вы меня принимаете? — Он вскочил с кресла, поднял кулаки и потряс ими почти в исступлении. — Я — русский!

Кувахара выхватил из стола пистолет. Видимо, случай с Грибановым сильно потряс его; он пугался теперь и Стульбицкого.

— Приказываю вам сесть! — взвизгнул Кувахара. — Сесть и не двигаться!

— Вы даже пистолетом угрожаете?! — испугался

ученый. — Тогда я молчу, молчу... — и покорно сел на прежнее место.

— Вы будете нашим агентом, — жестко проговорил Кувахара. — Мы будем вас пытать и заставим!

Стульбицкий весь сжался, словно ему стало холодно. Видно, только теперь он понял всю глубину своей трагедии: Кувахара играл с ним, как кошка с мышкой. Он весь теперь сник, на Кувахара не поднимал глаз, взгляд его блуждал где-то в пространстве. На лбу выступила холодная испарина.

— Что вы хотите от меня? Что я вам сделал плохого? — повернул он к японцу обезумевшее лицо. — За что меня пытать?

— Не «за что», а для чего, — поправил его Кувахара, улыбаясь тому эффекту, который дала угроза пытки. — Для того, чтобы вы благосклонно приняли мое предложение.

Стульбицкий обхватил голову руками, склонился, уперев локти в колени.

— Вы немного опечалены? — спросил Кувахара. — Не следует печалиться, вам ничто не угрожает на родине. Наша агентура в России прекрасно законсперирована, господин Стульбицкий...

— Дайте мне три дня на размышление... Я подумаю.

— Один день, — поднял указательный палец подполковник Кувахара. — Только один день!

— Хорошо, пусть один.

— Потом будем пытать.

— Скажите хоть ваши условия...

— От вас, господин Стульбицкий, требуется: подробно рассказать о китайцах, подписать акт о том, что американская подводная лодка потопила ваш пароход. А по прибытии на родину вы будете давать маленькие сведения нашему агенту. Он сам будет приходить к вам. От нас получите комфорт до отправки на родину, хороший гонорар за каждое сообщение. Завтра утром вы дадите подписку. Наша аудиенция окончена.

В кабинет вошли четыре жандарма с винтовками и веревкой. Стульбицкого связали здесь же, в кабинете. Теперь его отвели не в офицерское собрание, а в жандармерию и поместили в карцер.

Следующим привели к Кувахара Борилку. Он был связан, а охраняли его, как и Стульбицкого после допро-

са, четыре жандарма. Кувахара приказал двум жандармам остаться в кабинете после того, как Борилку развязали и усадили в кресло.

До сих пор, как уже говорилось, трое русских — Борилка, Воронков и Андронникова — размещались в заброшенной комнате офицерского собрания. Сразу же после побега Грибанова была вдвое усилена охрана этой комнаты: жандармы дежурили не только в коридорчике, у двери, но и под окном. Кормили пленников скверно: одним серым рисом, почти наполовину перемешанным с шелухой. Но самое мучительное было в том, что они все время пили подсоленную воду. Все осунулись, стали желтыми за эту неделю.

Но не только одними муками была отмечена для них неделя в плену у японцев. Была и радость, — они узнали о побеге Грибанова. Этим они были обязаны подпоручику Хаттори. Ему Кувахара поручил заниматься русскими, пока сам руководил поисками Грибанова. Однажды переводчик вошел к ним с целью якобы выяснить их нужды. Он объяснил, — так было ему приказано, — что вода соленая везде на острове якобы из-за больших приливов, затопивших колодцы. Но перед уходом он покосился на дверь, за которой стояли жандармы, потом перелистал иллюстрированный журнал, которыми пичкали пленников, и все трое увидели, как откуда-то из рукава скользнула бумажка в захлопнутый журнал. Когда Хаттори ушел, Воронков подмигнул всем, подошел к двери, послушал, потом вернулся к печи, лег на татами спиной к двери и раскрыл журнал, заслонив его своим корпусом со стороны двери. В журнале была записка. В ней сообщалось, что позавчера сбежал «ваш товарищ, господин Чеботин», что соленая вода — это пытка, чтобы заставить их быстрее подписать акт, что «нужно думать о спасении», иначе всем здесь грозит гибель, если даже они и подпишут акт, что он тоже будет думать об их спасении. Записка заканчивалась просьбой: «Эту бумагу незаметно бросить в печь».

С тех пор Хаттори еще два раза бывал у них и в обоих случаях оставлял записки, сообщавшие о том, что «господин Чеботин» до сих пор не пойман и теперь, по-видимому, вообще не будет пойман. Подозрение пленников, что Хаттори — провокатор, развеялось, когда они сопоставили все свои наблюдения за переводчиком. Они

всю неделю обдумывали план побега, рассчитывая на помощь Хаттори.

Подполковник Кувахара повел разговор с Борилкой далеко не в том плане, в каком разговаривал со Стульбицким.

— У вас два пути, — сказал он без обиняков. — Либо пытка и смерть, либо подпись под этими бумагами, — и он протянул Борилке два листа исписанной бумаги.

Борилка неторопливо взял листы и долго читал и переворачивал их. Первый из них содержал обязательство стать японским агентом. На втором был акт о потоплении советского парохода американской подводной лодкой.

— Не подпишу! — решительно сказал он, вернув листы Кувахара. — Это глупость. Никогда того не будет. Пытать будете? Попробуйте. Наш товарищ Чеботин, наверно, уже на родине и все рассказал о нас. А если не добрался, то скоро доберется. Тогда смотрите...

— Вы так полагаете? Глубокое заблуждение, — усмехнулся Кувахара и откинулся на спинку кресла. — Мы сделаем из вас, как говорят русские, котлету. А Грибанов уже казнен как шпион. Вы тоже будете казнены как шпионы, если не подпишите этих бумаг. — Он угрожающе потряс листами у самого носа Борилки.

— Вы не грозите мне! — отмахнулся от листов Борилка. — Я не слабонервный, понятно?

Подполковник Кувахара сказал что-то жандарму, стоявшему за спиной Борилки, и тот, переложив винтовку в левую руку, правой — ребром ладони — с силой ударил боцмана сбоку по шее. Борилка сильно качнулся, ударившись головой о стеклянный абажур лампы, стоящей рядом с ним.

— За что бьешь? За что бьешь, сволочь?! — зверем он встал с кресла. Глаза его налились кровью, шея и лицо побагровели.

Второй жандарм, стоявший напротив, вскинул винтовку и штыком уперся ему в грудь. Борилка схватил штык и с такой силой отшвырнул его в сторону, что чуть было не сбил жандарма с ног, но, получив удар прикладом по затылку, ткнулся вперед, сбил левой рукой чернильный прибор на столе Кувахара. Чернила выплеснулись на стекло, залили бумаги, забрызгали руки и китель подполковника.

— Дра-а-аться хотите, сволочи?! — взревел Борилка и, грозный, страшный, поднялся, засучивая рукава по локоть. — Да я из вас котлеты сделаю!

Кувахара шарахнулся к стене, бледный, трясущийся, выхватил пистолет.

— Стой! Сиди! Стреляю! — вопил он.

В кабинет ворвались еще два жандарма. Со всех сторон Борилку почти в упор окружили штыки.

— То-то, сиди, — процедил боцман и сел в кресло, вытер ладонью пот со лба. — Буду сидеть, если эти твои суслики не будут давать волю рукам. Иначе я им быстро ребра поломаю. Стрелять хотите — стреляйте, а бить себя не позволю! Да только вы побоитесь стрелять, бо отвечать вам придется за меня.

Промокательной бумагой Кувахара долго оттирал с рук и кителя чернила, хрипло ругаясь про себя. Потом вышел из-за стола, держа пистолет наготове, сделал вид, будто направляется к двери за спиной Борилки, но моментально повернулся и с ожесточением ударил его рукояткой пистолета в темя. Боцман обмяк, сник, руки обвисли, голова упала. Подполковник Кувахара стервятником налетел на свою жертву. Он бил Борилку рукояткой пистолета по голове, по плечам, по спине. Кровь залила одежду боцмана.

— Веревки! — прохрипел Кувахара жандармам.

Связанного по рукам и ногам боцмана на носилках оттащили в карцер к Стульбицкому.

Не скоро подполковник Кувахара пришел в себя. Он позвонил ординарцу и приказал принести себе другой костюм. Затем вызвал жандармов и заставил их навести порядок в кабинете — смыть пятна крови и чернил.

Пока он ожидал смены костюма и конца уборки, в кабинет постучался писарь с очередной почтой, — Кувахара получал ее ровно в двенадцать дня. Сверху лежал длинный желтый конверт, в каких обычно солдаты посылают письма на родину. Слова на адресе «местное» и «лично» заинтересовали Кувахара. Он разорвал конверт и... глаза полезли на лоб: письмо было написано по-русски. «Грибанов?!» — полыхнуло огнем в сознании. Он нервно перевернул листок. Да, там была подпись: «майор И. Грибанов».

Подполковник Кувахара долго не мог вчитаться в

текст: буквы плясали, мысли путались. Он сел, немного успокоился и стал читать:

«Не кажется ли вам, господин подполковник, что вы серьезно попали впросак? При всем моем неуважении к вам, я все-таки решил черкнуть это письмо, перед тем как покинуть остров.

Мы с вами уже дважды встречались. Видимо, предстоит и третья встреча. Я хочу со всей серьезностью предупредить вас насчет вашей ответственности за судьбу моих товарищей. Знаете ли вы о том, что такие типы, как вы, были и среди немецких фашистов? Должно быть знаете. Так и еще знайте — их вешали. Поражение Японии не за горами. Подумайте о своей судьбе. Видеть мир хотя бы из-за решетки или болтаться на веревке, я думаю, не одно и то же. У вас еще есть выбор. Подумайте! До встречи. Майор И. Грибанов».

Злоба и какой-то мистический страх — все смешалось в душе Кувахара. И чувство бессилия. Такое чувство, какого он еще не испытывал никогда. Потом пришла апатия. Ему уж и костюм не хотелось менять и разговаривать ни с кем не хотелось.

Он решил никого больше не допрашивать в этот день.

А через час его вызвал к себе командующий. Сославшись на распоряжение императорской ставки, он заявил, что отстраняет подполковника Кувахара от занимаемой должности и назначает его командовать укрепрайоном на Северном плато, на место престарелого полковника Уэда, которого приказано перевести в штаб.

НОВАЯ ТАКТИКА

Генерал-майор Цуцуми Нихо всю свою сознательную жизнь был военным. Мало сказать, что он знал и любил армейскую жизнь и военную службу, — он жил ею одной, был до конца верным солдатом и многое сделал на своем веку, чтобы в армии никогда не угасал тот могучий дух фанатической преданности его величеству императору, который принес вооруженным силам Ниппон столько побед. Этим гордился потомственный самурай Цуцуми, в этом он видел свою славу и весь смысл своей жизни, на это возлагал все надежды будущего процветания Страны Восходящего Солнца.

О, гордиться было чем! Захватив все жизненно важные центры Китая и весь юго-восток Азии, продвинувшись до границ Индии и берегов Бенгальского залива, владея Сингапуром и Индонезийским архипелагом до северных подступов к Австралии, армия Японии стала властительницей Азии, — в этом, по крайней мере, был убежден генерал-майор Цуцуми. Поражение Гитлера и Муссолини нанесло первый удар по этим убеждениям. Но хотя генерал не был большим политиком, он понимал: утратив сильных партнеров в войне, Япония еще не потеряла своего могущества, и если уже не сможет победить своих противников, то во всяком случае завоюет почетный мир, чтобы переварить тот жирный кусок, который она проглотила. Чутье милитариста подсказывало Цуцуми, что в конце концов американцам и англичанам тоже выгоднее иметь в лице императорской Японии партнера, чем врага. Договориться с ними нетрудно, в крайнем случае можно будет уступить им часть захваченной добычи. Но как быть с русскими?

Генерал нервно забарабанил пальцами по столу и тяжело вздохнул. Весь строй его мыслей, все давно сложившиеся понятия и представления как-то зашатались, словно громадное здание при подземных толчках. Именно на землетрясение походило все то, что делалось вокруг: то там, то тут обнаруживались следы разрушительного действия таинственных могучих сил. Поражения в Бирме, на Индонезийском архипелаге, известия о подтягивании крупных механизированных армий русских к границам Маньчжоу-го, наступательная активность народно-освободительных армий Китая, наконец англо-американский ультиматум с требованием капитуляции Японии и явная поддержка его русскими — все это как-бы стихийно следовало одно за другим, грозовыми тучами заволакивая небо над Японией.

И удивительно: в это же самое время происходит бунт военнопленных китайцев, в гарнизоне появляются прокоммунистические листовки, из рук подполковника Кувахара ускользает опасный русский разведчик, а потом это письмо с угрозами. Будто в самом воздухе появились какие-то болезнетворные бациллы. Невидимые, они шаг за шагом разрушают весь тот крепкий организм, каким представлялась всегда японская армия генералу Цуцуми.

Обо всем этом мрачно думал генерал-майор Цуцуми, сидя у себя в кабинете утром 7 августа, после того как получил письмо Грибанова и вторую за последние три дня совершенно секретную шифровку из императорской ставки. В оскорбительно-формальном, поучительном тоне было написано письмо русского.

«Господин генерал, — говорилось в нем, — вы старый солдат и должны знать, что в войне бывают не только победы, но и поражения. Бессмысленно было бы с моей стороны доказывать вам, что японскую армию в конечном счете ждет неминуемый крах. Если вы хоть чуточку разбираетесь в политике, то сами видите все это отлично. В связи с этим я имею кое-что сказать вам со всей категоричностью.

Много преступлений и злодеяний против человечества совершила японская военщина, не мне вам рассказывать о них. Я лишь хочу поставить вас в известность о том, что вам не удалось и уже не удастся скрыть таких злодеяний, как уничтожение военнопленных китайцев и недавнее потопление советского парохода, — злодеяний, к которым причастны не только подполковник Кувахара, капитан второго ранга Такахаси, бывший майор, ныне капитан Кикути, поручик Гото, но и вы лично. Сейчас не без вашего ведома совершается еще одно преступление: подполковник Кувахара под угрозой страшных пыток принуждает четверых советских граждан, спасшихся с потопленного парохода, стать японскими шпионами. Если они не согласятся — их ждет гибель.

Имейте в виду, господин командующий, за это преступление придется отвечать и вам. Пока не поздно — одумайтесь, прекратите эту затею и примите меры к безопасности советских граждан. Этим вы хоть немного искупите свою вину. Ну, а если не одумаетесь, — пеняйте на себя. Майор И. Грибанов».

Бумажку легко выбросить в корзинку, но как отделаться от всего того, что содержится в ней? Откуда все знает этот русский пройдоха?

Опершись локтями на стол и зажав ладонями виски, генерал не спускал застывшего взгляда с этого письма и двух расшифрованных радиограмм, разостланных на столе. В первой шифровке, полученной в воскресенье, под вечер, строжайше приказывалось привести в полную боевую готовность части и подразделения гарнизона ост-

рова, расположить их в укреплениях в соответствии с расписанием, применяемым в боевой обстановке, максимально сократить число обслуживающего персонала, а высвободившихся солдат влить в подразделения, находящиеся на наиболее угрожаемых участках. Эта радиограмма и послужила поводом для приказа командующего об отмене операции по прочесыванию острова силами охотников.

Вторая радиограмма, полученная сегодня одновременно с письмом Грибанова, была столько же категорической, сколько и тревожной: подчеркивалась необходимость быть каждую минуту бдительным и готовым ликвидировать или переслать в генеральный штаб особо важные секретные документы и материалы, а подполковника Кувахара назначить командующим укрепрайона, являющегося самым ответственным участком в обороне острова. Вторым пунктом сообщалось, что американской авиацией сброшена на Японию сверхмощная бомба, являющаяся, по-видимому, принципиально новым оружием и причинившая большие разрушения и жертвы, в связи с чем приказывалось усилить наблюдение за воздухом и непрерывно держать в боевой готовности все силы противовоздушной обороны. Наконец третьим пунктом приказывалось немедленно отправить в Японию все подводные лодки и эсминцы.

Нет, все это явно не согласовывалось с теми представлениями о положении в стране и армии, которые сложились в голове генерала Цуцуми.

И вот прошло еще только двое суток — новая радиограмма, как удар молота: Россия присоединилась к своим союзникам — Америке и Англии — и объявила о состоянии войны с Японией. Первой мыслью, пришедшей в голову Цуцуми, была мысль о Грибанове, о русских и американских пленниках. Первым его шагом было приказание адъютанту срочно вызвать в штаб-квартиру командира взвода жандармерии поручика Гото и переводчика Хаттори.

— Что с русскими, задержанными на Сивучьем? В каком состоянии они? — спросил он поручика Гото, едва тот переступил порог генеральского кабинета.

— Двое русских в хорошем состоянии, господин командующий, третий был подвергнут физическому внушению господином подполковником Кувахара и находится

в болезненном состоянии, четвертый позапрошлой ночью умер от сердечного приступа.

Генерал с отвращением смотрел на поручика Гото (образец кретина!), на его высоко поднятые узкие плечи, на выпуклый живот, подпертый короткими кривыми ножками, на массивную бесстрастную физиономию с низким лбом и узкими щелками глаз. Генерал был самурай по воспитанию. Дух рыцарства он считал неотъемлемым своим качеством. А перед ним стоял типичный заплечных дел мастер, палач, которому ничего не стоило вырвать у живого человека язык, улыбаясь, выколоть человеку глаза или загнать под ноготь иголку. Словом, это был классический жандарм, кровавый и грязный слуга, без помощи которого, к сожалению, нельзя было обойтись в деле достижения целей империи.

Пока он рассматривал поручика Гото, у него блеснула новая идея, от которой могло зависеть спасение его генеральской чести, даже само будущее.

— Сядь, — приказал он жандармскому офицеру. — Послушай, что ты думаешь о сбежавшем русском, где он может скрываться?

— Не могу знать, господин командующий. На острове сложный пересеченный рельеф, густые лесные и кустарниковые заросли...

— А как ты думаешь, каким образом смогла военная почта доставить от него письмо в мой адрес?

На низком гладком лбу Гото выступила жирная испарина.

— Не могу знать, господин командующий! — с хрипом выдохнул он.

— Еще один вопрос: кто, по твоему мнению, может расклеивать бунтарские листовки в гарнизоне?

— Мало солдат, господин командующий, чтобы следить за каждым, а повальные обыски ничего не дают. Так что не могу знать, господин командующий.

«Как он туп!» — с отчаянием подумал генерал. До сих пор он плохо знал Гото, потому что имел дело только с Кувахара. Но все-таки он сказал:

— Послушай, поручик, ты, как мне докладывали, хорошо знаешь свою службу. Нужно во что бы то ни стало изловить сбежавшего русского. В тот день, когда ты сделаешь это, ты получишь чин капитана, кроме того, я представлю тебя к награде и выдам тебе и всем участ-

никам операции крупное денежное вознаграждение. Все это должно быть сделано только силами кемпейтай. Больше я не могу выделить тебе в помощь ни одного человека. Обещаешь? — с фамильярностью, претящей всему существу аристократа, спросил Цуцуми.

— Хай! Постараюсь, господин командующий! — с каким-то ожесточением прохрипел поручик Гото, и все массивное, тяжелое лицо его сделалось красным, лоснящимся. При этом глаза его вдруг расширились, и в них сверкнул какой-то дьявольский огонек, не то лютости, не то звериного веселья.

Этот фанатический блеск глаз вселил в генерала надежду.

— Что касается пленных русских и американцев, — продолжал генерал, — то вы доставите их всех сейчас же в распоряжение моего штаба и сдадите под расписку коменданту штаба.

Отпустив поручика Гото, генерал еще некоторое время оставался один, обдумывая свою идею, прежде чем пригласить Хаттори. Да, да, именно так и нужно поступить: русских и американцев окружить вниманием и заботой до тех пор, пока не будет пойман Грибанов. Если удастся сделать это, тогда останется только выяснить, сумел ли Грибанов передать куда-нибудь сведения, которыми он располагает. Если не сумел — всех немедленно уничтожить, если сведения все-таки выскользнули за пределы острова, тогда придерживаться другой тактики: создать условия комфорта пленникам и ждать развязки войны.

Он пригласил подпоручика Хаттори. С переводчиком генерал обходился почти совсем любезно. Он ценил в нем ученость, университетское образование, интеллигентность и при всем том рабскую покорность.

Генерал вежливо предложил Хаттори кресло.

— Меня интересует состояние русских и американцев, находящихся в жандармерии, — сказал он. — Давно ли вы говорили с ними, подпоручик?

— Русские и американцы в чрезвычайно плохом состоянии, господин командующий. В карцере жандармерии скончался от сердечного приступа русский ученый по фамилии Стульбицкий. Другой русский, по фамилии Борилка, боцман с погибшего парохода, во время допроса у господина подполковника Кувахара был сильно из-

бит, и сейчас он находится в весьма тяжелом состоянии и содержится в одиночном карцере почти без пищи и медицинской помощи. Двое остальных русских — мужчина и женщина — содержатся в помещении офицерского собрания. Им все время дают подсоленную воду. Что касается американцев, то они заключены в одиночные карцеры и содержатся на голодном пайке.

— Сейчас же вместе с командиром кемпейтай поручиком Гото отправляйтесь туда, приведите их в порядок и доставьте ко мне. Вместе с пленными вы будете находиться постоянно при штаб-квартире. Отправляйтесь.

* * *

Пленники действительно находились в тяжелом состоянии, особенно Борилка. В темени, куда Кувахара нанес удар рукояткой пистолета, была проломлена черепная кость, левая скула рассечена почти до самого уха, разбиты губы, нос. Когда окровавленного Борилку принесли в карцер к Стульбицкому, географ пришел в такой ужас, что с ним сделался обморок. Но скоро сознание вернулось к нему, и он стал стучаться в окованную железом дверь, требовать воды и бинтов, вызывать врача. Ему никто даже не ответил. Он снял тогда с себя нижнюю сорочку и стал рвать ее на ленты, которыми намеревался сделать перевязку ран. Но когда он принялся за эту операцию и стал рассматривать рану в темени, то увидел там пролом в черепе, и ему снова стало плохо, начались невыносимые сердечные спазмы. В полуобморочном состоянии он подполз к двери, прильнул носом к щелке внизу и стал жадно вдыхать свежий воздух. Так он пролежал часа два, пока не загремел железный засов и не отворилась дверь — пришел санитар с чайником, йодом и бинтами.

Борилка не приходил в себя, пока санитар смывал кровь намоченным тампоном. Но когда тот грубо стал ковыряться в ранах, боцман мучительно застонал и сделал слабое движение рукой, как бы пытаясь защититься. Санитар попросил жандармов подержать руки раненому, и двое прижали коленями каждый по руке. К разбитому темени прикоснулся тампон, смоченный йодом, и Борилка заскрежетал зубами, корчась от боли. Он окончательно пришел в себя, когда санитар почти закончил бинтовать ему голову.

— Воды... Пить дайте, — пробасил он. Потом увидел чайник, сам схватил его и долго пил пресную воду.

Японцы не удерживали его, но когда он протянул чайник Стульбицкому, тоже просившему пить, один жандарм ногой оттолкнул руку географа и сам взял чайник.

— Еще не время давать воду, — процедил он сквозь зубы, потом улыбнулся, взглянув на санитара. — К тому же эту воду ему вредно пить... Ха-ха!

— С сердцем, с сердцем у меня плохо, — умолял Стульбицкий санитара, прижимая левую руку к груди. — Хоть глоток пресной воды.

Но санитар лишь мельком, безразлично взглянул на него, собирая тампоны, йод, инструменты. Японцы вышли, и дверь со скрежетом закрылась, прогремел засов, и кругом стало тихо.

— О ужас! — стонал Стульбицкий. — Я не выживу, товарищ Борилка! Что за изверги, что за изверги! Неужели человечество никогда не накажет их?

Вечером им принесли вареного серого риса и по чашечке подсоленной воды. Стульбицкий не прикоснулся к еде и лишь с жадностью выпил воду. Скоро его, однако, вырвало, и он упал в обмороке. Через сутки он умер. Напрасно Борилка стучал в дверь и звал санитара, когда сердце Стульбицкого стало останавливаться, — за дверью слышались лишь ровные, спокойные и размеренные, как удары маятника, шаги часового. Стульбицкий умер поздно вечером, а дверь камеры открылась лишь утром, и только тогда был вынесен покойник.

— Помните, злодеи, вам придется расплачиваться своими головами за его жизнь! — кричал Борилка вслед жандармам, уносившим тело Стульбицкого.

Каждую минуту он ждал нового вызова на допрос и расправу к Кувахара. Он, конечно, не знал, что в мире происходят события, несущие освобождение из таких же карцеров сотням и тысячам таких же, как он, узников. Но он словно был услышан там, на родной земле: через сутки с небольшим после смерти Стульбицкого на головы преступной японской военщины обрушились удары возмездия на всем протяжении маньчжурской границы.

В ожидании нового допроса Борилка готовился к последнему сражению: у него было рассчитано все для того, чтобы убить Кувахара и этим отомстить за себя и за товарищей. Сделает он это просто: прикинется лояль-

ным, согласится подписать акт и вообще будет соглашаться со всем, что ему предложит Кувахара. И когда ему развяжут руки, он будет знать, что делать: либо вырвет винтовку у жандарма, либо пистолет у самого Кувахара. Первая пуля будет для врага, вторая — для себя. Это легче, чем медленная мучительная смерть в застенке.

И вот гремит засов, дверь со скрежетом открывается, яркий дневной свет из коридора врывается в камеру. «Так. Это на допрос, — четко работает мысль. — В такое время не приносят ни воду, ни рис». По телу, как электрический ток, пробегает легкая знобящая дрожь, но Борилка усилием воли унимает ее и бодро встает на ноги. Итак, он готов. И хотя ему больно двигать мускулами лица, он отвечает чем-то вроде улыбки на улыбку Хаттори, появившегося в дверях.

— Пожалуйста, собирайтесь, господин Борилка, — приветливо говорит Хаттори.

— Есть собираться. Господин подполковник приглашает?

— Нет, к господину генералу поедете.

«Ого, — подумал Борилка, — если подполковник проломил голову, то уже генерал наверняка печенку отшибет. Но, пожалуй, и с ним можно сыграть трали-вали».

В голове кружилось, но он старался идти как можно бодрее и веселее. Он ожидал, когда его остановят, чтобы связать руки, но жандармы — один впереди, другой позади — провели его по всему коридору и через прихожую — на улицу. Неподалеку от крыльца стояла санитарная машина, позади нее — грузовик с вооруженными солдатами.

— Вот сюда, — указал Хаттори, показывая на заднюю дверцу санитарной машины.

Дверцу открыл жандарм и подтолкнул к ней Борилку. Сунулся туда боцман — и ахнул: в машине сидели все: Андронникова, Воронков, Брич и Кэбот. Оба американца были пострижены и побриты, худы и измождены до неузнаваемости. Не лучше выглядели Андронникова и Воронков, но они держались бодрее.

— Ну, что, расстреливать везут? — прошепелявил боцман побитыми и завязанными губами, залезая в машину.

— Боже мой, что они с вами сделали?! — кинулась

навстречу ему Андронникова, чтобы помочь взобраться в машину. — Вас пытали?

— Ничего, мы еще повоюем, — глухо басил сквозь бинты Борилка. — Ну, живы пока? — он пожал каждому руку. — И даже не биты? Повезло вам. Только, наверно, ненадолго. Э-эх, молодец, Иннокентий Петрович! Как он, не слышно?

— Слышно, слышно, милый Борилка, жив и в безопасности наш Иннокентий, — горячо шепнула ему на ухо Андронникова. При этом глаза ее сверкнули таким веселым, живым и затаенным огоньком, а голос был таким необычным для этой сдержанной девушки, что Борилке не нужно было особых доказательств насчет того, что Андронникова влюблена в отважного разведчика.

В день посещения солдатом Комадзава партизанской базы Грибанов написал письма не только Кувахара и Цуцуми, но и небольшую записку своим друзьям, опасаясь, что в будущем он уже никогда не сможет подать им живую весточку о себе. Записка была передана Воронкову и Андронниковой подпоручиком Хаттори, который довольно часто бывал у них сначала по заданию Кувахара, потом по заданию Гото.

Между прочим, в записке Грибанова было сказано: «Дорогие друзья! Вынужден был бежать, оставив вас. Иначе мне была бы крышка: Кувахара, стервец, узнал меня и стал принуждать перейти в японскую разведку. В случае отказа обещал вырвать мне язык, выколоть глаза, а потом четвертовать. Такая перспектива будет, вероятно, обещана и вам. Но вы держитесь. Я предупредил Кувахара и самого командующего об их ответственности за вашу судьбу. Сейчас изыскиваю средства подать весточку о нас на Родину. Думаю, что изыщу. На переводчика Хаттори можно положиться, — я имею на этот счет неопровержимые доказательства. Товарищи, с которыми я нахожусь и которые помогают мне, ручаются за него. Держитесь стойко!»

Далее были подчеркнуты слова: «Только для Нади». Ниже шел следующий текст: «Милая Наденька! Не знаю, доведется ли нам встретиться вновь. Чтобы Вы знали, — пусть, может быть, и не имеет это для Вас существенного значения, — я любил и люблю Вас. Эти слова слишком мало значат, чтобы выразить все, что делается в моей душе. Это чувство очень помогало мне все время и

помогает сейчас. Крепись, милая! Я сделаю все, чтобы спасти вас всех. И. Грибанов».

О том, сколько пережил подпоручик Хаттори с того момента, когда получил от Комадзава эту записку и пока передал ее адресатам, слишком долго было бы рассказывать. Он носил записку под стелькой сапога — так посоветовал Комадзава. И ему казалось, что подошва левой ноги горит, а нога почему-то отличается от правой, и Хаттори казалось, что все это замечают и с подозрением всматриваются в его левый сапог. Когда представилась возможность навестить русских пленников, он долго метался в поисках уголка, где бы можно было разуться и достать записку, так как считал опасным снимать сапог в комнате заключенных, боялся вызвать подозрение жандармов. А когда записка, наконец, была вручена по адресу, он почувствовал огромное облегчение. Он убедился в своих способностях не только размышлять, а и действовать!

Сейчас он был рад, что поручик Гото сел не в санитарную машину, а кабину грузовика, на котором заняла место вооруженная охрана. Хаттори оказался один среди русских и американцев. Здесь можно было свободно разговаривать.

— Куда нас везут? — спросил его Борилка, как только наглухо закрылась дверь.

— Господин генерал приказал создать вам хорошие условия, вы будете жить при штаб-квартире, — с готовностью ответил Хаттори.

— Как думаете, это правда? — недоверчиво спросил Борилка у Андронниковой и Воронкова.

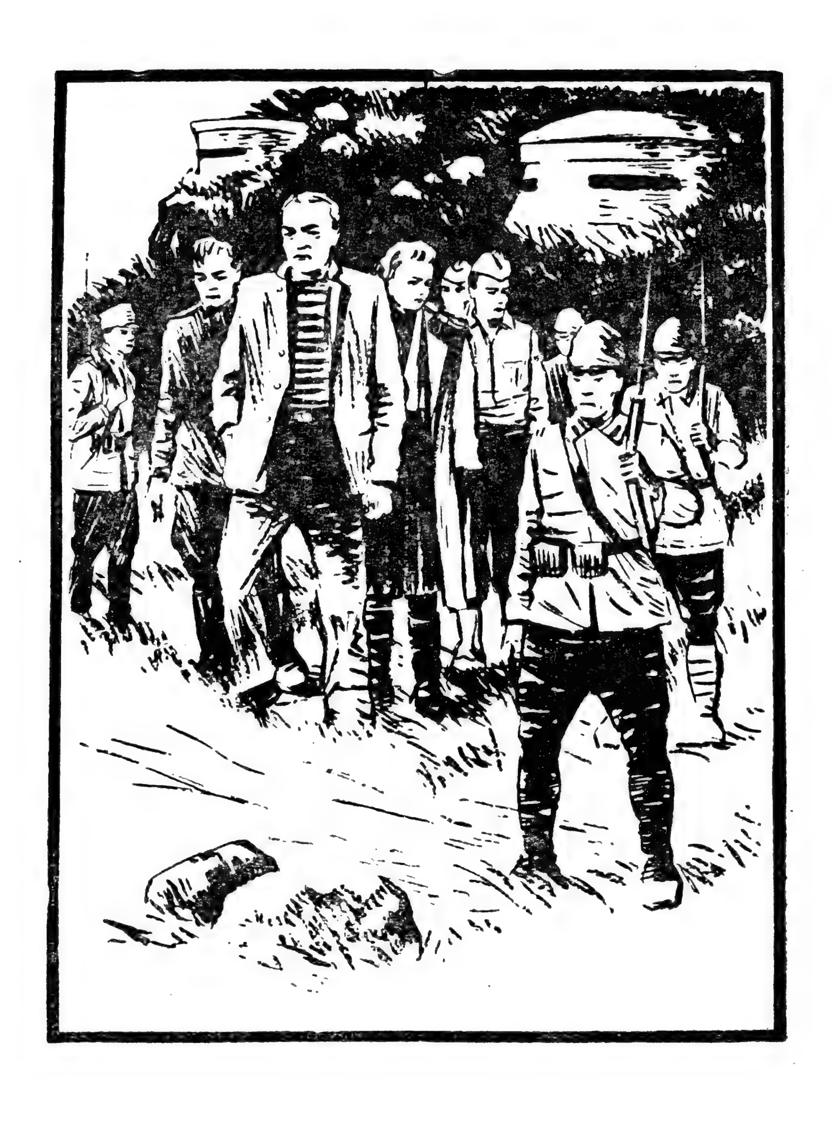
— Правда, правда, — горячо прошептала ему на ухо Андронникова. — Наши в Маньчжурии начали военные действия против Японии...

— Да ну?! Когда?

— Тише, — прошептала возле его уха Андронникова. — У вас кровь на губах, прижмите рукой. Хаттори сказал, что нынешним утром... Здорово, правда?

Боцман молча пожал руки Андронниковой и Воронкова.

Пока они доехали до распадка у южного подножия вулкана Туманов, где в глубине под тенью густого смешанного леса находилась штаб-квартира командующего, Борилка знал уже обо всем, что произошло на острове,

Окруженные двадцатью солдатами, пленные двинулись по бетонированной тропе к распадку.

пока он сидел в одиночном карцере: о письмах Грибанова и антивоенных листовках, о походе Комадзава на партизанскую базу и о неудавшейся попытке совершить облаву на Грибанова, об отстранении Кувахара от должности и о военных приготовлениях в гарнизоне.

— О це добре! — крякнул он, когда открылась дверь и поручик Гото приказал всем выходить.

Окруженные двадцатью солдатами, державшими винтовки наперевес, они бодро двинулись по бетонированной тропе к распадку.

— Посмотрим, что еще тут нам приготовили, — пробасил Борилка, косясь на жандарма, почти упиравшегося штыком ему в правый бок.

ГОТО НАЩУПЫВАЕТ СЛЕД

Уже пять дней шла война на полях Маньчжурии, а в гарнизоне острова Минами стояла беспокойная тишина — настороженная, чреватая опасностями. Так бывает на японских островах, когда из южных морей стремительно движется могучий тайфун и вся природа замирает в оцепенении перед неотвратимостью катастрофического бедствия. У амбразур дотов «лисьих нор», что ведут от главных укреплений к прибрежным обрывам, на наблюдательных постах вулкана Туманов и Северного плато бдительно несли службу сотни людей. Траншеи и подземные казематы, опоясавшие все Северное плато, ни на одну минуту не оставались пустыми: днем и ночью в них дежурили сменные части гарнизона, готовые встретить и отразить первый удар.

Каждый день из Маньчжоу-го поступали сообщения одно другого тревожнее. Как ни старались авторы этих сообщений затушевать факт поражения Квантунской армии, он становился все очевиднее даже для самого несведующего в военном деле человека, а тем более для генерал-майора Цуцуми. Уж если войска день за днем отходят по тридцать—пятьдесят километров, почти не задерживаясь, да еще по всем основным направлениям, то военному специалисту не требуется объяснений того, что происходит. У Цуцуми было подозрение, что японских войск вообще уже нет на главных направлениях. Они либо истреблены, либо взяты в плен.

Это была катастрофа. Цвет, гордость японских вооруженных сил — почти миллионная Квантунская армия, по-видимому, уже не существовала, и смешно было бы думать, что десятитысячный гарнизон острова Минами или даже вся стотысячная армия «архипелага тысячи островов» могут спасти нацию. Национальная катастрофа становилась для генерала Цуцуми реальным фактом.

И не удивительно поэтому, что, думая о своей личной судьбе, генерал возлагал теперь надежды не на Квантунскую армию и его величество императора Хирохито, а на взвод жандармерии и его командира поручика Гото, — нужно было думать о спасении собственной шкуры, а для этого изловить и уничтожить Грибанова. Каждое утро (потому что ищейки Гото действовали главным образом ночью) командующий вызывал к себе жандармского поручика Гото и требовал обстоятельного доклада, стараясь, между прочим, создать ему все условия для проявления полной инициативы и свободы действий. И когда на одном из докладов поручик попросил выделить ему дополнительный взвод солдат и десантную баржу, командующий немедленно выделил эти подкрепления.

Получив свободу действий, с мечтами о капитанском звании, о награде и обещанных деньгах, поручик Гото развил поистине бурную деятельность. При этом он не давал пощады жандармам.

Он начал с того, что на ночь установил секретную слежку за каждой тропинкой, уходящей куда бы то ни было с главной базы. Три секретных поста было установлено у главной дороги, что ведет в долину Туманов, один пост — на берегу моря, возле устья речки, и один — ночной и дневной — возле того места, где обычно удили рыбу Комадзава и Хаттори. Помимо этого, он выслал одно отделение жандармов в район расположения неохраняемых резервных складов — к югу от долины Туманов. Группа из трех человек, вооруженных биноклями, была послана на вулкан Хатараку. Задача обеих групп состояла в том, чтобы скрытно и внимательно изучить местность. Каждой группе была выделена полевая радиостанция.

Эти мероприятия осуществлялись в глубокой тайне, и подпоручик Хаттори, разумеется, ничего не знал о них. А между тем он в это время был сильно обеспокоен: на

партизанской базе не знают об отмене облавы охотников, о начале боевых действий Советской Армии в Маньчжурии и о поражениях Квантунской армии, а стало быть, о возможной высадке в скором времени десанта на Минами. Предчувствие скорой свободы окрыляло Хаттори, пробуждало в нем желание действовать.

Он несколько раз делал попытки встретиться с Комадзава. Тот подсказал бы, как понимать новые события и что теперь необходимо делать. Но Комадзава все время был занят перевозкой боеприпасов с главной базы к Северному плато, и с ним невозможно было встретиться. И Хаттори решил действовать один.

В воскресенье 12 августа он был свободен и отправился на рыбалку. Не застав Комадзава на обычном месте, он решил сам отправиться к вулкану Хатараку. Ведь смог же Комадзава сходить туда и встретиться с партизанами. Почему же он, Хаттори, не может сделать это? Из рассказов Комадзава он знал примерное расположение базы и примерный маршрут до нее.

Немаловажное значение в этом решении Хаттори имело и то, что в нем все больше пробуждалось чувство потребности совершить героическое. Он чувствовал себя способным на подвиг после того, как вошел в контакт с русскими пленниками и выполнил просьбу Грибанова.

На рыбалке он даже не стал разматывать удочки. Проверив дупло и ничего не обнаружив там, Хаттори стал собираться в путь. Он запрятал удочки в зарослях, разделся, перебрел речку там, где переходил ее Комадзава, и углубился в лес. Стояла солнечная ветреная погода, но в лесу было душно, так как ветер пробегал лишь по макушкам деревьев. Хаттори снял китель, но и в рубашке было жарко, он скоро вспотел. Непривычный к длительной ходьбе, он быстро стал уставать и все чаще присаживался отдохнуть. Когда он добрался до плато, представлявшего собой высокоподнятую огромную террасу, изрытую оврагами, и увидел во всем величии вулкан Хатараку километрах в десяти к югу, то оробел. До вулкана было далеко, а Хаттори уже сильно устал. А главное, ему стало боязно: не кончится ли все это плохо? Но в конце концов он преодолел малодушие и продолжал путь к вулкану.

Около полудня Хаттори подошел к теплому пруду, что рядом с нагромождением каменных глыб. Все приме-

ты местности совпадали с тем, что говорил ему о них Комадзава. Однако он не обнаружил главного — людей, даже следов их. Как и Комадзава в свое время, он разулся и опустил ноги в теплую воду, пахнущую сероводородом. Напрасно он прислушивался и всматривался в склоны распадка, в заросли кустарников, вокруг не было никаких признаков присутствия человека.

Прошло уже около полутора часов, как он находился здесь. Он просушил на камнях одежду, вдоволь належался, подставляя солнцу то спину, то живот, дважды выкупался в озерке и собрался уходить, как вдруг услышал голос, донесшийся откуда-то сверху, со стороны нагромождения каменных глыб:

— Здравствуйте, господин переводчик!

— Ха! — воскликнул Хаттори, запрокинув голову кверху. — Кто там?

— Это я, Ли Фан-гу. Помните меня?

— О, господин Ли Фан-гу, конечно помню! Я пришел к вам, чтобы сообщить очень важное.

— Вы одни?

— Да. Господин Комадзава не может прийти. Спускайтесь, пожалуйста, у меня очень мало времени. О, да вы в японской форме! — воскликнул Хаттори, когда Ли Фан-гу, прихрамывая, спустился вниз и подошел к нему.

Они долго жали друг другу руки. Хаттори сильно волновался. Он спешил сообщить обо всем важном как можно скорее. Когда он кончил свой доклад, Ли Фан-гу спросил:

— А скажите, кто назначен на место Кувахара?

— Его функции поделены между самим командующим и поручиком Гото.

— А вы уверены, что поиски сбежавшего русского товарища не ведутся?

— Мне ничего не известно о них. После отмены облавы, кажется, ничего нового не предпринималось.

— Хорошо, господин переводчик, — Ли Фун-гу внимательно, пристально посмотрел ему в глаза. — Спасибо за сообщение. Все вами сказанное мы учтем.

— Какое задание можете дать мне и что требуется от меня на случай десанта на остров? — спросил Хаттори.

— Ваша главная задача — сделать все, чтобы остались в живых русские и американские пленные. И еще

одно: вы сможете писать и разбрасывать листовки в гарнизоне?

— Это очень опасно, но я постараюсь. Скажите, о чем следует писать в листовках?

— Призывайте солдат бороться против войны, а когда начнет высаживаться десант, призывайте сдаваться в плен советским войскам, чтобы избежать лишнего кровопролития, чтобы ускорить конец войны... А теперь отправляйтесь обратно и больше не приходите сюда. Мы сами свяжемся с вами, когда нужно. То же передайте и Комадзава.

Они попрощались. Ли Фан-гу, поднявшись к товарищам, лежащим в засаде на каменных глыбах, долго смотрел из-за камней вслед уходящему Хаттори.

Подпоручик еще никогда не испытывал такого прилива энергии, как сейчас. Сознавая, как рискованно и опасно все то, что ему предстояло делать, он вместе с тем чувствовал, как его все больше захватывает бунтарский азарт. Он острее стал воспринимать все окружающее, зорче смотреть кругом. У него даже походка стала увереннней.

Солнце клонилось уже к закату, когда Хаттори, усталый, голодный, перешел речку. На закате солнца он вытащил свои удочки и, превозмогая ломоту в ногах и во всем теле, двинулся на главную базу, в офицерскую столовую. С жадностью проглотив свой обед, он вышел на плац, чтобы поискать попутную машину в сторону Генеральского распадка. Но машины не оказалось, и он двинулся пешком.

В сумерках он присел отдохнуть на камне возле интендантских складов, как вдруг возле остановилась санитарная машина, ослепив его ярким светом фар. Решив, что шофер остановил машину, чтобы забрать по пути его, Хаттори, обрадованный, вскочил на ноги, но тут же почувствовал неладное: прямо к нему от машины шли два вооруженных жандарма, а впереди них сам поручик Гото с пистолетом в руке.

В груди Хаттори сразу стало холодно, будто вместо сердца там был кусок льда. Винтовки в руках жандармов были направлены штыками на него. Его заставили поднять руки и тут же обыскали, забрав все документы и бумаги.

— Не вздумай убегать, подпоручик, будешь убит на

месте, — со злорадством прохрипел поручик Гото. — Ты арестован. Шагай к машине, да поживее. Ничего, что прошел много, я не посылал тебя туда.

Ноги подпоручика Хаттори заплетались и едва держали его тело, кисти рук, поднятых над головой, свисали.

— Я буду жаловаться господину командующему, — лепетал он дрожащими губами, — вы не имеете права так обращаться с офицером...

— Ха, господин командующий сам приказал арестовать тебя и посадить в карцер!

Его посадили в глубину машины, к кабине шофера, а у дверцы уселись два жандарма, сбоку — сам Гото, не выпускавший из руки пистолета.

Скоро он был доставлен в штаб-квартиру командующего и заключен в тесную каморку одиночного карцера.

До сих пор Хаттори не знал о существовании этого карцера, видимо приспособленного для пыток и истязаний: пол был цементирован и прикрыт лишь тонкой циновкой, вдоль стены стояла широкая дубовая скамья, в углу виднелась цепь с ручными и ножными кандалами. Одним концом цепь была прикована к стене. Жандармы быстро и ловко надели на руки и на ноги Хаттори кандалы, и дверь захлопнулась. Стало темно, как в подземелье.

Несмотря на страшную усталость во всем теле, Хаттори не смог не только уснуть, но даже хоть на минуту забыться. Нервы были напряжены до крайности; от ужаса предстоящих пыток шевелились волосы на голове. Чего только не передумал подпоручик Хаттори в те часы, пока ожидал допроса! Иногда он уже полностью решался на то, чтобы во всем чистосердечно признаться и раскаяться, только чтобы его не пытали. Но потом думал о Комадзава, которого, если он выдаст, замучают в страшных пытках, о партизанах, которых из-за него изловят и тоже уничтожат вместе с русскими и американцами. Это было невыносимо. Думал он и о том, чтобы найти средство покончить жизнь самоубийством. Но как это сделать, когда у него даже руки закованы? Он когда-то слышал, что если перетянуть туго палец и прекратить туда доступ крови, то в пальце образуется трупный яд, и если затем снять нитку или веревку, то произойдет заражение крови и человек умрет. На этом способе и остано-

вил свой выбор Хаттори, оставив его на тот случай, когда положение окажется безвыходным.

Хаттори не помнил даже примерно, сколько прошло времени, пока за ним пришли, — ему казалось, что он просидел вечность. Кандалы с него сняли, руки связали назад, ноги подвязали. В кабинете генерал-майора Цуцуми, куда его привели жандармы, кроме командующего, находился поручик Гото. Хаттори приказали сесть на стул за столик напротив Гото, развязали ему руки. Этого столика раньше не было в кабинете командующего.

— Я опечален, подпоручик, что мне приходится объясняться с вами при таких обстоятельствах, — заговорил генерал-майор Цуцуми. — Я обращаюсь к вашим патриотическим чувствам японского офицера и к благоразумию: расскажите честно обо всем, что у вас произошло сегодня и что за миссия, с которой вы ходили к вулкану Хатараку.

— Я ходил туда лечить ноги, господин командующий, — слабым голосом отвечал Хаттори. — Я слышал, что там есть хороший сернистый источник, и решил воспользоваться им.

— Но такие источники имеются совсем рядом, неподалеку от этого места, у подножия вулкана Туманов Разве вы не знали о них?

— Знал, но мне говорили, что источники вулкана Хатараку обладают более сильными целебными свойствами.

— Назовите человека, который вам говорил об этом.

— Я уже не помню, господин командующий, от кого слышал, это было давно...

— Поручик Гото, продолжайте допрос.

Поручик Гото цепко схватил левую руку Хаттори и так дернул его к себе, что тот охнул и грудью навалился на столик, разделявший их. Таким же бесцеремонным и быстрым движением Гото поставил кисть Хаттори на ребро, вложил между безымянным и средним пальцами карандаш и сжал все пальцы.

— О, а-ах! — вырвалось из груди Хаттори. Потом длинный почти животный крик: — О-о-а-а-у...

— Отвечай правду господину командующему, — прохрипел надсадно Гото.

— Не мучайте! Может быть, я вспомню... — простонал Хаттори.

— Хорошо, отпустите, — кивнул генерал. — Теперь прошу ответить на второй вопрос: кто был человек, с которым вы встретились там?

— Это был незнакомый мне японский солдат. Он вышел ко мне и спрашивал, что я здесь делаю. Я подумал, что это был патруль.

— Он был вооружен?

— Нет, винтовки у него не было.

— О чем вы говорили с ним?

— О погоде, о войне.

— Он называл вам свое имя?

— Называл, но я забыл его.

— Ну, хорошо, прошу вас, подпоручик, до завтрашнего утра вспомнить имя того, кто вам говорил о целебных источниках вулкана Хатараку, а также имя солдата, с которым вы разговаривали, и подробное содержание этого разговора.

Генерал-майор Цуцуми приказал Гото остаться в кабинете, а Хаттори отвести снова в карцер.

— В течение ночи, в крайнем случае первой половины завтрашнего дня, — сказал он жандармскому поручику, — свяжитесь по рации с вашим постом на вулкане Хатараку. Не исключена возможность, что это был действительно один из трех ваших солдат, поскольку ваш агент не сумел точно разглядеть его.

— Господин командующий, мои солдаты проинструктированы так, что они должны сообщать о каждом человеке, которого встретят в лесу. Для меня непонятно, почему они молчат со вчерашнего полдня, когда передали последнее сообщение с вершины вулкана о том, что пока ничего не обнаружено. Может быть, что-нибудь случилось с радиостанцией?

— Завтра утром, поручик, отправьте туда группу солдат с унтер-офицером во главе и точно выясните, что знают на посту о появлении там подпоручика Хаттори.

Однако прежде чем успел поручик Гото отправить на вулкан Хатараку отделение жандармов, произошли события, которые внесли существенные поправки в намерения командующего и жандармского поручика.

Рано утром радист принес поручику Гото только что принятую радиограмму с поста на вулкане Хатараку. В ней сообщалось, что пост обнаружил сбежавшего русского к юго-западу от вулкана Хатараку и теперь пре-

следует его. Беглец пробирается в сторону охотского побережья, в направлении бухты Трех Скал. По мнению поста, он будет там к вечеру, и было бы неплохо к этому времени выслать в бухту десантную баржу с подкреплением. Пост сделает все, чтобы не упустить русского из виду, и будет через каждый час сообщать о своем местонахождении.

Прочитав радиограмму, поручик Гото едва не подпрыгнул в кресле.

— О, ха! — воскликнул он. — Молодцы!

Он не чуял под собой ног, направляясь по тропе распадка на очередной утренний доклад к командующему. Массивная тяжелая его физиономия была красной от радости и расплывалась в широкой улыбке, когда он протягивал генерал-майору Цуцуми радиограмму.

— Вы уверены, поручик, что эта радиограмма передана именно вашим постом? — спросил командующий, держа перед собой бумажку. — Не провокация ли это?

— Уверен, господин командующий, — одним дыханием выпалил Гото. — Первое и последнее слова — пароль.

— Вот как! Значит, мне правильно говорили о вас, как о хорошем офицере. Завтра, надеюсь, я буду иметь счастье представить вас к награде и капитанскому званию.

От этих слов лицо Гото еще больше покраснело и расплылось в улыбке.

— Что же вы предлагаете сейчас?

— Я прошу разрешения взять одну десантную баржу и дополнительно к моему неполному взводу, так как люди находятся на постах, выделить взвод солдат, чтобы этими силами я мог окружить со всех сторон ту территорию, на которой находится русский. Кроме того, я захвачу с собой полевую радиостанцию, чтобы непрерывно поддерживать связь с постом и на протяжении всей операции точно знать о местонахождении моего поста и скрывающегося русского. Всей операцией до конца я буду руководить лично.

— Превосходно, поручик. Отправляйтесь и начинайте действовать. Пока вы доедете до базы, вас уже будет ожидать взвод солдат и лучшая десантная баржа.

«Кажется, я не ошибся, — с удовлетворением подумал генерал, выпроводив жандармского поручика, и об-

легченно вздохнул. — О Аматэрасу-Оомиками, помоги!»

Солнце едва поравнялось с лысой макушкой вулкана Туманов, когда лучшая десантная баржа, которой командовал ефрейтор Кураока, нагруженная отрядом в пятьдесят вооруженных солдат, вышла из бухты Мисима и взяла курс к югу. Она все время шла возле самого берега, чтобы из-за обрывов нельзя было видеть ее с острова. Поручик Гото сидел возле рации. За нынешнее утро пост уже дважды передавал радиограммы. Первая — та, которую Гото получил, как только появился в жандармерии, вторая была принята перед посадкой солдат на баржу. В ней сообщалось, что пост продолжает преследовать русского, который пробирается в прежнем направлении — в сторону бухты Трех Скал.

Где-то на полпути до бухты, в которой поручик Гото намеревался укрыть баржу, была получена радиограмма. В ней говорилось, что местонахождение поста — примерно в семи километрах к северо-востоку от бухты Трех Скал, неподалеку от западного подножия самой высокой в этом районе осыпи.

Поручику Гото не терпелось поскорее приступить к живому делу. Прохаживаясь между рядами спящих вповалку солдат, он нервно теребил эфес сабли. Ему казалось, что баржа слишком медленно движется.

Но вот около десяти часов утра показался и утес бухты Трех Скал. Бухта эта отличалась тем, что была на редкость удобной для стоянки судов, но так мала, что в ней едва смогли бы вместиться пять—шесть барж. К тому же берега ее были скалисты и почти неприступны, кроме двух участков, где к морю выходили небольшие распадки, образуя удобный пляж. К нему и пристала баржа.

Как только суденышко ткнулось носом в галечник и была откинута на берег щитообразная сходня, Гото приказал унтер-офицерам выводить солдат на берег. Он намеревался пройти пять—шесть километров маршем, а затем развернуть отделения и начать окружение района, в котором находился русский беглец. На барже он оставил шкипера, моториста и одного матроса. На кормовой надстройке по приказанию Гото был установлен ручной пулемет.

Нелегко было пробираться поручику Гото со своим отрядом сквозь дремучие заросли курильского бамбука,

сменяющиеся то мелким непролазным разнолесьем, то крутыми распадками с осыпями и завалами камней по дну. Около часа шел отряд, а до осыпи, названной в радиограмме, оставалась еще половина пути.

Но вот радист снова принял радиограмму. На этот раз пост сообщал, что он слышал тарахтение дизеля баржи и что русский, вероятно, тоже услышал его: он покинул свое убежище и уходит к востоку, в глубь острова, огибая с юга названную раньше осыпь.

Около полудня отряд обогнул осыпь, пересек небольшую долину, поросшую почти непроходимыми зарослями бамбука, шеломайника и кислицы, снова взобрался на невысокую горную гряду, а до русского все так же было далеко: он уходил теперь на северо-восток, в сторону вулкана Хатараку. Под вечер беглец опять сменил курс и пошел на юго-восток — все дальше в глубь острова.

Сумерки застали отряд поручика Гото километрах в двадцати к востоку от берега и километрах в пятнадцати к югу от вулкана Хатараку, среди невообразимых дебрей. Поручик Гото не разрешал разводить костров, и смертельно усталые солдаты, как и он сам, после короткого ужина, состоявшего из консервов и сухих галет, повалились прямо в траву и моментально уснули. Бодрствовал лишь часовой, да поручик Гото то и дело просыпался. Он был охвачен нетерпением и все спрашивал у радиста, не было ли новых радиограмм. До утра ни одной радиограммы не поступило. Поручик Гото решительно не знал, что ему делать, в какую сторону направить дальнейшие поиски. До полудня отряд вертелся на одном месте, и Гото в бешенстве наседал на радиста, обвиняя его в том, что он невнимательно слушает. А когда он обнаружил, что солдат-радист, не смыкавший глаз вторые сутки, в полдень уснул, положив голову на аппарат, то с ожесточением стал избивать его кулаками.

Но все было напрасно, связь потерялась окончательно. Только во второй половине дня у поручика Гото возникла страшная догадка: не стал ли он жертвой провокации? Он приказал немедленно построить отряд и, сколько возможно быстро, двигаться обратно к бухте Трех Скал.

Глубокой ночью солдаты во главе со своим незадачливым командиром, все в изодранной одежде и в ссади-

нах, достигли бухты. Худшие опасения поручика Гото сбылись: баржи не было. На запрос, сделанный по рации на базу — не приходила ли туда баржа, — последовал отрицательный ответ.

ДЕСАНТ ВЫХОДИТ В МОРЕ

Накануне старший лейтенант Суздальцев проводил десантные учения со своей ротой: решалась задача захвата с моря плацдарма на берегу силами морской пехоты во взаимодействии с корабельной артиллерией. «Бой» продолжался с полуночи до полудня. Мокрые, смертельно усталые, но, как всегда, шумные и остроязыкие, десантники поздно вечером вернулись в казарму. На вечерней поверке они уже клевали носами и, как только добрались до коек, вмиг заснули. А их молодой командир еще долго не мог уснуть в эту ночь.

Не столько беспокоили ошибки в действиях роты, — а их было немало, — сколько поведение некоторых десантников из числа «необстрелянных», недавно переданных Суздальцеву из других подразделений. «Водобоязнь» — трудная болезнь молодых десантников, а в бою — это гибель. Этой болезнью страдало, по грубым подсчетам, около тридцати человек. Прыгнет в воду такой «моряк», а там глубина — с головой, вынырнет с ошалелыми глазами и кричит: «Тону!» Его уже тащат к берегу, а он бросает оружие и стремится к кораблю. Именно такой эпизод произошел сегодня с рядовым Никитой Ступиковым.

Только после того, как Суздальцев выписал себе фамилии всех страдающих «водобоязнью» и составил план дополнительной их тренировки, он мог, наконец, уснуть.

И вот будят: война! Война с Японией! И первая мысль, которая пришла в голову одевавшегося Суздальцева, — непременно найти и наказать тех, кто варварски уничтожил «Путятина» и его пассажиров.

В казарме — гул. «Старички», — те, кто вместе со своим командиром прибыл с Запада, — в центре внимания роты. Это не митинг, нет, просто громкий разговор о том, как действовали десантники в Финляндии и Норвегии. Если вчера эпизоды из рассказов об этих действиях Никита Ступиков и Иван Твердохлебов пропускали

мимо ушей, то теперь они ловят с открытым ртом каждое слово, а глазами едят рассказчика комсорга Федю Валькова.

— Ну, а дальше-то, дальше-то как было?

К Суздальцеву десятки вопросов. Что он может ответить? Пока нет приказа, будем заниматься боевой учебой. Лица бойцов потускнели.

— Этак мы и харчи не отработаем? Четыре года казенный хлеб едим!

Кто это? Суздальцев смотрит через головы и видит смеющееся лицо рядового Анисимова, вихрастого богатыря, очень ладного и красивого моряка, одного из самых исполнительных и дисциплинированных бойцов. Хотел ругнуть его Суздальцев, но уж больно чистосердечно прозвучал его голос.

— Потерпите, товарищ Анисимов, немного осталось есть даровой хлеб.

Приказал построить роту. Долго разбирал ошибки вчерашних учений, потом взялся за «водобоязливых». Перечислил их фамилии и приказал им готовиться к занятиям.

— Я сам буду тренировать вас, — объявил он, по привычке хмуря черные брови.

И Суздальцев тренировал их по два, по три часа каждый день. В конце концов они перестали бояться воды, а Ступиков даже первым добирался до берега. Выявились двое, которые почти не умели плавать. Один — молодой, с румяным лицом девушки и красивыми глазами, Анатолий Козорезов, другой — Архип Гришко. Козорезов старался изо всех сил, но у него почему-то тонула голова и всплывал зад, а Гришко, похоже, симулировал. На воде он держится уверенно, а стоит нагрузить на него автомат и два диска с патронами, как он сразу же делает вид, что захлебывается. И вообще не нравился Суздальцеву рядовой Гришко. Узнал старший лейтенант этого крупного, похожего на битюга солдата недавно, а уже успел заметить, что тот ленив, лукав и жаден: табаку на закрутку никому не даст. Говорят, прежде он служил в хозяйственном взводе при какой-то армейской части и к боевым условиям не привык. Чувствовал Суздальцев, что трудно с ним будет в бою.

В ротной канцелярии старший лейтенант получил от писаря телефонограмму: по возвращении с занятий не-

медленно явиться в штаб. Тайная надежда на то, что речь идет о настоящем деле, оправдалась: поступил приказ готовить десант на Курилы.

Суздальцев поздно вернулся в роту. Хитрые улыбки десантников говорили о том, что солдаты догадываются о приказе. Морские пехотинцы сидели уже с вещевыми мешками.

Посадка на корабли началась на следующий день поздно вечером. Роте Суздальцева было отведено небольшое десантное судно первого эшелона. Пока старший лейтенант ходил к командиру судна представляться и согласовывать порядок посадки, в роту прибыл командующий десантными войсками. Сбегая по сходне на причал, Суздальцев узнал его по голосу. Командующий говорил кому-то:

— Нет, нет, вам непременно нужно к врачу. Я знаю, что такое невыносимая зубная боль.

— Боюсь, товарищ генерал, — Суздальцев узнал голос Твердохлебова. — Врач может оставить на берегу, а мне это никак нельзя... У меня к японским самураям свой счет: они убили моего отца в гражданскую войну!

В темноте — было полное затемнение — белеет повязка на лице Ивана Твердохлебова, у него сильный флюс после вчерашних учений. Суздальцев уже предлагал Твердохлебову идти к врачу, но тот отказался. Сейчас солдат убеждал генерала:

— Товарищ командующий, когда начнется десант — жарко будет, а зубы тепло любят... — В голосе улыбка.

— Жарко, говорите? Будет и холодно. Захватить плацдарм — это еще не значит одержать победу. Плацдарм нужно удержать, а для этого придется посидеть в траншеях. Какие у кого жалобы, товарищи!

Подошел, представившись, Суздальцев.

— Вот твоих орлов прощупываю, — весело встретил его генерал. — Больного нужно оставить, — он указал на Твердохлебова. — Пусть посидит в тепле, во втором эшелоне.

— Есть оставить, товарищ командующий!

Только теперь понял Твердохлебов, что дело принимает серьезный оборот, — сначала он принял вопрос генерала за шутку.

— Товарищ генерал, товарищ старший лейтенант, — взмолился солдат, поворачивая жалобное лицо то к од-

ному, то к другому, — да как же это? — Он быстро сорвал со щеки повязку. — Это ребята меня сбили с толку: надень да надень, а я, дурак, и послушался. А ведь на самом-то деле это совершенный пустяк!

Генерал щелкнул фонариком, и в лицо Твердохлебова брызнул луч света. На щеке флюс почти с кулак.

— Пустяки, говорите? Продует — и воспаление надкостницы.

Солдат заволновался еще больше.

— Да товарищ командующий, да как же это? Столько ждали. — В голосе мольба. — Ну разрешите, пожалуйста, я хоть экипажу буду помогать, только бы от роты не отрываться...

— Пойдете на транспорте с резервом, — голос генерала неумолим. — Адъютант, запишите этого солдата на транспорт до излечения.

Иван Твердохлебов сник.

— Какие еще вопросы, товарищи? — повторил свой вопрос генерал.

— Вот тут вопрос, товарищ генерал... — и голос сорвался, умолк.

Из задних рядов его поощрил другой голос:

— Говори, Гришко, говори...

Тот, кого назвали «Гришко», кашлянул и уже смелее повторил:

— Вот тут вопрос, товарищ генерал: многие солдаты пооставляли кое-какое личное имущество в казарме... Ну, а к примеру, ежели кто из нас того... ну, это самое... Что с тем имуществом будет?

— А вы адреса своих близких при этом имуществе оставили?

— Так точно, оставили, товарищ генерал.

— Тогда можете не беспокоиться. — Голос генерала хмурый.

— А мы беспокоимся, товарищ генерал, — продолжал осмелевший Гришко. — У нас так бывает в хозвзводах: лучшее себе, а дерьмецо по адресу.

— За это будем расстреливать, — еще более хмуро пообещал командующий. Выдержал паузу — жалоб и вопросов больше не было — и, повернувшись к Суздальцеву, приказал: — Начинайте посадку. Желаю успеха, надеюсь на вас! До встречи на острове! — Козырнул и быстро исчез в темноте.

Посадка была скорой и четкой. Загудели дизельные машины десантного судна, прогремела команда «отдать швартовы!», и в этот миг у кормы мелькнула фигура, перемахнувшая через борт на палубу. За ней еще одна и еще. Дзинь-дзинь — судно пошло на рейд. А на корме шепот:

— Тут должна быть дверь...

— Нужно спросить у матроса.

— А не выдаст?

— Да откуда он знает? — И громко: — Слушай, браток, как тут к своим пробраться? Чуть не отстали...

— Смотрите правее трапа. Вот там.

Открылась дверь в светлый коридор, забитый десантниками. Первым юркнул в нее Иван Твердохлебов. Он, конечно, без повязки. За ним солдат и младший сержант. В коридоре уже располагаются десантники с боевой амуницией. Раздались возгласы:

— Твердохлебов!

— Как же ты?!

— Тсс!.. Не выдайте, братки!

— Вот чертяка!

— Тут еще со мной двое, такие же богом обиженные, как и я. Спрячьте нас.

— Давайте вот сюда, вдоль стенки, под амуницию...

В конце коридора голос Суздальцева:

— Размещайтесь, товарищи, поудобнее, чтобы как следует отоспаться. Больше суток будем на судне.

Пока командир роты подошел сюда, Твердохлебов уже «скрылся». Как ни в чем не бывало, десантники дружно крутили козьи ножки. Разве разглядишь в полумраке плутовство в глазах!

— А это что за солдаты? — спросил Суздальцев, указывая на армейцев.

Солдаты вскочили, и один из них, откозыряв, доложил:

— Отставшие, товарищ старший лейтенант. Наша часть уже совершила посадку, а мы в казарме задержались.

— Куда же вы теперь? Почему взошли на это судно? Где ваше оружие?

— Наша рота тоже в первом эшелоне, товарищ старший лейтенант, там оружие, на судне. Будем выбрасываться с вами, а там как прикажете.

— Плавать умеете?

— На Волге выросли, товарищ старший лейтенант!

Проверив у солдат документы, Суздальцев засомневался:

— Что-то не верится, что отстали. Уж не больны ли, как наш Твердохлебов?

Некоторые из десантников прыснули в кулаки. Суздальцев заметил это.

— Чего смеетесь?

— Да вспомнили, как генерал нашего Ивана разоблачал...

Старший лейтенант повернулся к армейцам:

— Я запрошу ваше судно. Какой его номер?

Солдаты поняли, что надо говорить правду.

— Мы уж признаемся, товарищ старший лейтенант, мы того... Отчислили нас...

— Как отчислили?

— Ну, вроде по болезни... В оркестр нас списали.

— Вот вы какие птицы!

Десантники дружно захохотали, а Суздальцев сказал раздумчиво:

— Ну что же мне с вами делать, с безоружными? Ладно, запрошу командование. Если разрешат, вооружу вас гранатами, а остальное добудете на берегу. Но смотрите у меня!

— Благодарим, товарищ старший лейтенант! — гаркнули армейцы. — Будьте уверены, не подведем!

Тревожен сон командира перед боем. Суздальцев долго сидел над картой острова Минами, на который предстояло высадиться, и уснул последним. А когда проснулся, было уже светло. Судно стояло на месте. Суздальцева кто-то теребил за рукав. Открыв глаза, командир роты сразу же вскочил на ноги.

— В чем дело?

Перед ним радист.

— Радиограмма от флагмана.

Суздальцев схватил бумажку. «Вам приказано прибыть на флагманское судно к командующему в двенадцать ноль-ноль». Посмотрел на часы.

— За вами идет мотобот, — пояснил радист.

На море туман — густой, белесоватый, спокойный. Палуба отсырела, стала скользкой. Но тепло. За бортом — глянцевитая гладь воды. В тумане, невидимый,

тарахтит мотобот. Приближается сюда. Вот он высунулся из тумана и прилип боком к судну.

Суздальцев спрыгнул прямо на среднее сиденье мотобота.

— Пошли!

Долго полз мотобот в тумане, обходя то одно, то другое судно. Наконец в беловатом месиве выпятился корпус подводной лодки. За ней — флагманский корабль. Ткнулись прямо к штормтрапу.

Суздальцева провели к командующему. В салоне человек пять армейских старших офицеров и два морских. Старший лейтенант доложил о прибытии, генерал поздоровался с ним за руку.

— Я вас вызвал вот зачем. Помнится, вы хорошо знаете в лицо майора Грибанова. Сейчас вы нам скажете: он это или не он.

Заметив на лице Суздальцева радость и недоумение, генерал пояснил:

— Наши подводники захватили в Охотском море какую-то скорлупку с людьми. Один называет себя Грибановым. Хотим удостовериться. Приведите его! — приказал генерал адъютанту.

В салоне стало тихо. Все взоры обратились на дверь.

— Разрешите, товарищ генерал?

— Входите.

Впереди адъютант, за ним — высокий обросший белобрысый мужчина в помятом кителе без пуговиц, в полосатой тельняшке.

— Он, товарищ генерал! — тотчас выкрикнул Суздальцев. — Это он, майор Грибанов! Разрешите обратиться?

Генерал кивнул, и Суздальцев с Грибановым бросились друг другу навстречу, стиснули один другого в объятьях.

— Выжили, Иннокентий Петрович! А говорят, чудес на свете не бывает! — На глазах Суздальцева дрожат росинки. — В японских лапах были?

— Я был уверен, что вы ушли, — не отвечая на вопросы, смеясь, заговорил майор Грибанов. — Мы по вашим автоматам определили, что вы ушли.

Из-за стола вышел генерал, протянул Грибанову руку.

— Вы уж извините, майор, что маленько потомили тут вас. Ошибиться в рядовом плохо, а ошибиться в старшем офицере — вдесятеро хуже. Ну, рад, рад! Вы нам очень, очень нужны. А сейчас — в ванную и к парикмахеру. Обмундирование вам приготовлено. Оденетесь — и обедать с нами.

События, приведшие Грибанова сюда, сложились так.

В свое посещение партизанской базы Комадзава, как известно, принес весть о предстоящей «охоте» на Грибанова и о том, что на побережье выйдут десантные баржи, чтобы развезти, а потом собрать «охотников». Это и натолкнуло Ли Фан-гу на мысль захватить одну баржу и устроить побег Грибанова с острова.

Нужно было во что бы то ни стало поставить в известность советское командование и о томящихся в застенке на Минами советских гражданах, и о злодеяниях японцев, и об укреплениях на острове.

Захват баржи был возложен на Тиба, сопровождать Грибанова на барже было поручено Кэ Сун-ю и Гао Цзиню.

Вскоре после ухода Комадзава, — а это было под вечер 6 августа, в воскресенье, — Грибанов вместе с Тиба, Кэ Сун-ю и Гао Цзинем, распрощавшись с товарищами, покинули базу. В поздние сумерки они достигли бухты Трех Скал и устроили тут хорошо укрытое убежище на уступе одной из скал. Место было великолепное. Скала господствовала не только над бухтой, но и над всеми прибрежными возвышенностями. К западу расстилался темный простор Охотского моря, к востоку — одна за другой серые и зеленые трассы острова, а прямо у подножия скалы как на ладони лежала небольшая бухточка.

Каждую минуту на скале кто-нибудь дежурил. Однако напрасно дежурный вслушивался в звуки, доносящиеся с моря, — десантные баржи не появлялись. Так прошли первые, вторые, а потом и третьи сутки. У Грибанова и Тиба стало закрадываться сомнение: придут ли баржи вообще? И только на четвертые сутки, 10 августа, около полудня, в бухте появилась баржа. Обстоятельства ее появления здесь не полностью известны читателю, хотя, безусловно, представляют интерес. Главная роль в этом принадлежала Хаттори и Ли Фан-гу.

Случилось так, что с первого появления жандармского поста на вулкане Хатараку он был замечен и выслежен партизанами. Когда жандармы устроили себе убежище, — а оно находилось буквально в сотне шагов от партизанской базы, — Ли Фан-гу решил, что нужно выведать, кто это такие и зачем они пришли. Как только стемнело, он с Вэнь Тянем подползли почти вплотную к расположению поста. Ли Фан-гу слышал каждое слово жандармов. Они как раз составляли очередную радиограмму. Обладавший феноменальной памятью, Ли Фан-гу запомнил радиограмму дословно. При этом он обратил внимание на то, что первое и последнее слова, внешне обычные, никак с текстом не связаны. «Это пароль», — догадался Ли Фан-гу. Знакомый с японской азбукой Морзе со времен партизанской войны в Маньчжурии, он мгновенно сообразил, как воспользоваться узнанным паролем.

Из подслушанных разговоров старый партизан знал, как и почему появились здесь жандармы.

Утром, перед восходом солнца, двое из них уснули. Третий жандарм стоял на посту, но и он клевал носом.

Партизаны навалились на него и смяли, не дав крикнуть. Потом прикончили спящих.

Это произошло утром 10 августа, в пятницу. Пользуясь паролем и рацией жандармского поста, Ли Фан-гу несколько раз радировал Гото 11 и дважды 12 августа о том, что русский беглец пока не обнаружен. В тот же день, в воскресенье, 12 августа, на партизанской базе появился Хаттори. Узнав от него о том, что облава «охотников» отменена, а стало быть, не придет и баржа в бухту Трех Скал, Ли Фан-гу и придумал ту инсценировку, о которой было рассказано выше, относительно якобы выслеженного жандармами русского беглеца. Когда затребованная им «для поимки русского» самоходная баржа приблизилась к бухте Трех Скал, Ли Фан-гу, чтобы дать возможность Тиба и Грибанову захватить ее, очередной радиограммой отвлек отряд поручика Гото подальше от берега.

Тиба, Грибанов и Кэ Сун-ю, разумеется, не знали, что баржа вызвана Ли Фан-гу. Они считали, что это «охотники» прибыли для облавы. Но так как баржа проходила под скалой, на которой было убежище партизан, Тиба и Грибанов хорошо слышали разговор жандармов и

поняли, что это не «охотники», а специальный отряд, имеющий какое-то особое назначение. Но самое главное состояло в том, что Кэ Сун-ю угадал в шкипере ефрейтора Кураока, а в мотористе все узнали Комадзава... И как только отряд сошел на берег и вместе с поручиком Гото углубился в лес, партизаны стали готовиться к захвату баржи.

Комадзава достал удочки и закинул их прямо с баржи в бухту. Скоро он стал выхватывать бычков и камбал. Кураока растянулся на брезенте рядом с моторным отделением и по-видимому уснул, потому что за все время ни разу не поднял головы. Третий член экипажа — солдат — расположился у пулемета.

Так прошло часа два. Солдата у пулемета сменил Комадзава, и солдат растянулся на брезенте рядом с Кураока, вероятно, тоже уснул.

Выждав еще с полчаса, Тиба решил, что наступила пора действовать. Партизаны спустились со скалы, по зарослям подобрались к распадку, выходящему к бухте. До баржи оставалось метров тридцать. Решено было, что Тиба выйдет один, а тем временем все остальные возьмут на прицел Кураока и солдата.

Тиба вышел из зарослей спокойно, неторопливо. Комадзава, лежа рядом с пулеметом, не прекращал удить рыбу. Когда он увидел, что к барже идет человек, то не обернулся к пулемету. Он сразу узнал Тиба и приветственно помахал ему рукой. Потом показал на пулемет и на лежащих Кураока и солдата: дескать, может быть, направить огонь на них?

Тиба на цыпочках поднялся на баржу. Но как ни был он осторожен, чуткий Кураока проснулся, вскочил на ноги и, глупо тараща глаза на офицера, вытянулся по команде «смирно»: Тиба ведь был в форме капитана.

— Как с запасом горючего, господин ефрейтор? — спросил Тиба.

— Полный комплект, господин капитан.

— Неприкосновенный запас в сохранности?

— Так точно.

— Личное оружие у команды есть?

— Винтовки, господин капитан. В боекомплекте — ручной пулемет с запасом патронов.

Тиба достал из кармана пистолет и скомандовал Кураока:

— Оружие сложить вот здесь, — он показал на надстройку моторного отделения.

Только тут ефрейтор и солдат поняли, что творится неладное, но уже ничего не могли сделать. Сложив оружие в указанном месте, они отошли в сторону и стали ждать, что будет дальше.

Тиба повернулся к берегу и сделал знак рукой, приглашая на баржу своих товарищей. Минуты через три— четыре те уже были здесь, и Тиба, показывая на Грибанова, приказал ефрейтору Кураока:

— Доставить этого товарища туда, куда он скажет. Малейшее неповиновение, порча мотора или другие формы противодействия будут стоить вам жизни: этому товарищу дано право расстреливать на месте за неповиновение. Повторите приказание, ефрейтор!

Шкипер в ужасе таращил глаза на Тиба. С готовностью он приложил руку к козырьку и в точности повторил приказание.

— Отправляйтесь, — приказал инженер-капитан.

Тиба подошел к Грибанову, подал ему руку.

— Желаю вам благополучно достичь своих берегов. Буду надеяться, что мы еще встретимся.

Они обнялись.

Потом Тиба распрощался с Кэ Сун-ю и Гао Цзинем, не подав никакого знака Комадзава.

Баржа отошла. С мыса Тиба несколько раз махнул на прощанье рукой и скрылся в лесу. Долгим грустным взглядом провожал его Грибанов. Потом он подошел к сложенным на палубе винтовкам, у которых стояли китайцы, поснимал штыки и побросал их в море, вынул затворы и положил себе в карманы.

Смеркалось. Грибанов протиснулся в рубку шкипера, взглянул на светящуюся изнутри картушку компаса и сказал строго Кураока:

— Вот этого градуса будете все время держаться.

Из рубки он не ушел и все время строго следил за курсом. Около полуночи ефрейтор стал клевать носом, сбиваясь с курса.

— Идите спать, — приказал Грибанов. — Если вздумаете устроить подвох — застрелю без предупреждения.

Шкипер, видимо, был трусоват. Он с готовностью повторял за каждым словом Грибанова:

— Хай!

Но, на всякий случай, Грибанов приказал китайцам следить за каждым движением ефрейтора и солдата. Кэ Сун-ю и Гао Цзинь спали по очереди.

На рассвете стало штормить — дул ровный восточный ветер. На всклокоченной поверхности моря заходили зловещие беляки. Но баржа в руках Грибанова хорошо отыгрывалась на волне.

Утро наступило прозрачное, без единого облачка на небе. На востоке, позади баржи, далеко над морем проступал на фоне сияющего неба изломанный контур острова Минами. Из-за него уже выбросился золотой веер первых лучей солнца. Грибанов позвал шкипера и передал ему руль, а сам снял бинокль со стенки, вышел из рубки на кормовую палубу и долго пристально осматривал горизонт.

Не обнаружив ничего подозрительного на востоке, он перевел бинокль на юг и долго осматривал всклокоченную бескрайнюю ширь моря. Там он ясно увидел, как из воды выпрыгнула огромная, как бревно, рыбина, блеснув белым брюхом, перевернулась в воздухе, с маху шлепнулась на воду, а через минуту снова подпрыгнула и так повторила несколько раз.

— Акула резвится, — проговорил Грибанов. — К плохой погоде.

Тем временем из-за острова взошло солнце, утопив в своем сиянии темный силуэт гор. Грибанов перевел бинокль на север и вдруг сразу увидел белую бегущую полосу.

— Перископ!

Да, это был перископ подводной лодки. Грибанов почувствовал, как по спине побежали мурашки. Перископ шел параллельным курсом, чуть позади баржи. Видимо, подводная лодка старалась обойти баржу и отрезать ей путь на запад. Но нет, она продолжает держать ту же дистанцию.

Кто знает, сколько времени шла подлодка параллельно барже, не приближаясь к ней и не удаляясь! Грибанову это время показалось вечностью. «Что за чертовщина! — подумал он наконец. — Или они боятся вступить в открытый бой? А может быть, вызвали эсминец с острова? Ну, я живым не сдамся!»

Во второй половине дня он услышал гул в небе. Так вот в чем дело, подлодка вызвала самолеты! Их два, с

красными кругами на плоскостях — японские истребители.

Грибанов приказал Кэ Сун-ю приготовить пулемет и патроны, а сам, закрыв дверь шкиперской рубки на крючок, стал наблюдать за самолетами. Когда пулемет был установлен сбоку рубки, Грибанов крикнул шкиперу, чтобы тот вел баржу зигзагами, и стал приспосабливаться к стрельбе из пулемета. Самолеты прошли над баржей к западу, развернулись и стали снижаться. Вот они зашли по курсу баржи, и тотчас заработали пулеметы. Струи трассирующих пуль хлестнули по морю впереди баржи, и в ответ такие же потянулись к переднему истребителю. Самолет резко взмыл кверху и, сделав там боевой разворот, видимо готовился пикировать. Но и Грибанов не дремал. Он быстро сменил магазин и снова изготовился к стрельбе. О подлодке он забыл и делал все с завидным хладнокровием.

Самолет и в самом деле пошел в пике на баржу, осыпая ее короткими очередями трассирующих пуль. Трудно сказать, был ли самурайский пилот отчаянным асом или отнесся к своему противнику слишком беспечно, но он пикировал почти до бреющего полета. Все это время, как казалось Грибанову, самолет сидел на мушке его пулемета. Грибанов жал на гашетку и удивлялся: почему же его пули не поражают стервятника? В ушах у него звенело от пулеметного треска. Когда самолет, взмыв кверху, соскочил с мушки, Грибанов разглядел позади его струйку дыма... Она становилась все длиннее и гуще! Самолет уже больше не разворачивался. Он уходил на восток. Шлейф дыма делался все чернее и шире и вдруг, переломился, смешался. Самолет вспыхнул и упал в море. Дым еще долго таял над тем местом, где нашел свой бесславный конец самурай. Второй самолет, покружившись над местом гибели, улетел и потерялся из виду.

Увлекшись боем, Грибанов не видел, что делалось у него за спиной на барже, а когда посмотрел, то отшатнулся. У стенки баржи лежал в луже крови солдат-японец, а рядом с ним Кэ Сун-ю перевязывал плечо Гао Цзиню. Грибанов подошел. Солдат был мертв; у Гао Цзиня тяжелое ранение: четыре пули прострочили ему левое плечо, раздробив лопатку.

Не успел Грибанов узнать, что тут произошло, как услышал крик Комадзава. Тот показывал рукой на север.

Грибанов посмотрел туда и обомлел: подводная лодка всплыла и идет наперерез курсу баржи. Что делать? Майор снова кинулся к пулемету. «Бить каждого, кто высунется из боевой рубки», — думал при этом Грибанов.

Удобно примостившись, он зарядил пулемет и стал рассматривать подводную лодку в бинокль. Сначала ему показалось, что у него рябит в глазах: иероглиф на носу подлодки похож почему-то на русскую букву «щ». Протер глаза, поглядел снова. Черт побери, так оно и есть! Буква «щ» теперь ясно видна. «Щука»! Наша, советская! И номер рядом. У Грибанова закружилась голова. Он внимательно осматривал каждую линию силуэта подлодки. Да, да, советская. Из боевой рубки высовываются головы в кожаных шлемах.

— Братки, родные! — зашептал расслабевший от счастья разведчик.

А подводная лодка быстро шла наперерез барже.

— Заглушить мотор! — крикнул Грибанов шкиперу.

Баржа остановилась. Грибанов снял китель и начал размахивать им над головой. Подводная лодка тоже остановилась. Там появился над боевой рубкой сигнальщик и стал махать флажками. «Кто такие? — прочел Грибанов. — Что за судно?» Грибанов в мгновение ока сбросил с ног японские дзикатаби, и они замелькали в воздухе, выписывая знаками: «Майор Грибанов, бегу из японского плена, прошу помощи».

Подводная лодка медленно двинулась к барже. Не дойдя метров десять, она отработала винтами задний ход и остановилась, блестя под солнцем мокрой палубой. В рубке два пулемета, дула направлены на баржу.

— Кто здесь майор Грибанов? — крикнул сумрачный чернявый молодой человек из рубки. Он снял шлем, и ветер трепал его красивую шевелюру.

— Я майор Грибанов!

— Кто еще есть с вами?

Грибанов объяснил.

— Да тут целый интернационал, — подобревшим голосом проговорил сумрачный молодой человек. — Оружие сложить, всем стоять на месте с поднятыми руками.

Скоро надувная резиновая лодка перевезла всех с баржи на подлодку. Документов у Грибанова никаких. Долго объяснялись. Чернявый и про Грибанова слышал и про «Путятина» знает, но...

— Вы знаете, что мы в состоянии войны с Японией?
— Да ну! И давно?
— Шестые сутки. Пока мы вынуждены изолировать вас. Пусть командование разбирается...

ОПЕРАЦИЯ «СОКОЛ»

Над морем — кромешная темь. Вытяни впереди себя руку и не увидишь ладони — до того темно. Плотный туман лег на воду. И тишина. Можно подумать, что в этом затянутом непроглядной чернотой мире, где теряются привычные представления о расстоянии и времени, — пустота.

В полуосвещенной штурманской рубке флагманского корабля склонились головы над мутным, как илистая вода, экраном радиолокатора. По экрану, в паутине градусной сетки, — россыпь золотых зерен. Это десантные суда, транспорты и малые «морские охотники». Если вглядеться в экран попристальней, то можно заметить, что зерна образуют цепочки. Это строй. Из цепочки иногда вылезет в сторону какое-нибудь зернышко, и тогда в эфир летит монотонный писк морзянки: «Грицака, Грицака, два градуса вправо, два градуса вправо. Вы поняли? Прием, прием». И зернышко послушно становится на прежнее свое место в цепочке. И в рубке снова тишина, только иногда кто-нибудь приглушенно кашляет.

А между тем приближаются решающие минуты. Но об этом можно догадаться разве лишь по особой, какой-то натянутой тишине. Великая минута приближается. У края экрана в градусную сетку вползает лохматая туманная глыба — берег острова Минами. Глыба все больше надвигается на экран, подминая под себя тонкие линии паутины сетки. Но проходит еще немало томительных минут, пока глыба заняла всю верхнюю часть экрана. Рельефно обозначается дугообразная вогнутая линия — залив Северный.

Золотые зернышки помельче песчинки — остались позади. Вдоль дугообразной линии вытянулась цепочка зерен покрупнее — это десантные суда. Командующий встал и сказал решительно:

— Пора, товарищи! — И громче: — Радист, слово «Сокол» — в эфир!

И морзянка, словно птичка, выпущенная на волю, радостно, возбужденно запела: «Пи-пи-пи-пи» — «Сокол, Сокол, Сокол...» Золотые зерна на экране развернулись фронтом к темной глыбе и двинулись к дугообразной линии залива.

Невозможно передать словами, как томительны минуты перед боем. Тем более они томительны для морских десантников. Впереди ночь, неизвестный берег и враг...

Рота Суздальцева спешно строилась по два. Тревожные звонки громкого боя заглушают голоса, топот ног и лязг оружия. Но вот звонки прекратились, отчетливо слышится гул машин, работающих на больших оборотах. И —громкая команда:

— Надеть спасательные пояса! Примкнуть диски к автоматам, закрепить гранаты!

Крупным шагом Суздальцев идет к сходням. Там уже скрипят тросы. За командиром роты — связные Кривцов, Зенков и комсорг Федя Вальков.

— Федя, будешь регулировать движение на правой сходне, ты, Кривцов, — на левой, а ты, Зенков, прыгаешь со мной.

Вдруг — удар, звон стекла, лязг железа, крики...

— Сели на риф! — кричит вахтенный.

Но и без того уже всем ясно, что в кромешной темноте судно село на камень. Суздальцев яростно ругается, потом отдает команду:

— Все по местам! Изготовиться! За мной — пошел!

Он прыгает одним махом с Зенковым. Вода пронизывающе холодная. И нет дна. Видимо, до берега еще не близко.

— За мной! — выплевывая горько-соленую воду, кричит Суздальцев. — Следить друг за другом, помогать слабым!

В темноте — плеск, бульканье и отчаянный вскрик:

— Братцы, тону! — Это голос Гришко.

Кто-то уже рядом с ним:

— Давай автомат!

Другой голос:

— Сюда диски!

Третий голос:

— Брось вещмешок!

Вода кипит от множества тел — буль-буль-буль. Передних уже не слышно, а со сходен все падают и падают

в воду — бух! бух! бух! И вот радостный, бегущий по воде голос:

— Берег!

— Вперед, товарищи, берег близко!

Суздальцев и Зенков первыми встали на песчаное дно — по пояс. Слышен приглушенный гомон голосов справа и слева: там тоже выбрасываются десантники с судов. Суздальцев дожидается, пока вокруг него скапливается большая группа бойцов, и приглушенно командует:

— Оружие к бою! За мной!

Вот и берег — песок, укатанный волнами. За прибойной полосой — галечник, трава. Враг молчит. Неужели застигнут врасплох? Или это ловушка?

— Ложись у края травы, — тихо приказывает командир роты. — Командирам взводов разобраться в людях. Первый взвод — на месте, второй — вправо, третий — влево.

Суздальцев стоит у самой воды, прислушивается к всплескам. В воде уже меньше шума — выбираются на берег последние. Кто-то в темноте натолкнулся прямо на командира, чертыхнулся, спросил:

— Где второй взвод?

Не отвечая на вопрос, Суздальцев спросил:

— Твердохлебов?

— Я, товарищ старший лейтенант!

— Ты что, с другого судна?

Твердохлебов смеется, — теперь уже его не отправят обратно.

— С вами, товарищ старший лейтенант.

— Вот чертова голова! — в голосе Суздальцева добрая улыбка. — Как твой зуб, не болит?

— Побаливает, — сознался Твердохлебов. — Да разве теперь до этого? Голова будет цела, зубы вылечу!

Оба засмеялись.

Но вот, кажется, и последние выходят из воды. Слышно, как мокрые шлепаются в цепь у края травы. По цепи — приглушенный шепот, кашель, тяжелое дыхание, позвякивание оружия. На море тихо, только где-то в темноте еле слышен гул машин — отходят десантные суда.

Легкими прыжками Суздальцев бежит к цепи, спотыкается о чьи-то ноги.

— Ты что, опупел? — шипит сердитый голос.

В цепи тесно. Суздальцев через кого-то перелезает вперед, командует вполголоса:

— За мной, вперед!

Охнула вся цепь, зашумела трава, затопали ноги. Впереди должен быть обрывчик, а за ним крутой косогор, — это знала вся рота Суздальцева по разведывательным данным. По бугру и косогору — дзоты, а перед ними две линии траншей. Рота задерживается у обрывчика, бойцы помогают друг другу взобраться на него: один становится на плечи другому, вылезает на обрыв, потом вытаскивает за руки товарища. И все это делается с каким-то глухим хрипом, с ожесточенным шепотом. Обрыв уже позади. Суздальцев прислушивается. Тихо. И — снова вперед! С размаху падает через бруствер. Траншея. В ней пусто.

— Занять траншею! — бежит по цепи шепот.

Короткая передышка. И — снова вперед! Косогор становится круче. Вот и вторая траншея — тоже пустая. Вперед, вперед! Ни выстрела, ни выкрика. Справа по цепи летит слово: «дзот». Обратно возвращается другое: «блокировать».

Где дзот? Ага, вот, чуть виден огонек в амбразуре. Цепь залегла в нескольких шагах. Кто-то уже пробрался к входу в дзот и звонко шепчет оттуда:

— Пусто!

Суздальцев — туда.

— Кто здесь?

— Рядовой Анисимов, товарищ старший лейтенант.

— Что там светится?

— Загляните, интересная штука.

И он потащил за рукав командира роты. Узкий ход сообщения, в открытой двери свет. Дзот довольно просторен. Грубый столик из неотесанных досок, на нем — полевой телефон и свеча. Вокруг — галеты, чашечка с недопитым кофе. Слева у стены — нары, на них куча одеял, солдатских шинелей; над нарами, на стене, офицерский китель. Суздальцев схватил китель — нашивки подпоручика; во внутреннем кармане бумажник с документами и деньгами.

— Здорово! — хохочет Суздальцев. — Не ждали они! Видать, на укрепления надеялись. Теперь только вперед, как можно быстрее вперед!

Цепь поднялась. Кончился откос, пошла ровная мест-

ность с высокой травой и отдельными купами кустарников. На пути попадалось много дзотов. Все они были пусты. Ясно: враг не ждал отсюда удара. Значит, удалась хитрость командующего: с вечера быстроходные суда совершили отвлекающий маневр вдалеке отсюда и вели там беглый артиллерийский обстрел берега. Спасены сотни жизней десантников!

Действия десантных войск ночью — самый трудный вид боя. Победа остается за тем, у кого больше инициативы, смелости, организованности, у кого крепче нервы. Противники не видят друг друга, и это больше всего страшит слабонервного.

Суздальцев, отправив связного к командиру группы захвата с докладом о результатах действий роты, снова поднял цепь. Продвигаться стало труднее — мешали заросли стланика. Вдруг справа пулеметная очередь Звук захлебывающийся, видимо из амбразуры.

— Ложись! — командует Суздальцев. — Засечь огневую точку!

Кто-то подбегает.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите нам с Лагуткиным... оружие добыть...

Ах, вот это кто!

— С одними гранатами?

— Ребята дают автоматы, только чтобы вы разрешили...

— Разрешаю. Передайте командиру второго взвода, чтобы выделил с вами еще троих.

— Есть!

И легкий топот растаял в темноте. А пулемет побулькает-побулькает и замолчит. Там, где-то на правом фланге, еще заговорило несколько пулеметов. Оживает японская оборона! Через несколько минут — гах! — взорвалась граната, за ней — вторая. Ближний пулемет врага захлебнулся. И вслед — глухая автоматная очередь. «Стреляют в амбразуру», — подумал Суздальцев, ловя доносящиеся от дзота глухие звуки. Вскрик — и снова автоматная очередь. Рота молчит, прислушивается к опасному поединку, происходящему во тьме. Оттуда еще никто не прибежал, а уж по цепи пролетела весть: «Захватили! Было трое, один убежал, двоих побили».

Цепь продолжает двигаться вперед. То тут, то там заговорит вражеский пулемет. В темноте, в зарослях де-

сантники ловко блокируют и уничтожают дзоты. Но вот тьма начинает редеть. Уж видно за несколько метров человека. В это время заговорил дзот прямо впереди роты. Его блокирует одно из отделений первого взвода. Когда дзот окружен и в амбразуру летит граната, справа блокировочную группу накрыл пулемет другого дзота. От группы приполз связной, запыхавшись, докладывает:

— Товарищ старший лейтенант, убит командир отделения Залыгин!.. Прохоров и Левашов ранены...

«Первый убитый, — думает с горечью Суздальцев. — Началось!»

Чем больше светало, тем сильнее становилась трескотня пулеметов и автоматов. А вот и вражеская артиллерия начала ухать. С моря ей ответила наша корабельная. Двигаться вперед стало труднее. Израсходованы почти все противотанковые гранаты. Выбыло из строя одиннадцать человек: трое убиты, восемь ранены. Медленно — очень медленно! — но рота все глубже вгрызается в оборону врага. Позади наших десантников уже полтора километра. По расчетам, до высоты 171, находящейся почти в центре укрепленного района, около пяти километров. До крайности нужны боеприпасы, а связь с кораблями страшно затруднена. Что делать? Суздальцев лихорадочно думает, ищет решения. В это время резко усиливается огонь корабельной артиллерии и поступает приказ с командного пункта группы захвата: наступление прекратить, окопаться.

А позади десанта происходило вот что.

Десантные суда, сняв войска с транспортов, подвозили их к берегу. Когда совсем рассвело и туман оторвался от воды, заговорили вражеские орудия, укрытые в подземных сооружениях мысов, охватывающих бухту клещами справа и слева. Перекрестный огонь пронизывал весь простор бухты. Десантные суда оказались под жесточайшим обстрелом. К берегу прорвались лишь немногие самоходные баржи, остальные были в критическом положении.

Стоявшие на рейде наши крупные боевые корабли немедленно ответили японцам огнем всех калибров. Было видно, как снаряды взрывались в черных глазницах амбразур на правом и левом мысах бухты. Вражеский огонь ослабевал, но ненадолго, — там, видимо, подкатывали запасные орудия, вводили в дело запасные коман-

ды, и из амбразур снова полыхало пламя пушечных выстрелов.

На нескольких судах второго эшелона подвозился артиллерийский полк, на берегу до сих пор у десантников не было ни одного орудия. Со штабом артполка находился и майор Грибанов. Судно, на котором он находился, подошло к берегу в тот момент, когда враг открыл меткий артиллерийский огонь с мысов. И сразу три попадания вражеских снарядов в правый борт, потом два в левый. Вышло из строя рулевое управление, в машине возник пожар. Но артиллеристы словно и не замечали этого: они подкатывали легкие пушки к сходням и сталкивали их на шлюпки. Но как только шлюпка отходила от сходни, ее накрывал вражеский снаряд. Положение казалось безвыходным. И тогда кто-то догадался сталкивать пушки прямо в воду — глубина тут была по грудь. Вслед прыгали в воду артиллеристы и выталкивали пушку на берег.

С одним из орудий выбрался на берег и Грибанов. Едва пушку установили для стрельбы прямой наводкой, как в щит ударил снаряд и двое из расчета были убиты наповал, а командир расчета был ранен. Майор Грибанов заменил командира орудия, и пушка стала посылать снаряд за снарядом в левый мыс. Видно было, как там, в скалах, среди черных глазниц амбразур, рвались ее снаряды. Когда в зарядном ящике оставались последние снаряды, что-то тяжелое ударило по автомату Грибанова. Диск лопнул, и пружина, с визгом раскручиваясь, вылетела наружу. Автомат спас майора от верной смерти.

Бросив обломки автомата, Грибанов поспешил на командный пункт, расположенный в овражке, и только тут понял, в каком критическом положении находится десант.

— Видите, что получается, — объяснял ему командир группы захвата. — Враг отрезал доступ к нам с моря и готовится к контратаке. Я выделил и послал две группы с задачей блокировать укрепления на мысах. Но боюсь, что эти группы не успеют заткнуть глотку орудиям, прежде чем начнется фронтальная атака японцев.

— Командующий знает об этом?

— Да вот не можем связаться по радио. Страшные помехи в эфире.

Грибанов кинулся к радистам.

— Что тут у вас?

— Глушат, — с тоской в голосе сказал радист. — Вот послушайте, товарищ майор, я совсем уже оглох...

Грибанов надел наушники и долго молчал. Наконец. сняв наушники, сказал:

— Глушат. Какой-то очень сильный центр работает.

Снова надел наушники и долго крутил верньеры приемника.

— Ясно! — выдохнул он. — Знаете, кто это делает? Американцы! Их корабли тут недалеко к востоку. Нужно послать донесение с нарочным.

Командир группы распорядился и, обратившись к Грибанову, сказал:

— Лейтенант Суздальцев прислал китель японского офицера, а в нем документы. Может, посмотрите?

Грибанов занялся бумажником безвестного подпоручика Миямото, в панике бежавшего с боевым охранением. Ничего важного в документах не было, и Грибанов попросил привести ему пленных.

— Начните с офицера, — сказал командир группы захвата. — Его взяли в плен при интересных обстоятельствах. Два наших автоматчика лежали за кустом неподалеку от дзота. Вдруг видят, из дзота вышел офицер, выхватил саблю и, улыбаясь, стал размахивать ею. Наши автоматчики подумали, что за офицером поднимется цепь и японцы пойдут в атаку. Но никого за офицером не оказалось. Наши солдаты решили, что офицер сошел с ума, и поднялись ему навстречу. А он, что вы думаете он сделал, подлец? С расстоянии метров пятнадцати он метнул саблю в наших автоматчиков! Ну, наши его по ногам из автоматов — и подкосили, а потом притащили в плен. Сейчас санитары перевязали ему ноги, лежит вон в укрытии.

Японец лежал в овражке, где наскоро был сооружен навес из стланика, нечто вроде полевого госпиталя. На японце была теплая шинель без всяких знаков различия.

— Ваше звание и фамилия? — спросил его майор Грибанов по-японски.

— Подпоручик Миямото, — процедил сквозь зубы японец и с ненавистью посмотрел на советского офицера. Глаза его лихорадочно поблескивали, нервная дрожь кривила губы.

Грибанов вынул из кармана бумажник.

— Ваш?

Японец оживился, приподнялся на локоть.

— Хай! Там двести пять иен.

— Очень небрежно обращаетесь с личными документами и деньгами, — с улыбкой заметил Грибанов. — Стыдно быть таким трусом, господин офицер. Возьмите, — и протянул бумажник Миямото. — Тут все в сохранности. Китель вам тоже вернут.

— Расскажите, как же это с вами случилось?

— Солдаты подвели, — простонал Миямото. — Я находился в боевом охранении со взводом. В первой траншее были секреты. Я только что налил себе кофе, как послышался топот у дзота и несколько солдат крикнули в дверь: «Русские!» Все, кто был со мной в землянке, кинулись наружу. Я думал, они хотят обороняться, а они, оказывается, убежали. Что я мог сделать один?

Он закрыл глаза, помолчал и снова заговорил:

— Но вы тоже обречены. Ни один из вас не уйдет живым с острова...

Возле дзота Грибанова поджидала группа только что доставленных с переднего края пленных солдат. Он допрашивал их по очереди. Из ответов Грибанов составил себе приблизительно такую картину о противнике: японцы спешно подтягивали крупные силы с других участков. Скоро должны подойти танки.

— Вся надежда на блокирование дотов на мысах, — сказал командир группы захвата. — Нужно во что бы то ни стало открыть доступ второму эшелону на берег, иначе нам придется туго...

Артиллерийский обстрел не ослабевал. Потери усиливались, положение десантников ухудшалось с каждой минутой. И вот случилось то, чего больше всего опасалось командование группы захвата: японцы пошли в контратаку.

В РЕШАЮЩЕМ БОЮ

Звонок полевого телефона поднял генерала Цуцуми в половине пятого утра.

— Господин командующий? — голос Кувахара выдавал его крайнюю тревогу. — В заливе Северном русские

высадили десант. Да, да! Противником заняты первая и вторая линии наших траншей и дзотов. Из боевого охранения докладывают, что десант весьма многочислен. Уже блокировано несколько дзотов, связанных с подземными укреплениями. Линия подземных ходов уже пересечена противником и осталась у него в тылу. Все наличные силы на этом участке брошены в бой. Какие будут приказания, господин командующий?

— Коматта-на-а, — простонал генерал. — Не уступайте ни на шаг! Я скоро буду у вас.

Этой минуты генерал Цуцуми ожидал давно, с тех пор, как русские вступили в войну. Обстановка складывалась ужасно. Несчастье обрушивались одно за другим. Узнав о провале экспедиции Гото и о том, что угнанная баржа исчезла бесследно, командующий очень нелестно подумал о себе: «Глуп! Как можно было верить в способности этого идиота Гото! Разве мог он противостоять изобретательности русского разведчика? И как можно было в нынешних условиях рассчитывать на преданность солдат императору?» Допрос подпоручика Хаттори с применением пыток открыл генералу Цуцуми глаза на действительное положение в армии. Хаттори признался во всем: и в своих связях с Комадзава и в связях с русскими, сказал и о связях Комадзава с бунтовщиками, среди которых — о Аматэрасу-Оомиками! — инженер-капитан Тиба, которого командующий считал одним из самых преданных офицеров.

Теперь у командующего не оставалось никаких сомнений относительно того, что захват десантной баржи организован инженер-капитаном Тиба для побега с острова русского майора Грибанова. Баржа была найдена в море вчера под вечер. В ней никого не было. Из этого можно было сделать соответствующие выводы. Но до сегодняшнего утра, до звонка Кувахара, генерал не считал положение безнадежным. Из перехваченных радиопередач американцев генерал Цуцуми знал, что союзники предъявили Японии ультиматум о безоговорочной капитуляции. Но это еще не означало, что остров Минами должен попасть в руки русских. Если уж суждено капитулировать, то перед американцами, а не перед русскими, которых генерал Цуцуми имел основание особенно опасаться. Он вчера утром пригласил к себе обоих пленных американцев и после чрезвычайно любезного разговора

скироваться. Позади нас море, отступать некуда. Будем стоять насмерть. Если танки пройдут через расположение роты, будем отсекать от них пехоту.

Отпустив командиров, он подозвал комсорга роты Федю Валькова и заговорил с ним в тоне шутки:

— Дело, брат, наше кислое! На-ка, вот, погляди, — и подал Феде бинокль. — Не выстоим — погибнет весь десант.

— Может, подмога придет? — спросил Федя, не отрываясь глазами от бинокля.

— Отсекли от берега. Второй эшелон не может высадиться. Ты японскую пушку хорошо знаешь?

— Как сказать? Стрелять смог бы, если бы попалась...

— У меня такая мысль: проползи сейчас по цепи да поговори с комсомольцами, объясни им всю сложность обстановки. Приказ — ни шагу назад! Только вперед! Как думаешь, если бы создать две группы из лихих ребят, человек по пять в группе, для захвата вражеских танков, если они ворвутся в наше расположение, а?

Невысокий крепыш с бронзовым лицом, Федя любил отчаянные поступки. Он всегда искал подвига. Но возможно ли то, о чем говорит командир роты? Вскочить на броню танка, забить землей его смотровые щели, каким-то способом открыв люк боевой башни, выкурить оттуда врага и занять его место, — возможно ли это? Федя некоторое время молчал, не поднимая глаз. Потом сказал глухо:

— Хорошо, мы попробуем... — и исчез в траве.

Повсюду стучали о землю саперные лопаты, притихли голоса. Суздальцев наблюдал за движением танков и старался определить передний край вражеской пехоты. Ясно, что пехота пойдет в атаку вслед за танками. Гул моторов нарастал, танки приближались. Они были уже километрах в двух. Суздальцев насчитал восемнадцать машин. Послышались залпы корабельной артиллерии с моря. Фонтаны земли и дыма с грохотом взлетали вокруг танков. Взглянув вдаль, командир роты вздрогнул: из-за высоты выползала новая цепочка кургузых темных машин. Лицо бывалого фронтовика стало мрачным: обстановка становилась критической.

А первый эшелон вражеских танков все ближе и ближе. Суздальцев видел, как передняя колонна развер-

тывается веером, выстраиваясь фронтом к десантной группе. В зеленой низине замелькали фигуры вражеских солдат, их ряды становились гуще и шире. Танки шли на роту Суздальцева. Но примерно в километре от роты они сменили курс: построились взводными «клиньями» — по три машины — и двинулись на правый фланг десантной группы. Тем временем вторая колонна танков достигла впадины и тоже развернулась фронтом. В этой колонне Суздальцев насчитал двадцать две машины.

На правом фланге захлопали гулкие выстрелы противотанковых ружей. Но Суздальцеву сейчас было не до них: двадцать два танка шли на его роту. За танками поднимались все новые и новые цепи японской пехоты.

В эту минуту командир роты услышал позади себя приближающийся топот. Оглянувшись, увидел: до десятка моряков, пригнувшись под тяжестью ящиков, подбегали к расположению роты. Впереди бежал чубатый старшина второй статьи в черном бушлате и бескозырке. В руках у него было что-то длинное, похожее на большую кочергу. «Противотанковое ружье», — догадался Суздальцев.

— Командира роты! — крикнул старшина на бегу.

— Сюда! — поднял руку Суздальцев.

С разбегу старшина грохнулся на землю. Красивое лицо его с синими глазами густо разрумянилось, пот лил с него градом, чуб разметался по вспотевшему лбу.

— Товарищ старший лейтенант, — впопыхах докладывал он, — в ваше распоряжение три расчета пэтээр и пятьдесят противотанковых гранат. Приказано стоять насмерть. Прошу указать позицию...

Суздальцев готов был обнять и расцеловать этого безвестного парня, но только улыбнулся ему и сказал ласково:

— Отдышитесь. — Потом указал ему позицию рядом.

К счастью, танки шли очень медленно, видимо опасаясь подвохов. Да и артиллерийский огонь с кораблей сильно затруднял их движение. Две машины были подбиты и дымили теперь в низине. У роты Суздальцева хватило времени на подготовку к бою с танками. Взводные доложили по цепи: индивидуальные ячейки окопов отрыты, противотанковые ружья готовы к бою, группы нападения сформированы...

И вот, наконец, команда:

— Пэтээры, огонь! Автоматчикам огонь не открывать! Ждать команды!

Танки ускорили ход, усилили пулеметный и пушечный огонь. Снаряды выли над головами десантников и рвались где-то позади роты. Грохот боя нарастал с каждой минутой. Справа послышались отдельные панические крики. Суздальцев взглянул туда. Несколько человек покинули окопы и быстро поползли назад, к морю. Старший лейтенант разглядел Гришко и Козорезова.

— Назад! — крикнул командир второго взвода лейтенант Вишняков и взмахнул в воздухе пистолетом. — Назад, пристрелю!

Гришко и Козорезов повернули к своим ячейкам и скрылись в них.

— Ура-а-а! — разнеслось в это время над ротой.

Суздальцев оглянулся, посмотрел вперед. Там вертелся на месте и густо чадил вражеский танк. Это была работа старшины второй статьи. Задымили еще две машины. Над одной из них взлетело пламя, и тотчас же грохот покрыл гул перестрелки. Столб пламени вырвался из корпуса, словно из самовара, и новое радостное «ура» покатилось над передним краем.

Но восемнадцать вражеских машин, рыча и лязгая гусеницами, шли вперед.

— Приготовить противотанковые гранаты! — понеслась по цепи команда Суздальцева. — Автоматчики, огонь по пехоте!

...К переднему краю роты прорвались восемь танков Семь из тех, что дымились на поле, были подбиты безвестным старшиной. Его окоп был метрах в десяти перед ячейкой ротного управления. Два танка, подминая траву и кусты стелющегося ольховника, шли уступом, один за другим на ячейку командира роты. Суздальцев не видел, когда выскочил из окопа Федя Вальков со связкой гранат, он только запомнил, как комсорг, пригнувшись, бросился к одной из вражеских машин и, почти встретившись с ней, бросил под брюхо железного чудовища связку гранат и тотчас, словно подкошенный, упал в траву. Раздался взрыв — и танк замер, умолк. Второй танк тем временем подмял и раздавил старшину с противотанковым ружьем и навалился на бруствер окопа командира роты. Суздальцев нырнул на дно окопа, чувствуя, как на него и матроса Зенкова, оказавшегося рядом, навали-

лась земля. Вместе они приподняли на спинах слой земли и, выбравшись из-под нее, увидели: позади окопа стоит подбитый танк. Несколько матросов суетятся на его броне, стараясь открыть люк, а четыре танка, окутываясь выхлопным дымом моторов и швыряя в воздух комья земли, мчатся прочь от переднего края. Это все, что осталось от вражеской колонны. Им вслед врассыпную бегут японские солдаты, преследуемые автоматчиками.

Возле одного из подбитых танков Суздальцев увидел дерущихся моряка и японца. Командир роты узнал в моряке Анисимова. Японец наскакивал на него с саблей. Анисимов отбивал его удары автоматов, видимо у него не осталось ни одного патрона. Матрос теснил японца к броне танка и вот поймал врага за шиворот, с размаху ударил его о гусеницу. Японец рухнул замертво, и матрос выругался:

— Ах, нечистая сила, просчитался! Хотел слегка, а он богу душу отдал!..

— Да на черта он тебе? — закричал Суздальцев.

— Как же, товарищ старший лейтенант, вы поглядите, что за цаца?

— Майор?

— Ну да! Это же какой «язык» был!

— Плюнь! — посоветовал Суздальцев. — Некогда с ними возиться. Вперед!

Отбив атаку танков и пехоты, десантники стали преследовать отступающего врага по пятам. Черные бушлаты, зеленые гимнастерки, развевающиеся плащ-накидки волной катились по зеленому приволью низины.

— Полу-у-ундра-а-а!

— Ура-а!

Рота морских пехотинцев старшего лейтенанта Суздальцева наступала в центре фронта. Сам Суздальцев, как всегда, бежал впереди наступающих, выставив вперед автомат. Рядом с ним мчались матросы Кривцов и Зенков.

Дробный, булькающий треск винтовочных и пулеметных выстрелов с вражеской стороны сначала был реденьким, но с каждой минутой становился гуще и вот уже слился в сплошной гул. Цепи наступающих все чаще стали припадать к земле. Теперь продвигались вперед только отдельные группы. Суздальцев увидел, как слева, из-под бугорка, среди травы полыхнуло пламя. Воздух про-

Отбив атаку танков и пехоты, десантники стали преследовать отступающего врага. Черные бушлаты, зеленые гимнастерки, развевающиеся плащ-палатки волной катились по низине.

гнул от оглушительного выстрела орудия. Рядом редким перебором затарахтел японский пулемет «гочкис».

— Ложись! — махнул рукой Суздальцев. — Командиру третьего взвода блокировать дот!

Видно было, как там закачались метелки пырея, в траве замелькали черные бушлаты. Умолкнувший было пулемет снова затрещал. Пули косили траву, швыряя в воздух куски стеблей, срывая головки отцветающих маргариток и лютиков. Но бушлаты уже чернели на бугорке. Откуда-то справа, совсем близко, захлопали винтовочные выстрелы. Это японцы били по матросам, взобравшимся на дот. Привстав на колено, Суздальцев разглядел впереди себя траншею, изрытую воронками снарядов, и зеленеющие над ней колпаки касок уцелевших японских солдат.

— Первый и второй взводы, по-пластунски за мной! — скомандовал Суздальцев. — Огонь только по моей команде!

Ползли быстро и почти бесшумно. Винтовочные выстрелы слышались уже совсем рядом. Увлекшись обстрелом блокировочной группы, японцы были застигнуты врасплох цепью морских пехотинцев.

— Полу-у-ндра-а-а!

По всей траншее, по скатам воронок началась свалка. В воздухе мелькали приклады автоматов, штыки японских «арисак», каски, которыми некоторые моряки дрались, как кистенями. Японцы защищались с отчаянием обреченных. Суздальцев действовал об руку с Кривцовым и Зенковым. В середине толпы размахивал саблей узколицый японский офицер — бледный, даже позеленевший от страха. Суздальцеву хотелось прорваться к нему, но его опередил Зенков. Он выскочил на бруствер и оттуда метким ударом приклада стукнул офицера по каске, и тот осел на дно траншеи. Японский солдат попытался длинным выпадом штыка поразить матроса, но Зенков успел увернуться, ухватился за винтовку японца, вырвал ее и теперь размахивал ею, словно дубиной. Зажатая со всех сторон подоспевшими на подмогу Суздальцеву моряками, толпа японских солдат подняла руки вверх.

В руках роты Суздальцева оказалось двадцать восемь пленных. Около ста японцев валялось по дну траншеи и на брустверах.

Отправив пленных в тыл, Суздальцев, ни минуты не задерживаясь, повел роту вперед.

Под вечер начался штурм высоты 171. К этому времени на плацдарме накопилось достаточно наших сил, чтобы блокировать артиллерийские позиции врага на мысах Кокутан и Вакамура, и высадка десанта шла уже почти беспрепятственно. Части, штурмующие высоту 171, поддерживались не только корабельной артиллерией, но и орудиями артиллерийского полка, высадившегося в полном своем составе.

Незадолго до заката солнца на вершину высоты 171 сразу с трех сторон ворвалось несколько подразделений десантников. Среди них была и рота старшего лейтенанта Суздальцева. Почти от самого берега моря было видно в огненных лучах заходящего солнца, как на высоте затрепетали полотнища красных знамен. Это видели не только наши войска, находящиеся к северу и западу от высоты, но и японцы, потрепанные части которых окопались к югу, неподалеку от главной высоты Северного плато.

ПРОВОКАЦИЯ

На следующий день с утра дул пронизывающий ветер, моросил мелкий дождь. Но часам к десяти дождь прекратился, и небо стало проясняться. В траншеях, вырытых советскими десантниками у южного подножия высоты ночью, было сыро и холодно. Японцы с утра вяло постреливали, наши почти не отвечали. Около десяти часов утра японцы прекратили стрельбу, а вскоре над их траншеями появился белый флаг. Зная о коварном характере японской военщины, советские десантники посмеивались, наблюдая за болтающейся на ветру белой тряпицей.

Полчаса спустя на дороге, ведущей с оконечности Северного плато, показался бронированный вездеход под белым флагом. Вездеход остановился примерно на середине нейтральной зоны, и из него вышли трое. Размахивая белым флагом, они вызывали советских парламентеров.

От переднего края советских войск отделились тоже трое с белыми флажками. Впереди, в длинной шинели,

высокий майор, командир отряда пограничников, за ним в плащ-накидке майор Грибанов и в такой же накидке старший лейтенант Суздальцев.

— Товарищ майор, а вдруг среди них окажется ваш знакомый подполковник Кувахара? — подтрунивал Суздальцев над Грибановым. — Что вы с ним будете делать?

— Едва ли, — усмехнулся Грибанов. — Он, наверное, все еще ловит меня где-нибудь на юге острова. Или сам сбежал в Японию. Постой, постой, да это он, кажется, и ждет нас! — изумился Грибанов. — Товарищ майор, — обратился он к пограничнику, — кажется, там мой «приятель», о котором я вам рассказывал.

Парламентеров разделяло расстояние метров в двести, и Грибанов пожалел, что у него не было бинокля.

— Может, мне повернуть назад? — спросил Грибанов, замедляя шаг.

— Это почему же?

— Сбежит, стервец, после переговоров!

— Неудобно, Иннокентий Петрович, — возразил майор-пограничник. — Вдруг ни с того, ни с сего один парламентер повернул назад. Это может показаться подозрительным. К тому же вы наш переводчик.

До японских парламентеров оставалось метров пятьдесят, когда майор Грибанов вполголоса решительно проговорил:

— Он, стервец! Вон средний. Кажется, уже присматривается ко мне.

Подполковник Кувахара, конечно, узнал майора Грибанова. Он что-то сказал своим спутникам.

Не дойдя метров пяти до японцев, советские парламентеры взяли под козырек.

— Советские парламентеры явились, — доложил майор Грибанов по-японски. — Чем можем быть полезны?

Лицо подполковника Кувахара было очень бледным — майор Грибанов никогда еще не видел его таким. Подполковник Кувахара не мог даже как следует улыбнуться.

— О, ха! — воскрикнул Кувахара. — Господин Грибанов? — сказал он по-русски. — Очень рада, очень рада увидеть вас.

— Благодарю за любезность, — ответил майор Грибанов по-японски. — С чем изволили пожаловать?

— По поручению господина командующего гарнизоном острова Минами, — взяв под козырек, напыщенно отрапортовал подполковник Кувахара по-японски, — честь имею передать советскому командованию глубокое почтение японского командования. На основании приказа свыше нам поручено начать переговоры с советским командованием о перемирии. Просим доставить нас к вашему главнокомандующему.

— Сейчас я переведу старшему начальнику вашу просьбу, — козырнул майор Грибанов и стал объяснять майору-пограничнику причину появления японцев.

Тот, выслушав, усмехнулся, потом сказал:

— Я думаю, нужно послать старшего лейтенанта, чтобы он связался с нашим командованием.

— Так и сделаем, — согласился Грибанов. — Сейчас я спрошу, согласны ли они ждать.

— Мы сограсны с вашим усоровием, — ответил по-русски Кувахара, не дожидаясь перевода.

Пока старший лейтенант Суздальцев бегал в роту, чтобы позвонить командованию, между майором Грибановым и подполковником Кувахара происходил следующий неофициальный разговор:

— Господин подполковник, как там чувствуют себя мои товарищи? Или их уже нет в живых?

— К сожалению, господин Грибанов, я не в состоянии ответить вам на этот вопрос, так как уже давно переведен на другую должность.

Грибанов недоверчиво покосился на Кувахара. Их глаза встретились. Теперь японец уже улыбался с подкупающей искренностью.

— Но вы, как заместитель командующего, — сказал Грибанов, — не можете не знать, живы они или нет?

— О да, живы.

— Что же, они в жандармерии сидят?

— Видите ли, господин Грибанов, я давно уже не заместитель командующего, с тех пор как отпустил вас.

— Кто же вы теперь? Переводчик?

— Я командующий укрепрайона, — гордо ответил Кувахара и чуть поклонился.

— Так вы, господин подполковник, утверждаете, что отпустили меня?

— Разве вы тогда не заметили, господин Грибанов? Вы вели себя, как помните, слишком гордо, и я решил вас припугнуть, как говорят русские, — Кувахара говорил убежденно и вполне искренне улыбался. — Я видел, что вас плохо вяжут, но не вмешивался...

Оба весело рассмеялись.

— Теперь мы почти друзья, господин Грибанов, — заговорил подполковник Кувахара. — Скажите, как у вас тогда все получилось?

— Это не важно. Вы лучше скажите, получили ли мое письмо?

— Вы мне писали? — Кувахара в удивлении вскинул брови. — К сожалению, не получал. О, я бы немедленно ответил вам!

— У вас плохо работает почта, господин подполковник. В письме я напоминал вам о вашей ответственности за судьбу моих товарищей. Пользуюсь удобным случаем, чтобы повторить вам это. Надеюсь, вы правильно меня поняли?

— О да, о да! Как жаль, что я тогда не получил вашего письма! Я бы принял необходимые меры. Но я обещаю вам, господин Грибанов, по возвращении к себе сделать все от меня зависящее, чтобы жизни ваших товарищей ничто не угрожало.

На этом их разговор прервался. Парламентеры молча прохаживались, ожидая возвращения Суздальцева. Наконец на зеленом поле в стороне наших траншей показалась фигура в плащ-палатке и каске. Старший лейтенант Суздальцев шел не торопясь, небрежно размахивая палкой с белым флажком. Не дойдя метров пять до майора-пограничника, он вытянулся в струнку и откозырял:

— Товарищ майор, советское командование готово принять представителей японского командования. Для встречи японских парламентеров вышла бронемашина.

Майор Грибанов повернулся к японским парламентерам и, тоже откозыряв, перевел сказанное Суздальцевым.

Вскоре на дороге, огибающей высоту с восточной стороны, показалась бронемашина с белым флажком над башней. Машина остановилась метрах в десяти от парламентеров, и из нее легко выскочил невысокий подвижный полковник. Он поздоровался за руку с Грибановым и его спутниками и равнодушно откозырял японцам.

— Переведите им, — сказал полковник Грибанову, — пусть следуют за нами. Вы поедете со мной. Майор и старший лейтенант отправляются на свои места.

Сказав все это, полковник вернулся к бронемашине и исчез в ней.

На командном пункте советских десантных войск, под обрывчиком у берега, в наскоро сооруженной землянке японцев ожидали представители штаба, в том числе советский генерал-майор. Грибанов с интересом наблюдал за подполковником Кувахара: его будто подменили! Едва переступив порог землянки, японец утратил спесь, и слащавая улыбка не сходила с его красивого лица. Два передних зуба в золотых коронках не переставали поблескивать.

Разговор был недолгим. Миссия японцев состояла лишь в том, чтобы уведомить советское командование о желании японского командования установить перемирие между войсками. Японские войска готовы сложить оружие на условиях, о которых договорятся сами командующие. Для личных переговоров командующих японские представители предложили устроить встречу неподалеку от главной военно-морской базы японцев на Минами — к югу от Северного плато. Туда должно подойти судно с советским командующим, к которому прибудет на своем корабле японский командующий.

— Ну что ж, перемирие так перемирие, — сказал советский генерал, пряча улыбку. — Сегодня к вечеру вы получите ответ.

Когда Грибанов перевел эти слова, генерал добавил:

— И еще переведите господину подполковнику: ответственность за безопасность судна, на котором будет находиться наш командующий, и безопасность четырех советских граждан, находящихся у японцев, возлагается на господина подполковника.

Подполковник Кувахара, выслушав Грибанова, раскланялся и дал слово чести японского офицера, что все будет выполнено. С тем парламентеры отбыли.

Весь день на острове было тихо. Вечером наши парламентеры передали ответ японцам относительно встречи командующих. Встреча назначалась на завтра в десять часов утра в траверзе главной базы, в миле от берега. Японцы были поставлены в известность, что нашего флагмана будут охранять четыре мелких судна.

На следующий день утром советские корабли снялись с рейда. День выдался ясный, солнечный. Лишь редкие белогрудые облака вереницами тянулись по небу. На море было тихо. Впереди шли два сторожевика, за ними — эсминец под флагманским вымпелом. Колонну замыкали два торпедных катера. Командование, однако, находилось не на эсминце, а на втором сторожевике. Слева вставала цепь высоких обрывов и утесов острова. Их серые глыбы были испещрены черными дырками амбразур. Артиллерийские позиции были видны и на самой вершине обрывов; никакого японского судна на море не было видно.

— Слева по курсу на обрыве вижу движение у артиллерийских орудий! — докладывали наблюдатели на всех судах.

Последовала немедленная команда:

— Всем по-боевому! Орудия к бою!

Через иллюминаторы боевой рубки командующий и сопровождавшие его офицеры следили за морем и берегом.

— Провокация! — крикнул офицер, следивший за берегом. — Стреляют!

По краю обрыва замелькали языки пламени: сразу открыли огонь несколько орудий. Тяжелый грохот прокатился над морем. Фонтаны воды с глухим гулом поднялись вокруг кораблей. Один снаряд ударил в стрелу мачты головного эсминца, и стрела разлетелась вдребезги; другой снаряд разорвался на палубе сторожевика, ударившись в носовую лебедку. За первым залпом последовали второй и третий. С обрыва сорвались два самолета-торпедоносца и стали заходить на колонну советских кораблей. Эсминец и сторожевики открыли огонь из всех калибров. Тем временем торпедные катера круто развернулись и на всей скорости стали огибать колонну, оставляя позади плотные белые клубы дымовой завесы. Под прикрытием дыма суда зигзагами стали отходить в море. Вражеские снаряды падали то там, то тут. Позади послышался гул моторов — это торпедоносец лег на боевой курс и шел на флагманское судно. Вот от его фюзеляжа оторвалась длинная торпеда и черной сигарой полетела к кораблю. Эсминец успел сделать маневр вправо, и торпеда прошла в нескольких метрах в стороне. За первым торпедоносцем последовал второй,

но его еще на расстоянии встретил сильный заградительный огонь зенитных орудий и пулеметов. Японец взмыл вверх, бросил торпеду как попало и направился к острову. Торпеда упала далеко в стороне от советских судов.

Артиллерийская дуэль продолжалась до тех пор, пока корабли, скрывшись за дымовой завесой, не ушли в море. А четверть часа спустя над позициями японцев по Северному плато загремела наша артиллерия. Столбы дыма и огня поднялись там, где находились вражеские траншеи. Это был достойный ответ на вероломство.

Советские суда вернулись к месту стоянки флота с обгорелой краской на стволах орудий, с массой осколков вражеских снарядов на палубах, с вмятинами от осколков на броневых частях, с убитыми и ранеными на палубах.

Весть о злодеянии моментально облетела все подразделения десантных войск. Десантники с нетерпением ждали приказа о штурме последних рубежей вражеской обороны. Но советское командование не торопилось: в штабе разрабатывался план всеобщего наступления с задачей очистить весь остров от вражеских войск и овладеть военно-морской базой, расположенной на западном берегу острова, в бухте Мисима.

В эту ночь Грибанов находился на флагманском корабле. Он участвовал в обсуждении плана наступления. Около двенадцати ночи командующий отпустил его отдыхать. Укладываясь в чистую постель, Грибанов перебирал в памяти детали встречи с подполковником Кувахара, вспоминал подробности провокационного обстрела советских кораблей, думал о судьбе четверых друзей, томящихся на острове Минами. Теперь он не верил, что они живы. Не встретит он больше Надю.

Утром в штабе стало известно, что на острове, в тылу наших войск, активизировались японские смертники. Ночью было зарезано несколько патрулей, с рассветом вражеские снайперы стреляли в каждого офицера, появлявшегося на берегу или на дороге, ведущей на юг. Десантники рассвирепели. В траншеях, на переднем крае, собирались группы смельчаков по пять—шесть человек и под покровом темноты подползали к вражеским траншеям, забрасывали их гранатами, а затем врывались туда. Японские солдаты, как правило, в панике оставляли

позиции. На одном из участков десантники продвинулись таким способом более чем на два километра.

Подготовка к решающему штурму длилась трое суток. За это время на остров было доставлено много военной техники. Подошли новые транспорты с войсками, был создан крупный резерв боеприпасов. Несколько раз за это время появлялись японские парламентеры. Сначала они принесли пачку листовок и просили раздать их советским солдатам на переднем крае. В листовках содержался любопытный текст, написанный от руки по-русски и отпечатанный на стеклографе:

«Сводка. Наши войска уже прекратили военные действия и для прекращения войны теперь с Главнокомандующим Вашего Войска наша комиссия продолжает договор. Поэтому прошу от души временно возвращаться в Ваш баз. Конец».

Парламентер, принесший эти листовки на командный пункт, заявил, что ему приказано дождаться ответа советского командования. Его бесцеремонно выпроводили.

Было ясно, что японцы неспроста затягивают переговоры.

КАПИТУЛЯЦИЯ ИЛИ ПЕРЕМИРИЕ?

Четверо суток подряд посменно сидели с наушниками на радиостанции капитан Брич и сержант Кэбот, пытаясь связаться с командованием пятого американского флота. На вторые сутки вечером, в тот момент, когда советские десантники овладели главной высотой Северного плато, Кэботу удалось подстроиться на волну какой-то американской радиостанции и передать радиограмму. В радиограмме сообщалось, что двое американских военнослужащих одной из эскадрилий воздушных сил, капитан Ральф Брич и сержант Эрвин Кэбот, считавшиеся погибшими, находятся на острове Минами в японском плену и по поручению японского командования имеют сообщить нечто весьма важное.

Через некоторое время Кэбот получил радиограмму, в которой сообщалось, что окончательный ответ будет передан после наведения соответствующих справок.

Минуло двое суток, а обещанного ответа не было.

Брич и Кэбот тщетно пытались связаться хоть с какой-нибудь американской радиостанцией. Японцы, включая генерала Цуцуми, относились теперь к американским пленным с подобострастием. Их, правда, не выпускали на волю, но они могли подолгу гулять возле штаб-квартиры командующего в сопровождении двух жандармов. Разумеется, их держали в полном неведении относительно того, что происходило на острове в эти дни.

В последние сутки у пленных американцев почти безвыходно сидел подполковник Кувахара. Он был в высшей степени любезен с Бричем и Кэботом, но от их внимания не могла ускользнуть крайняя нервозность Кувахара. О, если бы они знали, что происходило в это время в его душе, они бы смогли продиктовать ему любые условия за свою работу на рации!

Еще в тот день вечером, когда советские десантники овладели высотой 171, после чего высадка подкреплений стала беспрепятственной, подполковник Кувахара понял, что дело его проиграно. Рухнула Квантунская армия, один за другим падают гарнизоны Тисима-Ретто, и среди них в безнадежном положении гарнизон Минами. Нужно было думать о собственном спасении. Об этом он и сказал командующему во время вечернего доклада.

— Я не могу оставаться больше на острове, — с мольбой в голосе убеждал Кувахара командующего. — Там может оказаться этот сбежавший русский Грибанов, а это для меня равносильно гибели...

Генерал Цуцуми долго молчал, потом поднял свое каменное лицо на подполковника Кувахара.

— Не хотите ли проверить, там он или нет?

— Каким образом? — с тревогой спросил Кувахара. — Я не совсем понимаю вас, господин командующий.

— Нам требуется время. Вы знаете, что наши пленные американцы уже установили связь с командованием пятого флота. В бою мы время не сможем выиграть. Я предлагаю вам, подполковник, простой план. Завтра утром вы отправитесь к советскому командованию для переговоров о перемирии. Вы выполните две важные задачи: выясните, находится ли сбежавший русский Грибанов в десанте, и добьетесь отсрочки наступления русских на главные базы острова. Нам необходима передышка хотя бы на два—три дня для связи с американским

командованием и сдачи ему своих позиций. В предварительных переговорах с русскими можно соглашаться на все условия.

Подполковник Кувахара вернулся с переговоров с решительным намерением бежать с острова немедленно. Во время доклада командующему о результатах переговоров Кувахара убедил его выделить одну десантную баржу, на которой он вместе со взводом жандармерии уйдет ночью на юг, в Японию, или, в крайнем случае, в Тихий океан, где курсирует пятый американский флот.

С наступлением темноты десантная баржа вышла из бухты Мисима и взяла курс на юг. Было очень темно. Море штормило. Пятибалльные волны бросали баржу, окатывали людей, но суденышко легко отыгрывалось на волне.

Около двенадцати ночи на море посветлело — прояснилось небо, замерцали звезды. Подполковник Кувахара пристально и неотрывно наблюдал за морем, сидя на кормовой надстройке и кутаясь в теплую шинель. За его спиной стоял поручик Гото. Они молчали. Да и о чем было им говорить? Все осталось у них позади, а впереди лишь беспокойное ночное море и полная опасностей безвестность.

За бухтой Трех Скал баржа стала огибать острый, далеко выдвинувшийся в море мыс, и поручик Гото прошептал в ухо подполковнику Кувахара:

— На море судно! Вон — вправо от нас...

Кувахара вскочил.

— Коматта-на-а! Оно идет наперерез нашему курсу! Что будем делать?

Этот вопрос своему подчиненному он мог задать только в беде, когда военная субординация утрачивает всякий смысл.

— Ха! Нужно к берегу, господин подполковник, в бухте укрыться.

— Прикажите шкиперу.

Но на корабле, — это был, по-видимому, сторожевой, советский эсминец, — уже заметили баржу. Ночью на море трудно определить расстояние, но Кувахара показалось, что эсминец вот-вот настигнет баржу, и он сам кинулся в шкиперскую рубку.

— Полные обороты! Держи прямо к берегу! Будем выбрасываться!

Выбрасываться не потребовалось. Когда до берега оставалось несколько десятков метров, с борта заметили, что эсминец больше не приближается. По-видимому, там опасаются сесть на рифы. Но эсминец и не уходил, он остановился.

Прошло томительных два часа. Баржа стояла, уткнувшись носом в галечный берег. Это было одно из самых пустынных мест острова, где даже патрули не появляются, так как с суши сюда не было не только дорог, но и тропинок. Черный силуэт эсминца был хорошо виден на фоне открытого моря.

Приближалось время рассвета. Посоветовавшись с поручиком Гото, подполковник Кувахара приказал вести баржу обратно в бухту Мисима. Баржа двинулась к северу вдоль самого берега. Уже совсем почти рассвело, когда экспедиция вернулась на главную базу. Эсминец провожал баржу почти до самой бухты Мисима.

Изнуренный напряжением, в котором прошла вся ночь, подполковник Кувахара доплелся до своего прежнего кабинета в штабе базы и там бессильно опустился в кресло. Он даже не снимал шинели. Положив голову на руки, он мучительно искал выхода из создавшегося положения. Утро наступало туманное, но туман был неплотным, в нем ощущался рассеянный свет солнца. Кувахара думал над тем, как предотвратить встречу командующих, которая должна произойти через несколько часов и которая может привести к быстрой капитуляции японского гарнизона. И тогда родилось это отчаянное решение сорвать встречу. Он вызвал командный пункт артиллерийских позиций и, изменив голос, сказал:

— Позовите дежурного офицера. Дежурный? Говорят из штаба командующего. По данным разведки, русские намереваются атаковать с моря бухту Мисима. Их корабли будут проходить вблизи ваших позиций. Господин командующий приказал: при появлении русских на море подпустить их поближе и открыть огонь из всех орудий. Да, да, без дополнительных указаний.

Затем он позвонил на аэродром и передал приказание: атаковать русские корабли двумя имеющимися самолетами-торпедоносцами после того, как береговая артиллерия откроет по ним огонь.

Подполковник Кувахара отдавал себе ясный отчет о последствиях этой провокации. Но два обнадеживающих

обстоятельства виделись ему. Во-первых, провокацию можно было объяснить как недоразумение, сославшись на несовершенство связи; во-вторых, во время обстрела можно было потопить корабли, а вместе с ними и русского командующего, и этим обезглавить силы противника. А все вместе давало выигрыш времени для установления связи с американцами. Что касается ответственности генерал-майора Цуцуми, то подполковнику Кувахара было наплевать теперь не него. Надо было спасать собственную жизнь.

С этими мыслями он и отправился в штаб-квартиру командующего.

Генерал Цуцуми встретил его холодно. Только сейчас генерал отправил парламентера, своего адъютанта с письмом, в котором извещал русских о том, что ввиду болезни не может встретиться сегодня с русским командующим. Выслушав донесение подполковника Кувахара о неудачной попытке уйти, генерал долго держался обеими ладонями за голову, потом сказал:

— Отправляйтесь на радиостанцию к американцам. Контролируйте их каждую минуту, пока не установите связь.

Подходило время встречи командующих. Генерал Цуцуми с беспокойством посматривал на часы, подсчитывал время: успел ли парламентер доставить письмо в расположение русских позиций. Но что это? Артиллерийская канонада? Генерал прислушался с подозрением, потом встал, вышел на улицу. Сомнений не оставалось: из-за вулкана Туманов, с северо-запада, доносилась могучая артиллерийская канонада. Генерал бросился обратно в штаб, приказал дежурному:

— Немедленно позвоните в западный сектор береговых укреплений и выясните, что там за стрельба.

Генерал пришел в ярость, выслушав дежурного: нарушилась та осторожная и тонкая игра, в которой он рассчитывал на выигрыш времени. С налившимся кровью лицом он долго метался по кабинету после того, как отдал приказание прекратить огонь. Он отлично понимал, чем все кончится, если русские в ответ начнут немедленное наступление. Превосходство их сил на острове, особенно в технике, было таково, что о сражении не могло быть и речи.

В полдень к советским позициям мчался на вездехо-

де новый парламентер. Он вез письмо генерал-майора Цуцуми советскому командующему. В письме говорилось, что произошло печальное недоразумение, жертвой которого оказались советские корабли, что японское командование приносит глубокое извинение за инцидент и предлагает возобновить переговоры о перемирии.

Через сутки поступил ответ советского командующего.

«Мои условия подготовки к капитуляции ваших войск, принятые и подписанные вашим представителем подполковником Кувахара, не выполняются, — говорилось в ответе. — Ваши представители, ссылаясь на отсутствие приказа о сдаче оружия, к выполнению принятых ими условий не приступили, обстреляли мои корабли, совершили налет авиации на мои войска, которые по моему приказу активных действий не вели.

Следовательно, японские войска на острове фактически продолжают оказывать сопротивление советским войскам. Уклонение с вашей стороны от выполнения моих условий вынуждает меня принять решительные меры.

Во избежание ненужного кровопролития предлагаю ответить: будет ли вами отдан приказ о капитуляции ваших войск перед советскими войсками?

Ответа жду до 14.00 с моим представителем».

Долго думал генерал Цуцуми над ответом. Никогда еще не приходилось ему писать документа более трудного, чем этот. В ответе говорилось:

«Наши войска получили свыше следующий приказ:

1. Войскам сегодня прекратить всякие боевые действия.

Примечание. Оборонительные действия, предпринимать которые мы вынуждены в связи с активным вторжением противника, не являются боевыми действиями.

2. Наши войска на основании этого приказа сегодня прекращают всякие боевые действия.

Примечание. Если после этого времени наши войска будут атакованы, я на основании упомянутого приказа возобновлю оборонительные действия.

3. Поэтому прошу ваши войска прекратить боевые действия».

От советского командующего поступил новый ультиматум:

«Во избежание кровопролития в последний раз требую:

1. Немедленно прекратить всякое сопротивление.

2. Немедленно отдать приказ своим войскам о сдаче оружия представителям советских войск на местах.

3. Всех солдат и офицеров для передачи в плен собрать завтра к 15.00 в районе аэродрома.

4. Места разоружения остальных солдат и офицеров с других участков будут указаны дополнительно.

5. Ответственность за сохранение и исправное состояние вооружения и сооружений, как сухопутных, так и морских, возлагаю лично на вас.

6. Военно-морскому командованию представить мне сегодня к 24.00 план режима плавания судов вдоль восточного и западного побережий острова со схемой минных заграждений.

7. Представить документы по заминированию участков на суше — портов, сооружений и зданий.

8. Всем офицерам и солдатам гарантирую безопасность жизни и сохранение личного имущества невоенного образца.

9. Встречу с вами назначаю на завтра в 16.00 на моем корабле, для чего к вам будет послан парламентер.

10. Для контроля выполнения моих требований и уточнения всех деталей капитуляции завтра в 10.00 к вам прибудут представители моего штаба.

11. Если же в 24.00 сегодня от вас не поступит положительного ответа на вышеуказанные требования, завтра утром мои войска начнут решительное наступление по всему фронту».

После этого генерал-майору Цуцуми оставалось ответить лаконично, что он и сделал.

«Японские войска готовы к капитуляции. Для окончательного уточнения деталей капитуляции к вам направляется мой начальник штаба полковник Янэока».

Да, игра кончилась. Но именно в эту самую минуту к нему вбежал подполковник Кувахара и отчеканил:

— Связь с американцами установлена!

ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ

Ночь была на исходе. Долину начинал заволакивать туман, белесоватые клубы которого все более ясно вырисовывались по мере того, как приближалось утро. Наско-

ро сооруженная землянка, в которой укрылись партизаны, оказалась не такой уютной, какой они находили ее вчера вечером, когда до смерти усталые добрались сюда и быстро построили себе это жилье. Холод и сырой туман, надвигавшиеся со стороны Тихого океана, пронизывали их, кажется, до самых костей, и партизаны жались в кучу, чтобы согреться теплом друг друга.

Еще в первый день по возвращении Тиба из бухты Трех Скал, где он, как известно, помог майору Грибанову уйти с острова на захваченной у жандармов барже, партизаны решили переселиться с вулкана Хатараку ближе к долине Туманов. Они выбрали удобное убежище под скалой, неподалеку от глубокого распадка, рассекающего весь склон сверху донизу. Отсюда с одного из уступов скалы хорошо просматривались не только ближние подступы к их укрытию, но и средняя часть долины Туманов с речкой, дорогой и даже входом в Генеральский распадок, врезающийся в склон вулкана Туманов по ту сторону долины.

Смысл этого переселения поближе к гарнизону состоял в том, чтобы в любую минуту, в случае высадки советского десанта, начать активные операции. План сводился к следующему: первое — установить связь с советским командованием, чтобы согласовать с ним свои боевые действия в тылу японского гарнизона, и второе — подготовить взрыв главного склада артиллерийских снарядов. Склад находился неподалеку от интендантского поселка и был хорошо замаскирован. Инженер-капитан Тиба знал, что там хранились основные запасы снарядов, имевшихся на острове.

На рассвете Тиба настроил рацию на прием и долго выслушивал звуки, носившиеся в это утро в эфире. Он ловил японские станции, чтобы хоть через них узнать о событиях, происходящих в мире. Вот по мрачному усталому лицу бывалого подпольщика, едва освещенному лампочкой приемника, Ли Фан-гу угадал, что Тиба слушает что-то чрезвычайно важное: глаза его сузились, на щеках выступили и задвигались желваки.

— Что там? — с нетерпением спросил Ли Фан-гу.

— Важные комментарии... Что-то очень важное... — бросал скороговоркой Тиба. — Речь о каком-то рескрипте императора... Да... да... Квантунская армия, кажется, разбита...

Потом он умолк, продолжая напряженно вслушиваться.

Ли Фан-гу всего колотила дрожь. Затаив дыхание, он с величайшей надеждой и нетерпением впился в лицо друга.

— Ну? Что еще? Что говорят? — тормошил он Тиба.

Но тот не отвечал, лицо его продолжало оставаться напряженным.

Ли Фан-гу растолкал спящих товарищей.

— Важное сообщение, — захлебываясь, шептал он, стараясь быстрее сообщить потрясающую новость, когда все проснулись. — Разбита Квантунская армия!

С партизан вмиг слетел сон.

— Так это что, конец войны? — прогудел могучий Вэнь Тянь.

— Да! — весело ответил Тиба, снимая наушники. — Правительство Тодзио заговорило о мире! Все ясно — японская армия в Маньчжурии разгромлена! — С этими словами японец крепко пожал руки китайских товарищей. — Поздравляю вас, друзья, мир не за горами!

Когда же окончательно рассвело, из туманного месива со стороны Северного плато прилетел могучий раскатистый гул артиллерийской канонады. Тревожным эхом отдавался он в горах, заполнял, кажется, все небо. Всем стало ясно, что это был десант. Но чей? Тиба не прекращал вертеть верньеры приемника, стараясь на самых длинных волнах поймать хоть одно живое слово. Но в эфире дробно звенела морзянка — противники работали ключом. Иногда в наушники врывались гул и вой — то работали глушители. Наконец на одной волне прорвался панический хрипловатый голос на японском языке: «Русские идут в атаку! Шлите подкрепление, срочно подкрепление!»

— Русский десант! — сообщил просиявший Тиба партизанам. — Наступило время наших решительных действий, товарищи!

Что сейчас в первую очередь предпринять? — этот вопрос партизаны обсуждали горячо и страстно. Каждому хотелось немедленно получить какое-нибудь задание.

— Нужно сейчас же пробиться на соединение с русскими, — нетерпеливо говорил Вэнь Тянь.

— Правильно, там получить задание, — поддерживал его Хэ Куан-линь.

— Так опрометчиво действовать нельзя, — возражал старый партизан Ли Фан-гу. — Сейчас уже светло, и нас могут перебить либо японцы, либо сами же русские.

— Да, да, нужно сначала все хорошо разведать, — согласился с ним Тиба.

Туман оторвался от гор около десяти часов утра, а к полудню он рассеялся, и небо заголубело нестерпимо ярко. Все это время с Северного плато текла вал за валом глухая и грозная канонада. Даже птицы и те попрятались, по-видимому, угнетаемые надоедливым и непривычным их слуху отдаленным грохотом боя.

Из своих укрытий на скале партизаны весь день не спускали глаз с дороги, бегущей по долине Туманов от бухты Мисима к Северному плато, с тропы, ведущей в Генеральский распадок. Там без конца сновали машины, в полдень почти бегом прошла большая колонна солдат из бухты Мисима в сторону восточного берега — по-видимому, это был гарнизон главной базы, посланный на помощь подразделениям Северного плато.

Но вот наступил долгожданный вечер, когда можно было начинать действовать. Партизаны собрались в землянке, чтобы поужинать и окончательно обсудить план действия на предстоящую ночь.

— Я полагаю, что всем нам идти в расположение советских войск не имеет смысла, — говорил Тиба. — Нужно воспользоваться этой ночью и для того, чтобы разведать положение в гарнизоне. Поэтому необходимо одной группе отправиться на подслушивание телефонных разговоров, в то время как другая группа отправится в район боев, чтобы разведать там обстановку. Что касается артиллерийского склада, то к нему мы отправимся следующей ночью.

— Предложение правильное, — поддержал его Ли Фан-гу. — Я возглавлю группу, которая пойдет на Северное плато, а вы, товарищ Тиба, с остальными товарищами пойдете подслушивать телефонные разговоры.

Предложения Тиба и Ли Фан-гу встретили единодушную поддержку партизан. Ли Фан-гу отобрал лишь троих, которые ростом и типом лица больше других походили на японцев. Слишком рослые Вэнь Тянь и Хэ Куан-линь должны были помогать Тиба. Тут же при скупом свете карманного фонарика Тиба развернул карту, долго наносил иероглифы — пояснения к пунктам располо-

жения главных баз гарнизона и дорог острова. Этой картой предстояло пользоваться группе Ли Фан-гу.

Часов в одиннадцать они двинулись в долину Туманов цепочкой, след в след, стараясь не делать шума.

Возле речки они распрощались, и группа Ли Фан-гу двинулась вправо, чтобы потом пересечь дорогу и идти на север, а группа Тиба пошла прямо к откосу, что спускался от дороги.

На этот раз Тиба намеревался подключиться к телефонному проводу не в Генеральском распадке, как прежде, а на линии, соединяющей базу в бухте Мисима и штаб-квартиру генерал-майора Цуцуми с Северным плато. Вскоре группа Тиба в кромешной темноте неслышно пересекла дорогу, скрылась в густых зарослях разнолесья на пологом склоне и через несколько минут по легкому гудению проводов нашла телефонный столб.

Удобно примостившись у столба, Тиба приложил трубку к уху в тот момент, когда на проводе шел разговор. Надсадный, почти исступленный голос кричал: «Офицеры не в состоянии что-либо сделать — русские действуют мелкими неуловимыми группами! Они подползают неслышно к самим траншеям, сваливаются прямо на головы солдат и заливают их огнем из автоматов». В ответ послышался знакомый брюзжащий голос: «Атаковать русских силами частей левого фланга»... По голосу Тиба сразу же узнал генерала Цуцуми.

Всю ночь один разговор следовал за другим, и к утру у Тиба сложилось достаточно ясное представление о положении японского гарнизона: оставались считанные дни его существования.

Однако был неразгаданным вопрос: почему генерал-майор Цуцуми стремится оттянуть время, ждет ли он откуда-нибудь подкрепления или рассчитывает на то, чтобы успеть перегруппировать свои потрепанные части и контратаковать русских? Охваченный желанием выяснить это во что бы то ни стало, Тиба принял дерзкое решение — продолжать подслушивание и днем. И риск окупился сторицею.

Тиба так хорошо изучил обстановку на острове, что можно было начинать действовать наверняка.

Вскоре группа Тиба была уже у своей землянки. Здесь их встретили Ли Фан-гу и молодой партизан Сун Чжу.

— Где остальные товарищи, что с ними? — было первым вопросом Тиба к Ли Фан-гу.

— Плохи наши дела, — горестно вздохнул старый партизан, — мы не выполнили своей задачи...

— Что случилось, товарищ Ли? — насторожился Тиба.

— Наткнулись на японскую часть неподалеку от аэродрома, — стал объяснять Ли Фан-гу, — по нас открыли сильный огонь, и ничего не оставалось, как попытаться уйти. Двое наших товарищей оказались ранеными, но мы их не оставили, там они, — и Ли Фан-гу указал на угол землянки.

При свете фонарика партизаны осмотрели и перевязали раненых.

Как ни велика была усталость, медлить было нельзя. Партизаны тут же обсудили план дальнейших действий. По данным, перехваченным Тиба, с острова собирались бежать несколько офицеров, замешанных в кровавых преступлениях, в том числе подполковник Кувахара. Они ждали подводную лодку, которая должна была прийти за ними к восточному побережью острова. Из тех же данных партизанам стало известно, что поручик Гото с наступлением темноты должен был прибыть из района Северного плато к развилке дороги в восточном районе и здесь ожидать машину Кувахара.

Партизаны единодушно решили сорвать этот побег, Но как? Мнения партизан раздвоились: Тиба настаивал на том, чтобы пробраться на восточный берег к месту прибытия подводной лодки и там из засады расстрелять всех, кто попытается сесть в шлюпку, тогда как Ли Фан-гу и Вэнь Тянь предлагали перехватить на дороге машину, в которой будут уезжать преступники. Предложение Ли Фан-гу поддержал вскоре Хэ Куан-линь, и Тиба согласился в конце концов с мнением большинства.

...Еще не успело как следует смеркнуться, когда партизаны, укрываясь среди зарослей, двинулись в направлении развилки дороги. Они спешили — им хотелось прибыть к месту встречи раньше поручика Гото. Но они опоздали: поручик Гото был уже там. Он был не один; с ним рядом у обочины дороги расхаживал, по-видимому, кто-то из жандармов. Оба они остолбенели, когда из кустов перед ними появились Ли Фан-гу, Вэнь Тянь и Хэ Куан-линь.

— Руки вверх! — скомандовал Ли Фан-гу.

— О, кто это? — обомлевшим голосом воскликнул Гото, хватаясь за кобуру пистолета.

— Те, чью кровь ты проливал, собака! — с этими словами Вэнь Тянь кошкой прыгнул на уродливую фигуру Гото, и не успел тот крикнуть, как железные пальцы партизана перехватили ему горло. Легко, словно соломенное чучело, поволок могучий Вэнь Тянь поручика Гото в кусты и там с силой швырнул его на землю. Скрежеща зубами, он снова навалился на лютого истязателя, чьими руками чинились самые зверские пытки и мучения беспомощных жертв, одной из которых был когда-то и сам Вэнь Тянь. Сколько ни извивался ужом матерый палач, пальцы Вэнь Тяня не разжались до тех пор, пока не прекратились последние конвульсии этого садиста. Тем временем Ли Фан-гу и Хэ Куан-линь расправились с жандармским ефрейтором.

— Теперь нужно не упустить главного палача, — разгоряченно говорил Ли Фан-гу, когда вся группа собралась вместе.

— Непременное условие, — заметил Тиба, — из зарослей ни в коем случае не выходить. Как только остановится машина — обстреляем ее. Дальнейшее будет видно — уходить или преследовать врага.

Машина с западного берега появилась около полуночи. Она перевалила пригорок — видно было, как сверху вниз опустились два скупых огонька подфарников, — и теперь неслась к развилке дороги на полной скорости. Но вот машина затормозила, остановилась.

— Анонэ!* Поручик Гото!

Голос был крякающим, как у селезня.

— Майор Кикути, — прошептал Ли Фан-гу.

— Подождем, возможно он сойдет с машины.

— Коматта-на-а, да где же он? Поручик Гото! — снова прокрякал голос Кикути.

— Огонь! — резко шепнул Тиба.

Залп расколол ночную тишину. Потом снова залп!

— Русские! — закричал кто-то в кузове.

Машина взревела и с места рванулась вперед. Она с такой стремительностью понеслась прочь, что партизаны едва успели сделать по два выстрела ей вслед.

---

* Анонэ — *(японск.)* — Послушайте! Эй, вы!

Когда шум ее потерялся вдали, партизаны покинули свою засаду и двинулись на пост подслушивания. Они условились, что до утра будут подслушивать телефонные разговоры, и если сопротивление японского гарнизона будет продолжаться, завтра ночью сделают попытку подорвать склад артиллерийских снарядов.

Но подрывать склад уже не было нужды. Едва Тиба начал подслушивание, приложив трубку к уху, как раздался зуммер: капитан Вада начал передавать инструкцию штаба командованию укрепрайона о порядке завтрашней капитуляции японских частей перед советскими войсками. При этом в инструкции категорически запрещалось кому бы то ни было произносить слово «капитуляция». Предписывалось вместо него говорить «прекращение военных действий».

Перед рассветом послышался звонок с восточного берега. Дежурный по восточной базе сообщал, что ночью убит майор Кикути, а подполковник Кувахара благополучно прибыл на подлодку.

— Ушел-таки, собака, — недовольным голосом ворчал Вэнь Тянь. — Жаль, не было гранат...

А когда наступило утро, партизаны, почти не маскируясь, пересекли дорогу и отправились в расположение советских войск. Кончились суровые испытания этой маленькой, но бесстрашной партизанской группы.

КАПИТУЛЯЦИЯ

В этот знаменательный день туман, лежавший с рассвета на море и острове, стал отрываться от воды часов с восьми. Внезапно поднявшийся ветер рвал его в клочья, свертывал в клубы и угонял на север. Время от времени начинал моросить мелкий дождь, но тут же кончался, а в разрывах туч появлялись голубые прогалины неба. Через них на море пробивались лучи солнца. Предвестниками хорошей погоды лежали золотые пятна на свинцовом неспокойном море.

Около восьми часов утра от флагманского корабля, стоявшего на рейде против Северного плато, отошел быстроходный малый «морской охотник». Набирая скорость, он лег курсом на юг, в сторону бухты Мисима. На его борту находились представители штаба десантных

войск и среди них майор Грибанов, а также группа охраны в составе двенадцати автоматчиков морской пехоты во главе со старшим лейтенантом Суздальцевым.

Еще вчера вечером от японского командующего поступил ответ на последний ультиматум. Представителям советского командования надлежало теперь проверить непосредственно на главной базе, как идет подготовка к капитуляции, дождаться вывода всех войск к местам разоружения и взять под охрану главнейшие объекты базы и помещение штаба.

— Особенных иллюзий не строить, — напутствовал офицеров штаба советский командующий.—Идете в логово коварного врага. Ваша задача — показать ему, что вы прибыли не для разговоров о перемирии, а для того, чтобы принудить противника сложить оружие. Действуйте решительно. При первом же вашем сигнале о новой провокации немедленно даю приказ войскам для решающего штурма.

И вот они в пути. «Морской охотник» мчится на огромной скорости. Укрывшись за большим стеклянным щитом, офицеры и автоматчики с напряжением всматривались в морскую даль, где вставали громады гор острова.

— Знаешь, Андрей, боюсь даже думать о судьбе наших товарищей, — говорил Грибанов Суздальцеву. — Если японцы в предвидении своего конца решились на такую провокацию, как обстрел наших судов с командующим, то что им стоит в любую минуту расправиться с четырьмя пленниками?

— Но ваш знакомец Кувахара обещал же позаботиться об их безопасности. Слово чести давал.

— Э-э, брат, ты его не знаешь! — вздохнул Грибанов. — Эта провокация — наверняка дело его рук. Если ему удалось сбежать, то наверняка он предварительно замучил всех пленников. Страшно представить себе Наденьку, умирающую от пыток...

Слева показался остров. Где-то в этом районе кончалась территория, занятая советским десантом, и начиналась та часть острова, которую еще контролировали японские войска. Вот и обрывистый берег, с которого четыре дня назад открыли предательский огонь японские пушки. Сейчас там было спокойно — никакого движения. «Морской охотник» обогнул мыс. Слева все те же обрывы с

черными глазницами амбразур, справа, вдали, синие громады гор южной части острова.

— Если сейчас не лупанут по нас, значит, все будет благополучно, — сказал кто-то, когда «морской охотник» обогнул мыс.

Но все шло благополучно. Вот кончились обрывы и начался пологий прибрежный откос, весь изрытый траншеями и ходами сообщений. Дальше на небольшой прибрежной площадке у входа в долину Туманов видны постройки военно-морской базы. Два длинных бетонированных пирса врезаются в синь моря. Меняя скорости, чтобы не попасть на прицел, малый «морской охотник» направляется к базе. Уже хорошо видны сооружения, темные тропинки, поднимающиеся по зеленым склонам вулкана Туманов, вон дорога в долину Туманов, а людей нигде нет, будто все вымерло. Стоят лишь пустые баржи вдоль одного пирса.

До пирсов оставалось сотни две метров, когда все увидели бронированный вездеход, сбегавший с дюн к базе. Он промчался по пустынному плацу и остановился возле пирса. Из него вынырнули два японца в морской форме с саблями и торопливо прошли к тому месту, где приставал «морской охотник». Еще на расстоянии офицеры взяли под козырек и льстиво заулыбались.

— Значит, все в порядке, — сказал начальник группы полковник Воронов.

Пирс оказался на метр выше палубы небольшого суденышка. Японцы подали руки и вдвоем помогли выйти на пирс сначала Суздальцеву, потом всем остальным.

— Я капитан Сато, — отрекомендовался один по-русски. Это был почти юноша. — Очень рада познакомить с росска. Все готово перемирия.

— Мы просим провести нас к командующему, — сказал по-японски майор Грибанов.

— О, вы отлично говорите по-японски! — воскликнул капитан Сато на родном языке. — К сожалению, командующего здесь нет, он в своем штабе.

— Кто из командования есть здесь?

— Я представитель командования!

— Что это за здание? — указал майор Грибанов на крашеный дощатый дом жандармерии и подмигнул товарищам. Над крышей дома развевался японский флаг, которого, как помнил Грибанов, раньше не было.

— О, это комендатура военно-морской базы!

— Кто-нибудь есть там?

— Только радисты.

— Что вы знаете, господин капитан, о четверых русских, содержащихся в вашем плену? — спросил Грибанов.

— Ха, ничего не знаю.

— Где сейчас находится подполковник Кувахара?

— Я ничего не могу вам сказать. Он давно уже освобожден от своих обязанностей.

— Куда девалась жандармерия, которую вы называете комендатурой?

Капитан Сато сделал артистическую позу удивления и лукаво улыбнулся.

— По-русски она называется «жандармерия»? По-японски — это «комендатура»...

— Пусть будет по-японски «комендатура», — согласился Грибанов. — Куда она девалась?

— Ха, войска готовятся к перемирию, они выводятся на аэродром. Туда же должна прибыть и комендатура.

Майор Грибанов перевел полковнику Воронову содержание разговора с капитаном Сато.

— Скажите ему, Иннокентий Петрович, чтобы он провел нас на радиостанцию, мы опечатаем ее.

Выслушав Грибанова, капитан Сато воскликнул с деланным испугом:

— О! У меня нет приказа главного командования...

— Ничего, — успокоил его майор Грибанов, — вы сошлитесь на приказ советского командования.

Капитан Сато уныло побрел следом за советскими офицерами к зданию жандармерии. Там действительно было пусто. Бумаги и тряпье, разбросанные по полу, указывали на то, что хозяева покидали это помещение в спешке. Карцеры были раскрыты настежь, в некоторых оставались топчаны с грязными измятыми постелями.

Радиостанция размещалась в противоположном конце здания, в двух угловых комнатах. Когда туда входили советские офицеры, четверо японцев-радистов еще продолжали сидеть возле аппаратов, выстукивая что-то телеграфными ключами.

— Переведите им, Иннокентий Петрович, — обратился полковник Воронов к Грибанову: — Я приказываю освободить помещение. Старший лейтенант, оставьте

здесь двух автоматчиков. Прикажите не впускать сюда ни одного японца.

Японские радисты недоуменно посмотрели на капитана Сато, потом отключили аккумуляторы и, озираясь со страхом на советских офицеров, вышли из помещения.

Все прошли в помещение штаба базы и гарнизона. Там застали лишь двоих японцев: престарелого полковника Янэока и его адъютанта. Они сидели в кабинете у стола и рассматривали какую-то книгу.

Начальник штаба полковник Янэока встретил советских офицеров без особого энтузиазма и даже не вышел из-за стола, а лишь на мгновенье привстал в кресле. Указав советским представителям на табуретки, он спросил:

— С какой миссией прибыли, господа советские офицеры?

Полковник Воронов, выслушав перевод, посмотрел на часы и сказал майору Грибанову:

— Прошу перевести господину полковнику: в пятнадцать часов истекает срок известного господину полковнику ультиматума, после чего наши войска начнут всеобщее наступление. Мы прибыли, чтобы получить ясный ответ: во избежание излишнего кровопролития готовы ли японские войска капитулировать, или японское командование намерено продолжать безнадежное сопротивление?

— О да, в интересах сохранения жизней японских и советских солдат, — скучным голосом заговорил полковник Янэока, — японское командование приняло предложение советского командования.

— Нам поручено, — сказал полковник Воронов, — проконтролировать подготовку к капитуляции, изъять военные карты, получить план заминирования как на суше, так и на море. Прошу передать эти карты.

Полковник Янэока улыбнулся.

— Карты в голове, — он потрогал пальцем свой продолговатый узкий лоб, вышел из-за стола, взял мелок и быстрыми, уверенными движениями набросал на доске схему острова Минами, отметив места, где будут собраны войска для сдачи оружия.

— Другой карты нет, — с деланным сожалением проговорил он.

— Ясно: вы уничтожили все карты, — без обиняков сказал полковник Воронов. — Спросите его, товарищ майор, куда отправлены войска с главной базы?

— К месту сбора, для сдачи оружия.

— Скажите, как связаться с подполковником Кувахара? — спросил Грибанов начальника штаба.

— Этого я не могу вам сказать, к сожалению, — вздохнул полковник Янэока. — Прошлой ночью он вместе с поручиком Гото, пленными американцами и небольшой группой солдат скрылся из гарнизона.

— Дезертировал?

— Да, это называется «дезертировал».

У Грибанова захолодело в груди.

— А четверо русских пленных? Что с ними?

— Я слышал о них давно, но никогда не видел и ничего не знаю о их судьбе.

«Все истреблены», — полыхнуло в сознании Грибанова, и он стал мрачнее тучи.

— Что случилось, Иннокентий Петрович? — с беспокойством спросил его полковник Воронов.

— Похоже, истребили наших четверых товарищей... Этот говорит, что не знает. Врет, конечно. Как это начальник штаба не знает о русских пленниках? Чепуха!

Полковник Янэока слегка поморщился при этих словах: он, видимо, понимал русский язык. Именно в расчете на это Грибанов и произнес последние слова четко и громко. Но японец промолчал.

— Где сейчас находится подпоручик Хаттори? — спросил Грибанов.

— О, ха, подпоручик пропал без вести в первый день высадки вашего десанта.

— Еще один фокус, — сокрушенно сказал майор Грибанов полковнику Воронову. — Переводчик, который был приставлен к нам и потому знал хорошо о положении пленных, оказывается пропал без вести в бою! Ну и ну!

— Ничего, разберемся, — пообещал полковник Воронов. — Сейчас нужно дать радиограмму флагману. А пока будет подходить десант, нужно побывать у командующего, уточнить все детали относительно места сбора их войск для разоружения. Переведите полковнику, что мы требуем доставить нас к японскому командующему.

Полковник Янэока с мрачным вниманием выслушал Грибанова.

— Для этого мне необходимо связаться с господином командующим, — сказал он, — и получить его разрешение.

— Хорошо, связывайтесь, — сказал полковник Воронов, — а пока прикажите вашему адъютанту сопровождать нас по территории базы и показать все важнейшие объекты.

Больше часа продолжался осмотр телефонной станции, складов, казарм, офицерских домов, расположенных на территории базы. Всюду было пустынно, везде виднелись следы поспешного ухода бывших владельцев базы. Только на телефонной станции у коммутаторов сидели два солдата. Они в страхе вскочили со своих мест при появлении советских офицеров и вытянулись по команде «смирно».

— Садитесь! — приказал майор Грибанов. — Продолжайте выполнять свои обязанности, пока вас не заменят русские телефонисты.

Когда офицеры вернулись к штабу, здесь у подъезда стояла грузовая автомашина.

— Что за машина, откуда? — спросил майор Грибанов у шофера.

— Русских привезла, — ответил шофер, взяв под козырек.

— Каких русских, откуда?

— От господина командующего.

— Ничего не понимаю! — Грибанов повернулся к полковнику Воронову. — Говорит, привез русских, от командующего. Может быть, парламентеры с плацдарма?

— Возможно. Спросите, где они сейчас?

— Они у господина начальника штаба, — ответил японец.

В эту минуту через открытую дверь послышался гулкий топот ног в коридоре. Офицеры повернулись и остолбенели: первым из дверей выбежал капитан Воронков в измятом кителе, за ним показалась Андронникова в застегнутой на все пуговицы шинели и при погонах, последним бежал Борилка с забинтованной головой.

— Друзья! — прогремел ликующий бас Грибанова, и он широко раскинул руки, словно готовясь обнять всех сразу. — Наденька!

Андронникова без слов упала в его объятия, прижалась лицом к широкой его груди и разрыдалась.

— А Стульбицкий? — спросил Грибанов, когда немного улегся шум встречи.

— Умер, — сурово сказал Борилка. — На допросе меня избил Кувахара, я потерял сознание. Очнулся в карцере жандармерии. Со мной Стульбицкий. Его поместили со мной для острастки, чтобы согласился стать шпионом. А он и не выдержал. Сердце разорвалось.

— Товарищи, время не терпит. — Полковник Воронов посмотрел на часы. — Впереди у нас вечность, а сейчас дорога каждая минута. Отправляйтесь, друзья, на корабль, — с усмешкой он показал на «морской охотник». — Да скажите, чтобы вас там накормили хорошенько. Что, сыты? Тогда гуляйте здесь, а нам нужно к командующему.

Когда офицеры вошли к начальнику штаба, полковник Янэока встретил их низким поклоном. Он сказал:

— По поручению господина командующего приношу от его имени глубокое извинение: он не может принять вас, господа офицеры, ввиду своего болезненного состояния. Но господин командующий полагает, что к концу дня он будет лучше себя чувствовать и сам прибудет на корабль к советскому командующему. Что касается разоружения японских войск, то господин командующий приказал мне сообщить вам, что войска собраны на аэродроме и ждут представителей советского командования, чтобы сдать оружие.

— Все ясно, — коротко бросил полковник Воронов. — Даем радиограмму флагману.

Для Грибанова весь мир отодвинулся на второй план. На первом была Наденька Андронникова. Вышел из штаба, а на крыльце — она. Он ненасытно смотрит в ее чудесные глаза, на выбивающиеся из-под берета шелковистые прядки ее волос и не может ни о чем думать, кроме как о ней.

Вчетвером они прогуливались по плацу базы, как вдруг увидели группу людей на дороге, ведущей к интендантским складам. Люди приближались к плацу смелой, решительной походкой.

— Братцы, так это же отряд Ли Фан-гу и Тиба! — вскричал Грибанов. — Ура партизанам!

Да, это были партизаны острова Минами, славные ге-

рои подполья. Их было совсем немного, но как же много они сделали! Грибанов пошел им навстречу. Партизаны узнали его еще издали и подняли вверх кулаки.

Встреча произошла посредине плаца. Партизаны взяли под козырек, потом первым кинулся к Грибанову Тиба. Радостные возгласы, крепкие объятия. Грибанов прослезился. Заблестели росинки и на глазах подпольщика Тиба и железного Ли Фан-гу.

— Хо! Теперь я верю, что увижу родину, — смеялся Ли Фан-гу, смахивая украдкой слезы с глаз.

Но разговаривать Грибанову и на этот раз долго не пришлось. К ним бежал старший лейтенант Суздальцев.

— Товарищ майор, получено приказание командующего: полковнику Воронову и вам немедленно выехать на аэродром для участия в разоружении японцев.

— А ты не поедешь?

—Такого приказания не было.

— На твое попечение передаю этих товарищей, — он указал на партизан. — Это те самые железные люди, о которых я тебе рассказывал.

— Да ну?! Вот здорово! Есть принять на попечение! — Суздальцев лихо взял под козырек.

На аэродроме, расположенном неподалеку от северного подножия вулкана Туманов, выстроились почти на километр шеренги японских солдат при всем вооружении и амуниции. Впереди — командиры подразделений, офицеры штаба, представители командования гарнизона. Напротив, по другую сторону взлетной бетонированной ленты, — десятка два советских офицеров и шеренга броневиков. Было солнечно, жарко.

— Все в порядке? — спросил полковник Воронов командира полка, которому было поручено обеспечить приемку оружия от японцев.

— Так точно, товарищ полковник, — ответил тот.

— Иннокентий Петрович, объявите японцам, чтобы начали складывать оружие.

Грибанов передал японскому полковнику-коротышу команду — складывать оружие. Японец откозырял и повернулся к своим войскам.

— По приказанию его величества императора... — выкрикивал он, и его слова, как эхо, убегали вправо и влево, передаваемые офицерами. — Во избежание ненужного кровопролития японские войска... установили

перемирие с советскими войсками... В связи с этим приказываю... всем сложить оружие... банзай!*

— Банзай! — нестройным хором троекратно повторили войска.

Потом первая шеренга сделала пять шагов вперед, нагнулась, словно делая гимнастическое упражнение, и снова выпрямилась. На бетоне аэродрома остался ровный ряд винтовок, патронных сумок и ремней. Первая шеренга вернулась на свое место, и сквозь нее вышла вперед вторая и проделала то же самое, потом — третья и четвертая шеренги. Все офицеры, за исключением полковника, подошли к столу, за которым находилось советское командование, и сложили свои пистолеты. Сабли, по условиям капитуляции, оставались при офицерах.

Снова зычные голоса команды, и колонна японских солдат уныло тронулась к казармам аэродрома. В последней шеренге майор Грибанов увидел и своих знакомых — рядового Комадзава и ефрейтора Кураока, привезенных к моменту разоружения с нашего судна.

А спустя три часа, когда группа офицеров во главе с полковником Вороновым и вызволенными из плена советскими людьми уже прибыла на флагманский корабль, все увидели утлую десантную баржу, движущуюся от берега к кораблю. Издали она казалась пустой. Но чем ближе подходила баржа к кораблю, тем яснее вырисовывалось что-то посреди нее, на дне. Немало было смеха на палубе флагмана, когда все разглядели на дне корытообразной посудины человека в широкой накидке, сидящего в кресле и величаво положившего ладони на поставленную впереди торчком самурайскую саблю. Это был генерал-майор Цуцуми Нихо.

Позади, у кормовой надстройки, стоял навытяжку офицер, по-видимому, адъютант командующего.

Баржа сделала крутой разворот и пристала к борту флагмана в том месте, где был к этому времени спущен парадный трап. Генерал-майор Цуцуми, ни на кого не обращая внимания, величественно встал, сделал вялое движение, отбрасывая полы накидки. В ту же секунду за его спиной оказался адъютант, принял накидку и очень быстрым движением приколол на левую сторону генеральского кителя большую планку с дюжиной раз-

---

* Банзай — *(японск.)* — Ура!

ноцветных орденских колодок, прицепил саблю. Не поднимая глаз, генерал Цуцуми уверенно подошел к трапу и неторопливо, во всем блеске, поднялся на палубу. Тут его уже поджидал советский командующий. Японец встал по команде «смирно» против советского генерала, откозырял и, бесстрастно глядя ему в лицо, доложил:

— Господин командующий, прибыл в ваше распоряжение.

С этими словами он отцепил саблю, пистолет, взял их на дрожащие ладони, как на поднос, и с поклоном подал советскому генералу. Тот, принимая оружие, сказал:

— Благодарю за разумный шаг, господин генерал. Прошу принять личное оружие обратно. Таково условие капитуляции.

— Ха, благодарю, господин командующий, — поклонился в пояс генерал-майор Цуцуми и принял оружие.

— Надеюсь, — продолжал советский генерал, — мы никогда больше не поднимем оружия друг против друга?

— О, ха! Согласен с вами, Ниппон и Россия — хорошие соседи! — льстиво пролепетал Цуцуми.

После обеда Грибанов и Андронникова вышли на палубу. Солнце близилось к горизонту, вечер на море стоял тихий и ясный. Охотское море отливало оранжевой позолотой, его отшлифованная гладь как бы подрезала громаду гор. Остров был виден очень ясно в остывающих огненных лучах солнца. У берега бухты Мисима столпились советские десантные суда. На плацу, на дороге, ведущей в долину Туманов, все двигалось — там высаживались наши войска. А над базой, на вышке бывшего здания жандармерии, колыхался огненный советский флаг.

— Вот и кончилась война! Даже не верится, что эта, теперь родная, земля была еще вчера для нас страшным местом, — тихо проговорила Андронникова.

— А я, знаешь, Наденька, не могу отделаться от мысли о Кувахара. Сбежал! Ты понимаешь, до тех пор, пока он с жандармами ходит на свободе, люди не могут оставаться спокойными за себя и за своих детей.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна Красного озера

Падение Тисима-Реттó

